

ISSN 1563-0323, eISSN 2618-0782

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Филология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия филологическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

EURASIAN JOURNAL

of Philology: Science and Education

№4 (180)

Алматы
“Қазақ университеті”
2020

ISSN 1563-0323, eISSN 2618-0782

ХАБАРШЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ №4 (180) желтоқсан

04. 05. 2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16497-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Ибраева Ж.К., ф.ғ.д., профессор м.а. (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Джолдасбекова Б.У., ф.ғ.д., профессор (ғылыми редактор)
(Қазақстан)

Досанова А.М., PhD, аға оқытушы (ғылыми редактордың
орынбасары) (Қазақстан)

Адилбаева У.Б., ф.ғ.к., доцент (Қазақстан)

Алинтаева Л. Т., ф.ғ.к., доцент м.а. (Қазақстан)

Баянбаева Ж.А., ф.ғ.к., доцент м.а. (Қазақстан)

Аймагамбетова М.М., PhD, доцент м.а. (Қазақстан)

Мадиева Г.Б., ф.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Темірболат А.Б., ф.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Саткенова Ж.Б., ф.ғ.к., доцент (Қазақстан)

Таттимбетова Қ.Ө., PhD, доцент м.а. (Қазақстан)

Донна Орвин (Donna Orwin), доктор, профессор, Торонто
университеті (Канада)

Евдокимова С.Б., PhD, доцент, Браун университеті (АҚШ)

Жаң Жин Жин (Jean Zhin Zhin), доктор, профессор,
Пекин ұлттық орталық университеті (Қытай)

Барабаш В.В., ф.ғ.д., профессор, Ресей халықтар достығы
университеті (Ресей)

Морхье Пост (Margje Post), PhD, доцент, Берген
университеті (Норвегия)

Насие Йылдыз (Nasiye Yildiz), доктор, профессор, Гази
университеті (Түркия)

Риверс Уильям П. (Rivers William P.), доктор, профессор,
Ұлттық кеңес және тілдерді дамыту жөніндегі халықаралық
оқыту (АҚШ)

Кайс Амер Кадим (Kais Amer Kadhim), доктор, қауымд.
профессор, Сохар университеті (Оман Сұлтанаты)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Тонкер А., оқытушы (Қазақстан)

“Филология сериясы” қазіргі тіл білімі мен әдебиеттану және аралас мамандықтардың өзекті мәселелерін жариялауға арналған.

Министерство образования и науки
Республики Казахстан
Официальный интернет-ресурс
Комитета по контролю в сфере
образования и науки

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

ҚАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
БАСПА ҮЙІ

Жоба менеджері

Гульмира Шаққозова

Телефон: +7 747 125 6790

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева

Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 14099

Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 21,0 б. т. Тапсырыс № 15942.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
“Қазақ университеті” баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

“Қазақ университеті” баспа үйінің баспаханасында
басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2020

1-бөлім
ТІЛ БІЛІМІ

Section 1
LINGUISTICS

Раздел 1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

G.B. Madiyeva * , **A.K. Karaman**

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
*e-mail: gbmadiyeva.kz@gmail.com

ENGLISH ANTHROPONYMS: THEIR FEATURES AND USAGE AS A LINGUISTIC RESOURCE

The article touches upon the teaching a foreign language in secondary schools is a communicative orientation. Knowledge gained in the course of acquaintance with such a narrow topic as “anthroponyms in English” contributes to a more conscious approach to the process of learning English and can help the student to be more interested in the work process. As it is known, anthroponyms have a special place in any culture, including English, so it is imperative to know their use in speech, since it is difficult to imagine communication without proper names. At present, it can be stated that anthroponymics has an interdisciplinary nature, since it unites not only linguistic paradigms, but also a number of other areas of science: cultural studies, history, ethnography, sociology, psychology, and others. This factor is due to the specificity of this linguistic concept from the grammatical, semantic, historical, cultural and psychological points of view. This article examines the concept of anthroponym and its main characteristics. In this regard, the use of anthroponyms in classrooms allows not only to motivate students to the language, but also to learn the culture of native speakers. Consequently, anthroponyms are one of the most significant linguistic resources for the development of educational assignments, scientific projects on various linguistic topics of mastering the English language. The practical significance of the study lies in the fact that its results can be applicable both in the practice of using English anthroponymic dictionaries and in their compilation.

Key words: anthroponym, onym, mythonym, onomasticon, proper name, linguistic resource, teaching a foreign language.

Г.Б. Мадиева*, А.К. Қараман

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
*e-mail: gbmadiyeva.kz@gmail.com

Шет тілінің антропонимдері: ерекшеліктері және тілдік қор ретінде қолданылуы

Мақалада жалпы білім беретін оқу орындарында шет тілін оқытудың негізгі мақсаттарының бірі – коммуникативтік бағыт. “Шет тілінің антропонимдері” сынды аз зерттелген тақырыппен танысу кезінде алынған білім ағылшын тілін үйрену процесіне саналы көзқарас қалыптастырады және өз кезегінде білім алушыға оқу процесіне айтарлықтай қызығушылығын арттыруға көмектеседі. Қазіргі уақытта антропонимика пәнаралық сипатта болады деп тұжырымдауға болады, себебі ол тек лингвистикалық парадигмаларды ғана емес, сонымен қатар ғылымның бірқатар басқа салаларын да қамтиды: мәдениеттану, тарих, этнография, әлеуметтану, психология және тағы да басқалары. Сонымен қатар, антропонимдер кез келген мәдениетте, соның ішінде ағылшын тілін меңгеру барысында маңызды рөл атқарады, сондықтан олардың сөйлеу кезінде қолданылуын білу маңызды. Бұл фактор осы лингвистикалық тұжырымдаманың грамматикалық, семантикалық, тарихи, мәдени және психологиялық тұрғыдан ерекшелігімен байланысты. Мақалада антропоним ұғымы және оның негізгі сипаттамалары қарастырылады. Жалқы есімдерсіз өмірді елестету мүмкін емес. Себебі олар маңызды ақпарат көзі болып табылады, оның шебер қолданылуы зерттеліп отырған тілдің қазынасына терең енуіне септігін тигізеді. Демек, антропонимдер – ағылшын тілін меңгерудің түрлі лингвистикалық тақырыптары бойынша тапсырмаларын, ғылыми жобаларды жасау үшін ең маңызды лингвистикалық ресурстардың бірі. Зерттеудің практикалық маңыздылығы – оның нәтижелері ағылшын антропонимдік сөздіктерін қолдану тәжірибесінде де, оларды құрастыруда да пайдалы болу мүмкіндігінде.

Түйін сөздер: антропоним, оним, жалқы есім, мифоним, ономастикон, тілдік қор, шет тілін оқыту.

Г.Б. Мадиева*, А.К. Караман

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

*e-mail: gbmadiyeva.kz@gmail.com

Английские антропонимы: свойства и их использование в качестве языкового ресурса

В статье рассматриваются основные цели обучения иностранному языку в общеобразовательных школах – коммуникативная направленность. Компетенции, полученные в ходе знакомства с такой узкой, но важной темой, как “антропонимы в английском языке”, способствуют более осознанному подходу к процессу изучения английского языка и могут, в свою очередь, повысить заинтересованность ученика иностранным языком. В настоящее время можно констатировать, что антропонимика имеет междисциплинарный характер, поскольку объединяет не только лингвистические парадигмы, но и ряд других сфер науки: культурологию, историю, этнографию, социологию, психологию и другие. Как известно, антропонимы играют важную роль в любой культуре, в том числе и в английской, поэтому крайне необходимо знать их использование в речи, поскольку трудно представить коммуникацию без имён собственных. Этот фактор связан с особенностями данного лингвистического понятия в грамматическом, семантическом, историческом, культурном, психологическом аспектах. В связи с этим использование антропонимов на учебных занятиях позволяет не только мотивировать учащихся к познанию языка, но и познать культуру носителей языка. Следовательно, антропонимы являются одним из значимых языковых ресурсов для разработки учебных заданий, научных проектов по различным лингвистическим темам усвоения английского языка. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть продуктивными как в практике использования английских антропонимических словарей, так и при их составлении.

Ключевые слова: антропоним, оним, мифоним, ономастикон, имя собственное, языковой ресурс, преподавание иностранного языка.

Introduction

Anthroponyms play a special role in the context of the study of foreign languages. The most interesting for the analysis is their position in the framework of acquaintance with English as a foreign language.

For a better understanding of the origin of English proper names, as in the culture of other peoples, one should turn to the history of the emergence of the English-speaking countries themselves. So, the first settlers of the British Isles are considered Anglo-Saxons. The anthroponymy system of the Anglo-Saxons was quite simple: it contained a single integral nominal part – the first name. By now, almost all Anglo-Saxon names have fallen out of use (Searle W. G., 2011: 662).

The Celtic tribes that organized the invasions of the British Isles around AD 700 communicated in various “dialects”. The names of the most ancient origin mainly denoted the qualities of their carriers, described the character, compared the referent with animals or natural phenomena. Arthur – “strong as a bear”, Kevin – “gentle”, Eden – “rich” and etc (Ekwall E., 1947: 207).

Looking at the basics of personal names in different peoples, we can find typological similarity, which is probably the result of borrowing, mutual influence, of names of different language systems

and the result of similar independent development. This similarity is found in two aspects: in the use of the same parts of speech in their formation, and in the use of words of certain lexical fields for this purpose. As S.I. Garagulya notes, the subclass of personal names is constantly updated, and subject to the same dynamic processes of development, re-interpretation, and metaphorization as the class of names in general (Garagulya S.I., 2010: 126). As a consequence, one of the priority problems in the field of onomastics is the study of the origin and development of proper names. One of the topical issues of modern anthroponymy is the structural and linguistic specificity of a personal name, which implies its difference from other onomastic categories, such as: toponymy, zoonymy, astronomy, ethnomy, and others, as well as the difference from a common name.

Experiment

Researchers in the field of anthroponymy are called anthroponymists. Since the study of anthroponyms is also relevant for several other disciplines within social sciences and humanities, experts from those disciplines also take part in anthroponymic studies, including researchers from the fields of anthropology. After the Norman invasion, Old English names gradually began to lose their popularity, and

they were replaced by onomastic constructions borrowed from the French language. Names such as Richard, Robert, William, Hugo, as well as names of biblical origin – Thomas, John and Peter – began to be used in the naming system more and more. The most intensive assimilation of names with “Old French” roots took place in the ruling circles and the upper strata of society.

The next period, which can also be identified as a turning point in the history of anthroponymy, is the Renaissance. Vanessa (the heroine of the poem “Cadenus and Vanessa” by Jonathan Swift), Stella and Pamela (characters in the novels and sonnets of Philip Sydney), as well as many names from the novels of Walter Scott – Amy, Lancelot, Nigel – have become popular in society not only as fictitious names literary heroes but also as names of people in real life (Windt B., 2005: 43-63).

The Puritans invented “divine” names – Faith, Hope, Ashes, Delivery, Joy Again, Praise-God – however, more euphonious names and less similar to common nouns were also found among them – Abraham, Benjamin, Elihu, Isaac, Samuel. It is the last group of names that is still considered quite common in the United States of America (Gasque Th. J., 2010: 87-106).

Based on the study of the material on the origin of English-language names, we can draw the following conclusions about the ways of their appearance in the language:

1. first, onyms are concepts obtained through the use of associative thinking. It turns out that many anthroponyms are obtained due to the semantic transition of common nouns into proper names;
2. secondly, new proper names in the language system may appear in the course of borrowing already existing names from another language system;
3. and, thirdly, the onomasticon (or nominal fund) will expand due to the invention of new names, based on the existing lexical system of the native language.

The modern “nominal fund” of English-speaking countries is a collaboration of historically conditioned onyms with actual anthroponyms, invented in our time using various word-formation processes. And it is important to note that the modern English anthropogenic system is also greatly influenced by changes in both the social system and, for example, the class structure in the countries of the target language.

In a speech context, proper names are used quite often. For example in fiction 2.5 – 3% of the entire narrative is occupied by anthroponyms. Names are used more often in everyday communication.

The English full name is compound, as it can include several components, for example, Jack London, Rudyard Kipling (full name – Joseph Rudyard Kipling), Agatha Mary Clarissa Miller (later Christie – Agatha Mary Clarissa Chrisite) or Francis Scott Fitzgerald (whose full name consisted of four parts, not three, as is commonly believed – Francis Scott Key Fitzgerald).

Little attention is paid to anthroponyms as a specific linguistic category in the course of studying educational material. This opinion is completely subjective, therefore, in order to objectively assess the role of onyms in the learning process, one should remember where students can meet this topic in the educational process (Siefing J., 2004: 340).

The most important role we are considering proper names – anthroponyms – play in the study of philological subjects – history, literature, foreign languages. In the first case, a high concentration of proper names falls on the names of specific individuals who left their mark on the development and formation of a particular state. Historical proper names simply call certain individuals, and their use only employs students’ skills of comprehension, memorization and assimilation. Additional analysis should not be carried out when encountering personal names in history lessons.

When teaching English, onyms play an important role, activating students’ skills of comprehension, memorization and assimilation. In the process of studying this subject, mastering of correctly built primary systematized processes of speech, reading and writing is carried out. The development of the ability to use the knowledge gained – the ability to grammatically, phonetically and punctually correctly build speech, based on the necessary language rules – is the main task of a teacher of a foreign language. As an assistant in the process of mastering any of the mentioned skills, you can use examples from the system of English anthroponymy.

For example, the names Baz, Pat, Tess, Adam, Jig, at first glance, are the simplest examples of onyms. However, let us pay attention to the fact that when using these names in speech, the child unconsciously learns various ways of pronouncing sounds. He subconsciously analyzes the difference in the pronunciation of the explosive phoneme [b] in the name Baz and his voiceless pair [p] used in the onym Pat; the difference between stressed and unstressed vowels in the name Adam, which, it turns out, depending on the position in the word, can sound like an open sound [æ] in the first case and unstressed [ə] in the second. Schoolchildren learn to pronounce completely

new sound signs that do not exist in their first language system.

Anthroponyms often appear as part of phraseological units in English lessons. The study of phraseological aspects of the language within the framework of one subject discipline also makes it possible to expand the student's knowledge in such areas as history and culture. Phraseological turns, which include proper names, always have a figurative meaning. Analysis and memorization of such linguistic units contribute to: a) expansion of the student's vocabulary; b) the development of the ability to analyze (since when studying phraseological units, one can invite students to first guess independently about the meaning hidden in the studied phraseological phrase); c) activation of meta subject connections in the learning process.

Often, in order to understand a particular speech turnover used in English, it is necessary to refer to its origin. For example, translating Joe Miller's personal name may not be an easy task. In modern English, the use of this anthroponym means "to joke flatly", "to resort to a hackneyed anecdote" – "You're not so dull, to borrow a very old Joe Miller, when you're silent" ("And you're not that stupid, as the old joke says when you keep quiet"). To understand such a translation of a seemingly simple name, you need to know the fact that Joseph Miller was the first person to publish his collection of jokes in the 18th century and became the first famous comedian (Birch W. de Gray., 1964: 696).

As part of the school curriculum, the expansion of the stock of onomastic vocabulary contributes to the mastery of the studied discipline at the highest level. A detailed acquaintance with the system of personal names plays a favourable role in improving the language culture of schoolchildren, helps students to more easily operate with speech instruments, and also develops not only oral communication but also the written form.

The results obtained from the process of studying the system of English-language onyms in foreign language lessons and their detailed analysis suggest that after mastering the taught material, students will be able to operate with the received universal knowledge (informational, organizational, logical skills), which will allow them to continue the process of successful independent education.

The above possibility of a comprehensive study of onyms in the intersection of several academic disciplines only confirms the relevance of studying this linguistic direction in the practice of teaching compulsory educational material in secondary schools.

It turns out that the study of the science of anthroponyms once again proves the possibility of a more laconic fulfilment of educational tasks that the teacher sets himself when starting the learning process.

Results and discussion

The results of the analysis can be stated as follows: onomastics captures a wide range of issues and educational problems that it can solve. As a section of linguistic science is also responsible for the development of students' ability to communicate, successful interaction, for expanding the horizons and general awareness of schoolchildren about objects and phenomena of the surrounding world, the ability to conduct deep and detailed analysis and research using the inductive method. Questions directly related to the anthroponyms are found in the Olympiad tasks, which helps to develop the creative potential of students, and can also be used in work on a scientific project or in scientific research, which also contributes to the formation of high cognitive activity of the student.

For more effective work with students, the examples from the system of English anthroponymy should be used, which are suitable at any stage of learning English. Modern methodologists believe that an English lesson must necessarily begin with a small speech warm-up – "Warming-Up" (Gorbanevsky M.V., 1987:156). The teacher can invite students to memorize short rhymes in which English anthroponyms are used, and start each lesson by pronouncing them. In the course of this assignment, students under the supervision of an English teacher will improve their speaking skills and increase their knowledge of the phonetic side of the foreign language being studied. This technique is applicable to students at any level of general education schools.

For example, you can memorize this short children's song:

Little Tommy tittle mouse
Lived in a little house;
He caught fishes
In other men's ditches

This warm-up option is suitable for junior students (4th grade, for example) since the language of the song is quite simple and the general meaning is unpretentious. A short quatrain is used to train the correct pronunciation of the alveolar sounds [t] and [l]. The task of the teacher, in this case, is to draw the attention of schoolchildren to the peculiarity of setting the language when reproducing the aforementioned phonemes, to explain to the students

what “alveoli” are, and to consider in detail the differences in the sound between a dull sound [t] and a voiced sonorant [l] – and English sounds. (Salimova D. A., 2008: 112).

The system of English anthroponymy is often used in conducting English lessons, starting with the use of the simplest names in the process of first acquaintance with a foreign language system and ending with the morphological, syntactic and grammatical analysis of onyms. Revealing hidden concepts, English proper names allow us to trace the formation of interdisciplinary connections of the English language with such academic disciplines as history, geography.

Anthroponyms in the lesson can be:

1. as part of a phraseological unit

(biblical + common nouns, mythonyms + common nouns, as well as persons of mixed type, who have lost the direct nominative and identifying the function of personal names and have passed into the category of common nouns);

2. as an important aspect of translation activities. When translating, students need to remember that proper names change their phonetic structure, sometimes they can acquire additional emotional significations, in connection with which it is necessary to pay attention to the context of the use of onyms;

3. in the role of a part of the speech warm-up, which trains students’ speaking and communication skills. The simplest form of anthroponyms in such cases helps to pay more attention to the phonetic side of their use (Sattarov G.F., 1992: 240).

1) Speaking and pronunciation exercise

Some first names are easy to pronounce (e.g. Sally or Peter), but there are some which are difficult to pronounce correctly (e.g. Sean or Laura). And pronunciation of these words can appear in other words, that is why the following exercise is very helpful.

The teachers turn on the audio or pronounce names, and students have to spell the name correctly, then pronounce the names and give examples of the words that have the same spelling and pronunciation.

Some problems with spelling and finding the words with the same spelling and pronunciation can appear during making the exercise. However, it is natural, because students think that if the words have the same pronunciation of sounds, then they

have to have the same spelling of these sounds. To solve this problem named exercise and other spelling exercises should be done more.

2) Grammar exercise

Anthroponyms are also helpful to practice grammar with children of primary school. As it is hard for them to make complicated sentences, English names will make setting sentences easier.

The teacher gives the list of names and tenses, students make sentences using anthroponyms and tenses practising grammar.

Conclusion

The work considered the specific type of the class “proper names” – anthroponyms – and their features in general, and the emphasis was placed on the onyms of English origin, their functions in speech and the role played by them in English lessons were also determined.

At the initial school stage, tasks for the spelling of anthroponyms, the study of the simplest English-language texts with the use of onyms in them, the use of personal names in basic communication and the construction of elementary dialogues between students are effective.

At the middle stage of learning, productive tasks in the study English using the anthroponymy system are considered: analysis of the phonetic component of onyms, the use of short English poems on the subject and tongue twisters in the classroom as a speech warm-up.

The use of anthroponym in English lessons contributes to an increase in the level of general literacy and culture of students. Teachers can use didactic materials in their work, including the active use of onyms: sayings, poems aimed at working out the phonetic component of onyms, as well as any excerpts from literary texts that allow you to analyze the stylistic potential of onyms in literature.

In the course of the study, it was proved that English anthroponyms are, first of all, the object of the study of linguistics, they have a rich linguocultural and stylistic potential that contributes to the general development of the student’s personality, his literacy and culture. The study of personal names in English lessons in a secondary school motivates students, is of great practical importance and contributes to the general cultural development of the student’s personality.

Литература

- Cartularium saxonicum: сборник хартий по англосаксонской истории // Johnson Reprint Corporation. – 1964. – 696 с.
- Виндт Б. Обзор литературной ономастики в контексте теории литературы // *Onoma: Journal of the International Council of Onomastic Sciences (Leuven)*. – 2005. – С. 40, 43–63.
- Гарагуля С.И. Антропонимия в лингвокультурном и исторических аспектах. – Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 126 с.
- Горбаневский М.В. В мире имен и названий / М. В. Горбаневский. – М.: Знание, 1987. – 156 с.
- Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теоретические основы ономастики. – Алматы: Арыс; Волгоград: Перемена, 2011. – 280 с.
- Мордвинова Н.Г. Словесные товарные знаки алкогольных напитков: на материале русского, чувашского, французского, итальянского, испанского, немецкого и английского языков (кандидатская диссертация). – Чебоксары, 2008. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/slovesnye-tovarnye-znaki-alkogolnykh-napitkov-na-materiale-russkogo-chuvashskogo-frantsuzskogo>
- Оксфордский словарь идиом / Под редакцией Дж. Сифринга. – Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. 2004. – 340 с.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука. 1988. – 192 с.
- Салимова Д.А. Антропонимия романов Д.И. Стахеева / Д.А. Салимова, Г.Р. Патенко. – Елабуга: Изд-во Елабуж. госпедуниверс., 2008. – 112 с.
- Саттаров Г.Ф. Татарская антропонимика / Г. Ф. Саттаров. – Казань: ТКИ, 1992. – 240 с.
- Сирл У.Г. Ономастика. Англосаксонизм: Список англосаксонских имен собственных со времен / Cambridge University Press. – 2011. – 662 с.
- Суперанская А.В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1984. – 182 с.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 367 с.
- Эквалл Э. Ранние лондонские личные имена. – Швеция: Лунд, 1947. – 207 с.
- Gasque Th. Дж. Американское общество имен и международная ономастика // *Onoma: Journal of the International Council of Onomastic Sciences (Leuven)*. – 2010. – С. 45, 87-106.
- Trademarks // The virtual patent office Bohemia Patent, 1998. Retrieved from http://www.patent.cz/english/i_tm.htm

References

- Birch W. de Gray. (1964) *Cartularium-saxonicum: a collection of charters relating to Anglo-Saxon History*. Johnson Reprint Corporation, 696 p.
- Ekwall E. (1947). *Early London Personal Names*. Sweden: Lund, 207 p.
- Gasque Th. J. (2010). The American name society and international onomastics. *Onoma: Journal of the International Council of Onomastic Sciences (Leuven)*, Vol 45. 87-106 p.
- Garagulya S. I. (2010). *Antroponimiya v lingvokul'turnom i istoricheskikh aspektakh [Anthroponymy in linguocultural and historical aspects]*. Knizhnyy dom LIBROKOM, 126 p. (in Russian)
- Gorbanevsky M. V. (1987) *V mire imen i nazvanii [In the world of names]*. M.V. Gorbanevsky. Moscow: Znanie, 156 p. (in Russian)
- Madiyeva G.B., Suprun V.I. (2011). *Teoreticheskie osnovy onomastiki [The Theoretical Fundamentals of Onomastics]*. Almaty: Arys; Volgograd: Peremena, 280 p. (in Russian)
- Mordvinova N.G. (2008). *Slovesnye tovarnye znaki alkogol'nykh napitkov: na materiale russkogo, chuvashskogo, francuzskogo, ital'yanskogo, ispanskogo, nemeckogo i anglijskogo yazykov (Candidate dissertation) [Verbal trademarks of alcoholic drinks: on the material of Russian, Chuvash, French, Italian, German and English languages]*. Cheboksary. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/slovesnye-tovarnye-znaki-alkogolnykh-napitkov-na-materiale-russkogo-chuvashskogo-frantsuzskogo> (in Russian)
- Podolskaya N.V. (1988). *Slovar' russkoj onomasticheskoe terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]*. M.: Nauka, 192 p. (in Russian)
- Salimova D.A. (2008). *Antroponimiya romanov D.I. Stakheeva [Anthroponymy of D.I. Staheev's novels]*. D.A. Salimova, G.R. Patenko. Yelabuga: Yelabuga State Pedagogical University publishing house, 112 p. (in Russian)
- Sattarov G. F. (1992). *Tatarskaya onomastika [Tatar onomastics]*. G.F. Sattarov. Kazan: TKI, 240 p. (in Russian)
- Searle W. G. (2011). *Onomasticon Anglo-Saxonicum: A List of Anglo-Saxon Proper Names from the Time of Beda to That of King John*. Cambridge: Cambridge University Press, 662 p.
- Siefring J. (2004). *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press, 340 p.
- Superanskaya A.V. (1984). *Shto takoe toponimika [What is toponymy?]*. A.V. Superanskaya. Moscow: Nauka, 182 p. (in Russian)
- Superanskaya A.V. (2007). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General Theory of Proper Names]*. M.: Izdatel'stvo LKI, 367 p. (in Russian)
- Trademarks. (1998). *The virtual patent office Bohemia Patent*. Retrieved from http://www.patent.cz/english/i_tm.htm
- Windt B. (2005). An overview of literary onomastics in the context of literary theory. *Onoma: Journal of the International Council of Onomastic Sciences (Leuven)*. Vol. 40. 43-63 p.

К.А. Ashinova

Ablai khan Kazakh University of International Relations
and World Languages, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: kunipa_almaty@mail.ru

INTERNATIONAL TERMS IN DIPLOMACY

This article discusses the main sources of diplomatic terminology. The historical development of diplomacy has its own contribution to language development. In accordance with their structure the compound and complex international diplomatic terms in Kazakh language were divided into two groups. There are terms in which both components come from other languages, and other terms in which one component is a borrowed word and the other component is a national word. The international terms in English are divided into groups depending on the coincidence of their terminological meanings. As a branch of science, the diplomatic terminology consists of three groups of terminological vocabulary: diplomatic terminology, terminology of international law and socio-economic terminology. In the Kazakh language the separate words are not often used to describe the borrowed words, basically the phrases from the national vocabulary. These phrases are combined in compliance with the requirements for the terms, and the equal attention is paid to both their semantic and structural features. The article examines the place of diplomatic terms in the national lexicon of the modern Kazakh language. The procedure of adopting international terms is still in progress because it is complicated, voluminous process and requires complex study. This article is based on the available literature on this topic.

Key words: concept, terminological meaning, borrowed word, compound word, diplomatic correspondence, derivation, international terms.

К.А. Ашинова

Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: kunipa_almaty@mail.ru

Дипломатия саласындағы халықаралық терминдер

Бұл мақалада дипломатия саласындағы терминологияның негізгі көздері қарастырылады. Дипломатияның тарихи дамуының тілдің дамуына өзіндік үлесі бар. Қазақ тіліндегі күрделі кірме халықаралық дипломатиялық терминдер құрылымына қарай екі топқа жіктеп қарастырылды. Олар екі компоненті де өзге тілден енген және бір компоненті кірме сөзден, екіншісі төл сөзден тұратын терминдер. Халықаралық терминдер ағылшын тілінде терминдік мағыналарының сәйкес келуі немесе келмеуіне қарай топтарға бөлінді. Ғылым саласы ретінде дипломатиялық терминология жалпы терминологиялық лексиканың үш тобынан тұрады: дипломатиялық терминология, халықаралық құқық терминологиясы және әлеуметтік-экономикалық терминология. Кірме терминге қазақша балама беруде көбінесе жеке сөз емес, сөз тіркестері алынады. Бұл сөз тіркестері сол күйінде алына салмайды, олар терминге қойылатын талаптарды сақтай отырып біріктіріледі. Сөз тіркесінен термин қалыптастыруда олардың мағыналық ерекшеліктеріне де, құрылымдық ерекшеліктеріне де бірдей назар аударылады. Мақалада қазіргі қазақ тілінің ұлттық лексикасындағы дипломатиялық терминдердің орны және халықаралық терминдерді ұлттық тілде қабылдау тәртібі қарастырылған, бұл процесс әлі жалғасуда. Бұл мақала тақырып бойынша қол жетімді әдебиеттер негізінде дайындалған.

Түйін сөздер: ұғым, терминологиялық мағына, кірме сөз, күрделі сөз, дипломатиялық хат алмасу, туынды сөздер, халықаралық терминдер.

К.А. Ашинова

Казахский университет международных отношений
и мировых языков им. Абылай хана, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: kunipa_almaty@mail.ru

Международные термины в дипломатии

В этой статье обсуждаются основные источники дипломатической терминологии. Историческое развитие дипломатии способствовало развитию языков. По своей структуре сложные и сложные международные дипломатические термины в казахском языке были

разделены на две группы. Есть термины, в которых оба компонента происходят из других языков, и другие термины, в которых один компонент является заимствованным словом, а другой компонент – национальным словом. Международные термины в английском языке делятся на группы в зависимости от совпадения их терминологических значений. Как отрасль науки дипломатическая терминология состоит из трех групп терминологической лексики: дипломатической терминологии, терминологии международного права и социально-экономической терминологии. В казахском языке не часто используются отдельные слова для описания заимствованных слов, в основном это фразы из национальной лексики. Эти словосочетания комбинируются в соответствии с требованиями к терминам, одинаковое внимание уделяется как их семантическим, так и структурным особенностям. В статье исследуется место дипломатических терминов в национальной лексике современного казахского языка. Процедура принятия международных терминов еще продолжается, потому что это сложный, объемный процесс и требует всестороннего изучения. Эта статья подготовлена на основе имеющейся литературы по данной теме.

Ключевые слова: понятие, терминологическое значение, заимствованное слово, сложное слово, дипломатическая переписка, деривация, международные термины.

Introduction

The main sources of diplomatic terminology are the national vocabulary, international terms and borrowed words. The borrowed words and international terms predominate in diplomacy, they are accepted thanks to the use of different linguistic approaches. According to O. Espersen's research, the borrowed words entered the English language from the classical languages in the 14th century. Especially between the XIV-XVI and XIX centuries their numbers increased significantly (Jespersen O., 1935: 305). Barfield O. says that the English vocabulary had a quarter of the total Latin vocabulary at that period (Barfield O., 1969: 54).

In ancient times the borrowed terms in English were accounted for 25% of the terminology, in the Middle Ages 28%, today 17%. In the XV-XVII centuries the most borrowed terms entered the English language. This can be attributed to the non-linguistic factors. In particular, that was directly related to the occupation of England by the Normans, the influx of the specialists from different continents (Budagov R. A., 1971: 27). The expansionist policy of the British state occupying colonies around the world was one of the reasons for the influx of foreign words and phrases into English language. Nevertheless those various foreign words enriched English vocabulary. Espersen O. believes that the commonality of international words in several languages is not the only condition, but also the transformation of international terms depends on the number of people who use them (Jespersen O., 1921: 11). The another evidence is the stabilization of the terms, it depends on the social situations including demographics. Worcester E. points out that it is necessary to consider the term that belongs to six main European languages as the international term (Wooster E., 1935: 120).

According to Sergentson M., the international terms are formed on the basis of scientific, political and cultural relations between people as a symbol of international European cultural ties, and also preserve the linguistic features of their origins (Serdjeantson M.S., 1968: 140). The Romanian researcher Pushkarin S. reports that if a borrowed word from other language has the ability to replace a national word, it is a process that depends on "functional weakness" of the words in the native language (Puscarin S., 1943: 252). According to Knignitskaya M.I., if the language accepts many foreign words there are "gaps", it means the language does not have enough words to convey certain lexical materials accurately, although they, a national word and a borrowed word, will be synonymous and have the same meanings, it is the transient phenomenon (Knignitskaya M.I., 1990: 55).

In the Middle Ages, Latin was the language of the scientific treatises. However, at that time Latin was not yet formed as the special scientific international language. The original meanings of many lexical units which became parts of the diplomatic terminology were different from the modern terminological meanings. For example, acclamation / lat. *acclamatio* – applause / – (an approval in some respects without a voting); demarcation / lat. *delimitatio* – set / – (to define a boundary) etc. The words that had entered from the Latin, French and other languages into the English language have undergone the phonetic and morphological changes, and in result the new derivative terms have been created. For example, *consul* – *consular*, *discriminate* – *discriminating*, *protocol* – *protocolar*, etc. In the 20th century the terms in the English language are derived from the Latin and French languages for the specific scientific purpose. For example, Eng. *accreditation*/ Lat. *accredere* – *trust*/; Eng. *confedera-*

tion/ Lat. *confoederatio* – union/; Eng. *paraph*/ Fr. *paraphe*/, etc. In the field of diplomacy, the Latin words with the suffixes *-us* are very common. Entering the English language, the Latin elements retain the suffixes *-us* in some words, but in most cases the suffix *-us* is not preserved. For example, in the terms Eng. *consensus* – Lat. *consensus*; Eng. *status* – Lat. *status*, etc., suffix *-us* is stored in the terms, but suffix *-us* is not stored in the following terms: Lat. *alternus* – Eng. *alternation*; Lat. *annexus* – Eng. *annexation*; Lat. *internuntius* – Eng. *internuncio*; Lat. *praerogativus* – Eng. *prerogative*, etc.

Many borrowed words from the French, German, and Italian languages into the English language are derived from the Latin language, in many cases they retain their morphological structures. For example, Eng. *condominium* – Germ. *condominium* – Lat. *con* (together) + *dominium* (power) (*condominium* – joint ownership of land by two states); Eng. *nuncio* – Ital. *nunzio* – Lat. *nuntius* (*nuncio* – the ambassador of the Vatican); Eng. *statute* – Fr. *statut* – Lat. *statutum* (*statute*, *charter*); Eng. *visa* – Fr. *visa* – Lat. *visus* (*reviewed*) (*visa*), etc. Some features of the terms can be noted in different languages, e.g., the additional conjunctions and several ways of the new term creation cannot remain the same. Some complex diplomatic terms have both Greek or Latin elements. For example: Lat. *confrontis* (*confrontation*) – Lat. *con* (versus) + Lat. *frontis*; Lat. *condominium* (*condominium*) – Lat. *con* (together) + Lat. *dominium* (power); Lat. *ratification* (*ratification*) – Lat. *ratus* (approved) + Lat. *facere* (generate); Lat. *expatriation* (*expatriation*) – Lat. *ex* (former) + Lat. *patria* (homeland), etc. Although the international terms are used parallel with common words in the national lexicon, but the main difference is that the international terms are used only in specific area of science. For example, “*ratification*” (Lat. *ratus* – fixed; *facere* – create) refers to the field of diplomacy, but the term an “*approval*” refers to the national vocabulary. The vast majority of the international terms are the nouns, they are used in five or six languages to express the common concepts.

Experiment

The international terms are grouped depending on their external and internal forms, and structural, semantic, synchronous and comparative characteristics as follows: the complete internationalism, the semi-internationalism, the semi-hidden internationalism, the implicit internationalism and the implicit semi-internationalism (Knignitskaya M.I., 1990:

74). The semi-international and the implicit semi-international terms do not often express the preciseness of the term meanings. The internal form of the derivative international terms are somewhat obscure, the internal implicit and the semi-explicit forms are arising from this form, it requires the special morpheme analysis (Sauranbayev N. 1982: 143). The international diplomatic terms are often characterized by the phenomenon of the complete internationalism. Most of the borrowed words are entered into the English language as the terms. For example, Eng. “*capitulation*” < Lat. *capitulare* – “*coordination in certain places*”; Eng. “*doyen*” – “*doyen of the diplomatic corps*” < Fr. *doyen* – “*senior leader*”, etc. It is also a phenomenon, sometimes they are not accepted as the terms. For example, the words taken from the Latin language “*an emigrant*” and “*an immigrant*”: a borrowed word an “*emigrant*” is not a term, an “*immigrant*” is the term.

According to the statistics the English language has the richest vocabulary in the world. The international terms and the borrowed words are the main reasons for that, they make up 60% of the English vocabulary. Sometimes the problem of establishing the exact origin of an international term or a borrowed word causes certain difficulties. For example, the term “*agent*” came from the French language into the Russian language as a term, however, it came from the Polish language into the Russian language with a non-terminological meaning. The non-terminological meaning of the term “*consul*” came into the Russian language from the Latin language, but from the English language into the Russian language it came as a diplomatic term. Some common words with English origins, are now considered as the international terms, e.g.: *briefing*, *impeachment*, *lend-lease*, *foreign office*, etc. In the English language some international terms keep their French graphic and orthoepic features. For example: *agrement*, *aide-memoire*, etc.

“In the case of the internal terminology, a previously created term within the terminological system is transferred from one field to another sphere keeping its position. In the case of the external terminology, a word from the national language is transferred to the terminology, which is still a branch of the special lexicon of language. The main feature of external terminology is that the word that will become a term is not derived from a terminological dictionary. In this case of the terminology a common word that is not a term will be introduced into a certain terminological field, and it will have a terminological meaning, as a result, the common word and the term become homonymous, or its original meaning

is narrowed or expanded. This kind of terminology is carried out in such a way as metaphorizing the initial meaning of a common word, tracing from a foreign word and clarifying the meaning of a word “ (Kurmanbayuly Sh., 1998: 250). However, in the internal terminology, not only the word names are created on the basis of the national language, but the terms from foreign languages are also terminated, in the field of terminology they are considered as the ready names. Although the terms from foreign languages are used in several spheres, the sound system is preserved. In the case of the internal terminology, a term is formed on the basis of other terms in a certain field of science within the framework of the terminological system and without external words.

Results and Discussion

There are four ways of adoption the international terms in the languages: 1) the finding an equivalent in the native language; 2) the transferring; 3) the creation of the new words; 4) the derivation of the international terms. No matter how the terms are created and adopted, they enrich the lexical layer of any language. The famous linguist Zhubanov K. says: “Although a term is taken from other language, it belongs to the source of the development in the language, and it is a lexical wealth which strengthens the social prestige” (Zhubanov K., 1966: 276). Kaidarov A. proposes to keep the following principles in the process of accepting international terms: to accept the international terms that are not subject to translation taking into account the peculiarities of the Kazakh language; to translate the terms that come from the Russian language; the acceptance of terms, that cannot be translated, in accordance with the phono-morphological features of the Kazakh language; the abbreviated use of compound terms; to find the ways to preserve the qualitative balance between the national terms and the international terms in the native language, etc. (Kaidarov A. T., 1993: 5-40) The scientist supports the preservation natural balance of the international and national terms as 30% to 70%.

In some cases the international terms are the subject to the grammatical forms and the phonetic system of the language and they cannot be assimilated at once. Concerning to that the following terms can be divided into two categories:

1. The international diplomatic terms that have not undergone sound changes: *agrement, anschluss, apartheid, demarche, détente, de facto, doyen, internuncio, casus belli, carte blanche, consensus, consul, memorandum, modus vivendi, modus procedendi, mu-*

tatis mutandis, nuncio, pact, persona grata, preamble, pro memoria, proces-verbal, charge d`affaires, status quo, exequatur, etc.

2. The international diplomatic terms which are adopted in accordance with the language laws taking into account the sound system: *aggression, acclamation, accreditation, accredited, alternation, annexation, authentic, capitulation, coalition, consular, confrontation, diplomatic, emigration, legalization, notification, preference, prolongation, ratification, resolution, visiting-card, vice-consul, etc.*

The borrowed words are the linguistic elements that are accepted during communication, they are moving from one language to another language. There are the ancient Chinese, Indian and Persian words in the Kazakh language. Most of them are the common words in the Turkic and Mongolian languages. The borrowed words are adapted by the language system and change their forms. In order to recognize such borrowed words, the special etymological researches are carried out, and their definitions are formed. The translation of words from one language into another language can be done directly or indirectly through the language mediator. For example, the borrowed terms which entered the Kazakh language from Arabic, Persian and Russian languages in the field of diplomacy without any sound changes are: *vakhkhabistik, dzhikhhad, kagidat, tezis, emir, and etc.* The borrowed diplomatic terms adopted in accordance with the rules of the language taking into account the sound system are: *kauym, kauip, kykyk, marte, memleket, otan, okil, pesmi, sajasat, ustav, uakil, ukimet, khabar, era, jadrolyk, etc.*

In the Kazakh language the combined borrowed terms are divided into two groups depending on their structures:

1. The terms both components taken from other languages are: *zannama, kolkhat, etc.*

2. The terms with two components, one of them is a borrowed word, the other component is an original word are: *kelisimshart, kykyktanu, maslikhat, pikirtalas, senimkhat, etc.*

Most of the diplomatic international terms in the Kazakh language consist of the phrases. The compound terms can be divided into two groups depending on the language of origin:

1. The combined terms formed from two borrowed words: *Venalyk reglament, diplomatijalyk audiensia, diplomatijalyk korpus, konsuldyk patent, imperialistik agressia, dollar diplomatijasy, Europalyk parlament, konsuldyk konventjia, Kopengagen traktaty, sajasi akhual, senim gramotalary, etc.*

2. The compound terms formed by a native word and a borrowed word: *kenes mazhilici, kopzhakty diplomatiya, kurer kagazy, korytyndy akt, sajası kenesshi, senimdi okil, tyrakty asker, ylitar ligasy, shekara demarkatjiasy*, etc.

After entering the language, the borrowed terms are often changed phonetically. We should find the alternatives to them and accept them in accordance with the internal laws of our native language, because the adoption without any changes leads to the limitation of the language possibility. The diplomatic style is used in the correspondence in the field of diplomacy, international relations, law and politics. The political and legal understanding influences the diplomatic language and style of diplomatic documents. As a result of the complex influence of the non-linguistic and linguistic factors, linguo-stylistic features are formed in the field of diplomacy (Loginova K. A., 1978: 143).

In order to understand the concept and the meaning of the international term, firstly it is necessary to describe the structure and the function of this term. The nominal meaning of an international diplomatic term often prevails over its action meaning. For example, “*briefing*” – an interview of representatives for foreign ministries and international organizations on TV and mass media. At the briefing the information is given about the function of an organization, as well as about the views and the positions of the conference or symposium participants. “*To brief*” means in English “to give a short summary”. Nowadays this term is used in political articles.

The term “*consensus*” means the decision-making of an international organization in the conference without a vote, in the absence of the formal objections by any of the parties to the decision as a whole. In Latin the “*consensus, -us, -um*” means an “*agreement and cooperation*”; “*to consentire*” means “*to agree*”. As a term of international law, the term “*consensus*” is widely used in the diplomatic documents and in newspaper articles for international issues. For example, the lexical phrases made by the term “*consensus*” in the field of diplomacy: *on the basis of consensus, on the rules of consensus, etc.* The term “*summit*” is the high-level meeting or the negotiation between the heads of states or governments. The term entered the Russian language in the middle of 1970 when the Soviet press wrote about the Soviet-American summit. The term is now widely used in such phrases as: *bilateral and multilateral summit, summit of the 8 (summit of eight developed countries in the world), Russia and Europe summit (meeting of the President of Russia and the leaders of the European Union), CIS summit*, etc.

One of the peculiarities of vocabulary in the diplomatic documents is the presence of widely accepted and well-known Latin phrases that are not assimilated. For example, Lat. *de facto* (according to the truth), Lat. *de jure* (according to the law; formal), Lat. *status quo* (situation), etc. It is also common to give Latin words only in Latin letters. They have certain meanings in the field of diplomacy. For example:

ad hoc (Lat. – *special; for a specific purpose*) – “rules for regulating and governing the activities and issues of the special organizations and representatives”;

ad interim, par interim (Lat. – *temporary*) – “connected with the retirement or illness of a representative, and the temporary performance of his duties by another person”;

ad referendum (Lat. – *for further consideration*) – “in case of approval by the higher authority”;

casus foederis (Lat. – “condition that obliges a state to take an action”);

charge d'affaires ad interim – “a temporary trustee”;

Ne Varietur (Lat. – *not subject to change*) – “the text of the document may not be amended in the future”;

status quo ante bellum (Lat. – *the rule of pre-war life*) – “the situation before the changes”;

status quo post bellum – “the situation after the war”;

uti possidetis (Lat. – “*how do you get*”) – “the mutual recognition of rights in warring parties at the occupied territories”, etc.

The international terms are divided into the following groups depending on the correspondence or inconsistency of their terminological meanings:

1. The international diplomatic terms that have the same special meanings and terminological meanings in English: *absorption, agent, aggressor, occupation*, etc.

2. The international diplomatic terms that in English have other meanings except their terminological meanings, e.g. “*memorandum*”: 1. *diplomatic note*, 2. *memorandum*, etc.

The international diplomatic terms derived from the Latin language can be divided into several groups:

1. The terms given in the Latin letters, e.g. *et caetera = et cetera (etc), force majeure, id est (i.q.), in jure, in statu quo ante, modus vivendi*, etc.

2. The diplomatic terms that had retained their meanings in the Latin language, but their graphics had not been preserved: *casus belli, de facto, modus vivendi, modus procedendi, persona grata, persona non grata, status quo*, etc.

It should be noted that the Latin terms of the first group are not the terms in the Kazakh language. The category of the international terms is sometimes interchangeable with the borrowed words, in that case the process of internationalization remains unclear.

Akulenko V.V. believes that the process of internationalization belongs to the category of the interlingua synchrony, and borrowed words although foreign in their origin belong to the diachronic category. They cannot be equal and the main difference of them is on that: to borrow a word is a process, the borrowed word is the result. He emphasizes that the synchronicity category of the international vocabulary can be compared only with borrowed words, but the latter has no effect on the category of synchrony (Akulenko V.V., 1980: 10-42).

Lotte D.S. classifies the translated foreign words and phrases as the borrowed words, and distinguishes two types of them: the literally translated borrowed words and the transliterated borrowed words (Lotte D.S., 1982: 12). A. Kaidarov A. emphasizes the importance of the tracing method as follows: "Another way to use the potential of the native language is a tracing method, the personal, semantic and structural features are preserved in the translation process" (Kaidarov A.T., 1993: 17).

There are the following principles of translation in the Kazakh language:

1. The translation, e.g.: *moratorium* – *tezheuil*, *parity* – *tengdestik*, *ultimatum* – *talap*, etc.

2. The sound system is preserved upon the adoption in case no equivalent in the language, e.g.: *accreditation* – *akkreditivteu*, *diplomatic* – *diplomatijalyk*, *paraph* – *parafirleu*, etc.

Conclusion. The main vocabulary of diplomacy consists of the socio-political vocabulary and the special subject terminology. The international terms are formed, consequently, by the international cultural and historical exchanges, there are close semantic connections between them, and they are formed for specific purposes. For example, "*alternative*" – 'a seating of diplomatic representatives in terms of the diplomatic service at meetings; an alternate presidency of the state representatives at conferences'; "*declaration*" – 'the statement of the principles of the domestic and foreign policy of the state or its position on a particular issue'; "*discrimination*" – 'the discrimination the rights of the individual nations or colonized peoples oppressed under the pressure of the imperialist exploitation'; "*memorandum*" – 'the letter signed in international relations, not sealed stating the issues to be discussed diplomatically'; "*pact*" – 'the treaty or

agreement of the major political significance between states'; "*parity*" – 'the negotiations on the equal legal basis with the participation of representatives in the equal status, taking into account the interests of the parties in international relations'; "*status*" – 'the international legal status'; "*ultimatum*" – 'the final warning of one state to another state; the warning that will take an action in case of the non-compliance'; "*exequatur*" – 'an official document of certifying the consul', etc.

The international terms can be divided into the following groups depending on the terminological meanings in the English language whether they correspond or not:

1. The international diplomatic terms that have the specific meanings and the terminological meanings which are regularly used in the terminological sense: *absorption*, *agent*, *aggressor*, *occupation*, etc.

2. The international diplomatic terms that have other additional meanings: "*memorandum*": 1. a diplomatic note; 2. a writing paper for memorization; "*ultimatum*": 1. an ultimatum; 2. a requirement, etc.

The foreign words undergo the lexical and semantic changes moving from one language to another language. They take the new stylistic forms, and in some cases they may lose their original meanings. The direct and alternative meanings derived from the original meanings appear as a result of the semantic derivations. Unlike other areas of language, the field of vocabulary is constantly a subject to the internal and external changes because the lexical structure of a language is constantly replenished with the new names and concepts. Having studied the semantic changes of the words in the languages, we consider that they are always in connection with the development of society and languages. There are two types of them: the internal and external changes. The internal change is the semantic changes of the existing words. This is the transformation of the ancient words into the terms. The external change is the perception of words from other languages. Sometimes the category of the international terms is interchangeable with the borrowed words, so the process of internationalization remains unclear.

The special study of the international terminology, the establishment procedure of their acceptance, the translation process, the writing rules, the identification and the compliance with the phono morphological laws for borrowing words are still unresolved issues in Kazakh language. One of the unsolved problems in the field of diplomacy is a lack of the procedure for the adopting the international terms into the Kazakh language. In

the Kazakh language the problems of the borrowed terms are still actual specifically their translations and writing forms. However, the massive translations of the international terms might lead

to the misunderstanding of their meanings, thus the terms can lose their concepts. It is necessary to use the capabilities of the native language in accepting international terms.

Әдебиеттер

- Jespersion O. Growth and Structure of the English Language. – Leipzig, 1935. – 305 p.
 Barfield O. History in English words. – London: Faber and Faber, 1969. – 240 p.
 Будагов Р. А. История слов в истории общества: книга / Р.А.Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
 Jespersen O. Papers in International Language. – London, 1921. – 241 p.
 Вюстер Е. Международная стандартизация языка в технике: книга / Е. Вюстер. – М., 1935. – 302 с.
 Serdjeantson M.S. The history of foreign words in English. – London: Routledge & Kegan Paul, 1968. – 354 p.
 Puscarin S. Limba romana. Die Romanische Sprache. – Leipzig, 1943. – 252 p.
 Книгницкая М.И. Термины-интернационализмы и их содержательная мотивированность: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ М.И. Книгницкая. – Черновцы, 1990. – 209 с.
 Сауранбаев Н. Қазақ тіл білімінің проблемалары // Қазақ тілі лексикасының кейбір мәселелері. – Алматы, 1982. – 351 б.
 Құрманбайұлы Ш. Қазақ лексикасының терминдену үрдісі: филол. ғыл. докторы дисс. 10.02.02 / Шерубай Құрманбайұлы. – Алматы, 1998. – 250 б.
 Жубанов К. О специфике слов терминов. Принципы терминологии: книга / К. Жубанов. – Алматы: Ғылым, 1966. – 359 б.
 Қайдаров Ә.Т. Қазақ терминологиясына жанаша көзқарас: оқу құралы / Ә.Т. Қайдаров. – Алматы: Рауан, 1993. – 43 б.
 Әнесов Ф.К. Қазақ ССР 4 томдық қысқаша энциклопедия. – Алма-Ата: Қазақ Совет Энциклопедиясының бас редакциясы. – Т. 4. – 1991. – 685 б.
 Логинова К.А. Новые слова и устойчивые сочетания в лексиконе дипломатии // Новые словари и словари новых слов: учеб. пос. / К.А. Логинова. – Ленинград, 1978. – С. 151-155.
 Акуленко В.В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования // Интернациональные элементы в лексике и терминологии: учеб. пос. / В.В. Акуленко. – Харьков, 1980. – С. 10-42.
 Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

References

- Akulenko V.V. (1980) Leksicheskie internatjionalizmy: itogi, perspektivy, metody issledovaniya. Internatjionalnye elementy v leksike i terminologii [The lexical internationalisms: results, perspectives, research methods. The international elements in vocabulary and terminology]. Kharkov. Pp. 10-42. (In Russian)
 Anesov G.K. (1991) Kazakh SSR 4 tomдық kyskasha entsiklopedia. [4-volumed short encyclopedia of the Kazakh SSR] Volume 4. Alma-Ata: General edition of the Kazakh Soviet Encyclopedia. 685 p. (In Kazakh)
 Barfield O. (1969) Istorija angliiskich slov [History in English words]. London: Faber and Faber. 240 p. (trans. from Engl.)
 Budagov R. A. (1971) Istorija slov v istorii obchestva [The history of words in the history of society]. Moscow: Prosvechenie. 270 p. (In Russian)
 Jespersen O. (1935) Rost i struktura angliiskogo jazyka [Growth and Structure of the English]. Language. Leipzig. 305 p. (trans. from Engl.)
 Jespersen O. (1921) Statii na mezhdunarodnom jazyke [Papers in International Language]. London. 241 p. (trans. from Engl.)
 Kaidarov A. T. (1993) Kazakh terminologijasyna zhangasha kozkaras [A new approach to Kazakh terminology]. Almaty: Rauan. 43 p. (In Kazakh)
 Knignitskaya M.I. (1990) Terminy internatjionalizmy i ich soderzhatelnaja motivirovannost [The terms internationalism and their content motivation]. Candidate's thesis: 10.02.04. Chernovtsy. 209 p. (In Russian)
 Kurmanbayuly Sh. (1998) Kazakh leksikasynyng termindenu urdisi [The process of terminology in Kazakh lexicon]. Doctor's thesis: 10.02.02. Almaty. 250 p. (In Kazakh)
 Loginova K. A. (1978) Novye slova i ustoychivye sochetanja v leksikone diplomatii. Novye slovari i slovari novykh slov [New words and persistent combinations in the lexicon of diplomacy. New dictionaries and dictionaries of new words]. Leningrad. Pp. 151-155. (In Russian)
 Lotte D.S. (1982) Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inozazychnykh terminov terminoelementov [Issues of borrowing and ordering foreign language terms and terminological elements] Moscow: Nauka. 149 p. (In Russian)
 Puscarin S. (1943) Limba romana. Rimskii jazyk [Limba romana. Die Römische Sprache]. Leipzig. 252 p. (In German)
 Sauranbayev N. Kazakh til bilimining problemalary. Kazakh tili leksikasynyng keibir maseleleri. [Problems of Kazakh linguistics. Some problems of the Kazakh language vocabulary]. Almaty. 1982. 351 p. (In Kazakh)
 Serdjeantson M.S. (1968) Istorija inostrannykh slov v angliiskom jazyke [The history of foreign words in English]. London: Routledge & Kegan Paul. 354 p. (trans. from Engl.)
 Wooster E. (1935) Mezhdunarodnaja standartizacija jazyka v tekhnike [International standardization of language in technology]. Moscow. 302 p. (In Russian)
 Zhubanov K. (1966) O spetsifike slov terminov. Printjipy terminologii. Kazakh tili zhonindegi zertteuler [About specifics of terminology. Principles of terminology. Research on Kazakh language]. Almaty: Gylym. 359 p. (In Russian)

Г.Қ. Бекқожанова* , Г. Оспанова , А.Н. Садуахас

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

*e-mail: almaty.gulnar@mail.ru

ЖАРНАМА МӘТІНДЕРІНЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИКАЛЫҚ ЖӘНЕ ФУНКЦИОНАЛДЫҚ ТАЛДАУ

Мақалада қазіргі таңдағы жарнама мәтіндерін лингвистикалық тұрғыдан зерттеу мәселесі қарастырылды. Жарнама саласының қоғамда алатын орны ерекше екені түсіндірілді. Осы салаға өз үлесін қосып кеткен бірнеше зерттеушілердің жарнамаға, мәтінге және жарнама мәтініне берген анықтамалары талданды. Жарнама мәтініне анықтама берілмей тұрып, жалпы мәтінге бірнеше зерттеушілердің анықтамалары беріліп, оның ерекшеліктері айтылды. Жарнама мәтінінің ерекшеліктері мәтіннің ерекшеліктерімен түсіндіріледі. Жарнамамен көптеген ғылым салалары айналысады. Соның ішінде лингвистика ғылымымен тығыз байланыста. Өйткені жарнаманың мәтіні арқылы қазіргі заманғы тілдің өмір сүру формасы анықталады. Осы мақсатта қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі жарнама мәтіндеріне лингвистикалық талдау жасалды және олардың тілдік ерекшеліктері көрсетілді. Талдау үшін ауызша және жазбаша түрдегі теледидар мен ғаламтордағы роликтер, журналдардағы және көшедегі жарнама мәтіндері алынды. Жарнама мәтіндерінің тілдік ерекшеліктерін рифм, гипербола, эпитет, метафора деп аталатын функциялармен көрсетіліп, толығырақ көрсету үшін мысалдар қарастырылды. Сонымен қатар лексика, морфология және синтаксистегі мәтін ережелеріне сүйене отырып жарнама мәтіндері талқыланды. Лингвистикалық тұрғыдан зерттеу барысында, жарнама мәтіндерінің тілдік ерекшеліктері бойынша тіл мамандары және техникалық мамандар арасында сауалнама жүргізілді. Мақала соңында авторлардың өзіндік қорытындысы жасалды.

Түйін сөздер: жарнама, жарнама мәтіні, жарнама ұраны, метафора, гипербола, эпитет, рифм.

G.K. Bekkozhanova*, G. Ospanova, A.N. Saduakhas

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: almaty.gulnar@mail.ru

Lexical-semantic and functional analysis of advertising text

The issues of linguistic research of advertising texts at the present stage is considered in this article. It is explained that the advertising sphere has a special place in society. The definitions of advertisement, text and advertising text by several researchers who have contributed to this field are considered. Before defining the text of the advertisement, definitions of the general text by several researchers are given and its features are told. The peculiarities of the advertising text are explained by the peculiarities of the text. Many sciences deal with advertising. In particular, it is closely related to the science of linguistics. Because the text of the advertisement analysis of advertising texts in Kazakh, Russian and English and their linguistic features are shown. For analysis, we obtained oral and written video clips on television and on the Internet, as well as texts of street advertising in magazines. Examples are provided to illustrate in more detail the linguistic features of advertising texts with functions called rhyme, hyperbole, epithet, metaphor. Advertising texts were also discussed based on the rules of text in lexis, morphology and syntax. In the course of linguistic research, a survey was conducted among linguists and technical specialists on the linguistic features of advertising texts. At the end of the article, conclusions were drawn.

Key words: advertising, advertising text, slogan, metaphor, hyperbole, epithet, rhyme.

Г.Қ. Бекқожанова*, Г. Оспанова, А.Н. Садуахас

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

*e-mail: almaty.gulnar@mail.ru

Лексико-семантический и функциональный анализ рекламных текстов

В статье рассматривается проблема лингвистического исследования современных рекламных текстов. Было объяснено, что рекламная индустрия занимает особое место в обществе. Были рассмотрены определения рекламы, текста и рекламного текста несколькими исследователями,

которые внесли свой вклад в эту область. Прежде чем дать определение текста рекламы, даны определения общего текста несколькими исследователями и рассказаны его особенности. Особенности рекламного текста объясняются особенностями текста. Рекламой занимаются многие науки. В частности, это тесно связано с лингвистикой. Потому что текст рекламы определяет образ жизни современного языка. Для этого был проведен лингвистический анализ рекламных текстов на казахском, русском и английском языках и их языковые особенности. Для анализа были взяты устные и письменные теле- и интернет-ролики, журнальная и уличная реклама. Приведены примеры, чтобы более подробно проиллюстрировать лингвистические особенности рекламных текстов с функциями, называемыми рифмой, гиперболой, эпитетом, метафорой. Рекламные тексты также обсуждались на основе правил текста в лексике, морфологии и синтаксисе. В ходе лингвистического исследования среди лингвистов и технических специалистов был проведен опрос лингвистических особенностей рекламных текстов. В конце статьи были сделаны выводы.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, слоган, метафора, гипербола, эпитет, рифм.

Кіріспе

Қазіргі таңда жарнама зерттеушілер арасында талқыланып келе жатқан көп қырлы құбылыс. Оны зерттеумен психология, әлеуматтану, журналистика, тарих, экономика, лингвистика секілді ғылымдар айналысады. Соңғы уақытта жарнама қоғамның барлық салаларына әсер ететін күрделі әлеуметтік-мәдени құбылыс ретінде ғылымды өзіне назар аударды. Әсіресе, гуманитарлық ғылымның, соның ішінде лингвистика саласында жарнаманы зерттеу маңызды болып отыр. Лингвистикалық тұрғыдан жарнаманың мәтіні қарастырылады. Оның себебі мәтін арқылы тілдің өмір сүру формасы анықталады.

Мәтін туралы анықтамалар өте көп. Солардың ішінде И.Р. Галпериннің айтуы бойынша, “мәтін” – лексикалық, грамматикалық, логикалық, стилистикалық байланыстың әртүрлі түрлерімен біріктірілген сөйлеу процесінің бірлігі болып табылады. Бұл бірлік ішкі және сыртқы құрылымға ие (Гальперин И.Р., 1977: 13). Ал, Т.А. Ван Дейк “мәтін” – тіл жүйесін немесе ресми лингвистикалық білімді, лингвистикалық күзінеттілікті қамтитын ұғым деп санайды (Ван Дейк Т.А., 2000: 9). Алайда, көп жақты аспектілерді қамтитын мәтіннің анықтамасының нақты анықтамасы, тіл бірлігінің формасы жоқ. Мәтін әр түрлі байланыстардың объективті көрінісі және олардың шындықта көрінісі туралы белгілі бір ақпаратты қамтуы мүмкін, басқалардан жеке-жеке ерекшеленетін уақыттық, ұлттық және мәдени бейнелерді, авторға тән белгілерді ашады. Мәтінде әртүрлі салалардағы ақпаратты да табуға болады. Бұл ерекшеліктер мәтіннің негізгі белгілерін денотативтілік, анықтамалық және ситуациялық деп анықтауға мүмкіндік береді. Кез-келген мәтіннің ерекшелігі – әртүрлі көркемдік құралдарды қолдана

отырып, сенімділік, дәл және егжей-тегжейлі сипаттама.

Зерттеушілердің пікірінше жарнаманың заманауи адам өмірінде алатын орны айырықша. Мәселен, Р. Мачрандтың ойынша жарнама біздің өмірімізді газет журнал беттеріне жазып, теледидарда көрсетеді (Мачранд Р., 1985: 15). Сондай-ақ, оның пікірінше жарнама қоғамдық дискурстың қалыптасуына үлкен үлес қосты және әлі де қосып келеді, мұндай әр түрлі аудиторияның ортақ біріктірушісі тіл болып табылады, онда жарнама пікір мен шындықты қабылдауда маңызды рөл атқарды (Мачранд Р., 1985: 20).

Біздің уақытымызда жарнама мақсатты аудиторияның моральдық және әлеуметтік көзқарастарын анықтайтын ерекше әлеуметтік-мәдени құбылыс болып көрінеді: “жарнама біздің көзқарастарымызға, өзімізге және айналамыздағы әлемге деген көзқарасымызға әсер етеді, бізге белгілі бір жағдайда мінез-құлықтың дайын формаларын көрсетеді, не жақсы және не жаман екенін анықтап, бізді тәрбиелейді” (Феофанов О.А., 2004: 20).

Сонымен қатар, жарнама – бұл мәтіннің ерекше прагматикалық түрі. Жарнама мәтіндері әр түрлі аудиторияға әсер ету үшін жасалады, мысалы балалар, жасөспірімдер, ерлер мен әйелдер үшін жасалған жарнамалар. Мақсатты аудитория жасына, жынысына және басқа да ерекшеліктеріне қарай ерекшеленуі мүмкін. Жарнаманың белгілі бір аудиторияға бағытталуы жарнама мәтінінің ауызша таралуына әсер етеді. Жарнама мәтінінің ең басты ерекшелігі Бұқаралық Ақпарат Құралдары саласына жатуымен түсіндіріледі және де жарнама мәтіні – автордың мәтінді жасауынан және оны оқырманға түсіндіруінің болжамды фактісінен тұратын әрекеттің аралық нәтижесі. “Жарнама мәтіні” ұғымы кең семиотикалық

мағынада мәтіннің барлық белгілерін, яғни сөздік қатарды, динамикалық элементтерді және кескінді, қамтиды. Ауызекі тілде жарнама мәтіні деп тілдік жүйені қамтитын, әр түрлі көркемдік ресурстарды қолдана отырып, тілдік ресурстар болып табылатын байланыс процесінің бірлігі.

Е.Ю. Колтышева анықтағандай, “жарнама мәтіні – прагматикалық бағыттағы мәтіннің ерекше түрі. Оның өзіндік ерекшелігі оның әсер ету бағытына байланысты; сонымен бірге әсер ету функциясы мәтіннің әртүрлі деңгейлерінде жүзеге асырылады: барлық мүмкін семиотикалық жүйелер мен құралдар қолданылады” (Колтышева Е.Ю., 2005: 6).

Жарнама мәтінін талдау кезінде құрылымының ерекшелігіне аса назар аудару қажет. Оның құрылымы, шын мәнінде, оның негізгі лингвистикалық ерекшеліктерін анықтайды. Ю.С.Бернадская атап өткендей, “тиімді жарнама мәтінін құру үшін мәтінді құрастыру ережелерін, оның композициялық түрлерін білу және тәжірибеде қолдана білу қажет” (Бернадская Ю.С., 2012: 4).

Талдау нәтижесінде жарнама мәтіні үшін ауызша және ауызша емес компоненттердің атқаратын ролі маңызды. Жарнамалық хабардың вербалды емес компонентінің ерекшеліктерін және оның жарнамаланатын өнімнің кескінін жасау арқылы ақпаратты берудегі ролін ескеру қажет. Ал, жарнама мәтіннің негізгі ауызша компоненттеріне тақырып, тақырыпша, негізгі мәтін, ұран жатады.

Көптеген зерттеушілердің пікіріне сүйенетін болсақ тақырып жарнама мәтінінің ең маңызды ауызша компоненттерінің бірі болып табылады. Мәселен ғалым Е.В. Медведеваның айтқанын дәлелге алуға болады: “тақырып негізгі жарнамалық үндеуді және негізгі жарнамалық дәлелді қамтиды” (Медведева Е.В., 2015: 7).

У. Аренс пен К. Бовенің айтуынша, тақырып алты негізгі функцияны орындайды:

1. Ол назар аударарлықтай болуы тиіс;
2. Өз оқырманын таңдауы керек, яғни тұтынушыны қызықтыратын нәрсені қамтуы керек;
3. Оқырманды мәтіннің негізгі мәтінімен таныстыруы керек;
4. Сатып алушыға сатып алудың пайдасын уәде етуі керек;
5. Тақырып коммерциялық идеяны толық көрсетуі керек;
6. Оқырманды қызықтыратын өнімдегі жаңа нәрсені көрсетуі керек” (Бове К.Л., 1995: 265-266).

Ю.С. Бернадскаяның анықтамасы бойынша ұран (слоган) – “жарнамалық науқан шеңберіндегі барлық хабарламалардың негізгі идеясын білдіретін қысқаша афористік сөйлем” (Бернадская Ю.С., 2012: 6-7). Н.Н. Кохтев жарнама ұраны екі немесе төрт сөзді қамтып, оны адам 1,5 секундта еріксіз есте сақтауы керек деп түсіндіреді (Кохтев Н.Н., 1991: 21).

Негізгі мәтін тақырыптың мазмұнын, оның идеясын ашады, логикалық түрде салынған және байланысқан, қысқа және ерекше болуы керек, екі немесе одан да көп қысқа сөйлемдерден және жоғары семантикалық жүктемесі бар қарапайым түсінікті сөздерден тұрады, ал соңы жарнамалық хабарламаның мәтінін жинақтап, артықшылықтарын ашады.

Жарнама мәтіні бірқатар функцияларды орындайды. Солардың ішінде негізгісін бөліп көрсету қиын. Жалпы, негізгі рөлді хабарлама функциясы атқарады, өйткені жарнама аудиторияға өнімнің бар екендігі, оның негізгі қасиеттері мен бәсекелестерден артықшылығы туралы хабарлайды. Әсер ету функциясы жарнама мәтінде маңызды емес, себебі жарнама берушінің негізгі міндеті тұтынушыға жарнамалық хабарлама арқылы әсер ету болып табылады.

О.А. Ксензенконың айтуынша “мәтін” – жарнаманы қабылдауда маңызды рөл атқарады. Жарнаманың негізгі мақсаттары – назар аудару, қызығушылық тудыру және сатуды жылжыту. Жарнама мәтінін құрастырушылар әртүрлі лингвистикалық және психологиялық әдістерді қолдануға жүгінеді. Ол жасалған мәтіндер жарықтығымен, нақтылығымен, тапқырлығымен, жоғары кәсіби өнімділігімен ерекшеленуі керек. Осы тұрғыда О.А. Ксензенконың пікірімен толықтай келісуге болады (Ксензенко О.А., 2003: 337).

Жарнама мәтіннің тиімділігіне әсер ететін маңызды фактор оның стилистикалық және лексикалық безендіруі болып табылады. Сөздік құрамына стилистикалық түсті сөздер: ауызша сөздер, арнайы білдіру құралдары – жолдар мен фигуралар кіреді. Жарнамадағы негізгі көркемдік құралдарға аллегория, оксиморон, метафора, эпитет, персонализация, гипербола және метонимия жатады. Тұрақты тіркестерді пайдалану тиімді тәсілдердің бірі болып табылады.

Зерттеу әдістері. Зерттеу барысында жарнама мәтіндеріне синтаксистік, функционалды стилистикалық талдау жүргізіліп, олардың құрамындағы стилистикалық құралдардың ерек-

шеліктері мен сипатамасы берілді. Жарнама мәтіндерін лингвистикалық тұрғыдан зерттеу барысында олардың құрылымы мен көркемдік ерекшеліктері бірнеше мысалдар талдау нәтижесінде анықталды. Зерттеу мақсатында аталған стилситкиалық ерекшеліктердің маңыздылығы мен жарнама мәтіндерінің сапасын тексеру мақсатында тіл мамандары және техникалық мамандарына сауалнама жүргізілді. Сауалнамаға қырық маман: 20 тіл мамандары, ал қалған 20–техникалық мамандар болды. Талдау нәтижелері мен сауалнама нәтижесіннің статистикалық көрсеткіштері практикалық бөлімде ұсынылды.

Лингвистикалық талдау және талқылау. Лингвистикалық талдау үшін қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде жасалған жазбаша және ауызша жарнама мәтіндері алынды. Олардың ішінде теледидар мен ғаламтордағы жарнамалық роликтер, журналдар мен көше айналасындағы ілінген жарнамалар. Ағылшындар үшін жарнама бағыттады, орыс халқы үшін шақырады, ал қазақтар үшін кең таралған құбылыс.

Морфология және лексика. Жалпы жарнама сөздер сөйлеудің әр түрлі бөлігіне жатады және жарнама қолданушылардың сезімдері мен эмоцияларына әсер етеді және олар негізінен ұрандарда қолданылады. Мұндай сөздерге мыналар жатады: *үстеулер* – арзанырақ, сенімді, тиімдірек, жақсырақ, оңай; *зат есімдер* – сұлулық, сурет, дизайн, баға, құпия, тосынсый, сату, жаңалық, сезім, үнемділік; етістіктер – алу, ұту, сатып алу, сақтау, *сапалық сын есімдер* – әдемі, әсем, батыл, сезімтал, қызықты және тағы басқалары. Осы секілді сөздер барлық тілдерде кез-келген жарнамамен байланысты. Сонымен бірге жарнама мәтіндердің лексикасында ұлтаралық, жалпыға ортақ сипаттағы сөздер кездеседі. Мәселен, *freedom, pleasure, safety, success* секілді сөздермен қолданылған британдық жарнамалар адамдарының мінезін, заттарға деген көзқарасын және жеке уақытын көрсетеді. Британадағы халық көп тұтынатын “Country Life” деп аталатын сарымайдың жарнама мәтнінде *freedom* деген сөз кездеседі: “*Taste the freedom, taste the countrylife*”. Өзінді бостандықта ұста, сен тәуелсіз елдің адамысың деген мағынаға алып келеді. “Русская щедра” шоколадына түсірілген орыс жарнамасында орыс халқының өз елін мақтан етенін аңғарасың: “*Лучшее – потому что наше*”, “*Россия. Щедрая душа*”. Назар аударатын сөз “наше” есімдігі болып табылады. Қазақ жарнамасы ретінде отандық өнім “Қазақстан” шоколады жарнамасы алынды: “Өте балғын тағам”, тіпті өнім

атауының өзі шоколад арқылы еліміздің қандай гажайып екенін байқауға болады.

Синтаксистік талдау нәтижелері. Жарнама мәтіндерін синтаксисті талдау барысында ерекшеліктері анықталды. Синтаксистік тұрғыдан талдау сөйлем түрлерімен қарастырылады. Жарнама мәтіндерінде хабарлы, сұраулы, бұйрықты және лепті деп аталатын сөйлем түрлерін жиі кездестіруге болады. Мысалы:

- *Ал сен барыңша дайынсың ба?*

- *Көзқарасты байқап қалу.*

- *Басын айналдыру үшін оны баурап алуға дайынсың ба?*

- *Әдеттегі тіс пастасына қарағанда Colgate Total 12 сағат бойы тілдегі, тістедегі, ұрттағы және қызыл иектегі бактериямен күресіп, ауыз қуысының саулығына сентігін тигізеді. Colgate Total, Өмірге барыңша дайын болыңыз!*(Colgate Total тіс пастасы жарнамасы).

- *Ал сіз темекіге тәуелділік қалай туындайтынын білесіз бе?*

- *Никотин рецепторларды тітіркендіреді және бұл әдетке айналады.*

- *Табексті қолданып көріңіз. Оның құрамында цитизин бар. Ол рецепторларды қорғайды және темекіге тәуелділікті жеңуге көмектеседі. Табекс темекіні тастауға көмектеседі.* (Табекс дәрісі жарнамасы). Бұл мысалдардан жоғарыда айтылған сөйлемнің барлық түрі қамтылған. Әрбір сөйлемнің түрі өзіндік қызметтерін атқарып тұр. Орыс және ағылшын тілдерінде жасалған жарнамалардан да осы белгілерді байқауға болады:

Imagine, erasing the past. Sun damage... a blemish that leaves a mark... a skin doesn't mark. Discolorations appear. Which is why we created new Dark Spot Corrector. To our surprise, tests showed it also helps reduce ingrown hairs. Imagine that. (Clinique өшіргіші жарнамасы). *Life tastes best when it's well done.*

Синтаксистік ерекшеліктердің бірі кейде сөйлем мүшелерінің жалғыз келуі, яғни кейде бастауыш немесе баяндауышты кездестіруге болады. Мысалы: “*First Show. Pressure on. No problem*”. Бұл жарнама мәтнінде *first show, pressure on* баяндауыш, *no problem* бастауыш қызметтерін атқарып тұр.

Есімдіктер. Назар аудару және жарнамалық хабарламаның адресантымен байланыс орнату үшін көп жағдайда жіктеу есімдіктері қолданылады. Жіктеу есімдіктері мен, сен, ол, сіздің, біздің және осы секілді есімдіктерді қамтиды. Орыс жарнамасы үшін “Щедрое лето” өнімінің мәтіні алынды: “*С продуктами ТМ*

“Щедрое лето” в Вашем доме всегда будет тепло и уютно. Продукты, без которых не обойтись. Щедрое лето” – солнце в каждой пачке!”. Британдық “Marie Claire” журналында тауарларды жарнамалау мақсатында қыздар және әйелдердің назарын аударту үшін есімдіктер қолданылады: “*Pretty is what you are. Beauty is what do you it*”, “*In the war against aging, you need a sonic weapon. Now anti-aging treatments penetrate better. Skin looks younger. We guarantee it*”. Қазақ тілінде аударылған жарнама мәтіндерінде есімдіктерді көп кездестуруге болады. Мысалы “Пиала Gold” жарнамасының ролигінен алынған жарнама мәтініне назар аударатын болсақ, ол мәтінде есімдіктердің қолданғанын байқауға болады: “*Пиала Gold – жүздеген шәй түрлерін сұрыптап, біздің қунажымызға ең жақсы шәй жапырақтарын таңдады. Тек пиала gold-та әр қаптамада кесілген шәй жапырағы сізге дәм байлығы мен түс қанықтығын сыйлайды. Тура отбасымыз жақсы көретіндей. Пиала отбасының жылуы*”.

Бұйрық райда қолданылған етістіктер. Көп жағдайда үш тілде де жіктеу есімдігінің екінші жағымен қолданылады. Ағылшын тілі жарнамасында мәтін көбінесе “let” сөзімен жүреді: “*Let’s elevate the moment*” (Toyota Carolla жарнамасы), “*Let’s make today fun*” (Toyota RAV4 жарнамасы), “*Stop dreaming, start achieving. La muscle, the very best sports supplements your money can buy*” (Men’s health жарнамасы). Жарнамаларда қолданылатын етістіктерге drink, start, enjoy, look, let, love, try, buy, ask, feel кіреді. Ал қазақ және орыс тілді жарнамаларда солай. Бірнеше мысалдарды қарастырайық: “Pepsi-дің жаңа дәмін тат”, “*Баланың дене қызуы бар ма? Балаларға арналған нурофенді қолданып көріңіз. Егер ыстығы қайтса, үйде тыныштық орнауы мүмкін. Балаларға арналған нурофен дене қызуын және бас ауруды басады. 8 сағатқа дейін әсер етеді. 3 айдан асқан балаларға қолдануға арналған нурофен*” (Нурофен дәрісіне арналған жарнама ролигі), “*Как? Как? Как? Как? Дюфалак двойное действие: помогает при запоре и регулирует ритм толстого кишечника. Если хочешь мягкий как, то попробуй дюфалак*” (Дюфалак дәрісіне арналған жарнама ролигі). “*Купите посудомоечную машину Bosch функций гигиена и позаботьтесь о здоровье близких уже сегодня*” (Bosch кір жуғыш машинасы жарнамасы).

Функционалды-стилистикалық талдау нәтижелері.

Рифм. Рифмдік мәтіндер түсініксіз болып келеді. Онысына қарамастан тұтынушының на-

зарын өзіне бірден аудартады. Мәселен, Valio сүтінің жарнамасында “*Прилетели грачи – беру Valio, пеки куличи!*” көңіл-күйді көтеріп, өзіне ынтықтырады. “Евро обувь – это сеть цены просто чудо!”, “*Pork you can cut with a fork*”, “*BEANZ MEANZ HEANZ*”, “*Don’t be trashy, don’t you care? Recycle, don’t just stare*” және тағы басқалары. Зерттеу барысында қазақ тілді жарнама мәтіндерінде рифмдік мәтіндердің кездесе бермейтіндігіне көзіміз жетті.

Гипербола немесе әсірелеу – жарнама мәтінін көркем түрде ұлғайтып тұрады. Ол жарнамаланған өнімнің жаңа шкаласын құрып, тауардың қасиеттерін асыра жақсы етіп көрсетеді. Ағылшын тілі жарнама мәтінінде көбінесе күшейтпелі шыраймен қолданылады. Мысалы, “*A cup of Tetley and you’re ready for anything! The finest tea on earth!*” (“Tetley” шәйінің жарнамасы). “*The best built cars in the world*” (“Toyota” автокөлігінің жарнамасы). Екі жарнамадағы гипербола – *the finest* және *the best* сөздері. Ең жақсы және өте керемет, осы тауарлардың қасиеттерін күшейтіп көрсетіп, ағылшын тілінің күшейтпелі шырайында қолданылып тұр.

Эпитет – заттың не құбылыстың айырықша белгісін көрсететін бейнелі сөз. Ағылшын тілінде жарнама мәтінінде эпитеттер өзіндік бояу немесе бейне береді: “*You’ll look a little lovelier each day with fabulous pink*” (“Camay” сабыны жарнамасы). Эпитет – *fabulous pink*, осы сабынды қолдану арқылы ертегідей қызғылт түстермен, терінің жұмсақ болатындығын бейнелеп тұр. “*Make it one of your delicious daily habits*” (“Activia” йогуртының жарнамасы). Қолданылып тұрған эпитет – *delicious daily habits*.

Метафора – жарнама мәтініне бейнелілік беру және кескін жасауда қолданылады. Сонымен қатар, ішкі және сыртқы белгілерге байланысты жарнама мәтінінің ауыспалы мағынада қолданылуы болып табылады. Мысалы, “*The architects of time!*” (“Longines” сағатының жарнамасы). Бұл жарнаманың аудармасы “*Уақытты құрушылар*”, қолданылған метафора – сағаттың болашаққа жоспар құруда тиімді екенін көрсетеді. “*Power to hit pain where it 24 hurt*” (“Solpadeine” дәрінің жарнамасы), жарнама мәтініндегі метафора – дәріні қолдану арқылы кез келген мәселені шешуде тиімді екендігі. “*Connecting People*” (“Nokia” ұялы телефонының жарнамасы), метафора ұялы телефон арқылы бүкіл әлемде жақсы байланыс орнату мағынасында қолданылып тұр.

Антитезис – қарама-қарсы мағынасы бар сөздер арасындағы айқын, кереғар ұғымдарға

негізделген. Бұл үлкен айқындылыққа жетуде тиімді болып табылады. Бұл стилистикалық әдісті копирайтерлер (жарнама жасаушы) жарнаманы әсерлі, ерекше көркем ету үшін кеңінен қолданады. Антитездің негізгі элементі– антонимдер болып табылады. Мысалы, “*Between love and madness lies obsession*” (“Obsession calvin klein” парфюмі жарнамасы. Жарнама мәтінде қолданылып тұрған антитез – *love* және *madness* сөздері, өйткені олар антонимдер. Traditional service in a modern manner (“Pall Mall Barbers” ерлер салонының жарнамасы). Жарнама берушілер жарнамаға әсер етуде және өзіндік

ерекшелік жасауда *traditional* және *modern* сын есімдерін салыстырады.

Жарнама мәтіндерін лингвистикалық тұрғыдан зерттеу барысында жоғарыда аталып өтілген ерекшеліктер бар екендігі анықталды. Зерттеу барысында сауланама жүргізу мақсатында осы ерекшеліктер тіл мамандары және техникалық мамандарына түсіндірілді. Сауалнамаға қырық маман қатысты. Жиырма – тіл мамандары, ал қалған жиырма – техникалық мамандар болды. “Заманауи жарнама мәтіні” деп аталатын сауалнама I-кестеде көрсетілген.

1-кесте – “Заманауи жарнама мәтіні”

Сұрақтар	Тіл мамандары	Техникалық мамандар
Жарнама және жарнама мәтінін ажырата аласыз ба?	58% – ия 42% – жоқ	15% -ия 85% -жоқ
Қазіргі жарнама мәтіні сізді қанағатандырады ма?	40% -ия 60% -жоқ	90% -ия 10% – жоқ
Жарнама мәтіндерінің осындай тілдік ерекшеліктерін білетін бе едіңіз?	67% -ия 33% -жоқ	10% -ия 90% -жоқ
Айтылған ақпарат сіз үшін қызықты болды ма?	95% -ия 5% -жоқ	100% -ия

Сауалнама нәтижесі, кестеде көрсетілгендей тіл мамандары үшін бұл тақырып таңсық ақпарат емес екені анық. Ал техникалық мамандар үшін қызықты, әрі пайдалы екені даусыз. “Қазіргі жарнама мәтіндері сізді қанағаттандырады ма?” деген сауалға тіл мамандарының көпшілігі “жоқ” десе, ал техникалық мамандардың көпшілігі “ия” деп жауап берді. Бұл жерден мынадай тұжырым жасауға болады: техникалық мамандарды, қарапайым халық деп қарастырсақ, қарапайым халық үшін жарнама құрылымы аса маңызды емес, ал тіл мамандары жарнама мәтіндегі кемшіліктерді байқап қоятындығына көз жеткіздік.

Қорытынды

Қорытындылай келе, жарнаманың қоғамдағы алатын орны ерекше. Және қоғам мен ғылымның барлық салаларымен тығыз байланыста жүреді. Ал жарнаманы лингвистикалық тұрғыдан зерт-

теу оның мәтінімен қарастырылады. Лингвистикалық көрінісі оның маңызды құрамдас бөліктерінің бірі болып табылады. Тілдің барлық деңгейлерінің бірлігі назар аударуға және есте сақтауға мүмкіндік беретін мәтін құруға қатысады. Жарнама мәтіні және оның негізгі мақсаттары бір-біріне сәйкес келуі керек. Және келесі қағидаттарға сүйенуі керек: қысқалығы, нақтылығы мен дәлдігі, жарқын бейнелер жасау, қисындылық, сенімділік, негізделген дәлелдер, қарапайымдылық пен анықтық, экспрессивтілік. Бұл айтылған қағидаттар орындалса жарнама мәтіні жақсы болып жасалады. Зерттеу барысында тіл және техникалық мамандар арасында сауалнама жүргізілді. Сауалнама бойынша оң жауап көбірек болғандығы айқындалды. Алайда жарнама мәтініне қойылатын талаптардың кейбіреуі орындалмай жатқандығы да анықталды. Сондықтан әлі де зерттеуді қажет етеді. Сонда ғана қазіргі жарнама мәтіндерімен мәселе туындамайды деген ойдамыз.

Әдебиеттер

- Бернадская Ю.С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Ю.С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2012. – 288 с.
- Бове К.Л. Современная реклама: пер. с англ. / К.Л. Бове, У.Ф. Арнс; общ. ред. О.А. Феофанова; предисл. к рус. изд. М.А. Назарушкина. – Тольятти: Довгань, 1995. – 661 с.
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртэне, 2000. – 308 с.
- Гальперин И. Р. Грамматические категории текста / И.Р. Гальперин. – ИАН СЛЯ. – 1977. № 6. – 208 с.
- Ксензенко О.А. Прагматические особенности рекламных текстов / О.А. Ксензенко // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 354 с.
- Кохтев Н. Н. Динамический синтаксис в рекламе / Н.Н. Кохтев // Русская речь. – 1991. – № 5. – 67 с.
- Колтышева Е.Ю. Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте: на материале англоязычных глянцевого журналов для женщин. – М., 2010.
- Медведева Е.В. Рекламная коммуникация / Е.В. Медведева. – М.: URSS, 2015. – 293 с.
- Феофанов О.А. Реклама: Новые технологии в России: учеб. пособие для подготовки профессионалов в сфере рекламы / О.А. Феофанов. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
- Marchand R. Advertising the American Dream: Making Way for Modernity, 1920-1940. R. Marchand. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985. – 448 p.

References

- Bernadskaya YU.S. (2012). Tekst v reklame: ucheb. psobiyedlya stud. vyssh. ucheb. zaved. YU.S. Bernadskaya. M. 288 pp. (In Russian).
- Bove K.L. (1995). Sovremennayareklama (per. s angl.) K.L. Bove, U.F. Arens; obshch. red. O.A. Feofanova; predisl. krus. izd. M.A. Nazarushkina. Tol'yatti: Dovgan'. 661 pp. (In Russian).
- Galperin I. R. (1977). Grammaticheskyyekategoriiteksta. I.R. Galperin. IAN SLYA. № 6. 208 pp. (In Russian).
- Koltysheva Ye.YU. (2010). Manipulyativnoyevozdeystviye v sovremennomreklamnomtekste: namaterialeangloyazychnykhglyantsevykhzhurnalovdlyazhenshchin. M. (In Russian).
- Kokhtev N. N. (1991). Dinamicheskysintaksis v reklame. N.N. Kokhtev. Russkaya rech. № 5. 67pp. (In Russian).
- Ksenzenko O.A. (2003). Pragmaticheskyyeosobnostireklamnykhstekstov. O.A. Ksenzenko. YAzyk SMI kakobyektmezhdistsiplinarnogoissledovaniya: ucheb. posobiye. M. Izd-vo MGU. 354 pp. (In Russian).
- Marchand R. (1985). Advertising the American Dream: Making Way for Modernity, 1920-1940. R. Marchand. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. 448 pp. (In English).
- MedvedevaYe.V. (2015). Reklamnayakommunikatsiya. Ye.V. Medvedeva. M. URSS. 293 pp. (In Russian).
- Feofanov O.A. (2004) Reklama: Novyye tekhnologii v Rossii: ucheb. Posobiye dlya podgotovki professionalov v sfere reklamy. O.A. Feofanov. SPb. Piter. – 384 pp. (In Russian).
- Van DeykT.A.YAzyk. (2000). Poznaniye. Kommunikatsiya. T.A. Van Deyk. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduen de Kurtene. 308 pp. (In Russian).

МНРТИ 17.09.91

<https://doi.org/10.26577/EJPh.2020.v180.i4.ph4>**Билал Гусейнага оглу Гусейнов**

Нахичеванский государственный университет,
Азербайджан, г. Нахичеван,
e-mail: bilalhuseynov58@mail.ru

ВНУТРИЖАНРОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (на основе образцов Муганского фольклора)

В статье изучаются внутрижанровые изменения в азербайджанском фольклоре, рассматриваются жанровые особенности эпического, лирического и драматического видов. В азербайджанском фольклоре особенности жанра и внутрижанровые изменения в достаточной мере изучены не были. Есть большая необходимость в изучении стадий возникновения, усовершенствования, стабилизации структуры и внутрижанрового изменения на примере одного или нескольких регионов. Муганский регион, выбранный для исследования темы, богат разнообразными фольклорными образцами. Определение фольклорного ареала региона, выявление жанрового потенциала для этой цели весьма важно. И поэтому первую стадию исследования составляет строгий сбор и издание фольклорных образцов. Рассматриваются внутрижанровые изменения эпосов, сказок, анекдотов, преданий, причитаний и других фольклорных образцов. Внутрижанровые изменения являются показателями особенностей развития жанра. На самом деле, речь идет о формах отображения жанра. Изучение внутрижанровых изменений завершает разнообразие по поводу жанра в фольклористике, вносит ясность в вопрос о том, являются ли подвергнувшиеся изменению фольклорные образцы самостоятельными образцами жанра, или видами одного жанра. Автор ссылается по большей части на собранные им самим фольклорные образцы. Подчеркивается, что тема изучается впервые.

Ключевые слова: азербайджанский фольклор, фольклорные образцы Мугани, внутрижанровые изменения в фольклоре.

Bilal Huseynaga oglu Huseynov

Nakhchivan State University, Azerbaijan, Nakhchivan,
e-mail: bilalalarli58@mail.ru

Intergenre changes in Azerbaijani folk-lore (on the base of Mugan folk-lore spesimens)

In the article the intergenre changes in Azerbaijan folk-lore are investigated and the genre features of epic, lyrical and dramatic kinds are looking through. The genre and intergenre changes in Azerbaijan folk-lore are not learned enough. The appearance, stability of structure and the stages of intergenre changes of some regions are in need of investigation. Mugan region wich we have chousen for investigation of the theme is rich in various folk-lore samples. On this purpose to define the folk-lore area of the region and to investigate genre potential are very important. That is why seriously collecting and printing of folk-lore samples are the first stage of investigation.

The intergenre changes of saga (dastan), tale (nağıl), joke, entifa (ağı) and other folklore spesimens are looking through.

Intergenre changes prove the development characters of the genre. In fact, the talk is about the forms of genre. The studing and investigation of intergenre changes put an end on various thoughts on folk-lore and give the explanation that the folk-lore speimen which faced to changes is independent genre spesimen, or the kind of any genre.

The author mostly supports on his own collection of folk-lore spesimens. It is noted that the theme is investigated for the first time.

Key words: azerbaijani folk-lore, Mugan folk-lore spesimens, intergenre changes in folk-lore.

Билал Гусейнага оглу Гусейнов

Нахичеван мемлекеттік университеті, Әзірбайжан, Нахчиван қ.,
e-mail: bilalhuseynov58@mail.ru

Әзірбайжан фольклорындағы ішкі жанрлық өзгерістер (Муган фольклорындағы образдар негізінде)

Мақалада әзірбайжан фольклорындағы ішкі жанрлық өзгерістер зерттеліп, эпикалық, лирикалық және драмалық түрлердің жанрлық ерекшеліктері қарастырылады. Әзірбайжан фольклорында жанрдың ерекшеліктері мен ішкі жанрлық өзгерістер жеткілікті дәрежеде зерттелген жоқ. Бір немесе бірнеше аймақтың мысалында құрылымының пайда болу, оны жақсарту, тұрақтандыру және ішкі өзгерістер кезеңдерін зерттеудің үлкен қажеттілігі бар. Тақырыпты зерттеу үшін таңдалған Муган аймағы әртүрлі фольклорлық үлгілерге бай. Аймақтың фольклорлық ауқымын анықтау, жанрлық әлеуетін анықтау осы мақсат үшін өте маңызды. Сондықтан зерттеудің бірінші кезеңі – фольклорлық үлгілерді қатаң түрде жинау және жариялау болып табылады. Эпостардағы, ертегілердегі, әзілдердегі, аңыздардағы, жоқтаулардағы және басқа да фольклорлық үлгілердегі ішкі өзгерістер қарастырылады. Ішкі өзгерістер жанрдың даму ерекшеліктерінің көрсеткіштері болып табылады. Шындығында, жанрды көрсету формалары туралы сөз болып отыр. Ішкі жанрлық өзгерістерді зерттеу фольклордағы жанрға қатысты әртүрлілікті аяқтайды, өзгеріске ұшыраған фольклорлық үлгілер жанрдың тәуелсіз үлгілері ме, әлде бір жанрдың түрлері ме деген сұраққа түсінік береді. Автор көбінесе өзі жинаған фольклорлық үлгілерге сілтеме жасайды. Атап өтілген тақырып алғаш рет зерттелді.

Түйін сөздер: әзірбайжан фольклоры, Муганидің фольклорлық үлгілері, фольклордағы ішкі өзгерістер.

Введение

Одна из проблем, существующих в современной азербайджанской фольклористике, связана с назначением жанра. Существует множество фольклорных образцов, которые нельзя ограничивать рамками одного конкретного жанра. И поэтому существует большая необходимость в изучении внутрижанровых изменений в фольклоре. Для определения границ жанра придется выяснять, соответствует ли фольклорный образец этому жанру. Жанр состоит из неоднократно повторяющихся и устоявшихся в пределах определенных параметров текстов. Данное определение к некоторым жанрам не относится. Например, колыбельная, прибаутка и причитание относятся к жанру баяты, однако, тематическое назначение этих фольклорных образцов определяет их жанр.

Эксперимент

Как известно, фольклорные образцы функционируют не в изолированном друг от друга виде, наоборот, в могущей воздействовать друг на друга степени взаимосвязи. Истинно и то, что исследование поэтических свойств по жанрам и жанровых особенностей лирических фольклорных образцов не были завершены. При исследовании жанровых особенностей традиционными методами возникают некоторые проблемы, ко-

торые связаны с назначением текста. И поэтому приходится определять новые принципы, не применяемые к иным литературным видам. Эти принципы заключаются в уточнении первоначального назначения модифицированных текстов и определения текстологической ассигментации.

Внутрижанровые изменения в азербайджанском фольклоре в достаточной степени изучены не были. Этапы возникновения, усовершенствования, стабилизации структуры и внутрижанрового изменения в фольклоре требует серьезного исследования. Хотя для исследования темы за основу был взят фольклор Муганского региона Азербайджана, в сравнительной форме рассматриваются внутрижанровые изменения в целом в азербайджанском фольклоре. Фольклорную аудиторию Муганского региона составляют траурные обряды и иные религиозные меджлисы, свадебные празднества и ночи обручения, ночи сказывания сказок, профессиональные ритуалы, календарные обряды и пр. Первую стадию исследования составляет строгий сбор и издание фольклорных образцов. Как результат долговременной собирательской деятельности автора Институтом Фольклора НАНА был издан “Муганский фольклор”. В этом сборнике внутрижанровые изменения причитаний проявляются в таких фольклорных образцах, как причитания и эпиграфия (надгробные надписи) (Antologiya, 2008: 246-267). Опять же в изданных Институтом

Фольклора “Образцах Ярдымлинского фольклора” мы видим увеличение жанровых возможностей причитаний. Сюда добавлены такие тексты, как *шивен* (*şivən*), *гыйха* (*qıyha*) (Folklorniye, 2014: 34-25). Среди Ярдымлинских фольклорных образцов особое место занимают и песни, и эти песни подвергаются внутрижанровым изменениям, отличающимся музыкальным выбором. В Джалилабадском и Биласуварском регионах Азербайджана широко распространены *дошеме* (*döşəmələr*), *бирагыз* (*birağızlar*), *зумзуме* (*zümzümələr*). Напомним, что в западном азербайджанском регионе эти песни зовутся *тырынгы* (*tiringilər/tırınqılar*) и *гымгыма* (*qımqımalar*) (Ismailov, 2006: 92). Вышедшие в свет в разные годы исследования Б. Аларлы “Особенности комического жанра”, “Муганские края. Первая книга”, “Муганские края. Вторая книга” и другие собранные материалы рассматривают внутрижанровые изменения в фольклоре региона.

Лирический вид внутрижанровым изменениям подвергается чаще. Значительную часть обрядовых песен составляют бытовые песни, которые связаны с рождением, проживанием, обустройством семьи и смертью. Во внутрижанровые изменения входят такие виды прибауток, как *назлама* (*nazlama*), *езизлеме* (*əzizləmə*), *ейлендирме* (*əyləndirmə*), *арзулама* (*arzulama*) и др. Ф. Баят называет их “подзаголовки” (“*alt başlıqlar*”) (Bayat, 2012: 143). Связанные с бытом песни в большей степени известны под названиями *дошеме* (*döşəmə*), *бирагыз* (*birağız*), *зумзуме* (*zümzümə*), *дейишме* (*deyişmə*), *тиринги* (*tiringi*), *гымгыма* (*qımqıma*), *хейур-дуа* (*xeyir-dua*), *курду* (*kürdü*) (Hüseynov, 2015: 61-64). *Хейур-дуа*, т.е. благословение, высказанное устами родителя, желающего счастья своему ребенку, создающему семью, обычно произносится на свадьбах или помолвках: “*Kəməriyi qurşasın Gözəgörünməz, bala, tən xeyriyi verdim, Allah da versin!*” – “Пусть Всевышний закрепит твой пояс, дитяtko мое, я дал благословение, пусть даст и Аллах!” (Folklorniye, 2014: 147). В регионе и к мейхане относятся как к жанру фольклора.

В азербайджанском фольклоре среди обрядовых (бытовых) песен причитания обладают особым местом. Первое внутрижанровое разделение провел Мирза Аббас Аббасзаде. В предисловии, написанном Р. Халиловым и А. Хуррамкызы к повторному изданию в 2004 году книги М. А. Аббасзаде “Женское причитание”, отмечается, что в этой работе “внутрижанровые разделения являются первым шагом, сделанным в азербайджанской фольклористике в этой об-

ласти” (Jenskoje, 2004: 8). Из этого фольклорного сборника в качестве внутрижанрового разделения можно взять *йеду* (*yedi*) и *причитания* (*ağı*). Внутрижанровые изменения поминальных песен (причитаний) таковы: *йеду* (*yedilər*), *шивен* (*şivənlər*), *шахсей-вахсей* (*şaxsey-vaxseylər*), *мерсие-элегии* (*mərsiyə*), *айгырты* (*hayqirtılar*), *гыйха* (*qıyhalar*), *бозлама* (*bozlamalar*), *охшама* (*oxşamalar*), *сызлама* (*sızlamalar*), *узунту* (*üzüntülər*), *меселли* (*təsəllilər*) и *эпитафии* (*epitafiyalar*). Кроме того, на поминальных обрядах, адаптировав под судьбу умершего, исполняют также религиозные стихи – элегии – и иные религиозные обрядовые песни.

Причитания иногда называют и *охшама* (*oxşama*). Являющийся одним из видов причитания *сызылты* (*sızıltı*) понимается как плач над покойным спокойным и грустным голосом. В противовес этому, *бозлама* (*bozlama*) представляет собой плач громким голосом. Это иногда называют и *сес чекмек* (*səs çəkmək*), т.е. поднимать голос. В энциклопедическом словаре “Книги моего Деда Коркута” *бозлама* (*bozlama*) (есть такие подвиды как, *бозуг* (*bozuq*), *бозлаг* (*bozlaq*)) преподносится как явление недовольства судьбой, пределом: “*Qadın ana! Qarşum alub, nə bögrərsən? Nə bozlarsan, nə ağlarsan?*” Или: “*Бейбере-бек, nə ağlayub bozlarsan?*” (Kniga, 2004: 66). Оплакивание умершего громким голосом порой называют и зарыма (*zarıma*). В эпосе *zarıma* выражено как *zarılıq qılma*: “Высокого роста, тонкостанная Бурла-хатун... “*oğul*”, “*oğul*” *deyübən zarılıq qıldı, ağladı*” (Kniga, 2004: 353). Герои этого эпоса, провожая покойного до последнего пристанища “*Qoruz çalib, ağı döyüb*” *rövnəqləndirirdilər* музыкальной ритуала йуг.

Причитания представляет собой широко распространенный и в тюркской литературе как особый жанр и по словам Махмуда Кашгари, из них самым знаменитым считается “Причитание на смерть Алп Эр Тонга” (Kashgari, 2006: 115-468). В орхонских памятниках причитание именуется *сагым* (*sağıt*), а причитающий – *сагымчы* (*sağıtçı*) (Bayat, 2012: 105). В древних источниках певцы, поющие о храбрости покойного, именовались *сагучу* (*sağucular*) (Allahverdiyev, 1978: 62-86).

Причитания бывают в прозаической и поэтической форме. Причитания в прозаической форме – это *йеду* (*yedilər*) и *шивен* (*şivənlər*). В образце *йеду* (*yedi*) говорится: “*Açılmayan tufəngin, sıyrılmayan xançalın öz canına qurban! Ay kimi doğdun, gün kimi batdın, minəndə at bağır yarıdın, düşəndə yer bağır yarıdın, saydığın*

salam verdin, saymadığına yan verdin, düşməninə dirsək göstərdin, qəniminə qan uddurdun, altının bəddöy atına, çiyininin süzən tufənginə, tərkinin dolu xurcununa, ağzının kəsərli sözünə anan qurban ey!” – “Пусть будут жертвой твоей не выстрелившее ружье твое, обнаженный клинок твой! Родился как Луна, закатился как Солнце, когда оседлал коня, конь испугался, когда спустился, земля испугалась, приветствовал того, с кем считался, проходил мимо того, с кем не считался, врагу показал локоть, кровью врага заставил захлебнуться, пусть будет твоя мать жертвой коня под тобой, сжимающего твое плечо ружья, хурджуна у седла, резкого слова твоих уст!” (Jenskoje, 2004: 16). Шивен (*şivən*) в “Книге моего деда Коркута” изображен как плакать окур-окур (*ökür-ökür ağlamaq*), зарлык кылмык (*zarlıq qılmaq*) (Kniga, 2004: 168). Среди фольклорных образцов *gыйха* (*qıyhalər*) также занимают особое место. *Гыйха* (*qıyha*) используется близкими для выражения своего горя пришедшим на поминки в период траура:

Alınmda teli büzümdə,
Heç kim olmaz mən dözümdə.
Arzumu qoydu gözümdə,
Getdi, yarım qayıtmədi (Folklorniyə, 2014: 148).

На лбу волосы мои закудрились,
Ни у кого нет выдержки моей.
Мечта осталась лишь в глазах моих,
Ушел, не вернулся возлюбленный.

Бозлама (*bozlamalar*), сызлама (*sızlamalar*), узунту (*üzüntülər*) и теселли (*təsəllilər*) составляют разные этапы причитания на траурных обрядах. Причитания-эпитафии записываются на надгробные камни умершего, доносят посещающим его могилу информацию о личности покойного поэтическими фрагментами. Их называют также надгробными причитаниями. Есть некоторые надгробные записи, которые в равной степени важны и для фольклористики, и для исторической науки. Подобные исследования в муганском регионе провели Э. Аманов (Amanov, 2018: 147-154) и А. Мирзазаде (Mirzazade, 2015: 73-84). Причитальщики фольклорные образцы подобного типа называют *баятычекме* (*bayatıçəkmə*) – созывать баяты. Баяты народного поэта, автора большого числа элегий З. Ахгусейнкызы о шехидах Кербелы, пророках, видных религиозных деятелях, матери и брате в действительности состоят из причитаний (Alihuseynkizi, 2018: 18-22).

Внутрижанровые изменения эпической формы разнообразны. Динамика сказок требует особого исследования. Эпосы проходят этапы народного романа, документальной повести, сказки, были, ашугского предания, мемуаров, летописи, исторического события и т.д. Эти тексты в действительности представляют собой рабочий вариант возникающего эпоса. В Азербайджане эпосы свое жанровое качество вначале получают из сказок. Существуют эпосы, имеющие поэтические фрагменты и не имеющих поэтических фрагментов. Внутрижанровое развитие эпосов можно систематизировать следующим образом: ашугские предания, сказки-эпосы и эпосы. События Муганского региона, записанные Мирзагулу из Лазрана, обладают эпическим характером и даже обогащены поэтическими фрагментами (Lazranli, 2016: 90-104).

Жанровые особенности анекдотов можно сгруппировать в виде *беземе* (*bəzəmə*), *бояма* (*boyama*), *шебеде* (*şəbədə*), *лаглагы* (*lağlağı*), *доддаггачды* (*dodaqqaçdı*), или юмористический сказ (*məzəli əhvalat*), *атмача* (*atmaca*), *бедйе* (*bədyə*), *очешме* (*öcəşmə*), *каравелли* (*qaravəlli*), *текерлеме* (*təkərləmə*), *гульмече* (*gülməcə*), *шутка* (*zarafat*), *чырнатма* (*cırnatma*), *меzxеке* (*məzhəkə*) и т.д. Например, в Борчалы широко распространены *шебеде* (*şəbədə*) (Garachor, 2019: 414-442), в Карабахском регионе *беземе* (*bəzəmə*) и *бояма* (*boyama*), в Муганском регионе *доддаггачды* (*dodaqqaçdı*) и *атмача* (*atmaca*), Нахчыване *бадя* (*bədyə*) и *очешме* (*öcəşmə*).

Особое место в качестве жанров эпического вида в азербайджанском фольклоре занимают легенды и предания. Внутрижанровые изменения легенд осуществляются преимущественно на основе содержания. Сюда входят:

- а) Легенды о сотворении;
- б) Космогонические легенды;
- в) Легенды о различных событиях и личностях;
- г) Топонимические легенды;
- д) Легенды о природных явлениях.

Признаком, отличающим мифологические предания от легенд, является связь этих текстов с архаическими верованиями. Содержание пяти легенд, записанных о Девичьей башне на территории Ярдымлы, связано с Ардебилем (Folklorniyə, 2014: 28-34). А историк-исследователь Э. Аманов пишет о том, что Девичья башня на самом деле была центром космических исследований (Amanov, 2018: 112-128).

Во внутрижанровые изменения преданий входят а) *башагелди* (*başagəldilər*); б) *были*

(*olmuş əhvalatlar*); в) *топонимические предания* (*toponimik rəvayətlər*); г) *предания об исторических событиях и исторических личностях* (*tarixi hadisələrlə və tarixi şəxsiyyətlərlə bağlı rəvayətlər*); д) *хадисы* (*hədislər*); е) *мифологические тексты, имеющие характер преданий* (*rəvayət xarakterli mifoloji mətnlər*); ж) *предания о природных явлениях* (*təbiət hadisələri ilə bağlı rəvayətlər*) и з) *ашугские предания* (*aşıq rəvayətləri*). Хадисы рассказывают о событиях имеющих религиозный характер. Хадисы делятся на *религиозные предания, религиозные легенды, религиозные анекдоты, религиозные события о святых и мысли о религиозных догмах*. “Змея” (“İlan”), “Волосатый” (“Tüklüçə”), “Совет жены” (“Arvadin məsləhəti”) и др. мифологические тексты имеют характер предания (Antologiya, 2008: 26-39). Такие предания, как “Козломор” (“Keçiqrın”), “Старуха и верблюд” (“Qarı nəpə və dəvə”), “Ловля стариком падишаха рыб” (“Qocanın baliqlar padşahını tutması”) представляют собой “послания”, пересылаемые будущим поколениям для правильного использования природных явлений (Antologiya, 2008: 101-130).

Топонимические предания охватывают названия местностей и делятся на несколько групп, которые связаны преимущественно с этносами, антропимами и рельефом. Группирование этих преданий совпадает с трактовкой географического характера (Folklorniye, 2014: 268-274).

Предания об исторических событиях и исторических личностях вносят в фольклорную память важные и знаменательные события о бурном прошлом народа, отличившихся в этих событиях людей. *Башагелди* (*başagəldi*), своего рода были, строится на реальных событиях, повествует о реальных событиях. Но *были* (*olmuş əhvalatlar*), являющиеся другим видом преданий, по своему объему и жанровым особенностям частично отличается от башагелди (*başagəldi*), носят в большей степени современный характер, то есть отражают события недавнего времени (Folklorniye, 2014: 162-167).

Ашугские предания же полностью отличаются от других преданий. Ашугские предания бывают либо самостоятельной формы, либо же бывают в соответствующей сюжетной линии эпоса, рассказанного ашугом на вечерах эпосов. Предания ашугов Агбабы были собраны и изданы как отдельные фольклорные образцы (Ismailov, 2006: 97-98). В Муганском регионе значительную часть преданий об исторических личностях и исторических местах записал М. Касымов (Gasimov, 2016: 14-530);

Скороговорки (*yaniltmaclar*) в Муганском регионе распространились под названиями *дилдолашдырма* (*dildolaşdırma*), *Янылтма* (*yaniltma*), *яхалтма* (*yahaltma*) (Antologiya, 2008: 368-369). Во внутрижанровые изменения *загадок* (*tapmacalar*) входят *билмече* (*bilməcələr*) и *баглама* (*bağlamalar*). И *билмече* (*bilməcələr*), и *загадка* (*tapmacalar*) по форменным особенностям бывают в прозаической и поэтической форме. *Баглама* (*bağlamalar*) же состоят лишь из стихов и напоминают перебранку двух человек.

Внутрижанровые изменения драматического вида проходят большой исторический этап от игровых песен и игр до народных представлений. Тексты, произносимые на стадии подготовки к игре, находятся в основании игр. Во время *уралама* (*uralama*) проводится разделение игроков. Записанные в Муганском регионе *уралама* (*uralamalar*) чрезвычайно просты:

Handa-hunda,
Tüklü yatıb bunda (Antologiya, 2008: 375).

То там, то тут,
Лисица заснула тут.

Результаты и обсуждение

В азербайджанском фольклоре жанры драматического вида *театральный фольклор* (*tamaşa folkloru*) отличаются своеобразными особенностями. Так, эти жанры делятся и изучаются по форме исполнения, составу, моменту и времени исполнения, манере исполнения, структуре исполнения и др. Э. Асланов группирует игры и представления примерно следующим образом: а) конные игры; б) девичьи-женские игры; в) дервишские игры; г) игры зорхана; д) обрядовые празднества; е) игровые-кукольные представления; ж) детские игры; з) религиозные представления шебих (Aslanov, 1984: 7-9). Среди широко распространенных в Муганском регионе игр есть игра *шатыр* (*şatır*). Есть игры развлекательного характера и спортивной (состязательной) сущности. Внутрижанровые изменения игр и народных представлений до настоящего времени полностью не были изучены.

Заключение

Таким образом, внутрижанровые изменения азербайджанских фольклорных образцов впервые изучаются в научной форме, обобщаются проведенные в этой сфере исследования. В

статье выявляются внутрижанровые изменения части фольклорных образцов Муганского региона в сопоставлении с азербайджанскими фольклорными образцами в целом. Внутрижанровые изменения являются показателями особенностей развития жанра. На самом деле, речь идет

о формах отображения жанра. Изучение внутрижанровых изменений завершает разнообразие по поводу жанра в фольклористике, вносит ясность в вопрос о том, является ли подвергнувшийся изменению фольклорный образец самостоятельным образцом жанра, или видами одного жанра.

Литература

- Антология Азербайджанского фольклора. Книга 17. Муганский фольклор / Собираетель Б. Гусейнов. – Баку: Нурлан, 2008. – 448 с.
- Фольклорные образцы Ярдымлы. Книга 1./ собираетели И. Аббаслы, Б. Абдулла, Э. Маммадли, Б. Гусейнов. – Баку: Наука и образование, 2014. – 334 с.
- Исмаилов Г. Региональные особенности Азербайджанского фольклора. – Баку: Сада, 2006. – 336 с.
- Баят Ф. Фольклорные уроки. – Баку: Наука и образование, 2012. – 143 с.
- Гусейнов Б. По реке Вилеш (Фольклорный мир Ярдымлы). – Баку: Свет слова, 2015. – 162 с.
- Женское причитание: баяты, хахышта, колыбельные, слова свекрови-невестки / Составитель М.А. Аббасзаде. – Баку: Сада, 2004. – 60 с.
- Книга моего деда Коркута. Энциклопедический словарь. – Баку: Ондер, 2004. – 368 с.
- Кашгари М. Дивани-лугатит-тюрк / Перевод и составление Р. Аскер. В 4-х томах. Том 1. – Баку: Озан, 2006. – 512 с.
- Аллахвердиев М. История Азербайджанского народного театра. – Баку: Просвещение, 1978. – 236 с.
- Аманов Э. Муган: по следу исчезнувшей истории. Книга 1. – Баку: Наука и образование, 2018. – 160 с.
- Мирзазаде А. Памятники материальной культуры Мугани. – Баку: Наргиз, 2015. – 160 с.
- Алигусейнкызы З. Религиозные стихотворения. – Баку: Наука и образование, 2018. – 148 с.
- Лазранлы М. Из минувших дней (Документальные рассказы). – Баку: Алаторан, 2016. – 322 с.
- Гарачеп. Энциклопедический сборник / составитель Н. Абдулрахманлы. – Баку: Ганун, 2019. – 880 с.
- Касымов М. История, этнонимы и топонимы Джалилабада. – Баку: Наука и образование, 2016. – 542 с.
- Асланов Э. Народные игры, народный театр. – Баку: Ишыг, 1984. – 276 с.

References

- Alihuseynkizi Z. (2018). Religiozniye stihy [Religious poems]. Baku: Nauka i obrazovaniye, 148 p. (In Azerbaijani)
- Allahverdiyev M. (1978). Istoriya Azerbajjanskogo narodnogo teatra [History of the Azerbaijan folk theater]. Baku: Prosvesheniye, 236 p. (In Azerbaijani)
- Amanov E. (2018). Mugan: po sledu ischeznuvshey istorii [Mugan: following a disappeared story]. Book 1. Baku: Nauka i obrazovaniye, 160 p. (In Azerbaijani)
- Antologiya (2008) Azerbajjanskogo folklor [Anthology of Azerbaijani folklore]. Book 17. Mugan folklore. Baku: Nurlan, 448 p. (In Azerbaijani)
- Aslanov E. (1984). Narodniye igri, narodniy teatr [Folk games, folk theater]. Baku: Ishig, 276 p. (In Azerbaijani)
- Bayat F. (2012). Folklorniye uroki [Folklore lessons]. Baku: Nauka i obrazovaniye, 143 p. (In Azerbaijani)
- Folklorniye (2014) obraszi Yardimli [Folklore samples of Yardimli]. Book 1. Baku: Nauka i obrazovaniye, 334 p. (In Azerbaijani)
- Garachop (2019). [Garachop]. Ensiklopedicheskiy slovar. Baku: Ganun, 880 p. (In Azerbaijani)
- Gasimov M. (2016). Istoriya, etnonimi i toponimi Jalilabada [History, ethnonyms and toponyms of Jalilabad]. Baku: Nauka i obrazovaniye, 542 p. (In Azerbaijani)
- Ismailov H. Regionalniye osobennosti Azerbajjanskogo folklor [Regional features of Azerbaijani folklore]. Baku: Sada, 336 p. (In Azerbaijani)
- Jenskoye (2004) prichitaniye: bayati, hahishta, kolibelniye, slova svekrovi-nevestki [Female due: bayats, hahyshta, lullabies, words of mother-in-law-daughter-in-law]. Baku: Sada, 60 p. (In Azerbaijani)
- Kashgari M. (2006). Divani-lugatit-turk [Divani-lugatit-turk]. Baku: Ozan, 512 p. (In Azerbaijani)
- Kniga (2004) moego deda Korkuta [The book of Dada Gorgud]. Ensiklopedicheskiy slovar. Baku: Ondar, 368 p. (In Azerbaijani)
- Kniga (2004) moego deda Korkuta [The book of dada Gorgud]. Baku: Onder, 376 p. (In Azerbaijani)
- Lazranli M. (2016). Iz minuvshih dney [From past days]. Baku: Alatoran, 322 p. (In Azerbaijani)
- Mirzazade A. (2015). Pamyatniki materialnoy kulturi Mugani [Monuments of material culture of Mugan]. Baku: Nargiz, 160 p. (In Azerbaijani)

Б.С. Жонкешов^{1*} , **А.Ж. Үдербаев²**

¹А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты, Қазақстан, Алматы қ.,

²Satbayev University, Қазақстан, Алматы қ.,

*e-mail: zhon_bs79@mail.ru

ГЕОГРАФИЯ САЛАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ БАЛАМАСЫЗ ТЕРМИНДЕРІ

Мақалада қазақ тіліндегі баламасыз лексикалық бірліктер жайы қарастырылады. «Баламасыз лексика деп нені түсінеміз?» деген сұраққа жауап ізделінеді. Баламасыз терминдердің ғылыми анықтамасы төңірегінде шолу жасалып, реалий терминдер туралы сөз болады. Осыған дейін зерттеу жүргізілген ғылыми еңбектерге талдау жасалып, реалий терминдердің пайда болу жолы, олардың түрлері, тілде игерілу тәсілдері, терминологиялық қорда алатын орны нақты сілтемелер мен мысалдар арқылы сипатталады. Реалий терминдерді қабылдаушы тілге енгізудің негізгі жолы транскрипция мен транслитерация тәсілдері турасында айтылып, бірақ қазақ тілінде терминдерді игерудің аталмыш механизмі жұмыс істемей келе жатқандығын, бүгіндері қазақ терминқорындағы терминдер орыс тілінің заңдылығына сәйкес өзгеріссіз алынып отыруының кемшін тұсына баса назар аударылады.

Авторлар мақаласын «баламасыз терминдер тобына жататын реалий терминдер география терминқорына қосылған үлес болып саналады. Бұл терминдер қазақ халқының өміру сүру салтының, тұрмыс қажеттілігінің нәтижесінде пайда болған халықтық терминдер. Жер жағдайын атайтын бірліктер қазақ халқының география ғылымындағы білімділігінің, өзіндік танымының дәлелі. Қазақ тілі география терминдерімен қатар, малшаруашылығы, тағам өнеркәсібіндегі реалий терминдерге бай. Өзге елдер осы сипаттағы реалий терминдерді транслитерация және транскрипция тәсілдерімен игерген» деп қорытындылайды.

Түйін сөздер: термин, баламасыз терминдер, терминқор, география, реалий, дефиниция, транскрипция, транслитерация және т.б.

B.S. Zhonkeshov^{1*}, A.Zh. Uderbayev²

¹A. Baitursynuly Institute of linguistics, Kazakhstan, Almaty

²Satbayev University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: zhon_bs79@mail.ru

Non-equivalent terms of the Kazakh language in the field of geography

The article discusses the nonequivalent units of the Kazakh language. The answer to the question “What is nonequivalent vocabulary?” is received. A review is being conducted around the scientific definition of nonequivalent terms, the terms of reality are being studied. Analyzed are scientific works in which similar studies were previously conducted, with the help of specific references and examples, the ways of the emergence of real-life terms, their types, ways of mastering the language, the place occupied in the terminological fund are described. The methods of transcription and transliteration are revealed as the main way of introducing the terms of realities in the host language, the focus is on the fact that this mechanism for mastering terms in the Kazakh language does not function properly, and today the borrowing of terms into the Kazakh term fund is carried out in their unchanged form in accordance with the regularity of the Russian language, which is unacceptable.

In conclusion, the authors of the article come to the conclusion that the contribution of the terminological fund in the field of geography is the terms-realities, which belong to the group of nonequivalent terms. These terms are popular terms that have arisen as a result of lifestyle, life needs of the Kazakh people. The units describing the state of the terrain are evidence of knowledge and self-knowledge of the Kazakh people in the field of geography. The Kazakh language, along with geographical terms, is rich in terms-realities in cattle breeding, food industry, etc. In other languages, terms-realities of this nature are mastered by means of transliteration and transcription.

Key words: term, nonequivalent terms, terminology fund, geography, reality, definition, transcription, transliteration, etc.

Б.С. Жонкешов^{1*}, А.Ж. Удербает²

¹Институт языкознания им. А. Байтурсынулы, Казахстан, г. Алматы

²Satbayev University, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: zhon_bs79@mail.ru

Безэквивалентные термины казахского языка в области географии

В статье рассматриваются безэквивалентные лексические единицы казахского языка. Ведется обзор научного определения безэквивалентных терминов, изучаются термины-реалии в казахском языке. Анализируются научные труды, в которых ранее были проведены подобные исследования, при помощи конкретных ссылок и примеров описываются способы возникновения терминов-реалий, их виды, процесс освоения в языке, место, занимаемое в терминологическом фонде казахского языка. Раскрываются способы транскрипции и транслитерации как основного пути внедрения терминов-реалий в принимающем языке, акцентируется внимание на том, что данный механизм освоения терминов на казахском языке не функционирует должным образом, и на сегодняшний день заимствование терминов в казахский терминологический фонд проводится в их неизменном виде в соответствии с орфографией русского языка, что не полностью соответствует нормам казахского языка.

В заключении авторы статьи приходят к выводу, что вносимым вкладом терминологического фонда в области географии являются термины-реалии, относящиеся к группе безэквивалентных терминов. Эти термины являются народными терминами, возникшими в результате образа жизни, жизненных потребностей казахского народа. Лексические единицы, описывающие состояние местности, являются свидетельством знаний и самопознания казахского народа в области географии. Казахский язык наряду с географическими терминами богат терминами-реалиями в скотоводстве, пищевой промышленности и т.д. В других языках термины-реалии этого характера освоены способами транслитерации и транскрипции».

Ключевые слова: термин, безэквивалентные термины, терминологический фонд, география, реалии, дефиниция, транскрипция, транслитерация и т. д.

Кіріспе

Алдыңғы бір мақаламызда тең мағыналы терминдер синоним терминдер және балама терминдер деп екіге бөлінетіндігін сөз еткен едік. Тең мағыналы терминдер – бір ұғымды атайтын мағынасы бірдей, ұқсас терминдер. Синоним терминдер – бір тілде қатар қолданылатын немесе мағыналары ұқсас терминдер (бір тілде тең мағынада қолданылатын терминдер). Мысалы: *аэрация – ауа беру, ауамен қанықтыру; барьер – тосқауыл, кедергі* және т.б. Балама терминдер – қандайда бір тілдің терминжасам тәсілдері арқылы жасалып басқа бір тілдегі терминдермен қатар қолданылатын терминдер. Мысалы: *бутара – бутара, кенжугыш; вагранка – шойынпеш, вагранка* және т.б. Терминологияда осы балама терминдерге қарама-қайшы қолданылатын құбылыс – баламасы жоқ терминдер. Оларға терминқорымыздағы *вакуум – вакуум, ваишгерд – ваишгерд, габарит – габарит, гартлинг – гартлинг, геодинамика – геодинамика* және т.б. көптеген терминдерді жатқызамыз. Негізгі мәселеге бармас бұрын, мақаламызда қолданылатын біршама терминдердің мағынасын ашып алмақпыз.

Талдау

Жалпы тіл білімінде баламасыз лексика деген ұғым бар. Ол бір ғана тілде таңбалық және мағыналық сипаты бар, басқа тілде тұрақты (толық немесе ішінара) сөздік сәйкестігі жоқ лексикалық бірліктері. Мысалы, орыс ғалымдары Е.М.Верещагин және В.Г.Костомаров баламасыз лексика тобына «мазмұнының жоспарын қандай да бір өзге тілді лексикалық ұғымдармен салыстыру мүмкін емес сөздер» (Верещагин, 1990: 197) деген анықтама береді. Енді бір ғалымдар Л.С.Бархударов, С.Влахов, С.Флорин, Я.И.Рецкер, В.Н.Комиссаров және А.Д.Швейцер бұл ұғымды өте кең ұғымдағы немесе ішінара тар мағынадағы «реалий» терминінің синонимі деп пайымдайды. А.Д.Швейцер, баламасыз лексика категориясы ретінде «басқа мәдениетте дәл сәйкестігі жоқ мәдени реалийлерді білдіру үшін қолданылатын лексикалық бірліктерді» (Швейцер, 1973: 108) қарастырады. В.Н.Комиссаров «аударма тілінде тұрақты сәйкес сөздері жоқ бастапқы тілдің бірліктерін» (Комиссаров, 1990: 147) баламасыз бірліктер деп атайды. С.Влахов және С.Флорин сияқты болгар тілшілері ұсынған дефиниция, керісінше, баламасыз лек-

сика ұғымын «аударма тілінде аударма баламасы жоқ лексикалық бірліктер» (Влахов, 1986: 51) деп түсіндіреді.

Я.И.Рецкер «ең алдымен, бастапқы тілге тән, ал өзге тілге және өзге болмысқа бөтен реальный белгісін» «баламасыз» лексика ретінде қарастырады (Рецкер, 1974: 58). Реальный ұғымын түсіндіру кезінде А.Д.Швейцер де осы бағытты ұстанады. Л.С.Бархударов «өзге тілде сөйлейтін адамдардың практикалық тәжірибесінде жоқ заттарды, ұғымдар мен жағдайларды білдіретін сөздер» (Бархударов, 1975: 95) деп реалийге қысқаша ғана анықтама берген.

В.Н.Комиссаров екі сабақтас ұғымды салыстыра отырып, баламасыз лексикаға мынадай анықтама береді: «тілдің кумулятивтік қызметінің өнімі болып табылатын және аялық білімнің, яғни сөйлеушілердің санасында бар білімдердің сыйымдылығы ретінде қарастырылуы мүмкін, белгілі бір мәдениетке тән ерекше құбылыстардың белгісі» (Комиссаров, 1990: 37).

Бұл пікірлерден шығатын қорытынды, реалийлер лингвистикалық құбылыс ретінде баламасыз лексиканың бір бөлігі болып табылады. Олар мәдениет пен тілдің өзара әрекеттесу тұрғысынан базалық білімнің бір бөлігі ретінде тілші ғалымдардың қызығушылығын тудырды. Тілшілер бұл мәселеге әлеуметтік тұрғыдан назар аудара бастады. Осыған байланысты халықтың өмір сүру салты мен өздері сөйлейтін тіл арасындағы өзара қарым-қатынас мәселесі тікелей зерттеу нысанына іліне бастады. Белгілі бір ұлттар мен халықтарға ғана тән заттар мен мемлекеттік институт белгілері, тарихи, рухани, материалдық мәдениет фактілері, ұлттық, мифологиялық және фольклорлық кейіпкерлердің аттары *реалий* деп аталады.

Нәтиже мен талқы

А.О. Иванов ұсынған баламасыздық түрлерінің дәстүрлі жіктемесіне сүйене отырып, оның пайда болуының негізгі себептерін атап көрсетуге болады:

- аударылатын тілде сөйлейтін халық өмірінде ондай заттың, құбылыстың болмауы (заттай баламасыздық);

- аударылатын тілде мағынасы бірдей ұғымның болмауы (лексика-семантикалық баламасыздық);

- лексика-семантикалық сипаттамалардағы айырмашылықтар (стилистикалық баламасыздық) (Иванов, 1985: 82).

Баламасыздықты қалыптастыратын бұл себептер сәйкес келмейтін баламалардың заттай және лексика-семантикалық категориялары арасындағы айырмашылықтарды сипаттайтын критерийлерді көрсетеді. Лингвистика тұрғысынан, игерілетін тілде мағынасы бірдей, бірақ баламасы жоқ ұғым мынадай критерийлерге ие болуы мүмкін:

- игерілетін тілде оған ұқсас ұғымның болмауы;

- салыстырылатын тілде сөйлейтін халықтардың әртүрлі тілдік ойлауына байланысты тікелей сол заттың болмауы;

- ұлттық объективті әлемнің түрліше бөлінуінің салдары ретінде нақты сол заттың болмауы;

- салыстырмалы ұғымдардың игерілетін және бастапқы тілдерде сәйкес келмеуі.

Баламасыз лексикаға реалийлермен қатар терминдерді де жатқызуға болады. Кейбір терминдердің өзге тілде баламалары болмайды. Ондай терминдерді көбінесе өз тілінің фоно-морфологиялық ерекшеліктеріне сәйкес қабылдап алады. Дегенмен, түпнұскалық формасында да еш өзгеріссіз қабылдап алатын тілдер де жоқ емес. Терминжасам тұрғысынан баламалықтың анағұрлым негізгі критерийі ұғымның сәйкес келмеуі.

С. Влахов пен С. Флориннің пікірінше, терминдер мен реалийлерді ажыратуға бірнеше критерийлер негіз бола алады, олар:

- терминдердің тіларалық баламалылығы және реалийлердің баламасыздығы;

- терминдердің ғылым тіліне, ал реалийлердің көркем әдебиет тіліне тиістілігі;

- этимологияның ерекшеліктері: терминдердің жасанды түрде түзілуі (латын және грек тілдеріне негізделген немесе бұрыннан қолданыста бар сөздерді қайта қарастыру арқылы) және оларды түзетін халықтың өмірімен және дүниетанымымен тығыз байланысты халық сөздері ретіндегі реалийді құру кезіндегі табиғи жаңа сөз табу;

- термин ғалымдардың арасында белгілі (тар ая), ал реалийлер шет тілінде белгісіз болғандықтан тілді пайдаланушылар арасында танымал (кең ая);

- терминнің жергілікті ұлттық уақытша бояуының болмауы және оның реалийлерде болуы (Влахов, 2006: 22).

Жалпы, термин дегеніміз – оқшауланған немесе айтылған пікірде не болмаса ой тұжырымында қолданылатын, тиісті ұғымды білдіретін сөз.

Ө.Айтбайұлы термин дегеніміз, «ең алдымен, белгілі бір ғылым мен техника саласында қолданылатын арнайы лексика» (Айтбаев, 2007: 163) деген анықтама береді. Ш. Құрманбайұлы «термин – ғылыми немесе өндірістік-технологиялық ұғым атауы болып табылатын арнайы қолданыстағы дефинициясы (ғылыми анықтамасы) бар сөз немесе сөз тіркесі» (Құрманбайұлы, 2014: 481) деген пікірді ұстанады.

Терминге қойылатын ең басты талап – ол тек бір мағынаны білдіруі керек. Жалпы терминология екі категорияға бөлінеді: 1) жалпы ғылыми терминдер және 2) арнайы (номенклатуралық) терминдер.

Терминнен айырмашылығы – реалий ұғымы әртүрлі мағынада түсіндіріледі, оны әртүрлі және көбіне өзара ерекше болып келетін дефинициялардың болуы растап отыр. Кейбір зерттеушілердің пікірінше, реалий – бұл экстралингвистикалық ұғым, ол жеке, нақты затты атайды және реалий сөздер, реалий терминдер, реалий атаулар, реалий белгілер (Р.А.Будагов, А.Д.Швайцер, А.В.Федоров, Н.К.Гарбовский және т. б.) сияқты үйлесімдерді қолдана отырып, тілде вербалды көрініс табады. Басқалары керісінше, реалий – бұл тіл арқылы айту құралдарының ерекше категориясы, бұл «нысандар (реверенттер) емес, сөздер» деп атап көрсетеді (Влахов, Флорин). Осы және басқа көзқарасты біріктіретін және белгілі бір мәдениеттің ерекшелігін көрсететін, сонымен бірге белгілі бір затты / құбылысты атау құралы ретінде қолданылатын зат / құбылыс ретінде реалийді анықтауға мүмкіндік беретін дефинициялар да бар (Р.К.Миньяр Белоручев, Л. Л. Нелюбин).

Терминнің сөз ретінде ең көп таралған ұғымы бар, ол қолдану саласы шектеулі арнайы ұғымды білдіреді. Бір жағынан, терминді шынайылық объектісімен, ал екінші жағынан – осы объект пен тиісті ұғымның арасындағы ұғыммен және пәндік-логикалық қатынастармен салыстыруға болады. Терминнің жалпы қолданыстағы сөзден семантикалық айырмашылығы – терминнің ұғымдық байланыстылығы, оның ғылым, техника, өндірістің белгілі бір саласына қатыстылығы болып табылады. Шынайылық объектілері және олар туралы ұғымдар қаншалықты әркелкі құрылымдалса, олардың терминдерін білдіретін ұғымдар да әртүрлі болады.

Әдетте, тар саладағы термин тек бір мағынаға ие, бірақ күнделікті лексика сияқты терминдер бірнеше мағынаға ие болуы мүмкін және белгілі бір мәнмәтіндер мен жағдайларда түрлі заттар мен ұғымдарды атауы мүмкін.

Бұдан басқа, жалпы ғылыми терминдер мен бір сала шеңберінде әртүрлі мағыналарға ие семантикасы кең терминдер деп бөлінеді. Бұл мағыналары бір білім саласымен және белгілі бір теория шегінде тікелей байланысты терминдер (Иванов, 1985).

Баламасыздық құбылысы игерілетін тіл терминдерінің жиынтығында бастапқы тілдегі терминге сәйкес келетін жеке алынған ұғымның болмауы немесе мағынасының тең келмеуі салдарынан пайда болады.

Оның өзі өзге тілдегі терминдердің келесі тілдегімен ұқсастығы, сәйкестігі немесе сәйкессіздігі, мағынасының тең келмеуі «тілдердің тарихи-мәдени дамуы деңгейімен, тілге енуі және ондай лексиканың өзекті болуымен байланысты түрлі тілдік өңірлер мен тілдік аралдарда әрқилы болады» (Мейлет, 2009: 224). Баламасыздықтың негізгі себебі – ғылыми шынайылықта реалийлердің әртүрлі болуы, бұл игерілетін тілде түпнұсқа тілдегі белгілі бір ұғымның болмауына әкеп соғады. Мысалы, география ғылымындағы *адыр, алас, альбеда, атлас, бархан, гамада, гоби, дария, джунгли, каньон, тақыр, сор* және т.б. терминдерді мысалға келтіруге болады. Мұндай терминдерді реалий терминдер деп атаймыз. И.С.Алексеева реалий терминдерге «қандай да бір елге, халыққа немесе жерге тән тұрмыс пен қоғамдық өмірдің болмысын білдіретін лексемалар» (Алексеева, 2004: 181) деген анықтама береді. Ғылымда нақты бір ұғымды атау үшін басқа да лексикалық бірліктермен қатар реалий терминдер де жұмсалыады. Себебі, жоғарыда көрсетілгендей терминдердің атауымен сәйкесінше ұғымы өзге тілдің терминологиялық қорында баламасы болмауы мүмкін.

Лингвистикалық әдебиеттерде реалий терминдердің бірнеше жіктелімі байқалады. А.А.Реформатский, А.Е.Супрун, В.С.Виноградов, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, И.С.Алексеева және т.б. лингвистердің реалий терминдердің жіктелулеріне қатысты өзіндік ұстанымдары бар.

И.С.Алексеева реалий терминдерді *пәндік, жергілікті және уақыт қағидаттары* бойынша жіктейді (мақаламызда пәндік бөлінісіне ғана тоқталамыз). Осы жіктемеге сәйкес аталмыш терминдерді **пәндік бөлу** географиялық, этнографиялық және қоғамдық-саяси реалийлерді қамтиды.

1 *Географиялық реалийлер* (Алексеева, 2004: 181). Оған физикалық география, метеорология және т.б. нысандарын жатқызады.

2 *Этнографиялық реалийлер* (Алексеева, 2004: 181). Бұл топқа тағам, зат, киім-кешек, ба-спана, әбзел, көлік, мерекелер, салт-дәстүрлер, әдет-ғұрыптар және т.б. жатады.

3 *Қоғамдық-саяси реалийлерге* әкімшілік-аумақтық бірліктер, билік органдары, саяси ұйымдар, қайраткерлер, әлеуметтік құбылыстар, оқу орындары, әскери бөлімшелер, киім-кешек және т. б. жатады.

Қазақ тілінің баламасыз терминологиясында реалий терминдердің екі түрі бар:

1. Қазіргі қазақ тілінің өзінде жоқ құбылыстарды (ұғымдарды) атайтын терминдер (*альбедро, атлас, бархан, гамада, гоби, джунгли, каньон* және т.б.).

2. Қазақ тілінің өзінде бар, өзге тілде жоқ құбылыстардың атауы (*адыр, алас, тақыр, сор* және т.б.).

Жалпы қазақ терминқорындағы реалий терминдердің тобында «уақытша баламасыз немесе реалий терминдер» бар екендігі байқалады. Мәселен, қазақ тіліндегі *дауыл* сөзі географиялық термин ретінде «көбінесе жекелеген аудандарда тұрып, осы жерлерге тән атаулармен аталады. Мысалы, Орта Азияда – *ауған*, Арабияда – *самум*, Сахарада – *хамсин*, Оңтүстік Францияда – *мистраль* және т.б. Жаңа маңы аудандарда мынадай дауылдар белгілі: Новороссияда – *бара*, Каспий теңізі жағаларында – *норд*, Байкалда – *баргузин* және т.б.» (Байбатша, 2015: 153). Бұл топтағы терминдер тілге енген уақытында балама табылмағанымен, уақыт өте келе, игеруші тілде жаңа сөз табылып, балама терминдер қорына өтіп кетуі мүмкін. Оның басты себебі, бастапқы тілді меңгерушілердің практикалық тәжірибесіндегі жаңашылдықтар біраз уақыт басқа лингвомәдени қоғам өкілдеріне белгілі болмауы.

Терминжасам тәжірибесінде баламасыз лексиканы игерудің белгілі бір тәсілдері байқалады:

- транслитерация және транскрипция, бұл сөздің морфологиялық формасын аздап өзгерту арқылы терминдерді игеру әдістері. Бұл тәсілдерді пайдалану сөздің мағынасымен қатар сөздің дыбыстық (транскрипция кезінде) немесе графикалық (транслитерация кезінде) формасын алу және терминжасамда әріптердің көмегімен сөздің графикалық-фонетикалық формасын жазбаша түрде қайта жаңғырту болып табылады;

- калькалау, игерілетін тілдегі тікелей лексикалық сәйкестіктер арқылы сөздің құрамдас бөліктерін ауыстырудың көмегімен (сөз морфемасы немесе баламасыз тұрақты сөз тіркесінің

лексемасы) баламасыз терминдерді берумен сипатталады;

- сипаттама түрінде беру, белгілі бір лексикалық бірліктің білдіретін құбылысының маңызды белгілерінің сипаттамасы ретінде кеңейтілген сөз тіркестері арқылы баламасыз терминнің мағынасын ашады. Басқаша айтқанда, терминжасамның бұл тәсілі игерілетін тілде оның дефинициясы (анықтамасы) арқылы жүзеге асырылады.

Реалий терминдерді қабылдаушы тілге енгізудің негізгі жолы транскрипция мен транслитерация тәсілдері. Дегенмен, өкінішке қарай қазақ тілінде терминдерді игерудің аталмыш тәсілі мүлдем қолданылмайды десек артық айтқан болмаймыз (Оның белгілі бір саяси себептері де бар). Біз терминқорымызға өзге тілден орыс тіліне аталмыш тәсіл арқылы игеріліп келген терминдерді дәл сол қалпында қабылдап келеміз (Оның қазақ тілінің ішкі заңдылықтарына (үндестік) кері әсерін тигізетін жағымсыз жақтары да бар).

Жоғарыда сөз етіп кеткеніміздей, қазақ тілінің баламасыз терминологиясындағы реалий терминдердің екінші түріне жататын терминдер қатары да жеткілікті. Ол жайында Ә.Т.Қайдаров пен А.А. Әбдірахмановтың «Казахская терминология» (Қайдаров, 2006: 261-273) атты бірлесе жариялаған мақаласында кеңінен сөз болған. Мақалада қазақ терминологиялық қорындағы көптеген терминдер көне түркі жазба ескерткіштерінен бастау алатындығы баса айтылады. Сондай-ақ, малшаруашылығы төл терминдерге бай екендігі дәлелді түрде баяндалған. Жартылай көшпенді өмір салтына байланысты қазақ тілінде тау, өзен, көл, дала және т.б. жер жайын сипаттайтын өзіндік географиялық терминдер жетерлік екендігін айта келе, «Қазақ тілінде физикалық география бойынша ғылыми терминдердің негізін құрайтын халықтық географиялық терминдердің жүздегені бар, мысалы: *айрық* «өзеннің тар аңғары», *атырау* «саға, ірі су қоймасының жырымдалған жағасы», *аша* «екі өзеннің қосылған жері», *бастау* «бұлақ», *бұлақ* «бұлақ», *жал* «көзге көрінетін, созылған қырқа», сөзбе-сөз «грива», *жарық* «жарық, сызат», *жыра* «шұңқыр», *қайнар* «бұлақ көзі», *кемер* «жаға белесі, тік жар», *қойтас* «домалақ тастар», *өзек* «алқап» және т.б.» (Қайдаров, 2006: 263). Осы мақалада *адыр, бидайық, саз, сай, сырт, тақыр, томар, тоғай, үстірт* және т.б. жергілікті географиялық терминдер орыс тілінің сөздік қорына енгендігі туралы сөз бо-

лады. Одан бөлек Ә.Б. Байбатша, А.Т. Бекботаев, А.Ж.Үдербаевтардың құрастыруымен жарық көрген «Орысша-ағылшынша-қазақша геологиялық терминдер сөздігінің» (Байбатша, 2019: 432) реестрінде берілген *тақыр – takyr*, *takir – тақыр* (364 б.), *адыр – adyr – адыр* (19 б.), *сай – sai – сай* (317 б.), *сор – sor – сор* (42 б.), *сырт – syrt – сырт* (364 б.) реальный терминдері орыс, ағылшын тілдерінің терминқорына енгендігінен дәлелдей түседі. Бүгіндері бұл терминдердің қатары *алас*, *сор* және т.б. терминдермен толығып отыр. Мақалада келтірілген географиялық терминдердің барлығы дерлік реальный терминдерге жатады. Ғ. Қоңқашбаев «тау, қойнау, өзен, көл, жайылым және т.б. әрбір ұсақ бөлшегі көшпенді қазақтарда өзіндік ерекше терминмен аталған, басқа халықтарда, әсіресе егіншілерде бұл терминдердің аналогтары жоқ» (Қоңқашбаев, 1951) деп, қазақ тілінің географиялық терминдерге бай болуының себебін көшпенді өмір сүруінің, күнделікті тұрмыс салтқа қажеттілігімен түсіндіреді.

Қорытынды

Қорыта келгенде, баламасыз терминдер тобына жататын қазақ тіліндегі реальный терминдер халықаралық деңгейдегі география ғылымының

терминологиялық базасына қосылған үлес болып табылады. Бұл терминдер қазақ халқының өміру сүру салтының, тұрмыс қажеттілігінің, өмірлік тәжірибесінің нәтижесінде пайда болған халықтық терминдер. Жер жағдайын сипаттайтын лексикалық бірліктер қазақ халқының география ғылымындағы білімділігінің, өзіндік танымының дәлелі. Көшпенді жағдайда өмір сүрген халықтар жер ыңғайын жақсы білген. Әрбір бедерге, әрбір құбылысқа атау беруге тырысқан. Ол өмір заңдылығы да. Мұндай қазақ тіліне тән реальный терминдер біз келтірген мысалдардан әлдеқайда көп болуы мүмкін. Қазақ тілі география терминдерімен қатар, малшаруашылығы, тамақ өнеркәсібіндегі, қолөнер т.б. салалардағы реальный терминдерге бай. Терминологиялық қабаттағы осы терминдерді әлі де болса, жете зерттеуді қажет етеді. Бұл тіліміздің, терминологиялық қорымыздың байлығы. Өзге елдер осы сипаттағы реальный терминдерді транслитерация және транскрипция тәсілдерімен игерген.

Мақала «Геология, геодезия, география бойынша арнаулы лексикадағы инновациялар: біріздендіру және лексикографиялау» (№ АР05134289) гранттық жоба аясында дайындалды.

Әдебиеттер

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990.
- Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1990.
- Влахов С., Флорин С. М. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986.
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975.
- Иванов А.О. Безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 1985.
- Meillet A. Esquisse d'une histoire de la langue latine. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 295 p.
- Влахов С. Непереводимое в переводе. Изд. 3 е, испр. и доп. – М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
- Айтбаев Ө. Қазақ тіл білімінің мәселелері. Вопросы казахского языкознания. – Алматы: «Арыс», 2007. – 624 б.
- Құрманбайұлы Ш. Қазақ терминографиясы: зерттеулер, оқулық, сөздік, библиография. – Алматы: «Сардар», 2014. – 928 б.
- Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. Филологический факультет СПбГУ. / И.С. Алексеева. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
- Байбатша Ә. Б. Жалпы геология (Жер динамикасы). – Алматы, 2015. – 498 б.
- Кайдаров А.Т. Абдрахманов А.А. Казахская терминология // Терминология мәселелері. 2-кітап. – Астана, «1С-Сервис» ЖШС, 2006. – 288 б.
- Байбатша Ә.Б., Бекботаев А.Т., Үдербаев А.Ж. Орысша-ағылшынша-қазақша геологиялық терминдер сөздігі. – Алматы: Қазақ тілі, 2019. – 432 б.
- Қоңқашбаев Г.К. Казахские народные географические термины. // Изв. АН КазССР. Сер. геогр. – 1951. – № 99. – Вып. 3.

References

- Alekseeva I.S. (2004) *Vvedenie v perevodovedenie. Ucheb. posobie dlya stud. i lingv fak. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Introduction to Translation Studies. Textbook allowance for students. filol.lingv fak. higher textbook. institutions. SPb. Faculty of Philology, St. Petersburg State University. I.S. Alekseeva]. M.: Academy, 2004. 352 p. (in Russian)
- Aytbaev O. (2007) *Qazaq til bilimi maseleleri* [Issues of Kazakh linguistics]. Almaty: Arys, 2007. 624 p. (in Kazakh).
- Baibatsha A.B. (2015) *General geology (Earth dynamics)*. Almaty, 2015. 498 p. (in Kazakh).
- Baibatsha A.B., Bekbotaev A.T., Uderbaev A.Zh. (2019) *Orussha-aglyshysha-qazaqsha geologyalyq terminder sozdigi* [Russian-English-Kazakh dictionary of geological terms]. Almaty: Kazakh language, 2019. 432 p. (in Kazakh)
- Barkhudarov L.S. (1975) *Yazyk i perevod: Voprosy obshey I chstnoy teoryy perevoda* [Language and translation: Questions of the general and private theory of translation]. M.: International Relations, 1975. (in Russian)
- Ivanov A.O. (1985) *Bezektivivalentnaya leksyka i ee perevod na russkiy yazyk* [Equivalent vocabulary and its translation into Russian]. St. Petersburg: Publishing House of Leningrad State University, 1985. (in Russian)
- Kaydarov A.T., Abdрахманов A.A. (2006) *Kazakhskaya terminology. Terminologiya maseleleri* [Kazakh terminology. Terminology issues. Book 2]. Astana, "1C-Service", 2006. 288 p. (in Kazakh)
- Komissarov V.N. (1990) *Teorya perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. dlya intov i fak. inostr. yaz.* [Theory of translation (linguistic aspects): textbook. for int and fact. foreign lang]. M.: Higher School, 1990. (in Russian)
- Konkashbaev G.K. (1951) *Kazakhskyye narodnyye geograficheskiye terminy* [Kazakh folk geographic terms]. *Izv. Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser Geogr.*, 1951, № 99, no. 3. (in Kazakh)
- Kurmanbayuly Sh. (2014) *Qazaq terminografyasy: zertteuler, oqulyq, sozdik, bibliografya* [Kazakh terminology: research, textbook, dictionary, bibliography]. Almaty: Sardar, 2014. 928 p. (in Kazakh)
- Meillet A. (2009) *Esquisse d'une histoire de la langue latine*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 295 p.
- Retsker Y.I. (1974) *Teorya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory of translation and translation practice]. M.: International relations, 1974. (in Russian)
- Schweizer A.D. (1973) *Rerevod y lingvistika* [Translation and linguistics]. M.: Military Publishing House, 1973. (in Russian)
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (1990) *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie v prepodovanii russkogo yazyka kak inostronnogo* [Language and culture: Linguistic and regional studies in the teaching of Russian as a foreign language]. M.: Russian language, 1990. (in Russian)
- Vlakhov S., Florin S.M. (1986) *Neperevodymoe v perevode* [Untranslatable in translation]. M.: Higher School, 1986. (in Russian)
- Vlakhov S. (2006) *Neperevidimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. *Izd. 3 ye, ispr. i dop.* M.: R.Valent, 2006. 448 s.

A.Ye. Ismagulova* , E.F. Gerfanova

Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan,

*e-mail: ismainagul@mail.ru

LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF SH. UALIKHANOV'S WORKS AS REFLECTION OF NATIONAL AND HISTORICAL FLAVOR

This article describes the results of the analysis of the works of Sh. Ualikhanov, the first Kazakh scientist, ethnographer, folklorist, educator, who transferred the knowledge about the Kazakh people, their traditions, religion, government, legends, presented the diversity of flora and fauna of Kazakhstan, the originality of the landscape, way of life and culture of the Kazakh people. The scientist's works greatly contributed to the study of the history, culture and literature of the peoples of Central Asia. His creative heritage goes beyond national identity and can be of great interest for the world science in the context of intercultural communication and intercultural education. The article presents various types of Kazakh national realia, as well as their linguocultural features in the works of Sh. Ualikhanov. Realias are words and phrases that name objects, phenomena, objects characteristic of the life, everyday life, culture, social and historical development of one people and unfamiliar or alien to another people, expressing national and (or) temporary flavor, which do not have exact matches in another language. A particular attention is focused on conveying features of the historical era, culture, national character.

Key words: linguocultural peculiarities, realia, intercultural education, language, culture.

А.Е. Исмагулова*, Э.Ф. Герфанова

Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті, Қазақстан, Көкшетау қ.,

*e-mail: ismainagul@mail.ru

Ш. Уәлихановтың ұлттық және тарихи колоритті тасымалдаушы ретіндегі шығармаларының лингвомәдени ерекшеліктері

Бұл мақалада тұңғыш қазақ ғалымы, этнограф, фольклортанушы, ағартушы Ш. Уәлихановтың әлемге қазақ халқы туралы, оның дәстүрлері, діні, елдің алатын орны, эпосы, аңыздары мен дастандары, сонымен қатар Қазақстанның флорасы мен фаунасының алуан түрлілігін, ландшафтының өзіндік ерекшелігін, қазақ халқының тұрмысы мен мәдениетін көрсетіп, мәлім еткен еңбектерінің талдау нәтижелері сипатталған. Ғалымның еңбектері Орта Азия халықтарының тарихын, мәдениеті мен әдебиетін зерттеуге үлкен үлес қосты. Оның шығармашылық мұрасы ұлттық шеңберден шығып, мәдениетаралық коммуникация, мәдениетаралық білім аясында әлемдік ғылымға үлкен қызығушылық тудыруы мүмкін. Мақалада Ш. Уәлиханов шығармаларындағы кейбір ұлттық лингвомәдени ерекшеліктерімен қатар, қазақ халқының ұлттық шынайылығы мен қызмет ету ерекшеліктері көрсетілген, тарихи дәуірдің, мәдениеттің, ұлттық сипаттың, мекеннің ерекшеліктерін жеткізетін шындыққа ерекше назар аударылған. Шындық дегеніміз бір халықтың өміріне, тұрмысына, мәдениетіне, әлеуметтік-тарихи дамуына тән және басқа халыққа таныс емес заттарды, құбылыстарды, заттардың аттарын, ұлттық және/немесе уақыттық, өзге тілдегі дәл сәйкестіктер жоқ сипаттамасын білдіреді.

Түйін сөздер: лингвомәдени ерекшеліктер, шындық, мәдениаралық білім, тіл, мәдениет.

А.Е. Исмагулова*, Э.Ф. Герфанова

Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан, г. Кокшетау,

*e-mail: ismainagul@mail.ru

Лингвокультурологические особенности произведений Ш. Уалиханова как носителей национального и исторического колорита

В данной статье описаны результаты анализа трудов Ш. Уалиханова, первого казахского ученого, этнографа, фольклориста, просветителя, который представил миру знания о казахском народе, его традициях, религии, государственном устройстве, эпосе, сказаниях и легендах; отразил многообразие флоры и фауны Казахстана, своеобразие ландшафта, быта и культуры казахского народа. Труды ученого явились крупным вкладом в изучение истории,

культуры и литературы народов Средней Азии. Его творческое наследие выходит за рамки национальной принадлежности и может представлять большой интерес в мировой науке в контексте межкультурной коммуникации и межкультурного образования. Представлены виды и особенности функционирования казахских национальных реалий, а также некоторые лингвокультурологические особенности в работах Ш. Уалиханова. Реалии представляют собой слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие точных соответствий в другом языке. Особое внимание акцентируется на основной черте реалии – колорите, который передает особенности исторической эпохи, культуры, национального характера, местности.

Ключевые слова: лингвокультурологические особенности, реалии, межкультурное образование, язык, культура.

Introduction

One of the main directions of a modern multicultural society evolution is the study and preservation of cultural and linguistic heritage, which can be considered in its entirety – in the context of literary criticism, linguistic studies, philosophy, cultural studies, psychology, pedagogy.

The language ideology and language policy of modern Kazakhstan is a balance of multilingualism and internationalization. State regulation of national-linguistic relations and linguistic processes in theory and practice is solved in the form of a “socio-cultural version” of the policy of multiculturalism and linguistic pluralism: all languages are supported, the linguistic rights of their speakers are protected, bilingualism / multilingualism is encouraged in education and media. (Suleimenova, 2011).

The study of the works by one of the representatives of the Kazakh intelligentsia of the XIX – early XX centuries Sh. Ualikhanov from the point of view of the linguistic and cultural content, the reflection of the multicultural and multilingual development of society in the text and the description of the author's personality and consciousness actualizes the issues related to the preservation of the cultural heritage of the Kazakhs and its representation in the world. This makes it possible to revive the people's diplomacy presented in the sources, and through the works of prominent representatives of the Kazakh intelligentsia to acquaint the world community with the life of the inhabitants of Central Asia, their history, value guidelines through the study of language development. As noted by A.M. Karchalov, the works of Sh. Ualikhanov have a rich basis and a high scientific value, allowing to learn significant information on traditional clothing, crafts, nomadic economy and much more (Karchalova, 2019).

The huge part of cultural, national, and individual material in the works of Sh. Ualikhanov re-

quires a careful study, since they are the carriers of national and historical flavor, which is expressed through ethno cultural realia and characterizes a certain linguocultural community, and also contains concepts of the global world, understandable to everyone, regardless of belonging to any culture. The events that took place after the collapse of the USSR require the study and analysis of the historical and linguistic interaction of languages and cultures that were united by the Russian language (Asanbay, 2005). O.N. Skubeydina writes that the language “contributes to the creation and accumulation of cultural values, the preservation of all ethnic layers of the national type of culture. It is only thanks to the language that it becomes possible to cognize the historical experience of previous eras, since only language preserves and accumulates all the values of national culture” (Skubeydina, 2002: 8).

O. Suleimenov points out that it seems expedient to develop a new direction, the purpose of which will be to describe the mutual influence and interaction of cultures and languages in a modern multicultural society (Suleimenov, 2013).

Shokan Ualikhanov was an orientalist, a geographer, an ethnographer, a literary critic, and a member of the Russian Geographical Society. He wrote his works in Russian. This gave him the opportunity to gain fame in wide scientific circles. Sh. Ualikhanov's works were highly appreciated by prominent scientists and made a major contribution to the study of the history, culture and literature of the peoples of Central Asia. He left an indelible mark on the history and culture of many peoples. His name has become the national pride of the Kazakh people, and his creative heritage in its significance goes far beyond the national boundaries. The scientist has accumulated a lot of valuable historical and ethnographic information, folklore material, and cultural realias. In this regard, the works of Sh.

Ualikhanov are an unexplored field for scientists-linguists and educators-researchers.

Experiment

The scientific works by Sh. Ualikhanov make the subject of the study. For the analysis, we used such well-known essays and articles by the scientist as “Notes on the Kirghiz”, “On the genres of Kazakh folk poetry”, “Diary of a trip to Issyk-Kul”, “Essays in Dzungaria”, “Traditions and legends of the great Kyrgyz-Kaisak horde”, “Tenkri”, “On the forms of Kazakh folk poetry”, “Kyrgyz genealogy”, “Draft materials about the Kirghiz”, “Description of the way to Kashgar and back to the Alatau district”, “On Islam in the steppe” and other works. They became the basis of fundamentally new views on Kazakhs, their culture and literature and were highly appreciated by many scientists.

The aim of the study is to investigate and popularize the historical, cultural, linguocultural heritage of the prominent Kazakh researcher Sh. Ualikhanov through translating a number of his works into English in the context of the transformation of the intercultural aspect of modern education in Kazakhstan and in the world.

The study of the works by Sh. Ualikhanov actualizes the issues related to the preservation of the cultural heritage of the Kazakhs and its representation in the world. Historical and cultural heritage has enormous pedagogical capacity in the development of a person’s national and cultural identity in the context of intercultural education. Today, we observe an actualization of intercultural education, which is aimed, first of all, at deepening the knowledge of students about culture and instilling the values necessary for full functioning in a modern multicultural society.

The content of the study corresponds to the conceptual provisions of the state policy of the Republic of Kazakhstan, pledged in the Strategy “Kazakhstan-2050: “A new political course of an established state”, aimed at the development of our country as a society of progressive views, the basis for which should be provided by the intelligentsia. The Leader of the Nation N.A. Nazarbayev points out that the intelligentsia should become the leading force in strengthening national values at the stage of an established state, should play a key role in designing a mental, ideological model of the country’s future (Nazarbayev, 2012). This understanding of the role of the intelligentsia is largely based on the traditions of the Kazakh people, who for centuries put the issues of human values development in the

first place. The content of the research is also based on the key points of the Concept of cultural policy of the Republic of Kazakhstan (Concept, 2014). The Concept emphasizes the importance of the cultural development of Kazakhstan, which should be aimed primarily at preserving, researching and transmitting cultural heritage. Cultural heritage is an integral part of national identity which lies at the heart of the successful development of society and the state.

One of the main principles of intercultural education is intercultural understanding, which develops primarily on the basis of understanding the national culture. The works of Kazakh educators, which reflect the originality of the Kazakh people’s culture, have great pedagogical potential in the formation of national and cultural identity and the development of intercultural communication. In this regard, the development of projects to preserve the richness of the cultural heritage of the Kazakh people and their popularization, contributing to the development of intercultural communication, is of particular importance.

The works of Sh. Ualikhanov and his ideals of enlightenment are an invaluable contribution to the development of language and culture, which deserves serious studies. Popularization of Sh. Ualikhanov’s works as a cultural heritage of our country will make it accessible to the world community. The linguistic and cultural features of his works are the historical and cultural code, implemented in the original text, as well as the realias that reflect national culture and traditions. In addition, scientists from various fields of knowledge, researchers interested in studying the culture of Kazakhstan, will be able to determine the forms of interaction and mutual influence of the Kazakh culture with other world cultures.

The research methodology is based on the basic methods of empirical and theoretical and experimental levels. As part of the study, the method of continuous sampling was used to select realias that the scientist first used in his scientific works, geographical essays, letters, folklore and ethnographic articles.

Realias are names inherent only to certain nations and peoples, objects of material culture, facts of history, state institutions. They may present the names of national and folklore heroes, mythological creatures, etc. Comparing languages, we find in each of them such phenomena that have no correspondence in others (Breus, 2011: 98).

In realia, the closeness between language and culture is most clearly manifested: the emergence of new realia in the material and spiritual life of society leads to the emergence of new realias in the

language, and the time of the emergence of new realia can be established quite accurately, since the vocabulary is sensitive to all changes in social life (Latyshev, 1981: 188).

The realias were divided according to V.V. Vinogradov's classification. The scientist explains that realias are lexical units that reflect background information. The background information by V.V. Vinogradov is "socio-cultural information, characteristic only for a particular nation or nationality, mastered by their representatives only and reflected in the language of this national community" (Vinogradov, 1977).

In the course of the study, it was revealed that the works of Sh. Ualikhanov contain the realias of the political system and social life, religious and mythological realias, everyday realias, natural geographic realias.

Geographic realias include the names of objects of physical geography (steppe); names of objects associated with human activities (aul); endemic names (kunan) and so on. The examples are realias denoting names of objects or names. East Turkestan is the historical name of the region in Central Asia; The Astrakhan Khanate is a feudal state that arose at the end of the 15th century on the ruins of the Golden Horde. It should be noted that these realias are accompanied by the author's comments. The phrase Kok Orda (kok means blue in English, Blue Horde) has the author's explanation as the Eastern part or the left wing of the Golden Horde (Dzhuchi ulus), located on the territory of Western Siberia and Kazakhstan.

The fact that the Kazakhs led a nomadic way of life and their main occupation was cattle breeding, once again confirms the presence of realias associated with the main type of living activity and features of the itinerant life. Many realias may be absolutely incomprehensible to a modern or a foreign reader, so the author gives the necessary explanations. Thus, the word *aryk* could be represented as ditch, canal (canal), but at the same time, the reader could not imagine this structure as an irrigation canal in Central Asia. *Ayaguz* is a city through which in the past there was a lively caravan trade. The word *yantakis* is a forage plant growing in the desert regions of Central Asia. The names of animals depend on their age and gender. For example, *bura* is a male-camel; *nar*, that is, one-humped camel, dromedary; *kunan* means not just a horse, but a three-year-old horse; *tokhty* means a one-year-old ram, also requires a special understanding.

The main specificity of ethnographic realias is the preservation of the meaning that they had

in a certain historical period of time in a specific geographic space.

Ethnographic realias include concepts belonging to the life and culture of the people: everyday life (*saba*); labor (*kuryk*); names of concepts of art and culture (*batyr*, *dombra*); ethnic concepts (*zhuz*, *naimans*); measures and money (*sazhen*, *dinar*); *auliyem* meaning saint.

The realias of the political system and social life also have a historical specificity associated with the socio-political system of the nomads. Obviously, many of the realias of this type are no longer used in their original meaning. For example, *bek* is a title of nobility, denotes a feudal ruler, head of a clan and tribe, corresponds to the titles of a prince, a ruler, a lord; *alban* means a tribute; *dzesyr* means a slave; *bukaul*, that is the manager of the khan's dinner.

It should be noted that realias of all types can be divided into 3 groups:

- 1) realias that have fully retained their semantic properties;
- 2) realias that partially retained their semantic properties and acquired new meanings;
- 3) realias that have fallen out of use in the modern context.

The first group includes the following words: *aimak* (district, region) designates a modern administrative unit; *aru* meaning pure, immaculate, *kyzgaldakis* is a wild poppy, *coprose*, *makalis* is a proverb, *afolksay*, *zan* meaning a law which now coincide with their original meanings.

The second group is represented by realias that have retained their original meaning and received a new semantic content that corresponds to modern realias. Here are some examples. The word *kosh*, that is, *aul*, which is on the way in the process of nomadism, *kosh* – *aul* meaning moving from one nomadic camp to the other, is rarely used today. The word *zhaylyau*, which means a summer settlement of nomads, does not fully correspond to the original historical meaning, all the way with a change in the social system.

The word *kozhe* is absolutely incomprehensible to a foreign reader, and needs to be explained: "In winter, *Kaisaki* take a drink made of flour mixed with hot water, fermented in tubs and called *skin*; milk is added to improve the taste. (Sh. Ualikhanov). Currently, *kozhe* also denotes a milk drink, but among young people it is more likely associated with *nauryz kozhe*, which is a ritual soup of national cuisine for the *Nauryz* holiday.

The word *dzhigit* originally meant a skillful and valorous horseman, and conveyed the brilliant skills of a good horseman. However, today this

word is used figuratively meaning a goodboy, well done.

The word *amanat* is translated from the Kazakh language as a hostage. Now the word has a broader meaning, denoting universal human values at the present time. The word *mufti*, meaning the main judge of a Shariacourt pronouncing a decision on religious and legal issues, is used in a religious context only. Chalakazaks ethnically are the descendants of the Kazakhs, having a mixed origin, they are characterized by a semi-sedentary lifestyle. Today this word is pronounced *shalakazakhi* and is used in relation to representatives of Kazakh nationality who has poor Kazakh language proficiency and poor knowledge of the national culture and traditions, the word is mainly used in a humorous manner.

Some realias have acquired new phonetic and spelling forms. For example, *shabtolu*, which is translated as peach, is spelled *shabdaly*; *sharkrama* (waterfall) has transformed into *sakyrama*.

The third group undoubtedly includes geographical realias denoting historical names. For example, *Ak Orda* (White Horde in English) is a feudal state that existed in the middle of the XIII – the first third of the XV centuries; *Kazan Khanate* is a feudal state in the Middle Volga region; *Kok Orda* (Blue Horde) is the Eastern part or left wing of the Golden Horde (*ulus Dzhuchi*), located on the territory of Western Siberia and Kazakhstan.

In addition, this includes the realias associated with the peculiarities of the social and religious structure of that time. For example, *atalyk* is the position of the regent, court uncle, educator of the khan's sons.

It should also be noted the ancient *dzhaurunchi* are fortune-tellers on the lamb shoulder, calcined on fire. The fortuneteller predicts the future by the shape of the cracks that form on the shoulder blade during its burning *Dzhaurunchi* – Predictors of lamb shoulder bone, hardened in the fire. Soothsayers predict the future in the form of cracks, which are formed on the blade, in the process of burning.

In the work *Traces of shamanism among the Kirghiz* Sh. Ualikhanov gives an explanation about the art of Kazakh *bak*s, about the healing functions of their music. To convey the functional role of reality, he writes that the *bak*s are predictors of Kyrgyz people... and they speak all their predictions on behalf of their spirits, they could "communicate" with *arvaks* (spirits of deceased ancestors), they were healers, sorcerers, but at the same time talented musicians and actors. Sh. Ualikhanov figuratively and vividly represents the art of shamans. This is how he described the acting

abilities of the *bak*s: "The signs of the *bak*s are the following: during the game, he puts a saber in his stomach, releases it to his throat, licks a red-hot iron, hits himself with all his might in the chest with an ax, and all this is accompanied by playing the *kobyz* (two-string bowed instrument), which belonged to *Auliye Korqyt*, and singing called *sarn* (*sarn*)" (Valikhanov, 1961: 475).

The profession of shamans, in comparison with *ak*yns, singers and musicians, was not widespread in the Kazakh steppe. Assessing the complexity of this "profession" Sh. Ualikhanov notes that "not everyone can be a shaman, just as not everyone of us can be a poet" (Valikhanov, 1961: 199). A vivid, detailed description of the behavior of shamans, their *kobyz* playing, their unusual attire and attributes not only shows the extraordinary knowledge of Sh. Ualikhanov in the field of folk art, but also his ability to preserve the national and historical flavor of the conveyed realias.

When describing a realia that is new for the reader, he skillfully chooses the place and presentation of the unfamiliar realias in the text. These words unfamiliar to the reader are presented in such a way that they allow one to perceive what is being described, feeling at the same time that specific "scent of alienation", a characteristic local or national historical flavor.

Results and discussion

The deep or additional meaning of realia requires a careful study and explanation in their native language and when translated into other languages. Realias, reflecting the specifics of the national culture, may have connotations that are not always available to a representative of a foreign language culture. The disclosure of national and cultural associations in the multicultural educational space is especially important.

The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time the linguoculturological features in the works by Sh. Ualikhanov are comprehensively considered, the relevance of a holistic approach to the national historical and cultural content in the context of intercultural communication and education is substantiated.

The research results will correspond to the social demand in the field of education, intercultural interaction, education of a multicultural personality, respecting the culture of all peoples. In addition, the results are designed to enrich modern language education from the perspective of its intercultural and communicative

paradigm, internationalization; to contribute to the development of the intellectual potential of the country on the basis of familiarizing its citizens with the values of language and culture.

The main expected result is the study of a wide range of theoretical and practical issues related to understanding the diversity of ways and forms of interaction and mutual influence of the Kazakh, Russian and English languages in the context of multiethnic, multilingual and multicultural Kazakhstan, defining the essence of the Kazakh model of a multilingual personality, the possibilities of preventing language conflicts. In general, this will allow developing ethno political, socio-economic and ethno-linguistic foundations for further improving the Kazakhstani development model and state structure in the context of strengthening Kazakhstan's positions in the world community and constructive international interaction.

Conclusion

The development of language, literature, culture, the preservation of values and the spiritual heritage of the nation, as well as introducing to the world community the cultural and spiritual wealth of the Kazakh people through the works of the

famous Kazakh educator Sh. Ualikhanov in order to actualize modern education is of fundamental importance.

In this regard, the study and popularization of the life and work of the prominent Kazakh scientist and educator Sh. Ualikhanov is aimed at interaction and integration of the national and world cultural environments. The study of the works by Sh. Ualikhanov will contribute to solving practical problems of multicultural education.

The variety of national Kazakh realities in the works by Sh. Ualikhanov can serve as a starting point for a further study of customs, traditions and other cultural features of the Kazakh people based on other sources.

Shokan Ualikhanov's works play an important role in bringing together the cultures of different peoples and in the formation of the Eurasian culture of modern Kazakhstan. The works by Sh. Ualikhanov are of great interest for the world community from a scientific and cultural point of view, since it presents a deep study of the steppe civilization, shows its historical significance.

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant № AP08957331)

Литература

- Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика. – Алматы: Казак университеті, 2011. – 117 с.
- Карчалова А.М. Этнография казахов в трудах Чокана Валиханова // Алтайский текст в русской культуре. – Барнаул: Алтайский государственный университет. – Вып. 8. – 2019. – С. 218-223.
- Қазақстан: табысқа жету тарихы әлемдік қоғамдастық көзімен / Редактор Р. Асанбай. – Алматы: Таймас Баспа Ұй, 2005.
- Скубейдина О.Н. Язык и национальный тип культуры: автореф. дисс. ... к. филос. н. – Ростов н/Д, 2002. – 23 с.
- Сулейменов О. Код слова. – Алматы: ОФ Литературный альянс, 2013. – 88 с.
- Послание президента – лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казakhstan-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // http://www.akorda.kz/ru/page/page_215738_poslanie-glavy-gosudarstva-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstan
- О концепции культурной политики Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 4 ноября 2014 года № 939.
- Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. Часть 1. – М.: УРАО, 2001. – 104 с.
- Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М.: Международные отношения, 1981. – 247 с.
- Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161.
- Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. – Т. 1. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. – 777 с.

References

- Breus Ye.V. (2001). Teoriya i praktika perevoda s angliyskogo yazyka na russkiy [Theory and practice of translation from English into Russian.]. M: URAO. 104 p. (In Russian).
- Karchalova A.M. (2019). Etnografiya kazakhov v trudakh ChokanaValikhanova. [Ethnography of Kazakhs in the works of ChokanValikhanov] Altayskiy tekst v russkoy kul'ture. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 218-223 p. (In Russian).
- Kazakhstan: Tabyska zhetu tarikhy alemdik kogamdastyk kuzimen. [Kazakhstan: Success story through the eyes of the world community]. (2005). Editor R. Asanbai. Almaty:Taimas Publishing House. (In Kazakh).

Latyshev L.K. (1981). Translation course (translation equivalence and the ways to achieve it). M: International relations. 247 p. (In English).

Nazarbayev N.A. (2012). Address by the President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation "Strategy "Kazakhstan-2050": a new political course of the established state"/http://www.akorda.kz/ru/page/page_215738_poslanie-glavy-gosudarstva-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstana. [Electronic resource]. (In English).

O kontseptsii kul'turnoy politiki Respubliki Kazakhstan. [On the Concept of cultural policy of the Republic of Kazakhstan]. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated November 4, 2014, No. 939. (In Russian).

Skubeidina O.N. (2002). Yazyk I natsional'nyy tip kul'tury. [Language and the national type of culture]: diss.... candidate of philosophical sciences. Rostov-na-Donu. 23 p. (In Russian).

Suleimenova E.D. (2011). Yazykovyye protsessy i politika. [Language processes and policy]. Almaty: Kazakh University. 117 p. (In Russian).

Suleimenov O. (2013). Kodslova. [The code of the word]. Almaty: OFLiterary Alliance. 88 p. (In Russian).

Valikhanov Ch.Ch. (1961). Sobr. soch. v 5 t., t. 1. [Collection of works in 5 volumes. V. 1] Alma-Ata: Publishing House AS Kaz. SSR. 777 p. (In Russian).

Vinogradov V.V. (1977) Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh yedinit v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language]. Leksikologiya i leksikografiya. Moscow. 140-161 p. (In Russian).

А.Б. Куанышева

Медицинский университет Караганды, Казахстан, г. Караганда,
e-mail: sab_85@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ОБРАЗА В ФОРМИРОВАНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ФРАЗЕОФОНДА (на материале «Словаря русского языка XI-XVII вв.»)

Статья посвящена проблеме выявления специфики семантической структуры фразеологизмов, функционирующих в эпоху великорусской народности. Целью работы является уточнение путей становления, развития и дальнейшего формирования фразеолофонда эпохи зрелого Средневековья и русского фразеологического фонда в целом. На основе анализа внутренней формы устойчивых сочетаний для исследования отобраны единицы, построенные на метонимическом образе. Классификация данного языкового материала позволила выделить несколько типов метонимических переносов, участвующих в формировании средневекового фразеолофонда. Каждый тип переноса подтвержден языковыми единицами из разных сфер функционирования. Анализ языкового материала проведен с учетом специфики средневековой книжной культуры, а именно сферы функционирования устойчивых оборотов (религиозная, юридическая, военная и др.). Анализ фразеологического состава великорусского языка проведен с помощью следующих методов и приемов: описательный метод с элементами компонентного анализа; прием сплошной выборки фактического материала; прием классификации; статистический прием. Исследование позволило выделить наиболее продуктивные типы метонимического образа, лежащего в основе образования рассматриваемых устойчивых единиц; уточнить пути формирования фразеологического фонда эпохи зрелого Средневековья; дать оценку этого периода как одного из важных этапов, определивших последующее развитие фразеологической системы русского языка в современном его состоянии.

Ключевые слова: историческая фразеология, великорусский период, фразеологическая единица, внутренняя форма фразеологизма, метонимический перенос.

A.B. Kuanysheva

Karaganda Medical University, Kazakhstan, Karaganda,
e-mail: sab_85@mail.ru

The place and role of the methonymic image in the formation of the medieval phraseology fund (on the basis of the "Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries")

The article is dedicated to the problem connected with the study of the specifics of the semantic structure of phraseological units of the Great Russian nationality epoch. The aim of the this work is to clarify the ways of establishing, developing and further formation of phraseology fund of the Middle Ages, and the Russian phraseology fund as a whole is formed. On the basis of the analysis of the idiom's internal form, the units constructed on methonymic transfer are selected for the study by idiom. The classification of the language material has made it possible to identify several types of methonymic transfer, which are actively involved in the formation of the medieval Russian phraseology. For each type of methonymic transfer examples of language units from different spheres of operation are given. The analysis of the language material took into account the specifics of the medieval book culture, in particular the sphere of the use of phraseological units (religious, legal and military spheres). In this article the following methods and techniques of studying and descriptions of the idioms had been used: descriptive method with some elements of component analysis; the technique of complete sampling of the facts; classification; the technique of statistics. As a result, the study highlighted the most productive types of methonymic image underlying the formation of sustainable units. The study made it possible to clarify the ways in which the phraseological fund of the Middle Ages was formed. The study evaluates this period as one of the important stages, which determined the subsequent development of the phraseology system of the Russian language in its present state.

Key words: historic phraseology, great russian period, phraseology unit, idiom's internal form, methonymic transfer.

Ә.Б. Қуанышева

Қарағанды медицина университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.,
e-mail: sab_85@mail.ru

**Ортағасырлық фразеология қорының қалыптасуында
метонимикалық бейненің орны мен рөлі
(«XI-XVII ғғ. орыс тілінің сөздігі» материалы негізінде)**

Мақала орыс халқының дәуірінде қолданылған фразеология қорының семантикалық құрылымының ерекшеліктерін анықтау мәселелеріне арналған. Жұмыстың мақсаты – жетілген орта ғасыр дәуіріндегі және жалпы орыс фразеология қорының дамуын, одан әрі қалыптасу жолдарын анықтау. Тұрақты тіркестердің ішкі формасын талдау негізінде метонимикалық кескінде қалыптасқан үлгілер таңдалған. Ортағасырлық фразеология қорының қалыптасуында тілдік материалдың классификациясы метонимикалық тасымалдардың бірнеше түрін бөліп айшықтауға мүмкіндік берді. Тасымалдаудың әр түрі түрлі қызмет салаларындағы тілдік бірліктермен суреттелген. Тілдік материалдың анализі ортағасырлық кітап мәдениетінің ерекшеліктерімен, атап айтқанда тұрақты айналымдардың (діни, құқықтық, әскери және т.б.) салаларын ескере отырып жүргізілген. Орыс тілінің тұрақты тіркес құрамын талдау төмендегі әдістерді қолдана отырып жүргізілді: компоненттік анализ элементтері бар сипаттау әдісі; нақты материалды жаппай таңдау әдісі; классификация (жіктеу) әдісі; статистикалық әдіс. Зерттеу аясында тұрақты бірліктердің қалыптасуына негізделген метонимикалық кескіннің ең маңызды түрлерін анықтауға мүмкіндік туды; орта ғасырлар дәуірінің фразеология қорын қалыптастыру жолдарын нақтылады; орыс тілінің фразеологиялық жүйесінің кейінгі дамуын анықтайтын маңызды белестердің бірі ретінде бұл кезеңге баға берілді.

Түйін сөздер: тарихи фразеология, ұлы орыс дәуірі, фразеологиялық бірлік, фразеологияның ішкі формасы, метонимиялық атауды алмастыру.

Введение

Актуальность избранной темы определяется рядом моментов, главным из которых следует признать малую изученность диахронической фразеологии. Кроме того, в работе исследован фразеологический состав великорусского языка периода XV-XVII вв. в семантическом аспекте, значительно расширяющим теоретико-методологический базис истолкования особенностей развития и формирования фразеологических единиц и фразеологической системы русского языка.

В статье решается ряд актуальных научных проблем, имеющих научную значимость как для казахстанской, так и для российской фразеологии: 1) объектом изучения стала фразеология эпохи великорусской народности – особенно переходного периода для формирования и развития фразеологической системы языка; 2) формирование банка данных о составе ФЕ эпохи Московского государства (XV-XVII вв.); 3) изучение проблематики великорусского фразеолофонда в семантическом плане, теоретический аспект которого оказался недостаточно разработанным в современной русистике.

Цель работы – уточнить пути становления, развития и дальнейшего формирования фразеолофонда эпохи зрелого Средневековья и русского фразеологического фонда в целом.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) на основе сплошной выборки из Словаря русского языка XI-XVII вв. (далее СлРЯ XI-XVII вв.) (1) определить фонд фразеологических единиц (далее ФЕ), широкое функционирование которых связано с эпохой великорусской народности (XV-XVII вв.);

2) выявить и описать образно-мотивационные основы средневековой русской фразеологии, в частности метонимический перенос;

3) определить место и роль метонимического образа в образовании устойчивых сочетаний эпохи зрелого Средневековья, что позволит уточнить, а в некоторых случаях раскрыть пути формирования фразеологических единиц русского языка в диахронии.

Материалом для изучения послужили фразеологические единицы в количестве 2347, отобранные путем сплошной выборки из СлРЯ XI-XVII вв. Издание, доведенное до буквы С включительно, охватывает большую часть русского лексикона XI-XVII вв. в целом и фразеолофонда в частности, что делает этот фактический материал значимым и авторитетным для получения достоверных результатов и выводов.

Объектом исследования выступают фразеологические единицы, относящиеся к эпохе великорусской народности (XV-XVII вв.), число которых составило 1967 единиц.

Предметом исследования является внутренняя форма фразеологических единиц XV-XVII вв.

Исследование выполнено в семантическом аспекте к диахроническому анализу ФЕ, с позиций которого изучение фразеологического фонда эпохи Московского государства (XV-XVII вв.) не проводилось либо рассматривалось фрагментарно; кроме того, описание фразеологического состава русского языка эпохи позднего Средневековья, которому уделялось недостаточное внимание в исторической русистике, впервые стало предметом специального изучения как важного этапа, определившего последующее развитие фразеологической системы русского языка в современном его состоянии.

Эксперимент

Дадим рабочее определение внутренней формы фразеологизма: это мотивационно-образный компонент его семантической структуры. Фразеологический образ – доминирующая часть коннотативного компонента фразеологического значения. Как отмечает известный историк языка В.В. Колесов, для великорусского периода категория образа имела первостепенное значение в связи с «перенесением исследовательского внимания с «вещи» на «слово»: «Если для эпохи раннего Средневековья в центре познающего субъекта находилась вещь, то для эпохи зрелого Средневековья в восприятии и использовании слова характерно образное его представление» (Колесов, 2002: 325).

Одним из тропов, принимающих активное участие в процессе фразеологизации, является метонимия. Метонимический образ, лежащий в основе образования многих устойчивых оборотов, обнаруживается фразеологами при изучении различных языков. При этом большинством исследователей отмечается тот факт, что для современной фразеологической системы ряда языков этот способ образования ФЕ не продуктивен, в отличие, например, от метафорического переноса (Мокиенко, Бабкин, Федоров, Жуков), поскольку метонимия ярче проявляется на лексическом уровне.

Сам метонимический перенос в лингвистике долгое время рассматривался лишь на указанном уровне. Необходимо по-новому взглянуть на метонимию, выйдя за пределы лексической семантики, в исключительном ведении которой она до сих пор находилась. В современной лингвистике уже есть примеры того, что метонимия

понимается шире, чем просто проявление лексической многозначности. Феномены явно метонимической природы обнаруживаются на разных языковых уровнях: от морфологического до дискурсивного.

В связи со сказанным, а также с задачами, поставленными в работе, мы попытались определить место и роль метонимического переноса в образовании устойчивых сочетаний эпохи зрелого Средневековья.

Термин метонимия (синекдоху мы считаем разновидностью метонимии) употребляется нами в общепринятом языковедческом аспекте: это перенос имени (названия) с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный объект, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности. В синекдохе замещение идет по линии количественных связей и отношений, в метонимии – качественных. «При метонимическом переносе, в отличие от метафорического, одно действие реально существует наряду с другим, тесно связано с ним ...» (Костючук, 1983: 85). Анализ семной структуры прототипа ФЕ и мотивированного им фразеологического оборота показывает, что в результате метонимического переноса происходит лишь замена сем, тогда как при метафоризации одни семы нейтрализуются и вместо них развиваются новые.

Исследований, посвященных метонимическому образу в целом (безотносительно к языковой уровневой его реализации) в контексте эпохи Средневековья, в лингвистике представлено достаточное количество. Опираясь на работы историков русского языка и специалистов в области древнерусской литературы (А.И. Соболевский, И.П. Смирнов, В.В. Колесов, Ф.М. Селиванов, Д.С. Лихачев), можно говорить о том, что для эпохи раннего Средневековья характерно преобладание метонимического способа мышления. В частности, к такому выводу исследователи пришли на основе анализа разного рода материала: И.П. Смирнов на базе исследования эпической метонимии (Смирнов), Ф.М. Селиванов – былин [9], Д.С. Лихачев – языкового пространства «Слова о полку Игореве» (Лихачев), А.И. Соболевский – семантических русизмов древнерусского текста (Соболевский), В.В. Колесов – формул-синтагм (Колесов). Причины преимущественного развития метонимии в древнерусский период, по мнению В.В. Колесова, заключаются в том, что, во-первых, «метонимический перенос является первой возможностью разрушения словесной синкреты и готовит почву

для развития новых художественных средств» (Колесов, 1989: 271), во-вторых, для средневекового сознания важнее не содержание, а объем понятия, то есть, сколько однородных «вещей» может быть подведено под одно понятие – вот вопрос, волнующий средневекового книжника, «средневековая мысль напряженно работает над объемом понятия, скрытого в ключевом слове, и мало внимания обращает на признаки различения; ей не нужны ни эпитет, ни метафора» (Колесов, 1989: 145).

Кроме того, по наблюдениям названных исследователей, метонимический способ создания ФЕ представляет собой начальный, исходный этап становления устойчивых сочетаний, поскольку одной из причин возникновения ФЕ является сокращение текстовых формул, в результате которого и развивается метонимия, что предстает весьма характерной особенностью древнерусских литературных текстов. Метонимия возникает при сокращении синтагмы, текстовых формул. Анализируемый нами языковой материал служит убедительным подтверждением данного факта. Например, ФЕ, ярко демонстрирующие процесс становления устойчивых сочетаний путем сокращения текстовых формул, целого предложения или даже текста, можно наблюдать в юридической сфере: *отвести слэдъ* 'отвести от себя улику в виде следа преступника, следов воровства', *просить дороги* 'просить разрешения на въезд в страну', *подписати на вину* 'подписать, утвердить обвинительный приговор', *подписати мировую* 'заключить мирный договор', *жити въ молчании* 'жить, дав обет молчания', *жити на половинэ* 'быть исполщиком, обрабатывать землю на условиях исполу', *служити въ отводъ* 'служить, получая доход отдельно от отца, с личного поместья', *душу свою приказати* (кому-л.) 'поручить кому-л. исполнение своей последней воли и заботу о поминании души', *на души быти (сэдэти)* 'присутствовать при составлении духовной', *подписати подъ кого-л.* 'подчинить кому-л., написав соответствующий документ', *пригонити слэдъ* 'идя по следу, прийти куда-л.' и др.

Анализ языкового материала, на наш взгляд, правомерно проводить, выделяя сферу функционирования ФЕ. Такой подход связан со спецификой средневековой книжной культуры. В частности, при анализе средневекового текста, как указывают исследователи, приобретают особое значение такие его свойства, как степень сохранности текста, принадлежность к тому или иному жанру, характерные черты стиля. Речевые фор-

мулы, будучи основным элементом средневекового текста, выступали образцами речи жанра и произведения в целом (набор речевых формул в средневековых текстах был функционально оправдан). Стабильность жанра и определялась значительным варьированием составлявших его формул (Колесов, 1989: 14).

Принадлежность ФЕ к той или иной сфере, а в некоторых случаях и к дискурсу, мы определяли по жанру, названию того памятника, в котором функционировала данная единица, а также по ее семантике. Так, в число ФЕ, вышедших из религиозной сферы, мы включили фразеологизмы, используемые, по данным иллюстративной части исторического СЛРЯ XI-XVII вв., в следующих жанрах: слова, поучения, жития, беседы, притчи, сказания и др.

Результаты и обсуждение

В анализируемом языковом материале обнаружено 349 ФЕ, в основе образования которых лежит метонимический образ.

Анализ извлеченных ФЕ великорусского языка показывает, что основным носителем образного значения является именно глагол, реже – имя. Что будет проиллюстрировано приведенными ниже результатами исследования.

Метонимический способ создания ФЕ представляет собой начальный этап становления устойчивых сочетаний. Анализ языкового материала, а именно средневекового фразеолофонда, показал, что широкое распространение на исследуемом отрезке истории русского языка получили следующие *типы* метонимических переносов:

1. По нашим наблюдениям, наиболее обширное семантическое пространство среди компонентов ФЕ, метонимических в своей основе, занимают глаголы. В частности, в рассматриваемых ФЕ большое количество представляют те, структурным компонентом которых являются глаголы со значением движения. Такие устойчивые сочетания, как правило, указывают на смежность действия, которая обнаруживается в том, что *одно действие оказывается частным проявлением второго, более широкого действия*, то есть общее обозначается через частное (своего рода это синекдоха) (97 ФЕ). Действие в целом изображается в виде одного из его моментов (поэтому эти действия протекают, как правило, параллельно). Такой тип метонимического переноса наблюдается в большинстве устойчивых словосочетаний, относимых к разным сферам

общественных отношений. На данный тип метонимии в средневековых текстах особое внимание обратил и В.В. Колесов, подчеркнувший, что в средневековых текстах «метонимическое сопряжение словесных знаков содержательно строилось по принципу синекдохи: часть показана через целое, а целое определялось по части» [Колесов, 2002: 224]. Сравним в нашем материале:

- в религиозной сфере: *ходити со кресты* 'а) ходить крестным ходом, б) посещать дома прихожан в определенные праздники с крестом и святой водой (о священнослужителях)', *въ черны ризы влэзти* 'сделаться черноризцем, монахом', *въ затворы влазити* 'становиться, делаться затворником', *полагати крестъ на себя* 'осенять себя крестным знаменем, креститься', *прекланяти* к кому-л. *колэна (колэни)* 'умолять кого-л., молиться к кому-л., стоять на коленях', *впустити въ монастырь* 'включить в число монахов (монахинь), постричь', *прияти (наложити на себя) ангельское воображение* 'принять монашество', *одэятися въ иноческий образъ* 'принять монашество' (в последнем метонимия и функциональный перенос) и др.;

- в юридической сфере: *кинути жребий* 'кинуть жребий, решить что-л. с помощью жеребьевки', *быти у грамоты* 'быть свидетелем при заключении какой-л. письменной юридической сделки или составления письменного акта', *впустити въ укрепление* 'позволить стать участником договора', *жити во дворэ* 'прислуживать, быть в работниках в чьем-л. хозяйстве, доме', *подъ судъ приходити* к кому-л. 'быть подсудным кому-л.', *жити своимъ дворомъ (домомъ, избою)* 'иметь свой дом, жить своим хозяйством' и др.;

- в военной сфере: *всэдати на кони* 'отправляться в поход, начинать войну', *вступати въ стрэмя* 'выступать в поход', *выэхати противу* кому-л., кого-л. 'выступить в поход против кого-л.', *препоясоватися оружиемъ* 'вооружаться', *подняти оружие* на кого-л. 'начать вооруженную борьбу', *обратити заждь (задъ)* 'обратиться в бегство', *сэсти въ аманаты* 'добровольно стать заложником', *ополчитися знамены* 'выступить в боевом порядке со знаменами', *заливати горло* 'умерщвлять, заливая в горло расплавленный металл' и др.;

- в бытовой сфере: *до вэтра (идти, изыти)* 'выйти, выходить на воздух (для отправления естественных нужд)', *подавати гробу* 'хоронить, погребать (умершего)', *попити и поэсти* 'прожить, израсходовать на пропитание', *вскор-*

мити и вспоити 'вырастить', *обути нозэ* 'приготовить или приготовиться к пути', *лити воскъ, олово* 'гадать по застывшему в воде воску, олову', *волоски снимати* 'стричь, подстригать волосы', *сидэти (сэдэти) съ огнемъ (съ огни, съ огнями)* 'освещать жилище лучиной, свечой и т. п.', *влэзти къ женэ, рабэ* 'вступить в интимные отношения с женщиной', *бокъ набити* 'побить', *свалитися съ плеч* 'совершенно износиться (об одежде)', *видэти чье-л. здорыве* 'проведать кого-л.' и др.;

- из разных профессиональных областей: *кинути якорь* 'остановить, закрепить судно в море с помощью якоря', *на угодыя възэзжати* 'вступать во владение, пользоваться какими-л. угодыями', *мыти руду* 'промывать водой золотосные породы с целью отделения золота', *шити скобками* 'украшать шитьем в виде закругленных или фигурных скобок', *накладити бритву на бороды* 'брить бороды', *ходити за замки* 'красть из запертого помещения', *выломати пчелы* 'выкрасть содержимое борти или улья', *перерэзати горло* 'убить, зарезать', *выимати ножъ* (на кого-л.) 'грозить кому-л. ножом, покушаться на жизнь', 'осмелиться ударить ножом' и др.

1.1. *Обозначение действия посредством места, где оно происходит* (20 ФЕ): *слазити съ (отъ) одра своего* 'прелюбодействовать', *валятися на кабакэ (на кабакэхъ)* 'пьянствовать, безудержно кутить', *промежъ дворъ бродити (межъ дворъ волочитися)* 'нищенствовать', *въ мирэ (по миру) ходити, бродити, скитатися, кормитися и т.п.* 'нищенствовать', *свести съ сэней* 'лишить сана архиепископа', *возвести (свести) на сэни* 'избрать архиепископом' и др.

1.2. *Действие представлено тем, что его производит (органом, орудием)* (31 ФЕ):

- в юридической сфере: *подписывати чью-л. руку* 'подделывать чью-л. подпись', *подавати руки* 'принять на себя обязательство, подписать соответствующий документ', *руки прикласти* 'подписать', *въ рукахъ не бывало* 'о незнакомстве с каким-л. делом', *дерзнути рукою на* (кого-л.) 'осмелиться поднять руку на кого-л.' и др.

- в религиозной сфере (по данным иллюстративной части Словаря): *своима рукама (отъ своихъ рукъ) питатися (кормити* кого-л.) 'своим трудом приобретать пропитание (кормить кого-л.)', *подавати руку помощи* 'оказывать помощь', *крестоносная рука* 'о руке священнослужителя', *предъ очима имэти* что-л. 'постоянно держать в памяти что-л.', *уста отверста* 'о пророческом даре', *уста* кого-л. *заградились* 'кто-л.

лишился дара речи’, *языкъ прильнулъ (прилле) гортани* ‘о невозможности говорить’.

- в военной сфере: *поострити мечь* на что-л. ‘пойти войной против кого-л.’, *предавати мечу и огню* ‘уничтожить с беспощадной жестокостью’, *клонити подь мечь* ‘жестоко уничтожать’.

- в других сферах: *соху наставити* ‘формула крестьянских порядных, обозначающая ‘начать пахать землю’, *ни ногою, ни по ногу* ‘о полном нежелании куда-л. приходиться, наведываться’, *подати кулакъ* ‘нанести удар’ и др.

1.3. *Изображение действия, чувства жестом, телодвижением* (22 ФЕ) – следующий тип метонимии, выделяемый в нашем языковом материале: *отератити (отвращати) лице свое отъ* кого-л., чего-л. ‘лишить своей милости, внимания, отвернуться от кого-л., чего-л.’, *ломати руки, ломати персты* ‘заламывать руки (в знак горя, волнения)’, *повешатися на выи* ‘бросаться к кому-л., крепко обнимать за шею кого-л.’, *выю преклонити (поклонити)* ‘признать себя побежденным, подчиниться’, *прекланяти чью-л. выю* ‘заставлять кого-л. склонять голову’, *за пол(у) чью-л. ухватитися* ‘искать у кого-л. покровительства, защиты’, *препоясати (крэпко) чресла (своя)* ‘приготовиться к свершению каких-л. дел, укрепиться духом’ (*препоясати* 1. опоясать, обвязать чем-л. по талии, по бедрам, 2. перен. вооружить, укрепить), *превратити за себя, подь себя* ‘покорить’, (*превратити* в СлРЯ XI-XVII вв. имеет значения: 1. повернуть, перевернуть, 2. перевернуть, опрокинуть), *преклонити голову в чью-л. полу* ‘войти в вассальную зависимость’, *волочить ногу за ногу* ‘ходить медленно, с трудом, еле передвигать ноги’ и др.

1.4. *Действие представлено его результатом* (следствием из этого действия) или наоборот (то есть процесс – результат, следствие из действия – само действие) (24 ФЕ): *проливати поты* ‘прилагать большие усилия, усердно трудиться’, *нэгде приклонити главы* ‘не иметь пристанища’, *не помнити* ‘быть нерадивым’, *кинутися въ реку, колодець* ‘утопиться в реке, колодце’, *пролитие крови (кръве, кръвемъ)* и *пролитие кровное* ‘убийство множества людей, кровопролитие’, *отрэшити поясъ* ‘иногда значит «лишить сана»’, *опустити мечь* (чей-л.) ‘заставить отказаться от войн, борьбы с врагами’, *садити (сажати) въ воду* ‘топить’, *посадити въ воду, рэку* ‘утопить (многих)’ и др.

2. Рассмотрение единиц, основанных на метонимическом образе, позволяет заметить, что многие из них *связаны с конкретными, ритуальными действиями* (32 ФЕ). Следовательно,

устойчивые словосочетания первоначально описывают подобные действия и образуются на их основе. Среди этих единиц обнаружено немало таких, которые демонстрируют связь устойчивых оборотов с определенными ритуалами, обрядами, проводимыми в различных сферах общества, с обрядами, которые и явились источником формирования данных ФЕ. Каждое такое словосочетание исходно описывает соответствующий обряд, выраженный определенным действием и связанный с общественно-политическими отношениями:

- в юридической сфере, например, неотъемлемой частью многих действий являлся крест (а именно, целование креста), что и отразилось в следующих ФЕ: *у креста стояти* ‘давать клятву, присягать, целуя крест’, *водити къ ротэ (въ роту), къ кресту* ‘приводить к клятве, присяге’, *закрэпити крестнымъ цэлованиемъ* ‘подтвердить присягою, клятвою’, (чьей-л.) *душею цэловати крэсть (дати шертъ)* ‘присягнуть от чьего-л. имени’, (чьей-л.) *душею (душами) закрэпити, укрэпити* ‘закрепить присягой от чьего-л. имени’, *сэсти подь крэсть до искупа (о несостоятельном должнике)* ‘обязаться по крестному целованию оставаться у истца после суда для отработки денежного долга’, *вскинути грамоту* ‘расторгнуть договор’, *у креста положити* ‘возвратить истцу (награбленное)’, *избити руки* ‘рукобительством закрепить соглашение о браке’, *ударити по рукам* ‘заклучить договор, сделку’ и др.;

- в экономической сфере: *бити по рукамъ* ‘договариваться, заключать торговую сделку’, *задавати руки* ‘ручаться, обещать’ и др.;

- в религиозной сфере: *ножницы даяти* ‘вручать ножницы в знак согласия на пострижение’, *отлагати власы* ‘постригаться (как символ отречения от всего мирского)’, *отрэшити поясъ* ‘иногда значит «лишить сана»’ (глагол *отрэшити* имеет одно значение в словаре: «отвязать, снять что-л. привязанное»), *соборовати масломъ* (кого-л.) ‘совершать над кем-л. обряд соборования’, *выимати агнецъ (просвиру, проскуру, хлэбъ, хлэбець)* ‘вырезать часть просвиры во время богослужения’, *святыню свершити, святыню творити* ‘совершить (совершать) литургию’, *принести святыню богови* ‘совершить литургию’, *потрэбляти просвиры* ‘вырезать части из просвир для причастия’, *класти требы, покладывати теребы* ‘приносить жертвы’ и др.;

- в военной сфере: *подняти оружие* на кого-л. ‘начать вооруженную борьбу’, *сложити ружьё* ‘прекратить военные действия’ и др.;

- в государственной сфере: *побити челомъ* 'попросить', *бити челомъ въ службу* 'просить о принятии на службу, в вассальную зависимость', *бити челомъ* 'а) кланяться, приветствовать, б) жаловаться, в) благодарить', *добити (добивати) челомъ* 'а) признать свою зависимость, изъявить покорность, б) признать свою вину, извиниться, в) добиться чего-л. посредством просьбы', *исправити поклонъ* 'передать приветствие или закончить церемонию передачи приветствия, включающую поклон', *дати (вдати) руку (руки дати, подавати – о многих)* 'а) протянуть руку в удостоверение чего-л.; дать слово, б) заключить мир, обратиться с предложением мира' и др.

3. *Синекдоха* (разновидность метонимического переноса) получила активное распространение в средневековом русском фразеологическом фонде: *по дворамъ попустити* 'пустить по миру, сделать нищим', *собачьею ногою промышлять* 'вести промысел с собакой'

В синекдохе особенно распространен такой ее подтип, как *часть человеческого тела вместо самого человека*. Например: *на носъ* 'на каждого', *плавной голова* 'лицо, стоявшее во главе войска, отправленного водным путем на речных судах', *письменная голова* 'должностное лицо, назначение которого фиксировалось в разрядных книгах', *кожа и кости* 'пренебрежительно, уничижительно о человеке', *битися до горла* 'биться насмерть', *горло (горла) дати, тратити* 'отдавать жизнь', *душу (чью-л.) погубити* 'совершить убийство, лишить жизни невинного', *класти голову (душу, животъ, здоровье)* 'жертвовать для кого-л. или чего-л. своей жизнью, здоровьем', *душу строити (устроить)* 'устраивать дела покойного, преимущественно давать деньги на помин его души', *прэдь лицомъ кого-л., чего-л.* 'перед кем, чем-л., в присутствии кого, чего-л.', *съ очей сослати* 'удалить из своего окружения', *видэти чьи-л. очи* 'иметь встречу с кем-л. и др.

Следует отметить, что помимо проанализированных нами метонимических в своей основе устойчивых оборотов, внутренняя форма многих ФЕ содержит метафорический перенос (468 ФЕ), символическую составляющую (около 120 ФЕ); широко представлены перифрастические наименования (90 ФЕ), а также устойчивые словосочетания, образованные в результате олицетворения (67 ФЕ), сравнения (10 ФЕ).

Анализ метонимических в своей основе средневековых ФЕ также показал, что ВФ великорусских фразеологизмов в большинстве случаев полимотивированна. Многие единицы образова-

ны в результате взаимодействия различных тропов, как правило, метонимии и метафоры одновременно (314 ФЕ): *растворяти языкъ* 'возвращать дар речи', *блюсти главу, пятау* чью-л. или кому-л. 'наблюдать, следить за кем-н., замышляя что-л.' и др.; 2) ФЕ, мотивированные метонимией и олицетворением: *сердце смущается* 'о тошноте' и др.; 3). ФЕ, образная составляющая которых содержит метонимический, метафорический переносы и олицетворение: *стужа кидается въ плечи, руки* 'внезапно сильно остывают, замерзают плечи, руки и т.п.' и др.

Анализ метонимической номинации во фразеологизмах позволил выявить наиболее продуктивные типы переносов значения мотивирующих их прототипов. К ним относятся, на наш взгляд, следующие типы:

1. Описание внешних признаков действия или сопутствующих ему других действий вместо обозначения самого этого действия; данный метонимический образ, основанный на том, что какое-то частное действие составляет часть другого более общего действия, оказывается внутренней формой достаточно большого числа устойчивых словосочетаний всех дискурсов. В данном типе выделяются подтипы: 1.1. обозначение действия посредством места, где оно происходит; 1.2. Действие представлено тем, что его производит (органом, орудием); 1.3. Изображение действия, чувства жестом, телодвижением; 1.4. действие представлено его результатом (или следствием из этого действия).

2. Описание конкретного обряда, ритуала, входящих в определенное действие, вместо самого действия.

3. Синекдоха – часть вместо целого и наоборот: часть человеческого тела вместо самого человека.

Выводы

Итак, на основе проведенного анализа метонимических в своей основе устойчивых сочетаний эпохи Московской Руси можно заключить следующее.

ФЕ, внутренняя форма которых построена на метонимическом переносе, иллюстрируют образные возможности устойчивых сочетаний в диахронии. Фразеологические единицы эпохи Московской Руси, образованные в результате метонимического переосмысления исходного словосочетания, составляют довольно большую часть великорусских фразеологизмов, извлеченных из Словаря русского языка XI-XVII вв.

(349 ФЕ), что выступает, в свою очередь, отличительной чертой именно диахронической фразеологии, поскольку фразеологическая система современного русского языка, как показывают исследования фразеологов, отличается, наоборот, меньшей представленностью метонимических по происхождению ФЕ. Данный факт служит характеристикой особенностей мышления средневекового человека.

Хотя название статьи предполагает исследование лишь ФЕ метонимического происхождения, однако проведенный анализ образно составляющей фразеологизмов показал, что ВФ средневековых языковых единиц вторичной номинации не всегда основана только на одном каком-либо переносе, например, в данном случае – метонимическом. Как показывает материал, образное основание средневековых ФЕ чаще построено на переплетении в нем различных тропов, поскольку, как считает В.Н. Телия, «полимотивированность образной гештальт-структуры – скорее норма, чем исключение» (Телия, 1996: 198). Для исторической фразеологии эта черта особенно показательна. Именно поэтому в данной статье пришлось затронуть и ФЕ, внутренняя форма которых помимо метонимического переноса содержит и другие типы переносов, вместе создающих ту отличительную фоновую информацию, которая, как правило, характеризует состояние и формирование старорусского

языка на данном, преднациональном этапе его становления.

Уже сам факт существенной количественной представленности и широкого распространения средневековых метонимических ФЕ, по данным нашего языкового материала, а также по наблюдениям В.В. Колесова, отметившего, что несмотря на развитие метафорического типа мышления, все же «конкретные описания древнерусских художественных текстов подтверждают, что вплоть до конца XVII века господствующим тропом оставалась метонимия, с помощью которой раскрывался традиционный символ» (Колесов, 1989: 238-239), указывает на специфичность русского средневекового мышления, которое не могло не отобразить в такой разнообразии метонимических ФЕ отношение человека к окружающей действительности.

С диахронической точки зрения фразеонд позднего средневековья представляет собой переходный этап формирования номинативных средств русского языка, когда древнерусские формулы, в пределах которых синкретичная семантика слова получала свою определенность при экспликации в тексте, еще до конца не разрушены, а фразеологизм как структурно более сложная, чем слово, но семантически единая языковая единица еще не сформировался. Превращение его в устойчивое воспроизводимое номинативное средство-фразеологизм – результат длительного исторического развития.

Литература

- Словарь русского языка XI-XVII вв. (Вып. 1-26). – М.: Наука. – 1975. – 2002.
- Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
- Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
- Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 260 с.
- Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX веков. – Новосибирск: Наука, 1973. – 173 с.
- Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
- Костючук Л.Я. Возможности семантических сдвигов при сочетаемости слов (к вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе) / Л.Я. Костючук // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – Вып.: 3. – С. 81-89
- Смирнов И.П. Эпическая метонимия / И.П. Смирнов // Труды отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1979. – Т.: XXXIII. – С. 175-203
- Селиванов Ф.М. Поэтика былин. Ч.1: Система изобразительно-выразительных средств. – М.: МУ, 1977. – 128 с.
- Лихачев Д.С. Избранное: «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – СПб.: Logos, 1998. – 528 с.
- Соболевский А.И. История русского литературного языка. – Л.: Наука, 1980. – 194 с.
- Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 286 с.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). – М.: Аспект Пресс. – 2002. – 558 с.
- Чернышева Из истории изменения концепции Словаря русского языка XI-XVII вв. М.И. Чернышева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2013. – № 2. – Том 9. – С. 192 – 206.

Пименова М.В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. – 2013. – № 2. – Том 9. – С. 439 – 449.

Любимова Л.М. Социальные модели устойчивых формул деловых памятников как объект исторической фразеологии // *Вестник Читинского государственного университета*. – 2009. – № 4 (55). – С. 134 – 140.

References

Babkin A.M. (1970). *Russkaia frazeologija, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology: its development and sources]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Chernysheva M.I. (2013). *Iz istorii izmeneniia kontseptsii Slovaria russkogo iazyka XI-XVII vv.* *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniĭ RAN*. [From the history of changing the concept of the “Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries”. Writings of the Institute of Linguistic Studies RAS]. Vol. 9, 2, 192 – 206. (in Russian)

Fedorov A.I. (1973). *Razvitie russkoi frazeologii v kontse XVIII – nachale XIX vekov* [Development of Russian phraseology at the end of the 18th early 19th century]. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Kolesov V.V. (1989). *Drevnerusskii literaturnyi iazyk* [Ancient Russian literary language]. Leningrad: Leningradskij universitet. (in Russian)

Kolesov V.V. (2002). *Filosofija russkogo slova* [Philosophy of Russian word]. Sankt-Peterburg: IuNA. (in Russian)

Kostiuchuk L.Ia. (1983). *Vozmozhnosti semanticheskikh sdvigov pri sochetanosti slov (k voprosu o stanovlenii ustoičivyx sochetanii na metonimicheskoi osnove)*. *Russkaia istoričeskaja leksikologija i leksikografija*. [Semantic changes in terms of compatibility (On the ways of the formation of sustainable combinations based on methonymy). Russian Historical Lexicology and Lexicography] 3, 81-89. (in Russian)

Likhachev D.S. (1998). *Izbrannoe: «Slovo o polku Igoreve» i kultura ego vremeni*. [Selection. “The Word about Igor Regiment” and the culture of his time]. Sankt-Peterburg: Logos. (in Russian)

Liubimova L.M. (2009). *Sotsialnye modeli ustoičivyx formul delovykh pamiatnikov kak obiekt istoričeskoi frazeologii* [Social models of sustainable formulas of official monuments as a subject of historical phraseology]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Vestnik of the Chitinsk State University*, 4 (55), 134 – 140. (in Russian)

Mokienko V.M. (1986). *Obrazy russkoi rechi: istoriko-etimologičeskije i etnolingvističeskije očerki frazeologii* [Images of Russian speech: historical-etymological and ethno-linguistic essays of phraseology]. Leningrad: Leningradskij universitet. (in Russian)

Pimenova M.V. (2013). *Ustoičivye leksiko-semantičeskije edinitsy i ikh fiksatsija v istoričeskikh slovariakh*. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniĭ RAN*. [Stable lexical-semantic units and their fixation in historical dictionaries. Writings of the Institute of Linguistic Studies RAS]. Vol. 9, 2, 439 – 449. (in Russian)

Selivanov F.M. (1977). *Poetika bylin. Ch.1: Sistema izobrazitelno-vyrazitelnykh sredstv* [Poetics of bylina. Part 1: System of the imagery-expressive means of language]. Moscow: Moskovskij universitet. (in Russian)

Slovar russkogo iazyka XI-XVII vv. (Vyp. 1-26). (1975-2002). [“Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries”]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Smirnov I.P. (1979). *Epicheskaja metonimija*. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. [Epic methonymy. Works of the Department of Ancient Russian Literature]. Vol. 33, 175-203. (in Russian)

Sobolevskij A.I. (1980). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [The history of Russian literary language]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Teliia V.N. (1996). *Russkaia frazeologija: semanticheskij, pragmatičeskij i lingvokulturologičeskij aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguistical aspects]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoi kultury. (in Russian)

Uspenskij B.A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI-XVII vv.)* [The history of Russian literary language 11th-17th centuries]. Moscow: Aspekt Press. (in Russian)

Zhukov V.P. (1986). *Russkaia frazeologija* [Russian phraseology]. Moscow: Vysshaja shkola. (in Russian)

Гезалова Наргиз Джафар кызы

Азербайджанский государственный университет языков, Азербайджан, г. Баку,
e-mail: nargizgozelova@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОГО И БРИТАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

В настоящем мире свыше 300 миллионов людей разговаривает на английском языке. Но есть множество отличий между их родным языком и разнообразием английского языка. Однако по сравнению с их акцентом, отличия словесные, грамматические весьма малы. Акцент представляет собой термин, используемый филологами для выражения произношения людей, относящихся к определенному географическому региону. Очень сложно писать о том, с каким акцентом именно надо говорить. Только в Соединенном Королевстве существуют различные народы, говорящие на уэльском диалекте английского языка, кокни и недавно появившемся эстуарии и джорджи. Однако в преподавании фонетики английского языка используются 2 «стандартных» акцента – Британский и Американский. Используемый в Соединенных Штатах Америки акцент называется «General American» GA, то есть общим американским. Произношение «General American» используется в Соединенных Штатах многими людьми и, вместе с тем, Американскими радио- и телеведущими. Используемый в Британии людьми обычный уровень речи называется Received Pronunciation или же RP (слово «Received» переводится как «общеупотребительный»). Он при обучении английскому языку в качестве иностранного языка преподается как модель произношения. Между Американским и Британским вариантами морфологически имеется несколько различий. В статье исследуются актуальные проблемы современного английского языка. Автор в основном останавливается на анализе различий между Американским и Британским вариантами английского языка. Эти различия изучаются на морфологическом уровне. В том имена существительные, прилагательные, местоимения, глаголы, артикли и т.д. привлекаются к исследованию.

Ключевые слова: английский язык, британский и американский варианты, морфология, акцент.

Nargiz Jafar kizi Gezalova

Azerbaijan State University of Languages, Azerbaijan, Baku,
e-mail: nargizgozelova@mail.ru

Comparative analysis of american and british versions of english: morphological level

In the present world, over 300 million people speak English. But there are many differences between their native language and the diversity of the English language. However, compared to their accent, the differences are verbal, grammatical very small. Emphasis is a term used by philologists to express the pronunciation of people belonging to a particular geographical region. It is very difficult to write about what kind of accent you need to speak with. Only in the United Kingdom there are various peoples who speak the Welsh dialect of English, Cockney and the recently emerged estuary and Georgie. However, 2 “standard” accents are used in the teaching of phonetics of the English language – (British and American). The accent used in the United States of America is called “General American” GA, that is, common American. The pronunciation “General American” is used in the United States by many people and, at the same time, by American radio and television hosts. The usual level of speech used in Britain is called Received Pronunciation or RP (the word “Received” translates as “commonly used”). When teaching English as a foreign language, it is taught as a pronunciation model.

There are several differences between the American and British versions morphologically. The article explores the current problems of modern English. The author mainly focuses on the analysis of the differences between the American and British versions of English. These differences are studied at the morphological level. Including nouns, adjectives, pronouns, verbs, articles, etc., are involved in the study.

Key words: English, British and American versions, morphology, accent

Наргиз Джафар кызы Гезалова

Әзірбайжан мемлекеттік тілдер университеті, Әзірбайжан, Баку қ.,
e-mail: nargizgozelova@mail.ru**Ағылшын тілінің америкалық және британиялық варианттарын
салыстырмалы талдау: морфологиялық деңгей**

Нақты әлемде 300 миллионнан астам адам ағылшын тілінде сөйлейді. Бірақ олардың ана тілі мен ағылшын тілінің әртүрлілігі арасында көптеген айырмашылықтар бар. Алайда олардың акцентімен салыстырғанда сөздік және грамматикалық айырмашылықтар өте аз. Акцент – филологтармен қолданатын белгілі бір географиялық аймаққа жататын адамдардың айтылымын білдіретін термин. Нақты қандай акцентпен сөйлесу керектігі туралы жазу өте қиын. Біріккен Корольдікте ғана ағылшын тілінің әр түрлі акцентімен сөйлейтін халықтар бар, олар ағылшын тілінің валлий диалектісімен сөйлейтін халықтар, кокни, жаңадан пайда болған эстуарий және джорджи. Алайда ағылшын тілінің фонетикасын оқытуда 2 «стандартты» акцент қолданылады – (британдық және американдық). Америка Құрама Штаттарында қолданылатын акцент «General American» GA деп аталады, яғни жалпы америкалық екпін. «General American» дыбысталуын АҚШ-та көптеген адамдар, сондай-ақ америкалық радио мен теледидар жүргізушілері қолданады. Британияда адамдар қолданатын сөйлеудің әдеттегі деңгейі Received Pronunciation немесе RP деп аталады («Received» сөзі «жалпы» деп аударылады). Ол ағылшын тілін шет тілі ретінде оқытқанда, айтылым үлгісі ретінде оқытылады. Америкалық және британдық нұсқалары арасында бірнеше морфологиялық айырмашылықтар бар. Мақалада қазіргі ағылшын тілінің өзекті мәселелері қарастырылған. Автор негізінен америкалық және британдық ағылшындардың айырмашылықтарын талдауға тоқталған. Бұл айырмашылықтар морфологиялық деңгейде зерттеледі. Бұған зат есімдер, сын есімдер, есімдіктер, етістіктер, артикльдер және т.б. зерттеуге қатысады.

Түйін сөздер: ағылшын, ағылшын және америкалық нұсқалар, морфология, акцент.

Введение

Темой данного исследования является сравнительный анализ Американского и Британского вариантов английского языка, прежде рассмотрим существующие отличия на морфологическом уровне. Необходимо отметить, что морфологические отличия между Американским и Британским вариантами проявляются не только во временных формах, но также и в членах предложения.

Эксперимент

Части речи. **Глагол.** Как известно, в простом прошедшем времени согласно грамматике мы добавляем к окончанию правильных глаголов *-ed*, а неправильные глаголы (irregular verbs) меняются в корне. Но в Американском варианте характерная особенность заключается в том, что многие глаголы, такие как *learn*, *smell*, *spell*, *dream*, *lean*, *spill* и *spoil*, в отличие от Британского варианта, образуются преимущественно с помощью аффикса *-ed*.

Например:

Британский вариант

leant
learn
smelt
spelt
dreamt

Американский вариант

leaned
learned
smelled
spelled
dreamed

Есть и такие глаголы, которые несмотря на использование в Британском варианте в качестве правильного глагола, в Американском варианте используется и как правильный, и как неправильный глагол. Например:

Британский вариант

fitted
dived
pleaded

Американский вариант

fit
dove/dived
pleaded/pled

В то время, как *gotten*, являющаяся формой причастия прошедшего времени глагола (Participle II) *get* в Британском варианте используется редко (несмотря на то, что используется во многих диалектах), в американском вари-

анте используется чаще. Согласно «Краткому Оксфордскому словарю английского языка» (Compact Oxford English Dictionary) это явление отмечается как нестандартное явление (Compact, 1991: 21). Например:

Британский вариант	Американский вариант
Have you got the book?	Have you gotten the book?

Вместе с тем, *gotton* в Американском варианте в составе выражений применяется в форме глагольной формы глагола *get* в прошедшем времени: *get off, get on, get into, get up* и *get around*. Например, *If you hadn 't gotten up so late, you might not have gotten into this mess.* В Британском варианте глаголы *quit* и *wet* являются правильными глаголами.

Quit / quitted/ quitted

Wet / wetted/ wetted

В Американском варианте же эти глаголы неправильные.

Quit/ quit / quit

Wet / wet / wet

Глагол *dive* в Британском варианте отмечается как правильный глагол. Однако в Американском варианте этот глагол неправильный. Например:

Британский вариант	Американский вариант
dive/dived/dived	dive/dove/dived

Следующие глаголы по свойству воздействия отличаются Американской и Британской вариативностью:

agree: в Британском варианте может применяться и как переходной, и как непереходной глагол. А в Американском варианте данный глагол позиционируется как невоздействующий глагол (*agree a contract/agree to or on a contract*).

catch up (to reach and overtake): в Британском варианте может быть переходным и непереходным. Это выражение в Американском варианте позиционируется в качестве непереходного глагола (*to catch sb up/to catch up with sb*).

cater (to provide food and service): в Британском варианте позиционируется как непереходной, в Американском варианте же как переходной глагол (*to cater for a banquet/to cater a banquet*).

claim: в Британском варианте используется как непереходной (с предлогом *for*), в Американском варианте же как переходной глагол.

meet: в Американском варианте этот глагол при использовании с предлогом *with* в значении «to have meeting with» используется как непереходной глагол. Например: *Yesterday we met with the CEO.*

Если глагол *meet* применяется в значении «to be introduced to» становится переходным глаголом. Например: *I want you to meet the CEO.*

Кроме этого, глагол *meet* в значениях «to come together with (someone, somewhere)», «to have a casual encounter with» в Американском варианте используется как переходной глагол. В Британском варианте же глагол *meet* позиционируется как переходной глагол в значении «to have a meeting with».

provide: этот глагол в Британском варианте используется как монотранзитивный глагол, в Американском варианте же используется как монотранзитивный или дитранзитивный глагол (*provide sb with sth/provide sb sth*).

protest в значении «выступить против» в Британском варианте используется как непереходной глагол, а в Американском варианте – как переходной глагол (*The workers protested the decision/The workers protested against the decision*).

write: форма косвенного дополнения этого глагола применяется с предлогом *to*. Например: *I'll write to her.*

В Британском и Американском вариантах английского языка для указания действия, происшедшего в недавнем прошлом, воздействие которого осталось и в настоящий момент, используется форма настоящего законченного времени (Mamedova, 2011: 24). Однако в американском английском варианте это действие можно показать и в простой прошедшей форме. Например,

Британский вариант	Американский вариант
I have lost my keys.	I lost my keys.
I need them to go to work	I need them to go to work
Robert feels sick, he has eaten too much	Robert feels he ate too much.

Кроме того, место в предложении наречий времени (*just, already*), используемых в настоящем прошедшем времени, в обоих вариантах различно (Kaushanskaya, 2008: 36). Так, в то время, как в Британском варианте место наречий времени находится после вспомогательного глагола и до основного глагола, в Американском варианте возможно использование и до вспомогательного глагола. Например,

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
I have already had lunch today	I have already had lunch today I already have had lunch today

Кроме того, использование глагола *shall* в единственном и множественном числе первого лица характерно лишь для Британского варианта (Babich, 2005: 120). А в Американском варианте встретить подобное, можно сказать, невозможно. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
I shall never read any other book.	I will never read any other book.

Рекомендация: для получения предложения в Британском варианте больше используется глагол *shall*. А в Американском варианте вместо глагола *shall* используется глагол *should*. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
Shall I compare thee to a Summer's day?	Should I compare thee to a Summer's day?

Одинаковые глаголы при использовании в различных Английских вариантах меняют смысл предложений. Так, в Британском варианте глагол *shall* указывает на действие, происходящее в будущем, в Американском варианте же *should* выражает рекомендацию.

В Британском и Американском вариантах глагол *have* используется как вспомогательный и основной глагол. В этом случае глагол *have*, будучи вспомогательным глаголом, хотя и не выражает какого-либо значения, будучи основным глаголом в составе выражения может выражать смысл. Выражения, в которых в Британском варианте используется глагол *have*, в американском варианте заменяются глаголом *take*. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
I'd like to have a bath	I'd like to take a bath

В английском языке есть и такие глаголы, которые отличаются по используемой конструкции. Глаголы *prevent* и *stop* используются в двух различных конструкциях: «prevent/stop someone

from doing something» и «prevent/stop someone doing something». Вторая конструкция применяется преимущественно в Британском варианте.

В английском языке в то же время есть такие глаголы, которые могут использоваться как герундий и инфинитив. То есть идущие после них глаголы используются с *to* и *-ing*.

Собирательные и собственные существительные. В Британском варианте сказуемое собирательных существительных используется в единственном или же множественном числе (Belyayeva, 1961: 57). Например: The team are playing tonight or The team is playing tonight. В Американском варианте же, наоборот, сказуемое предложений, состоящих из собирательных существительных, применяется в единственном числе. Например: The band is good. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
The team are happy The committee were appointed	The team is happy The committee was appointed

Несмотря на это, если в Американском варианте каждый член в составе собирательного существительного понятен, тогда сказуемое предложения оказывается во множественном числе. Например, The team take their seats. Данное свойство приемлемо и для музыкальных групп.

А порой это явление в Американском варианте выражается иначе. В предложениях подобного типа, если подлежащее предложения даже является собирательным, при согласовании со сказуемым местоимение используется во множественном числе: вместо *the team takes its seats*, чаще *the team takes their seats* (Johnson, 1755: 130).

Несмотря на все эти исключения, несмотря на использование названий спортивных команд в единственном числе, в газете «Нью-Йорк таймс» показаны во множественном числе. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
The Clash are a well-known band New York are the champions.	The Clash is a well-known band. New York is the champion.

Если собственное существительное принимает множественный аффикс, в обоих вариантах подлежащее бывает во множественном числе:

The Beatles are a well-known band; The Gaints are the champions.

В английском языке есть такие существительные, которые по своему смыслу отличаются согласно обоим вариантам (Smirnitkiy, 1956: 125). Американцы, придавая большему количеству слов новый смысл, предпочитали их использование в различных ситуациях. При желании применить новое выражение, они, используя более удобный метод, меняют значения слов. Например: слово *clout* в частности используется для выражения силы, престижа в политике. *Family* применяется как организационный орган в мафии. *Point* выражает значение высокого изменения в оценке. Например:

Слово	Американский вариант	Британский вариант
bill	bank note	a demand for payment of a debt
billion	a thousand million	a million million
guy	fellow, any person	a ridiculous figure
pressman	an operator of a printing office	a newspaper man
public school	a municipal-run school	a private school

Наречие. Наречие, относясь в предложении к глаголу, определяя глагол, выражает состояние, время и пр.. В неформальном Американском варианте прилагательные используются как наречия. Например: a real good program. А в формальном Американском варианте и Британском варианте используются наречия. Например: a really good program.

В Американском варианте слово *with* используется как наречие. Но в Британском варианте это явление, можно сказать, не встречается. Например:

Британский вариант	Американский вариант
He will come with.	He will come along

Вместе с тем, в Американском варианте добавлением к окончаниям слов *morning, Sunday, night, day* окончания *-s* можно образовать наречие.

Место наречия в предложении отличается в Американском и Британском вариантах. Согласно Американскому варианту, место наречия нестабильно. Так, наречие в предложении может использовать до или после вспомогательного глагола (Newmark, 1988: 127). Несмотря на это, смысл предложения остается неизменным.

А в Британском варианте наречие стабильно используется до основного глагола, после вспомогательного глагола. Например:

Британский вариант	Американский вариант
We will never be late	We never wil be late/
They will never agree to it.	We will never be late
	They never will agree to it/ They will never agree to it

Прилагательное. В Американском и Британском вариантах прилагательные отличаются лишь по их значениям. Например: *quite*.

При использовании американцами слова *quite* до прилагательного это слово выражает значение «много». В Британском варианте же имеет значение «немного». Другой пример: в Британском английском предлоги *to* и *from* используются с прилагательными в различных формах. В Американском английском же предлоги *from* и *than* предлоги используются с прилагательными в различных формах. Например:

Британский вариант	Американский вариант
This house look different than anything else.	This house looks different to anything else.

В Британском английском наречия времени *already* и *yet* применяется в настоящем законченном времени. Эти наречия времени, включая и простое прошлое время, не используются ни в одной временной форме. Хотя это явление в Американском английском отличается. Например:

Британский вариант	Американский вариант
I haven't bought one yet.	I didn't buy one yet.
Have you read it already?	Did you read it already?

Принадлежность // Possession. В английском языке для указания принадлежности применяется два способа: или через *have* или же через *have got*. Обе формы приемлемы для обоих вариантов языка. Но *have got* чаще используется в Британском английском. Например, когда британец говорит / *have got a cat*, Американец выражает свою мысль, говоря / *have a cat*.

То же явление приемлемо и для различных форм предложения. Так, хотя в Американском английском в вопросительных и отрицательных

предложениях и используются выражения *do* и *do not*, в Британском английском в вопросительных и отрицательных предложениях используется сам глагол. Например,

You haven't (got) much room here. You don't have much room here.

Данная мысль приемлема и для модальности. Например, в Британском английском ты должен сказать, *I have got to go to the meeting*. А американцы используют это как *I have to go to the meeting*.

Сослагательное наклонение / **Subjunctive Mood**. Сослагательное наклонение различается в обоих вариантах. Так, и в Американском варианте, и в Британском варианте сослагательное наклонение показывается в различных формах. Например:

Британский вариант	Американский вариант
I suggest that meeting be postponed.	I suggest that meeting should be postponed.
I wish I had done it.	I wish I would have done it.

Through. В Американском варианте слово *through* (или *thru*) используется в значении *до*. А в Британском варианте вместо этого слова часто используется слово *until*. Например:

Британский вариант	Американский вариант
19 September until 1 October.	September 19 th through October 1 st .

Предлоги. Применение предлогов по Британскому и Американскому варианту различается (Plyish, 1971: 245). Так, предлоги *at*, *to*, или *from* по месту употребления меняются согласно обоим вариантам.

В Британском английском предлог *at* применяется с выражениями, связанными со временем. Однако такие выражения в Американском английском выражаются предлогом *on*. Например:

Британский вариант	Американский вариант
at Christmas	on Christmas
at five o'clock	on five o'clock
at the weekend	on the weekend//on weekend

Говоря о таких наречиях места, как университет и организации, в Британском английском используется предлог *at*. Однако в Американском английском это явление часто заменяется предлогом *in*. Например:

Британский вариант	Американский вариант
She studied biology at University	She studied biology in University

В Британском варианте использование с предлогами *to* и *from* различается. Так, различая место, *This place is different from/to anything I've seen before*. В Американском варианте в предложениях подобного типа используются предлоги *from:than*. – *place is different from/than anything I've seen before*.

В Британском английском для выражения направления применяется предлог *to*. В некоторых случаях это явление в Американском английском не встречается. Например:

Британский вариант	Американский вариант
I promised to write to her every day.	I promised to write her every day.

В Американском английском в значении *до* и *включая* используются слова *through*. А в Британском английском это заменяется предлогом *to*. Например:

Британский вариант	Американский вариант
Monday to Friday	Monday through to Friday

Другое различие связано со временем. В то время, как в Британском английском говорят *a quarter past one*, в Американском английском это заменяется выражением *a quarter after one*. В другом примере, в то время, как в Британском английском используется *a quarter to two*, в Американском английском применяется *a quarter of two*.

Выражение предлогов *on* и *in* в этих вариантах используется по-разному. Тогда как предлог *in* чаще используется в Британском английском, в Американском английском вместо этого используется предлог *on*. Например:

Британский вариант	Американский вариант
Your daughter's name stands first in the list	Your daughter's name stands first on the list
These dresses are in a sale.	These dresses are on the sale.

В Британском варианте слова *day*, *week*, *certain day* используются с предлогом *on*. В Американском английском же это явление отличается. В Американском варианте, можно сказать, ни в одном предлоге не используется. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
The new term begins on September 1.	The new term begins September 1.
I'll see you on Monday.	I'll see you Monday.

В Британском варианте слово *home* используется вместе с предлогом *at*. В Американском варианте это явление, можно сказать, не встречается. Слово *home* не используется с предлогом. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
Is he at home?	Is he home?

Кроме того, в Американском варианте приемлемо неиспользование предлога в ряде ситуаций. В Британском варианте же это явление встречается очень редко. Например: выражение *likely enforceable* в Американском варианте в Британском варианте чаще используется как *likely to be enforceable*. Согласно другому примеру, если выражение *protest discrimination* чаще встречается в Американском варианте, в Британском варианте это выражение используется как *protest against discrimination*.

Кроме того, место предлога в предложении различается в Британском и Американском варианте. Так, в 1960 году говорящие на Британском английском люди предлог чаще использовали в конце предложения, например, *I have a coat on*. Хотя в Американском английском это отличается: *I have on a coat*. В современный период обе формы использования предлога применяются в Британской и Американской разговорной речи, однако *I have a coat on* более свойственно Американскому варианту.

Артикль. Многие выражения в Британском английском выражаются определенным артиклем *the*. Хотя в Американском английском эти выражения указываются без артикля. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
all the afternoon	all afternoon
all the winter	all winter
all the week	all week

Кроме того, в Британском английском есть такие слова, которые в зависимости от ситуации используются с определенным артиклем *the*. Это явление для Американского английского неприемлемо. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
the mumps	mumps
the flu	flu
the Niagara falls	Niagara falls

Результаты и обсуждение

Использование неопределенного артикля *a* и *an* со словом *half* различается в Британском и Американском вариантах. Так, в Британском английском слово *half* в этих выражениях используется до неопределенного артикля: *half a dozen*, *half an hour*, *half a mile* и *half a pound* и т.д. А в Американском английском неопределенный артикль используется до слова *half*, например, *a half dozen*, *a half hour*, *a half mile*, *a halfpound* и т.д.

Местоимения. В британском и американском варианте для недопущения повтора используется местоимение *one*. В обоих вариантах использование этого местоимения различно (Cambridge, 2006: 349). В американском варианте в этом случае вместо местоимения *one* применяется местоимение *he*. Для того, чтобы увидеть эти отличия, рассмотрим следующие образцы. Например:

<i>Британский вариант</i>	<i>Американский вариант</i>
One cannot succeed unless one tries hard.	One cannot succeed Unless he tries hard.

Заключение

Таким образом, говоря о различии Американского и Британского вариантов английского языка, будем уместно коснуться и об отличиях в словарном их составе. Поскольку самая большая разница между этими вариантами наиболее ясно проявляется среди слов.

В связи с этим утверждается, что согласно Британскому и Американскому вариантам английского языка существуют эквиваленты различающихся слов (Valiyeva, 2010: 234). Например: слово *automobile* в Американском варианте эквивалентен слову *car* или *motor-*

car в Британском варианте. Вместо используемого в Британском варианте слова *postman* чаще используется слово *mailman*. Кроме того, слово *baggage* является эквивалентом используемого в Британском варианте слова *luggage*.

Литература

- The Compact Oxford English Dictionary. – London: Oxford University, 1991. – 2424 p.
Мамедова М. Грамматика английского языка. – Баку: Нурлан, 2011. – 37 с.
Каушанская В. Л. Грамматика английского языка. – Москва: Айрис-пресс, 2008. – 284 с.
Бабич Г. Н. Лексикология Английского языка. – Москва: Большая медведица, 2005. – 176 с.
Беляева Т. М., Потапова И. А. Английский язык за пределами Англии. – Ленинград: Учпедгиз, 1961. – 240 с.
Johnson S. A dictionary of the English language. – London: Consortium, 1755. – 137 s.
Смирницкий А. Лексикология английского языка. – Москва: Иностранная литература, 1956. – 258 с.
Newmark P. Textbook of translating. – Hertfordshire: Prentice Hall, 1988. – 227 p.
Пыиш В. The structure of Modern English. – Moscow: Prosvesheniye, 1971. – 370 p.
Cambridge English Pronouncing Dictionary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 599 p.
Valiyeva N. Azerbaijani-English-Russian phraseological dictionary. – Baku: Azerpress publishing house, 2010. – 460 p.

References

- Babich G. N. (2005) Leksikologiya Angliyskogo yazika [English lexicology]. Moscow: Bolshaya medveditsa, 176 p. (In Russian)
- Belyayeva T. M., Potapova I. A. (1961) Angliyskiy yazik za predelami Anglii [English outside of England]. Leningrad: Uchpedgiz, 240 p. (In Russian)
- Cambridge (2006) English Pronouncing Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 599 p. (In English)
- Pyish B. (1971) The structure of Modern English. Moscow: Prosvesheniye, 370 p. (In English)
- Johnson S. (1755) A dictionary of the English language. London: Consortium, 137 s. (In English)
- Kaushanskaya V. L. (2008) Grammatika Angliyskogo yazika [English grammar]. Moscow: Ayris-press, 284 p. (In Russian)
- Mamedova M. (2011) Grammatika angliyskogo yazika [English grammar]. Baku: Nurlan, 37 p. (In Azerbaijani)
- Newmark P. (1988) Textbook of translating. Hertfordshire: Prentice Hall, 227 p. (In English)
- Smirnitkiy A. (1956) Leksikologiya angliyskogo yazika [English lexicology]. Moscow: Inostrannaya literatura, 258 p. (In Russian)
- The Compact (1991) Oxford English Dictionary. London: Oxford University, 2424 p. (In English)
- Valiyeva N. (2010) Azerbaijani-English-Russian phraseological dictionary. Baku: Azerpress publishing house, 460 p. (In English)

I.G. Orazbekova* , A.A. Muldagaliyeva , A.I. Rustemova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: indiragazizovna@mail.ru

SOCIOCULTURAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF ADVERTISING IN KAZAKHSTAN

The article looks at sociocultural and linguistic features of advertising, since advertising as a form of communication reflects culture, traditions, changes in the society, sociocultural norms of behavior, standards of life and the level of economic situation of the country. The paper studies the cultural elements of advertising in Kazakhstan from the angle of the theory of Cultural Dimensions by Geert Hofstede and Value Theory by social psychologist Shalom Schwartz. People perceive the world through the prism of cultural values that play a crucial role in marketing and trigger consumer response. Cultural values are a significant factor of a consumer response to marketing stimuli, since each society possesses a set of values and priorities. Following on from this, achieving the desired behavior of consumers involves knowledge of the cultural values and the ability to use them. Socio-cultural analysis shows that cultural values in Kazakhstan combine elements of western and eastern cultures, which is due to its geographical location, resource potential and the development of international relations. Linguistic analysis of the language of advertising reveals the interaction of linguistic and intercultural aspects: the words of the Kazakh language are found in the text of advertising in Russian and vice versa; borrowings in advertising in the Kazakh language take a special place since advertising quickly responds to innovative processes and changes in different areas of life.

Key words: advertising, types of culture, cultural values, intercultural communication, language of advertising.

И.Г. Оразбекова*, А.А. Мулдағалиева, А.И. Рустемова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

*e-mail: indiragazizovna@mail.ru

Қазақстандағы жарнаманың әлеуметтік- мәдени және лингвистикалық аспектілері

Мақалада жарнаманың әлеуметтік-мәдени және лингвистикалық ерекшеліктері қарастырылады, өйткені қарым-қатынас нысаны ретінде жарнама мәдениетті, дәстүрді, қоғамдағы өзгерістерді, мінез-құлықтың әлеуметтік-мәдени нормаларын, өмір сүру деңгейі мен елдегі экономикалық жағдайдың деңгейін көрсетеді. Мақалада Қазақстандағы жарнаманың мәдени элементтері Герт Хофстеденің мәдени өлшемдер теориясы және психолог Шалом Шварцтың құндылықтар теориясы тұрғысынан қарастырылады. Адамдар әлемді маркетингте шешуші рөл атқаратын мәдени құндылықтар призмасы арқылы қабылдайды. Мәдени құндылықтар тұтынушылардың маркетинг техникасына деген реакциясының маңызды факторы болып табылады, өйткені әр қоғамда құндылықтар мен басымдықтардың жиынтығы бар. Осыған сүйене отырып, тұтынушының мінез-құлқын білу үшін мәдени құндылықтар мен оларды пайдалану қабілеттерін білуді талап етеді. Әлеуметтік-мәдени талдау елдің географиялық жағдайына, табиғи-ресурстық әлеуетіне және халықаралық қатынастардың дамуына байланысты. Қазақстандағы жарнаманың мәдени құндылықтарына Батыс және Шығыс мәдениеттерінің элементтері кіретіндігін көрсетеді. Жарнама тілінің лингвистикалық талдауы тілдік және мәдениаралық аспектілердің өзара байланысын көрсетеді: қазақ тілінің сөздері орыс тіліндегі жарнама мәтінінде және керісінше кездеседі; қазақ тіліндегі жарнамада кездесетін кірме сөздері ерекше орын алады, өйткені жарнама өмірдің әр түрлі салаларындағы инновациялық үдерістер мен өзгерістерге тез жауап береді.

Түйін сөздер: жарнама, мәдениет түрлері, мәдени құндылықтар, мәдениетаралық коммуникация, жарнама тілі.

И.Г. Оразбекова*, А.А. Мулдагалиева, А.И. Рустемова
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: indiragazizovna@mail.ru

Социокультурные и лингвистические аспекты рекламы в Казахстане

В статье рассматриваются социокультурные и лингвистические особенности рекламы, поскольку реклама как форма общения отражает культуру, традиции, изменения в обществе, социокультурные нормы поведения, уровень жизни и уровень экономической ситуации в стране. В статье рассматриваются культурные элементы рекламы в Казахстане под углом зрения теории культурных измерений Герта Хофстеде и теории ценностей психолога Шалом Шварца. Люди воспринимают мир через призму культурных ценностей, которые играют решающую роль в маркетинге. Культурные ценности являются важным фактором реакции потребителей на маркетинговые приемы, поскольку каждое общество обладает набором ценностей и приоритетов. Исходя из этого, достижение желаемого поведения потребителей предполагает знание культурных ценностей и умение их использовать. Социокультурный анализ показывает, что культурные ценности рекламы в Казахстане включают элементы западной и восточной культур, что обусловлено географическим положением страны, природно-ресурсным потенциалом и развитием международных отношений. Лингвистический анализ языка рекламы раскрывает взаимодействие языковых и межкультурных аспектов: слова казахского языка встречаются в тексте рекламы на русском языке и наоборот; заимствования в рекламе на казахском языке занимают особое место, так как реклама быстро реагирует на инновационные процессы и изменения в разных сферах жизни.

Ключевые слова: реклама, типы культур, культурные ценности, межкультурная коммуникация, язык рекламы.

Introduction

The modern advertising market is an integral part of the global economy. Therefore, on the one hand the same processes of the world economy affect and shape it, on the other hand, this market has some specific phenomena. The overall trend for the world economy is globalization that means the integration of social and economic processes which lead to the transformation into the world single market. The process of globalization is due to a number of factors such as the activities of multinational companies on a global scale; increase of concentration and monopolization activities; rapid development of global media and global information exchange; interpenetration of different cultures and the introduction of single cultural standards and others (Ageev et al.).

The research of a consumer behavior on marketing devices is growing vastly. The main goal of advertising is to influence the customer and to make him purchase the advertised product. (Kotler, 2007; Vasilyev, Poljakov, 2012)

The consumer market of Kazakhstan is characterized by clear regional preferences of various brands due to the special geographical position of the country, its territorial proximity to completely different world cultures, the enormous distances between settlements and the heterogeneity of its population on ethnic grounds (Rizanenko).

Today advertising should be considered as an element of national culture, one of the basic mechanisms of its formation. Moreover, advertising as a phenomenon of mass culture is capable of creating the highest forms of spiritual culture. For this to happen, society must be attentive to promotional activities, regulate and enhance them through effective laws and word freedom, support socially useful and limit the destructive tendencies (Lebedev-Lubimov, 2002).

In this respect Lebedev-Lubimov (2002) views advertising as a part of the cultural environment, an important factor in the formation of the aesthetic consciousness of the people. Some of the advertising messages, performed on a professional and creative level, can be attributed to works of Applied art.

The sociocultural studies treat promotional advertising activities as a psychological basis for the creation of new forms of cultural environment, social myth-making, forming a system of cultural norms and values. Social and cultural aspects of the promotional activities are closely linked to the ethical and aesthetic categories. Here, psychology, ethics and aesthetics are designed to address a common and very important task of cultural development of the masses by means of socially-oriented advertising.

Cultural values are a significant factor of a consumer response to marketing stimuli, since each society possesses a set of values and priorities. Fol-

lowing on from this, achieving the desired behavior of consumers involves knowledge of the cultural values and the ability to use them. Cultural values that have the greatest impact on consumer behavior can be classified into one of three broad groups: *other-oriented values*; *environment-oriented values*; *self-oriented values*.

Schwartz (2006) explains that *other-oriented values* guide individuals to realize the needs of the group and follow the interests and rules of the society. It is an important value to be able to act for the benefit of others and also to respect the voice of authority and social roles.

Schwartz (1992) presents 10 basic personal values that are recognized across cultures. Furthermore, the values come from the circular structure that distinguishes motivations of each value. These values are Self-Direction, Stimulation, Hedonism, Achievement, Power, Security, Conformity, Tradition, Benevolence, Universalism.

Moreover, these values have a significant impact on marketing practices. For example, if society prioritizes collectivistic activities, consumers will look at others for orientation in buying products and will not turn to individual preferences in making decisions.

Environment-oriented values describe attitude of society towards its economic, technical and physical environment. Marketing programs developed for the community, emphasizing in relation to their environment problem-solving activities, the ability to risk-based performance differ from marketing programs for fatalistic society focused on security and status-orientation (Alyoshina).

Self-oriented values reflect the values and approaches to life that individual members of society consider to be desirable (Schwartz, 2006). These values are also important for marketing, for example, the acceptance of using a bank credit is largely determined by the society's position in regard to the value of deferred or immediate satisfaction.

Experiment

Sociocultural analysis of advertising

Other-oriented values

Individualism / Collectivism.

Individualism / Collectivism culture characteristic contrasts cooperation and coordination with the group and individual initiative. For example, sense of individualism is weaker in Japan in comparison with the US. Therefore, motivation and compensation for Japanese sales staff based on individual-oriented system is far less successful than in the United

States. Similarly, themes such as "Be yourself", "Stand out" and "Do not be a man of the crowd" are effective in the US but not in Japan (Alyoshina).

The people of each country have their own written and unwritten cultural laws, customs, taboos, so the neglect of them leads to failure of the entire marketing and advertising strategy of the company. These ideas and concepts are the starting point in the theory of cultural dimensions of a Dutch sociologist Geert Hofstede, who was one of the first in the sociology of culture who tried to use the significant statistical data for the analysis of cultural values. The theory of cultural dimensions by Hofstede is based on the results of a written survey conducted in more than 50 countries. These studies revealed that the different phenomena of culture can be measured by five specified parameters, which in practice act in various combinations with one another and determine the appropriate culture mentality.

According to Geert Hofstede (2001) the various cultural phenomena can be measured by five indicators:

- Power Distance (from low to high);
- Individualism – Collectivism;
- Masculinity – Femininity;
- Uncertainty Avoidance (from high to low)
- Long term versus Short-term orientation.

Collectivistic culture is characterized by the fact that it is dominated by group goals over individual ones. Collectivism is inherent in societies with rigid (strict) social structure, clear division into social groups, within which each individual is guaranteed the care and attention of others in exchange for unconditional loyalty to the group.

The vast majority of people live in collectivist society in which the interests of the group prevail over the interests of the individual. Following on from this, collectivistic nature of society is not the power of the state over the individual but the group power over him (Sadohin, 2004).

For example, the Kazakh advertisement of the Fairy cleanser is marked with nationally-specific expressiveness, which highlights the advantages of the liquid. Non-equivalent vocabulary is used in the commercial – the Arsu and Caraksu clans, the thick shourpa (soup) of lamb, the elder – which determine the strategic paradigm of advertising.

The plot of the advertisement is aimed at Kazakh target audience, since it covers the traditions and customs of the people: the clans gather once a year to compete for the best brides, but the forces are equal and the elder decides that the bride chooses the one who will be the first to deal with fat, and the result is dazzling with the help of Fairy.

Product Fairy is very popular and there is a large and varied assortment of it, for example with the smell of lemon, apple, in stores in Kazakhstan.

Romantic orientation

Is there freedom to choose a life partner in the society or not? American advertising of the mouthwash Listerine in Thailand showing a boy and a girl who are obviously in love failed. After replacing the characters for two girls, discussing Listerine, advertising has found success. Advertising illustrating the theme of courtship is not effective in India where most marriages are arranged by parents (Alyoshina).

In Kazakhstan the tendency of romantic love relationships is western-oriented and free in the city, but sometimes in the remote areas it is parents who decide on the marriage of their children, but it is very rare. Advertisement showing the romantic relationship is very popular. For example, a Kazakhstani commercial of soft drink FUSE Tea features kissing lovers on the beach, drinking tea and enjoying the natural environment (sea, sand, blue sky). The slogan of the campaign is: FUSE Tea – unique taste.

Masculism / Feminism

Much of the world is masculine-oriented, although the degree of masculine orientation varies widely and changes. In the eastern countries, especially in the Islamic states, women have traditionally been more focused on maintaining the interests of their families rather than on the social-political or business career. Both more obvious and less obvious aspects of marketing are affected by this measurement of culture – masculism / feminism. For example, it is better not to use the image of a female manager in advertising in the Muslim country. For a company that has its office in a Muslim country the western practice of hiring female secretaries can become confrontational for Muslim customers (Alyoshina).

In connection with this division, in masculine cultures such values as perseverance, strength, independence, material success and openness dominate. In cultures with masculine traits which are typical for Austria, Great Britain, Venezuela, Germany, Greece, Ireland, Italy, Mexico, Switzerland, the Philippines, and Japan, gender differences of male and female roles in society are clearly marked: boys are brought up to be strong and persistent, and girls are taught to be appeasable and caring. These cultures appreciate work most of all, for it is awarded in accordance with the principle of real contribution to the results gained in the process of working.

The communicative style of feminine cultures is significantly different from the masculine type of

culture, representatives of which have a strong motivation to achieve practical results, they see the sense and purpose of life in work; recognition, success and competition are regarded as the main sources of satisfaction with their work. In feminine cultures, the emphasis is on the interdependence, devotion (Sadoin, 2004: 94-95).

In the Kazakh culture the models of masculinity and femininity are represented by various proverbs and sayings emphasizing the beauty of women, and the independence, intellect and courage of men.

Áieldiń aqyly kórkinde, Erkektiń kórki aqylynda (“The power of the woman is in her beauty, the beauty of the man is in his intellect”);

Jigit bolsań batyr bol, jaý jeńgenderi japyryp (“A man should be brave and confront the enemy”)

Having discussed the cultural models of masculinity and femininity in the Kazakh culture, we will focus on how this cultural dimension shapes the Kazakh advertising by conducting a survey.

In our study, we spread the questionnaire among undergraduates of Kazakh National University. The number of respondents was 100, and the questionnaire was compiled in the Kazakh and Russian languages.

Questionnaire (Please specify your gender)

1. What sources of advertising do you trust most? (Choose all that applies)

A) Ads on TV B) Ads in newspapers and magazines C) Ads on radio D) Ads in the Internet
E) Ads on billboards F) None

2. Advertising of cosmetics for women is a generalized portrait of a sensual woman who pays attention to her appearance, beauty and wants to attract men. Do you like this ad?

A) Yes B) No C) Not sure D) Other (Give your comments _____)

3. What is your attitude to the fact that the image of the mother, housewife or wife is used in advertising of various cleansing products or food?

A) Very positive B) Somewhat positive C) Very negative D) Somewhat negative E) Neutral

F) Not sure G) Other (Give your comments _____)

4. In advertising products for men (deodorants, foams and lotions for shaving) a traditional image of a “real man” who is a strong and courageous defender is used. Do you like this ad?

A) Yes B) No C) Not sure D) Other (Give your comments _____)

5. Do you like advertising with elements of national culture (for example, elements of the nomadic culture: yurts (a transportable house in the nomadic culture), steppe, national costumes, etc.)?

A) Yes B) No C) Not sure D) Other (Give your comments _____)

Self-oriented values

Delayed satisfaction / immediate satisfaction

Does a person seek to save for a rainy day, or people live only for today? Is it better to keep the immediate benefits and pleasures or better to suffer in the short term for the sake of future of close relatives or future generations?

This value is essential for marketing strategies, for the efforts to stimulate the intention to save and use a bank credit. For example, it has been found that some Americans compared with the Germans have a dominating demand to buy an available product immediately. In Germany and the Netherlands buying on credit is widely regarded as a life beyond their means. The German word for debt (*schuld*) is also used to indicate *fault* (Alyoshina).

In Kazakhstan, the practice of consumer crediting is very common among both banks and consumers. The buyer is happy with the opportunity to buy exactly what he wants at the moment believing that “tomorrow’s money is cheaper than money today” (sometimes without taking into account the amount of this “tomorrow’s money”). Accordingly, the advertising market offers a great number of easy loans. For example, it concerns auto loan ads.

You don't have enough money for purchasing your favorite car. We are giving a new concessional loan from Subaru. The lowest rate. The repayment period up to 7 years.

Humor / seriousness

Cultures differ according to how humor is seen and according to the extent to which humor is acceptable and encouraged. The American people do not see much conflict between humor and serious communication. The Japanese see it as a conflict. In their view, if a person is serious, he should say in all seriousness, and when a person tells a joke or a funny story, the whole situation should be taken easily and not seriously. The technique of sales and promoting messages should be developed with awareness of the position of culture in this area (Alyoshina).

Historians say that humor and satire played a big role in the Kazakh steppe. Despite the tragic moments in history, the Kazakh folklore is full of hilarious characters, playfully coming out of difficult situations with a smile on their faces: these are such personages as Aldar Khose, Zhirenshe and Er-Tostik.

Humor is welcomed in the Kazakh advertising, making it popular and memorable. The Kazakhstani advertising of soft drink *Turan* is about two young people who drive a car. The car brakes sharply on the road, at that moment a girl paints her lips and runs

over her face with a lipstick. It is very funny and the man laughs at the girl, and she without thinking long touches his face with her lipstick. Both of them become made up. This advertising slogan of the ad “Cool down!” is used metaphorically, i.e. the direct meaning is *to cool* and the figurative meaning is *to take life easy*.

Linguistic analysis

Guidere (2003) conducted a research in the field of ‘Advertising Localization’ which takes place while adapting the advertisements to local cultures and languages. These cultural and linguistic adaptations are crucial to promoting products and hitting the target audience.

Ting Bo (2014) presents the principles of eco-translatology applied for translating advertising texts from Chinese to English. The translation strategies involved in interpreting are grammatical transformation (English and Chinese belonging to different families have significant differences), semantic modulation and cultural adaptation.

Much of the research carried out in the field of advertising translation is concerned with both language and intercultural perspectives.

Basically advertising in Kazakhstan is represented in the Kazakh and Russian languages. Advertising banners, leaflets and other printed ads and commercials on television and radio are immediately translated into two languages.

Maxi Tea

Kazakh variant Úzdik dám dástúrleri

Russian variant Luchshie tradicii vkusa

Coca-Cola

Kazakh variant Bul Coca-Cola sen úshin

Russian variant Jeta Coca-Cola dlja tebjja

Samsung

Kazakh variant Smatrfonyńa arnalǵan

límítsizdik

Russian variant Bezlímít Ideal’no dlja smartfona

Kazakh words sometimes happen in the advertisement in Russian, for this is a consequence of interpenetration of languages.

Russian variant of advertising

Tolem-karty oplaty eshche odin udobnyj sposob oplatit’ lyubye uslugi Kazahtelekom.

English translation

Tolem payment card is one of the convenient ways to pay for any services of Kazahtelecom.

Word tolem means payment in the Kazakh language and the combination Tolem Card is the official brand of bill payment service of a communications company Kazahtelecom. Thus, there is no need in translation and the word combination Tolem Card is

considered acceptable in Kazakh and Russian versions of advertising.

Also, the system of money transfer under the name “Zolotaja Korona” in advertising in the Kazakh language is not translated.

Zolotaja Korona means ‘gold crown’.

Zolotaia korona – jedel aqsha aýdarymdary.
Jóneltý oña! Alý yñgaily!

Borrowings take a special place in the language of advertising, since advertising quickly responds to the innovation processes and changes in different spheres of life.

Observations show that the most frequent method of borrowing words is a direct borrowing. The direct borrowing is characterized by a complete reproduction of a foreign language morpheme, as well as the preservation of the basic meaning of the word borrowed from the donor language. Direct borrowing functions by means of transcription and transliteration.

Foreign words and terms enter the Kazakh language mainly through the Russian language. The Cyrillic alphabet of Kazakh is a barrier in the acquisition of foreign words, since the phonetic law of vowel harmony in Kazakh which regulates the quality of vowels in the word does not affect borrowed words. As a result, many foreign words and phrases in the Kazakh language are written and spoken according to the norms of the Russian language.

Lipton Ice Tea

Kazakh variant Lipton Ice Tea *stilinde* ómir súr.

English Translation Live in the style of Lipton Ice Tea

Take for example the word *Stil* (*style*) which is the word of Greek origin.

Colgate Total

Kazakh variant

Aýyz qýysyn qorǵaýda biregei tis *emali* adam aǵzasynyń eń myqty tini jáne on myń dám *reseptorlary* ár kún saıyn jańaryp turady. Sondyqtan biz jüz paıyz aýyz qýysyn qorǵaityn Colgate Total jasadyq. Colgate Total – aýyz qýysynyń saýlyǵy úshin. Colgate *stomatologtarmen* usynylǵan.

English Translation

We believe that the structure of the oral cavity is unique. Tooth enamel is the hardest tissue in the body. Ten thousand taste buds are updated every ten days. That’s why we created Colgate Total. Colgate Total is for the healthy oral cavity. Colgate Total is the dentists’ recommendation number one.

Stomatologi”ya (Dentistry) is the Greek word borrowed through Russian as an intermediary language. *Receptor* comes from Latin, this term replaces the old “the senses” in modern physiological terminology.

Rexona

Kazakh variant

Aq jáne qara úshin tabıǵı Rexona qorǵanysy kádingi *antiperspirantpen* salystyrǵanda sary daqtardan jaqsy qorǵaidy jáne aqtyń túsi aq, qaranyń túsi qara bolyp qalady. Jańa Rexona qara, aq túste kórinbertin qorǵanys. Erlerge de qoljetimdi jańalyq bar. Rexona árqashan senimdi qorǵanys.

English Translation

We are introducing unsurpassed protection from yellow spots on clothing. New Rexona, which is invisible on black and white, protects against yellow marks better than other conventional antiperspirant. It helps keep the white clothes white and black ones black. New Rexona – invisible on the black and white. Rexona never fails!

Enamel is the word of French origin that entered the Kazakh language via Russian.

Activia

Kazakh variant

Azdap qarnyń ashqany syr berip jatyr ma? Qandaı aspen júrek jalǵasam deisiń be? Aktivianyń bar bolany qandaı jaqsy! Aktivia *bifideobakterialardan* turady jáne as qorytydy jaqsartady. Aktivia júrek jalǵaýda paidaly jáne dámdi as.

English Translation

Do you feel hungry?

Do you want to have a snack?

It’s good to have Activia!

Activia consist of *bifidusbacteria* and improves digestion.

Bifideobakteriya is a medical term of Latin origin.

Twix

Kazakh variant

- Ser, biz Twixtiń oń jaq bóligin jasaımyz. Bizde shokolad pechene men karamelge tiginen quıylady. Bálkim, kórshi fabrikamen birigermiz, olardyǵ da shokolady tiginen quıylady.

- Tiginen emes, joǵarydan tómen qaraı. Twix, ekeýiniń de dámin tatyp, qaisysyn tańdaıtynyńdy shesh.

English Translation

- Sir, we’re doing the right stick of Twix and pour chocolate vertically on cookies and candies. And the neighborhood factory also pours chocolate vertically.

- Not vertically, from top to bottom

Try both and decide which one you like!

The word *Chocolate* came to European languages from “Nahuatl”, the Aztec language of Mexicans. Caramel is borrowed from French where it entered from Latin caramel combination *caima mellis* – ‘sugar cane’.

Another characteristic is the grammatical transformations. The Kazakh endings are added to the brand names, for example, Coca-Colamen (with Coca-Cola), Kalgondy (declensional ending).

Kazakh language as any other language system is dynamic, so a special policy on the issue of language environment is increasingly conducted. The purity of the language suggests limiting the use of foreign words and the ability to use adequate translation in a recipient language.

For example, the advertising of Coca-Cola Zero
Kazakh variant Shynary dámi bar qanty joq

Russian variant Real'nyj vkus bez sahara

The word *real'nyj* (*real*) is translated in Kazakh with the word similar in meaning: *Shi'nayi* in Kazakh means 'authentic, true'.

Russian variant Rassrochka na novoe avto

Kazakh variant Jaña avtony bólip tóley

The word *Rassrochka* (installments) is translated with the adequate analogue in Kazakh bo'lip to'lew which means 'part payment'.

Results and Discussion

The present paper has tackled the advertising as a form of communication that traces the sociocultural development in Kazakhstan.

Kazakhstan is a multiethnic country which is home to more than 100 nations and nationalities. A specific feature of the model of development of Kazakhstan is a national policy of inter-ethnic harmony and the trilingualism policy, which involves studying three languages: Kazakh – a state language, Russian as the language of communication between different nationalities, the English language as the language of successful integration into the global environment. Advertising originated with the culture and now it has acquired the character of an independent social force. Market conditions make it necessary to seek effective ways to have an impact on the consumer and shape public opinion about certain goods.

Socio-cultural analysis shows: first, cultural values in Kazakhstan combine elements of western and eastern cultures, which is due to its geographical location, scientific and resource potential and the development of international relations.

Kazakhstan becomes a kind of "center of gravity" of the Euro-Asian culture.

Therefore, the ideas and values of advertising are integrated because of globalization and the development of the global consumer market. Second, the trend of East-West connection also re-

flects the multi-ethnic structure of the population of Kazakhstan.

The cultural values of Kazakhstani advertising market are represented by the following parameters:

- Kazakh culture is masculine, a man is the leader and a woman is given a minor role, which is a consequence of the nomadic lifestyle of the Kazakh people. It was typical that a nomad warrior taking part in different campaigns brought the prey, and the woman was a housewife looking after children. The survey showed that the portrait of a woman presented in the advertising is appreciated and considered to be positive by 88% of male respondents and 76% of female respondents. 89% of male candidates and 79% of female candidates find the image of the mother in advertising very positive. 100% of males and females like advertising with elements of national culture. 92% of males and 69% of females support a traditional image of a "real man" in the advertising;

- Kazakh culture is collectivistic. Advertising emphasizes collectivistic culture of Kazakh society in which solidarity of family clans, the joint achievement of objectives and results play an important role;

- romantic relationship is free, equal, and there is freedom of choosing a partner for relationships and marriage;

- positive attitude to consumer lending, which is caused by obtaining immediate satisfaction when purchasing goods. The advertising market offers a great number of loans;

- sense of humour is presented in advertising and considered to have positive effects on consumer choice.

Advertising in Kazakhstan is presented in two languages, Russian and Kazakh, an advertising text is written in both languages in print advertising. In television advertising commercials alternate: one ad unit is in Russian and another one in Kazakh.

The linguistic features of the language of advertising is presented by the following characteristics:

- there are words in the Kazakh language in the text of the advertising in Russian and vice versa;
- borrowings became a specific feature of advertising in Russian and Kazakh. Besides, foreign words enter the Kazakh language through Russian. This is due to the influence of the Russian language in all levels of the language system of the Kazakh language during the long existence within the multinational Union of Soviet Socialist Republics;

- policies to support the purity of the Kazakh language and limiting the use of foreign words are

reflected in the language of advertising, a foreign word tends to be replaced by an adequate analogue in Kazakh.

The issue regarding scientific and theoretical solution of problems of preservation of traditional norms of the national literary language and the main trends of its development acutely arises in the modern Kazakh linguistics. As well as the acquisition of foreign words and terms should be developed by adapting phono-morphological systems of the native language, the transition to the Latin alphabet, improving social status of Kazakh as the state language.

Conclusion

To sum up, advertising in Kazakhstan has its own specific features and national advertising market is gradually developing. The advertising industry, being the synergy of business marketing and sociology, is always looking for a profitable market and buyers. If product launching campaign is accompanied by powerful effect of advertising, domestic production of goods and social services will develop in a logical and effective order. Advertising changes the consumer behavior taking into account national psychology, mentality, traditions and lifestyle characteristics.

Литература

- Агеев А. В., Мудров А. Н., Мейер В. С., Александров А. Н., Павлов С. М., Лебедева И. В., Алексеева М. А. Индустрия рекламы. – URL: <http://adindustry.ru/doc/1159> (дата обращения: ноябрь, 2017)
- Алешина И.В. Какие культурные ценности влияют на поведение ваших потребителей. – URL: http://www.elitarium.ru/2008/11/07/kulturnye_cennosti_potrebitel.html (дата обращения: январь, 2011)
- Васильев Г. А., Поляков В. А. Основы рекламы. – М.: Юнити-Дана, 2012. — 719 с.
- Во Т. A Study on advertisement translation based on the theory of eco-translatology // Journal of Language Teaching and Research. – № 5 (3). – pp. 708-713.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. – Sage Publications, 2001. – 574 с.
- Guidère, M. The Translation of Advertisements: from Adaptation to Localization – URL: <http://www.translationdirectory.com/article60.htm> (дата обращения: декабрь, 2017)
- Котлер Ф. Основы маркетинга. – М.: Вильямс, 2007. – 656 с.
- Komissarov, V. (1990) N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). – М.: Vyssh. shk., 1990. [Theory of translation (linguistic aspects)]
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Newmark P. A textbook of translation. – Prentice-Hall International, 1988. – 292 p.
- Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
- Ризаненко О. О рекламе в Казахстане. – URL: <https://www.kursiv.kz/examination/blog/O-reklame-v-Kazahstane/> (дата обращения: февраль, 2018)
- Рогожин М. Ю. Теория и практика рекламной деятельности. – М.: Альфа-Пресс, 2010. – 208 с.
- Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – С. 73-102.
- Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theory and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. – New York: Academic Press 1992. – № 25. – Pp. 1-65.
- Schwartz, S. H. Basic Human Values: Theory, Measurement and Applications // Revue Française de Sociologie. – № 47(4). – Pp. 1-65

References

- Ageev A., Mudrov A., Meyer V., Aleksandrov A., Pavlov S., Lebedev I., Alekseeva M. (2017) Industriya reklamy. [Advertising Industry]. Retrieved November, 2017 from <http://adindustry.ru/doc/1159> (In Russian)
- Alyoshina I. Kakie kul'turnye cennosti vliyayut na povedenie vashih potrebitelej. [Cultural Values in Consumer Behavior]. Retrieved January, 2011 from http://www.elitarium.ru/2008/11/07/kulturnye_cennosti_potrebitel.html (In Russian)
- Во Т. (2014) A Study on advertisement translation based on the theory of eco-translatology, Journal of Language Teaching and Research, 5(3), 708-713. (In English)
- Guidère M. (2003) The Translation of Advertisements: from Adaptation to Localization. Retrieved December 1, 2017, from <http://www.translationdirectory.com/article60.htm> (In English)
- Hofstede G. (2001) Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed, Thousand Oaks CA: Sage Publications. (In English)
- Kotler F. (2007) Osnovy marketinga. [Marketing Foundations]. М.: Vilyams. (In Russian)
- Lebedev-Lubimov A. (2002) Psihologiya reklamy. [Psychology of Advertising]. Spb.: Piter.
- Komissarov V. (1990) Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). [Theory of translation (linguistic aspects)]. М.: Vyssh. shk. (In Russian)

- Newmark P. (1988) A textbook of translation. Prentice-Hall International. (In English)
- Rizanenko O. (2013) O reklame v Kazahstane. [Advertising in Kazakhstan]. Retrieved February, 2018 from <https://www.kursiv.kz/examination/blog/O-reklame-v-Kazahstane/> (In Russian)
- Rogozhin M. (2010) Teoriya i praktika reklamnoj deyatel'nosti. [Theory and Practice of Advertising]. M.: Alfa-Press. (In Russian)
- Sadolin A. (2004) Mezkul'turnaya kommunikaciya. [Intercultural Communication]. M.: Alfa-M, pp. 73-102. (In Russian)
- Schwartz S. H. (1992). Universals in the Content and Structure of Values: Theory and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (Vol. 25). New York: Academic Press, pp. 1-65. (In English)
- Schwartz S. H. (2006) Basic Human Values: Theory, Measurement and Applications. *Revue Française de Sociologie*, 47(4). (In English)
- Vasilyev G. & Poljakov V. (2012) Osnovy reklamy. [Foundations of Advertising]. M.: Unity. (In Russian)

С. Өтебеков

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық
қазақ-түрік университеті, Қазақстан, Түркістан қ.,
e-mail: usb_1407@mail.ru

**ДИУАНИ ХИКМЕТТІҢ КӨКШЕТАУ НҰСҚАСЫ
ЖӘНЕ ТІЛДІК ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ**

Мақалада сақталған жеріне орай Диуани хикметтің Көкшетау нұсқасы деп аталатын орта ғасырда жазылған қолжазба қарастырылады. Алдымен қолжазбаның физикалық жағдайы, көлемі, бетінің саны таныстырылады. Одан соң хикметтерінің саны, жазу емлесіне байланысты, сонымен қоса әдеби және тілдік көркемдігіне, хикметтерде қолданылған өлең өлшемдеріне, ұйқас түрлеріне қатысты аздаған мәлімет беріледі. Шамамен XVII-XX ғасыр аралығында түркі тілінде жазылған ескерткіштердің тілдік көрсеткіштерін көрсететін қолжазбаның дыбыс жүйесі сараланып, ең басты деген дыбыс құбылыстарына және дыбыс алмасуларына қатысты кейбір ерекшеліктер сөз болады. Дыбыс жүйесіне талдау жасау барысында көнеден бергі түркі ескерткіштерімен және де кей тұста қазіргі түркі тілдерімен салыстырылу мақсат етіледі. Морфологиялық көрсеткіштері жайлы сөз ету барысында да қолжазбаға тән ең басты (яғни дәл сол кезеңде жазылған еңбектерде кездесе бермейтін немесе сирек кездесетін) тұлғалар әртүрлі дәуірде жазылған еңбектердің тілімен салыстырылады. Сонымен бірге сөздік қорына және сөздік қабатына назар аударылып, қолжазбада кездесетін түркізмдермен қоса араб және парсы тілдерінен алынған сөздердің санына салыстырмалы түрдегі статистика жасалып, сөздердің қолданылу жиілігіне байланысты мәлімет беріледі.

Түйін сөздер: Ахмет Ясауи, Диуани хикмет, Көкшетау нұсқасы, тілдік көрсеткіштер.

S. Utebekov

International Hodja Ahmet Yesevi Kazakh-Turkish University, Kazakhstan, Turkistan,
e-mail: usb_1407@mail.ru

Kokshetau version of Diwani Hikmet and its language features

The article analyzes the medieval manuscript of Diwani Hikmet version of Kokshetau, named after the place where it was saved. The article describes the physical state, size, and number of pages of the manuscript. The article considers the Hikmet depending on the spelling, as well as literary and linguistic artistic features, the size of the verses used in Hikmet, and a little information about the types of rhymes. The sound system of the manuscript is analyzed, reflecting the linguistic features of monuments written in the Turkic language in the XVII-XX centuries, some of the most important phonetic phenomena and some features of sound exchange are discussed. The purpose of the analysis of the sound system is to compare it with ancient Turkic monuments and, in some cases, with modern Turkic languages. Morphological features, the most important features of the manuscript (that is, rare or infrequent in works written in the same era) are compared with the language of works written in different eras. The article also explores the vocabulary and vocabulary range, provides comparative statistics on the number of words derived from Arabic and Persian languages, as well as turkisms found in the manuscript, and provides information on the frequency of use of words.

Key words: Ahmet Yasawi, Diwani Hikmet, Kokshetau version, language indicators.

С. Утебеков

Международный казахско-турецкий университет
имени Ходжи Ахмета Ясауи, Казахстан, г. Туркестан,
e-mail: usb_1407@mail.ru

**Кокшетауская версия рукописи Дивани Хикмет
и ее языковые особенности**

В статье анализируется средневековая рукопись Дивани Хикмет версия Кокшетау, названная по месту, где она была сохранена. В статье первоначально описываются физическое состояние, размер и количество страниц рукописи. Также рассматриваются количество хикметов, особенности правописания, а также литературные и языковые художественные особенности,

размеры стихов, используемых в хикметах, небольшие сведения о типах рифм. Проанализирована звуковая система рукописи, отражающая лингвистические особенности памятников, написанных на тюркском языке в XVII-XX веках, обсуждены некоторые из наиболее важных фонетических явлений и некоторые особенности звукового обмена. Цель анализа звуковой системы направлена на сравнение ее с древнетюркскими памятниками и, в некоторых случаях, с современными тюркскими языками. Морфологические признаки, наиболее важные черты рукописи (то есть редкие или нечасто встречающиеся в произведениях, написанных в ту же эпоху), сравниваются с языком произведений, написанных в разные эпохи. В статье также исследуется словарный запас и словарный ряд, проведена сравнительная статистика по количеству слов, производных от арабского и персидского языков, а также тюркизмов, найденных в рукописи; приводится информация о частоте использования слов.

Ключевые слова: Ахмет Ясави, Дивани Хикмет, Кокшетауская версия, языковые индикаторы.

Кіріспе

Соңғы жылдардағы зерттеулерде Мәуренахрды, Дешті Қыпшақты, Анадолыны, Еділ мен Жайықты мекендеген түркілердің дүниетанымына, салт-санасына орасан зор әсері тиген Қожа Ахмет Ясауидің бірнеше еңбегі бар екені айтылып жүр. Әлемнің бірнеше елдерінде Ясауидің есіміне қатысты қолжазбалардың сақталып жатқаны да белгілі. Олардың ішінде ең танымалы және ғылымда ең көп сөз болғаны Диуани хикмет. Диуани хикметтің нұсқасының саны жайында әртүрлі дерек бар. Кейбір зерттеушілердің айтуынша, Диуани хикметтің күнімізге дейін жеткен төрт жүзден аса нұсқасы бар (Құрышжанұлы Ә., 2011: 388).

2016 жылы Көкшетау қаласындағы Әдебиет және өнер музейінен де Диуани хикметтің бір нұсқасы табылды. Иманғазы Нұрахметұлы тарапынан қазақ тіліне аударылған бұл нұсқа қазір Көкшетау Әдебиет және өнер музейінің қолжазбалар бөліміндегі 639 инвентарда сақталған. Аудармашының шамалағанындай бұл қолжазбаның көшірілген уақыты XVII ғасырдан соңғы кезеңдерге тура келеді. Алайда көшірушісі белгісіз бұл нұсқа 255x155 мм. көлемінде. 176 беттен (1а-6б; 7а-35б; 36а-88б), 88 парақтан тұрады. Әдетте қара түсті сиямен жазылған, кей тұстарда қызыл түсті сия да қолданылған. Кейбір беттері біршама зақымдалған және кейбір беттерде сияның жайылып кеткені байқалады.

Еңбектің әр бетінде 9-12, жалпы алғанда 1990 жол бар. Сонымен қоса 57 хикметтен тұратын нұсқада 360 шумақ, 228 бәйіт бар. Кейбір беттердің түсіп қалғанын ескерсек еңбекте бұдан да көп хикметтің болғанын көрсетеді.

Нұсқа италик жазу түрімен көшірілген. Әрі көне ұйғыр, әрі араб емлелері бір арада қолданылған. Кейбір беттердің астыңғы бөлігінде жалғастырушы бетті көрсету үшін келесі беттегі сөздің алғашқы сөзі жазылған реттеде жүйесі

орын алған. Дауысты дыбыстардың ара-жігін ашып көрсететін дәйекше (харакат) қойылмаған. Жалпы Диуани хикметтің қолымыздағы нұсқаларының ішінде Санкт-Петербург нұсқасында дәйекше біршама жүйелі түрде берілген (Kermal E., 1992: 21-23), (Сыздыкова Р., 2014: 70). Ал біздің талдап отырған нұсқада дәйекше тек кейбір аят, сүре, хадистердің үзінділері берілген тұстарда қолданылған. Арабша және парсышадан енген кірме сөздер орта ғасырларда жазылған еңбектердегідей түпнұсқа бойынша берілген. Ал тюркизмдердің жазылуында бір-бірінен аса айырмашылықтар болмаса да, кейбір сөздердің екі түрлі, кейбір сөздердің үш түрлі жазылғанын көреміз.

Тақырыпты таңдауды дәйектеу және мақсаты мен міндеттері

Кеңес үкіметі құлағаннан кейін түркі әлемінде Ахмет Ясауи және Диуани Хикметке байланысты зерттеулердің жаңа қарқын ала бастағанын байқаймыз. 1990 жылға дейін бұл тақырыпты арнайы қарастырған М.Ф. Көп-рүлү, Кемал Эраслан секілді ғалымдардың зерттеулері ғана болатын. Ал соңғы жиырма, жиырма бес жыл көлемінде аталмыш тақырыпқа түркі мемлекеттерінен басқа Ресейден, Қытайдан шыққан көптеген ғалымдар келе бастады. Әртүрлі тақырыпта диссертациялар, монографиялар сондай-ақ мақалалар жазылды. Әр жыл сайын бірнеше конференция, сempoзиум ұйымдастырылуда. Бұл зерттеу еңбектерінің көпшілігінде Ахмет Ясауидің хикметтері діни, әдеби, тарихи, философиялық тұрғыдан талданды. Осының нәтижесінде ақынның аңызға толы өмірімен, өмірбаяны, отбасы, атақ-даңқы, шәкірттері, ислам дінінің жайылуына әсері, қалыптастырған әдеби жолы, Диуани хикметтің жазылған кезеңі, жазылған жері, тілі, әсері секілді тақырыптарға қатысты ауыз

толтырып айтарлықтай дерек көзі жинақталды. Осы еңбектердің қайбірін алсақ та исламның түркі халықтарының арасында жайылуына Қожа Ахмет Ясауидің хикметтерінің орасан зор үлесінің бары айтылады. Сонымен қоса Ахмет Ясауидің түркі халықтары арасында исламның қағидаларын, шарттарын, дүниетанымын арабша немесе парсыша емес түрік тілінде түсіндіруге, мұны да ақындық дарынының арқасында түрікшенің әсерлі, түсінікті, таза стилімен жазуға тырысқанын мадақпен жеткізеді. Демек ғалымдардың бұл пікірінен Қожа Ахмет Ясауи тек сопы ғана емес, Қараханидтер кезеңіндегі түрік тілін дамытушылардың бірі ретінде мойындағаны байқалады. Соған қарамастан осыншалық танымал ақынның хикметтерін лингвистер өз деңгейінде зерттей қойған жоқ. Хикметтердің тілдік ерекшеліктері мақалаларда, ғылыми баяндамаларда және Р. Сыздықова (Ясауи хикметтерінің тілі, 2004), К.Н. Абдрахманов (Қожа Ахмет Ясауидің Дивани-Хикмет еңбегіндегі септік жалғаулардың ерекшеліктері, 2003), А. Абдуллаева (Диуани Хикмет ескерткіші тілінің грамматикалық ерекшеліктері, 2009) секілді ғалымдардың кейбір кітаптарында сөз болса да бұл мәліметтер жеткілікті деңгейде емес деуге болады. Сондай-ақ түркі халықтарының Дивани-Хикмет секілді нешеме алуан нұсқасы бар ортақ мирасының тілдік ерекшеліктерін қарастыратын еңбектер түрлі бағытта, түрлі әдісте жазылып отырса ешқашан артықтық етпейтінін естен шығармауымыз керек секілді.

Осы мақсатта бүгінгі мақаламызда Көкшетаудан табылған нұсқасын ғылыми талдау жасай отырып Диуани хикметтің жазылу стиліне, тілдік ерекшеліктеріне, жазылған жеріне байланысты дәлелді түрдегі пікірлерімізді сұнбақып. Бұл орайда айта кететін тағы бір дүние тілдік көрсеткіштерін талдай отырып, кейінгі кезеңдердегі түркі тілдерінің дамуында Диуани хикметтің қаншалықты үлесі барын зерделеуге негіз болатынын ескерсек ғылыми талдауымыздың өзектілігін одан әрі арттыра түсетіндігіне сеніміміз мол.

Ғылыми зерттеу әдіснамасы

Диуани хикметтің таныстырып, әрі талдағалы отырған нұсқасының тіліне тән көрсеткіштерді саралау үшін мақаламыздың әдісі ретінде сипаттамалы және тарихи-салыстырмалы әдістер қолданылатынын айта кеткеніміз жөн. Ол үшін, яғни еңбектің түркі тілдерінің қай бұтағына тән екенін дәлелдеу үшін түркі тілдерінің ең

негізгі үлкен бұтақтары саналатын қыпшақ, шағатай, оғыз тілдерінің фонетикалық және морфологиялық ерекшеліктері жөнінде аздап мәлімет бере кетуді жөн санап отырмыз.

- Қыпшақша және шағатайша жазбаларда көне түрікшедегі сөз басында кездесетін қатаң /т/, /к/ дауыссыздары сақталып қалған болса, оғыз тілдерінде жүйелі түрде ұяндану үдерісі кең таралған.

- Қыпшақша және шағатайша жазбаларда /н/, /һ/ дауыссыздары кездесетін кейбір сөздердің басындағы /б/ дауыссызы /м/ дауыссызына өзгерсе, оғыз тілдерінде сөз басындағы /б/ дыбысы сақталып қалған.

- Қыпшақшада да, шағатайшада да, оғызшада да /б/ > /в/ дыбыс алмасулары бар: *йалбар*- > *йалвар*- “жалыну”, *себ*- > *сев*- “сүю”, *соғут*- > *совут*-“суыту” т. б.

- Қыпшақшада да, шағатайшада да, оғызшада да /д/ > /й/ дыбыс алмасулары бар: *бедүк* > *бейүк*, *қадғұ* > *қайғұ* т. б.

- Қыпшақшада да, шағатайшада да, оғызшада да /к/ > /х/ дыбыс алмасулары бар: *оқша*- > *охша*-, *артұқ* > *артұх*, *бұйұқ* > *бұйұх*, *йазұқ* > *йазұх* т. б.

- Қыпшақша және шағатайшада /п/ > /ф/ дыбыс алмасулары кездеседі. *топрақ* > *тофрақ*, *арпа* > *арфа*, *кирпик* > *кирфик* т. б. Ал оғыз тілдерінде көне түрікшедегі /п/ дауыссызы сақталып қалған.

- Шағатайшада шығыс септігінің жалғауы көне түрікшедегідей *-дЫн* қосымшасы болып табылады. Ал қыпшақша мен оғызшада шығыс септігінің жалғауы қазіргі қазақ т. б. түркі тілдеріндегідей *-дАн* болып аздаған өзгеріске ұшыраған. *құлдын* > *құлдан*, *сиздин* > *сизден*, *арадын* > *арадан* т. б.

Нәтижелері мен талқылама

Мақаламыздың бұл бөлімінде жоғарыда атап өткен қыпшақ, шағатай, оғыз тілдеріне тән ерекшеліктерді ескере отырып, Диуани хикметтің тіліндегі ең басты тілдік көрсеткіштерді саралаймыз. Алайда оның алдында еңбектің стильдік, көркемдік ерекшеліктеріне байланысты қысқаша түрде баға бере кеткен дұрыс сияқты. Сонымен Ахмет Ясауидің өмірі, мақсаттары, өмір сүрген ортасының әлеуметтік тұрмысы, таным-түсінігі баяндалатын хикметтердің бұл нұсқасы да қарапайым, түсінікті тілде жазылған. Сонымен бірге түркі халықтарының өте көне замандардан келе жатқан фольклорлық шығармаларының стиліне иек артқан.

Кейбір тұстарда аяттардан, хадистерден үзінділер берілген. Сонымен қоса түркі тілдеріне тән мақал-мәтелдерді, фразеологиялық тіркестерді де қолданып отырады. Метафоралық қолданыстарды, сондай-ақ ұтымды теңеулерді, эпитеттерді жиі пайдаланады. Бақара, Муддасир, Зүхруф, Тәубе, Ниса, ән-Назигат, Мұхаммед сүрелерінен кейбір жолдар алынған. Мысалы:

فَأَذْكُرُونِي (18a/7) *фа'зкурүни* “олай болса мені есіңе ал” (Бақара: 152),

يَا أَيُّهَا الْمُدَّثِّرُ (35b/8) *йә еййуһа мүддасиру* “ей киіміне оранған (Хақ)” (Муддасир: 74/1),

فَمُفَانِرٌ (35b/8) *қум фе-ензир* “Тұр енді! Енді адамдарға ескерт!” (Муддасир: 74/2),

وَرَبَّكَ فَكَبِّرْ (35b/9) *ве раббеке фекеббир* “және Раббыны ұлы сана!” (Муддасир: 74/3),

نَحْنُ قَسَمْنَا لَبِئْسَ مَا كُنَّا فِيهِ (67a/5) *наһну қасемна бейнеһум* “біз сіздерге үлестірдік” (Зухруф: 32).

Нұсқадағы хикметтердің отызы қара өлең түрінде жазылған. Қара өлең түріндегі бұл хикметтердің басым көпшілігі он екі буынды (4+4+4) болып келеді және *аааб вввб* ұйқасына құрылады. Мысалы:

*Башым тофрақ жисмим тофрақ өзүм тофрақ
Күйдүм йандым болалмадым һергиз афақ
Наққ васлыгы йәтер-мин деп руһым мүшәкә
Земзем болуп йер астыға кирдим мене (2a/2-3-4-5)*

Ғазал түрінде жазылған жиырма бес хикмет *аа ба ва га да* өлең ұйқасы бойынша, көбісі он төрт буынды (7+7), он алты буынды өлең (8+8) түрлерімен жазылған. Сонымен бірге он бес буынды (7+8), он бір буынды өлең (5+6, 4+4+3) түрлері де кездеседі. Мысалы:

*меләметдин мей ичкен дидәрыңға кетти йә
пир қолыдын мей ичкен һаққ нұрыға батты йә*

*ақман бирле қараман сүрген екен көп деврән
туһмет қылып атаге ит сүретлик болды йә*

*ибраһимға шек қылған от йақып гүл ачылған
ынанмасаң килир бақ көрүп билип айды йә*

*шейтән йолыға кирген һәжгеге ташлар атқан
сижжәйн дүзаһ йәткенде дүм-дәр болуп йатты йә
(10-хикмет).*

Мәснәуи түрінде жазылған елуінші хикметте *мефә'илүн мефә'илүн фе'үлүн* аруз өлшемімен жазылғандығы анық көрінеді.

*муһаммеднің билиң зәты 'арабдур
тәриқатның йолыда ба-едебдур*

*һақйқат билмеген әдем емесдур
билсеңиз һич нимеге оһшамасдур*

*билиң би-чүн ерүр би-чигүне
ве би-шүбһе ерүр һем би-нүмүне*

*қаһрланса қылуыр йер бирле йексән
боладур зелзеле йер бирле әсумән*

*раһм қылса билсеңиз раһмети бар
бәрүр болса түкетмес ни'мети бар (50-хикмет).*

Алайда хикметтердің кейбір тұстарында буын санының тұрақсыздығын көреміз. Яғни кейбір жолдарда буын санының жеткіліксіздігі, өлшемінің біршама кемшіліктері, кейбір тұстарда артықтығы көзге түседі. Алайда хикметтер халық арасында көбіне әуенмен айтылып таралғандықтан мұндай олқылықтың аса бір маңызы болды деп ойламаймыз.

Ал лингвистикалық тұрғыдан саралайтын болсақ, еңбекте назар аударарлықтай фонетикалық және морфологиялық ерекшеліктер кездеседі:

а) Нұсқада кездесетін *бойун* “мойын” (5b/3; 12b/1), *бұрұн* “мұрын” (15b/5; 16a/1; 69b/4) сөздерінде көне түрікшедегі сөз басындағы /б/ дауыссызы сақталып қалған болса, төмендегі сөздерде /н/, /ң/ дауыссыздарының әсерінен /б/ > /м/ алмасу құбылысы орын алған. Мысалы:

бән > мән “мен” (2a/6; 2b/4; 3b/1; 4b/7; 5b/6; 9a/9; 11a/3; 29a/2),

бұнда > мұнда “бұл жерде” (10b/4; 28a/10; 40b/7; 40b/8; 51b/1; 52b/9),

бұндағ > мұндағ “мұндай” (42a/2),

бұны > мұны “мұны” (38a/2; 58b/4; 67b/8),

биң > миң “мың” (19a/8, 42a/9, 69b/8, 50a/8, 52b/11, 83b/1, 53a/1),

бин- > мин- “мину” (78a/6),

бұңлығ > мұңлығ “мұңлы” (14a/3; 25b/10) т. б.

б) Түркі тілдерінің тарихи жазбаларының барлығында да кездесетін /б/ > /в/ дыбыс алмасуы Диуани хикметте те бар. Мысалы:

йалабач > йалавач “пайғамбар” (18a/8),

тебе > тиве “түйе” (33a/1; 76b/3) т. б.

с) Қыпшақ, оғыз, шағатай тілдерінде кездесетін /к/ > /х/ дыбыс алмасу құбылысы Диуани хикметте де төмендегі сөздерде орын алады. Мысалы:

йақышы > йахшы (12b/7; 14b/9; 22b/7; 70b/7; 73a/1; 75b/3),

оқша- > охша- (74b/10),

ұқлама- > ұхлама- (18a/9) т. б.

d) Көне түрікшедегі *сөдре-* “сүйреу” (61b/10) < *сүдре-* (Ünlü S., 2012: 709), *изи* “ие;

Тәңір” (47a/6; 63b/2; 19a/5; 50b/1; 31b/1; 87b/2) < *idi* (Tekin T., 2016: 244) сөздерінде көне және қарахан дәуірлеріндегі /д/ ~ /з/ дыбыстары

сақталғанымен көптеген сөздерде оғыз, қыпшақ, қарлұқ топтарына кіретін түркі тілдеріндегі секілді /й/ дауыссызына өзгерген. Мысалы:

<i>айақ</i> ~ <i>айағ</i> “аяқ” (15a/6; 78b/4)	< <i>adak</i> (Tekin T., 2016: 237),
<i>айрыл-</i> “айрылу” (49a/7)	< <i>adrił-</i> (Tekin T., 2016: 237),
<i>кйй-</i> “кию” (12b/4; 59b/8)	< <i>ked-</i> (Gabain A. v., 1988: 279),
<i>қайғу</i> “қайғы” (45b/10)	< <i>kadgu</i> (Gabain A. v., 1988: 276),
<i>қайт-</i> “қайту” (11b/9; 42b/11)	< <i>kadıt-</i> Atalay B., 2006: 301),
<i>қой-</i> “қою” (48a/8; 51b/5; 66a/2)	< <i>kod-</i> (Tekin T., 2016: 248),
<i>той-</i> “тою” (6b/2; 72a/10; 80a/5)	< <i>tod-</i> (Tekin T., 2016: 254),
<i>тый-</i> “тыю, тоқтату” (15b/3)	< <i>td-</i> (Tekin T., 2016: 254),
<i>ұйұ-</i> “ұйықтау” (42a/4; 48a/4)	< <i>udı-</i> (Gabain A. v., 1988: 304), т.б.

е) Көне түрікшедегі сөз басындағы /т/ дыбысы *дә-* “айту, деу” (13a/6, 30b/7, 37b/11), *дур-* “тұру” (48b/2) ve *дәк* “сияқты” (12b/5, 13a/7, 13b/11, 13b/8, 14a/7) сөздерінде оғыз тобындағы

тілдердегі секілді ұяңдану құбылысы орын алғанымен көптеген сөздерде қыпшақ және қарлұқ тілдеріндегідей қатаң /т/ дауыстысы сақталған.

<i>таш-</i> “тасу” (23a/2; 11b/10),	<i>тегре</i> “төңірек” (32b/2),
<i>тарт-</i> “тарту” (53a/5; 73a/2),	<i>теш-</i> “тесу” (7a/2, 52a/5),
<i>тол-</i> “толу” (47a/9; 83a/10),	<i>тилек</i> “тілек, қалау” (86b/8),
<i>төк-</i> “төгу” (22b/6; 36b/2),	<i>тый-</i> “тыю, тоқтату” (15b/3),
<i>тыңла-</i> “тыңдау” (45a/9), vb.	

ф) Еңбекте көне түрікшедегі сөз ішіндегі және соңындағы /п/ дыбысы *тип-* “тебу” (8b/6; 14b/2), *чан-* “шабу” (78b/3; 78a/5), *өп-* “сүю, өбу” (11a/3; 52a/7), *өпке* “өкпе” (32b/8; 63a/1), *тап-* “табу” (72b/6, 73b/7) т.б. мысалдардағы секілді көптеген сөздерде сақталған. Ал *тофрақ* “топырақ” (2a/2; 2b/8; 12b/9), *анақ* > *афақ* “аппақ” (2a/3), *нул* > *фул* “пұл” (1b/3; 38b/9; 84a/8; 84b/1), *көффри* ~ *көфрүг* “көпір” (10b/1; 18b/8) мысалда-

рында шағатай және өзбек тілдеріндегідей айтылу жолына қарай шұғыл дауыссызы /п/ дыбысы ызың дауыссызы /ф/ дыбысына өзгерген.

г) Шағатайшадан бастап қазіргі өзбек және ұйғыр тілдерінен басқа түркі тілдерінде тәуелдік жалғауынан соң кейбір септік жалғаулары келгенде қолданылатын /н/ дыбысы (батыс тілдерінде *prominal* “есімдік” деп атайды) көптеген мысалдарда қолданылмаған. Мысалы:

<i>астыда</i> “астында” (1b/7),	<i>мізәбыдын</i> “арығынан, су жолынан” (41a/7),
<i>йолыда</i> “жолында” (21b/5),	<i>ма нәсыдын</i> “мағынасынан” (5b/1; 10a/6),
<i>қашыда</i> “қасында” (56a/4),	<i>шарәбыдын</i> “шарабынан” (36a/3),
<i>тегресиде</i> “төңірегінде” (32b/2),	<i>көңилиде</i> “көңілінде” (75a/9),
<i>жүр асыдын</i> “жұтымынан” (1b/9),	<i>‘илмидин</i> “ғылымынан” (4b/2),
<i>көфридин</i> “көпірінен” (1b/1),	<i>мейдәныдын</i> “алаңынан” (13b/7),
<i>сөзлеридин</i> “сөзлерінен” (24a/11),	<i>қолыдын</i> “қолынан” (27a/10)
<i>көзидин</i> “көзінен” (41b/4),	<i>бүтесиде</i> “күміс ерітетін ыдысында” (53a/6).

h) Көне түрікшедегі сөз соңындағы ұяң /ғ/ дыбысы *көфрүг* “көпір” (18b/8), *тириг* “тірі” (45a/4) мысалдарында сақталған. Ал *көффри*

“көпір” (10b/1), *ағры* “ауру” (60b/6), *өлү* “өлік, өлі” (45a/1) сөздерінде оғыз және қыпшақ тілдеріндегі секілді сөз соңындағы /ғ/ дыбысы түсіп қалған.

і) Көне түрікше және қазіргі қарлұқ тобындағы тілдерде кездесетін -лЫғ сын есім тудырушы жұрнағының соңындағы /-ғ/ дыбысы *йаңлығ* “сияқты, ұқсас” (11b/4; 32a/4; 38a/10), *мұңлұғ* “мұңды” (14a/3), *йүзлүғ* “жүзді” (19a/1), *түрлүғ* “түрлі” (12b/1; 34b/2), *атлығ* “атты” (69b/7) ~ *атлық* (10b/1; 19b/2; 55a/9), *дертлығ* “дертті” (40b/10) секілді біршама сөзде сақталып *иһләслық* “ықласты” (27b/8), *һәсийетлық* “қасиетті” (30b/7), *рийәзетлик* “нәпсіні тыю” (33b/1), *тиғлық* “қылышты” (33b/7), *сийәһатлық* “жолаушылық” (43b/3), *нече йыллық* “неше жылдық” (40a/7), *құлақлық* “ақылды, зерек” (53b/3), *тоқуқлұқ* “тоқылған” (70a/10) секілді мысалдарда /-ғ/ дыбысы қатаң /-к/ дыбысына өзгеріп зат есім тудырушы -лЫқ жұрнағымен араласып кеткен.

ј) Жалпы алғанда кірме сөздердегі /һ/ (خ), /һ/ (ه) дауыссызы сақталып түпнұсқадағыдай жазылған. Бірақ *пенә* “пана” (24b/1) (< *пенәһ* пар.), *гүвә* “куә” (63b/11) (< *гүвәһ* пар.), *гүнә* “күнә” (10a/4) (< *гүнәһ* пар.) секілді кейбір сөздердің соңындағы /һ/ дыбысы түсіп қалып, қазіргі қазақ тіліндегідей қолданылған.

к) Диуани хикметте шығыс септігінің жалғауы Қыпшақша мен оғызшадағы секілді -дЫн қосымшасы болып табылады. Мысалы: *жәндын* “жаннан” (1a/6), *андын* “одан” (1a/7), *мейдин* “шараптан” (1a/7), *йәрәндардын* “жарандардан, достардан” (4b/5), *еренлердин* “әулиелерден” (14a/4) т. б.

л) Есімшенің -ғАн жұрнағы өнімді қолданылады және бұл жұрнақ көптік, тәуелдік және септік жалғаулары жалғанған мысалдар көптеп кездеседі. Сонымен бірге қазіргі оғыз тобындағы тілдерде жиі, қыпшақ және қарлұқ тілдерінде сирек қолданылатын есімшенің -дүк жұрнағы *истедигүмни* “қалағанымды” (47a/11) мысалында қолданылған.

м) Түркі тілінің барлық кезеңдерінде өнімді қолданылған ілік септігінің -нЫң жалғауымен қоса шағатайшаның классикалық дәуірінің соңғы кезеңдерінде кең тарала бастап және қазіргі түркі тілдерінің ішінде қарашай-малқар, құмық тілдерінде және өзбекшенің кейбір диалектілерінде қолданылатын ілік септігінің -нЫ жалғауы жиі қолданылған.

муһаббетни бәзәрында “махаббаттың базарында” (11b/2),

дервийшлерни һулқы “дәруіштердің құлқы” (5a/10),

дүнийәны пәйәны “дүниенің соңы” (16b/10),

һақны құлы “Хақтың құлы” (51a/11),

дйнимизни черәғы “дініміздің шырағы” (29b/3), *көңилни учре* “көңілдің іші” (30b/2), *вужйдумны азәйлни* “тәнімнің әзәзілі” (8b/2),

ешекни йүкни “есектің жүгі” (29b/2), т. б.

н) Көне түрікшедегі *тек* “сияқты; дейін” шылауы шағатайшада көбінесе *дек* ~ *дик* түрінде, ал классикалық дәуірінен соңғы кезеңде жазылған *Шежерей-и терәкиме* сынды кейбір еңбектерде бұл шылаудың соңындағы /к/ дыбысы /й/ дауыссызына өзгеріп *дей* ~ *дай* түріне өзгерген. Диуани хикметтің Көкшетау нұсқасында да *ыиқ йолыда һич ким йоқтур мин дай гарйб* (31a/10), *муһаммед дей тешне болсаң қолын алай* (80b/2) сөйлемдерінде кездеседі. Ал қазіргі қыпшақ тілдерінің біршамасында бұл шылау қазақ тіліндегідей сын есім тудырушы жұрнақ болып қалыптасқан.

о) Шағатайшада осы шақ -А туруп, -АдУр, -йДур және -у/ -(Ы)п йорур формаларымен жасалады. Сонымен бірге *Шайбани хан дастаны*, *Бабур дастаны* секілді шағатайшаның классикалық дәуірінде жазылған еңбектерде көсемшенің -А жұрнағынан соң -*мен*, -*сен*, -*міз*, -*сіз*, -*лар* жіктік жалғауы арқылы жасалған осы шақ формасы қолданылған. Қазіргі қарлұқ, қыпшақ тілдерінде ауыспалы осы шақ мағынасы білдіретін бұл форма Диуани хикметтің Көкшетау нұсқасында да *қорқа-мын* (15a/2), *тарта-мын* (81b/4) мысалдарында қолданылады.

р) Шағатай тілінде бұрынғы өткен шақ -(Ы)п, -*мЫли*, -*ҒАн* қосымшалары арқылы жасалады. Бұл дәуірде әсіресе көсемшенің -(Ы)п жұрнағы арқылы құрылған өткен шақ түрі кең таралған. Бірақ көсемшенің -(Ы)п жұрнағы арқылы құрылған өткен шақ формасында біршама тұрақсыздық байқалады. Мұндай форма әдетте көсемшенің -(Ы)п, -(Ұ)п жұрнағына -*мен*, -*сен*, -*міз*, -*сіз*, -*лар* жіктік жалғауы жалғанған *тұрұр* ~ *дұрұр* ~ *дұр* көмекші етістіктерінің тіркесуі арқылы жасалады. Ал кейбір ескерткіштерде бұрынғы өткен шақ формасы көсемшенің -(Ы)п, -(Ұ)п жұрнағына *мен*, -*сен*, -*мЫз*, -*сЫз*, -*лар* жіктік жалғаулары тікелей жалғану арқылы жасалады. Бұл форма Диуани хикметтің Көкшетау нұсқасында да кездеседі. Мысалы:

йетімликде гарйбликде йетип-мин (77b/1),

син беркитип-син йапмасаң һәлим тебәһ (26b/6),

нә-дәнлар есиз сөзүм чықындур һикмет (5a/8),

әриф айшық алындур тарйқатны еркини (29a/10),

фарси тилни билибен һуб айтындур түркіни (29b/6) т.б.

Мұнымен қоса *аның дөк һич болманту ба аллаһ* (76b/11) мысалында қазіргі қыпшақ тобындағы кейбір тілдердегідей *-(BI)ндҰр* формасындағы /р/ дыбысы түсіп қалған.

қ) Диуани хикметтің Көкшетау нұсқасында араб және парсы тіліннен алынған сөздер мен тіркестердің көптігі сезілгеніне қарамастан бұл қолжазабада түркізмдер саны жағынан басымдық көрсетеді. Жалпы алғанда еңбекте сегіз жүзге жақын түркізм, жеті жүзге жақын арабша, үш жүз елуге жуық парсыша сөз қолданылған. Жалпы алғанда мың сегіз жүзден аса сөз бар.

г) Диуани хикмет нұсқалары сөз қоры жағынан бір-бірінен аса алшақ емес. Сонда да болса қолға алып отырған нұсқамызда басқа нұсқаларда қолданылмаған көптеген сөздер кездеседі. Олардың арасында түркізмдермен қатар кірме сөздер де баршылық. Мысалы: *әһенг* “дыбыс үйлесімі” (8a/4), *алда-* “алдау” (34a/3), *алдур-* “алдыр-” (42a/3), *а’лем* “дана, білгір” (2b/2), *’ар* “ар, ұят” (17a/5), *арт* “арт, арқа” (19a/1), *киби* “сияқты” (17a/5), *сабйһ* “әдемі, сұлу” (20b/10), *сеһә* “жомарттық, мәрттік” (18b/1), *теһил* “ла иллаһа иллаһ” (23b/10), *тереддүд*

“шешім қабылдай алмаушылық” (2b/3), *йалавач* “пайғамбар” (18a/8), т. б.

Қорытынды

Сонымен қорыта айтқанда, мақаламызда Диуани хикметтің Көкшетау нұсқасын тек физикалық жақтан таныту ғана емес көркемдік және тілдік ерекшеліктерін таныту көзделген болатын. Шамамен XVII ғасырда жазылған бұл қолжазба Шағатайшаның тілдік ерекшеліктеріне ие. Алайда қолжазбаның өзіне тән, яғни шағатайша жазылған басқа еңбектердің тілдік ерекшеліктерінен айырмашылықтары бар екені байқалады. Әсіресе, кейбір сөздерде көне түрікшедегідей сөз ішіндегі /д/, /з/ дыбыстары сақталған. Мысалы: *сөдре-* “сүйреу” < *сүдре-*, *изи* “ие; Тәңір” < *иди*. Керісінше *пенә* “пана” (< *пенәһ*), *гүвә* “куә” (< *гүвәһ*), *гүнә* “күнә” (< *гүнәһ*) секілді кірме сөздерде сөз соңындағы /һ/ дыбысы аферезис құбылысына ұшыраған. Сол секілді қазіргі қыпшақ тілдеріндегідей, соның ішінде қазақ тіліндегі осы шақтың *қорқа-мын, тартамын* формасы қолданылған. Сонымен қоса еңбектің тілінде сөз қоры жағынан түрікшенің түрлі бұтақтарына тән тілдік көрсеткіштерді кездестіруге болады.

Әдебиеттер

- Аталай Б. Махмуд Кашгарлы Дивану лугат-ит түрк, С. IV. – Анкара: Түрк дил курум йайынлары, 2006.
 Эраслан К. Диван-ы хикмет нұсқаларының дили // Миллетлерарасы Ахмед Йесеви сempoзиумы билдирилери, 26-27 ейлүл. – Анкара, 1992. – С. 21-23.
 Габаин А. в. Эски түркченин грамери. – Анкара: Түрк дил курум йайынлары, 1988.
 Құрышжанұлы Ә. Тіл тарихы туралы зерттеулер. – Алматы: Қазақ мемлекеттік қыздар педагогикалық университеті, 2011.
 Сыздықова Р. Ясауи хикметтерінің тілі. – Алматы: Ел-Шежіре баспасы, 2014
 Текин Т. Орхон түркчеси грамери. – Анкара: Түрк дил куруму йайынлары, 2016.
 Үнлү С. Караханлы түркчеси сөзлүгү. – Коня: Егитим йайыневи, 2012.

References

- Atalay B. (2006). Mâhmut Kaşgarlı Divanü lûgat-it türk, C. IV, Ankara: Türk dil kurumu yayınları.
 Gabain A. Von (1988). Eski türkçenin grameri. [A Grammar Of Old Turkic]. Ankara: Türk dil kurumu yayınları.
 Eraslan K. (1992). Dîvân-ı hikmet nûshalarinin dili. Language of Divan-ı hikmet copies. Milletlerarasi Ahmed Yesevî sempozyumu bildirileri, 26-27 eylül, Ankara, s. 21-23.
 Qurişjanulı Ä. (2011). Til tarihi tuwralı zertewler [Studies on language history]. Almatı: Qazaq Memlekettik Qızdar Pedagogikalıq Uniyversiteti.
 Sizdiqova, R. (2014). Yasavi hikmetteriniñ tili. [The language of the Yasawi hikmets] Almaty: Publishing house “Yel-Shezhire”, 2014.
 Tekin T. (2016). Orhon türkçesi grameri. [Orhon turkish grammar]. Ankara: Türk dil kurumu yayınları.
 Ünlü S. (2012). Karahanlı türkçesi sözlüğü. [Dictionary of Karahanli Turkish]. Konya: Eğitim yayınevi.

Сулейманова Рамиля Юсиф кызы

Гянджинский государственный университет, Азербайджан, г. Гянджа,
e-mail: ramile_suleymanova@list.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СЕМЫ В ОБЩИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Диалекты азербайджанского языка богаты грамматическими и лексическими материалами, которые являются общими для лексической, грамматической структуры современных тюркских языков. Некоторые лексико-семантические особенности азербайджанских диалектов, используемых в современном турецком литературном языке, важны с точки зрения изучения структурных особенностей современного языка в диалектах, отслеживания исторического развития лингвистических единиц.

Хотя некоторые особенности азербайджанских диалектов отсутствуют в современном азербайджанском языке, они широко используются как факт литературного языка в современном турецком языке. Общие с современным турецким языком диалектные факты охватывают на грамматическом уровне языка части речи, общие и специальные грамматические категории, а также грамматическую функциональность словообразующих и словоменяющих аффиксов, словообразование и другие области. И вследствие семантической функциональности слов, между диалектами азербайджанского языка и современным турецким литературным языком наблюдаются общие черты, некоторые диалектные слова остаются такими же, как в современном турецком литературном языке, или подвергаются смысловому изменению. Дифференциация завершается формированием семов внутри значения. Семы, относящиеся к семантической структуре общего слова, представлены в лингвистических формах (диалектах и литературном турецком языке) в разных количествах.

Общность азербайджанских диалектов и лексика современного турецкого литературного языка обусловлена рядом причин. Первая причина – общее происхождение обоих языковых вариантов. Общность происхождения проявляется также и между диалектами азербайджанского языка и другими тюркскими языками. Однако на фоне географической близости и культурно-исторических отношений изогласы, присущие сравниваемым языковым формам, видны более наглядно.

Общие слова, наряду с одинаковым значением, объединяют также мотивационные сходства. Схожая мотивация иногда бывает связана с широтой смыслового содержания слова. То есть в смысловом содержании слова в диалектной лексике, наряду со сравниваемым в турецком языке значением, проявляется еще несколько значений. В обоих языковых формах слово «зындык»/«zındık» характеризуется отрицательным концептом.

В то время, как в современном турецком языке «зындык»/«zındık» означает «гяур, неверующий», в диалектах азербайджанских оно выражает разные значения («сварливый», «невысокий человек», «наглец», «бесстыдник»).

Ключевые слова: дифференциальные семы, общие слова, семантические признаки, смысловые изменения, формы языка.

Suleymanova Ramila Yusif gizi

Ganja State University, Azerbaijan, Ganja,
e-mail: ramile_suleymanova@list.ru

The differential sems in common lexical units in azerbaijani language dialects together with modern turkic languages

The dialects of the Azerbaijani language are rich with the grammatical and lexical materials that form a partnership with the lexical, grammatical structure of modern Turkic languages. Some lexical-semantic features belonging to the Azerbaijani language dialects used in modern Turkic literary language are important in terms of investigating the features of the structure of the modern language in dialects, monitoring the historical development of language units.

Though some specific features of Azerbaijani dialects are not observed in the modern Azerbaijani language, they are widely used as literary language in the modern Turkish language. The facts of dialect in common with modern Turkish language include parts of speech at the grammatical level, general and special grammatical categories, as well as grammatical functionality, vocabulary and other areas of verbal and verbal communicators. According to the meaning functionality of the words, there are common features among the dialects of the Azerbaijani language and the modern Turkish literary language, some dialect words remain the same as in modern Turkish literary language or change in meaning. Becoming differential is completed with the formation of sems within the meaning. The sems belonging to the meaning structure of the common word are represented in various forms of language (in dialects and literary Turkish).

The commonality of Azerbaijani dialects and the modern Turkish literary language lexicon are connected with a number of reasons. The first reason arises from the generality of the origin of both language variants. The commonality of origin shows itself among the dialects of the Azerbaijani language and other Turkic languages. However, on the background of geographical proximity and cultural-historical relations "the isograph" belonging to the comparable language forms are more noticeable.

In addition to the same meaning as the common words the motivation also combines similarities. The similar motivation sometimes happens due to the breadth of the meaning of the word. In other words, the meaning of the word in the dialect lexicon, along with (or in contrast to) the meaning in the Turkish language, manifests itself in several meanings. The word "zindiq" ("giaour", "infidel", "pagan") in both language forms is characterized by negative concept. In the modern Turkish language, the word "zindik" means "giaour", while in the Azerbaijani language it means different meanings such as "quar-reler", "shortish", "impudent fellow", "shameless".

Key words: differential sems, common words, semantic features, meaning changing, language forms.

Сулейманова Рамиля Юсиф кызы

Гянджа мемлекеттік университеті, Әзірбайжан, Гянджа қ.,
e-mail: ramile_suleymanova@list.ru

Қазіргі түрік тілі мен әзірбайжан тілі диалектілеріндегі ортақ лексикалық бірліктердің дифференциалдық семалары

Әзірбайжан тілінің диалектілері қазіргі түркі тілдерінің лексикалық, грамматикалық құрылымына ортақ грамматикалық және лексикалық материалдарға бай. Қазіргі түрік әдеби тілінде қолданылатын кейбір әзірбайжан диалектілерінің лексика-семантикалық ерекшеліктері диалектілердегі қазіргі тілдің құрылымдық ерекшеліктерін зерттеу, тілдік бірліктердің тарихи дамуын қадағалау тұрғысынан маңызды.

Әзірбайжан диалектілерінің кейбір ерекшеліктері қазіргі әзірбайжанда жоқ болса да, олар қазіргі түрік тілінде әдеби тіл фактісі ретінде кеңінен қолданылады. Қазіргі түрік тіліне тән диалектілік фактілер тілдің грамматикалық деңгейіндегі сөйлеу бөліктерін, жалпы және арнайы грамматикалық категорияларды, сондай-ақ сөзжасамдық және сөз өзгертуші қосымшалардың, сөзжасамдық және басқа салалардың грамматикалық функционалдығын қамтиды. Сөздердің мағыналық функционалдығына байланысты әзірбайжан тілі мен қазіргі түрік әдеби тілі диалектілері арасында ортақ белгілер бар, кейбір диалект сөздер қазіргі түрік әдеби тіліндегідей болып қалады немесе мағыналық өзгеріске ұшырайды. Дифференциация мағынаның шеңберінде семалар құрумен аяқталады. Ортақ сөздің мағыналық құрылымына сілтеме жасайтын семалар тілдік формаларда (диалектілер мен әдеби түрік тілінде) әр түрлі мөлшерде берілген.

Әзірбайжан диалектілері мен қазіргі түрік әдеби тілінің сөздік қорының ұқсастығы бірқатар себептерге байланысты. Бірінші себеп – екі тілдік варианттың да шығу тегі бір. Ортақ шығу тегі әзірбайжан тілі мен басқа түркі тілдерінің диалектілері арасында да көрінеді. Алайда, географиялық жақындық пен мәдени-тарихи қатынастар фонында салыстырылған лингвистикалық формаларға тән изогластар айқынырақ көрінеді.

Жалпы сөздерді бірдей мағынамен қатар мотивациялық ұқсастықтары да біріктіреді. Ұқсас мотивация кейде сөздің мағыналық мазмұнының кеңдігімен байланысты, яғни, диалект лексикасындағы сөздің мағыналық мазмұнында түрік тілінде салыстырылған мағынамен қатар тағы бірнеше мағына пайда болады. Екі тілдік формада да «зындық» // «zindik» сөзіне жағымсыз ұғым тән.

Қазіргі түрік тілінде «зындық» // «zindik» «имансыз» деген мағынаны білдірсе, әзірбайжан диалектілерінде ол әр түрлі мағынаны білдіреді («ашулы», «қысқа адам», «бетсіз», «ұятсыз»).

Түйін сөздер: дифференциалды семалар, ортақ сөздер, мағыналық ерекшеліктер, мағыналық өзгерістер, тілдік формалары.

Введение

Общие для турецкого языка лексические единицы в диалектах Азербайджанского языка либо претерпевают семантические изменения, либо остаются устойчивыми по смыслу. Возникновение изменений в семантике общих слов возможно по двум причинам – в результате лексико-семантического развития и в качестве признака дифференциации.

Эксперимент

Семантические признаки формируют семантические компоненты слова. В исследованиях структурные смысловые компоненты классифицируются в нескольких видах: базовые и зависимые, конкретные и абстрактные, ядерные и дифференциальные семы, ядерные и периферические семы, первичные и вторичные семы, а также коннотативные, оценочные и эмоциональные смысловые компоненты (Sternin, 1985: 63; Sternin, 1979: 47- 67, 75-78), архисемы, дифференциальные и потенциальные семы (Mamedov, 2006: 230-231). Согласно И.Стернину, ядро сема несет важные и постоянные особенности предмета... Если мысленная отмена семантического признака лишает предмет его основной функции, то это ядерная сема, если нет – то периферийная (Sternin, 1985: 65). Их можно наблюдать, различать ядерную и периферическую сему и в общих с турецким языком диалектных словах. Значение «тёплый» слова «сыджак»//«sicak» в турецком языке (Srvnitelny, 1991: 768) можно рассматривать как ядерную сему, а значение «добрый» в сальянском диалекте азербайджанского языка (Dialektologicheskiy, 2007: 435) можно считать периферийной. Или значение «роса» слова «чий»//«çiyu» в турецком языке, а также в Шекинском и Табасарском диалектах – это ядерная сема, а используемое в Шекинском диалекте значение «грубый, неуместный» (Dialektologicheskiy, 2007: 104) – периферийная. И. Мамедов характеризуя архисему, потенциальную сему и дифференциальную сему, пишет: «В семасиологии, для разделения словарного состава на различные лексико-семантические группы в содержании, семантической структуре слова в качестве основного параметра берется архисема, дифференциальная сема, потенциальная сема». Затем подчеркивается: «Архисема – признак, свойственный классу целых объектов: автобус, самолет, поезд, корабль, велосипед и т.д (транспортные средства)... Дифференциальная сема

составляет ядро значения слова. Определяет его объем в лексико-семантических группах и отличает соответствующее слово от других как внутри группы, так и в других группах в соответствии с коллекцией семов... Потенциальная сема отражает второстепенные, незначительные признаки субъекта... У потенциальных сем есть особая роль в образовании переносных значений, полисемантической (Mamedov, 2006: 230-231).

В общих с тюркским языком словах можно различить дифференциальные (ядерные) и потенциальные семы. Например, слово «гундара»//«qundara» в огузском диалекте и слово «гондара»//«qondara» в Басаркечарском, Башкечидском, Борчалинском, Джабраильском, Физулинском, Гейчайском, Ходжавендском, Имишлинском, Казахском, Ордубадском, Шарурском, Огузском, Товузском диалектах передает значение «обувь на высоком каблуке», в турецком языке «кундура»//«kundura» – «грубо изготовленная обувь без шнурков» (Dialektologicheskiy, 2007: 309-315; Turetsko, 1992: 76).

Общее слово в обоих языковых формах обладает одной архисистемой (свойственным классу объектов признаком). Согласно указанному признаку, значение «обувь» фонетических вариантов кундура//kundura, гундара//qundara, гондара//qondara наглядно. Однако языковые формы отличаются друг от друга в силу наличия дифференциальных сем. Согласно семантическому признаку в диалектах, гундара/гондара // qundara/qondara – это обувь на высоких каблуках, в соответствии со значением турецкого языка, кундура//kundura – это грубо изготовленная обувь без шнурков. Используемые в Биледжикском диалекте турецкого языка словосочетания «атгылы гундура, балама гундура» // «atqılı qundura, balama qundura» также указывают на виды обуви (Ozden, 2017: 278). Или слова «бардаг»//«bardağ» в Кюрдамирском диалекте и слова «бардак»//«bardak» в турецком языке (Dialektologicheskiy, 2007: 39; Ribalchenko, 2011: 423) характеризуются одной и той же архисемой (в значении «посуда», «стакан»). Однако дифференциальные семы (по назначению: используются для хранения жира, соли и питья чая; по размеру: бывают большие и маленькие; по материалу; изготавливаются из керамики и стекла) отличают их друг от друга.

Есть такие образцы, в которых архисема и дифференциальная сема бывает одинаковы в обеих языковых формах. Семантические признаки подобных слов не отличаются друг от друга в диалекте и литературном турецком языке.

ке. Например: «пус»//«pus» в Ахалсхинском диалекте и турецком языке в значении «туман» (Dialektologischeskiy, 2007: 409; Sravnitelniy, 1991: 712) или же в Ордубадском, Шарурском, Шекинском диалектах «ойедж»//«öyəc», в Джульфинском диалекте «ойеч»//«öyəc», в Агдаме «ойеш»//«öyüş», в Джабраильском, Ходжавендском диалектах «оедж»//«öəc», в Басаркечаре и Казахе «оеч»//«öəc» и в турецком языке «овеч»//«öveç» в значении «двух-трехлетний баран» (Dialektologischeskiy, 2007: 386; Eren: 1999, 318).

Потенциальные семы проявляются в переносном смысле и обычно встречаются в одной из форм языка. Например, «туталгач»//«tutağac» в Казахском диалекте, «тутагач»//«tutağac» в Бакинском, Басаркечарском, Борчалинском, Дашкесанском, Казахском, Гейчайском, Мингячевирском, Татарском диалектах означает «полотенце для взятия горячей посуды», в турецком языке «тутаджак»//«tutacak» (с мелким фонетическим изменением) имеет то же значение, а также в Казахском диалекте «туталгадж»//«tutağac» имеет значение «помощь, аghа, родня» (Dialektologischeskiy, 2007: 509). И. Стернин писал, что одна и та же сема может иметь разные значения и разные статусы – в одном ядерная, в другом периферийная сема (Sternin, 1985: 66).

Все противопоставления, различия в общих словах турецкого языка и диалектов проявляются в лингвистических формах. Слова отличаются друг от друга в контексте литературного турецкого и диалектного материала тем или иным семантическим признаком.

С этой точки зрения, семантический показатель, являющийся основной семой в турецком литературном языке, может превратиться в потенциальную сему в диалекте, или наоборот. В то время как слово «тосун»//«tosun» в Товузском диалекте означает «толстый, короткого роста», в Зангиланском диалекте «капризный» (Dialektologischeskiy, 2007: 503-504), в турецком языке выступает в значении «здоровый» (в переносном смысле) (Gulensoy, 2007: 921). И. Стернин писал, что в сознании индивидуума значение формируется двумя способами – коммуникативным и некоммуникативным. Согласно первому способу значение имеет коммуникативный аспект, реализуется в процессе коммуникации. Второй путь подразумевает значение как номинативный знаковый элемент, выражающий реальность, реализуемый в процессе общественной практики (Sternin, 1985: 78). В этом смысле в более активной форме речи (следовательно, в боль-

шей степени в устной речи) может произойти любое изменение значения, образоваться новая сема. Так что возможно изменения общего слова в процессе общения, обретение новой семы в форме более динамичного языка. Обычно у используемой в обоих формах языка неимеющей существенных смысловых различий общей единицы имеется одна ядерная (или дифференциальная) сема. Например, «гындырга»//«qındırğa» в Агдамском, Кюрдмирском, Мингячевирском, Огузском, Сальянском, Товузском диалектах, «гынтыргы»//«qıntırğı» в Ленкораньском, Сальянском диалектах – это «название дикорастущей травы» (Dialektologischeskiy, 2007: 299), «кындыра»//«kindıra», в турецком языке – «нежная длиннолистная луговая трава, растущая на болотах» (Eren, 1999: 237). Или в Казахском, Гянджинском диалекте «силхмех»//«silix'məx'» (Dialektologischeskiy, 2007: 431), в турецком языке «силкинмек»//«silkinmek» означает «встряхнуть». Также, в турецком языке слово «бен»//«ben», в Казахском диалекте «бен»//«bən» означает «родинка» (Sravnitelniy, 1991, 60; Dialektologischeskiy, 2007: 50).

Одно и то же общее слово может иметь свое ядерные семы в диалекте и литературном языке. Например, в турецком языке значение «место торговли» слова «чаршы»//«çarşı» является ядерной семой (Sravnitelniy, 1991, 118). А в Нахчыванском диалекте другое значение слова «чаршы»//«çarşı» является ядерной семой – то, что место торговли является крытым, пассажем (в Нахчыванском диалекте «чаршы/каршы» // «çarşı/karsı» означает «крытый рынок») (Slovar, 2017: 147; Dialektologischeskiy, 2007: 90, 243). Это связано с возникновением обоих сем по отдельности, в разных языковых формах, в различных социальных средах, процессах общения, в разных сообществах языковых субъектов, в различающихся географических регионах. Каждый из них по отдельности играет определенную роль в том, с каким семантическим признаком слова утвердятся в той или иной языковой форме в той или иной географии. При этом важным считается также подчеркнуть отношение языковых субъектов к объекту, того или иного признака объекта, считающейся значимой его особенностью. В Дербентском и Табасаранском диалектах слово «тай»//«tay» означает «двух-трехлетний жеребец» (Dialektologischeskiy, 2007: 484). В турецком же языке то же слово значит «двух-трехлетний жеребенок» (Gulensoy, 2007: 872). Следовательно, поскольку в одной языковой форме (диалекте) акцентируется возрастной предел домашнего

животного (между 2-3 годами), в другой языковой форме (литературном турецком языке) – понятие «ребенок» домашнего животного, то каждый из них становится ядерной (дифференциальной) семьей. Дифференциация в диалекте и литературном турецком языке происходит, как правило, по одному признаку. И эта характерная особенность приводит к вычленению близких (общих), или же противоположных друг к другу семантических признаков. В результате общая лексическая единица характеризуется двумя ядерными семами. Вычленение на два сема сопровождается различными признаками:

а) назначение, особенности объема, измерения объекта (бытового предмета); в Шарурском диалекте слов «течере»//«tesəgə» означает «вмещающий пять пудов горшок» (течере//tesəgə восемьдесят кило; в диалекте), а в турецком языке «тенчере»//«tencegə» «кастрюля, кастрюлька» означает «горшок, горшок» (Dialektologischeskiy, 2007: 485; Sravnitelniy, 1991: 872);

б) целью дела, процесса; в Мегринском диалекте «челих»//«çəlix» (Dialektologischeskiy, 2007: 94) – это срезанный для посадки виноградный прут (Bizim qalxuz bu yıl üş yüz min çəlix' satdı//Наш колхоз в этом году продал триста тысяч виноградных прутьев) и в турецком языке «челик»// «çelik» – «коротко срезанная ветка» (Gulensoy, 2007: 229);

в) по сходству с видом растений; в южно-азербайджанских диалектах «бамие» // «bamiyə» это «похожее на перец растение» (Dialektologischeskiy, 2007: 38) (Gedə, o bamiyələrə bir az su ver//Парень, полей те бамие), в турецком языке «бамя»//«bamiya» – «растение подобное мальве»;

г) большой и маленький размер предмета: в Губинском диалекте «чамчах»//«çamçaх» (Dialektologischeskiy, 2007: 88) – «бочка», в турецком языке «чамчак»//«çamçak» – «посуда с ручкой для воды, изготовленная выскабливанием» (Egen, 1999: 78);

д) целое и часть; в Агдашском, Кедабегском диалектах «чарпаз»//«çarпаz» (Dialektologischeskiy, 2007: 90) – «архалык или же крючок женского пояса», в турецком языке «чарпаз»//«çarпаz» – «игла крючка»;

д) по виду зерновых растений; в Дербентском диалекте «перинч»// «perinç» (Dialektologischeskiy, 2007: 395) «схожая с пшеницей зерновая культура» и в турецком языке «пиринч»//«pirinç» как «рис» (Ribalchenko, 2011: 633);

е) по виду оборудования для какой-либо работы или процесса; в Мингячевирском и

Шекинском диалектах «мердене»//«mərdənə» (Dialektologischeskiy, 2007: 351) – «специально изготовленная для раскатывания теста доска» и в турецком языке «мердане»//«merdanə» – «большая скалка» (Ribalchenko, 2011: 599);

ж) с точки зрения связи одежды с органами тела; в Борчалинском диалекте «сыхма»//«sixma» (Dialektologischeskiy, 2007: 432) «теплая женская кофточка» и в турецком языке «сыкма»//«sikma» – «брюки» и пр.

Дифференциация приводит к формированию семов внутри значения. Семы смысловой структуры общего слова представлены в разных количествах в формах языка (диалектах и литературном турецком языке). Такое разнообразие, как правило, зависит от семантического окружения слова, широты смыслового содержания. Область применения слова, метафоричность также может рассматриваться как фактор, который завершает данный ряд. В части общих слов структура смысла односемная. Подобные слова имеют одинаковое значение как в турецком языке, так и в диалектах. И даже с точки зрения смысловых оттенков не отличает формы языка друг от друга: в Казахском диалекте «бен»//«bəp» и в турецком языке «бен»//«ben», означающие «родинка»; в Казахском и Огузском диалектах «тезене»// «təzənə» и в турецком языке «тезене»//«tezene», означающие «плекр»; в Товузском диалекте «гундах»//«qundax», означающее «место продевания оси телеги» и в турецком языке «кундак»//«kundak», означающее «место оси в телеге»; в Губинском диалекте «иллет»//«illət» и в турецком языке «иллет»// «illet» со значением «болезнь»; в Шекинском диалекте «айлыхчы»//«aylıхçı», означающее «месячный рабочий», и в турецком языке «айлыкчы»//«aylıkçı» – «работающий на месячную зарплату»; в Казахском диалекте «чагылдах»// «çaqqıldax» (в Гянджинском и Горанбойском диалектах «шагылдах»// «şaqıldax»), означающее «прилипший в шерсти овец навоз» и в турецком языке «чакылдак»//«çakıldak» – «прилипший в шерсти овец под хвостом и засохший навоз», в Ахалсхинском диалекте и в турецком языке «пус»//«pus» «туман»; в Гейчайском, Казахском, Лачинском диалектах «салымчак»// «salımçax» и в турецком языке «салынджак»//«salıncak» – «качели»; в Исмаиллинском диалекте «бере»//«bəgə» – «неглубокая рана» и в турецком языке – «бере»//«bere» «образовавшееся в каком-либо месте органа рана»; в Гейчайском, Сальянском диалектах «уремек/уремег»//«ügəmək/ügəməg» и в

турецком языке «уремек»//«üremek» – «увеличиваться, размножаться»; в Гянджинском диалекте «бойур»//«böyür» (informant) и в турецком языке «богур»//«böğür» – «боковая сторона»; в Гянджинском диалекте «кесдирме»//«kəsdirmə» (informant) и в турецком языке «кестирме»//«kestirme» – «короча, вкратце»; в Агдамском, Агдашском, Джабраильском, Физулинском, Гейчайском, Сабирабадском, Сальянском, Шушинском диалектах «лода»//«loda» – «стог сена», в турецком языке «лода»//«loda» – «копна», в Джабраильском, Гейчайском, Губинском, Зангилянском диалектах «тутадаж»//«tutacağ», в турецком языке «тутадаж»//«tutacak» – «особое полотенце для взятия горячей посуды», «тутмадж»//«tutmaz» – в Агдабединском, Гейчайском, Имишлинском, Губинском, Огузском, Шемахинском, Уджарском диалектах название блюда и в турецком языке «тутмач»// «tutmaz» – «приготовленный из разрезанных в треугольной форме кусков теста суп из мацони»; в Джабраильском диалекте «тутумджул»//«tutumcul» и в турецком языке «рациональный»; в Шушинском диалекте «тишары»// «tişarı» – и в турецком языке «дышары»//«dişarı» «внешнее место»; в Имишлинском диалекте «догмедж»//«döğməş», в Гедабекском диалекте «доймеш/догмеш»//«döyməş/döğməş» и в турецком языке «доймеч»// «döymec» – «приготовленное из сливочного масла, горячего хлеба и пр.». В Шарурском диалекте и в турецком языке «чарчи/черчи»//«çərçi/çerçi» – «галантерейшик»; в Басаркечарском, Борчалинском диалекте и турецком языке «согулмах/согулмак»//«soğulmaх/soğulmak» – «засуха, высыхание»; в Башкечидском, Борчалинских диалектах и в турецком языке «сулух/сулук»// «sülüh/sülük» – «пиявка»; в Борчалинском, Казахском, Джабраильском, Гусарском, Нахчыванском, Шушинском, Огузском, Сальянском, Ярдымлинском, Зангезурском, Зангилянском диалектах и в турецком языке «пасах/пасак»//«pasax/pasak» – «грязь»; в Дашкесанском, Гедабекском, Гейгёльском диалектах и в турецком языке «гушбурну/кушбурну»//«quşburnu/kuşburnu» «шиповник» (Dialektologischeskiy, 2007: 50; Sravnitelniy, 1991, 80).

Другие группы слов характеризуются двухсемной семантической структурой и, как правило, имеют близкие оттенки значения. Такие слова, чаще всего, относясь к одному и тому же понятию, различаются одним или двумя признаками. Такие общие лексические единицы, в большинстве своем, адресованы конкретному объекту.

В Ахалсхинском диалекте «пагача»//«pağaç» – «выпеченный из бездрожжевого теста хлеб» и в турецком языке «погача»//«roğaç» – «соленый хлеб с сыром, мясом и пр. внутри»; в Басаркечарском, Борчалинском, Боюкгаракилсейском, Гедабекском, Гянджинском, Исмаиллинском, Казахском, Нахчыванском, Ордубадском, Шарурском диалектах «пазы»//«pazı» – «свекла» и в турецком языке – «дикий шпинат»; в Тебризском диалекте «давар»//«davar» – «баран», в турецком языке – «даваемое овцам и козам общее название» (стадо овец и коз); в Имишлинском, Нахчыванском диалектах «ердем»//«ərdəm» – «храбрость, умение», Гахском диалекте «стать»; в Агдамском, Физулинском, Джульфинском, Нахчыванском, Ордубадском, Мингячевирском, Уджарском, Шемахинском диалектах «ердеми» //«ərdəmlı» – «сильный, могучий», «умелый», в Имишли «ердемсиз»//«ərdəmsiz» – «слабый» и в турецком языке «ердем»//«erdem» – «скромность, храбрость, правдивость»; в Ахалсхинском и Иреванском диалектах «йелек»// «yelek» – «короткая одежда без рукавов» и в турецком языке «йелек»//«yelek» – «надеваемое под пиджак короткое одеяние без рукавов – жилет»; в Агдамском и Гедабекском диалектах «саладжа»//«salaca» – «гроб» и в турецком языке «саладжак»//«salacak» – «место, на котором омывают покойника»; в огузском диалекте «гундара»//«qundara», в Басаркечарском, Башкечидском, Борчалинском, Джабраильском, Физулинском, Гейчайском, Ходжавендском, Имишлинском, Казахском, Ордубадском, Шарурском, Товузском диалектах «гондара»//«qondara» – «обувь на каблуках» и в турецком языке «кундура»// «kundura» – «грубо изготовленная обувь без шнурков», в Кюрдамирском диалекте «бардаг»//«bardağ» – «кувшин»; в турецком языке «бардак»// «bardak» – «стакан»; в Саатлинском диалекте «загун»//«zaqqun» – «яд», в турецком языке «заккум»//«zakkum» – «ядовитое растение»; в Гейгельском, Шекинском диалектах «тасма»//«tasma» – «шнурок для башмака» и в турецком языке – «надеваемая на шею животному веревка»; в Джабраиле, Кюрдамире, Казахе, Загатале «топалах»//«topalax» (в Сальянском диалекте), «топалаг»//«topalağ» – «лекарственное растение» и в турецком языке «топалак»//«topalak» – «растение, из листьев которого изготавливают зеленую краску»; в Губинском диалекте «чамчак»//«çamçax» – «бочка» и в турецком языке «чамчак»//«çamçak» – «посуда с ручкой для воды, изготовленная путем выскабливания»; в Бейлаганском, Геда-

бекском, Гёранбойском, Мингячевирском, Шущинском, Тертерском диалектах» «тава»//«tavа» – «кастрюлька» и в турецком языке – «сковорodka с рукояткью для прожарки»; в Бакинском, Кюрдамирском, Шемахинском диалектах «суджуг»//«sucuğ» – «приготовленная из крахмала еда», «вид халвы»; в Болнисском, Ордубадском диалектах «суджух»//«sux» – «название приготовленного из ореха, теста и пр. блюда»; в Сальянском диалекте «алынныг»//«alinnıg» – «повязываемый на лоб платок, маленькая шаль» и в турецком языке «алынлык»//«alınlik» – «украшение из золота и серебра, надеваемое женщинами на лоб». (Dialektologischeskiy, 2007: 391-394).

Двухсемные общие лексические единицы выражают признак. Например, в Шекинском диалекте слово «челимсииз»//«çelimsiz» (Dialektologischeskiy, 2007: 94) означает «плохой, неприятный», в турецком языке слово «челимсииз»//«çelimsiz» – «бессильный, слабый» (Gulensoy, 2007: 229). Относящие к общему слову семы в одном из языковых форм указывают на объект, в другом – признак. В Казахском, Шамкирском, Иреванском диалектах слово «чыра»//«çıra» указывает на понятие «лампа», в турецком языке – понятие «быстро воспламеняющийся» (Dialektologischeskiy, 2007: 100; Sravnitelniy, 1991, 130).

В общих словах с тремя или более семами одно из значений отходит от основного значения в результате семантического развития. Хотя семантическое развитие отдаляет слово от его традиционного значения, оно может изменить его в сторону выражения нового смысла. Это происходит либо в диалектах, либо в литературном турецком языке. Например, в Болнисском диалекте слово «тепши»//«tepsi» используется в значении «тарелка» (Dialektologischeskiy, 2007: 486), в турецком языке «тепси»//«tepsi» означает «поднос» (Eren, 1999: 403). В обеих формах языка выражены объекты с различными назначениями: поднос и тарелка.

Хотя семы бывают разные, связь с одним и тем же значением, происхождение из одного значения, слабое сходство задач и др. факторы дают возможность объединять (или сблизить) их в одном семантическом окружении. При этом несомненно происхождение одного из значений от другого. Однако в Дербентском диалекте Азербайджанского языка слово «тепси»//«tepsi» имеет также значение «поднос» (Dialektologischeskiy, 2007: 492). В таком случае эволюционирование значения «подноса» от понятия «сини»//«sini»

может не вызывать сомнений. Потому как слово «сини»//«sini» означает большую округлую посуду, а «хонча»//«xonça» – «поднос» подразумевает размещенные на большой округлой посуде подарки из ценных украшений, фруктов, сладостей и т.д. То есть, слово приобретает и новую сему («наполненная подарками посуда») в диалектной форме, и не выходит за пределы схожей семантической среды (значение «посуда»).

Слово «исгеле»//«isgələ» в обеих формах языка имеет значение «остановка». Однако будучи связано с различной ситуативностью в литературном турецком языке и диалектах, вычленяется различными семами. Различные (или неодинаковые) значения общего слова в формах языка вытекают как раз отсюда. В Кюрдамирском диалекте слово «искеле»//«isgələ» означает «станция», а в турецком языке «искеле»//«iskele» означает «мост, к которому швартуются корабли в море» (Dialektologischeskiy, 2007: 237; Sravnitelniy, 1991, 398). То есть, поскольку каждое из семов конкретизировалось на одном понятии (в турецком языке актуально понятие, относящееся к кораблю, в диалекте – к поезду), они дифференцировались. Значение «лестница» слова «искеле»//«isgələ» в Чамбаракском, Каравансарайском диалектах, вероятно, происходит от турецкого понятия. Логически, ассоциативная близость понятий моста, к которому швартуются корабли, и лестницы возможна. Слово «азман»//«azman» означает в обеих формах языка признак. В Бакинском и Ордубадском диалектах используется в значении «крупный, очень большой, огромный» (Bakidə azman öylər tikilir; Atam bir azman keçi aldı//В Баку строятся огромные дома; Некогда отец купил крупную козу (Dialektologischeskiy, 2007: 32). И в турецком языке та же фонетическая структура выражает, можно сказать, то же значение («высокоразвитый, выросший») (копек азманы// köpek azmanı «большая, крупная собака»). В древнетюркских письменных памятниках используется в качестве определения в начале имени, означающего животное. (Kültigin azman akıg binip tægdi, sançdı. Перевод: Култигин оседлал большого коня, напал и победил) (Rajabov, 1993: 75). В других диалектах азербайджанского языка становится актуальным объектное значение слова. В Бейлаганском, Джабраильском, Физулинском, Гаракилсайском, Шемахинском (также Ордубадском, Бакинском) диалектах у слова «азман»// «azman» наблюдается значение «шестилетняя овца», в Ордубадском, Зангиланском диалектах – «четырёхлетняя овца», в Агдамском

и Борчалинском (также Физулинском) диалектах – «старая овца, коза» (Dialektologischeskiy, 2007: 32). По-видимому, конкретизацией значения на предмете (домашнем животном) в процессе семантического развития образуется новая сема (овца, коза, старик). Иногда общее слово в турецком языке играет роль основы для производных значений в диалектах. Особенности его содержания совпадают с показателями формы, структуры предметов, относящихся к хозяйственной и бытовой жизни, и последние, повторяя предыдущие формой, расширяют и присущие ему семантические границы. Производные значения соединяются с новыми концепциями именно в пределах этого диапазона, происходит вычленение в новые семы. «Чембер»//«çember» в турецком языке имеет значение «круг» (Srvnitelniy, 1991, 124; 11, стр. 453). Хотя одинаковый звуковой состав в диалектах азербайджанского языка не выражает одно и то же значение (в качестве самостоятельного слова), смысловое содержание некоторых слов ассоциируется с понятием «круг». Слово «чембере»// «çəmbəgə» в Борчалинском, Гедабекском диалектах используется в значении «палка», в Товузском, Гедабекском диалектах «дугообразные деревянные части колес телеги», в Закатальском диалекте «железное кольцо, надеваемое на рукоять секача» (Dialektologischeskiy, 2007: 94). Общим признаком для всех трех значений слова «чембере»//«çəmbəgə» является создание ассоциации с понятием в турецком языке. По этой причине один и тот же звуковой комплекс переносится объектам сходной формы (круглый прут, округлая часть колеса, железное кольцо), в результате чего округлые, дугообразные предметы называется одинаково («чембере»//«çəmbəgə»). В Шекинском диалекте животное с изогнутыми вперед, дугообразными, полуокруглой формы рогами называют «чембербуйнуз»//«çəmbərbuynuz» (Çəmbərbuynuz kəli satdım//Я продал быка с дугообразными рогами) (Dialektologischeskiy, 2007: 95). В каждой из форм языка ведущим является одно смысловое направление общего слова. Общее семантическое поле разветвляется не только на особо неразличимые, но даже и ха-

рактеризующиеся близостью друг к другу ветви. Такие смысловые ветви, в свою очередь, распределяются между диалектами так же, как и между литературным турецким языком и диалектами.

Результаты и обсуждение

Слово «дайлак»//«daylak» в турецком языке указывает значение «верблюдица». В Агдамском, Башкечидском, Гедабекском, Казахском, Лачинском, Товузском диалектах азербайджанского языка слово «дайлаг»//«daylağ» встречается в значении «годовалый верблюжонок», а в Физулинском и Шемахинском диалектах – «верблюжонок». Как видно, смысловая структура общего слова вычленяется в двух направлениях. Одно из направлений проявляется в диалектах и турецком языке, а другое только в диалектах. На этой основе и определяется семантическая структура. В одном случае значение верблюда в диалекте и турецком языке делится на семы (дайлаг//daylağ – верблюдица, верблюжонок), в других диалектах на семы выделяется значение «ребенок» (дайлаг//daylağ – верблюжонок, жеребенок). Такая дифференциация, в свою очередь, отличает диалект и литературный турецкий язык друг от друга, и по известным параметрам общие слова противопоставляются. Даже можно подумать, что в Сабирабадском диалекте значение «быстрый, ловкий» слова «дайлаг»//«daylağ» развилось из понятия «жеребенок» (Hüseyn daylağ adamdı//Гусейн ловкий человек; Сабирабад; Dialektologischeskiy, 2007: 120).

Заключение

Таким образом, среди особенностей, общих в диалектах азербайджанского языка с современным тюркским языком, признаки, связанные с лексико-семантическим уровнем, составляют большинство. В смыловом содержании общих с современным турецким языком слов наблюдается устойчивость и изменчивость. Изменение (развитие) лексического значения обычно не намного выходит за пределы семантического поля.

Литература

- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 137 с.
 Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. – 121 с.
 Мамедов И. Семантика Азербайджанского языка. – Баку: Хазар, 2006. – 369 с.
 Сравнительный словарь тюркских наречий. – Анкара, 1991. – 1183 с.

- Диалектологический словарь Азербайджанского языка. – Баку: Нурлан, 2007. – 566 с.
Турецко-Азербайджанский словарь / Составители Ч. Гаджар, С. Казымбейли, Н. Караманлы. – Баку: Эргун, 1992. – 128 с.
Озден М. Приложения к диалектологическому словарю Биледжик // журнал Евразия, т. 5. – 2017. – Номер 11. – 41с.
Рыбальченко Т. Е. Русско-турецкий и турецко- русский словарь. – Москва: Русский язык, 2011. – 740 с.
Эрен Г. Этимологический словарь турецкого языка. – Анкара: Бизим бюро, 1999. – 512 с.
Гюленсой Т. Словарь коренных тюркских слов в турецком языке. – Анкара: Общество Тюркского языка, 2007. – 1204 с.
Словарь Нахчыванских диалектов и говоров. – Нахчыван: Аджери, 2017. – 296 с.
Раджабов А., Мамедов Ю. Орхон-Енисейские памятники. – Баку: Писатель, 1993. – 400 с.

References

- Dialectologicheskii (2007) slovar Azerbajjanskogo yazika [Dialectological dictionary of the Azerbaijani language]. Baku: Nurlan, 566 p. (In Azerbaijani)
- Eren H. (1999) Etimologicheskii slovar turetskogo yazika [Etymological Dictionary of the Turkish Language]. Ankara: Bizim Buro, 512 p. (In Turkish)
- Gulensoy T. (2007) Slovar korennih tyurkskih slov v turetskom yazike [Dictionary of indigenous Turkic words in Turkish]. Ankara: Obshchestvo Tyurkskogo yazika, 1204 p. (In Turkish)
- Mamedov I. (2006) Semantika Azerbajjanskogo yazika [Семантика Азербайджанского языка]. Baku: Khazar, 369 p. (In Azerbaijani)
- Ozden M. (2017) Prilozeniya k dialectologicheskomu slovaryu Bilejik [Applications to the dialectological dictionary Bilecik] jurnal Evraziya, tom 5, nomer 11, 41 p. (In Turkish)
- Rajabov A., Mamedov Y. (1993) Orhono-Yeniseyskiye pamyatniki [Orkhon-Yenisei monuments]. Baku: Pisatel, 400 p. (In Azerbaijani)
- Ribalchenko T. E. (2011) Russko-turetskiy i turetsko-russkiy slovar [Russian-Turkish and Turkish-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazik, 740 p. (In Russian)
- Slovar Nahchivanskih dialektov i govorov (2017) [Dictionary of Nakhchivan dialects]. Nahchivan: Ajami, 296 p. (In Azerbaijani)
- Sravnitelniy slovar tyurkskih narechii (1991) [Comparative dictionary of Turkic dialects]. Ankara: 1183 p. (In Turkish)
- Sternin I. A. (1985) Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical meaning of a word in speech]. Voronej: Izdatelstvo Voronejskogo Universiteta, 137 p. (In Russian)
- Sternin I. A. (1979) Problemi analiz strukturi znacheniya slova [Problems of analysis of the structure of the meaning of a word]. Voronej: Izdatelstvo Voronejskogo Universiteta, 121 p. (In Russian)
- Turetsko-Azerbajjanskiy slovar (1992) [Turkish-Azerbaijani dictionary]. Baku: Ergun, 128 p. (In Azerbaijani)

Б. Сағындықұлы* , **Б.Р. Құлжанова**

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

*e-mail: berikbay.sagyndykuly@mail.ru

ТҮРКІ ТІЛДЕРІНДЕГІ ТӘУЕЛДІК ЖАЛҒАУЛАРЫНЫҢ ПАЙДА БОЛУ, ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫ

Тәуелдік жалғауларында үш түрлі грамматикалық мағына бар: 1) атау септігінің мағынасы, 2) тәуелдік мағына, 3) жақтық мағына. Бұл үш түрлі грамматикалық мағына бұл тілдік категорияда бірден пайда бола қалмаған. Бірте-бірте орныққан. Осылардың әрқайсысы қандай жолмен, қалай қалыптасты деген сұрақтарға мақалада ғылыми негізде жауап қайтарылады. Тың ізденістер, соңғы кезде ашылған жаңалықтар жаңа тұжырым жасауға мүмкіндіктер берген.

Белгілі бір заттың, нәрсенің кімнің меншігі екендігін білдіретін грамматикалық категория – тәуелдік категориясы деп аталады. Оның сөзге тәуелдік мағына үстелетін арнаулы қосымшалары тәуелдік жалғауы делінеді. Тәуелдік жалғауларының қалай пайда болып дамығандығы, қандай өзгерістерге ұшырағандығы, жалпы қалыптасу тарихы туралы түркологияда сан алуан көзқарастар бар. Көбіне бірінің пікірі біріне қарсы келіп жатады. Шындыққа сәйкес келетіндері де, шындықтан алыстап кеткендері де жоқ емес. Мақала авторлары осы пікірлердің барлығына талдау жасап, тың ойларын, тың тұжырымдарын ұсынады. Әр жаңалық нақты фактілер негізінде ашылғандықтан, қисынды нанымды.

Соңғы кездегі жан-жақты ғылыми зерттеулер түркологияда әбден қалыптасқан «Тәуелдік жалғауларының арғы негізі – жіктеу есімдіктері» дейтін ескі пікірдің жаңсақ екенін көрсетті. Түркі тілдерінің, тіпті, жалпы алтай тілдерінің тарихын зерттеушілер өте көне дәуірде екпін түскен буыннан кейін айтылған жіктеу есімдіктері бара-бара өзінен бұрын тұрған, негізгі логикалық екпін түскен сөздің энклитикасына айналған дейтін пікірі бекерге шықты.

Түйін сөздер: тәуелдік жалғаулары, грамматикалық мағына, грамматикалық форма, жіктеу есімдіктері, тұжырым.

B. Sagyndykuly*, B. Kulzhanova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: berikbay.sagyndykuly@mail.ru

The emergence and formation of affixes of belonging in the Turkic languages

The endings of the membership form have three different grammatical meanings: 1) the meanings of the nominative case, 2) the dependent meaning, 3) the external meaning. These three different grammatical meanings did not immediately appear in this language category. It is known that they gradually gained a foothold. In this article, on a scientific basis, answers the questions of how each of them was formed. New searches, discoveries made recently, made it possible to draw new conclusions.

The grammatical category denoting who is the property of this or that object, thing, is called the category of belonging. Its special forms, which add the meaning of belonging to a word, are called endings of the membership form. In Turkology, there is a wide variety of views on how the endings of the form of belonging were born and developed, what changes have undergone, what is the history of formation in general. It is known that scientists have researched a lot and considered this topic from different angles. They, in turn, got acquainted with the assumptions of various scientists and made their own conclusions. Often, opinions of each other contradict each other. There are neither those who correspond to reality, nor those who have departed from reality. The author of the article analyzes all these opinions, offers his fresh thoughts, fresh conclusions. Since each discovery is revealed on the basis of specific facts, it is logically convincing.

Key words: affixes of belonging, grammatical meaning, grammatical form, personal pronoun, conclusion.

Б. Сағындықұлы*, Б. Құлжанова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

*e-mail: berikbay.sagyndykuly@mail.ru

Возникновение и формирование аффиксов принадлежности в тюркских языках

Окончания формы принадлежности имеют три разных грамматических значения: 1) значение именительного падежа, 2) зависимый смысл, 3) сторонний смысл. Эти три разных грамматических значения не сразу появились в этой языковой категории, как известно, они закрепились постепенно. В данной статье на научной основе рассматриваются вопросы, каким образом сформировались каждые из них. Новые поиски, открытия, сделанные в последнее время, дали возможность сделать новые выводы.

Грамматическая категория, обозначающая, кто является собственностью того или иного предмета, вещи, называется категорией принадлежности. Его специальные формы, которые добавляют значение принадлежности слову, называются окончаниями формы принадлежности. В тюркологии существует большое разнообразие взглядов на то, как зарождались и развивались окончания формы принадлежности, какие изменения претерпели, какова история формирования в целом. Известно, что ученые много исследовали и рассматривали эту тему с разных сторон, знакомились с предположениями других ученых и сделали свои выводы, часто противоречивые. Однако, нет ни тех, кто соответствует действительности, ни тех, кто отошел от реальности. Авторы данной статьи анализируют все эти мнения, предлагают свои свежие мысли, выводы. Поскольку каждое открытие происходит на основе конкретных фактов, оно логически убедительно.

Недавние комплексные научные исследования показали, что старое представление о том, что «личные местоимения являются основой притяжательных окончаний», неверно. Исследователи истории тюркских языков, и даже алтайских языков в целом, утверждали, что личные местоимения, которые в древности произносились после ударного слога, постепенно превратились в энклитику слова с основным логическим ударением.

Ключевые слова: аффиксы принадлежности, грамматическое значение, грамматическая форма, личное местоимение, вывод.

Кіріспе

Тәуелдік жалғауларының қай варианты алсақ та, әрі тәуелдік, әрі жақтық мағына береді. Тарихи тұрғыдан келгенде тәуелдік жалғаулары әуелден әрі тәуелдік, әрі жақтық мағына берген бе, әлде алғашқыда грамматикалық тәуелдік мағына бір бөлек, жақтық мағына бір бөлек болып, кейіннен бір-біріне сіңіскен бе? Бұл мәселе бүкіл тюркологияда күн тәртібіне қойылған емес. Осы себепті мүмкіндігінше осы сұрақтың дұрыс жауабын табуға талпынып көреміз.

Мәселе мынада: тәуелдік жалғауы түркі тілдерінде әуелден бар еді. Ол нақты фактілер негізінде *-ун формасында бұрынғы қалпына келеді. Бұлардан қазіргі қазақ тілінде -ын/-ін тұлғалары пайда болған. Ежелде тәуелдік жалғауының жақтық мағынасы да, жақтық формалары да болмаған. Тәуелдік жалғауы үшінші жағының көне формасы деп жүргеніміз де осы *-ун. Жақтық нышандар, сөз жоқ, жіктеу есімдіктерінің тікелей әсерінен қалыптасқан. Екі грамматикалық мағынаның 1) тәуелдік, 2) жақтық мағынаның бір-біріне сіңісуі осы

екі құбылыстың үнемі тығыз байланыста болғандығынан.

Жақтық мағынаға ие болғандықтан, көне тәуелдік жалғауының сыртқы пішіні бірінші жақ пен екінші жақта фонетикалық өзгеріске ұшыраған болса, үшінші жақта ғана бұрынғы қалпын жартылай сақтап қалған.

Эксперимент

Тәуелдік жалғауы -ын/-ін болса, ол өзіне неліктен жақтық мағыналарды қосып алған? Жекеше түрінде не себепті I жақта – -ым, II жақта – -ың, III жақта – -ы болып өзгеріске ұшыраған? Жан-жақты әр тарапты зерттеулер мынадай қорытынды жасауға мүмкіндік беріп отыр: тәуелдік мағына беретін тәуелдік жалғауының ежелгі дәуірде бір ғана формасы болған. Ол – *-ун. Диахрония дәуірінде бірыңғай қатаң дауыссыздар мен бірыңғай жуан дауыстылар өмір сүріп тұрған кезеңде, ең алдымен, еріндік у дауыстысы езулік ы дауыстысына ауысқан: у>ы. Мысалы, *балұқ>балық* (қала), *улұғ>улығ* (ұлы), *оғұл>оғыл* (ұл), *уруш>урыш* (ұрыс) т.б. Ұяң дауыссыздар мен жіңішке дауыстылар пайда болған

кезеңде у>ү-ге, ы>і-ге жіңішкерген. Қазақ тілінде осылайша -ын/-ін варианты қолданысқа түскен. Яғни -ун/-үн>-ын/-ін. (Сағындықұлы Б., 2005: 178).

Ежелгі дәуірде тәуелдік жалғауының бір ғана формасы болған болса, қазіргі дәуірде тәуелдік мағынамен қатар жақтық мағына беретін үш бірдей формасы бар. Екі түрлі грамматикалық мағына бір-біріне қалай қабысып, сіңіскен?

Тәуелдік жалғаулары қалай пайда болған деген сұраққа түркологтар әр түрлі жауап қайтарады. Бірақ олардың басты мәселе бойынша пікірі бірдей: бір ауыздан тәуелдік жіктеу есімдіктерінің энклитикаға айналуынан шыққан деп есептейді. Әр жалғау нақты алғанда қандай жолдармен қалай қалыптасқан? Бұл жайында екі түрлі болжам бар.

Н.К. Дмитриев В.В. Радловтың пікіріне сүйене отырып тәуелдіктің жекеше I жағы -м мен жіктеу есімдігінен, II жағы -ң сен жіктеу есімдігінен шықты деп болжамдайды. Бірінің соңғы, екіншісінің басқы дыбыстары қысқаруы табиғи жағдай екендігін якут тіліндегі басқы дыбысы қысқарған ең (сен) жіктеу есімдігінің болуымен түсіндіреді. Көрнекті тіл мамандарының бірі А.М.Щербак та осы пікірді қостайды. Оның ойынша, *ман, саң, ын~ін* архетиптері тәуелдік жалғауларына негіз болған (Щербак, 1977: 76-78). Кестеге түсірілік:

Ежелгі дәуірде	Қазіргі дәуірде
I қол ман	I қол(ы)м
II қол сан	II қол(ы)ң
III қол ын	III қолы

Тәуелдік категориясының мұндай жолмен пайда болуы мүмкін емес. Себебі, түбірде де, жіктеу есімдіктерінде де (бұл сипатта) тәуелдіктің грамматикалық мағынасын тудыратындай белгі жоқ. Сонымен қатар I, II жақтарда ы қыстырма дыбысы қалай пайда болды деген сұрақ та жауапсыз қалады. Екі сөз қабыса байланысса болды тәуелдік мағына шыға бермейді.

Кейінгі буын зерттеушілерінің бірі В.Д.Аракин бұл болжамға күмән келтіреді. Мен есімдігінің құрамындағы дыбыстар соңынан басына қарай элизияға ұшырап, ықшамдалса, керісінше, сен есімдігі құрамындағы дыбыстар басынан соңына қарай ықшамдалған. Бұлай болуы мүмкін бе, деп сұрақ қойып алады да, өзі былайша жауап қайтарады: «Оказавшись в положении аффиксальных морфем и приняв на себя второстепенное ударение, эти морфемы стали

упрощаться в фонетическом отношении, при этом второстепенное ударение падавшее на второй слог аффиксальных морфем, по видимому допускало выпадение первого слога притяжательного аффикса, т.е форма *мениң* сокращается до одного -м как результат губной ассимиляции н>м под влиянием начального -м, а форма санин – сокращается до -ң».

Бұл жағдайда ілік септігінде тұрған *менің, сенің* есімдіктері басынан аяғына қарай қысқарады. Бірақ ол үшін *мениң* есімдігі ежелгі дәуірде-ақ *меним* болып үлгеруі қажет. *Меним* формасы аймақтық дәрежеде ғана. Бүкіл түркілік сипатқа ие болмағандықтан бұл пікір де қисынға келмейді.

В.Котвич түркі тілдеріндегі тәуелдік жалғауының үш жағы да ілік септігі жалғанған жіктеу есімдіктері негізінде пайда болған деп санайды. Осы мәселемен арнайы шұғылданған Ш.Х.Ақбаев та соңғы пікірді дұрыс деп табады. Кестеге түсіргенде былай болып шығады:

Ежелгі дәуірде	Қазіргі дәуірде
I қол маның	I қол(ы)м
II қол саның	II қолың

В.В. Радлов, Н.К.Дмитриев, А.М.Щербак т.б пікірлерінен мұның басты айырмашылығы – жіктеу есімдіктерінің ілік септігінде тұратындығы. Рас, мұндай жағдайда, тәуелдік мағынасы пайда болады. Бірақ көптік мағына беретін *біз, сіз* жіктеу есімдіктерін қайда қоямыз. Оларға ілік септігі жалғанбағанба? Жалғанса, *қол бизің, қол сизің* болуға тиіс емес пе? Бұл ретте тәуелдік жалғауы қалайша *қолымыз, қолыңыз* болып өзгерген? Оның үстіне бірінші жақта себепсізден себепсіз ы қыстырма дыбысы пайда болуы керек. Бұл болжам да мәселені оң шеше алмайды. Сонда аталған тәуелдік жалғаулары қазіргі күйге келу үшін қандай жолдардан өткен?

Оқығандардың ойында қалу үшін түркі тілдерінде тәуелдік жалғауының алғашқы формасы ретінде -ун (варианттары – -ын, -үн, -ін) тұлғасының қызмет еткендігін, ежелде мұның жақтық мағыналары да, жақтық формалары да болмағандығын, тәуелдік жалғауының үшінші жағының көне формасы деп жүргеніміз де осы – -ун (-ын, -үн, -ін) екендігін әлденеше мәрте қайталап жазғанбыз. Енді тәуелдік жалғауының өзіне жақтық мағыналарды қалай, қандай жолмен қосып алғандығын айқындап, анықтап беруіміз қажет.

Соңғы кездегі жан-жақты ғылыми зерттеулер түркологияда әбден қалыптасқан «тәуелдік жалғауларының арғы негізі – жіктеу есімдіктері» дейтін ескі пікірдің жаңсақ екендігін көрсетті. «Түркі тілдерінің тіпті жалпы алтай тілдерінің тарихын зерттеушілер өте көне дәуірде екпін түскен буыннан кейін айтылған жіктеу есімдіктері бара-бара өзінен бұрын тұрған, негізгі логикалық екпін түскен сөздің энклитикасына айналған дейтін пікірі» (Томанов М., 1988: 141) де бекерге шықты. Жіктеу есімдіктерінің тәуелдік жалғауына елеулі ықпал етіп, сыртқы пішінін өзгерткені рас, бірақ олардың өздері (*мен, сен, сіз, ол, біз*) ешқашан тәуелдік жалғауларына айналмаған. I жақта тәуелдік мағына беретін *-ын/-ін* формасының соңғы дыбысы *н* ілік жалғаулы *менің* есімдігінің алғашқы дыбысы *м*-нің әсерінен *м*-ге айналған. Дыбыс үндестігі заңының ықпалынан пайда болған *м* дыбысы бірте-бірте тұрақтанған. Бұрын «менің қолым» деген тіркес *қолын маниң* болса, үндесу себебінен *қолым маниң* болған: *-ын>-ым*. «Менің» есімдігінің лексикалық мағынасы әбден дерексізденіп, I жақтық мағына ретінде жаңадан пайда болған *-ым* формасына бекіген. *-ым* формасына әрі тәуелдік, әрі бірінші жақтық мағына сіңіскеннен кейін «менің» есімдігін тіркестеріп айтудың да қажеті болмай қалады. «Қолым менің» деп айтудың орнына «қолым» деп айтса да түсінікті болатын дәрежеге жетеді. II жақта тәуелдік мағына беретін *-ын/-ін* формасының соңғы дыбысы *н* ілік жалғаулы *сенің* есімдігінің соңғы дыбысы *ң*-нің әсерінен *ң*-ге айналған. I жақта дауыссыз дыбыстар бір-біріне жақыннан тікелей әсер етсе, II жақта алыстан, әлсіздеу болса да, ықпалдасқан, бір-бірімен қиысып, үйлескен. Дауыссыз дыбыстардың алыстан ықпал ету құбылысы тіл тарихында бар. Мысалы, «Кодекс куманикус» ескерткішінде «менің» деудің орнына – *мен+им*. С. Аманжолов батыс диалектілерінде ілік септігінің *-ым/-ім* формасында келетіндігін атап көрсеткен еді. Бұл құбылыс ғылыми әдебиеттерде ерін үндестігі деп аталады.

Екінші жақтағы *н*-нің *ң* болып өзгеруіне етістіктің шартты райы жіктелу үлгісінің де қосқан үлесі бар сияқты. Ол әуелі ауызекі тілде *барса мен>барса+м, барса сан>барса+н* болып айтылады. Соңғы ен буынына екпін түспегендіктен және үнемдеу заңының әсерінен *барса мен-нің барсам* болып ықшамдалуы дәлелдеуді қажет етпейтін шындық. *Барса сан* тіркесін алсақ, сөз ортасында екі «са» бунағы айтылуға қиындық келтіргеннен кейін, гапло-

логия заңына орай, біреуі қысқарғанға ұқсайды. *н* сонорының тіл-тілде *ң*-ге айналуы етістіктің шартты райынан да сырт айналып кетпеген: *барсан>барсаң* үлгісінде қалыптасқан. Осылайша *ң* екінші жақтың көрсеткіші есебінде тілде бекіген-ді. Тәуелдіктің I, II жақ жалғаулары мен шартты райдың I, II жақта жіктелу үлгісінің ұқсас болуында қалайда байқала бермейтін бір сыр бар. Тілде тәуелдік жалғауларына қарағанда жіктік жалғауларының көбірек қолданыста болатынын ескерсек, шартты райдың жіктелуінің бұрынырақ қалыптасуы және өзге категорияларға ықпал жасауы заңды.

Өте ежелгі замандарда анықтауыш анықталатын сөзден кейін тұрған (*ай жарық, кеш жарық, таң жарық, алтын сары, ай сұлу, күн сұлу* т.б.). Мұндай құбылысты түркологияда алғаш рет байқаған ғалым – проф. Құдайберген Жұбанов. Ол былай деп жазады: «Наличие сочетания күн ұзаққа позволяет полагать, что в казахском языке некогда имел место чуждый теперешним нормам порядок слов, по которому определение не предшествовало определяемому, пережитком чего и является данное сочетание. В противном случае нельзя было бы объяснить причину подобного расположения слов». Олай болса, анықтауыш ретінде жіктеу есімдіктерінің тәуелдеулі сөзден кейін тұруы – тарихи факт. Жіктеу есімдіктерінің әрқашан баяндауыш бола алатын сөзден кейін тұратындығы да ескі заманғы морфологиялық құрылымның басқаша түзілгендігінен хабар береді. Біз өз тарапымыздан тәуелдік жалғауларының қалай пайда болғандығы туралы мынадай жаңа ғылыми болжам ұсынамыз. Ол үшін тарихи ескерткіштерде ұшырайтын қойун (қазіргі қазақ тілінде – қой) зат есімін тәуелдеп көрелік:

Өте ежелгі дәуірлерде:	Ежелгі дәуірлерде:	Қазіргі дәуірде:
I қойун маның	I қойым маның	I менің қойым
II қойун саның	II қойың саның	II сенің қойың
III қойун аның	III қойы аның	III оның қойы

Кестеден көрініп тұрғанындай, өте ежелгі дәуірлерде «қойун маның», «қойун саның», «қойун аның» тіркестері тәуелдік және жақтық мағыналарды еркін жеткізген. «Қойун» ешқандай өзгеріске түспей тұр. Мұндағы *ун* – есім көрсеткіші әрі атау септігінің көне формасы. Бұл формантқа «маның», «саның», «аның» жіктеу есімдіктерінің арқасында тәуелдік және жақтық мағына жамалады. Ауызекі сөйлеу

тілінің әсерінен I жақта -ун-ның -ым-ға, II жақта -ун-ның -ың-ға өзгеруі, III жақта -ун-ның соңғы н дыбысы түсіріліп айтылуы атау септігі формасының тәуелдік жалғауы формаларына айналуына жағдай жасайды. Ауызекі сөйлеу тілі арқылы қалыптасқан I жақ -ым, II жақ -ың, III жақ -ы формалары үш бірдей грамматикалық мағынаны – 1) атау септігі мағынасын; 2) тәуелдік мағынаны; 3) жақтық мағынаны бойына әбден сіңіргеннен кейін тұрақтанады. Бірте-бірте «маның», «саның», «оның» жіктеу есімдіктерінің тіркесуін қажет етпейтін болады. Анықтауыш анықталатын сөзден кейін тұратын бағзы заманғы морфологиялық-синтаксистік құрылым өзгеріп, анықтауыш анықталатын сөздің алдына көшкенде, басқаша айтқанда, ескі жүйе жаңа жүйеге орын бергенде тәуелдік жалғаулары сапа жағынан жетіліп, өз алдына тәуелсіз категорияға айналады. Қазақ тілінде а~о сәйкестігі бар: *апат>опат, адыраю>одыраю, жаңқа>жоңқа, тат>тот* т.б. Осы заңдылыққа орай тілімізде көне түркілік аның есімдігі оның болып өзгеріске ұшыраған.

Тәуелдік, ілік жалғауларының (екеуінің де көне формалары -ун/ин, -ын/-ін, ежелден бар екендігі мойындалған кезде жақтық формалардың шығуы жоғарыда түсіндірілгеніндей оп-оңай дәлелденіледі. Ал тәуелдік тікелей жіктеу есімдіктерінен шықты деу – қисынсыз болжам. Б.А.Серебренников бұл туралы ашық айтады: «Личные местоимение в постпозиции никогда не способно выступать в функции притяжательного местоимения «мой, твой» и т.д.» (Серебренников, Гаджиева, 1986: 99.). Ол тек жақтық көрсеткіштердің қалыптасуына ғана әсер етті. Әуелде өз алдына тәуелсіз, дербес өмір сүрген грамматикалық тәуелдік мағына мен жіктеу есімдіктеріндегі грамматикалық жақтық мағына бір-біріне ажырамастай болып, сіңіскеннен кейін арнаулы тәуелдік жалғауларын берді. Демек, ілік септігінің мағынасы қандай ежелгі болса, жақтық категорияға ие болғанға дейінгі тәуелдік мағынасы да сондай ежелгі. Б.А.Серебренников тіпті тәуелдік жалғаулары ілік септігінің жалғауларынан бұрын болған деп есептейді: «Совершенно очевидно, что система притяжательных аффиксов возникла значительно раньше формы родительного падежа» (Серебренников Б.А., Гаджиева, 1986: 99.).

Нәтиже мен талқы

Тәуелдік жалғауларының этимологиясын ашуға В.В. Радлов, Н.К. Дмитриев, А.М. Щербак, В.Д. Аракин, В. Котвич, Ш.Х. Ақбаев сияқты ірі түркологтар атсалысты. В.В. Радлов пен Н.К. Дмитриев «түбірге мен, сен жіктеу есімдіктерінің қабыса тіркесуінен тәуелдік жалғауының I және II жақтық формалары пайда болды» дейді. Бұл пікірге А.М. Щербак та қосылады. Біріншіден, жіктік жалғаулары түбірге қабыса байланыса болды, одан тәуелдік мағына шықпайды. Екіншіден, түбір мен жіктік жалғауларының арасында кенеттен ы немесе і сына дыбыстары пайда болуының себебі түсіндірілмейді. Үшіншіден, мен жіктеу есімдігінің соңғы екі дыбысы жойылып кетеді де, керісінше, сен жіктеу есімдігінің алғашқы екі дыбысы жойылып кетеді. Бұл қандай заңдылыққа негізделген?

В.Д. Аракин осы соңғы тұжырымды қисынсыз деп табады. Жіктеу есімдіктерінің яки екі соңғы дыбысы, яки алғашқы екі дыбысы қысқару керек. Ол түшін мен жіктеу есімдігі меним тұлғасында тұруы қажет дейді. Бірақ бұл пікір де түркологтардан қолдау таба алмады.

В. Котвич тәуелдік жалғауларының үш жағы да ілік септігі жалғанған жіктеу есімдіктері негізінде пайда болады деп есептейді. Мұны көрнекті түрколог Ш.Х. Ақбаев та дұрыс деп табады. Бірақ бұл ретте де түбір мен жіктеу есімдіктерінің арасында сына, қыстырма дыбыс өз-өзінен пайда болады. Мұндай көрініс те тіл заңдылығына қайшы келеді.

Мақаламызда бұрынғы зерттеушілердің қате тұстары көрсетіліп, тәуелдік жалғауларының пайда болуы мен қалыптасуы туралы жаңа этимология ұсынып отырмыз.

Қорытынды

Тәуелдік категориясында тарихқа белгісіз аса ежелгі дәуірлердежақтық мағынасы да, жақтық жалғаулар да болмаған. Атау септігінің формасы ун >ын/ ін жіктеу есімдіктерінің ықпалымен бірте-бірте жіктік жалғауларына айналған. Жіктік жалғаулары тікелей жіктеу есімдіктерінен пайда болды деген пікір жаңсақ. Атау септігі формасының тәуелдік жалғауының жақтық мағыналарына қалай айналғандығы мақалада толық баяндалады.

Әдебиеттер

- Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 258 б.
Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. – Ленинград: Наука, 1977. – 211 с.
Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. – Алматы: Мектеп, 1988. – 264 б.
Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., Наука, 1986. – 304 с.
Қазақ грамматикасының өзекті мәселелері. – Алматы: Кіе, 2007. – 310 б.
Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1962. – 265 с.
Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – М., 1957. – 248 с.
Сағындықұлы Б. Қазақ тілінің тарихы. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 145 б.
Сағындықұлы Б. Таңдамалы туындылар. – Алматы: Үш қиян, 2009. – 318 б.
Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Ленинград: Наука, 1970. – 290 с.

References

- Baskakov N.A. (1962) Vvedeniye v izucenie turkskih yazikov. [Introduction to the study of the Turkic languages.] Moskva: Visshaya shkola, 265 p. (In Russian).
Qazaq grammatikasinin ozekti meseleleri (2007). [Topical issues of Kazakh grammar.] Almaty: Kie, 310 p. (In Kazakh)
Ramstedt G.I. (1957) Vvedeniye v altaiskoye yazikoznanie. [Introduction to Altai Linguistics.] Moskva: 248 p. (In Russian).
Sagyndyquly B. (2005) Qazaq tili leksikasi damuinin etimologiyalik negizderi. [Etymological bases of development of vocabulary of the Kazakh language.] Almaty: Qazaq universiteti, 258 p. (In Kazakh)
Sagyndyquly B. (2011) Qazaq tilinin tarihi. [History of the Kazakh language.] Almaty: Qazaq universiteti, 145 p. (In Kazakh)
Sagyndyquly B. (2009) Tandamali tuindilar. [Selected works.] Almaty: 318 p. (In Kazakh).
Serebrennikov B.A., Gadjeva N.Z. (1986) Sravnitelno-istoriceskaya grammatika turkskih iazikov. [Comparative-historical grammar of the Turkic languages.] M., Nauka. 304 p. (In Russian).
Sherbak A.M. (1970) Sravnitel'naya fonetika turkskih yazikov. [Comparative phonetics of the Turkic languages.] Leningrad: 290 p. (In Russian).
Sherbak A.M. (1977) Otcerki po sravnitelnoi morfologii turkskih iazikov. [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages.] Leningrad: Nauka, 211 p. (In Russian).
Tomanov M. (1988) Kazak tilinin tarihi grammatikasi. [Historical grammar of the Kazakh language.] Almaty: Mektep, 246 p. (In Kazakh).

Л.Е. Салжанова* , Е.М. Мауленова

Казахский университет международных отношений и мировых языков
им. Абылай хана, Казахстан, г. Алматы,

*e-mail: lal_salshan@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОНЦЕПТ» И «МИР»

В статье обсуждается проблема личностного формирования картины мира лица и представляется широкий спектр определений понятий «концепт» и «мир» в сочетании как «концепт мира». Необходимость рассмотрения давно знакомых понятий связана с их современной интерпретацией в различных аспектах лингвистических знаний. В наше время научно-исследовательская трактовка многих концептов приобретает другой уровень языкового общения. Это объясняется, с одной стороны, упорным вхождением медиасведений и динамикой развития содержательной стороны концепции в любую сферу науки, и с другой стороны, поступлением иностранной литературы в отечественную отрасль по этой или другой специальности. Поэтому в работе используются опыты иностранных коллег и, в том числе, немецких языковедов, интерпретируются их точки зрения с целью углубления и актуализации познавательной стороны исследования. Репрезентация языковой реальности, процесс познания, образ сознания человека обсуждаются на основе лексических материалов, семантических полей и/или концептов «концепт» и «мир». С совершенствованием когнитивной лингвистики и ее смежных дисциплин происходят также изменения парадигм, для уточнения которых мы прибегаем к сведениям авторитетных словарей, лексиконов и других источников. Каждая языковая единица, включенная в статью, имеет непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам и может быть перепроверена любым исследователем или интересующимся данным отрезком филологической сферы. Вместе с тем свое отражение находит проблема соотношения понятий концептуализации, категоризации в нашем видении и в понимании зарубежных ученых.

Ключевые слова: концепт, значение, познание, образ мышления, когнитивная реальность.

L.E. Salzhanova*, E.M. Maulenova

Ablai Khan Kazakh University of International Relations
and World Languages, Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: lal_salshan@mail.ru

Correlation of concepts "concept" and "world"

The article discusses the problem of the personal formation of an individual's worldview, and it presents a wide range of definitions of the idea's "concept" and "world" in combination with the "concept of the world". The need to consider long-familiar concepts is associated with their modern interpretation in various aspects of linguistic knowledge. In our time, the research interpretation of many concepts is acquiring a different level of linguistic communication. This is explained, on the one hand, by the persistent entry of media information into any field of science and the development dynamics of the content side of the concept. On the other hand, by the flow of foreign literature into the domestic industry in this or another specialty. Therefore, the work uses the experiences of foreign colleagues, including German linguists, interprets their points of view to deepen and actualize the cognitive side of the study. Representation of linguistic reality, the process of cognition, the image of a person's consciousness are discussed based on lexical materials, semantic fields and/or ideas of "concept" and "world". With the improvement of cognitive linguistics and its related disciplines, paradigm changes also occur, to clarify which we resort to the information of authoritative dictionaries, lexicons and other sources. Each language unit included in the article is directly related to the discussed issues, and it can be rechecked by any researcher or interested in this segment of the philological sphere. At the same time, the paper reflects on the problem of correlating the notions of conceptualization, categorization in our vision and the perception of foreign scientists.

Key words: concept, value, process of cognition, way of thinking, cognitive reality.

Л.Е. Салжанова*, Е.М. Мауленова

Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
*e-mail: lal_salshan@mail.ru

«Концепт» және «әлем» ұғымдарының қатынасы

Мақалада тұлға болмысы әлпетінің өзіндік қалыптасу мәселесі қарастырылады және «концепт» пен «әлем» ұғымдары «әлем көрнісі» тіркесі негізінде қомақты түрде анықталады. Ертеректен таныс терминдерді қарастыру қажеттілігі оларды лингвистика ілімдерінің біршама аспектілерін жаңаша баяндау себебімен байланысты. Қазіргі таңда көптеген концептілердің ғылыми қайта зерттелуі тіл қатысылымының жаңа деңгейге ие болуынан туындап тұр. Бұл, бір жағынан, бұқаралық ақпарат құралдарының кез келген ғылым салаларында орын табуымен және көптеген концептілердің мағыналық тұрғыдан үздіксіз даму себебімен, ал екінші жағынан, шетел әдебиетінің қандай да бір отандық ғылым саласы мазмұнына енуімен түсіндіріледі. Сондықтан берілген еңбекте шетелдік әріптестердің, соның ішінде неміс тіл білімі мамандарының тәжірибелері мейлінше пайдаланылады, зерттеудің танымдық жағын тереңдету және өзектендіру мақсатында олардың көзқарастары мазмұндалады. Тілдік шындықты бейнелеу, таным үрдісі, адам ойының бейнесі «концепт» және «әлем» концептілері лексикалық материалдар және семантикалық өріс негізінде талқыланады. Когнитивтік лингвистиканың және онымен туыс пәндердің ары қарай жетілдірілуімен олардың парадигмаларында да өзгерістер орын алады, сол себепті оларды нақтылау үшін біз беделді сөздіктердің, лексикондардың және басқа да дереккөздердің ақпараттарына жүгінеміз. Мақалаға енген әрбір тілдік бірліктің біз талқылап отырған мәселеге тікелей қатысы бар және кез келген зерттеуші немесе филология саласының осы бөліміне қызығушылық танытқан ғалым қайта тексере алады. Сонымен қатар концептуализация, категоризация ұғымдарының арақатынасы мәселесі біздің болжамдауымызда және шетел ғалымдары түсінігінде өз көрінісін табады.

Түйін сөздер: концепт, семантикалық өріс, лексикалық мағына, ойлау бейнесі, когнитивті шындық.

Введение

В современном изучении языка имеется очень много изменений и новизны и в то же время обобщений и обновлений знакомых направлений. Даже давно знакомые аспекты в филолого-лингвистической науке приобретают в связи с преобразованиями основных категорий и с семантическими изменениями иные принципы и подходы. Потому что язык и его единицы стали частью корпусной науки и когнитивной системы, с помощью которых человек приобретает знание, воспринимает сообщение разного рода, обрабатывает или перерабатывает информации, осмысливает разности жизни, сравнивает, собирает и запоминает в памяти необходимые данные, образует и формирует своеобразные модели. Непосредственное участие языка в этих процессах вытаскивает из сознания и глубинных слоев памяти человека в зависимости от его осведомленности и компетенции специальные или неспециальные, уникальные или универсальные картины. Все это служит источником для формирования и выражения картины мира, превращая отдельные события в коллективное представление и общее достояние. Восприятие мира происходит разными путями и способами, и его

результаты описываются и интерпретируются носителем или носителями даже одного и того же языка по-разному, но все же для всех имеется определенная система выявления его основных признаков и характеристик.

Картина мира (языковая картина мира) отражается в ключевых словах – концептах. Термин «концепт» в лингвистике и старый и новый одновременно. Концепты или термин «концепт» исследовали такие учёные, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, С.Е. Никитина, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина, В.И. Карасик и ряд других немецких, английских, американских ученых (см. в списке литературы). Несмотря на многие старания относительно данного понятия, имеются в его применении и понимании на традиционно распространенной практике пробелы. С дальнейшим развитием той же когнитивной лингвистики требуются от специалиста иные компетенции, ставятся современные задачи, изучаются новые подходы, повышаются уровни языковой личности и многое другое. С ними и с изменениями парадигм связана эффективность рассмотрения и переосмысления многих понятий. Когнитивно-лингвистические основы этих парадигматических изменений во многих случаях систематизируются и посредством немалых

материалов и теоретических разработок, передаются для использования в практике. В этой связи мы применяем местоимение «мы», так как многое было до нас изучено и тысячу раз пересмотрено. Исходя из этой точки зрения мы выбрали на начало «Большой энциклопедический словарь», в котором дается следующее определение концепта: «Концепт (от лат. *conceptus* – мысль, понятие) – смысловое значение имени (знака), то есть содержание понятия, объект которого есть предмет имени. (Например, смысловое значение имени Луна – естественный спутник Земли)» (БЭС, 2002: 348).

Эксперимент

Многие студенты старшего курса, магистранты, докторанты, а также преподаватели для выяснения того или иного понятия прибегают к различным справочникам, то есть к *Nachschlagebücher*. Знающий или владеющий немецким языком при произнесении или услышании данного сложного слова не воспринимает его как справочника, а как собрание нескольких словарей, лексиконов, источников и так далее, так как в его основе лежит «книги для перелистывания». Возможно, и поэтому ни один немец или имеющий отношение к немецкому языку, не будет ограничиваться одним словарем или его подобным. С другой стороны, такое «перелистывание» и есть привычка, заложенная в характер немца.

Необходимо признать, что ряд словарей немецкого языка представляет похожие сведения, в то же время и имеются различающиеся друг от друга данные: 1 Этимологические данные: *Das Konzept lateinisch conceptus = das Zusammenfassen* (обобщение, резюмирование), zu: *concipere, konzipieren* (Etymologisches Wörterbuch, 1989: 173)

а) *Entwurf* план, проект, набросок), *Exposé* (проспект, эскиз, изложение), *Rohentwurf* (черновой набросок, например, черновой вариант закона), *Rohfassung* (сырой, то есть черновой вариант), *Rohschrift* (черновик; набросок), *Schema* (схема, карта-схема), *Skizze* (эскиз); (*schweizerisch-швейцарский вариант*) *Sudel* (черновик); (*landschaftlich-территориальное применение*) *Kladde* (черновая тетрадь, книжка);

б) *Kurs* (курс, направление), *Plan* (план, замысел), *Programm* (программа, план работы), *Vorgehensweise* (порядок действий; принцип, подход; способ изучения); (*umgangssprachlich-разговорный вариант*) *Fahrplan* (расписание, график движения) и ряд значений слова (авторами

даются оптимальные варианты переводов, так как многие единицы многозначны и их переводы повторяются);

а) *skizzenhafter, stichwortartiger Entwurf* (эскизный; набросанный; краткий, в нескольких словах), *Rohfassung eines Textes* (формулировка; содержание текста в сыром виде), *einer Rede* (набросок выступления/доклада/речи) и другие;

б) *klar umrissener Plan* (в общих чертах набросанный план), *Programm für ein Vorhaben* (программа, план мероприятия; программа для одного намерения);

в) *Idee* (идея, план, намерение), *Ideal* (идеал; заветная цель); *aus der Wahrnehmung abstrahierte Vorstellung* (из восприятия извлеченное представление) и многое другое. (*On-line-Duden-Wörterbuch; Duden Wörterbücher 2012: 321*)

К тому же имеется для данного понятия, машинально извлеченная лексика (корпора) из словаря *Grosses Taschen-Lexikon In 24 Bänden* (*Taschen-Lexikon, 2006: 178*):

а) *Begriff* (понятие), соответственно *Grundbegriff, Zentralbegriff* (основное, центральное понятие), б) *Allerweltsidee (banales Konzept)* (банальный концепт «идея всего мира»), в) *Auffassung* (взгляд, мышление, охват мыслей), г) *Gedanke* (мысль), д) *Geschäftspräsentation* (презентация проекта предприятия), ж) *Idee* (замысел), з) *Konzernrichtlinien* (план-проспект концерна, предприятия), и) *Lösungsansatz* (способ, путь решения; подход к решению; принцип решения) и другие.

Приведенные сведения позволяют ясно и достоверно представлять информацию для понимания и определения дефиниции термина «концепт», что дает возможность не прибегать к различным обоснованиям. Однако завершить обсуждение тематики на этом этапе не позволено даже для начинающего исследователя. Следующие применения понятия «концепт» в выражениях всё больше эволюционируют его поле:

jemandem das Konzept verderben (испортить кому-либо дело, нарушить чьи-либо планы), в некоторых концептуальных отрезках данное выражение переводится также как «испортить кому-либо репутацию, испачкать лицо»; *jemanden aus dem Konzept bringen* (сбить с толку, привести в замешательство кого-либо; сбиться); *aus dem Konzept geraten* (потерять нить мысли); *das passt ihm nicht in sein Konzept* (ему не по нутру (не подходит), это его не устраивает) и другие. (*phraseologisches Wörterbuch, 1975: 650-656*)

П. Гэрденфорс пишет, что концепт (концепт категории) определяет «общие признаки разновидностей категорий, а их репрезентация и есть концепт». Например, концепт «РОЗА» – это ментальная репрезентация, определяющая категорию розы. Эта категория презентует со своей стороны общие признаки розы, то есть ее цвет (цвета), ее гештальт (образ), ее запах (изобилие запахов), ее формы существования и другие аспекты определения (Gärdenfors, 2000: 12), то есть ограничение одним отнесением розы в категорию «вид цветов» не достаточно, названный цветок должен «расцветать», «развёртываться».

Несмотря на разные констатации, нужно подчеркнуть, что с понятием «концепт» связаны различные еще не установленные и не выясненные проблемы. Поэтому мы будем развивать эту тему в представленной статье и в других работах на основе прочтения трудов последних лет, развивая мысли ученых-когнитивистов и особенно немецких исследователей, которые способствовали появлению идеи и переосмыслению понятий. В дальнейших работах анализ будет проводиться также с точки зрения дискурсивно-лингвистического исследования. Несомненно, в этом поможет нам и другим исследователям Online-ресурсы, Online-модули, das Digitale Lexikon (www.lexikon-mla.de), дополнительные источники, которых можно найти в сайтах www.multilingua-akademie.de. Кроме того, эти сайты предлагают объяснения и дефиниции важных терминов, профессионально-ориентированных понятий, делают доступными актуальные темы и проблемы лингвистики, представляют менеджмент преподавания и изучения языка, когнитивистику, когнитивную лингвистику, медиа-языки, культурологию, прикладные аспекты культуры и языка, разделы многоязычия, пропедевтику-введение в когницию и многое другое. Подобные вспомогательные средства содействуют оттачиванию знаний, развитию мысли, совершенствованию ментальных контекстов, созиданию языка и языковой личности, как говорил в свое время В. Фон Гумбольдт (см. ниже). Различные концепты всегда находят свои отражения в языке, даже вместе с ним транспортируются в зависимости от его окружения, дистрибуции. Язык позволяет также прояснить значение и применение того или иного понятия в определенном отрезке времени, но не может дать истинного положения вещей, то есть полного соответствия понимания в смысле «один к

одному». Такое же положение и касается понятия «концепт».

Результаты и обсуждение

Согласно философско-лингвистической программе Вильгельма фон Гумбольдта (Гумбольдт, 2000: 25-39), всякий язык в действительности находится в созидании, это созидание происходит благодаря способности человека, который может *обозначать* отдельные предметы и он формирует собственную картину мира и в дальнейшем для говорящего на нём народа. Данный народ определяет взаимоотношение языка и картины мира, не понимая свой вклад в развитие номинативной системы и в то же время содержательной стороны языка. Концептуальная картина мира или «модель» мира, в отличие от языковой картины мира, в постоянном изменении. На первый взгляд, концептом можно назвать даже лексическое значение слова, если учесть слова Гумбольдта «не важно, как назван предмет, важно то, что оно (слово) означает» (см. и ср. выше примеры). Цитирование классического тезиса американского лингвиста Рональда Лангакера имеет здесь также смысл. В нем говорится, что в статье словаря значение слова представлено «недостаточным, узким, далёким от когнитивной реальности» (Langacker, 1987: 76). Речь идет, на наш взгляд, об упущении из виду содержательной стороны памяти, единицы ментального лексикона, концептуальной системы «Geist, Verstand, Geisteshaltung; Einstellung des Denkens eines Menschen oder einer Gruppe von Menschen. Diese Einstellung bestimmt das Verhalten zur Wirklichkeit bzw. das individuelle oder kollektive Verhalten» (Meyers-Lexikon, 2012: 221-222), то есть «образ мыслей, понимание, ментальность; отношение мышления человека или группы людей. Данная позиция определяет отношение индивидуума, соответственно отношение отдельного лица или коллективное отношение к действительности» (интерпретация и перевод здесь и в дальнейшем авторов). Для понимания можно привести простейший пример из немецкого школьного лексикона «Schulhund(en)», концепт которого не воспринимается русским человеком. Для немецкого общества школьная собака это специально обученная и проверенная собака, которую используют в школах, чтобы дать детям опыт обращения с собаками. Есть даже мнения, что общение с ними помогают детям быстро адаптироваться в чужой среде, например

в общении с другими детьми. Использование школьных собак – Schulhund(en) или их присутствие предусмотрено образовательной концепцией школ, которая учитывает индивидуальные требования учащихся.

Лингвистика XXI века активно разрабатывает концепт языка, исходя из положения классиков В. Гумбольдта, Л. Виттгенштейна, Л. Вейсгерберера. Язык, мир языка интерпретируются как «дух народа», «интеллект народа», «мир и мировоззрение народа», а именно в смысле высказываний В. Гумбольдта «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения». «Различные способы видения предметов» (Гумбольдт, 1984: 156-180) также относятся мироощущению народа. Эти мысли Гумбольдта являются важным параметром в философии языка и для нас, потому что именно эти способы видения влияют на познания, которые приводят также к языковым различиям, различным концептам. Конечно, «существуют те или иные способы видения», писал Л. Виттгенштейн «существуют и случаи, когда тот, кто видит образец так, как правило, и применяет его таким образом, а тот, кто видит его иначе, и обращается с ним по-иному». По мнению Л. Виттгенштейна, языковое выражение адекватно отражает мир потому, что соотношение его элементов изоморфно представлению о том, что так «соотносятся друг с другом вещи». Философ определяет связь элементов картины как ее структуру, а «возможность такой структуры» представляется как «форма изображения», присущая данной картине (Виттгенштейн, 1973: 123-124). Лео Вейсгерберу удалось построить свою филолого-философскую идею или «geistige Welt-духовный мир», на уровне языкового познания мира при помощи всего одной реляции из четырех примеров «bitter – salzig – sauer – süß» (горький – соленый – кислый – сладкий). Нам все время кажется, что он даже с этими примерами не осторожничал, переходя от горького к сладкому, а не наоборот, потому что ему казалось, как и нам, истина где-то рядом, в этом познании, в этой цепочке, в быте, в этом концепте, потому что «всё действительное бытие определяется языковым бытием» и только потом становится «духовным миром человека» (Weisgerber, 1973: 11-12). «Промежуточный мир» между сознанием и действительностью, как и промежуточная категория передается языком. Поэтому он имеет огромное влияние на формирование духа народа, на создание концепта, созидание концепта мира, образует мыслительный «переход», ментальный «мост»: «An

die Suppe muss noch *eine Idee/ein wenig Salz*» (В суп необходимо добавить немного соли/Idee) говорит немец, не подозревая о том, что развивает философские мысли Л. Виттгенштейна или Л. Вейсгерберера; хорошо осведомленный и знающий свою личностную картину мира немец берет эту единицу развития своей фантазии, идеи. Слово «Idee» у немцев часто заменяет понятие «концепт», «мысль», «представление»: Er hatte die fixe Idee, dass ... – у него появилась навязчивая мысль. И в предыдущем предложении «не хватки соли в супе» (ein wenig Salz – чуточки соли) и есть в концептуальном плане «не хватка идеи, мысли». Или следующее выражение «jemandem das Leben sauer machen (или применение в разговорной речи versalzen) – портить, отравлять жизнь кому-л.; насолить кому-л., разрушить чей-то мир, где лексическая единица «Leben – жизнь» передает концепт «Welt – мир», то есть «diese Welt – (земная) жизнь» и др. (phraselogisches Wörterbuch, 1975: 650)

Такое положение лежит, в сущности, европейского исследования, где основной акцент делается на лексические исследования, в том числе на исследование когнитивной семантики. Поэтому концепт является у них сферой изучения прагматики, социолингвистики и переводоведения (в смысле «Übersetzungswissenschaft», то есть наука о переводе(-ax)), а также корпусной лингвистики. При этом они не забывают о варьировании не только значений, но и состава лексики. Специфика этого варьирования составляет существенную часть специфики языковых картин мира. В связи с этим можно говорить о когниции, о процессе познания, о процессе отражения сознанием человека окружающей действительности и о процессе преобразования этой информации в сознании. Все они взаимозаменяемы посредством языка и знаний, потому что «Menschliches Wissen besteht aus Begriffen und Beziehungen zwischen ihnen. Dieses Wissen ist austauschbar vermittelt der Sprache» (Klix, 1987: 9), то есть знание человека (в том числе и познание мира) состоит из понятий и отношений, или связи между ними. В данном случае речь идет о когерентности и соотношений концептов и слов (значений слов).

Рассмотрение примеров «подснежник», «бэйшешек» из книги З.К. Сабитовой (Сабитова, 2007: 320) на занятиях со студентами разных групп с разным уровнем знаний дает также удивительные результаты. При этом приследуется намерение доказать правоту В. Гумбольдта в том, что «разные языки – это не названия разных

явлений, а видение их по разному». Во-вторых, узнать какое ощущение может вызывать одно и то же явление у студентов, изучающие и говорящие на разных языках, вместе с тем берутся примеры и их переводы на немецком и английском языках: «Schneeglöckchen» или «Schneetropfen» и «snowdrop». Имеются разные мнения: например, почему Glöcke (колокол) – Glöckchen (колокольчик). Немец в цветке видел и видит форму колокольчика (из снега). Многим было ясно «подснежник», потому что цветок вырастает ранней весной из-под снега или выглядывает, и роль капель в английском сочетании была тоже более или менее ясна (порой и не ясна). А казахский вариант слова «бэйшешек» вообще не укладывался у них в голове. К тому же им не приходило в голову посмотреть этимологию слова «шешек» в значении «молодой», «юный», то есть появление цветка ранней весной и ее ассоциации. Казах был удивлен при виде названного цветка, а междометие «бей, бэй» в значении «ой» усиливал это удивление, то есть казах никогда не смотрел на форму, на внешний вид предмета, а на его сущность, суть, внутренность, внутренний мир. Вообще, «шешек» в казахском языке относится к категории, пласту ругательных слов в значении «желторотый», «шалолай», «молодо-зелено». Ругательные слова казахского языка часто (или почти всегда) носят позитивный оттенок несмотря на то, что они применяются для обиды другого или других. В казахском ментальном контексте была всегда боязнь «не навредить противоположенному лицу», как в примере «қараң қалсын» в смысле «пусть остается твоя тень, твой силуэт», то есть твоя жизнь на этом свете. У немца нет такой боязни, поэтому он говорит с уверенностью «Keine Angst vor Angst» (дословно: Никакого страха перед страхом), где слово «Angst» переводится как «страх, ужас, боязнь, тревога, беспокойство, испуг».

Концепт «Мир – Welt» и реальная действительность на самом деле разные понятия. Они объясняются с помощью выяснения особенностей отдельной культуры или отдельных культур, за которыми стоят языки. Поэтому отношение и связь между реальной действительностью и языком представляется следующим образом: реальный мир, язык, объект, феномен, слово. Следует отметить, что между ними существует некое связывающее звено, посредник, думающий человек.

В источниках современности можно найти слову «мир» очень много сведений, мы представляем для подтверждения и в то же время

для краткости содержательно – информативной стороны данного контента следующие единицы: «die Welt – мир, свет, вселенная, земной шар» – земля, жизненное пространство человека и оно трактуется, как: *die große, weite Welt* (огромный мир, широкая страна); *die [gesamte] damals bekannte Welt* (знакомый мир, общий мир, испокон веков знакомый мир); *Europa und die übrige Welt* (Европа и другие миры). Этот концепт может расширяться также за счет других средств, ближних и дальних периферий, как: *die Welt erobern* – завоевать мир, *die Welt beherrschen wollen* – захотеть владеть миром; *die Welt (viel von der Welt) gesehen haben* – видел (много из этого мира) мир; *auf der Welt* (например, *diese Briefmarke gibt es nur zweimal*) – на белом свете (подобная почтовая марка выпущена в мире только два раза); *allein auf der Welt sein (keine Angehörigen, Freunde haben)* – быть одиноким на белом (этом) свете (не иметь родственников, друзей); *er ist viel in der Welt herumgekommen* – обошел весь мир; *in der ganzen Welt bekannt sein* – быть знаменитым всему миру; *eine Reise um die Welt* – путешествие вокруг света; *nicht um die Welt (um keinen Preis) gebe ich das her* – ни за что (в белом свете) не дам и много другое.

Устойчивые слова, выражения, поговорки и пословицы, которые нашли свое постоянное место в системе словаря немецкого языка, пополняют концептуальную среду понятия «мир» (по нашим подсчетам имеются 283 единицы, при этом извлекались они только из перечисленных источников – словарей). Ниже представляем некоторые из них, извлеченные методом сплошной выборки:

die Alte Welt (Europa; eigentlich, die vor der Entdeckung Amerikas bekannte Welt); *die Neue Welt* (Amerika; eigentlich die neu entdeckte Welt) – новый, старый мир (Америка, собственно говоря новооткрытый мир); *die Dritte Welt* (Politik, Wirtschaft: die Entwicklungsländer) – третий мир (в политике, экономике: развивающиеся страны); *die Vierte Welt* (Politik, Wirtschaft: die ärmsten Entwicklungsländer) – четвертый мир (в политике, экономике: самые бедные страны); *nicht die Welt sein* (umgangssprachlich: nicht viel Geld sein, nicht viel ausmachen) – не стоит этого мира (разг. не составляет много денег, не имеет много значения); *nicht die Welt kosten* (umgangssprachlich: nicht viel kosten) – не стоит (не стоит много); *auf die Welt kommen* (geboren werden) – появится в свет (родиться); *auf der Welt sein* (geboren sein und leben: da warst du noch gar nicht auf der Welt) – увидеть мир (родиться или жить: ты не успел

даже побывать в этом мире); *aus aller Welt* (von überallher: Teilnehmer, Nachrichten, Briefmarken aus aller Welt) – со всего света (отовсюду: участники, известия, марки со всего мира); *nicht aus der Welt sein* (umgangssprachlich: leicht erreichbar sein) – не с мира того (разг. быть доступным); *in aller Welt* (überall: in aller Welt bekannt sein) – на всем мире (везде: быть известным во всем мире); *in alle Welt* (überallhin) – на весь мир (повсюду); *die Welt ist klein/ist ein Dorf* (Äußerung, die man tut, wenn man irgendwo an einem entfernten Ort zufällig einen Bekannten trifft oder jemandem begegnet, mit dem man gemeinsame Bekannte hat) – мир маленький/поселение (высказывание при виде, если человек случайно увидел или встретил где-то в далеком месте своего знакомого или общего знакомого), «Мир тесен».

Этим, конечно, языковое пространство понятия «мир» не ограничивается:

1 Мир в значении собирательности имен лиц, например, как «совокупность людей» (*Gesamtheit der Menschen*), в высокопарном применении; в обозначении «наиболее большой группы людей» (*eine grössere Gruppe von Menschen*), «живые существа, связанные определенными сходствами, особенно социальные слои, группы людей» также дает концепт «мир» (*Lebewesen, die durch bestimmte Gemeinsamkeiten verbunden sind, besonders gesellschaftliche Schicht, Gruppe*) и др. Этой группе можно отнести также ряд высокопарных языковых единиц, многие из которых подвержены сильной коннотации, однако при коннотировании они не теряют свои денотативные значения: «*die [ganze] Welt hielt den Atem an*» (весь мир затаил дыхание), в данном случае слово ‘*die Welt*’ персонифицируется и придает ему другой концепт. Хорошей иллюстрацией может быть применение «*die Welt*» или «*die halbe Welt*» в следующих концептах, где они при семантической деривации переносятся метонимическим путем на определенные или определенные лица: «*die halbe Welt hat (sehr viele haben) nach dir gefragt*» (часто применяется в разговорной речи при преувеличении) – пол мира интересовался тобой; «*vor der (ganzen) Welt*» или «*vor der (ganzen) Öffentlichkeit*» – перед всем миром (перед всей общественностью). Метонимический перенос испытывает «*die Welt*» и в следующих выражениях: *die ganze Welt (alles) um sich herum vergessen* – весь мир забыл о твоём существовании. Иногда и даже в большинстве случаев приписывание местоимения «*alle*» к слову «*die Welt*» усиливает понимание обсуждаемого концепта, нп., «*alle Welt (jedermann, alle,*

alle Welt weiss das» – весь мир знает об этом, в этом случае мир обобщается; или «*sich vor aller Welt blamieren*» – позорить себя перед всем миром, также видим «раздувание» картины мира. Человеку больше свойственно негативное отношение к окружающему его миру, тогда он всё больше познает, конципирует свое рассуждение: «*die Welt ist schlecht*»; «*nobel/vornehm geht die Welt zugrunde*» в значении ‘плох тот мир’ или ‘мир благородно гибнет’. Когда есть большие потери или расточительства, немцу остается применять данное высказывание, в основном в разговорной речи и иногда в насмешливой форме, однако в этом понятии видится болезненное восприятие об уничтожении не только человечества, но и его отношение к вещам, к реальному миру. Следующие высказывания «*So etwas hat die Welt noch nicht gesehen!*» или «*So etwas hat es noch nicht gegeben!*» могут расширить границы применения понятия «*die Welt*», то есть высказывания в переводе «Такого ещё мир не видел!», «Такого ещё не было!» констатируют фактическое состояние человеческого общества. Наряду с негативом можно предложить концепт эйфории в следующем предложении «*Ich koennte (vor Freude) die ganze Welt umarmen!*» – Я мог (от радости) обнять весь мир! (см., ср. *phraseologisches Wörterbuch*, 1975: 655)

2 Обобщение «*die Welt*» находит свое отражение в концептах «Существование», «Сущность», «Жизнь», «Действительность», «Отношение/Эгоистичное отношение». Мы встречаем в немецком языке немало применения, отражающее реальность, окружение, действительный мир «*die reale Welt*» в смысле, например, древнего, прошедшего, античного, настоящего, реального, нашего миров выступают следующие единицы: *die antike Welt (das Vergangene)*; *unsere Welt, die Gegenwart, die reale Welt*; *die Welt des Mittelalters, die Welt des Vergangenen*. Иногда концепт «страх за жизнь, за настоящее или за будущее» присутствует в высказываниях с наличием там слово «*die Welt*»: *die Welt der Zukunft*» или «*die Welt von morgen*» говорит немец и представляет картину неизвестности, «*die Welt, in der wir leben*», «*die Geselle, in der wir leben*» или «*Gesellschaft, in der wir leben*» также наводит на человека определенный страх. Изменение мира или мира людей в воображениях немца также возможное явление: *imaginäre Welten, das Scheinbare in der Welt, das Vorstellbare über die Welt*; *die Veränderung der Welt, das Vergehende verändern, der normale Lauf der Welt, des Dinges, der normalen Verhältnisse* etc. Игра с чувствами, обман надежды или веры,

довольствие миром, своей жизнью, вера в мир, в настоящее, отношение человека к человеку с человеческим понятием, с открытым доверием, открытой душой, согласие с нынешним положением вещей или возмущение, непринятие мира, как он есть, нашли в системе современного немецкого языка также свои заслуженные места: jemandem eine heile Glaube/Welt vorgaukeln; das ist das Geschehene/ der Lauf der (heutigen, unseren) Welt; mit offenen Augen die Welt spüren, verstehen; mit geschlossenen Augen durch die Welt gehen; die Verkehrung der Welt oder verkehrte Welt; Verkehrung des normalen Laufs der Welt/der Dinge/der Verhältnisse; das Dümme in der Welt, das Beste (in) der Welt; mit sich zufrieden sein oder mit der Welt zufrieden sein; um keinen Preis/auf keinen Fall/um nichts in der Welt/nicht um alles in der Welt würde ich das hergeben и другое.

3 Когнитивная семантика этой группы дополняется посредством выражений, устойчивых слов, поговорок и пословиц (некоторые из них):

die Welt nicht mehr verstehen (nicht verstehen, dass so etwas geschehen bzw. dass es so etwas geben kann; nach Meister Antons Schlusswort in F.Hebbels »Maria Magdalena«); etwas aus der Welt schaffen (etwas bereinigen, endgültig beseitigen); jemanden in die Welt setzen (umgangssprachlich: jemanden zeugen bzw. gebären: Kinder in die Welt setzen); etwas in die Welt setzen (umgangssprachlich: etwas in Umlauf bringen: ein Gerücht in die Welt setzen); um alles in der Welt (umgangssprachlich: Bekräftigungsformel); in aller Welt (umgangssprachlich; in Fragesätzen zum Ausdruck der Verwunderung, der Beunruhigung, des Unwillens: ... denn überhaupt: wie in aller Welt war das [nur] möglich?); nicht von dieser Welt sein (völlig weltfremd sein); zur Welt kommen (geboren werden); jemanden zur Welt bringen (jemanden gebären: ein Kind zur Welt bringen). (Gardt 2001: 37-51; Салжанова, 2012: 60-65)

Термины «слово/значение слова», «понятие/концепт» одновременно применяются в разговорной речи, но они не совсем идентичны. Главная задача значения «слово» передача однозначного или многозначного смысла языка, знака. А «понятие» – это аспект содержательной стороны выражения, понимания. В любом случае разговорная речь не решает интеллектуальную часть словесного знака, даже во время использования термина «понятие» в актуальном значении; здесь не раскрывается словесный характер знака, такое же характерно и научным текстам. Понятия обозначают в формально – логичной языковой теории собственно денотативное значение пред-

мета, с помощью которого определяется само явление реальной действительности. Только потому как языковая когнитивная («ментальная») величина появляются понятия, отражающие в основном окружающую среду в качестве репрезентации картины мира человеческого духа (ума). Например, для разграничения концептов «Weltall» и «Universum» в смысле *Kosmos* (космос), *Weltraum* (космическое пространство), *All* (вселенная), *Universum* (универсум) присутствуют die Entstehung, Erschaffung der Welt (создание, созидание мира). Все они многозначны, границы между ними могут быть размыты (в примерах даны только единичные версии перевода). Если значения следующих выражений, как «durch die weite Welt ziehen – странствовать по белу свету», «in der ganzen Welt herumkommen – объехать весь мир» более понятны, то единицы «jemanden aus der Welt schaffen – покончить с кем-либо», «etwas aus der Welt schaffen – ликвидировать что-либо», «eine Welt von Feinden – куча врагов» требуют дополнительного фонового знания и более обширного осмысления самого понятия «die Welt». Кроме того, в немецком политическом дискурсе часто встречаются «die Welt von Ost(en) – восточный мир», «die arabische Welt – арабский мир», «die islamische Welt – исламский мир». Вместе с ними рождается большой корпус лексических единиц, которые сопровождаются дополнительными семами и семемами:

die Welt der Religion (мир религии), die Welt der Kunst (искусства), die Welt des Zirkus (цирка), die Welt der Arbeit (труда), die Welt des Sports (спорта), die Welt der Mythen (мифов), die Welt des Märchens (сказок), die Welt der Erscheinungen (явлений), die Welt der Ideen (идей); die Welt des Kindes (мир ребенка), die Welt der Erwachsenen (взрослых); die (religiöse) Welt des Islams (религиозный мир ислама), die arabische (арабский), die zivilisierte (цивилизованный), kapitalistische Welt (капиталистический), die freie Welt der Politik (свободолюбивой системой), die westliche Welt, (Politik; der Westen) (западный мир), eine völlig neue Welt tat (создать совершенно новый мир), neue Welten taten sich ihm auf (ему открылись новые миры); Bücher sind seine Welt (sein Lebensinhalt) etc. (книги – его мир, его смысл жизни) и т.д. Данный список может быть продолжен еще в связи с появлением новых лексем, например, окказионализмов и других в медиа-дискурсах и общественных, политических, дипломатических дискурсах. А сравнение их с выражениями других языков (особенно казахского языка) дает очень интересные фак-

ты (Салжанова, 2012: 64): Welt – болмыс/әлем (болмысынан/с рождения) и др.

Заключение

Трудности разграничения границы между обсуждаемыми понятиями, соответственно концептами состоят в том, что словарные запасы не могут классифицировать всю картину обстоятельства, иногда даже невозможно будет установить, какие семантические признаки в языковом плане релевантны? Какие важные дистинктивные особенности имеются в языке? Потому что отношение между знанием языка и опыта не полностью изучено, не все вопросы семантического и аналитического описания классов или категорий предметов исследованы (Busse, 2007: 19; Mehler, 2002: 228). Такой подход к вопросу говорит о возникновении дополнительных трудностей (вариабельности или варьирования) в установлении интересующего нас концепта (концептов). Это лишний раз доказывает, что вопрос может быть открытым и подвергаться дальнейшим обсуждениям.

Мы понимаем под концептом, вслед за Гардт (Gardt 2001: 46), когнитивные единицы, которые

репрезентируют «значение» объективного мира и реализуются посредством различных лингвистических форм (например, словарных статей). Различные выражения могут вызывать тот же самый концепт; их можно отнести к определенному языковому полю, синонимы также частично будят ассоциации для представления концептов. С помощью анализа основного текста (большого объема текстовых единиц) можно рассмотреть большое количество концептуализации. В этом смысле корпусная лингвистика предлагает серию приемов. Для научного исследования в распоряжении окажется большое собрание единиц (текстов), в нашем случае для определения понятий «концепт», «мир» и «картина мира» под рукой было множество сведений. Значение концепта полностью доступно только тогда, когда все текстовые примеры и их значения воспринимаются всем обществом того или иного народа. И узнавание их границ кажется абсолютно невозможным; даже между значением (особенно коннотативным) и концептом, между понятием и концептом, между концептом и миром, между концептом мира и языковым концептом мира имеются значимые связи и разграничительные черты.

Литература

- Большой энциклопедический словарь. – М., 2002. – 348 с.
 Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Akademie Verlag. Berlin, 1989. – 256 S.
 Online Duden Wörterbuch, <http://www.duden.de/rechtschreibung> 2013.
 Duden Wörterbücher in 12 Bänden. Band 2. – Bonn, 2012. – 321 s.
 Grosses Taschen Lexikon In 24 Bänden. Bd. 14. – Berlin, 2006. – 178 s.
 Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch. – Verlag russische Sprache Moskau, 1975. – 650–656 с.
 Gärdenfors P. The Geometry of Thought. – A Bradford Book, 2000. – 12 p.
 Гумбольдт В. Избранные труды. – М.: Прогресс, 2000. – 25–39 с.
 Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar, Volume I, Theoretical Prerequisites. Stanford, – California: Stanford University Press, 1987. – 76 с.
 Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. – М., 1984. – 156–180 с.
 Виттгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. – Москва, 1994. – 123–124 с.
 Weisgerber L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. In Linguistischen Theorien. – Düsseldorf, 1973. – 11–12 s.
 Klix F. Über Wissensrepräsentation im menschlichen Gedächtnis. In: Gedächtnis; Wissen; Wissensnutzung. – Berlin, 1987. – 9–73 s.
 Сабитова З.К. Прошлое в настоящем. – Алматы, 2007. – 320 с.
 Салжанова Л.Е. Тіл бірліктерінің типтері мен мағыналары. – Алматы, 2012. – 60–65 б.
 Gardt A. Das rationalistische Konzept der Fachsprache. In: Recht und Sprache/hrsg. Von Ulrich Kronauer und Jöm Garber. – Tübingen: Niemeyer, 2001. – 37–51 s.
 Busse D. Linguistische Epistemologie. Zur Konvergenz von kognitiver und kulturwissenschaftlicher Semantik am Beispiel von Begriffsgeschichte, Diskursanalyse und Frame – Semantik, in: Heidrun Kämper (Hrsg.): Sprache – Kognition – Kultur. Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung. (Jahrbuch 2007 des Instituts für deutsche Sprache). – Berlin/New York: de Gruyter, 2007. – 18–21 s.
 Mehler A. Konnotative Textbedeutungen. Zur Modellierung struktureller Aspekte der Bedeutung von Texten. In: Köhler, Reinhard (Hrsg.), Korpuslinguistische Untersuchungen zur quantitativen und systemtheoretischen Linguistik. – Sankt Augustin, 2002. – 223–350 s.

References

- Bol'shoj enciklopedicheskiy slovar'. (2002). [Big encyclopedic dictionary]. Moskva, 348 S. (In Russian)
- Busse D. (2007). Linguistische Epistemologie. [Linguistic epistemology]. Zur Konvergenz von kognitiver und kulturwissenschaftlicher Semantik am Beispiel von Begriffsgeschichte, Diskursanalyse und Frame Semantik“, in: Heidrun Kämper (Hrsg.): Sprache Kognition Kultur. Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung. (Jahrbuch 2007 des Instituts für deutsche Sprache) Berlin/New York: de Gruyter, 18–21 S. (In German)
- Gärdenfors P. (2000). The Geometry of Thought. A Bradford Book. P. 12. (In English)
- Gardt A. (2001). Das rationalistische Konzept der Fachsprache. [The rationalistic concept of technical language]. In: Recht und Sprache/hrsg. Von Ulrich Kronauer und Jöm Garber. Tübingen: Niemeyer, 37–51 S. (In German)
- Grosses Taschen Lexikon In 24 Bänden (2006). [Large pocket dictionary]. Bd. 14. Berlin, 178 S. (In German)
- Gumbol'dt V. (2000). Izbrannye trudy. [Selected Works]. Moskva: Progress, 25-39 S. (In Russian)
- Gumbol'dt V. (1984). O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyani na duhovnoe razvitiye chelovechestva. [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind]. Moskva, 156–180 S. (In Russian)
- Duden Wörterbücher in 12 Bänden. (2012). [Duden Dictionary]. Band 2. Bonn, 321 S. (In German)
- 1Deutsch russisches phraseologisches Wörterbuch. (1975). [German-Russian phraseological dictionary]. Verlag russische Sprache Moskau, 650-656 S. (In German and Russian)
- Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. (1989). [Etymological dictionary of the German language]. Akademie Verlag. Berlin, 256 S. (In German)
- Klix F. (1987). Über Wissensrepräsentation im menschlichen Gedächtnis. [About knowledge representation in human memory]. In: Gedächtnis; Wissen; Wissensnutzung. Berlin, 9–73 S. (In German)
- Langacker R W. (1987). Foundations of Cognitive Grammar, Volume I, Theoretical Prerequisites. –Stanford, California: Stanford University Press, 76 S. (In English)
- Mehler A. (2002). Konnotative Textbedeutungen. [Connotative text meanings]. Zur Modellierung struktureller Aspekte der Bedeutung von Texten. In: Köhler, Reinhard (Hrsg.), Korpus linguistische Untersuchungen zur quantitativen und systemtheoretischen Linguistik. Sankt Augustin 223–350 S. (In German)
- Online Duden Wörterbuch (2013). [On-line Duden dictionary]. [http:// www.duden.de/rechtschreibung](http://www.duden.de/rechtschreibung). (In German)
- Sabitova Z.K. (2007). Proshloe v nastoyashchem. [The past in the present]. Almaty. 320 S. (In Russian)
- Salzhanova L.E. (2012). Til birlikteriniñ tipteri men maғыnalary. [Types and meanings of language units]. Almaty, 60–65 S. (In Kazakh)
- Vittgenshtejn L. (1994). Filosofskie raboty. [Philosophical works]. CH. 1. Moskva, 123–124 S. (In Russian)
- Weisgerber L. (1973). Die sprachliche Gestaltung der Welt. [The linguistic design of the world]. In Linguistischen Theorien. Düsseldorf, 11–12 S. (In German)

Д.А. Турдиева^{1*} , Г.Д. Айтжанова²

¹Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Казахстан, г. Алматы

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: a.gulnara70@mail.ru,

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В данной статье рассматриваются лингвострановедческие и социокультурные особенности неродственных языков посредством сравнения и сопоставления гендерных фразеологических единиц. Сравнительный анализ позволяет наглядно рассмотреть лингвострановедческие аспекты восприятия гендерных отношений. Также в статье обсуждается актуальность оппозиционного анализа, который позволяет наглядно показать семантическое и лингвистическое значение слова или фразы. Анализ достаточно большого количества работ зарубежных и отечественных лингвистов показывает, что гендерные исследования заняли определенную нишу в современном языкознании. Пол, гендер, гендерные стереотипы, гендерное поведение волнуют исследователей различных отраслей наук. В современной науке, когда происходит выдвижение новых методологических принципов в изучении особенностей постижения мира человеческим сознанием, исследователи выделяют различные картины мира (физическую, научную, философскую, концептуальную). Среди них особый интерес представляет языковая картина мира.

Исследование языковой картины мира диктует проблемы, связанные с вопросами взаимосвязи языка и культуры, ведь большинство ученых считает, что язык представляет собой часть культуры. С точки зрения актуального на сегодняшний день антропоцентрического подхода авторами данной статьи изучается человек, его внутренний мир, окружающая среда, сфера существования.

Ключевые слова: гендерные отношения, сравнительный анализ, лингвострановедческий аспект, фразеологические единицы.

D.A. Turdieva¹, G.D. Aytzhanova²

¹Ablai Khan Kazakh University of International Relations and world languages,
Kazakhstan, Almaty

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
*e-mail: a.gulnara70@mail.ru

Features of gender phraseology in the study of the linguistic and country research aspect of unrelated languages

This article examines the linguistic and cultural and sociocultural features of unrelated languages by comparing and contrasting gender phraseological units. Comparative analysis makes it possible to visually consider the linguistic and cultural aspects of the perception of gender relations. The article also discusses the relevance of oppositional analysis, which allows you to visually show the semantic and linguistic meaning of a word or phrase. A fairly large number of works by foreign and domestic linguists shows that gender studies have occupied a certain niche in modern linguistics. Sex, gender, gender stereotypes, and gender behavior are of concern to researchers in various branches of science. In modern science, when new methodological principles are put forward in the study of the peculiarities of comprehending the world by human consciousness, researchers distinguish various pictures of the world (physical, scientific, philosophical, conceptual). Among them, the linguistic picture of the world is of particular interest.

The study of the linguistic picture of the world dictates problems related to the issues of the relationship between language and culture, because most scientists believe that language is a part of culture. From the point of view of the currently relevant anthropocentric approach, a person, his inner world, environment, sphere of existence is studied.

Key words: Gender relations, comparative analysis, linguistic and territorial aspect, phraseological units.

Д.А. Турдиева^{1*}, Г.Д. Айтжанова²

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
*e-mail: a.gulnara70@mail.ru

Туыс емес тілдердің лингвомәдени жағын зерттеудегі гендерлік фразеологизмдердің ерекшеліктері

Бұл мақалада гендерлік фразеологиялық бірліктерді салыстыру және бір-біріне қарама-қарсы қою арқылы туыс емес тілдердің лингвомәдени және мәдени-әлеуметтік ерекшеліктері қарастырылады. Салыстырмалы талдау гендерлік қатынастарды қабылдаудың тілдік және мәдени аспектілерін көрнекі түрде қарастыруға мүмкіндік береді. Мақалада сөздің немесе сөз тіркесінің мағыналық және лингвистикалық мағынасын көрнекі түрде көрсетуге мүмкіндік беретін оппозициялық талдаудың өзектілігі туралы да айтылады. Шетелдік және отандық лингвистердің көптеген еңбектері қазіргі заманғы лингвистикада гендерлік зерттеулер белгілі бір орынға ие болғандығын көрсетеді. Жыныс және гендерлік стереотиптер, гендерлік мінез-құлық әр түрлі ғылым салаларын зерттеушілерді алаңдатады. Қазіргі ғылымда әлемді адам санасы арқылы түсінудің ерекшеліктерін зерттеуде жаңа әдіснамалық қағидалар алға тартылған кезде зерттеушілер әлемнің әртүрлі суреттерін (физикалық, ғылыми, философиялық, тұжырымдамалық) ажыратады. Олардың ішінде әлемнің лингвистикалық суреті ерекше қызығушылық тудырады.

Дүниенің лингвистикалық картасын зерттеу тіл мен мәдениеттің арақатынасы мәселелерін сараптайды, өйткені ғалымдардың көпшілігі тіл мәдениеттің бөлігі деп санайды. Қазіргі кездегі өзекті антропоцентристік көзқарас тұрғысынан адам, оның ішкі әлемі, қоршаған ортасы, болмыс саласы зерттеледі.

Түйін сөздер: гендерлік қатынастар, салыстырмалы талдау, лингвистикалық және аумақтық аспект, фразеологиялық бірліктер.

Введение

На современном этапе развития науки все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества. Важность подобного подхода обусловлена невозможностью рассмотрения целого ряда языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры. В данном случае учет языкового контекста имеет большое значение для адекватного освещения вопросов, находящихся в поле зрения таких научных дисциплин, как культурология, социология, история и т.д.

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания обусловила актуальность лингвистических исследований, посвященных национально-культурному своеобразию языка. Лингвистика обратилась к «человеческому фактору в языке». А это повлекло за собой исследование «языкового фактора в человеке» — того, как культурно-языковая картина мира воздействует на человека, формируя его языковое сознание, а вместе с ним и культурно-национальное самосознание, его мировоззрение и миропонимание. Такой подход к исследованию

языка предполагает обращение к человеку как национальной языковой личности, несущей в себе национальные особенности культуры и ментальности. Он включает в сферу лингвистических интересов достижения философии, психологии, культурологии и других гуманитарных направлений, таких, например, как психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика (Самарина 2010: 123)

Развитие фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины характеризуется многообразием подходов и методик исследования, а также изучением все новых проблем и аспектов, которые опираются на теоретические основы фразеологии. В современной лингвистике очень часто рассматриваются вопросы сравнительного и сопоставительно-типологического исследования ФЕ родственных и не родственных языков. Это связано с тем, что сопоставительное исследование языков играет немало важную роль для создания общей теории языка, а также общей теории фразеологии. Типологическое и контрастивное изучение языковых подсистем способствует более глубокому проникновению в природу языка, его особенностям, наряду с другими языками мира.

Сопоставление фактов различных языков позволяет лучше понять закономерности и

особенности изучаемых языковых явлений, глубже проникнуть в структуру языка, полнее изучить и осмыслить своеобразие каждого из исследуемых языков.

Сопоставительный анализ фразеологических составов нескольких языков, которым занимается особый раздел фразеологической теории – сопоставительная фразеология, находится на стадии становления и тем самым вызывает все больший интерес исследователей (Самарина, 2010: 167). Взаимное соотнесение, сравнение и противопоставление единиц, категорий, разрядов и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого из них, установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конституированы объединяющих их систем, subsystem и микросистем. Под системой мы понимаем общий фразеологический фонд языка, subsystemу, как часть этого фонда, представляют в нашем понимании пословицы и поговорки, а микросистему – пословицы и поговорки с анимализмами.

Сопоставительные исследования языковых явлений в области фразеологии и лексикологии привлекают к себе внимание современных лингвистов в связи с важностью выявления общих и специфических черт на фразеологическом и лексическом уровне нескольких языков. Выявление сфер соприкосновения различных языков позволяет выделить общие характеристики быта, культуры, истории и психологии народов. Особый интерес представляют исследования в области фразеологии, так как именно в фразеологических единицах ярко проявляется своеобразие быта и культуры народа. Знание фразеологического состава языка позволяет глубже понять психологию и менталитет нации изучаемого языка. Изучение фразеологического и лексического состава иностранного языка в сопоставлении с родным повышает эффективность его изучения и способствует обогащению знаний в области культурологии и страноведения.

Проблемы взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры, языка и этноса активно обсуждаются ведущими лингвистами, которые отмечают тесную связь между жизнью языкового сообщества и лексикой языка, на котором они говорят.

Сопоставительный анализ единиц различных языковых систем играет большую роль при установлении межъязыковых параллелей и определении степени эквивалентности перевод-

ческих соответствий. Вопросы идентификации фразеологических единиц (далее ФЕ) и сложных слов, проблема разграничения данных языковых единиц, сопоставительный анализ структурно-грамматической организации и семантики: ФЕ и сложных слов привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Эксперимент

Как показывает аналитический обзор литературы по сопоставительной фразеологии и паремиологии, вне поля зрения ученых остался один из важных аспектов, который, может быть наиболее глубоко и объемно представлен в паре миологии практически всех языков – это, как правило бинарный аспект – «Мужчина» и «Женщина».

Само понятие, *гендер* пришло в лингвистику довольно своеобразным путем: английский термин *gender*, означающий грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс. Перенос был сделан, чтобы «уйти» от термина *sexus* (биологический пол), так как это понятие связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и полоролевое разделение труда, неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам, разную общественную «ценность» лиц в зависимости от их пола. Термин *гендер* был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий.

В языкознание же *гендер* пришел (вернее, вернулся в новом значении) несколько позднее из сферы социальных наук, когда гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления. Наряду с этим понятие *гендер* функционирует в англоязычной лингвистической литературе, разумеется, и в своем старом значении. Кроме того, и до появления нового термина лингвистическая семантика не игнорировала отражение в языке понятия *пол* в значении *sexus*. Да это было бы и невозможно, так как семантический компонент *пол* входит в состав значения многих лексических единиц (*мужчина, женщина, мать, отец* и т.д.). И сегодня работы, посвященные рассмотрению этого вопроса, оперируют понятием *пол*. Таким образом, возникает необходимость выяснить,

как соотносятся эти понятия именно в области языкознания, так как их функционирование здесь, как показано выше, отличается от ситуации в других общественных науках, занимающихся гендерными исследованиями.

Современная наука весьма продуктивно разрабатывает понятие «гендер» как одно из важнейших для анализа оснований социальности и ее форм. Смысл данного понятия заключен, прежде всего в идее социального моделирования или конструирования пола. Поскольку социальный пол формируется в процессе социальной практике. Следовательно, в обществе появляется система норм поведения, предписывающая выполнение определенных половых ролей. Отсюда появляется точное представление мужского и женского в обществе. Следовательно, гендер – это совокупность социальных представлений в рамках наших этно-культурологических представлений.

Язык не просто отображает гендер, он помогает конституировать его. Гендер – это набор действий, исполняемых людьми в разных ситуациях и на разных общественных уровнях. Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний.

Одним из признаков укрепления позиций лингвистической гендерологии как самостоятельного научного направления можно считать появление ряда работ методологического характера, в которых поставлен вопрос о применении гендерного подхода в обучении межкультурной коммуникации, рассматриваются проблемы разработки общенаучных подходов к изучению гендера в лингвистике, сформулированы частно научные задачи исследования гендерных аспектов языка и коммуникации и перспективы дальнейшего научного поиска. Освещаются терминологические проблемы лингвистической гендерологии: вышел первый «Словарь гендерных терминов» (2002); возрос интерес к лексикографической проблематике гендера, что свидетельствует о повышении уровня теоретической разработанности новой научной дисциплины.

Вместе с тем отмечается недостаточная разработанность методологической базы, терминологической системы, специальных методик исследования гендера. Значительную

сложность представляет и то обстоятельство, что традиционные гендерные стереотипы оказывают воздействие на сознание исследователя, в ряде случаев влияя на интерпретацию данных. Например, стандартное представление о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, приводит к тому, что одни и те же формы речевого поведения у мужчин интерпретируются как нейтральные, а у женщин – как эмоциональные.

Фразеологические единицы (ФЕ) действительно обладают богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей его действительности. Устойчивость, свойственная ФЕ, делает их константами национальной культуры, позволяет им транслировать социально и культурно значимую информацию для следующих поколений. Особую роль в этой трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет, в частности, фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировоззрение. Более того, фразеологизмы сами обретают роль стереотипов культуры, так как в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые воспроизводят национальный менталитет.

Результаты и обсуждение

Проанализировав фразеологизмы с компонентом «женщина», во французской и уйгурской языковой культуре, мы заметили следующие особенности: фразеологизмы, обозначающие брачные возможности женщины, варьируют градуальную оценку от позитивной до негативной. *Anoir le cul merreux* – разг. «быть богатой, но не знатной невестой»; *coiffer sainme Camherine* (или *Sainte-Catherine*) «остаться старой девой, засидеться в девках»; *décoiffer sainme Camherine* (или *Sainte-Catherine*) «выдать девушку замуж, выйти замуж»; *dimes toujours nenni, nous ne serez jamais marié* «слишком разборчивая невеста остается старой девой, если будешь постоянно отказывать, то останешься ни с чем». Французская фразеология, в отличие от уйгурской, описывает женщину в большей степени вне брачных отношений. Те же немногочисленные фразеологизмы, которые отражают быт французской семьи, несут отрицательную оценку. Во французской

фразеологии присутствует образ злой, сварливой жены (Левин, 2001: 156)

c'esm sa femme qui porme les chausses (или *la culotte*) «он у жены под башмаком»; *fumée, pluie em femme sans raison chassenm l'homme de la maison*. «когда дым идет, когда с потолка льет, когда женадохнуть не дает, муж из дому бежит».

Un homme mal marié. Mieux qu'il fum noyé – Чем взять плохую жену, лучше утопиться.

Преимущество жены над мужем во французских примерах указывает на финансовую сторону вопроса. Жена стоит на ранг выше мужа за счет богатства и денег. И мужчина покорно принимает свою участь подкаблучника и приживал. *Homme de paille neum une femme d'or* – Соломенный мужчина хочет золотую жену *A riche femme mari gaspilleur*- у богатой жены муж транжира *La beauté de femme n'enrichim homme*- красота женщины не обогащает мужчину (Словарь гендерных терминов: 2001)

В некоторых ФЕ наблюдается «двойной стандарт»: то, что не одобряется бытовой моралью у женщин, не имеет и следа негативной оценки у мужчин. Встречается очень много примеров во французском языке с выражением «дамский угодни» – это всего лишь мужчина, равнодушный к представительницам противоположного пола. В этой действительности скрывается вседозволенность маскулинности, одной из причин которой является физическая сила, социальный статус хозяина, отца, кормильца.

Но все же ряд пословиц, выявленных нами, описывают стремление женщины к власти над мужчиной. Это лидерство рассматривается, в большей степени, с позитивной стороны. Данные примеры подчеркивают важность роли женщины в жизни мужчины. Умелое управление мужчинами, не затрагивающее их самолюбие, важно для мироустройства, двигателями которого являются «сильные мира сего».

В контексте количественно больших групп ФЕ уйгурского языка моральные предписания адресованы не только женщинам. Большое количество единиц подчеркивает ответственность мужа и важную роль жены в семье. Хотя женщина в нескольких пословицах предстает как не вполне человек, мы обнаружили аналогичные высказывания и в адрес мужчин: *Бойдақ жигит- ярм адәм* – холостой мужчина – полчеловека. Моральные предписания адресованы также не одним только женщинам, но и мужчинам тоже. Мы считаем, кроме того, что пословицы этого типа могут быть весьма условно отнесены к андроцентричным, так

как в них не определена мужская или женская перспектива.

Безусловно, отрицательный образ жены присутствует в картине мира, рисуемой уйгурской паремиологией. Но присутствуют в ней и женская, и общечеловеческая перспективы, что несколько уравнивает положение жены по отношению к мужу. Супружество, семья рассматриваются не как изолированная часть общества, а в тесном взаимодействии с остальными членами рода. Отсюда – широкая представленность родителей мужа и жены, бабушек и дедушек, кума и кумы, свахи. В целом жизнь женщины представлена подробно и не ограничивается лишь деятельностью в домашнем хозяйстве (хотя эта область весьма представительна). Наблюдая и анализируя данные, мы пришли к выводу, что в уйгурском обществе доминантом в семье выступает мужчина, как хозяин, опора, кормилец. Первое и главное слово в семье, да и в обществе в целом остается за мужчиной.

Хотун қанити әр, әр қанити – йәр. Крылья жены-муж, крылья мужа-земля

әриң кәтсә үй өрилду – с уходом мужа рушится дом

Әрниң гәпи – хотунниң қилиги – как муж сказал, так жена и сделала

Выше указанные примеры более демонстративно указывают на природную ограниченность женщины и ее зависимость от мужа. Уйгурская паремиологическая картина подтверждает тот факт, что для женщины не важно наличие интеллекта, важно соответствовать требованиям мужчины и общества.

Более ярко выраженное стереотипное представление о природной ограниченности женского пола в уйгурской лингвокультуре мы связываем со следующим фактом: в уйгурской культуре существует гораздо больше табу для женщин, чем для мужчин. Отражена не только зависимость жены от мужа, но и обратное. В данном случае в ряде пословиц отражена зависимость мужа от жены как с положительной, так и с отрицательной точки зрения.

Әрниң етини чиқарған- хотун, хотунниң етини чиқарған – отун – Мужчину славит жена, а жену очаг

Яхши хотун – әргә дөләт – хорошая жена богатство для мужа

Яхши хотун яман әрни әр қилар – у хорошей жены плохой муж молодцом станет

Яман хотун-әргә өлүм – злая жена – гибель для мужа

Яман хотун яхиши эрни йэр қилар – скверная жена и хорошего мужа оскандалит

Негативное отношение к супруге, ярко выражено во ФЕ уйгурского языка. Это природа женщины, отраженная негативно во фразеологии.

Эр киши чөмүлидэк жигиду, хотун киши тохудар чачиду- мужчина собирает как муравей, а женщина рассыпает как курица. *Пулсиз эр хотунга жин көринэр*- безденежный муж жене словно черт. Приняв во внимание актуальность гендерных исследований на настоящее время мы привели примеры из фразеолофонда двух неродственных языков, имеющих прямое отношение к гендерологии. В результате исследования мы привели наглядные примеры об основных характеристиках мужчин и женщин, об их роде занятия, о месте и роли в этническом обществе. Данными примерами мы вновь подтвердили значимость изучения фразеолофонда языка для выявления национально-культурной специфики народа, а так же его менталитета, истории, традиции (Арсентьев, 1989: 215).

Оппозиционные исследования в лингвистике явление довольно частое. Сопоставления двух противоположных лексических или фразеологических единиц позволяют более четко и ярко представить смысловую и языковую дифференциальность. У лингвистов уже стало традиционным рассматривать гендерные стереотипы в тесной связи с лингвокультурологическим аспектом изучения языка. Во всех исследованиях, посвященных изучению языка и культуры, присутствует описание базовых концептов культуры. К таковым относятся «мужчина» и «женщина», в которых проблема пола представлена как явление культуры. Одному из элементов каждой оппозиции обычно приписывается положительное значение, другому – отрицательное. Одним из основополагающих и определяющих понятий в осмыслении картины мира и языковой картины мира является оппозиция «мужчина-женщина», то есть противопоставление по признаку пола.

Оппозиция «мужчина – женщина» представлена в языке, менталитете и культурных традициях всех народов.

Анализируя фразеологические единицы, включающие в себя гендерные стереотипы, можно выделить следующие группы оппозиций:

мужчина- женщина, муж- жена, отец- мать.

Фразеологические единицы (ФЕ) действительно обладают богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отно-

шения человека к окружающей его действительности. Устойчивость, свойственная ФЕ, делает их константами национальной культуры, позволяет им транслировать социально- и культурно- значимую информацию для следующих поколений. Особую роль в этой трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет, в частности, фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение (Хамраев, 1989:89).

Более того, фразеологизмы сами обретают роль стереотипов культуры, так как в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые воспроизводят национальный менталитет.

Проанализировав фразеологизмы с компонентом «женщина», мы заметили следующие особенности: фразеологизмы, обозначающие брачные возможности женщины, варьируют градуальную оценку от позитивной до негативной. *Anoir le cul merreux* – разг. «быть богатой, но не знатной невестой»; *coiffer saintme Camhrine* (или *Sainte-Cathrine*) «остаться старой девой, засидеться в девках»; *décoiffer saintme Camhrine* (или *Sainte-Cathrine*) «выдать девушку замуж, выйти замуж»; *dimes toujours nenni, nous ne serez jamais marié* «слишком разборчивая невеста остается старой девой, если будешь постоянно отказывать, то останешься ни с чем». Французская фразеология, в отличие от уйгурской, описывает женщину в большей степени вне брачных отношений. Те же немногочисленные фразеологизмы, которые отражают быт французской семьи, несут отрицательную оценку. Во французской фразеологии присутствует образ злой, сварливой жены: *c'est sa femme qui porte les chaussures* (или *la culotte*) «он у жены под башмаком»; *fumée, pluie em femme sans raison chassent l'homme de la maison* проп. «когда дым идет, когда с потолка льет, когда жена дохнуть не дает, муж из дому бежит». *Un homme mal marié. Mieux qu'il fut noyé* – Чем взять плохую жену, лучше утопиться (Арсентьев, 1989: 185).

Преимущество жены над мужем во французских примерах указывает на финансовую сторону вопроса. Жена стоит на ранг выше мужа, за счет богатства и денег. И мужчина покорно принимает свою участь подковблучника и приживалы. *Homme de paille neut une femme d'*

or – Соломенный мужчина хочет золотую жену. *A riche femme mari gaspilleur*- у богатой жены муж транжира. *La beauté de femme n'enrichim homme*- красота женщины не обогащает мужчину.

В контексте количественно больших групп ФЕ уйгурского языка моральные предписания адресованы не только женщинам. Большое количество единиц подчеркивает ответственность мужа и важную роль жены в семье. Хотя женщина в нескольких пословицах предстает как не вполне человек, мы обнаружили аналогичные высказывания и в адрес мужчин:

Бойдақ жигит- ярым адам- холостой мужчина – полчеловека. Моральные предписания адресованы также не одним только женщинам, но и мужчинам тоже. Мы считаем, кроме того, что пословицы этого типа могут быть весьма условно отнесены к андроцентричным, так как в них не определена мужская или женская перспектива. Безусловно, отрицательный образ жены присутствует в картине мира, рисуемой уйгурской паремиологией. Но присутствуют в ней и женская, и общечеловеческая перспективы, что несколько уравнивает положение жены по отношению к мужу (Мансуров, 2005: 18).

Супружество, семья рассматриваются не как изолированная часть общества, а в тесном взаимодействии с остальными членами рода. Отсюда – широкая представленность родителей мужа и жены, бабушек и дедушек, кума и кумы, свахи. В целом жизнь женщины представлена подробно и не ограничивается лишь деятельностью в домашнем хозяйстве (хотя эта область весьма представительна). Наблюдая и анализируя данные, мы пришли к выводу, что в уйгурском обществе доминантой в семье выступает мужчина, как хозяин, опора, кормилец. Первое и главное слово в семье, да и в обществе в целом остается за мужчиной.

Хотун қанити эр, эр қанити -йэр. Крылья жены-муж, крылья мужа-земля. *Эриң кэтсә үй өрилду*- с уходом мужа рушится дом. *Эриң гепи- хотунниң қилиги* – как муж сказал, так жена и сделала. Выше указанные примеры более демонстративно указывает на природную ограниченность женщины и ее зависимость от мужа. Уйгурская паремиологическая картина подтверждает тот факт, что для женщины не важно наличие интеллекта, важно соответствовать требованиям мужчины и общества.

Более ярко выраженное стереотипное представление о природной ограниченности женского пола в уйгурской лингвокультуре мы

связываем со следующим фактом: в уйгурской культуре существует гораздо больше табу для женщин, чем для мужчин. Отражена не только зависимость жены от мужа, но и обратное. В данном случае в ряде пословиц отражена зависимость мужа от жены как с положительной, так и с отрицательной точки зрения.

Эриң этини чиқарған- хотун, хотунниң этини чиқарған – *отун* – Мужчину славят жена, а жену очаг. *Яхши хотун- эргә дәләт* – хорошая жена – богатство для мужа. *Яхши хотун яман эрни эр қилар* – у хорошей жены плохой муж молодцом станет. *Яман хотун- эргә өлүм*- злая жена- погибель для мужа. *Яман хотун яхши эрни йэр қилар* – скверная жена и хорошего мужа оскандалит нет, однако, противопоставления *мать – мужчина*, обнаружены противопоставления *мать – отец*. Значительно чаще сочетание *мать – отец*, сохраняя синтаксическую самостоятельность, выражает одно сложное представление.

Степанов Ю.А. видел в этом явлении прием обобщения: хотя такие слова-пары “не выходят за объем, определенный их сложением, но тем не менее они обобщают входящие в них частные..., рассматривая их как одно и располагая приписывать этим частным как совокупности лишь общие признаки” (Степанов, 2001:182). Нет также ни одной пословицы, где у матери обнаруживаются стереотипные женские черты: сварливость, отсутствие интеллекта, болтливость, “неправильность” в целом (принадлежность к “левому”, то есть отклоняющемуся от нормы).

По Юнгу К.Г. архетипы *анима* и *анимус* определяют два противоположных начала, отождествляемые с мужским и женским. Оба эти начала присутствуют в мифологическом мышлении и в психике отдельного человека. В зависимости от пола происходит попытка бессознательного вытеснения анимы или анимуса. В андроцентричной части корпуса пословиц и поговорок сверхположительно коннотировано понятие “Мать” и скорее отрицательно – понятие “женщина/жена/”. Первое восходит к архетипу матери – “для мужчины мать с самого начала имеет явный символический смысл, чем, вероятно, и объясняется проявляющаяся у него сильная тенденция идеализировать ее. Идеализация — это скрытый антропаизм; человек идеализирует тогда, когда испытывает тайный страх быть изгнанным.” (с. 244). Второе (женщина/жена/) отражает архетип анимы.

Атам көрмигән, анам көрмигән- ни отец не видел ни мать

Атаңму йәр- анаңму йәр – и отец тебе земля и мать тебе земля

Aimer la Patrie comme la mère et déffendre comme le père – любить родину как мать и защищать как отец. Le père du jour. La mère de la nuit – Отец дня. Мать ночи (солнце и луна)

К. Г. Юнг обращает внимание на то, что образ матери неизбежно проявляется в фольклоре: “С этим архетипом ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума: любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию” (Юнг К.Г., 1996: 42, 218). Здесь среди ФЕ уйгурского языка наблюдается явное преимущество матери над отцом. Отец глава семьи, но мать – это нежность, забота, любовь (Юнг К.Г., 1996: 42)

Озақ тутқан атаң қалғича, оймақ тутуп анаң қалсун- лучше мать с наперстком, чем отец с серпом. *Алтун башлиқ дадаң билән қалғича, пахма башлиқ анаң билән қал-* лучше с косматой матерью, чем с золотоголовым отцом. *Анисиз жетим- гул жетим, анисиз жетим- кул жетим* – сирота без отца- цветущий сирота, сирота без матери- золушка.

Во французских примерах мы можем наблюдать равноправное ролевое предназначение матери и отца. Следует отметить, что ФЕ с

концептами мать и отец в данном языке обнаружилось значительно меньше, чем в уйгурском. *Grand em gros comme père em mère* – совсем взрослый как мать и отец.

Заключение

Выше рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что у каждого народа, у каждого носителя языка существует своя особенность восприятия окружающей действительности. Гендерология вставала актуальным вопросом во все времена. Половое неравенство приводило к недовольству масс и распрям. И на сегодняшний день соотношение гендерных стереотипов является актуальной проблемой, требующей более подробного изучения. Гендерный потенциал, заложенный в языке, позволяет существенным образом расширить уже имеющиеся знания, интерпретировать многие языковые модели конструирования знаний о мире. В качестве материала для выявления гендерных стереотипов в данном параграфе нами использованы афористические единицы, ведь именно здесь заложены особенно информативные элементы суждений, возможно проследить, как и что говорят о женщинах. Гендерные предубеждения в языке и речи зависят не только от биологического пола личности, но и от ее гендерного типа. Появление и существование гендерных стереотипов связано, прежде всего, с понятиями «маскулинности» и «фемининности», заложенных в номинативной системе языка.

Литература

- Арсентьев Е.Ф. Сопоставительный анализ ФЕ (на материале ФЕ, семантически ориентированные на человека в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1989.
- Кокоева З.И. Оценочный компонент гендерных фразеологизмов в языковой картине мира. – Пятигорск, 2004.
- Юнг К.Г. Человек, язык, мышление. – М., 1996
- Хамраев Ф.И. Идеино-художественные особенности уйгурских народных пословиц и поговорок. – 1989.
- Хамраев М.К. Левин Ю.И. Уйгурские пословицы и поговорки. – М., 1981.
- Сергеевна С. В Гендер во фразеологии: когнитивно-лингвокультурологический аспект. – 2019.
- Суралева О.Ю., Скоробогатова Т.И. О гендерной сбалансированности фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальную состоятельность (на материале французского языка) // Гуманитарные и социальные науки, 2010.
- Фаткуллина Ф. Г. Современная лингвистика и межкультурная коммуникация. В 2 кн. Кн. 2: моногр. – Одесса: Куприенко С.В., 2012.
- Хамраев М.К. Левин Ю.И. Уйгурские пословицы и поговорки. – Алматы, 2011.
- Традиции и современность в духовной культуре уйгуров СУАР // Национальный каталог.– Алматы, 2010.
- Юнг К.Г.. Собрание переводов / Перевод с немецкого В. П. Терина. – М.: Колос, 2010.
- Мансуров Б.Б. Әйелдерге арналған қырық хадис. – Алматы, 2005.
- Словарь гендерных терминов. – М., 2002.
- Образные представления о женщинах Центральной Азии и иных восточных западных культур. – Бишкек, 2007.
- Поль Гамьен. Психология гендерных отношений. – Париж, 2001.

Традиции и современность в духовной культуре уйгуров СУАР. Национальный каталог. – Алматы, 2007.
Образные представления о женщинах Центральной Азии и иных восточных западных культур. – Бишкек, 2007.

References

- Arsentyev E.F. (1989) Comparative analysis of semantically-oriented human in English and Russian languages). Publisher Kazan. un-ta, 1989. 86 p. (in Russian)
- Fatkullina F.G. (2012) Modern linguistics and intercultural communication. In 2 books. Book. 2: monogr. Odessa: Kupienko S.V, 2012. 278 pages (in Russian)
- Kokoeva Z.I. (2004) Assessment component of gender phrases in the linguistic picture of the world. Pyatigorsk, 2004. 225 p. (in Russian)
- Khamraev F.I. (1989) Ideological and artistic features of Uyghur folk phrases and sayings. Pyatigorsk, 1989. 86 p. (in Russian)
- Khamraev M.K., Levin Yu.I. (1981) Uyghur sayings and sayings. Pyatigorsk, 1981. 78 p. (in Russian)
- Khamraev M.K., Levin Yu.I. (2007) Traditions and modernity in the spiritual culture of the Uyghurs SUAP. National catalog. Almaty, 2007. 14-19 p.
- Khamraev M.K., Levin Yu.I. (2010) Uyghur sayings and sayings. Traditions and modernity in the spiritual culture of the Uyghurs of the SUAP. National catalog. Almaty, 2010. 146-186 p. (in English)
- Marfua T. (2010) Ideas about women of Central Asia and other Eastern Western cultures. Bishkek, 2010. 286 p. (In English)
- Marfua T. (2007) Ideas about women of Central Asia and other Eastern Western cultures. Bishkek, 2007. 86, 97 p.
- Mansurov B.B (2005) A hadis for women. Almaty, 2005. 56, 57 p. (in Kazakh)
- Glossary of Gender Terms (2002). M., 2002. 110-120 p. (in English)
- Paul Gamien (2001) Psychology of gender relations. Paris, 2001. 97 p. (in English)
- Sergeevna S. (2019) In Gender on Phraseology: Cognitive-Linguistic-Cultural Aspect. New in linguistics 2019. 57 p. (in Russian)
- Samarina.(2010) Gender in Phraseology: Cognitive-Linguistic-Cultural Aspect. Paris, 2010. 167 p. (in Russian)
- Suraleva O. Yu., Skopobogatova T.I. (2010) On the General Balance of Phraseological Units Characterizing the Intellectual Consistency (in the Material of the French Language) Humanitarian and Social Sciences, 2010. 156 p. (in Russian)

Hasanova Lala Ramiz

Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan, Baku,
e-mail: lala_hassanova@hotmail.com

DISCOURSE AND TEXT AS LANGUAGE UNITS

This article deals with the research of discourse and text such as language units. A short information is given on the differentiation of discourse and text. Many researcher's various thoughts are examined in this article. The study makes extensive use of the views of world scholars on these two coherent concepts; discourse and text. Although textual linguistics is a new field, there are a lot of interesting facts about it. Text, its types, tools of creating text, different types of discourse, markers, systematization, genres and so on has been researched. These are also continues to be done on the basis of it. The study of discourse began in the 1920s and is now a new field has found a place in linguistics. It is divided into Discourse Analysis and Critical Discourse Analysis. So, many studies have been conducted in the branches.

At present, there are many definitions of discourse and text and many different approaches to it. This shows that the discourse and text are too complex to consider. However, it is important to clarify the meaning of these concepts, the sphere of development within certain limits, and other resembling issues. The purpose of discourse is to change the mind and behavior of the listener or reader for the utility of the speaker or writer, and the text is created to achieve this.

To clarify the content of the concept of discourse, it is expedient to consider its components. These components are divided into two groups, linguistic and extra-linguistic. Linguistic components are mainly included in the concept of text. This indicates that the discourse is a broader concept than the text.

In the article it is investigated that while coming to written discourse, text and contextual concepts come to the fore. In the comparative study of languages, the main focus is on the comparison of texts, and the analysis is carried out at the lexical and grammatical level. A text can be defined as an object that can be read, whether it is literature, a lesson written on a board, or a street sign. It is a collection of related signs that convey a kind of informative message. In linguistics, discourse is generally considered the use of written or spoken language in a social context. Thus, the text is considered not as a synonym of discourse, but as its result, its preserver in the article.

Key words: discourse, text, concept, interrelation, parameters.

Гасанова Лала Рамиз гызы

Әзірбайжан мемлекеттік тілдер университеті, Әзірбайжан, Баку қ.,
e-mail: lala_hassanova@hotmail.com

Дискурс пен мәтін тілдік бірлік ретінде

Бұл мақалада тілдік бірліктер сияқты дискурс пен мәтінді зерттеуге көп көңіл бөлінеді. Дискурс пен мәтіннің айырмашылығы туралы қысқаша ақпарат берілді. Мақалада көптеген зерттеушілердің әртүрлі ойлары талқыланды. Зерттеуде әлем ғалымдарының осы өзара байланысты екі ұғымға деген көзқарастары кең қолданылады: дискурс және мәтін. Мәтіндік лингвистика жаңа сала болғанымен, бұл туралы көптеген қызықты фактілер бар. Мәтін, оның түрлері, мәтін құру құралдары, дискурстың әр түрлі түрлері, маркерлер, жүйелеу, жанрлар және т.б. зерттелді. Бұл да соның негізінде жасалды. Дискурсты зерттеу ХХ ғасырдың 20-жылдарында басталды, енді бұл жаңа сала лингвистикада өз жолын тапты. Ол дискурстық талдау және сыни дискурсты талдау болып бөлінеді. Сонымен, филиалдарда көптеген зерттеулер жүргізілді. Қазіргі уақытта дискурс пен мәтіннің көптеген анықтамалары және оған деген әртүрлі көзқарастар бар. Бұл дискурс пен мәтін өте күрделі екенін көрсетеді. Алайда, бұл ұғымдардың мағынасын, белгілі бір шектердегі даму аясын және басқа да осыған ұқсас мәселелерді нақтылау маңызды. Дискурстың мақсаты – тыңдаушының немесе оқырманның ойлауы мен мінез-құлқын сөйлеушінің немесе жазушының пайдасына өзгерту, бұл үшін мәтін жасалады. Дискурс тұжырымдамасының мазмұнын нақтылау үшін оның компоненттерін қарастырған жөн. Бұл компоненттер екі топқа бөлінеді: лингвистикалық және экстралингвистикалық. Тілдік компоненттер негізінен мәтін ұғымына енеді. Бұл дискурстың мәтінге қарағанда кеңірек ұғым екенін көрсетеді. Мақалада жазбаша дискурсқа көшу кезінде мәтін мен мәнмәтіндік ұғымдар алдыңғы қатарға шығатындығы зерттелген. Салыстырмалы тілдік зерттеулер мәтіндерді салыстыруға бағытталған, ал талдау

лексикалық және грамматикалық деңгейде жүзеге асырылады. Мәтінді оқуға болатын нысан ретінде анықтауға болады, мейлі ол әдебиет болсын, тақтаға жазылған сабақ болсын немесе көше маңдайшасы болсын. Бұл ақпараттық хабарлама түрін беретін біріккен таңбалар жиынтығы. Тіл білімінде дискурс, әдетте, жазбаша немесе ауызекі сөйлеу тілін әлеуметтік мәнмәтінде қолдану деп саналады. Осылайша, мәтін дискурстың синонимі ретінде емес, оның нәтижесі ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: дискурс, мәтін, ұғым, байланыс, шамалар.

Гасанова Лала Рамиз гызы

Азербайджанский университет языков, Азербайджан, г. Баку,
e-mail: lala_hassanova@hotmail.com

Дискурс и текст как языковые единицы

Эта статья посвящена исследованию дискурса и текста, например языковых единиц. Дается краткая информация о различиях дискурса и текста. В статье рассматриваются различные мысли многих исследователей. В исследовании широко используются взгляды мировых ученых на эти две взаимосвязанные концепции: дискурс и текст. Хотя текстовая лингвистика – новая область, в ней есть много интересных фактов. Исследуются текст, его типы, средства создания текста, различные типы дискурса, маркеры, систематизация, жанры и т.д. Это также продолжает делаться на его основе. Изучение дискурса началось в 1920-х годах, и теперь эта новая область нашла свое место в лингвистике. Он разделен на анализ дискурса и анализ критического дискурса. Итак, в филиалах было проведено много исследований.

В настоящее время существует множество определений дискурса и текста и много разных подходов к нему. Это показывает, что дискурс и текст слишком сложны для рассмотрения. Однако важно уточнить смысл этих понятий, сферу развития в определенных пределах и другие сходные вопросы. Цель дискурса – изменить мышление и поведение слушателя или читателя в пользу говорящего или писателя, и для этого создается текст.

Чтобы уточнить содержание понятия дискурс, целесообразно рассмотреть его составляющие. Эти компоненты делятся на две группы: лингвистические и экстралингвистические. Лингвистические компоненты в основном входят в понятие текста. Это указывает на то, что дискурс – более широкое понятие, чем текст.

В статье исследуется, что при переходе к письменному дискурсу на первый план выходят текст и контекстные понятия. В сравнительном изучении языков основное внимание уделяется сравнению текстов, а анализ проводится на лексико-грамматическом уровне. Текст можно определить как объект, который можно прочитать, будь то литература, урок, написанный на доске, или уличный знак. Это набор связанных знаков, передающих своего рода информативное сообщение. В лингвистике дискурс обычно считается использованием письменной или устной речи в социальном контексте. Таким образом, текст рассматривается не как синоним дискурса, а как его результат, его хранитель в статье.

Ключевые слова: дискурс, текст, понятие, взаимосвязь, параметры.

Introduction

Discourse is one of the most current directions in linguistics in the twentieth century, among the terms of linguistics. The term discourse is used in many scientific fields such as critical theory, linguistics, pragmatics, sociology, philosophy and many other different fields. Discourse is approached from different perspectives. In the field of linguistics, discourse was first used as a term by Zellig Harris. He published an article entitled “Discourse Analysis” in 1952: “Discourse has become one of the important critical concepts of the social sciences and the vocabulary of mankind” (Harris, 1952: 4)

The term discourse is used differently by different researchers in different academic cultures. In

the context of Germany and Central Europe, there is a distinction between text and discourse based on linguistic tradition. It is obviously known that, discourse is often used for both written and oral texts in English-language literature.

Z.Y.Turayeva thinks that the structure of the text is a kind of complementary information. That structure is a method of global organization of the object. He considers it important that the relationship between its material units and its completeness as a whole should be investigated (Тураева, 1986: 56).

Other researchers distinguish different levels of abstraction. One of those researchers is Lemke. Lemke clarifies that, “text” is a concrete realization of abstract forms of knowledge (here the researcher

considers discourse) (Lemke, 1995: 68). Along with these views, he shows his engagement to Foucault's approach. The historical approach to discourse is that socio-cognitive theory refers to "discourse" as a memory of social experience and a structured form of knowledge. Besides it, according to the historical point of view "text" is clarified as a specific oral or written document and it creates a link between the views they refer to and further refines these views and socio-cognitive theory.

"The text can be considered meaningful and clear only if the listener-receiver of the text, can create a model that suits him/her. Along with the meaning, parts of the text (mental presentation of the text), information from previous models, as well as common knowledge patterns accepted by most people help to build such units" (Abdullayev, 2011: 240).

The structure that forms the general knowledge is restored by the cognitive-dynamic, socio-pragmatic and communicative-information components of the discourse and finds its verbal expression at the level of genre, composition, style and type of the text (Ульянова, 2004: 31).

Discourse is specially given in texts. There is a special grammar, special vocabulary, special rules and syntax, special semantics, special lexicology and, in one word, a special world behind them. In any world of discourse, it has its own rules of synonymous equivalent, its own rules of authenticity, its own rules of etiquette. Each of discourse is exactly one of the "possible worlds".

In recent years, most world-famous scholars have attached importance to the subject of discourse and text. Those researchers have conveyed various valuable opinions about the mentioned issues. Their research allows us to come such kind of conclusions about the problems of discourse and text, its place among the terms (concepts) of linguistics, its specific features and at the same time to determine the methodological basis of the research. One of the prominent scientist K.Y.Sigal tries to reconsider the relationship between these two large-scale concepts of "discourse" and "text". He clarifies that "text is a universal form of communication of knowledge. Text is organized by the categories of exhaustion, urgency, modality and their secondary categories". This researcher considers a discourse to be a linguistic specific event with a set of language units. Those units are texted and brought out the rules of their creation and use (Сигал, 2000: 223-224).

Another well-known scientist N.V.Malicheva also considers discourse and text as different occurrences. According to his point of view, the dis-

course is based on the choice of language means in accordance with the genre, intensity and style of the author. But the text is the result of this choice and the choice of the appropriate model. He believes that discourse is a broader and multifaced concept than text, because it surrounds both the process of language activity and its consequences. One of the main distinguishing features of discourse and text, according to the researcher, is that the text tends to be revived many times, and the discourse does not come to life again. While discussing this issue N.V.Malicheva writes: "The text is a polycommunicative and poly-thematic mechanism, it joins complicated syntactic units and independent sentences. The text has structural exasperation and forms a conceptually significant meaning that maintains a communicative and cognitive fragment of reality" (Мальчева, 2003: 10).

Experiment

In the study of this article, it is very difficult to clarify the relationship between the concepts of text and discourse because of the large number of definitions of the term discourse and the lack of a unified approach. Discourse is seen as a dialectical connection between a situation, an institution and a social structure and a particular discursive event. A discursive event is formed not only by the situation, the institution, the social structure, but also by them. Therefore, discourse is both socially organized and conditioned: it includes situations, the object of knowledge, the social identities of people and groups of people, the relationship between them and so on.

In the works of a number of researchers, discourse is understood as the process of creating and reading a text (N.A. Kulibina, V.A. Milovidov, V.I. Tyupa). In particular, N.A. Kulibina suggests distinguishing between a book and a book read by someone as a written text. In the first state, it is really text in all its graphic form, from the first word to the last punctuation mark. In the second state, it is a discourse that comes into being in the perception process (Кулибина, 2001).

Discourse is a relatively stable use of language that serves to organize and structure social life. There is only one question: there is no type-picture link between these two concepts. It means that the text is the type of discourse and the discourse is not the type of text. "Discourse is not an intermediate event among speech, communication and language behavior, or an intermediate stage between a system and a text. It is not a text with extra-linguistic pa-

rameters, it is not a discourse without these parameters” (Прохоров, 2006: 10).

While connecting to different speech situations on the basis of the same text, different kinds of discourses can appear. When mastering a text, the speaker turns it into personal information. That information is unique and full of individual meanings (for example, prayer or an anecdote) (Залевская, 2001: 36-44).

Result and discussion

All of the above confirms the fact that the reality of any language belongs to the realms of language and speech at the same time. All views on the problem can be located between two extremes: first, the discourse is text (part of any text, type of any text, state of any discourse), text is discourse (part of discourse, type of discourse, state of discourse); second, discourse is a work, discourse use, activity. Text and discourse are real events, they cannot be one; text and discourse are inseparable. Text and discourse are works that exist in the structure and content of communication. Discourse is understood as an abstract, unchanging description of the realized structural and semantic features that take place in particular texts (Богатырева, 2006).

G. Manaenko emphasizes that any discourse can create a text. While creating an information (data) environment in a specific field of activity it is a concrete material object which reflects the characteristics of human interactions (Маанаенко, 2005: 30).

One of the well-known researchers Chang Kim Bao understands the text as “in” and the discourse as “yan” in his work entitled “The Text and Discourse” (From the Perspective of the Inyan Concept), The essence of the “Inyan” concept is as follows:

1) Language and space are a combination of two opposite beginnings, “in” and “yan”. What we say or hear from our interlocutors, what we write or read is real, all of it is real, all of this we can perceive through our senses, all of it can be created by anyone who speaks a certain language. This is the “side”. He is constantly changing and changing everything around him. On the other hand, there is something deep behind all these real acts. These are images that are real but not perceived by our senses. This is the “in”. Not everyone, but only a person who has any idea about it including a scientist, a researcher, a theorist can “see” it. Different “views” lead to different tendencies. The movement, interrelationship, mutual penetration, and reciprocal transformation of “in” and “side” are the interrelationships of text and discourse.

2) Language is a combination of “in” and “yan”. Thus, text is a microcosm in relation to language. This means that everything that is specific to the macrocosm (language) must be reflected in the microcosm (text).

3) “Inyan” – concept recognizes the role of man as a perceptive force; thus, this force, together with the power of the system, forms a single whole, which we call the human language, that is the real subject and object of linguistic research.

The text itself does not exist as a goal. It plays a discourse role in speech. Text is potential (in), and discourse is the realization of this potential in speech activity (side). The “in-side” concept implies the solution of the discourse problem in close connection with the text problem as two opposite sides of the same essence. In this case, all the linguistic and extra-linguistic factors involved in the organization and functioning of the text as a means of speech communication are taken into account. Despite all their differences, text and discourse are united by two features: the volume of the organization (space) and the manifestation of linearity (time) in the speech of communicators (Чан Ким Бао, 2000: 3-7).

Discourse is an extravergent figure of communication. It means that, it is a set of verbal forms of the practice of organizing and compiling the content of communication of representatives of a certain linguocultural community. The text is an introvert figure of communication. We can explain this as a set of rules of linguistic and extralinguistic organization of the content of communication of representatives of a certain linguocultural community (Прохоров, 2006: 34).

The text provides the content-language basis of communication, because the text is inseparable from the language in all its manifestations. Discourse, in turn, provides the content-speech basis of the interaction of communication participants. The comprehension of discourse induces the participants of communication to refer to the text. Similarly, the text leads to the possibility of variability of the discourse.

Conclusion

Thus when we speak about the concepts of discourse and text, we must note that discourse is a complex linguistic phenomenon and does not have an unambiguous definition. It is known that discourse is a linguistic communication between its participants (addressee and addressee). “Discourse” in modern linguistics often come across the term. But the synthesis of background knowledge

and concrete context does not always lead to an understanding of the word unambiguous discourse. Therefore, discourse has a different purpose, even if it reflects the features of other types of discourse. In linguistics, there is also the idea that discourse is at the same time is the process of writing and reading. According to the first, indeed, the proposed material is a graphic text, and according to the second, created in the process of perception, is an established discourse. So the main differentiation factors of discourse and text are analyzed in this article.

In linguistics, discourse is a linguistic mean in which the world view formed in one cognitive space is encrypted by linguistic and extra-linguistic means and addressed to perception in another cognitive space. There is no common, universally accepted definition of discourse. Therefore, its components must be considered to clarify the meaning of dis-

course. Although discourse to some extent coincides with the concepts of “meaning” and “context”, they are not synonymous. Discourse appears in the process of direct communication such as oral and written. Discourse necessarily involves the presence of the sender and the receiver.

The text is the intersection of the various actions taken by the communicators, but which by their very nature are relevant. Understanding discourse as a process allows us to analyze the text as a static event. Analysis of the text structure allows us to divide the text into separate elements and to determine their hierarchical relationship (Шипова, 2017: 169).

In our opinion, it is more convincing to consider the text as an intermediate stage of discourse when considering the sum of speech and thought actions of both communicators as discourse. At the same time, the text can be considered as a product (result) of discourse, as an objective fact of reality.

Литература

- Harris Z. Discourse analysis: A small text. – NY: Linguistic Society of America, Language, vol.28, No.4, 1952. – P. 1-30.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
- Lemke J.L. Textual Politics: Discourse and Social Dynamics. – London: Taylor&Francis, 1995. – 208 p.
- Abdullayev Ə.Ə. Aktual üzvlənmə, mətn və diskurs. – Bakı: Zərdabi LTD MMC, 2011. – 272 s.
- Ульянова Е.С. Реализация суперструктуры немецкоязычного энциклопедического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 193 с.
- Сигал К.Я. Текст как функциональная среда синтаксической конструкции // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: ИЯз РАН; МГЛУ, 2000. – С. 223-224.
- Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно функциональный анализ. – Ростов-на-Дону: АПСН, 2003. – 180 с.
- Кулибина Н.В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя // Мир русского слова. – 2001. – №1 <http://www.gramota.ru/mirrs.html?problem03.htm> (1 апреля 2010 г.)
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 224 с.
- Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 36-45.
- Богатырева И.И., Антонов А.В., Курзинер Е.С. Гипертекст, контекст и подтекст в поисково-аналитической системе “Галактика-Zoom” / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог 2006. – М.: РГГУ, 2006. – С. 73-77.
- Манаенко Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах / под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: ПГЛУ, вып. 3, 2005. – С. 22-32.
- Чан Ким Бао. Русский текст как лингвистический феномен: Через призму лингвофилософской иньян-концепции: Дис. ... док. филол. наук. – М., 2000. – 395 с.
- Шипова И.А., Метасемиотика художественного текста: Дис... док. филол. наук. – М., 2017. – 364 с.
- Карасик В.И. О типах дискурса. // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

References

- Abdullayev E.E. (2011) Aktual uzvlenme, metn ve diskurs [Actual division text and discourse]. Bakı: Zerdabi LTD MMC, 272 s. (In Azerbaijani)
- Bogatyрева I.I., Antonov A.V., Kurziner E.S. (2006) Gipertekst, kontekst i podtekst v poiskovo-analiticheskoy sisteme “Galaktika-Zoom” [Hypertext, context and subtext in the search and analytical system “Galaktika-Zoom”] Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii Dialog 2006. M.: RGGU, S. 73-77 (In Russian)

Chan Kim Bao. (2000) Russkiy tekst kak lingvisticheskiy fenomen: Cherez prizmu lingvofilosofskoy inyan-kontseptsii [Russian text as a linguistic phenomenon: Through the prism of the linguo-philosophical inyan-concept]: Dis. ... dok. filol. nauk. M., 395 s. (In Russian)

Harris Z. (1952) Discourse analysis: A small text. NY: Linguistic Society of America, Language, vol.28, No.4, p. 1-30.

Karasik V.I. (2000). O tipah diskursa [On the types of discourse] Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs: sb. nauch. Trudov VGPU. Volgograd: Peremena, p. 5-20. (In Russian)

Kulibina N.V. (2001) Khudozhestvennyy diskurs kak aktualizatsiya khudozhestvennogo teksta v soznanii chitatelya [Artistic discourse as actualization of a literary text in the mind of the reader] // Mir russkogo slova, №1 <http://www.gramota.ru/mirrs.html?problem03.htm> (1 April 2010) (In Russian)

Lemke J.L. (1995) Textual Politics: Discourse and Social Dynamics. London: Taylor&Francis, 208 p.

Malycheva N.V. (2003) Tekst i slozhnoye sintaksicheskoye tseloye: sistemno funktsionalnyy analiz [Text and a Complex Syntactic Whole: System Functional Analysis]. Rostov-na-Donu: APSN, 180 s. (In Russian)

Manayenko G.N. (2005) Kognitivnyye osnovaniya informatsionno-diskursivnogo podkhoda k analizu yazykovykh vyrazheniy i teksta [Cognitive foundations of the information-discourse approach to the analysis of linguistic expressions and text] Yazyk. Tekst. Diskurs: mezhvuzovskiy nauchnyy almanakh / pod red. G.N.Manayenko. Stavropol: PGLU. Vyp. 3. S. 22-32 (In Russian)

Prokhorov Yu.E. (2006) Deystvitelnost. Tekst. Diskurs [Reality. Text. Discourse]. M.: Flinta; Nauka, 224 s. (In Russian)

Shipova I.A. (2017) Metasemiotika khudozhestvennogo teksta [Metasemiotics of literary text]: Dis... dok. filol. nauk. M., 364 s. (In Russian)

Sigal K.Ya. (2000) Tekst kak funktsionalnaya sreda sintaksicheskoy konstruktssii [Text as a functional environment for syntactic construction] Yazykovoye soznaniye: sodержaniye i funktsionirovaniye. XIII Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. M.: IYaz RAN; MGLU. S. 223-224 (In Russian)

Turayeva Z.Ya. (1986) Lingvistika teksta [Linguistics of the text]. M.: Prosveshcheniye, 127 s. (In Russian)

Ulianova E.S. (2004) Realizatsiya superstruktury nemetskoyazychnogo entsiklopedicheskogo diskursa [Realization of the superstructure of the German-language encyclopedic discourse]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 193 s. (In Russian)

Zalevskaya A.A. (2001) Psikholingvisticheskiy podkhod k probleme kontsepta [Psycholinguistic approach to the concept problem] A.A.Zalevskaya. Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki: Nauchnoye izdaniye. Pod red. I.A.Sternina. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, S. 36-45 (In Russian)

М.Т. Шакенова* , **Д.С. Ташимханова** ,
М.А. Баймаханбетов , **У.А. Оспанова**

АО «Информационно-аналитический центр», Казахстан, г. Нур-Султан,

*e-mail: maigul1379@mail.ru

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ДИАГНОСТИРОВАНИЕ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА (на материале корпуса русскоязычных интернет-публикаций)

В статье рассматривается проблема манипулятивности массмедийного дискурса и его распознавания путем применения машинного обучения. Современный дискурс масс-медиа адресован массовому читателю, на настроение и поведение которого он может оказывать психолого-информационное воздействие, при этом формируя у читателя определенные установки, ценности, мироощущения и миропонимание. В силу стремительного развития информационных технологий и ежеминутного пополнения информационного интернет-контента значительно увеличиваются риски и угроза подобного информационного воздействия. В связи с этим актуальными являются вопросы изучения дискурса масс-медиа, манипуляции, выявления признаков манипулятивности публикаций. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена острой необходимостью быстрого, автоматического определения публикуемой тестовой информации, обладающей манипулятивным потенциалом и способной оказывать медиаманипулирование массовым сознанием.

Феномен манипулятивности дискурса масс-медиа представляет собой сложное явление, объединяющее как языковые, так и внеязыковые факторы. В аспекте компьютерного диагностирования манипулятивности массмедийных публикаций сформировано понимание концепта манипулятивности, в котором акцент сделан на языковую репрезентацию манипулятивного, «скрытого» и затемненного содержания. В контексте машинной обработки больших массивов текстов определено понимание однородности структуры манипулятивного текста. С учетом такого понимания манипулятивности в результате лингвистического и дискурсивного анализа 1000 казахстанских русскоязычных интернет-публикаций, извлеченных из корпуса текстов объемом 10000 единиц, были выявлены и охарактеризованы речевые и языковые индикаторы манипулятивности текстов. Гипотеза исследования заключалась в предположении, что выявленные индикаторы, которые подвергаются параметризации и алгоритмизации для машинной обработки, выступают валидными метриками автоматического диагностирования электронных публикаций, обладающих манипулятивным потенциалом.

Ключевые слова: манипулятивность, манипуляция, масс-медиа, дискурс, автоматическое распознавание, индикаторы манипулятивности.

M.T. Shakenova*, D.S. Tashimkhanova, M.A. Baimakhanbetov, U.A. Ospanova

"Information and Analytical Center" JSC, Kazakhstan, Nur-Sultan,

*e-mail: maigul1379@mail.ru

Automatic diagnostics of manipulative mass media discourse (based on the corpus of Russian-language Internet publications)

The article discusses the problem of manipulateness of mass media discourse and its recognition using machine learning. The modern mass media discourse is addressed to the general reader, and can psychologically and informationally influence reader's mood and behavior, forming certain beliefs, values, attitudes and worldview. Rapid development of information technologies and the daily replenishment of information Internet content significantly increases the risks and threat of such information impact. In this regard, the issues of studying the discourse of mass media, manipulation, and identifying features of manipulateness of publications are relevant. The urgency is also emphasized by the acute need for a quick, automatic determination of published electronic text information that has a manipulative potential and is able to provide media manipulation of the mass consciousness.

The phenomenon of the manipulative nature of mass media discourse is a complex occurrence that combines both linguistic and non-linguistic factors. Further computer diagnostics of the manipulativeness of publications using machine learning forms an understanding of the concept of manipulativeness, which highlights the linguistic representation of manipulative, "hidden" and obscured content, as well as understanding the homogeneity of the structure of manipulative text in the context of machine processing of large text arrays. For the first time, this manipulativeness concept helps to identify speech and language indicators of manipulativeness of Kazakhstani Russian-language Internet publications through linguistic and discourse analysis of 1000 publications provided by linguistic experts, selected from the corpus of 10,000 texts. The hypothesis of the research is that the identified indicators are valid metrics for the automatic diagnosis of electronic publications with manipulative potential, which are subjected to algorithmicizing for the subsequent machine processing.

Key words: manipulativeness, manipulation, mass media, discourse, automatic recognition, indicators of manipulativeness.

М.Т. Шакенова*, Д.С. Ташимханова, М.А. Баймаханбетов, У.А. Оспанова

«Ақпараттық-талдау орталығы» АҚ, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.,

*e-mail: maigul1379@mail.ru

Манипулятивті дискурсын автоматты диагностикалау (орыс тілді интернет жарияланымдар корпусы материалында)

Мақалада медиа дискурстың манипулятивтілігі және оны машиналық оқытуды қолдану арқылы тану мәселесі қарастырылады. Қазіргі заманғы бұқаралық ақпарат құралдарының дискурсы көңіл-күйі мен мінез-құлқына психологиялық-ақпараттық әсер етуі мүмкін, белгілі бір көзқарастарды, құндылықтарды, дүниетанымдар мен дүниетанымдарды қалыптастыратын бұқаралық оқырманға арналған. Ақпараттық технологиялардың қарқынды дамуына және ақпараттық интернет-контенттің минут сайын толықтырылуына байланысты осындай ақпараттық ықпал ету тәуекелдері мен қаупі едәуір артады. Осыған байланысты манипуляциялық әлеуеті бар және бұқаралық сананың медиаманипуляциясын қамтамасыз ете алатын, жарияланған электрондық тест ақпаратын тез, автоматты түрде анықтаудың шұғыл қажеттілігі өзекті болып табылады.

Бұқаралық ақпарат құралдарының дискурсының манипулятивтік құбылысы, тілдік және тілден тыс фактілерді біріктіретін күрделі құбылыс. Машиналық оқыту жарияланымдарының манипулятивтілігін одан әрі компьютерлік диагностикалау аспектісінде манипулятивтілік ұғымын түсіну қалыптасады, онда манипулятивті, «жасырын» және күңгірт мазмұнды тілдік бейнелеуге, сондай-ақ мәтіндердің үлкен массивтерін машиналық өңдеу контекстінде манипуляциялық мәтін құрылымының біркелкілігін түсінуге баса назар аударылады. Манипулятивтіліктің осы тұжырымдамасына сәйкес алғаш рет лингвист-сарапшылардың өздері 10000 мәтін корпусынан таңдап алған 1000 жарияланымға лингвистикалық және дискурсивті талдау жасау арқылы қазақстандық орыс тілді интернет-жарияланымдардың манипулятивтілігінің сөйлеу және тілдік индикаторлары анықталды.

Түйін сөздер: манипулятивті, манипуляция, бұқаралық ақпарат құралдары (массмедиа), дискурс, автоматты тану, манипуляция көрсеткіштері.

Введение

В статье представлены результаты экспериментального исследования по автоматическому распознаванию манипулятивности казахстанского русскоязычного массмедийного дискурса. Современные СМИ оказывают довольно мощное воздействие на общественное сознание, мнение, поведение. Будучи одной из ветвей власти, СМИ стремится акцентированию своей «повестки дня», контролю информации, к влиянию на развитие личности и общества через различные средства убеждения, манипулирования, формирования стереотипов и др. Дискурс массмедиа, благодаря современным ИКТ-возможностям,

непрерывно расширяет свою читательскую аудиторию, увеличивая в процессе коммуникации шансы на контроль мнением, поведением, настроением общества. Манипулятивный потенциал дискурса массмедиа стремительно возрастает, что увеличивает информационные риски, способные привести к социальным потрясениям и катастрофам. Международные и казахстанские исследования в области СМИ свидетельствуют об общем снижении уровня доверия населения к средствам массовой информации, о том, что большинство читателей отмечают намеренную дезинформацию общества, использование СМИ как инструмента дескредитации либо продвижения социально-политических явлений, фактов,

лиц и др. (Edelman TRUST BAROMETER, 2018; Результаты соцпроса, 2018). В связи с этим в настоящее время чрезвычайно актуальным являются вопросы изучения вопросов феномена манипуляции, механизмов массмедиауправления, выявления параметров распознавания манипулятивного дискурса, а также алгоритмизация данных параметров для автоматического диагностирования манипулятивных интернет-публикаций.

Манипулятивный дискурс, как одно из проявлений дискурса в целом, мы вслед за Н.Д. Арутуновой (Арутюнова, 1990), понимаем как сложное, многоаспектное явление, синтезирующее лингвистические и экстралингвистические (контекстные) факторы. При этом существуют определенные трудности параметризации манипулятивных средств для компьютерной обработки с учетом не только внеязыковых индикаторов, но и собственно языковых, поскольку языковая репрезентация манипулятивного содержания зачастую является скрытой и затемненной. С учетом выработанного концепта манипулятивности дискурса в аспекте машинной обработки больших массивов текстов определено понимание однородной структуры манипулятивного текста, в которой реализуется совокупность индикаторов, усиливающих манипулятивный потенциал текста. *Целью исследования* стали выявление индикаторов манипулятивности массмедийного дискурса, а также впервые их параметризация и алгоритмизация для последующего компьютерного распознавания манипулятивных публикаций. В качестве *материала исследования* были использованы отобранные экспертами-лингвистами 1000 манипулятивных текстов из корпуса публикаций объемом 10000 текстов из информационно-аналитических порталов РК (<https://camonitor.kz>, <https://kz.expert>, <https://rezonans.kz>, <https://www.azattyq.org>, <https://www.ktk.kz>). Гипотеза исследования заключается в том, что выявленные индикаторы манипулятивности являются валидными метриками автоматического диагностирования манипулятивных интернет-публикаций.

Эксперимент

По результатам проведенного обзора исследований, посвященных вопросам манипуляции и манипулятивного дискурса (Доценко, 1997; Dijk T. A. Van, 2006; Maillat D., 2013; Быкова, 1999; Кара-Мурза, 2015 и др.), был выработан концепт манипулятивности. При этом учитыва-

лось понимание данного явления с точки зрения психологии, социологии, политологии и лингвистики. В анализируемых исследованиях подчеркивается необходимость многоаспектного изучения явления манипуляции, к примеру, триангулярного подхода при дискурс-анализе, синтезирующего дискурсивный (дискурс), когнитивный (познание, мышление) и социальный (общество) аспекты (Dijk T. A. Van, 2006). Все данные исследования объединяет выделение такого признака, как скрытость, затемненность интенций манипулятора (автора публикации) и средств вербализации данных интенций для манипулируемого (читателя) (Доценко, 1997; Dijk T. A. Van, 2006, Кара-Мурза, 2015). Благодаря тщательному отбору манипулятором языковых средств, реализующих избранные стратегии и тактики манипуляции и скрытого контекстуального принуждения, перед читателем возникают ряд пропозиций, из которых он неосознанно выбирает ту, которая выгодна для манипулятора (Maillat D., 2013). Лингвистический аспект манипуляции рассмотрен исследователем О.Н. Быковой (Быкова, 1999). В свете дальнейшего автоматического диагностирования в понимании манипулятивности дискурса массмедиа сделан акцент на собственно языковые признаки манипулятивного текста. Языковые параметры манипулятивного дискурса стали объектом пристального внимания многих современных исследователей, ими были выявлены просодические, лексические, грамматические, стилистические средства, обладающие манипулятивным потенциалом (Копнина, 2012; Наварастян, 2017; Беляева, 2009, Василенко и др., 2019 и др.). В качестве параметров определения манипулятивного политического дискурса с использованием машинного обучения исследован ряд языковых средств в работах А.В. Колмогоровой, Ю.А. Горностаевой (Колмогорова и др., 2016; Горностаева, 2018).

Анализ существующих определений манипуляции позволил нам выработать свое понимание манипулятивности дискурса массмедиа, под которой понимаем определенное имплицитное манипулятивное воздействие, при котором реализуются интенции манипулятора в рамках выбранных стратегий и тактик манипуляции посредством грамотно отобранных языковых единиц. В результате манипулируемый непроизвольно из ряда альтернативных выбирает выгодную манипулятору пресуппозицию (Шакенова М.Т. и др., 2020). Иными словами, под манипулятивностью текста авторами понимается опре-

деленная совокупность, комбинации речевых стратегий и тактик, создаваемых с целью неявного воздействия на общественное сознание и выраженных определенными языковыми индикаторами (Кенжебалина Г.Н. и др., 2020).

Для выработки индикаторов манипулятивности был сформирован корпус из 1063 манипулятивных текстов. В корпус манипулятивных публикаций вошли русскоязычные тексты пяти казахстанских информационных источников, в которых публикуются развернутые аналитические статьи на актуальные социально значимые темы и в которых проявляются вербально выраженные средства, обладающие манипулятивным потенциалом. В результате глубинного анализа манипулятивных текстов лингвистами определены две группы индикаторов: речевые и языковые. Речевые индикаторы (стратегии и тактики манипуляции), как экстралингвистические факторы феномена манипуляции, представляют трудность для исследования методами машинного обучения. В связи с этим основными индикаторами манипулятивности текста выступили языковые индикаторы, способные выступить в качестве валидных метрик компьютерного диагностирования манипулятивности. Лингвистами выявлено 34 языковых индикатора, которые, по их экспертному мнению, обладают манипулятивным потенциалом и которые впоследствии можно будет алгоритмизировать для последующей машинной обработки. Данные индикаторы можно условно распределить на две большие группы: (1) лексические и (2) грамматические индикаторы. Лексические индикаторы в основном представлены оценочной лексикой и фразеологией (при этом поскольку в основном корпус составляли публикации, реализующие стратегию дискредитации, учитывалась лексические единицы с негативной тональностью), разговорной и инвективной лексикой, с одной стороны, и лексикой, характеризующей национальный контент и называющей социально-значимую лексику, с другой. Обоснование отбора лексических и грамматических средств более подробно описано в ряде публикаций, выполненных в рамках настоящего исследования (Кенжебалина и др., 2020; Шакеновой М.Т. и др., 2020). Из 34 индикаторов с учетом выявленных статистических закономерностей, а также возможности последующей алгоритмизации и составления словарей были отобраны и оптимизированы 24 индикатора, которые в совокупности могут выступить валидными метриками распознавания манипулятивных публикаций. Исключение ин-

дикаторов определялось несколькими причинами. Во-первых, определенные индикаторы не подтвердили статистическую значимость (например, образование новых слов с негативной тональностью). Во-вторых, некоторые индикаторы либо не подвергаются алгоритмизации, либо данный процесс является достаточно затруднительным, что в основном обусловлено явлением многозначности и омонимии в языке. В связи с этим были исключены такие индикаторы, как: прецедентные имена, устойчивые выражения, штампы с негативной тональностью, слова и словосочетания, отражающие социально значимые объекты, явления и т.д., используемые с целью манипуляции, не относящиеся к данной тематике, формы степеней сравнения, слова с позитивной или нейтральной тональностью, используемые с целью создания негативной тональности, иронии и др.

В целях распознавания манипулятивности электронной текстовой информации проведен комплекс работ по формализации правил лексических и грамматических индикаторов манипулятивности. Распознавание проводилось с применением двух подходов: (1) лексико-словарного и (2) алгоритмического (машинное обучение с учителем) (сноска). При применении словарей было использовано программное обеспечение Python, свободно доступное для оцифрования корпусов текстов и позволяющее распознать слова загруженного в программу словаря (Автоматическая обработка, 2017). По результатам анализа текстов были составлены, оптимизированы и расширены 14 словарей: (1) словарь слов с высоким индексом негативной тональности; (2) словарь слов со средним и невысоким индексом негативной тональности; (3) словарь слов для распознавания признака "Повтор слов с негативной тональностью"; (4) словарь слов для распознавания слов с негативной тональностью в заголовке статьи; (5) словарь слов, передающих казахстанское содержание; (6) словарь слов, называющих социально значимые объекты; (7) словарь разговорной лексики; (8) словарь инвективной лексики; (9) словарь генерализаторов; (10) словарь местоимений и наречий с неопределенным и указательным значением, со значением меры и степени; (11) словарь слов с приставками не-, против-, анти-, а-; (12) словарь сенсорных предикатов (1 раз) и словарь сенсорных предикатов (3 и более раза); (13) словарь вводных и модальных слов и сочетаний; (14) словарь союзов, частиц и междометий. Также дополнительно на базе словаря аббревиатур

(Журавлева, 2015) был составлен словарь аббревиатур, необходимый при распознавании алгоритмическим путем признака “Использование заглавных букв”.

Описание алгоритмов производилось на языке *Python*, который реализован практически на всех платформах и операционных системах. Были установлены основные библиотеки, используемые в этой работе: *pandas*, *numpy*. С применением алгоритмического подхода осуществлялось распознавание следующих индикаторов: (1) заглавные буквы, (2) использование кавычек с целью иронии, (3) использование формы сослагательного наклонения глаголов, (4) высокая частотность употребления частицы *не*, (5) употребление слово *нет*, (6) знаки препинания (многоточие, двойные знаки, три восклицательных знака), (7) риторические вопросы и вопросительные предложения, (8) риторические восклицания и восклицательные предложения, (9) предложения с двойным отрицанием, (10) конструкции с призывом к действию». С целью алгоритмизации ряда грамматических (а именно синтаксических) индикаторов были предварительно сформулированы наиболее распространенные модели перечисленных конструкций, обладающих манипулятивным потенциалом в дискурсе СМИ. По каждой оформленной модели были прописаны алгоритмы. Так, например, для одной из моделей конструкций с двойным отрицанием задается команда поиска в тексте двух элементов с отрицанием «*никто* + 1-3 шага + *не*» (Шакинова и др., 2020).

Результаты и обсуждение

Для экспериментальной проверки данных индикаторов манипулятивности на их валидность был составлен корпус, включающий манипулятивные и неманипулятивные публикации. Первая часть тестируемого корпуса (1140 манипулятивных текстов) состоит из корпуса манипулятивных публикаций, составленных лингвистами-экспертами (1063 ед.), и текстов, определяемых как манипулятивные участниками экспериментального онлайн-тестирования в рамках мультиагентного подхода (76 ед.) (Оспанова и др., 2020). Вторая часть (1036 неманипулятивных публикаций) включает тексты, размеченные участниками вышеназванного эксперимента по мультиагентному подходу (454 ед.), а также отобранные лингвистами-экспертами в ходе проверки тех или индикаторов манипулятивности (582 ед.). При формировании

данного тестового корпуса был учтен принцип сбалансированности: приблизительно равномерное количество манипулятивных и неманипулятивных публикаций. Разметка корпусов включала 24 языковых индикатора.

Было проведено машинное обучение с использованием модели Random Forest (случайный лес). Выбор случайного леса обусловлен рядом преимуществ данной модели, имеющей наиболее высокую точность предсказания. Более того, для случайного леса существуют методы оценивания значимости отдельных признаков модели.

Проведенный эксперимент подтвердил проведенную лингвистами и участниками тестирования мультиагентного подхода бинарную классификацию корпуса «манипулятивный – неманипулятивный». Точность (accuracy) модели равна 94% (таблица 1).

Таблица 1 – Матрица ошибок при эксперименте

	Real target (y=0)	Real target (y=1)
Prediction (y=0)	202	23
Prediction (y=1)	5	205

Поскольку первоначально была получена высокая точность (94%), результаты были перепроверены с помощью процедуры 10-кратной кросс-валидации данных. Как правило, в статистике прибегают к 5-кратной кросс-валидации, но ввиду небольшого размера корпуса, было решено провести 10-кратную процедуру. В итоге точность (accuracy) модели составила 92%, а F-мера (F1 score) значительно снизилась, составил 62%.

В результате машинного обучения была подтверждена валидность индикаторов манипулятивности, а также проведена оценка значимости каждого из них (таблица 2).

Кроме этого, для экспериментального подтверждения способности алгоритмов распознавать манипулятивность в текстах был проведен кластерный анализ одним из наиболее популярных методов *k*-средних (K-means). Алгоритм минимизирует общее квадратическое отклонение единиц анализа от центров кластера.

$$V = \sum_{i=1}^k \sum_{x \in S_i} (x - \mu_i)^2 \quad (1),$$

где, *k* – число кластеров, *S_i* – полученные кластеры, *μ_i* – среднее всех векторов *x* из кластера *S_i*.

Количество кластеров определяется заранее, в нашем случае – 2, поскольку финальная классификация является бинарной (манипулятивный – неманипулятивный текст). Таким образом, каждый

текст был расположен в 24-мерном пространстве (по количеству отобранных признаков манипулятивности) и получены 2 кластера (группы) близко-расположенных в этом пространстве текстов.

Таблица 2 – Значимость индикаторов манипулятивности

№	Индикаторы манипулятивности	Random Forest Importance
1	местоимения, наречия, сочетания с неопределенным и указательным значением	0.163102
2	союзы, частицы, сочетания со служебными словами	0.153826
3	высокая частотность употребления частицы <i>не</i>	0.144429
4	вводные и модальные слова и сочетания	0.088800
5	повтор слов с негативной тональностью	0.079461
6	слова со средним и невысоким индексом негативной тональности	0.066415
7	слова, называющие социально значимые объекты	0.054467
8	генерализаторы	0.050133
9	слова, передающие казахстанское содержание	0.030329
10	сенсорные предикаты (3 и более раза)	0.028185
11	конструкции с призывом к действию	0.019566
12	использование заглавных букв	0.017822
13	использование кавычек с целью иронии	0.017618
14	слова с высоким индексом негативной тональности	0.016833
15	риторические вопросы и вопросительные предложения	0.014476
16	высокая частотность употребления слов с приставкой <i>не-</i> , <i>анти-</i> , <i>противо-</i> , <i>а-</i>	0.010338
17	сенсорные предикаты (1 раз)	0.009024
18	риторические восклицания и восклицательные предложения	0.008185
19	конструкции с двойным отрицанием	0.007857
20	употребление слово <i>нет</i>	0.006957
21	слова с негативной тональностью в заголовке статьи	0.006636
22	разговорная лексика	0.003672
23	знаки препинания	0.001570
24	инвективная лексика	0.000299

По всем текстам, вошедшим в экспериментальный корпус, дополнительно были получены бинарные классификации (манипулятивный – неманипулятивный текст) от экспертов (экспертная разметка). Результаты разметки кластерного анализа были затем сопоставлены с результатами экспертных оценок. Результаты анализа сходимости представлены в Таблице 3.

Результаты свидетельствуют, что разметка алгоритма на 99% совпадает с экспертной разметкой по распознаванию неманипулятивных текстов. В части определения манипулятивных текстов разметка алгоритма лишь на 42% совпадает с экспертной разметкой, однако при этом общая сходимость составила 69%.

Также для этой же цели был проведен сравнительный анализ двух корпусов, один из кото-

рых состоял только из манипулятивных текстов, другой – из неманипулятивных. Критериями сравнительного анализа выступили 24 отобранных индикатора манипулятивности (рисунок 1).

Таблица 3 – Сходимость кластерного анализа с экспертными оценками

	К-means (манипулятивный текст)	К-means (неманипулятивный текст)
Экспертная разметка (манипулятивный текст)	481	658
Экспертная разметка (неманипулятивный текст)	9	1027

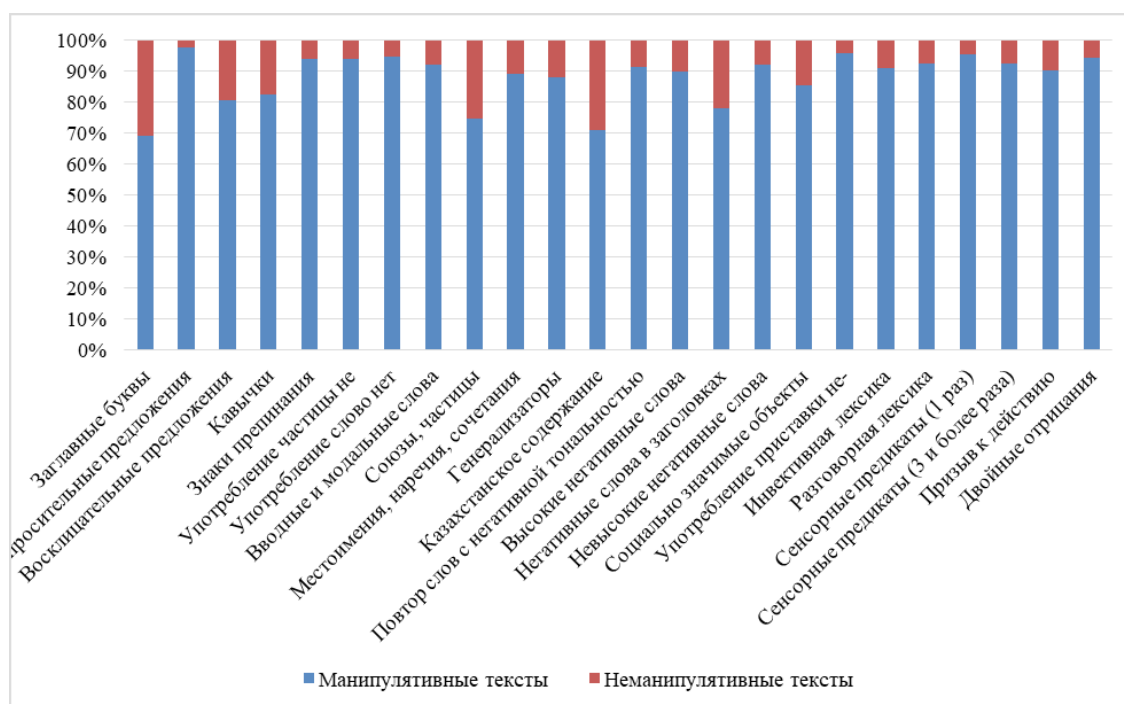

Рисунок 1 – Признаки манипулятивности в экспериментальных корпусах

Как видно из графика, в корпусе манипулятивных текстов 24 индикатора представлены гораздо интенсивнее, чем в корпусе неманипулятивных текстов. Это позволяет заключить, что вышеперечисленные признаки характеризуют манипулятивность и в совокупности являются достаточным основанием для распознавания манипулятивных публикаций.

Выводы

Анализ манипулятивности дискурса массмедиа позволил нам выработать концепт манипулятивности публикаций в контексте исследования больших массивов текстов, выявить индикаторы манипулятивности интернет-публикаций, впер-

вые составить словари и формализованные правила по данным индикаторам манипулятивности массмедийного дискурса. С применением лексико-словарного и алгоритмического подходов было проведено компьютерное распознавание манипулятивных публикаций. Эксперимент показал, что в совокупности выявленные индикаторы манипулятивности могут выступить валидными метриками определения манипулятивных и неманипулятивных публикаций.

Данная статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ № BR05236839 по теме «Разработка информационных технологий и систем для стимулирования устойчивого развития личности как одна из основ развития цифрового Казахстана».

Литература

- Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учебное пособие / Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. – 269 с.
- Active Python Releases [Электронный ресурс]: URL: <https://www.python.org/downloads/> (дата обращения 10.07.2020)
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
- Беляева И.В. Грамматика манипулятивной коммуникации // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – №1 (30). – С. 117–120.
- Быкова О.Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения // Вестн. Рос. риторич. ассоциации. – Красноярск, 1999. – Вып. 1 (8). – С. 91–103.

Vasilenko T.S., Belova E.V., Shevarshinova E.I. The role of language means in exerting a manipulative impact on the audience (on the example of BBC radio text) // World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies. – 2019. – 1(10).

Горностаева Ю.А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки: диссертация ... канд. филол.н.: 10.02.19. – Красноярск, 2018. – 191 с.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.

Dijk. T. A. van. Discourse and manipulation/ T.A. van Dijk // Discourse and Society. – 2006. – №17 (2). – P. 359–383.

Edelman Trust Barometer 2018 Global study [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://cms.edelman.com/sites/default/files/2018-02/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf

Журавлева Е.А. Словарь аббревиатур по материалам средств массовой информации Казахстана / Е.А. Журавлева, Д.В. Садиева. – 2-е изд., доп. – Астана: Изд-во ТОО “KazServicePrint LTD”, 2015. – 200 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2001. – 832 с.

Кенжебалина Г.Н., Шаикова Г.К., Шакинова М.Т., Акоева И.Г. Распознавание манипулятивного текста: структура и доминантные языковые параметры // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 105 – 125. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-105-125.

Колмогорова А.В., Талдыкина Ю.А., Калинин А.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 194–199.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Г.А. Копнина – 4-е изд., испр. – М.: Флинта, 2012. – 170 с.

Maillat D. Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation // Journal of Pragmatics. – 2013. – № 59. – P. 190–199.

Наварастян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): автореферат дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.02 / Л.Г. Наварастян. – Саратов, 2017. – 23 с.

Оспанова У., Акоева И. Методологические основы применения мультиагентного подхода к формированию, экспертной разметке и классификации корпуса новостных текстов Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Филологические науки». – 2020. – №2(72). – С. 549-557.

Результаты социологического опроса по оценке влияния открытых информационных источников (электронных СМИ) на социум / АО «ИАЦ» МОН РК. – Астана, 2018.

Шакинова М., Ташимханова Д., Баймаханбетов М. Манипулятивный потенциал лексических единиц (на материале казахстанского массмедийного дискурса) // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Филологические науки». – 2020. – №2(72). – С 130-137.

Шакинова М.Т., Ташимханова Д.С., Оспанова У.А., Булдыбаев Т.К. Лексико-грамматические маркеры манипулятивности массмедийного дискурса (на материале корпуса русскоязычных текстов СМИ в Республике Казахстан) // Научный диалог. – 2020. – № 2. – С. 141—160. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160.

References

Active Python Releases. URL: <https://www.python.org/downloads/> (accessed 10.07.2020)

Arutjunova N.D. (1990). Diskurs [Discourse]. Lingvisticheskij jentsiklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaja jentsiklopedija. P. 36–137. (In Russian)

Beljaeva I.V. (2009). Grammatika manipuljativnoj kommunikatsii [The Grammar of Manipulative Communication]. Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. Vol. 1 (30). – Pp. 117–120.

Bolshakova E.I., Vorontsov K.V., Efremova N.Je., Klyshinskii A.S., Lukashevich N.V., Sapin A.S. (2017). Avtomaticheskaja obrabotka tekstov na estestvennom jazyke i analiz dannyh: uchebnoe posobie [Automated Natural Language Processing and Data Analysis: A Tutorial]. Moscow: Izdatel'stvo NRU HSE. 269 p. (In Russian)

Bykova O.N. (1999). Jazykovoje manipulirovanie: materialy k jentsiklopedicheskomu slovarju «Kul'tura russkoj rechi» [Language manipulation: materials for the encyclopedic dictionary «Culture of Russian speech»]. Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija: Vestn. Ros. ritorich. Assotsiatsii. Krasnojarsk. Vol. 1 (8). Pp. 91–103. (In Russian)

Gornostaeva Ju.A. (2018). Verbal'nye markery manipuljatsii v anglojazychnom poljarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii i avtomaticheskoy obrabotki [Verbal Markers of Manipulation in Anglophone Polarized Political Discourse: An Experience of Parametrization and Automatic Processing]. Disse. ... kand. filol. n.: 10.02.19. Krasnojarsk. 191 p.

Dotsenko E.L. (1997) Psihologija manipuljatsii: fenomeny, mehanizmy i zashhita [Manipulation Psychology]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 344 p.

Dijk. T. A. van. (2006). Discourse and manipulation. Discourse and Society. No. 17 (2). P. 359–383.

Edelman Trust Barometer 2018 Global study. URL: http://cms.edelman.com/sites/default/files/2018-02/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf (accessed 20.10.2020)

Zhuravleva E.A. (2015). Slovar' abreviativ po materialam sredstv massovoj informatsii Kazahstana [Dictionary of abbreviations based on the materials of the media of Kazakhstan]. 2-e izd., dop. Astana: Izdatel'stvo TОО “KazServicePrint LTD”. 200 p.

Kara-Murza S.G. (2001). Manipuljatsija soznaniem [Contionsness Manipulation]. Moscow: Eksmo. 832 p.

Kenzhebalina G.N., Shaikova G.K., Shakenova M.T., Akoyeva I.G. (2020). Raspoznavanie manipuljativnogo teksta: struktura i dominantnye jazykovye parametry [Manipulative text recognition: structure and dominant linguistic parameters]. Nauchnyj dialog. No. 7. – Pp. 105 – 125. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-105-125.

Kolmogorova A.V., Taldykina Ju.A., Kalinin A.A. (2016). Jazykovye markery manipuljatsii v poljarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii [Linguistic markers of manipulation in polarized political discourse: the experience of parameterization]. *Politicheskaja lingvistika*. No. 4 (58). – Pp. 194–199.

Kopnina G.A. (2012). *Rechevoe manipulirovanie: ucheb. Posobie* [Speech Manipulation Tutorial]. 4-e izd., ispr. Moscow: Flinta, 2012. 170 p.

Maillat D. (2013). Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation. *Journal of Pragmatics*. No. 59. P. 190–199.

Navarastjan L.G. (2017). Jazykovye sredstva i rechevye priemy manipuljatsii informatsiej v SMI (na materiale rossijskih gazet) [Language tools and speech techniques for manipulating information in the media (based on material from Russian newspapers)]. Avtoreferat dissertatsii ... kand. filol. n.: 10.02.02 / L.G. Navarastjan. Saratov. 23 p.

Ospanova U., Akoeva I. (2020). Metodologicheskie osnovy primenenija mul'tiagentnogo podhoda k formirovaniju, jekspertnoj razmetke i klassifikatsii korpusa novostnyh tekstov [Methodological foundations for the application of a multi-agent approach to the formation, expert markup and classification of the corpus of news texts]. *Vestnik Kazahskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaja. Serija "Filologicheskie nauki"*. No. 2(72). Pp. 549-557.

Rezul'taty sotsiologicheskogo oprosa po otsenke vlijanija otkrytyh informatsionnyh istochnikov (jelektronnyh SMI) na sotsium [Results of a sociological survey to assess the impact of open information sources (electronic media) on society]. AO "IATs" MON RK. Astana, 2018.

Shakenova M., Tashimhanova D., Bajmahanbetov M. (2020). Manipuljativnyj potentsial leksicheskikh edinit (na materiale kazahstanskogo massmedijnogo diskursa) [Manipulative potential of lexical units (based on the material of Kazakh mass media discourse)]. *Vestnik Kazahskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaja. Serija "Filologicheskie nauki"*. No. 2(72). Pp. 130-137.

Shakenova M.T., Tashimhanova D.S., Ospanova U.A., Buldybayev T.K. (2020). Leksiko-grammaticheskie markery manipuljativnosti massmedijnogo diskursa (na materiale korpusa russkojazychnykh tekstov SMI v Respublike Kazahstan) [Lexico-grammatical markers of mass media manipulation discourse (based on the corpus of Russian-language media texts in the Republic of Kazakhstan)]. *Nauchnyj dialog*. No. 2, pp. 141—160. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160.

Vasilenko T.S., Belova E.V., Shevarshinova E.I. (2019). The role of language means in exerting a manipulative impact on the audience (on the example of BBC radio text). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 1(10).

2-бөлім
ӘДЕБИЕТТАНУ

Section 2
LITERARY CRITICISM

Раздел 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Агакишиева Саадат Ариф кызы

Гянджинский государственный университет, Азербайджан, г. Гянджа,
e-mail: agakishiyeva.s@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ХАНЫМАНЫ АЛИБЕЙЛИ

Современная азербайджанская поэтесса Ханымана Алибейли в своих произведениях для детей уделяла огромное внимание вопросам поэтики и мастерства. Ее произведения всегда отличались единством формы и содержания, структурой, выбором правильных слов для рифмы, при этом она использовала виды рифмы по мере необходимости. В своих стихах Ханымана Алибейли преимущественно использовала в качестве поэтического размера несколько способов организации – силлабическую систему стихосложения и частично свободный стих (верлибр). Стихотворения поэтессы, основанные на силлабической системе, в основном малослоговые, и преобладают семислоговые, порой восьми и пяти-шестислоговые поэтические формы. Одним из запоминающихся моментов поэзии Ханыманы Алибейли является выбор рифмы в стихотворении. Рифма вносит в ее стихотворения особую гармонию и красоту. Известная поэтесса для создания в своих стихотворениях гармонии и ритма пользуется различными методами. В её творчестве часто встречаются подражательные, двойные, призывающие слова, ономастические единицы, монологи и диалоги. Стихи в творчестве Ханыманы Алибейли иногда представлены от имени автора, а иногда и от имени её маленьких героев. Ханымана Алибейли является автором сотен стихотворений, десятков пьес для детей, более тридцати книг. Его творчество всегда было в центре внимания критики и литературной общественности. Произведения поэтессы оказывают огромное влияние на формирование мировоззрения детей и подростков, расширение их интересов, воспитание нравственности и духовности, укрепление их характера и, при этом, шлифовку их художественного вкуса. В статье исследуются художественные и стилистические особенности ее творчества.

Ключевые слова: стихотворение, детская литература, Ханымана Алибейли, диалог, монолог, силлабический размер, гармония.

Agakishiyeva Saadat Arif kizi

Ganja State University, Azerbaijan, Ganja,
e-mail: agakishiyeva.s@gmail.com

Artistic and stylistic features of khanimana Alibeyli 's Creativity

The modern Azerbaijani poetess Khanimana Alibeyli paid great attention to the issues of poetics and craftsmanship in her works for children. Her works have always been distinguished by the unity of form and content, structure, the choice of the right words for rhyme and used the types of rhyme as needed. In her poems, Khanimana Alibeyli mainly used several ways of organization as a poetic dimension – the syllabic system of versification, and partly free verse (vers libre). The poems of the poetess, based on the syllabic system, are mostly low-syllable, and seven-syllable, sometimes eight and five-six-syllable poetic forms prevail. One of the memorable moments of Khanimana Alibeyli's poetry is the choice of rhyme in the poem. Rhyme brings special harmony and beauty to her poems. And Khanimana Alibeyli uses various methods to create harmony and rhythm in her poems. In her work, imitative, double, invoking words, onomastic units, monologues and dialogues are often found. Poems in the works of Khanimana Alibeyli are sometimes presented by the author, and sometimes in the language of her little heroes. Khanimana Alibeyli is the author of hundreds of poems, dozens of plays for children, more than thirty books. His work has always been the focus of criticism and the literary community. The poetess's works played an important role in shaping the worldview of children and adolescents, expanding their interests, educating morality and spirituality, strengthening their character and, at the same time, polishing their artistic taste. The article examines the artistic and stylistic features of her work.

Key words: poem, children's literature, Khanimana Alibeyli, dialogue, monologue, syllabic meter, harmony.

Агакишиева Саадат Ариф кызы
Гянджа Мемлекеттік университеті, Әзірбайжан, Гянджа қ.,
e-mail: agakishiyeva.s@gmail.com

Ханымана Алибейли шығармашылығындағы әдеби және статистикалық ерекшеліктер

Заманауи әзірбайжандық ақын әйел Ханымана Алибейли өзінің балаларға арналған шығармаларында поэтика мен шеберлікке ерекше назар аударған. Оның туындылары үнемі формалық біркелкілікпен және мазмұнымен, құрылымымен, ұйқасқа сай келетін дұрыс сөздермен ерекшеленіп, ұйқастың түрлерін мейілінше керегіне қарай қолданған. Ханымана Алибейли өзінің өлеңдерінде көп жағдайда көлем жағынан ұйымдастырудың бірқатар түрлерін – өлең құраудың силлабологиялық жүйесін және шамалы еркін өлең жүйесін (верлибр) қолданған. Силлабологиялық жүйеге сай жазылған поэтессаның туындылары көбінесе аз буынды, жеті, кей жағдайда сегіз және бес-алты буындық поэтикалық формаға ие. Ханымана Алибейли поэзиясының есте қалатын тұсы ұйқас таңдау үрдісі. Ұйқас оның туындыларына ерекше әдемілік пен үйлесімділік сыйлайды. Сондай-ақ ырғақ пен үйлесімділікті құру үшін Ханымана Алибейли әртүрлі тәсілдерді қолданады. Оның шығармашылығында көп жағдайда монолог пен диалогтар, еліктеу мен үндеу сөздер, ономастикалық бірліктер кездеседі. Ханымана Алибейли шығармашылығындағы өлеңдер кейде автордың есімімен, кейде оның кіші кейіпкерлерінің тілі ретінде берілген. Ханымана Алибейли жүздеген өлеңнің авторы, балаларға арналған ондаған пьеса, отыздан астам кітаптың авторы. Оның шығармашылығы үнемі сын мен әдеби ортаның назарында болатын. Ақынның шығармалары балалар мен жасөспірімдердің өмірге деген көзқарасын қалыптастыруға, олардың қызығушылық аясын кеңейтуге, адамгершілік пен рухани құндылықты қалыптастыруда үлкен рөл ойнады, мінезді қалыптастыру мен әдеби талғамды ширатуға көп септігін тигізді. Мақалада автор шығармашылығының әдеби және стилистикалық ерекшеліктері зерттелген.

Түйін сөздер: өлең, балалар әдебиеті, Ханымана Алибейли, диалог, монолог, силлабологиялық өлшем, үйлесімділік.

Введение

Одной из незаменимых лиц современной азербайджанской детской литературы является Ханымана Алибейли. Ханымана Алибейли является мастером, которая посвятила всю свою сознательную жизнь написанию и творчеству для детей. Её литературное наследие играет роль маяка для детей, помогая им продолжать идти по правильному пути.

Как литература помогает обогащать духовный мир детей, так же она оказывает положительное влияние на развитие и формирование их языка. Дети с помощью языка показывают нам свой духовный мир. Идеальное, хорошо разработанное произведение искусства обогащает язык детей, формирует их литературный вкус, художественное мышление. Иногда волшебный мир, созданный художественным мышлением в умах детей, становится более привлекательным и великолепным, чем реальная жизнь, глубже проникает в их психологию. Поэтому необходимо уделять больше внимания языку и стилю образцов искусства, написанных для детей, чем произведений, написанных для взрослых.

Эксперимент

Работы, созданные для детей, имеют свои художественные особенности, отличающиеся и интересные языковые и стилистические особенности. Язык и стиль – это единство уникального стиля выражения каждого писателя и поэта, проявления формы его темперамента и основных идей и художественных особенностей в процессе творчества (Mamedova, 2017: 98). Детство – это первая весна жизни. И произведения, написанные для детей, также должны соответствовать первой весне жизни своей естественностью, искренностью чувств, свежестью ощущений и красочностью художественной формы (Jafar, 1980: 11).

“Дети – наше счастье”, “Эстетическое наслаждение от детской поэзии”, “Детские патристические чувства” и другие статьи и выступления поэтессы освещают общие теоретические вопросы детской литературы. Эти статьи отражают опыт, взгляды Х. Алибейли в области детской литературы.

В своей статье “Дети – наше счастье” мастер слова пишет: “Любить детей и посвятить себя

им – величайшее счастье в жизни. Растущий интерес этого маленького волшебного человечка к жизни, приобретение им прекрасных человеческих качеств, порождает чувство радости в сердцах взрослых” (Alibeyli, 1970: 1)

Ханымана Алибейли отмечает в своей статье, что она советовала людям воспитывать своих детей с наивысшими качествами, которые они обладают. Она считала детские стихи лучшим и мудрым сопровождающим детской жизни. Эти стихи учат детей мужеству, любви к родине и людям.

Х. Алибейли также уделяла внимание вопросам мастерства в созданных ею произведениях для детей. Правда, хотя у нее были стихи, которые считаются слабыми с художественной стороны, но поэтесса в целом писала стихи, поэмы и пьесы, обогатившие современную Азербайджанскую детскую литературу с точки зрения искусства. Всегда находящаяся в поисках тем и сюжетов, поэтесса пыталась найти форму и содержание, которые могли бы понравиться детям. Невозможно заставить детей прочитать произведение в нелюбимой ими форме и содержании. И поэтому, Х. Алибейли пользовалась привлекающими детское внимание красками и оттенками. В её стихах, поэмах и пьесах искренность, естественность и убедительность изображений являются отличительной особенностью. Сцена застолья в пьесе “День рождения зайца” изображена со всей её живостью. Баловство козленка, ягненка, обезьяны, героизм собаки, дружба животных пробуждают искренние чувства. Песня друзей, приведенная в конце пьесы, полностью соответствует теме и идее пьесы:

Əllərimiz dəsməlli,
Yallı gedəyin, yallı!
Dovşanın ad günüdür,
Onun ən şad günüdür (Alibeyli, 2008: 48).

*С платками в руках,
Пройдемся ялы!
День рождения у зайца,
Самый радостный день у него.*

Назидательные мотивы, составлявшие сущность произведений, создаваемых в азербайджанской детской литературе до 1960-1980-х годов, уже утрачивали свое значение после 1980-х годов (Nasirova, 2009: 26). Как и у ряда мастеров слова, мы наглядно видим это и в творчестве Х. Алибейли. Она, изображая события, образы, не испытывает необходимости в каком-либо объяснении, поэтическое описание создается столь

живым и реальным, что дети не читают произведения, а словно проживают его.

Mən karuselə mindim,
Hər ləndikə sevindim.
Altımda vardı boz fil,
O uçurdu elə bil.
Görmək olmurdu yeri,
Hər şey qalırdı geri.
Üzümə vururdu yeli,
Nə yaxşıdır karusel (Alibeyli, 2008: 42)

*Я сел на карусель,
Радовался, кружась.
Подо мной был серый слон,
Он словно летел.
Невозможно было землю увидеть,
Все оставалось позади.
В лицо мне бил ветерок,
Как же хороша карусель.*

В приведенном нами в качестве примера стихотворении события заключены в рамках 8 строк, основная цель автора изображается ясно и плавно. Во всех стихотворениях Ханыманы Алибейли, можно сказать, можно увидеть это явления. Потому что длинные стихи, крупнообъемные произведения утомительны и трудны для детей. Глубоко разбирающийся в детской психологии мастер ставит перед собой целью использование наиболее подходящего для детей языка и стиля. И действительно, “Эта книга по-настоящему воспитывает, автор не поднимается на трибуну для выступления, чтобы, используя маленький возраст читателя, наставлять его, радуясь и огорчаясь всеми чувствами, переживаниями, живет в созданной им самим реальности” (Mamedov, 2013: 122).

В своих стихах Х. Алибейли чаще обращается как к более поэтическому размеру к силлабической системе, а также иногда использует свободный стих или же верлибр. Как известно, как и у других тюркских народов, в азербайджанской поэзии силлабическая система стихосложения более динамична (Yusifoglu, 2009: 35). Этот поэтический размер носит более родной характер. Перешел он в письменную литературу из устной народной литературы и фольклора. Классический восточный размер стихосложения – аруз и свободный стих вошли в Азербайджанскую литературу позже, и создание в этом размере детских стихотворений, в частности, несколько сложнее. И эта трудность вызвана восприятием и запоминанием написанных в этом размере стихотворений детьми. Обращение Х. Алибейли, как и других мастеров слова, к силлабическому размеру очень естественно.

Стихотворения Ханымана Алибейли с силлабическим размером стихосложения являются малослоговыми. Среди них преобладают семи-слоговые, иногда 8 и 5-6-тилоговые формы поэзии. Поэтесса свои поэмы написала в 7-и и 8-ислоговой стихотворной форме и в виде месневи. Детям легче читать и учить наизусть стихотворения такого типа.

Insanın barmaqları,
Hər bir işə yararır.
Hərdən səhər çağları,
Tellərini darayır (Alibeyli, 2008: 107)

*Пальцы человека,
Пригодны к делу любому.
Порой ранним утром,
Волосы расчесывают.*

В творчестве мастера слова встречаются и одиннадцатислоговая стихотворная форма. Пусть и в малом количестве, но поэтесса смогла создать интересные образцы стихов подобного типа.

Yeddi rəng lentini itirdi Solmaz,
Ay qız bu qədər lent itirmək olmaz. (Alibeyli, 2008: 140)

*Ленты семи цветов потеряла Солмаз,
Девушка, столько лент потерять нельзя.*

В своих пьесах она использовала преимущественно одиннадцатислоговую стихотворную форму. В некоторых своих пьесах (“Айджан”, “Сельский врач”, “Красивее всех”, “Помеченная птица”) наряду одиннадцатислоговой стихотворной формой воспользовалась и 5-ти, 6-ти, 7-ислоговыми стихотворениями. Подобного типа сопоставления не нанесли урона содержанию пьес, наоборот, придали пьесе особые оттенки. В приведенном нами из пьесы “Айджан” отрывке в пределах одного стихотворения мы видим и 1-тилоговые, и 7-ислоговые стихотворные строки.

Balaca qanqal
Niyə? Mən köməkçi gəlmişəm sənə,
Etibar elə, əlahəzrət mənə.
Başım səncələ düşmüşdü,
Güllər məni öldürmüşdü (Alibeyli, 2008: 70)

*Маленький бодяк
Почему? Я помощником пришел к тебе,
Доверься, его величество, мне.
У меня были проблемы,
Цветы меня чуть не убили.*

Одним из основных моментов поэзии Ханымана Алибейли является выбор рифмы в стихотворении. Рифма приносит особую гармонию и красоту в поэзию. При выборе рифмы мастер слова отдает предпочтение в основном малословным рифмам, потому что создание рифмы из многословных слов в детских стихах не столь эффективно.

Uğurla vurdu başa,
Elxan bu dərs ilini,
Kəndə getdi birbaşa,
Keçirsin tətlini (Alibeyli, 2008:124)

*Успешно завершил
Эльхан этот учебный год,
В село поехал напрямиком,
Провести каникулы.*

Слова, используемые в качестве рифм, играют важную роль в формировании всех выражений, идей в детской поэзии, а также отличаются по своим семантическим содержанием, смысловой полнотой. Так как будучи рифмованными, такие слова особенно привлекают внимание детей.

Гармоничность и ритмичность для детских стихотворений имеет очень большое значение. И Ханымана Алибейли в своих стихах для создания гармонии и ритмичности пользовалась различными способами. Для этой цели художник мастерски использовал парные слова в своих стихах. *Dəstə-dəstə//молнами-молнами, sərgə-sərgə//рядами-рядами, dama-dama//капая-капая, sərin-sərin//прохладой-прохладой, qoşa-qoşa//напой-напой, coşa-coşa//буйно-буйно* и пр. двойные слова украшают строки и создают прекрасную гармонию в стихотворении.

Dalğalar coşa-coşa
Çalsın qaytağı.
Oynayaq qoşa-qoşa
Biz səhər çağı (Alibeyli, 2008: 36).

*Волны буйно-буйно
Пусть исполняют танец.
Потанцует вместе-вместе
Мы утром спозаранку.*

Одним из главных элементов, которые приносят гармонию в стихотворение, являются подражательные слова. В стихах Ханыманы Алибейли достаточно часто можно встретить подражательные слова. Подражательные слова придают особую гармонию и ритм стихам. Детям подобные стихи читать легче и веселее.

Дети учатся, подражая звукам животных и природным явлениям, которые их окружают.

По мере необходимости она использовала стилистические возможности звукоподражания. В частности, она придала особое значение краткости строк в этом типе стихов. Звуки, издаваемые вороной в поэме “Ворона”, создают в поэме особый ритм, напоминают музыку. Как будто при чтении стихотворения строки сопровождаются мелодией. Голос вороны похож на звуки ударных инструментов.

“Qarr!” deyir aḡşamacan,
Heḡ aḡnımır boḡazı.
“Qarr... qarr... qarr!”
Əlbət deyir: “Yaḡsın qar”,
Çoxlu qar düşsün baḡa (Alibeyli, 2008: 27)

*“Карр!” кричит допоздна,
И не болит горло у нее.
“Карр ... карр... карр!”
Говорит наверное: “Пусть снег пойдет”,
Много снега пусть выпадет в сад.*

Ханымана Алибейли использовала в своих стихотворениях также и вокативные слова. В отличие от подражательных слов, вокативные слова представляют собой слова, преимущественно используемые для призыва животных и птиц. Вокативные слова были использованы для более точного выражения идей, более ясного описания событий для детей. В пьесе “Джунгуш” дети используют разные вокативные слова для призыва коз. Для призыва первой козы используют “тюши-тюши”, а второй – “печ, печ”.

Tüşı, tüşı, körpə keçım,
Gəl sənə mən göy ot biçım (Alibeyli, 2008: 209)

*Тюши, тюши, козленочек мой,
Давай я накошу тебе зеленой травы.*

Богатство азербайджанского языка стало причиной появления различных типов ономастических единиц. К ним относятся все виды имен собственных – личное имя, фамилия, прозвище, топонимы, гидронимы и т. д. Несмотря на столь разнообразное распределение ономастических единиц, скорости образования и развития различны (Huseynova, 2017: 256). Ономастические единицы изобилуют в произведениях Ханыманы Алибейли. Как антропонимы, так и топонимы, гидронимы добавляют поэтические оттенки к ее произведениям, обогащают их. Она использует ономастические единицы как в пределах строк, так и в заголовках своих произведений. В каче-

стве примера антропонимам можно указать Эльхан, Санубвр, Айтек, Аян, Егяна, Акиф, Эльян, Эльсевер, Яшар, Селим и десятки других имен. Мастер слова, который получает особое удовольствие от раздачи имен маленьким героям, обращается к ним по именам, именами придал им жизненность

Odun qırır hər səhər
Kıçık qardaşım Qara.
Ayrı səpir Elsevər
Fermada toyuqlara (Alibeyli, 2008: 69).

*Дрова рубит каждое утро
Мой младший брат Кара.
Ячень сеет Эльсевер
На ферме курам.*

В своих стихах, поэмах и пьесах Ханымана Алибейли использует такие топонимы, которые связаны с Азербайджаном, Кавказом. Литератор с помощью топонимов Баку, Бильга, Пиршаги, Ленкорань, Уджар, Лачын, Шуша и др. словно пядь за пядью знакомит детей с землями Азербайджана.

Bir Maralgöl var Gəncədə-
Uca dağlar qoynunda.
Damcılardan mirvari var
Sərgə-sərgə boynunda... (Alibeyli, 2008: 133)

*Есть озеро Маралгёль в Гяндже -
На склоне гор высоких.
Из капель жемчуг есть
Ряд за рядом на шее...*

Ханымана Алибейли в своем творчестве чрезвычайно много использует стилистические возможности речи. Части речи имеют широкие возможности в стилистическом обогащении Азербайджанского языка. Части речи, помимо выполнения своих морфологических функций в предложении, обеспечивают чистоту, ясность, лаконичность, эмоциональность речи. Мы видим, что существительные, особенно глаголы, широко используются в стихах Ханыманы Алибейли.

Для увеличения силы воздействия стихотворения мастера используют различные методы. С этой целью используются обращения, императивная форма глагола, восклицательные, вопросительные и повелительные предложения. Рассматривая маленькое стихотворение Х. Алибейли “Стой-стой!” в двух строфах мы видим, насколько искусно мастер использует возможности грамматики. Может акцентированно пере-

дать читателю чувства и волнение маленького ребенка:

Kənddəki nənəsinə
Qonaq gəldi Elsevər.
Dedi:- Kimin səsini
Mən oyandım bu səhər?
Ay nənə, o nə səsdir
Bağçadan gəldi qur-qur?
- Çox yatdın, daha bəsdir...
Qurbağa dedi:- Dur-dur!(Alibeyli, 2008: 70)

*В деревне к бабушке
Приехал в гости Эльсевер.
Сказал:- На чей голос
Проснулся я сегодня утром?
Бабушка, что за звук
Из сада идет шумно-шумно?
- Много спал ты, хватит уж...
Лягушка произнесла:- Подъем-подъем!*

В этом стихотворении использовались вопросительное предложение и с обращением, и с удивлением, и повелительные предложения. Это не усложнило язык стихотворения, наоборот, внесло особую гармонию и ритм в стихотворение. Как можно заметить, в этом повелительном тоне не ощущается гнев или же повеление. В целом, в детских стихах есть определенная искренность, ласка между двумя сторонами, то есть между обращающимся и объектом, к которому обращаются.

Результаты и обсуждения

Мы часто сталкиваемся с монологами и диалогами в стихах Х. Алибейли. Стихотворения “Куда идешь?”, “Бакир”, “Другое дело”, “Лиса”, “Когда наступает весна”, “Кролик и осел” и другие основаны на диалоге. Построенные на основе стихи диалога формируют у детей способность общения. С помощью один другого интереснее

диалогов детям прививаются различные нравственно-духовные качества. Дети наблюдают, видят прививаемые им качества непосредственно посредством диалогов.

Yağlı rənglərlə Bəkir,
Oturub şəkil çəkir.
- Nə çəkirsən, a Bəkir?
- “Qardaşım ağac əkir”(Alibeyli, 2008:143)

*Масляными красками Бакир,
Сидит, картины рисует.
- Что рисуешь, Бакир?
- “Брат мой дерево сажает”.*

Стихи в творчестве Х. Алибейли иногда представлены автором, а иногда и языком её маленьких героев. Монологи, данные языком маленьких героев, носят преимущественно восхвалительный характер.

Заключение

Несомненно, признание Ханыманы Алибейли одной из выдающихся поэтесс современной азербайджанской детской литературы, любовь её стихотворений детьми, популярность сочиненных на её стихи песен, привлечение к себе внимание как к знаменитой поэтессе, в первую очередь, связано с высоким поэтическим уровнем её работ с творческой точки зрения (Shamsizade, 2010: 2). В этом аспекте, творчество Х.Алибейли станет хорошим образцом для поэтов и писателей, которые будут писать детям в дальнейшем. Х. Алибейли была поэтессой, сумевшей воспитать целое поколение детей. На самом деле своими произведениями она подготавливала детей к взрослой жизни. В этом заключалась сила её поэзии. Она воспитала несколько поколений своими хрупкими и искренними стихами.

Литература

- Мамедова Ш. Детская литература. Художественные особенности детской поэзии Захида Халила. – Баку: Нурлан, 2017. – 158 с.
- Джафар М. Дж. Детская литература между двумя съездами // Всегда с нами. – Баку: Писатель, 1980. – С. 98-119.
- Алибейли Х. Дети наша справедливость. Дети наше счастье. – Баку: АФЛК им.С. Мумтаза, 1970. – Ф. 438, е.х. 77, с. 47
- Алибейли Х. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 1. – Баку: Азер-пресс, 2008. – 239 с.
- Насирова Ш. Мирварид Дильбази и детская литература: дисс. канд. филол. наук. – Баку, 2009. – 158 с.
- Мамедов Дж. Современная тюркская поэзия: дисс. канд. филол. наук. – Баку, 2013. – 199 с.
- Юсифоглы Р. Основы литературоведения. – Баку: АГПУ, 2009. – 345 с.
- Алибейли Х. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 2. – Баку: Азер-пресс, 2008. – 239 с.
- Гусейнова Г. Роль ономастических единиц в художественном произведении. – Баку: Нурлан, 2017. – 190 с.
- Шамсизаде Н. Поэзия мира чистоты // Литературная газета. – Баку: 25.06.2010, №3. – С. 2.

References

- Alibeyli Kh. (1970). *Deti nasha spravedlivost. Deti nashe schastye* [Children are our justice. Children are our happiness]. Baku: AFLK im.S.Mumtaz. f. 438, e.h. 77, p. 47 (In Azerbaijani)
- Alibeyli Kh. (2008). *Izbranniye proizvedeniya* [Select works]. V 2-h tomah. Tom 1. Baku: Azer-press, 239 p. (In Azerbaijani)
- Alibeyli Kh. (2008). *Izbranniye proizvedeniya* [Select works]. V 2-h tomah. Tom 2. Baku: Azer-press, 239 p. (In Azerbaijani)
- Huseynova H. (2017). *Rol onomasticheskikh yedinitz v hudojestvennom proizvedenii* [The role of onomastic units in a poetic works]. Baku: Nurlan, 190 p. (In Azerbaijani)
- Jafar M. J. (1980). *Detskaya literature mejdu dvumya syezdami* [Children's literature between two congresses] // *Vsegda s nami*. Baku: Pisatel, p. 98-119(In Azerbaijani)
- Mamedov J. (2013). *Sovremennaya turkskaya poeziya* [The modern Turkish poetry]. *Dissertasiya kandidata filologicheskikh nauk*. Baku: 199 p. (In Azerbaijani)
- Mamedova Sh. (2017). *Detskaya literatura. Hudojestvenniye osobennosti detskoy poezii Zahida Khalila* [Children's literature. Artistic features of children's poetry of Zahid Khalil]. Baku: Nurlan. 158 p. (In Azerbaijani)
- Nasirova Sh. (2009). *Mirvarid Dilbazi i detskaya literatura* [Mirvarid Dilbazi and children's literature]. *Dissertasiya kandidata filologicheskikh nauk*. Baku: 158 p. (In Azerbaijani)
- Shamsizade N. (2010). *Poeziya mira chistoti* [Poetry of the world of purity]//*Literaturnaya gazeta*. Baku: 25.06.2010, №3. p. 2(In Azerbaijani)
- Yusifoglu R. (2009). *Osnovi literaturovedeniya* [Fundamentals of Literary Studies]. Baku: ASPU, 345 p. (In Azerbaijani)

Гусейнова Гюнель Шукрат кызы

Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку,
e-mail: gunel_almaz@mail.ru

ПЕЙЗАЖ В НАРОДНОЙ ЛИРИКЕ И СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Как известно, писатель символизирует вечность и бесконечность в образе природы, поскольку и сам человек является частью природы. Красота, поэзия, сфера охвата природы самобытным образом отражаются именно в человеческих раздумьях, в духовном мире человека. В таинственных картинах природы, созданных выдающимися художниками словами, прежде всего, отражались их эстетическое отношение к природе и красоте, создавались пейзажи в соответствии с состоянием, в котором оказывались герои. Картины природы стали средством раскрытия внутреннего мира героев, более эмоционального отражения их чувств и переживаний. Создание пейзажей, выполняющих какую-либо художественную миссию, требует от художника особого таланта. Для описания успешных художественных картин, в первую очередь, ощущается необходимость в чуткой наблюдательности художника. На самом деле пейзаж должен служить для создания разных образов в художественном произведении, а также раскрытия их характера, внутреннего мира, отношения к людям и жизни. Если провести сравнительные параллели между элементами пейзажа в народной лирике и современной азербайджанской поэзии, то увидим, что описания природы сообщают также о настрое автора и его философских взглядах, отражают настроение, чувства писателя, а также страсти персонажей, которые он изображает. Пейзаж также помогает усилить эмоциональную силу художественных героев. Поэтому в большинстве описаний природы пейзаж соответствует психологическому состоянию героев. Пейзаж становится более привлекательным при параллельном воспроизведении природы находящимся в центре событий. Природные картины, созданные благодаря общему развитию событий, повышают драматичность и эмоциональность художественного произведения.

Из сравнений и литературно-художественного анализа фольклора и современной поэзии стало ясно, что описание природы вовсе не всегда означает пейзаж, пейзаж – это способность отражения социально-духовных достоинств, настроения, беспокойства, размышлений, нравственности человека в художественной литературе. а также раскрытия философско-социальной сущности человеческой жизни с художественно-эстетической точки зрения.

Ключевые слова: лирический фольклор, пейзаж, элементы пейзажа, метафорический пейзаж, пейзажные образы, народная лирика, фольклор.

Huseynova Gunel Shukret gizi

Azerbaijan National Academy of Sciences, Institute of Folklore, Azerbaijan, Baku,
e-mail: gunel_almaz@mail.ru

The landscape elements in folk lyrics and modern Azerbaijani poetry

The writer symbolizes eternity and infinity in the embodiment of nature, because the human is a part of nature. The beauty, poetry and scope of nature are just reflected in human thoughts and in the spiritual world of human. First of all, the aesthetic attitude to nature and beauty is reflected in the mysterious natural landscapes created by prominent artists in words, the landscapes suitable for the fall of heroes are created. The nature boards have become a means of unraveling the inner world of heroes, reflecting their feelings and emotions even more emotionally. The creating landscapes that fulfill any artistic mission require special talent from the artist. For the description of the successful artistic boards, first of all, the sensitive observation of the artist is needed. In fact, the landscape should serve to create different images in the work of art, as well as to reveal their character, inner world, attitude to people and life. If we draw parallels between folk lyric and landscape elements in contemporary Azerbaijani poetry, we can see that the descriptions of nature also tell about the author's life and his philosophical views, reflect the mood and feelings of the writer, as well as the passions of the heroes he describes. The landscape also helps to strengthen the emotional power of the characters. That is why, in most images of nature the landscape

corresponds to the psychological state of the heroes. The landscape becomes even more attractive when nature is brought to life in parallel with the events at the center of the work. The natural images created by the general development of events increase the drama and emotionality of the work of art.

From the comparisons and literary-artistic analysis of folklore and contemporary poetry it became clear that the description of nature does not always mean a landscape, the landscape is such that in fiction it can reflect the socio-moral dignity, spirit, mood, anxiety, thoughts, spirituality of a person, as well as serve to reveal the philosophical and social essence of human life from the artistic and aesthetic point of view.

Key words: lyric folklore, landscape, landscape elements, metaphorical landscape, landscape images, folk lyrics, folklore.

Гусейнова Гюнель Шукрат кызы

Әзірбайжан Ұлттық Академиясы Фольклор институты, Әзірбайжан, Баку қ.,
e-mail: gunelalmaz@mail.ru

Ұлттық лирика мен қазіргі Әзірбайжан поэзиясындағы пейзаж

Өздеріңіз білетіндей, жазушы табиғат бейнесінде мәңгілік пен шексіздікті бейнелейді, өйткені адамның өзі табиғаттың бөлігі болып табылады. Сұлулық, поэзия, табиғаттың ауқымы адам ойларында, адамның рухани әлемінде ерекше түрде көрінеді. Көрнекті сөз шеберлері жасаған табиғаттың жұмбақ суреттерінде, ең алдымен, олардың табиғат пен сұлулыққа эстетикалық көзқарасы көрініс тапты, пейзаждар кейіпкерлердің жағдайына сәйкес жасалды. Табиғат суреттері кейіпкерлердің ішкі әлемін ашудың, олардың сезімдері мен тәжірибелерін эмоционалды бейнелеудің құралы болды. Кез келген көркемдік миссияны орындайтын пейзаждарды жасау суретшіден ерекше талантты талап етеді. Табысты көркем картиналарды сипаттау үшін, ең алдымен, суретшінің мұқият бақылауының қажеттілігі сезіледі. Шын мәнінде, пейзаж көркем шығармада әртүрлі образдар жасауға, сондай-ақ олардың мінезін, ішкі әлемін, адамдар мен өмірге деген көзқарасын ашуға қызмет етуі керек. Егер біз халық лирикасы мен қазіргі Әзірбайжан поэзиясындағы пейзаж элементтері арасында салыстырмалы параллельділік жасасақ, онда табиғат сипаттамалары автордың көңіл-күйі мен оның философиялық көзқарастарын, жазушының көңіл-күйін, сезімдерін, сондай-ақ ол бейнелейтін кейіпкерлердің құмарлықтарын бейнелейтінін көреміз. Пейзаж сонымен қатар көркем кейіпкерлердің эмоционалды күшін арттыруға көмектеседі. Сондықтан табиғат сипаттамаларының көпшілігінде пейзаж кейіпкерлердің психологиялық жағдайына сәйкес келеді. Табиғат ортасында орналасқан оқиғаларға параллель өрбіген кезінде пейзаж тартымды болады. Оқиғалардың жалпы дамуына байланысты жасалған табиғи суреттер көркем шығарманың драмасы мен эмоционалдылығын арттырады.

Фольклор мен қазіргі поэзияны салыстыру мен әдеби-көркем талдаудан табиғатты сипаттау әрдайым пейзажды білдірмейтінін көреміз, пейзаж – бұл көркем әдебиеттегі адамның әлеуметтік-рухани құндылықтарын, көңіл-күйін, алаңдаушылығын, ойларын, адамгершілігін бейнелеу қабілеті, сондай-ақ көркем және эстетикалық тұрғыдан адам өмірінің философиялық және әлеуметтік мәнін ашу.

Түйін сөздер: лирикалық фольклор, пейзаж, пейзаж элементтері, метафоралық пейзаж, пейзаж бейнелері, халық лирикасы, фольклор.

Введение

Как известно, нет другого такого литературного вида, способного настолько глубоко отразить внутренний мир, чувства и раздумья народа, как лирический фольклор. Все присущие лирике особенности являются ведущей и характерной чертой и лирического фольклора. В лирике важно описание не самого события, а отголосок какого-либо события во внутреннем мире героев. Иными словами: “Лирика – это эмоциональный, образный, заразительный литературный жанр с

глубокой смысловой нагрузкой. Расположение слов в лирических произведениях создает такую гармонию, что при их чтении у человека возникает ощущение, словно он слушает чарующее музыкальное произведение. Однако лирика более воздействующа, чем музыка. Потому что, в нем есть не только мелодия и гармония, но и глубокий смысл, окутанный эмоциональным одеянием. Мелодия, музыкальность, гармония выполняют функцию более воздействующего донесения до читателя содержания лирического настроения” (Yusifogli, 2009: 115).

Эксперимент

В фольклоре более широко отражаются чаяния и раздумья людей о природе. Верно следующее научное предположение: “Среди песен о различных природных явлениях и поверьях, обращают на себя внимание древностью песни о таких природных явлениях, как дождь, восход солнца, дуновение ветра, небесный гром и, вообще, поверьях об огне, воде, ветре, земле. В этих песнях люди обобщают Солнце как сына и дочь, призывом в трудную минуту стараются устранить катастрофу, которая может произойти” (Pesni, 1986: 7). Этот вывод фольклориста дает основание для утверждения о том, что описание природных явлений в фольклоре служит не только цели создания пейзажа. Природа представляет собой волшебное место, которое дает у себя в объятиях приют человеку, кормит, поит его, заботится о нем. Такое место, за пределами которого человеческая жизнь невообразима. Именно поэтому человек не органичивается лишь наслаждением красотой природы, любовью к ней, лелеянием, восхвалением, воспеванием ее, но и поклоняется ей, уповает на неё, просит у нее помощи в самые трудные минуты. Пейзажные черты в фольклорных образцах, создаваемых с целью обращения к природным объектам, не ограничиваются лишь миссией создания картины, выполняют более значимую функцию:

Duman, qaç, qaç,
Pərdəni aç, aç.
Səni qayadan asaram,
Buduna damğa basaram (Pesni, 1986: 46).

*Беги, беги туман,
Открой, открой полог.
Повешу тебя на скале,
Заклеймлю твоё бедро.*

Или же

Göy gurlayır, şimşək çaxır,
Yağış gəlir, yağış gəlir.
Çaylarımdan sellər axır,
Yağış gəlir, yağış gəlir (Pesni, 1986: 50)

*Гром гремит, молния сверкает,
Дождь идёт, дождь идёт.
По рекам моим сели текут,
Дождь идёт, дождь идёт*

Как видно из приведенных примеров, здесь характерными чертами, штрихами пейзажа созданы определенные картины. Однако не стоит

забывать, что изображение сверкнувшей молнии, идущего дождя, дующего ветра и растущих в горах, лугах, ущельях лекарственных растений не ограничивается исключительно миссией создания пейзажа, а становится выражением древних верований и убеждений нашего народа. Наслаждавшийся этими красотами человек, получал удовольствие от превращения наслаждения, волнения от этих картин в песни, колыбельные и баяты. Поскольку образцы лирического фольклора – колыбельные, баяты, причитания, народные песни – небольших размеров, возможность создавать в них обширные картины природы относительно ограничена. Но черты пейзажа выполняют миссию отражения духовного и психологического мира героев, их чувств и размышлений, эмоционального состояния. Слова Баяты чаще всего создаются из-за чувств, волнения и внутренних страданий людей” (Babayev, 1970: 147) можно отнести и другим жанрам лирического фольклора. Данное Р. Алиевым колыбельным название “песня начала” очень любопытно. Так как появившийся на свет новый человек получает первую информацию о природе, вселенной, красоте именно под звуки колыбельной.

Наиболее часто элемент пейзажа в лирическом фольклоре встречается в жанре баяты, поскольку баяты впитался в дух, кровь народа. В баяты элементов пейзажа больше, чем в других лирических жанрах. Однако с течением времени границы научной мысли о баяты и расширились, и стали выражать конкретное значение.

В статье проф. А. Гаджилы “Поэтическая семантика баяты” структура жанра рассматривается с точки зрения новых научных критериев. Ссылаясь на теоретическую литературу, автор приходит к выводу о том, что уже формируется семантическая поэтика. Затем автор пытается выразить сущность семантической поэтики этим предложением: “В семантической поэтике художественное произведение получается как особый знаковый язык, и в пределах этого языка изучаются эстетические значения, создатели и носители значения, механизм эволюции и сохранения художественного значения” (Azərbaycanlıya, 1985: 105). В статье автор, ссылаясь на баяты, пытается обосновать свои научные выводы, и приводит достаточно убедительные аргументы. Но, на наш взгляд, самые интересные, убедительные и новые идеи о баяты принадлежат мифологу Р. Алиеву. Выдвигающий интересные научные соображения о сотворении мира и человека ученый утверждает, что число 9 олицетворяет 9-слойную Вселенную, а число

7 – как модель сотворения человека, и обосновывает свои идеи научными доказательствами. После всего этого он пишет: “Колыбельная связана с началом жизни, она 4-строчная. Каждая строка связана с 7 слогами, соответственно 7 сферам. То есть в каждом слоге имеется 1 гласная, одна строка охватывает 7 гласных. В общей сложности четыре строки указывают количество четырех элементов (вода, небо, воздух и свет), которые являются основными элементами сотворения и конца. Строфа в целом состоит из $4 \cdot 7 = 28$ слогов. При этом есть еще один тонкий момент, связанный с сотворением. В создании вселенной вода и небо связаны в образе матери и отца, а воздух (ветер) – в образе ребенка. А свет свободен, и он относится ко всем трем. И тот факт, что в колыбельных, баяты и причитаниях одна из строк (третья строка) свободна, также находится в гармонии с моделью творения” (Aliyev, 2015: 81). На наш взгляд, это крайне точные и новые научные предположения. Использование четырех пейзажных элементов в народной лирике и придание им образности в определенные моменты подтверждает верность научных предположений. Немаловажным фактом является и то, что большинство созданных в наших баяты пейзажных признаков связаны с четырьмя элементами: вода, небо, воздух и свет.

Очарование созданных природных пейзажей, соответствие пейзажных черт настроению лирического героя в баяты как в жанре лирического фольклора весьма наглядны. Каждый из них предоставляет богатый материал для анализа. В баяты с любовью описываются иногда ясное, порой облачное небо, иногда ветреная, порой дождливая погода, навещающие в небо горы, глубокие ущелья, цветущие склоны, луга, сады, леса, источники, реки и пр. Самое приятное заключается в том, что пейзажи полностью соответствуют настроению героев, и это не носит случайный характер. Для изображений, связанных с водой, ведущими пейзажными атрибутами являются родник, река, море, дождь, роса; для неба – ясное или же пасмурное небо; для погоды – ветер, бриз, шторм, ураган; для света – Луна, звезды и Солнце.

Фольклорист В. Валиев приходит к очень верному выводу: “В каждом баяты глубокое человеческое чувство, высокая поэзия, красота природы дается в единстве, взаимном сопоставлении с духовным миром человека” (Bayati, 1985: 3). Создание пейзажа в этом образце фольклора, который состоит всего из четырех строк, не так-то просто. Однако характерный пейзаж, который

служит помощником в выражении основной идеи, становится причиной воспроизведения прекрасной картины перед глазами читателя. Лирический фольклор немыслим без пейзажа. Мы встречаем интересные элементы пейзажа и в трудовых, календарных и обрядовых песнях, и в колыбельных, баятах, причитаниях, и в народных песнях. События происходят именно на фоне определенного пейзажа.

Как видно, у лирического фольклора имеются возможности для создания самобытного пейзажа. В большинстве поэтических образцов либо создаются пейзажные черты, либо передаются раздумья, чувства и переживания лирического героя в обращении к объектам природы.

Природные объекты в народной лирике часто превращаются в средства художественного выражения. Например: “*Gəl gedək baş bulağa, Süyu sərxoş bulağa*” – “*Давай пойдём к главному роднику, Роднику с пьянящей водой*” (Bayati, 1960: 198). Здесь “родник с пьянящей водой” представляет собой прекрасный эпитет. Выражения “*Dağlar qar üçün ağlar, Bağlar bar üçün ağlar*” – “*Горы плачут по горам, Сады плачут по урожаю*” (Bayati, 1960: 203) являются прекрасным наглядным примером метафоры, строчка “*Ürəyim quş tək uçun getməyə yarımgilə*” – “*Сердце словно птица летит к любимой*” (Bayati, 1960: 25) – примером метафоры, а “*Desəm dağlar götürməz Dərdimin pərsəngini*” – “*Если расскажу, горы не осияют мою скорбь*” (Bayati, 1977: 39) – примером гиперболы. В лирическом фольклоре природные объектам придана образность с помощью средств художественного выражения.

Интересны также взгляды и заключения об этом жанре, его поэтических возможностях, высказанные проф. М. Хакимовым, имеющим особые заслуги в сборе и изучении наших баяты. Он в своей статье “Особенности мастерства в баяты” пишет: “При чтении баяты перед нами открываются новые пейзажи, новые духовные миры, широкие горизонты разума. Когда мы слышим баяты, словно слушаем нежную музыку, будто прислушиваемся к речи мудрого старца. Наряду со всем этим, мы абсолютно не сомневаемся в подобном человеческому плаче природы. Слышим конское ржание облаков. Следовательно, с помощью метафор в потоке художественной мысли мы обогащаем наше мышление” (Nakimov, 1996: 118).

В этих словах ученого есть великая правда. С точки зрения выражения малым количеством слов глубокого смысла, создания перед глазами прекрасных картин природы, раскрытия чувств

и переживаний людей на основе сравнения с природой баяты обладают широкими возможностями, эти возможности раскрываются именно посредством метафорических пейзажей. Мы можем применить это слово к другим жанрам нашего лирического фольклора.

Созданные в народной лирике природные картины привлекают к себе внимание не только как пейзажи, но и представляют интерес с точки зрения изучения отношения народа к природе и природным явлениям – дождю, снегу, граду, ветру; небу, Луне, Солнцу, горе, ущелью, лугу, цветку, дереву, другим растениям, фауне и флоре, в целом. В народных песнях широко используется пейзаж для донесения до слушателя художественного настроения, психологической сущности лирического героя, его духовного мира, чувств и раздумий. Пейзаж становится средством раскрытия внутреннего мира главного героя, его чувств и эмоций.

Известный литературный критик Теодор Руссо написал требования к художнику при создании пейзажа: “Возбудить чувства, пробудить размышления! Деревьям или природе не обязательно говорить! Главное заключается в том, чтобы дерево заставило нас размышлять” (Galanov, 1974: 86).

Как и в народных песнях всего мира, в народных песнях Азербайджана встречаются изображения природы, признаки пейзажа. К этим элементам пейзажа можно отнести горы, дождь, туман, цветы, реки, а также детали, связанные с различными природными явлениями, географическими названиями. Эти детали в сочетании с мелодией песни создают определенный фон воображения, с помощью которого перед глазами слушателя создается определенная природная картина, позволяет нам настроиться на этот образ и описание. На наш взгляд, в этом и заключается главное преимущество народных песен. Фольклорист Р. Гафарлы справедливо пишет по этому поводу: “По частоте использования, популярности в жизни людей песня не отстает ни от одного фольклорного жанра, и превращается в ежедневную жизненную необходимость, духовную пищу для миллионов азербайджанских турок. Тесная связь с жизнью народа позволяет ему быстро развиваться и распространяться на более широкой территории. В этом смысле лирические народные песни представляют собой художественную, поэтическую, многогранную, искреннюю форму творчества и энциклопедию истинных народных чувств” (Gafarli, 1999: 23). Порой при прослушивании песен, которые яв-

ляются зеркалом национально-духовного богатства, исторического прошлого нашего народа, мы попадаем под влияние описаний природы, обретаем эмоциональность, перед нашими глазами оживают картины нашей родины. Рассмотрим народную песню “Азербайджанский марал”:

Gedək Qırxız yaylağına,
Maral, cüyür oylağına.
Enək İsa bulağına,
Azərbaycan maralı (Garayev, 2015: 31).

*Пойдем в яйлаг Гыргыз
Пастбище маралов и джейранов
Спустимся к Иса-булагу,
Азербайджанский марал.*

Turşsu olsun yaylağımız,
Gözəl Şuşa oylağımız.
Sən olaydın qonağımız
Azərbaycan maralı (Garayev, 2015: 31).

*Туршсу будет яйлагом намз,
Красивая Шуша поселением.
Был бы ты гостем нашим
Азербайджанский марал*

Человек, гулявший некогда по плато Гыргыз, пивший воду из источника Иса-булаг, слушая эту песню, мысленно летит туда, словно перед его глазами оживают картины упомянутого плато, грудь наполняется его чистым воздухом, пусть и мысленно, пьет воду из источника, слышит его журчание, с болью вспоминает радующие глаз картины местечка Туршсу. Здесь мы становимся свидетелями еще одной детали национального менталитета нашего народа, ощущаем гостеприимный дух нашего народа. Однако элементы пейзажа не просто служат созданию фона или вызывают определенные ностальгические чувства у слушателя. В некоторых народных песнях мы видим сопоставление природы с человеком. В народной песне “Унесли Сару сели” река Арпа-чай является одновременно и элементом пейзажа, и географическим месторасположением, где происходят события, и причиной этой трагедии, самое же главное – художественным образом. Демонстрация необузданности реки как географического места интерпретируется как негативный образ. Арпа-чай разлучив двух влюбленных, превращает свадьбу кареглазой Сары в траур. В данном аспекте река является символом образа негативного человека, врага.

В народной лирике и современной азербайджанской поэзии человек противопоставляется природе, его качества переносятся на черты природы, трагедия еще более сгущается, слушатель становится эмоциональнее, сопереживает их состоянию. Согласно исследованию выдающегося фольклориста Р. Гафарлы, эта народная песня была создана на основе мотивов эпоса. Из-за социальной несовместимости двух молодых людей, влюбленных друг в друга (Ханчобан – сын бедного пастуха, а Сара – представительница богатого класса), они не могут соединиться. В народных песнях, как и в других лирических жанрах, гора интерпретируется как и символ гордости, величия, и горя, боли, и преследует цель по созданию географического фона. Лирический герой смотрит на горы, как джейран проходит по вершине высокой горы, так и его сердце подобно высокой горе, к его сердцу, которое он не раскрывал до сих пор никому, сейчас проложила свой путь джейран. Как колючки в горах кучкуются в кусты, так и в его сердце выросли колючки. Здесь колючка по сути является символом неудавшейся любви лирического героя, намекает на переживаемые им страдания, боль. В данном случае сравниваются природа с человеческим настроением и судьбой, эта картина создает художественный фон для события, которое герой пережил и которому был свидетелем. И действительно, пейзаж готовит прекрасную основу для развития событий, раскрытия персонажей. “И правда, слияние современного образного сознания с фольклорной традицией, а именно тенденцию “обновления фольклористики” можно проследить в произведениях всех поэтических поколений” (Garaev, 2015: 268). Пейзажи разнообразны, как в народной лирике, так и в современной поэзии. При описании гор, долин, лугов, лесов, низменностей, плато, цветов и других ландшафтов предпочтение отдавалось выбору наиболее характерных черт. В стихотворении А. Мадатоглу “Хары бюльбюль” есть некая тоска, боль. Словно лирический герой поэмы просит помощи у этого чудесного цветка:

Mənə doğma, mənə tanış,
Şuşa adlı dərddən danış...
Qələbəsiz yoxdu bəriş!
Ərit buzu, qarı bülbül,
Xarı bülbül, xarı bülbül (Svetok, 2016: 67)!

*Мне о родной, мне о знакомой,
Расскажи боли под названием Шуша ...
Без победы нет примирения!*

*Растопи лед, снег, соловей,
Хары бюльбюль, Хары бюльбюль!*

И в произведениях наших современных поэтов, чье творчество основывается на фольклоре, Солнцу любовно придается образность. Например, Наби Хазри представляет свою знаменитую героиню Севиль Газиеву как сестру Солнца на протяжении всей своей поэмы (“Сестра Солнца”). В произведениях Б. Вахабадзе, Г. Гасымзаде, Н. Гасанзаде, М. Араза, Ф. Годжа, Ф. Садыга, М. Аслана, Х. Кюрдоглу, А. Лачынлы, М. Исмаила, М. Ягуба, З. Ягуба, Р. Юсифоглу, М. Алекперли, А. Джамиля, Р. Гусарчайлы и др. поэтов Солнце и прославляется с любовью, и в той или иной форме поднимается до уровня художественного образа.

Литературовед Б. Ахмедов приходит к верному выводу о том, что “одной из главных причин, по которой в 60-х и 70-х годах значительная ветвь поэзии обратилась к природному и пейзажному лиризму, породилась желанием избавиться от политической, идеологической, производственной поэзии, найти новые темы и проблематику; устав от идеологических нападок, лирическое “я” видит искренние свои чувства и ощущения в гармонии с природой, выбирает природу в качестве объекта воспевания и обращается ради новых, оригинальных образов в одно место” (Ahmedov, 2015: 496).

В стихотворении Мамеда Исмаила “В мечтах я ночами приезжаю в деревню” очаровательная ночная картина становится средством раскрытия чувств и ощущений лирического героя. Поэт мастерски превращает лунный свет, создаваемую им тень, в объект поэтического изображения. Описание лунной ночи проливает свет на очень темные темы. Именно поэтому невозможно читать эти стихи без волнения

Ayın şəfəqində çinar ağappaq –
Bağam xonçasını nurlayan şamdır.
O qoca cevizin kölgəsinə bax,
Əlləri qoynunda qalan anamdır (Ismail, 1992: 79).

*В свете Луны платан белеет –
Словно свеча, освещающая праздничную хончу.
Посмотри на тень того древнего орехового дерева,
Словно моя мать со сложенными на груди руками.*

Интересны выводы литературного критика Гурбана Байрамова о пейзажной лирике Мусы Ягуба: “Муса Ягуб – поэт природы, но эта природа – это природа внутри человека, внутри поэта, не пейзаж, а характер, психологические пере-

живания, природа, пронизывающая внутренний мир человека” (Azerbaijanskaya, 2016: 632). На самом деле, и природа в народной лирике в большей степени психологические переживания, а не пейзаж.

Я. Караев в своей статье “Боль и память Аракса в нашей поэзии – Шахрияр” приходит к очень верному выводу о том, что строками стихотворений Шахрияр смог обрести духовное тело и художественное русло, эстетическое пространство (Garaev, 2016: 415). “Он (Шахрияр – прим. автора.) был гигантским ореховым деревом, дубом Гейдарбаба, который вырос одновременно и в земле, и в языке, и в культуре. Крона этого гигантского грецкого ореха отбрасывает тень на два берега, три эпохи, и Шахрияр вместе со своими переживаниями и размышлениями о наших скорбях, судьбах и истории по эту и ту сторону, проходя через эти эпохи, входит в наши дни” (Garaev, 2016: 417).

Исследователь Г. Караева пишет: “Поэты, которые относились к горам как к источнику эстетического удовольствия, объекту восхваления, создавали их величественный образ, подобно ашугской поэзии, выражали свои чувства и ощущения в свойственной ашугской поэзии манере, в большинстве случаев не смогли отделиться от влияния традиции” (Garaeva, 2013: 10).

Результаты и обсуждение

Творческое использование фольклора связано не только с художественной формой, но и с образом мышлением, близостью духа. Посвященные горам стихотворения Б. Вахабадзе, Х. Арифа, Габиля, А. Кюрчайлы, Н. Гасанзаде, Т. Байрама, Т. Махмуда, М. Гюнера, М. Исмаила, Д. Насиба, Х. Кюрдоглу, М. Аслана, А. Лачинлы, М. Алима, З. Ягуба, А. Джамиля, Р. Кусарчайлы, И. Садыга и др. обращают на себя

внимание своим очарованием, совершенством горных образов. Один из интересных аспектов, который следует принимать во внимание, заключается в том, что произведения, написанные на эту тему поэтами, которые провели детство и юность на склонах гор, в значительной степени более естественны, чем работы других авторов на ту же тему. Не случайно учено-фольклориста, профессора М. Гасымлы приводит в изумление совершенство пейзажа в произведении М. Гюнера. Самобытно анализирующий произведения поэта ученый пишет: “Мастан Гюнер был незаменимым мастером создания незабываемых картин – живых картин природных пейзажей, которые могли вызвать зависть даже у самых талантливых художников” (Mastan, 2015: 8).

Еще один интересный момент заключается в том, что личность и литературный вкус этих обладателей пера формировался непосредственно в фольклорной среде. И именно поэтому их произведения в плане выражения больше похожи на примеры народного творчества.

Заключение

Таким образом, в народной лирике и современной азербайджанской поэзии человек противопоставляется природе, его качества переносятся на черты природы, в некотором роде сопоставляется, сравнивается красота человека с красотой природы. Природа очеловечивается, говорит, гармонирует с человеческим духом, становится объектом воплощения. В народных песнях и поэзии широко пользуются пейзажем для передачи слушателю художественного настроения, психологической сущности лирического героя, его духовного мира, чувств и ощущений.

Литература

- Юсифоглы Р. Основы литературоведения. – Баку: АГПУ, 2009. – 288 с.
 Песни, поверья, благопожелания / собиратель и составитель А. Набиев. – Баку: Писатель, 1986. – 216 с.
 Бабаев И., Эфендиев П. Азербайджанская устная народная литература. – Баку: Просвещение, 1970. – 325 с.
 Азербайджанские народные легенды / составитель С. Пашаев. – Баку: Писатель, 1985. – 288 с.
 5Алиев Р. Генезис философии музыки. – Баку: Зия, 2015. – 102 с.
 Баяты / собиратели В. Велиев, С. Пашаев, составитель В. Велиев. – Баку: Писатель, 1985. – 200 с.
 Баяты / собиратель и составитель Г. Гасымов. – Баку: Азернешр, 1960. – 256 с.
 Баяты / составитель А. Мамедова. – Баку: Наука, 1977. – 328 с.
 Хакимов М. Баяты края. – Баку: Образование, 1996. – 304 с.
 Галанов Б. Живопись словом. – Москва: Советский писатель, 1974. – 244 с.
 Кафарлы Р. Миф и сказка. – Баку: Наука и образование, 1999. – 260 с.
 Караев Я. Избранные произведения. В 5-ти томах. Том 2. – Баку: Наука, 2015. – 632 с.
 Цветок любви / стихи о Хары бюльбюль. – Баку: Шуша, 2016. – 144 с.

- Ахмедов Б. Азербайджанская литература XX века. – Баку: Наука и образование, 2015. – 552 с.
Исмаил М. Избранные произведения. – Баку: Азернешр, 1992. – 304 с.
Азербайджанская литература периода независимости. В 2-х томах. Том 1. – Баку: Наука и образование, 2016. – 800 с.
Караев Я. Избранные произведения. В 5-ти томах. Том 4. – Баку: Наука, 2016. – 776 с.
Караева Г. Современная пейзажная лирика. – Баку: Наука, 2013. – 220 с.
Мастан говорит, на всех устах мой баят / сборник статей. – Баку: Наука и просвещение, 2015. – 320 с.

References

- Aliyev R. (2015). *Genesis filosofii muziki* [The genesis of the philosophy of music]. Baku: Ziya, 102 p. (In Azerbaijani)
Ahmedov B. (2015). *Azerbajjanskaya literatura XX veka* [Azerbaijani literature of the twentieth century]. Baku: Nauka i obrazovaniye, 552 p. (In Azerbaijani)
Azerbajjanskaya (2016) *literatura perioda nezavisimosti* [Azerbaijani literature of the independence period]. V 2-h tomah. Tom 1. Baku: Nauka i obrazovaniye, 800 p. (In Azerbaijani)
Azerbajjanskiye (1985) *narodniye legendi* [Azerbaijani folk legends]. Baku: Yazichi, 288 p. (In Azerbaijani)
Babayev I. (1970). *Efendiyev P. Azerbajjanskaya ustnaya narodnaya literatura* [Azerbaijani oral folk literature]. Baku: Prosvesheniye, 325 p. (In Azerbaijani)
Bayati (1985). [Bayats]. Baku: Pisatel, 200 p. (In Azerbaijani)
Bayati (1960). [Bayats]. Baku: Azerneshr, 256 p. (In Azerbaijani)
Bayati (1977). [Bayats]. Baku: Nauka, 328 p. (In Azerbaijani)
Gafarli R. (1999). *Mif i skazka* [Myth and fairy tale]. Baku: Nauka i obrazovaniye, 260 p. (In Azerbaijani)
Galanov B. (1974). *Jivopis slovom* [Painting with a word]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 244 p. (In Russian)
Garayev Y. (2016). *Izbranniye proizvedeniya* [The select works]. V 5-ti tomah. Tom 4. Baku: Nauka, 776 p. (In Azerbaijani)
Garayev Y. (2015). *Izbranniye proizvedeniya* [The select works]. V 5-ti tomah. Tom 2. Baku: Nauka, 632 p. (In Azerbaijani)
Garayeva G. (2013). *Sovremennaya peyzajnaya lirika* [Modern landscape lyrics]. Baku: Nauka, 220 p. (In Azerbaijani)
Hakimov M. (1996). *Bayati kraya* [Bayats of the land]. Baku: Obrazovaniye, 304 p. (In Azerbaijani)
Ismail M. (1992). *Izbranniye proizvedeniya* [The select works]. Baku: Azerneshr, 304 p. (In Azerbaijani)
Mastan (2015) *govorit na vseh ustah moy bayat* [Mastan says, on all lips my bayat]. Baku: Nauka i obrazovaniye, 320 p. (In Azerbaijani)
Pesni (1986) *poveriya, blagopojelaniya* [Songs, beliefs, well-wishings]. Baku: Pisatel, 216 p. (In Azerbaijani)
Svetok (2016) *lyubvi* [The love flower]. Baku: Shusha, 144 p. (In Azerbaijani)
Yusifogli R. (2009). *Osnovi literaturovedeniya* [Fundamentals of literary criticism]. Baku: AGPU, 288 p. (In Azerbaijani)

Edrenova N.T.* , **Akhmet A.N.** , **Tursalieva L.A.**

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: nazka_edrenova@mail.ru

MAN AND ERA IN THE CONCEPTUAL THINKING OF MAURICE SIMASHKO

This article is devoted to the historical discourse of the story by Maurice Simashko "Yemshan", in particular, the artistic role of exoticism, historicism, that is, lexemes, which play an important artistic role in the context of the work and are significant concepts. As part of the analysis of the role of these concepts, the philosophy of the History and the Man in prose of Maurice Simashko is revealed, its development is within the framework of the dynamics of the literary strategy of the writer, who possessed extraordinary knowledge in the field of history and culture of the peoples of the East. The images of the Man and the History in the works of Maurice Simashko are, in essence, micro-and-macro-images with a deep structural meta-semantic meaning. They are difficult to interact and show how important the problem of morality in the philosophy of the history of the writer. As M.D. Simashko admits, the impetus for writing the work was A.N. Maykov's poem "Emshan", the line from which became an epigraph for the story, as well as lengthy conversations with O.O. Suleimenov and S.N. Markov about the place and role of Kipchak khans in the history of the Middle Ages. The ideological and thematic content of the story, composition and development of the main verbal images are considered. The writer's artistic skill in translating medieval events from a historical level into a philosophical and moral aspect is also revealed. The analysis of the artistic text of M. Simashko's novel and historical sources about Sultan Beybars and his era is an urgent problem of the article.

Key words: poetics, conceptual sphere, concept, national picture of the world, story, poetics, micro-image, macro-image.

Едренова Н.Т. *, Ахмет А.Н., Турсалиева Л.А.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

*e-mail: nazka_edrenova@mail.ru,

Морис Симашконың концептуалдық түсінігіндегі уақыт пен адам

Бұл мақала Морис Симашконың "Емшан" повесінің тарихи дискурсына, атап айтқанда экзотизмдер, тарихизмдер, яғни туынды контекстінде маңызды көркемдік рөл атқаратын және маңызды тұжырымдамалар болып табылатын лексемдердің көркемдік рөліне арналған. Осы тұжырымдамалардың рөлін талдау шеңберінде Морис Симашко прозасындағы адам мен тарих философиясы, оның шығыс халықтарының тарихы мен мәдениеті саласында бірегей танымға ие жазушының әдеби стратегиясы динамикасының шеңберінде дамуы анықталады. Морис Симашко шығармаларындағы адам бейнелері мен тарихының бейнелері терең құрылымдық, мета-семантикалық мәні бар микро- және макрообраздар болып табылады. Олар өзара іс-қимыл жасау қиын және жазушы тарихының философиясындағы адамгершілік мәселесі қандай маңызды екенін көрсетеді. М.Д. Симашко өзі мойындағандай, А.Н. Майковтың "Емшан" өлеңінің бір жолы повестің эпиграфына айналды, сондай-ақ О.О. Сүлейменовпен және С.Н. Марковпен орта ғасырлар тарихындағы қыпшақ хандарының орны мен рөлі туралы ұзақ әңгімелесу туындыны жазуға түрткі болған. Мақалада сюжеттің идеялық-тақырыптық мазмұны, негізгі ауызша образдардың құрамы мен дамуы қарастырылады. Сондай-ақ жазушының ортағасырлық оқиғаларды тарихи деңгейден философиялық және адамгершілік аспектілерге аударудағы көркемдік шеберлігі ашылады. М. Симашко повесінің көркем мәтінін талдау, Сұлтан Бейбарыс және оның дәуірі туралы тарихи деректер мақаланың өзекті мәселесі болып табылады.

Түйін сөздер: поэтика, тұжырымдамалық сала, тұжырымдама, әлемнің ұлттық бейнесі, әңгіме, поэтика, микрообраз, макрообраз.

Н.Т. Едренова*, А.Н. Ахмет, Л.А. Турсалиева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: nazka_edrenova@mail.ru,

Человек и эпоха в концептуальном осмыслении Мориса Симашко

Данная статья посвящена историческому дискурсу повести Мориса Симашко “Емшан”, в частности художественной роли экзотизмов, историзмов, то есть лексем, выполняющих в контексте произведения важную художественную роль и являющихся значимыми концептами. В рамках анализа роли данных концептов выявляется философия Истории и Человека в прозе Мориса Симашко, ее развитие в рамках динамики литературной стратегии писателя, обладавшего неординарными познаниями в области истории и культуры народов Востока. Образы Человека и Истории в произведениях Мориса Симашко, по сути, являются микро- и макрообразами с глубоким структурным мета-семантическим значением. Они сложно взаимодействуют и показывают, какое важное значение имеет проблема нравственности в философии истории писателя. Как признается М.Д. Симашко, толчком для написания произведения послужило стихотворение А.Н. Майкова “Емшан”, строчка из которого стала эпиграфом к повести, а также продолжительные беседы с О.О. Сулейменовым и С.Н. Марковым о месте и роли кипчакских ханов в истории средневековья. Рассмотрено идейно-тематическое содержание повести, композиция и развитие основных словесных образов. Также раскрыто художественное мастерство писателя в переводе средневековых событий с исторического уровня в философский и нравственный аспекты. Анализ художественного текста повести М. Симашко и исторических источников о султанах Бейбарсе и его эпохе является основной задачей данной статьи.

Ключевые слова: поэтика, концептуальная сфера, концепт, национальная картина мира, повесть, поэтика, микрообраз, макрообраз.

Introduction

The word “Yemshan” in the poetry prose of Maurice Simashko is a significant conceptual word, filled with deep artistic and psychological meaning, which is both a poetic refrain and a colorful sign with important historical meta-semantics.

It is presented in the ancient Ipatiev Chronicle of 1201. In the monument this word is given in old russian form, sounding very close to the Turkmen, Chagatai word YEVSCHAN. Modern kazakhs and kipchaks as part of different peoples pronounce it as ZHUSAN, and the Bashkirs voice it – YUSHAN. In literary use, the name of wormwood, “a bunch of dry grass of the steppe” – yemshan, has become a high symbol of a distant steppe homeland, attracting sons to it, who, by the will of fate, ended up on a foreign land. It’s known that a certain journal of cultural studies, published in Europe in the postwar years by kazakh emigrants, bore this name (Gordin, 1981: 112).

Maurice Simashko devotes his story to Olzhas. This is clear. There are a thematic community of interests, friendship of two great masters of the word, commonality of views on the past, to the image of which both writers purposefully addressed in their works. It is known that Olzhas Suleimenov is a tireless poetic time traveler.

Maurice Simashko is close in spirit of his quest to the creative direction of Olzhas Suleimenov. But

there are significant conceptual differences inherent precisely in the manner of Maurice Simashko. First of all, this is his vision of the world and understanding of time. The presence of its concept of time characterizes the poetics of a great artist. The literary critic Zoya Kedrina comments on these meanings of the story “Yemshan” as follows: “Yemshan” is a tragic story about the path that the invincible Sultan Beybars took from a slave ... (our reduction – N.T. Edrenova) to the steps leading to power. But this is not the main content of the story, but the “plaintive word koke” (father), which stood in the throat of an omnipotent tyrant and, finally, broke free, defeated the evil work of his life. After a brutal school of torture and humiliation, he became a Mameluke warrior, walked through the corpses of his closest friends, according to a terrible law that said “you must not leave life to those who were near.” Just yesterday, who gave the order to strangle his comrade-in-arms and the court Turphan, whose daughter was dishonored by him this morning, Beibars, returned to her in the evening after the another treacherous murder, suddenly felt a word breaking his throat, he remembered his dead father, who was killed by the Dzhungars who had run into an aul (“Mongols” by Simashko) and lying in the thick grass that exudes the smell of yemshan, he remembered the next – his way to slavery – he went up to the ottoman and quietly covered the girl with a cape from the cold, and then he went to the reception

hall, drank the wine from the goblet that had just been poisoned by his the most faithful companion by his order and went out into the garden.

Thus Beibars, the sovereign, died to return to his bersh people, from where he was driven into slavery, and to bring orphaned women, children and old people into the distant northern forests, inaccessible to the Dzungars. (Kedrina, 1983: 11).

Experiment

In the critic's reasonings characterizing the plot of the storyline are shown two significant points: 1) Mamelukes, including Beibars, strictly adhere to the basic "iron" law of life – the right of the strong to life and weak's property. This law in one form or another in disguised form (raiding) exists in a well-known environment to this day. This gangster law, which was considered "fair" in ancient times, reigned not only among the Mamelukes. It was the law of the powers that be, untying the hands and freeing entire conquering nations from spiritual torment. The blood of history itself oozes from it. And Maurice Simashko as an artist through it showed one of the nodal nerves of history. 2) The second point is "the main leitmotif and symbolic refrain" of the story: "the word won the man". This word "koke" (in Turkic – father), which still sounds in the mouths of infants, and "torn" the throat of the almighty Beibars, runs through the whole story with a red thread. It is this word that is the significant concept of the story, functioning in the semantic field of the work in two ways. Firstly, it is an important psychological motive in the spiritual sphere of Beibars, forcing him to return to humanity, to the sources of memory. And in the end – to begin the journey to home to the Kipchak steppe. Secondly, it is exoticism that characterizes the national picture of the world in the story.

These two moments, shown by the researcher, can be considered the main ones organizing the thematic discourse of the narrative, showing its deep current in accordance with the writer's strategy. In a broad associative field of narration, the driving forces are two basic concepts: the concept of historical time and the concept of man in the global stream of history. It seems that the super task of the writer is to show the reasons for the victory of the Mamelukes over the Mongols. And these reasons are rooted in the spiritual and psychological world of the hero. It is here that man and history the threads are intertwined, i.e. the micro and the macrocosm. These two imaginative concepts are present in almost every work of Simashko, they are

actively implemented in the story "Yemshan". Thus, we see, as it were, the philosophy of history being exposed in the poetics of the writer: the History and the Man – they are interdependent forces, they can transform and flow into each other. And both have cosmological significance. Describing the poetics of M. Simashko, S. Ananyeva writes: "Simashko's general vision of the world and the space of his artistic memory will arouse the professional interest of domestic and foreign literary scholars for a long time. Imagery is an integral component of the structure of his literary texts. The prose writer "sees the morals of many people", which is later melted into complex compositional and semantic constructions of prose". (Ananyeva, 2013: 77)

Let us turn to the concept of time in the works of Maurice Simashko. Like any artist, Simashko in his work had to reflect the category of time, translating it into his conceptual vision of the world, filling it with specific content – material that is taken as an object of creativity. In a broad sense, the material of Maurice Simashko's creative searches is the history of the peoples of Asia, including the Kazakh people. And the artistic perception of the category of time in the writer's works is, first of all, the perception of a historian, a chronicler, who must be meticulous and insightful in the description of the historical era. The image of time should be included in the chronological frame, reflect the events and realities of time, significant for the historical person – the hero of the story and for the interested reader. Such requirements are faced the writer Simashko, who has developed special principles for the work of an artist who addresses history and sets the task of creating an expressive portrait of History in the person of an outstanding Man. In all the works of Maurice Simashko, these requirements are strictly observed. So he created his unique creative laboratory.

Results and discussion

The action takes place in a chronologically specific time frame: in the novel "Mazdak" the action begins in 891 AD and lasts for almost an entire historical era; the action is precisely dated in the novels "Atonement of the Dabir", "Semiramis", "The Fall of Khanabad", "The Bell", in the novel "Guga" and other remarkable works of the writer, which entered into the world literature. The time of action in the story "Yemshan" is objectively dated; it clearly sounds in the voice of the author-narrator. "So Beybars El-Melik-ed-Dager, the fourth Bahrin Sultan, nicknamed Abul-Futukh, the winner of the Mongols and Crusaders, died. From 1260 to 1277

AD he ruled the country of Misr. And the people of the country of Misr cried, and from the minarets they shouted his name before the name of God, and everything that he touched became holy in the country of Misr. And as he lived, he died – so that they would not know where his grave was. They show it in Damascus, in El-Kahir, and in other places ...” (Simashko, 1983: 334).

Note that the concept of time in the story of Simashko is always associated with a place, and the names of places are given in the phonetic form that existed at this particular time. Misr is the formerly eastern name of Egypt; El Kakhir is the old name of modern Cairo. Other toponyms tied to chronology and to the language of that era are also vividly presented in the story. The historical correlation of the realities of the narrative are based on documents and texts of historical content (for example, “Shakh nama” by Firdousi), skillful quoting of these documents, stylized narration in the spirit of the annals (for example, in the novel “Mazdak”) characterize the style and features of M. Simashko’s creative style.

In the story “Yemshan”, the concept of time is presented as a triumph of brute, overwhelming and at the same time dodgy power, when the “hero” – the conqueror, tyrant, “deity”, who knows no doubt, knows no moral torment, who has accepted the law of force and the cult of power as the undoubted rule of the winner, goes to power “in the direct way”. In the novel, the hero’s path is depicted, the mechanism of power and everything that nourishes the “will to power” are revealed. A peculiar “moral code” is revealed to the reader in which there is not a single word about pity and sympathy, and which must be observed sacredly if the overlord does not want to lose power and at the same time lose his life. Indeed, under the conditions of this time, to lose power means to die. Inglouriously, shamefully. Power must be in strong hands. The ruler must be ruthless, prudent and cunning. Not necessarily smart, but cunning. Because the mind is tempered and improved in reasonings, it is prone to doubt, to meditation; from reflections generated by doubts towards moral self-improvement, to find himself among the faithful, prayers do not take long steps. And then the power ends. Mercy, pity for subordinates and total power are incompatible. So in the story “Yemshan” and in the novel “Atonement of the Dabir”, a psychological portrait of an exceptional historical personality is created, which turned the course of history in another direction. For example, Beibars, the winner of the Mongols, the vizier Nizam al Mulk, who wrote the book – the art

of the rulers “Siyasat nama”. The inner background of such a person is continuous thinking, steadily reworking the experience of history, the great rulers, who rose from the slaves to the heights of the throne. A special aspect of the psychology of such personalities is constant monitoring of the behavior of the people and taking into account their inner life, that is, special insight, reaction to the perception of the collective. Thus, not only a cruel person, but also a thinker, a person who constantly thinks, takes into account the changing environment and mood of the masses, and knows how to manage these processes, can become a great ruler.

“The Mongols did not know other ways than the direct one, and this was the most correct way. When they saw the Mamelukes, they began to gather shoulder to shoulder and the horse to the horse, turned in their direction. And he gave a sign, and the battle tubes sank, and the Mamelukes also began to gather shoulder to shoulder and horse to horse, turning to the Mongols. And, like the Mongols, they clung to each other, and dust from under the hooves could not break through between their bodies.

And the Mongols were surprised, because for the first time they saw people coming towards them in a direct way. And when the Mamelukes and Mongols collided near Ain-Zhalut, the Mongols scattered.

And the Mongols ended when they scattered, because they did not know the way except the direct one. They knew no one except their emir, and were like blind puppies, each individually. The Mongols ran in different directions, dropping bows and round leather shields. In the mud and dung was their tailed banner of the color of warm blood ... ” (Simashko, 1983: 328-329).

The great thing is the “direct path”! It is on this “direct path” Beibars goes all his life from victory to victory. Because the time of the strong is the time of the direct path. “To the end he went the straight way. The Mamelukes were dispersed in dense groups of forty in the desert, catching up with the Mongols and cutting off their heads. And he gathered all severed heads and built from them a red pyramid on the high coast of the Euphrates. The Mongols never again went to the country of Misr. And they did not go further through the country of Misr into the countries of the Franks, because he stopped them in Ain-Zhalut. So he became Abul-Futukh – the Father of Victory” (Simashko, 1983: 329).

Must say that the military art of Genghis Khan, his sons and grandchildren, also great conquerors, interested Russian military experts in the 19th century, the works of the military historian M.I. Ivanin were devoted to this topic (Ivanin, 1998:

3-133). This topic is interesting in the framework of the topic of this article in the sense that the Mongolian army in the era of conquest suffered a tangible defeat in only two cases: in Syria from the Mamelukes of Beibars and on the Japanese islands from samurais in adverse weather conditions (the tsunami that destroyed the Mongolian fleet). Beibars won serious victories over the Mongol army of Khulagu, the Frank crusaders, entered the world stage as the ruler of a powerful Middle Eastern power as a result of his outstanding qualities as a warrior-general, political insight.

But, according to the author of the analyzed work, the main condition for his exaltation was a firm adherence to the direct path. The “direct path” is, of course, an important concept that has a leitmotif symbolic meaning in the text of the work. What this “direct path” consisted of, the writer shows on the significant facts of the hero’s biography. This is a fierce battle for a piece of bread in the galleys, a grueling struggle for a place in the ranks of the Mameluke squads, a dangerous struggle for leadership in the ranks of forty, then in the ranks of nine. This is a fight against the constant threat of conspiracy and assassination attempts, when the result is the physical elimination of all real rivals. As the context of the work reveals, the most characteristic thing is that this struggle is an everyday matter, a kind of routine, all the so-called “right people”, people of power, towering above the gray crowd, take part in it. Only “soft”, virtuous, spoiled by family life, too “right” people focusing on morality do not participate in the struggle.

Violation of the commandment, the code does not save even the omnipotent Mameluke, like the experienced warrior Aybek, from the tragic fate. Aybek was ruined by the expected and widespread weakness; he succumbed to love spells. “And so the thoughts of Aybek from the woman were obscured that he did not kill Kotuz. And he killed none of the nine who killed the old Sultan with him. Emir Aybek violated justice and order. And they killed him ... And Kotuz’s shiny brown eyes were like those of a waiting hyena” (Simashko, 1983: 326).

And here is the characteristic of the natives – the inhabitants of Misr.

“The people of Misr are gullible like dogs. It was not difficult for Aybek and Kotuz to deceive them, who could write. The justification for everything they do is sought by them, and therefore indecisive” (Simashko, 1983: 331).

The fate of the last associate, the most devoted comrade-in-arms, is also a foregone conclusion, because he has turned from a lion into a dog. “The

long-armed Barat killed one after another all the emirs who were with him in Mansur by his sign... And he killed those who chopped Aybek with him. And those who were in Ain-Zhalut ... he killed many others whose time has come” (Simashko, 1983: 331).

The last phrase, like a bright lamp, illuminates the understanding of Sultan Beibars himself of the meaning of all murders. This is necessary because their time has come. Time to die, to leave. They do not correspond to time, they are unnecessary in a given time. “Lions that have become dogs see wrong dreams”.

The time of brute force in which Beibars lives falls on the time of his power, might, but at the same time, it falls on the time of his “unconsciousness”. Kipchak boy: vaguely remembering his childhood, he begins to rise to power with a series of crimes – murders, defending his right to exist. All his further advancement along the “direct path” is an endless chain of crimes justified by the “catechism of the time of power”. Nevertheless, the human lives in his soul, and it fights for the light, for the truth. And this is significant for the author of the story.

“The development of the character of Beibars, called the saint, the father of the country of Misr, is shown in his attitude to the sleeping girl against the background of the red sun. Beibars cries, remembering himself as a boy near koke who was killed by barbarians, the smell of yemshan, tall bitter grass, red sun, red sand, which turned black from the evening sun. Thus begins repentance and insight” – write the authors of the chapter about M. Simashko, emphasizing the dialectic of the developing soul of the hero in the story (Creativity of Russian writers of Kazakhstan, 1992: 212).

The features of artistic conceptualization of the time category in the story can be conveyed by Boris Pasternak’s famous phrase “And the day lasts longer than a century”. The concept of the century as a macro-image is contrasted by the author of the concept of a moment as a micro-image. Within the frame of this antithesis, the reader is witnessing one real day, perhaps the most significant in the life of Sultan Beibars. This day begins and ends unusually. He is alarmed by the word he heard – “koke”, which suddenly entered his mind, awakening childhood memories, and does not leave until his last fateful thoughts when he decides on a case that seems impossible for the Mamelukes – suicide. In the context of the work, it is revealed that self-poisoning is a staging conceived with a far-sighted and clever aim, the final step before the final decision to leave in the native steppes. So the psychological moment

in human consciousness determines the political arrangement of the century. And the reader feels the balance of two forces, the History and the Man, now and then outweighing each other in the eternal flow of the Time.

The word: “Koke!” called the formidable ruler on a new path along the paths of the search for true fate. A man is tired of blood, of war, of violence and power. A child always lives in the soul of a non-stubborn person. And on the spiritual plane, the path to the truth, it can be more than an adult, bearing the severity of the deed, the burden of prejudice, stereotypes, fatigue from himself and his age. And a new long journey begins, this time dedicated to serving the half-forgotten distant native people. It is not given to know how this path will develop, and in general whether it will take place, whether a person will reach the steppes of the Motherland. One of the facets of M. Simashko’s skill lies in the ability to reveal the most basic, the origins of the spiritual in a person, to expose the most painful nerve and show its significance for saving a person from himself, demonic. V. Badikov wrote the following about this: “A true artist, regardless of the topic, is a universal human phenomenon. There is this impulse in Simashko. It can

be read by the steppe man and the European, Muslim and Jew. In addition to historical accessories, people live in his things – this is the most important thing, a sign of great art” (Badikov, 2014: 247).

Conclusions

Thus, the concepts of the Man and the History are not so much opposed in the conceptual sphere of the story of Maurice Simashko “Yemshan”, but rather in a complex way are dialectically interconnected and interact in a single semantic field of the Time of moral development and moral court. This is shown in the art field of the work as the interconnection and mutual transition of micro-and-macro images. Such is the peculiarity of the philosophical and aesthetic plan of the work that the subtle spiritual movement in the hero’s inner world can influence and even determine the course of history. This is clearly shown in the story in the decision of the Sultan Beibars to leave the throne and go to the Kipchak steppe in search of a distant Homeland. This decision was influenced by the memory of childhood and the word “Koke” – father, that exploded in memory.

Литература

- Гордин Я. От документа к образу (Некоторые черты текущей исторической прозы) // Вопросы литературы. – 1981. – № 3. – С. 109-114.
- Кедрина З. Время творить // Дружба народов. – 1983. – № 5. – 219 с.
- Ананьева С. Морис Симашко. – Караганда: ИМ “Ли Ю.Ю.” ЖК, 2013. – 220 с.
- Симашко М. Избранное: “Маздак” роман, “Искупление дабира” роман, “Повести Красных и Черных песков”. – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – 474 с.
- Иванин М. О военном искусстве при Чингизхане и Тamerlane. 2-е изд. – Алматы: Санат, 1998. – 240 с.
- Творчество русских писателей Казахстана. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 312 с.
- Бадиков В. С вечностью – начистоту. Очерки современного литературного процесса Казахстана. – Алматы: Алаш, 2014. – 480 с.

References

- Ananyeva S. (2013) Moris Cimazhko [Maurice Simashko]. Karaganda: IM “Lee Yu.Yu.” JK. 220 p. (In Russian)
- Badikov V. (2014) S vezhnostiu nazhistotu. Ozherki sovremennoogo iskusstva Kazahstana [With eternity to be honest. Essays on the modern literary process in Kazakhstan]. Almaty: Alash. 480 p. (In Russian)
- Gordin I. (1981) Ot dokumenta k obrazu. Nekotorye zherty tekuzhei istorizheskoi prozy [From document to image. Some features of current historical prose]. Questions of literature: № 3. 109-114 p. (In Russian)
- Ivanin M. (1998) O voennom iskustve pri Zhingiz hane i Tamerlane [A military art under Chingizkhan and Tamerlane]. 2 ed. Almaty: Sanat, 240 p. (In Russian)
- Kedrina Z. (1983) Vremia tvorit [Time to create]. Friendship of Peoples: No. 5. 219 p. (In Russian)
- Simashko M. (1983) Izbrannoe: “Mazdak” roman, “Iskuplenie dabira” roman, “Povesti krasnyh I zhernuh peskov” [Selected: “Mazdak” novel, “Atonement of Dabir” novel, “Tale of Red and Black Sands”]. Alma-Ata: Zhazushy. 474 p. (In Russian)
- Tvorzhestvo russkih pisatelei Kazahstana (1992) [Creativity of Russian writers of Kazakhstan]. Alma-Ata: Gylym. 312 p. (In Russian)

Илькин Мудафие кызы Эминова

Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку,
e-mail: ilkin.eminova@mail.ru

РОЛЬ ПРОФ. ВЕЛИ ХУЛУФЛУ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭПОСА “КОРОГЛЫ”

Предметом исследования данной статьи стала деятельность в области короглуждения одного из видных деятелей азербайджанской фольклористики Вели Хулуфлу в нескольких направлениях – собрание эпоса, издание эпоса, исследование эпоса и, наконец, перевод эпоса. Автор использовал метод исследования научного наследия Вели Хулуфлу в аспекте сделанных работ в этой области. Как известно, Короглы является полумистическим народным героем, который относится ко второй половине XVI века. Образ Короглы можно повстречать в фольклоре многих тюркских народов. Герой по имени Короглы является одним из распространенных мотивов фольклора тюркских народов. Легенды и предания некоторых тюркских народов гласят, что его мать забеременела от света и была похоронена заживо. Короглы родился в могиле и выжил, сося грудь своей мертвой матери. У азербайджанских турок герой называется Короглы (сын слепого), так как глаза его отца были выколоты. Существуют разные версии, адаптированные в разных странах. Понятие слепоты включает не только незрение, но и невидимость. Герои становятся невидимыми для защиты. Хыдыра иногда называют слепым, потому что ему не нужны глаза. В устной народной литературе события, связанные с именем Короглы, стали легендарными и нашли свое отражение в эпосе “Короглы”. Историческая линия череды событий и личностей эпоса не нарушена, а то, что Короглы был храбрым воином, талантливым поэтом и ашугом, автором красивых двустиший, сохранилось как исторический факт.

Ключевые слова: Вели Хулуфлу, Короглы, короглуждение, собрание, эпос, перевод.

Ilkin Mudafie kizi Eminova
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Institute of Folklore, Azerbaijan, Baku,
e-mail: ilkin.eminova@mail.ru

The role of prof. Veli Khuluflu in the research of the epos “Koroglu”

The subject of research in this article was the activity in the field of koroglu study one of the prominent figures of Azerbaijan folklore – Veli Khuluflu. The article describes the activities of Veli Khuluflu in the field of koroglu study in several directions – the collection of the epos, the publication of the epos, the study of the epos, and finally the translation of the epos. The author used the method of researching the scientific heritage of Veli Khuluflu in the aspect of the work done in this area. As you know, Koroglu is a semi-mystical folk hero who belongs to the second half of the 16th century. The image of Koroglu can be found in the folklore of many Turkic peoples. A hero named Koroglu is one of the common motives of the folklore of the Turkic peoples. Legends and traditions of some Turkic peoples say that his mother became pregnant from the light and was buried alive. Koroglu was born in a grave and survived by sucking on the breast of his dead mother. The Azerbaijani Turks call the hero Koroglu (the son of the blind man), since his father’s eyes were gouged out. There are different versions, adapted in different countries. The concept of blindness includes not only blindness, but also invisibility. Heroes become invisible for protection. Khidir is sometimes called blind because he does not need eyes. In oral folk literature, the events associated with the name of Koroglu have become legendary and are reflected in the epic “Koroglu”. The historical line of the series of events and personalities of the epic is not broken, but the fact that Koroglu was a brave warrior, a talented poet and ashug, the author of beautiful couplets, has been preserved as a historical fact.

Key words: Veli Khuluflu, Korogly, koroglu study, collection, epos, translation.

Илькин Мудафие кызы Эминова

Әзірбайжан Ұлттық Академиясы Фольклор институты,
Әзірбайжан, Баку қ.,
e-mail: ilkin.eminova@mail.ru

**«Көроғлы» дастанын зерттеудегі
профессор Вели Хулуфлуның рөлі**

Бұл мақаланың зерттеу тақырыбы – әзірбайжан фольклорының көрнекті қайраткерлерінің бірі Вели Хулуфлудың көроғлыны зерттеу саласындағы қызметі болды. Мақалада Вели Хулуфлудың көроғлыны зерттеу саласындағы қызметі бірнеше бағытта сипатталған – эпосты жинау, эпосты басып шығару, эпосты зерттеу, соңында эпосты аудару. Автор Вели Хулуфлудың ғылыми мұрасын зерттеу әдісін осы салада жасалған жұмыстардың аспектісінде қолданды. Өздеріңіз білетіндей, Көроғлы – XVI ғасырдың екінші жартысына жататын жартылай мистикалық халық қаһарманы. Көроғлы бейнесі көптеген түркі халықтарының фольклорында кездеседі. Көроғлы батыр – түркі халықтары фольклорының ортақ мотивтерінің бірі. Кейбір түркі халықтарының аңыздары мен дәстүрлерінде анасының жарықтан жүкті болып, тірідей көмілгені айтылады. Көроғлы қабірде туып, өлген анасының емшегін еміп аман қалды. Әзірбайжан түріктері батырды Көроғлы (соқырдың баласы) деп атайды, өйткені әкесінің көздері тесілген. Әр түрлі елдерде бейімделген әр түрлі нұсқалары бар. Соқырлық ұғымы соқырлықты ғана емес, көрінбейтіндікті де қамтиды. Батырлар қорғаныс үшін көрінбейтін болып қалады. Қыдырды кейде соқыр деп атайды, өйткені оған көз қажет емес. Ауызша халық әдебиетінде Көроғлы есімімен байланысты оқиғалар аңызға айналды және «Көроғлы» эпосында көрініс тапты. Эпостағы оқиғалар мен тұлғалар дәйектілігінің тарихи желісі бұзылмаған, бірақ Көроғлының ержүрек жауынгер, талантты ақын және ашуғ, екі шумақты өлең авторы болғандығы тарихи факт ретінде сақталған.

Түйін сөздер: Вели Хулуфлу, Көроғлы, көроғлытану, жинау, эпос, аударма.

Вступление

В области сбора, издания и изучения эпоса «Короглы», являющегося одним из общих героических эпосов тюркского мира, у выдающегося азербайджанского ученого, одного из первых азербайджанских профессоров, Вели Хулуфлу есть особое место. Вели Хулуфлу считается одним из первых профессиональных собирателей, издателей и исследователей эпоса «Короглы». Его, без преувеличения, можем назвать одним из заложивших краеугольный камень азербайджанского короглуведения. Правда, долгие годы совершенное Вели Хулуфлу в короглуведении или замалчивалось, или же не получало необходимого внимания. Коснувшийся этого вопроса последовательный исследователь эпоса «Короглы» И. Садыг справедливо указывал, что «Прежде всего, необходимо отметить, что до пятидесятых годов прошлого века фольклористы не могли упоминать имени Вели Хулуфлу, и мимо его заслуг проходили молча. М. Г. Тахмасиб в предисловиях, написанных к изданиям эпоса «Короглы» 1949 и 1956 годов, говоря об истории издания, не упомянул имя Вели Хулуфлу. А в последующих изданиях написал: «Сокращенный вариант эпоса был издан после революции в 1927-1936 годах...» Любопытно, что в своей напечатанной в 1972 году монографии «Азербайджанские народные эпосы», при повествовании об истории

сбора и издания эпоса «Короглы» сказал: «Издание «Короглы» в полном виде на азербайджанском языке стало возможными лишь после революции. Эпос был собран и издан в 1927 году Вели Хулуфлу, а в 1937 году – А.Раджабли. Изданный В. Хулуфлу вариант был записан от Ашуга Гусейна Бозалганлы, а вариант Раджабли, напечатанный в нескольких номерах «Литературной газеты» под заглавием «Отрывок из «Короглы» – от Ашуга Гусейна Сейфелли... Из вышеприведенных примеров становится ясно, что сведения М. Г. Тахмасиба не соответствуют друг другу» (Sadig, 2004: 3). Исследователь примерами подчеркнул подобное отчужденное отношение не только со стороны проф. М. Г. Тахмасиба, но и проф. В. Велиева, проф. П.Эфендиева, проф. З. Гафаровой и другими. В дополнении к этой мысли короглуведа И. Садыга должны отметить существование подобного отношения не только в середине XX века, но и в начале XXI века. Так, раздел «Роль Вели Хулуфлу в азербайджанском короглуведении» исследования, посвященного истории азербайджанского короглуведения в последние годы, состоит всего лишь из двух с половиной страниц. В этом разделе упомянуты названия и год издания изданий «Короглы» Вели Хулуфлу, отмечена бакинская рукопись.

Акад. А. Набиев также подчеркнул «таинственность» второго издания эпоса «Короглы»: «Судьба второго издания также была несколько

таинственной... однако, к сожалению, об этом издании в литературоведческих и фольклороведческих материалах в 1929-1997 годов информация дана не была. И на это издание даже не было никаких ссылок ни у короглуповедов, живущих в республике, ни за его пределами” (Nabiyev, 2007: 6).

Эксперимент

Несмотря на все сказанное и несказанное в силу отчужденного отношения у Вели Хулуфлу были незаменимые заслуги в сборе и издании эпоса “Короглы”, и заслуги можно группировать в следующей форме:

- а. Вели Хулуфлу – собиратель эпоса “Короглы”*
- б. Вели Хулуфлу – издатель эпоса “Короглы”*
- в. Вели Хулуфлу – исследователь эпоса “Короглы”*
- г. Вели Хулуфлу – переводчик эпоса “Короглы”*

Вышеуказанная многосторонняя деятельность проф. Вели Хулуфлу характеризует его как трудолюбивого короглуповеда.

Вели Хулуфлу – собиратель эпоса “Короглы”.

Работы Вели Хулуфлу по сбору эпоса “Короглы” приходится на период его деятельности в Обществе Исследования и Изучения Азербайджана. Как известно из биографии Вели Хулуфлу, он в 1922-1927 годах был студентом факультета востоковедения Азербайджанского Государственного Университета. После создания в 1923 году ОИИА (Общество Исследования и Изучения Азербайджана) Вели Хулуфлу начинает активно участвовать в деятельности этого общества: “Вели Хулуфлу, со времени своего обучения в Университете, активно участвует в делах Общества Исследования и Изучения Азербайджана, в качестве студента-исследователя проявляет большой интерес к сбору и изданию образцов азербайджанского фольклора. По линии этого общества проводит поиски, собирает материалы в поездках по Шамкирскому, Гедабекскому, Казахскому районам” (Khalilbeyli, 1999: 24). Г. Халилбейли, проведшая обширное исследование по истории, составу, изданиях, научных связях, исследовательских принципах, проведенных мероприятиях ОИИА, в следующей форме оценила деятельность Вели Хулуфлу в этом обществе: “В фольклорной комиссии ОИИА среди плодovито работающих исследователей часто упоминалось и имя Вели Хулуфлу. Среди фольклорных исследователей 20-ых годов на-

писанные им статьи и исследования выделяются особо. Он активно участвует в фольклорных экспедициях, организуемых по линии общества, и, обычно, их результаты издавает в виде книги” (Khalilbeyli, 1999: 130).

Таким образом, в 1923-1930 годах Вели Хулуфлу сумел добиться сбора определенных частей эпоса “Короглы”.

В первый раз сбор проводился до 1927 года и завершился изданием в 1927 году двух частей сказания. Согласно архивным данным, “Короглы” был собран в 1925-1926 годах во время командировки Вели Хулуфлу в Товуз. Сказителем эпоса был знаменитый народный мастер Ашуг Гусейн Бозалганлы. О сказителе-информаторе Вели Хулуфлу в издании 1927 года дал следующие сведения: “Этот материал был записан от жителя села Бозалганлы Казахского уезда Ашуга Гусейна (Сёюн). По возможности старались сохранить выражения самого ашуга”. Кроме того, собиратель собрал подробные сведения и о своем информаторе – Ашуге Гусейне Бозалганлы. Эта информация проф. П. Эфендиевым расценивалась как “первая достоверная информация”: “А в конце книги В. Хулуфлу дал биографию Гусейна Бозалганлы. И эти замечания в годы советской власти обладали особым значением в качестве первой достоверной информации об ашугах, их жизни, биографии. Научная ценность этих замечаний заключалась в том, что они были записаны непосредственно с уст ашуга Гусейна Бозалганлы” (Efendiyev, 2006: 192). Согласно данным акад. А.Набиевым сведениям, хотя до 1927 года Вели Хулуфлу издал две части, но указывал на существование основного содержания в народе еще пяти частей. Академик также отмечает работу Вели Хулуфлу в 1933-1934 году над более совершенным текстом “Короглы”, состоящем из 14 меджлисов.

После этого Вели Хулуфлу участвует в I съезде азербайджанских ашугов в 1928 году. Имевший здесь беседы с Ашугом Асадом Вели Хулуфлу собирает часть эпоса “Болу-бек и Араб-паша”. Вели Хулуфлу по этому поводу дает следующие комментарии: “Изданную в этой книге сказку Короглы “Болу-бек и Араб-паша” рассказал ашуг Асад во время приезда на I конкурс ашугов в Баку.

Таким образом, из имеющихся на руках материалов и написанного учеными можно прийти к выводу о том, что Вели Хулуфлу был занят следующими работами по сбору эпоса “Короглы”:

Кто такой Короглы?
 Прибытие Нияр-ханум
 Вхождение Демирчиоглу в ряды храбрецов
 Во время бегства купца Короглы
 Ашуг Джунун
 Ашуг Джунун и Телли-ханум
 Путешествие в Тогат
 Путешествие в Багдад
 Болу-бек
 Араб Рейхан
 Путешествие в Эрзурум и т.д.

Необходимо отметить, что во время деятельности в этом обществе Вели Хулуфлу занимается не только сбором эпоса “Короглы”. Имеется жанровое разнообразие и широкая палитра содержания собранных им фольклорных материалов. Литературное наследие народных поэтов и ашугов преимущественно западных регионов Азербайджана, собранные на обширной территории, начиная с Абшерона и до Нахчывани загадки были изданы впоследствии в виде книг (*Загадки // Материалы из азербайджанской народной литературы. Баку: Общество, изучающее Азербайджан, 1928, 130 стр. Народные ашуги (подготовил В. Хулуфлу). Баку: Общество, изучающее Азербайджан, 1927; Хулуфлу В. Загадки / Серия ранние издания азербайджанского фольклора / транслитерация Р.Халилов, составители Р.Халилов, А.Хурремкызы. Баку: Нурлан, 2013, 112 стр.; Хулуфлу В. Народные ашуги / Серия ранние издания азербайджанского фольклора / транслитерация и подготовка к изданию Р.Халилов, А.Хурремкызы. Баку: Наука и образование, 2013, 92 стр.*).

Говоря о собирательской деятельности Вели Хулуфлу, должны отметить тот факт, что этот ученый уже в начале XX века проводил собирательскую работу на основе конкретных принципов. Относящийся к каждому собранному тексту с большой ответственностью Вели Хулуфлу старался сохранить диалект и говор текста в меру сил и во многих изданиях акцентировал это особо. Например, в написанной к месхетинскому “Короглы” части “Пару слов” отмечал, что “моя задача в этой сказке заключалась в максимально возможном сохранении местного диалекта, правке лишь в некоторых местах орфографических ошибок и сокращении некоторых незначительных моментов” (Koroglu, 1929: 125).

Эти принципы Вели Хулуфлу в дальнейшем определяются следующим образом. Заметно придание особого значения двум важным принципам при сборе, составлении и издании фольклорных образцов в целом:

1. Запись и издание фольклорных образцов с возможными вариациями;

2. Паспортизация записанных материалов – указание того, где и кем были сказаны.

Необходимо отметить, что именно в силу этих причин указанное фольклорное издание Вели Хулуфлу в контексте завершенности и полноценности принципа научного содержания по сравнению с предшествующими себе изданиями производит впечатление более совершенного.

Принципы сбора Вели Хулуфлу были высоко оценены специалистами по фольклору. Последующие исследователи отмечали, что основное качество, отличающее Вели Хулуфлу от многих современников, заключается в том, что он в фольклоре придавал особое значение многовариантности, фольклорной среде и паспортизации фольклора, местным диалектам и говорам. Вышеуказанные принципы остаются в силе и в настоящее время.

Проф. П. Эфендиев же продемонстрировал придание большего значения деятельности по сбору Вели Хулуфлу: “...Эти книги, в которых мы повествуем о признаках, позволяют сказать о наибольшей склонности В. Хулуфлу к собирательской деятельности. Во всяком случае, собранные В.Хулуфлу эти образцы выделялись своей оригинальностью и изданием в том виде, в котором были написаны” (Efendiyev, 2006: 192).

Вели Хулуфлу – издатель эпоса “Короглы”.

Вели Хулуфлу издал эпос “Короглы” дважды после его сбора – в 1927 и 1929 годах. Напечатанная в 1927 году книга “Короглы” была издана по линии Общества Исследования и Изучения Азербайджана. Как отмечалось, в эту книгу были включены две части эпоса – “Поход в Тогат” и “Багдадский поход”. О полиграфических описаниях издания можно сказать следующее: Объем этого издания с полиграфическими размерам 25+15 см составляет 115 страниц. Текст был напечатан тиражом в тысяча экземпляров и предполагалась её реализация за один манат. Высоко оценивают в Азербайджанской фольклористике научное значение этой книги и называют как первую печатную книгу, входящую в контекст “Азербайджанской фольклорной книги”: Язык, манера и стиль повествования представленных в книге частей “Короглы” показывают наличие присущих ашугской речи колорита и динамичной манеры речи. Разумеется, до всех этих упомянутых достоинств, издание В. Хулуфлу 1927 года характерно с точки зрения вхождения в качестве первой печатной книги в контекст “Азербайджанской фольклорной книги”. Именно по

этой причине это издание обладает большим научным и культурно-историческим значением.

Именно в силу данного научного и культурно-исторического значения эта книга в 2007 году вновь была издана в издательстве “Наука”. Транслитерация и составление, примечания и комментарии текста были сделаны доцентом М. Мамедовым. Подготовившим к изданию и написавшим предисловие был акад. А. Набиев. В этом ретроспективном издании М. Мамедов, последовательный исследователь наследия Вели Хулуфлу, осуществил очень большие дела, самое главное, упомянутым изданием эпоса “Короглы” последующие издания вывел на всеобщую арену исследований.

Издание эпоса “Короглы” в 1929 году была осуществлена уже в Азербайджане. Редактором издания был Ханафи Зейналлы. В издание 1929 года включены четыре части – “Поход в Тогат”, “Поход в Багдад”, “Поход в Дербент” и “Дели Короглы и Болу-бек”. Полиграфические показатели книги таковы: 23+15 см, тираж три тысячи экземпляров, объем 160 страниц, цена 1 манат 20 копеек. В этой книге и часть Приложение была более обширной, чем в первом издании. Эта книга была ретроспективно издана в 1999 году А. Набиевым и Е. Исмаиловой с подробными примечаниями, комментариями и объяснениями.

Кроме азербайджанских вариантов эпоса “Короглы”, Вели Хулуфлу в издании 1929 года под заголовком “Короглы у грузинских тюрков” напечатал и распространенный у турков-месхетинцев эпос. Написавший к этому варианту “Короглы” “Пару слов” писатель дал подробные сведения о том, кем и где собран этот вариант: “Эта часть сказания о Короглы была представлена моим бывшим студентом и выпускником Бакинского педагогического техникума этого года товарищем Махаммадом Ибрагимовичем Бидзиновым.

Еще будучи студентом, во время поездки в Месхети на летних каникулах, по моему поручению записал эту сказку от жителя села Полате Месхетинского уезда, народного поэта Махаммада Юсифзаде Косаева” (Koroglu, 1929: 125). В этой записи Вели Хулуфлу высказал также свое научное отношение к этому варианту “Короглы” – варианту месхетинцев: “Однако каждый внимательный читатель чувствует большую грубоватость, пустословие и малохудожественность как языка, так и структуры поэзии этой повести по сравнению с вариантом азербайджанских ашугов. Как в стихотворениях имеются нериф-

мованность и аритмичность, и в тексте существуют алогичность и несоответствия” (Koroglu, 1929: 125).

Вели Хулуфлу – исследователь эпоса “Короглы”.

Вели Хулуфлу в азербайджанское короглуведение вошел не только благодаря сборам и изданиям, но и исследованиям. Его основные исследовательские работы нашли свое отображение во вступлениях, предисловиях, написанных к составленным им книгам и т.д.

Правда, писатель в примечании ко второму изданию эпоса “Короглы” писал: “В первом издании книги мы написали о том, что не смогли полностью собрать весь эпос о Короглы. Хотя на этот раз были добавлены некоторые новые материалы, однако материал опять не стал полным. Даже несколько частей эпоса остались не написанными. И поэтому эпос о Короглы мы не проанализировали в литературном и общественном ракурсе, и причина нашего не приступания к анализу заключается в этом” (Koroglu, 1929: 100). Но хотя и утверждает, что “не проанализировали эпос в литературном и общественном ракурсе”, его предисловия и дополнения, написанные к обоим изданиям, обладают большим научным значением. Например, в определенных источниках издание 1927 года считается первым изданием эпоса “Короглы” в Баку. Однако уже в предисловии упомянутого издания под названием “Вместо вступления” Вели Хулуфлу предоставил информацию об издании до того эпоса “со стороны Оруджевых”. Даже пойдя дальше, указал, что изданный в 1913 году в типографии братьев Оруджевых “Короглы” “не был записан из уст азербайджанских ашугов, полностью является копией напечатанной в Стамбуле книжки” (Koroglu, 1927: 21). Это примечание Вели Хулуфлу вносит ясность в очень темные вопросы и даже сейчас все еще сохраняет свое научное значение. Так как в 2000 году исследователь Э. Тофиккызы ретроспективно издала текст “Короглы” 1913 года, как отмечает И. Садиг, “в силу своей не информированности допустила неточность. Обращая внимания на “различие языка эпоса с современным азербайджанским языком”, пишет: “Возможно, Р. Заки этот текст подготовил в период обучения и проживания в Турции, затем издал в Баку” (Sadig, 2004, 3). Подобные примечания И. Садига демонстрируют научное значение взглядов самого Вели Хулуфлу об этом издании и его большая роль в устранении подобных несоответствий.

Благодаря этим словам мы становимся свидетелями того, что Вели Хулуфлу информирован об истории издания эпоса “Короглы” на дату выхода книги. Прежде всего, Вели Хулуфлу переведя сведения о Короглы, вышедшие в IX томе альманаха СМОМПК, донес их до читателя.

Исследователь поделился сведениями также и вышедшей в типографии Абу-з-Зия в Стамбуле сказания “Короглы” и напечатал его начальную часть под названием “Слово к читателям”, очень правильно и точно проанализировал произведение: “Маленького формата, в 68 страниц, имеющее также и иллюстрации это произведение не было поделено ни на одну главу и раздел. Содержание совсем неуместное. Наконец, о конце Короглы нет никаких сведений” (Koroglu, 1927: 7).

Вели Хулуфлу сравнил со стамбульским изданием 26-страничный “Короглы” в VII томе многотомника “Образцы народной литературы тюркских племен” академика Радлова. И информация об издании Александра Ходзько в исследованиях Вели Хулуфлу является ценным материалом для азербайджанского короглужедения. Однако писатель здесь допустил ряд ошибок, которые исследователь М. Мамедов правильно процедил через научный фильтр: “Польский востоковед, поэт и переводчик А. Ходзько перевел на английский язык увезенную из Южного Азербайджана в Европу рукопись эпоса “Короглы” и издал в 1842 году в Лондоне. В. Хулуфлу преподносит А. Ходзько как С. Пенна. Перевод издания А. Ходзько на русский язык и издание связано с именем С. Пенна” (Koroglu, 1927: 141).

К этим замечаниям, написанным об истории изучения и издания эпоса “Короглы” в издании 1929 года сделал следующее дополнение: “Знаменитый венгерский тюрколог Вамбери в работе “Sagataische Sprachstudizn” рассказал о Короглы. Но поскольку эту книгу в Баку найти не смогли, не знаем, что знаменитый тюрколог написал” (Koroglu, 1927: 13). Это примечание было дано в качестве некоего источника для обоснования. Хотя, как истинный исследователь, не высказал своего мнения о неполученном материале, посчитал для себя долгом написать его название и дать о таком издании информацию. Подобные мелкие нюансы показывают его подход к материалу с пониманием исследователя.

Другим исследованием Вели Хулуфлу, посвященным эпосу “Короглы”, является работа “Отрывок из “Короглы””, напечатанное в “Литературной газете” в 1937 году (Khulufu, 1937: 3).

Вели Хулуфлу – переводчик эпоса “Короглы”.

Сс одним из данных Вели Хулуфлу азербайджанскому фольклороведению даров в последние годы мы можем ознакомиться в исследованиях исследователя А. Мамедбагироглу. В 2010 году по решению Научного совета Института Рукописей НАНА увидела свет книга “Короглы (Бакинские рукописи)”. Эту книгу к печати подготовил А. Мамедбагироглу, профильным редактором был Фаик Челеби, а редактором – Мамед Адиллов. В то издание были включены хранящиеся в фондах Института Рукописей НАНА и непосредственно относящиеся к эпосу “Короглы” три рукописи – “Повесть о знаменитом Короглы”, “Сказание о Короглы” и “Короглы”.

В соответствии с данными А. Мамедбагироглу сведениями, первая из этих рукописей – “Повесть о знаменитом Короглы” – состоит из 53 страниц, относится к анатолийским тюркам. Этот вариант эпоса был издан в 1913 году со стороны Рза Заки. Как отмечалось и выше, “Короглы” Рзы Заки в 2000-ом году исследователем Эльнаррой Тофиккызы была транслитерирована и заново переиздана.

Вторая рукопись – “Сказание о Короглы” – состоит из 260 страниц, представляет собой узбекский (чигатайский) вариант эпоса “Короглы”. Этот экземпляр был переписан Мирзой Халилом Юзбашевым в 1936-1937 годах с хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Российской АН экземпляра. Любопытно, что в причине наличия в рукописи прозаических частей эпоса на узбекском, а стихотворных – на азербайджанском языке, исследователь А. Мамедбагироглу предполагает его перевод с азербайджанского языка (Mamedbagiroglu, 2010: 4).

Наконец, третья рукопись состоит из 16 страниц. Была написана почерком насталик черными чернилами на чистой стороне Бакинских банковских кредитных бланков 1907-1911 годов. Хотя эта рукопись объемом и была мала, составитель посчитал необходимым задержаться именно на данной рукописи и подчеркнул, что “в соответствии с проведенными нами исследованиями, сочли важным дать более подробные сведения о некоторых достоинствах текста” (Mamedbagiroglu, 2010: 4). Принимая во внимание непосредственную связь и значение этих научных исследований исследователя А. Мамедбагироглы с нашим исследованием, и мы постарались придать больше значения подобным нюансам.

Хранящаяся в Институте рукописей НАНА под шифром Д-674 эта рукопись состоит из двух

частей: “На 1-7 страницах рукописи размещено предисловие, повествующее о занятии азербайджанским народом, обладающим древней культурой, богатым фольклорным творчеством, особом положении среди народов мира, величественности эпоса “Короглы” как художественного памятника, гуляющих в народе о его герое выражениях, а на 7-16 страницы включен один из широко распространенных сказок, связанных с эпосом” (Mamedbagiroglu, 2010: 6).

А о сказании, представленной в рукописи, автор рукописи написал на полях: “Это сказание было взято из русского перевода написанного немцем Бароном Августом произведения под названием “Сведения о семейной и общественной жизни народов, живущих между Черным морем и Каспийским морем”. Путешествие Барона Августа в Кавказию состоялось в первой половине 19-го века” (Koroglu: 2010, 34).

Результаты и обсуждение

Еще до А. Мамедбагироглу существовали научные мнения о том, что почерк этой рукописи принадлежит Вели Хулуфлу. Так, академик Ш. Джамшидов отметил прямую связь этой рукописи с Вели Хулуфлу в своей книге “Изучение азербайджанских письменных эпических памятников”, изданной издательством “Нурлан” в 2002 году. То, что Ш. Джамшидов является прекрасным знатоком азербайджанского текстоведения, является общеизвестным и неоспоримым фактом. Однако, чтобы подтвердить это мнение, А. Мамедбагироглу ознакомился с архивом Вели Хулуфлу, хранящимся в архиве литературы и искусства имени Сал-

мана Мумтаза, и ознакомился с находящимися в нем рукописями. По мнению исследователя, “почерк текста рукописи “Короглы”, о которой мы говорим, практически не отличается от рукописей ученого, скопированных его собственным почерком из 83 страниц этнографии, хранящихся там.

Проф. Ф. Челеби также не отрицал, что эта рукопись принадлежала Вели Хулуфлу. Оказывается, текст, который мы представляем читателям в этой книге, является продуктом третьего перевода. Конечно, в будущем, с одной стороны, необходимо проверить переводы с немецкого на русский, с другой стороны, с русского на азербайджанский, сравнить немецкий и азербайджанский тексты и, при необходимости, перевести эту речь Кероглу прямо с немецкого. Во всех случаях, перевод Вели Хулуфлу является историческим фактом для короглуведения (Chalabi, 2010: 19).

Заключение

Таким образом, мы должны сказать, что все изученные и не изученные в силу ограничений по объему вопросы представляют собой наглядный пример того, Вели Хулуфлу является личностью, запомнившейся в кероглуведении (не только азербайджанского, а вообще) исключительными заслугами.

Вели Хулуфлу впервые в завершенной форме собрал у информаторов, издал “Короглы”, периодически представлял не потерявшие своей научной достоверности и ценности в современную эпоху взгляды и, наконец, занимался и вопросами перевода эпоса.

Литература

- Садыг И. “Короглы” В. Хулуфлу // Литературная газета. – Баку: 30 июля, 2004. – с.3.
 Набиев А. Первое издание “Короглы” В.Хулуфлу // Короглу. – Баку: Наука, 2007. – 3-12
 Халилбейли Г. Вопросы филологии в деятельности “Общество исследования и Изучения Азербайджана”. – Баку: Озан, 1999. – 132 с.
 Эфендиев П. История Азербайджанской фольклористики. – Баку: АГПУ, 2006. – 475 с.
 Короглы / составитель В. Хулуфлу. – Баку: Азернешр, 1929. – 161 с.
 Короглы. – Баку: БГУ, 2007. – 150 с.
 Хулуфлу В. Фрагмент из “Короглы” // Литературная газета. – Баку: 1937. – С. 3.
 Мамедбагироглу А. Бакинские рукописи “Короглы” // Короглы (Бакинские рукописи). – Баку: Нурлан, 2010. – С. 3-13.
 Короглы (Бакинские рукописи) / подготовил к изданию А. Мамедбагироглу. – Баку: Нурлан, 2010. – 88 с.
 Челеби Ф. Ценные факты для короглуведения //
 Çələbi F. Koroğluşünaslığımız üçün qiymətli faktlar // Короглы (Бакинские рукописи). – Баку: Нурлан, 2010. – С. 13-28.

References

- Chalabi F. (2010). Tsenniye fakti dlya korogluvedeniya [Valuable facts for Koroglu study]. Koroglu (Baku manuscripts). Baku: Nurlan, p. 13-28 (In Azerbaijani)
- Efendiyev P. (2006). Istoriya Azerbajjanskoy folkloristiki [The history of Azerbaijan folklore study]. Baku: ASPU, 475 p. (In Azerbaijani)
- Khalilbeyli H. (1999). Voprosi filologii v deyatelnosti “Obshestva issledovaniya I izucheniya Azerbajjana” [Philology issues in the activities of the Azerbaijan Research and Study Society]. Baku: Ozan, 132 p. (In Azerbaijani)
- Khulufly V. (1937). Fragment iz “Korogly” [Fragment from “Korogly”] // Literaturnaya gazeta. Baku: p.3. (In Azerbaijani)
- Korogly (1929) / sostavitel V. Khulufly [Korogly]. Baku: Azerneshr, 161 p. (In Azerbaijani)
- Korogly (2007) [Korogly]. Baku: BSU, 150 p. (In Azerbaijani)
- Korogly (2010) (Bakinskiye rukopisi) [Korogly (Baku manuscripts)] /podgotovil k izdaniyu A. Mamedbagirogly. Baku: Nurlan, 88 p. (In Azerbaijani)
- Mamedbagirogly A. (2010). Bakinskiye rukopisi “Korogly” [The Baku manuscripts of “Korogly”] // Korogly (Baku manuscripts). Baku: Nurlan, p. 3-13(In Azerbaijani)
- Nabiyev A. (2007). Pervoe izdaniye “Korogly” V. Khulufly [The first print of “Korogly” V. Khulufly]// Korogly. Baku: Nauka, p. 3-12 (In Azerbaijani)
- Sadig I. (2004). “Korogly” V. Khulufly [“Korogly” of V. Khulufly] // Literaturnaya gazeta. Baku: 30 iyulya. P. 3. (In Azerbaijani)

Пашаева Сахиба

Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку,
e-mail: Psahiba@mail.ru

ВОЕННАЯ ТЕМА И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ (ПЕРВООСНОВЫ) В ЭПОСАХ “КОРОГЛУ” И “МАНАС”

Многочисленные образцы фольклора, богатые героическими эпизодами, оставили свой неизгладимый след на страницах истории азербайджанского и киргизского народов. Они запечатлены в памяти народов и с большим энтузиазмом исполняются на народных гуляниях, передаются из поколения в поколение, как древнейшие летописи истории. Героизм и отвага, проявленные нашими общими предками, оставили неизгладимый след в эпосах “Короглу” и “Манас”.

История войн и сопротивления обоих народов отражена в этих героических эпосах на мифологическом и семантическом уровнях. Здесь наблюдается большое поклонение огню, воде, воздуху и земле. Короглу и Манас черпают всю свою героическую силу и энергию жизни, умело используя высокую духовность древних тюрков и их образ мышления. В этом смысле стихии огня, воды, воздуха и земли помогают нам раскрыть героический дух эпосов и военную историю, отраженную в “Короглу” и “Манас”.

В статье анализируется поэтика военной тематики и четырех стихий в эпосах “Короглу” и “Манас”. Эти эпосы, благодаря своей высокой художественности, заслуженно занимает достойное место в списке мировых шедевров. “Манас” представляет собой наиболее полное и широкое художественное отображение многовековой борьбы киргизского народа за свою независимость и свободу, справедливость и счастливую жизнь. Поэтический мир эпоса “Манас” исключительно богат и разнообразен. “Короглу” является жемчужиной азербайджанской устной народной литературы. Народный эпос по сравнению с другими видами народной поэзии имеет свою особенную художественную систему.

Ключевые слова: мифология, фольклор, “Короглу”, “Манас”, военная тема, культы огня, воды, воздуха и земли.

Pashayeva Sahiba

Azerbaijan National Academy of Sciences, Institute of Folklore, Azerbaijan, Baku,
e-mail: Psahiba@mail.ru

The military theme and four elements (fundamentals) in epos “Koroglu” and “Manas”

Many folklore samples rich with heroic episodes of the Azerbaijani and Kyrgyz peoples have been engraved on the pages of history, performed with great enthusiasm at the folk ceremonies and passed from generation to generation as the oldest chronicles of history. The heroism and bravery shown by our common ancestors have the indelible traces in the eposes such as “Koroglu” and “Manas”.

The history of both peoples is reflected in the mythological-semantic aspect in these heroic eposes. There is great confidence for the fire, water, air and earth here. Both Koroglu and Manas take all their strength, existence and essence from the world of myths. In this sense, the fire, water, air and earth layers of the myth world help to open the heroic spirit of epics and the history reflected here according to the Turkic way of thinking.

The article analyzes the poetics of military themes and the four elements in the epics “Koroglu” and “Manas”. These epics, thanks to their high quality of work, by right take their rightful place in the list of world masterpieces. “Manas” is the most complete and widest artistic reflection of the centuries-old struggle of the Kyrgyz people for their independence and freedom, justice and a happy life. The poetic world of the Manas epic is exceptionally rich and varied. “Koroglu” is the pearl of Azerbaijani oral folk literature. The folk epic, in comparison with other types of folk poetry, has its own special artistic system.

Key words: mythology, folklore, “Koroglu”, “Manas”, fight, fire, water, air and earth cults.

Пашаева Сахиба

Әзірбайжан Ұлттық Академиясы Фольклор институты,
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: Psahiba@mail.ru

**“Көроғлы” және “Манас” эпостарындағы
әскери тақырып пен төрт апат (түпкі негіздері)**

Батырлық эпизодтарға бай көптеген фольклор үлгілері әзірбайжан мен қырғыз халықтарының тарих беттерінде өшпес із қалдырды. Олар халықтардың жадында сақталған және тарихта ең көне шежіре ретінде ұрпақтан-ұрпаққа жалғасқан және халық жиын-тойларында үлкен ынтамен орындалады. Біздің ата-бабаларымыздың көрсеткен ерлігі мен батылдығы “Көроғлы” және “Манас” эпостарында өшпес із қалдырды.

Екі халықтың соғыстары мен қарсыласу тарихы осы батырлық эпостарда мифологиялық және семантикалық деңгейде көрінеді. Бұл эпостарда отқа, суға, ауаға және жерге сенім бар. Көроғлы мен Манас ежелгі түркілердің жоғары руханилығы мен олардың ойлау тәсілдерін шебер қолдана отырып, өздерінің барлық қаһармандық күштері мен өмірлік энергияларын салады. Бұл тұрғыда от, су, ауа және жер элементтері бізге “Көроғлы” мен “Манаста” көрсетілген эпостар мен әскери тарихтың қаһармандық рухын ашуға көмектеседі.

Мақалада әскери тақырыптағы поэтика мен “Көроғлы” және “Манас” эпостарындағы төрт элемент талданады. Бұл дастандар өздерінің жоғары шеберлігінің арқасында әлемдік шедеврлер тізімінен өзінің лайықты орнын алады. “Манас” – қырғыз халқының өз тәуелсіздігі мен бостандығы, әділеттілігі мен бақытты өмірі үшін ғасырлар бойғы күресінің ең толық және кең көркем көрінісі. “Манас” эпосының поэтикалық әлемі өте бай және алуан түрлі. “Көроғлы” – Әзірбайжан ауыз әдебиетінің інжу-маржаны. Халық эпосы басқа халық поэзиясының түрлерімен салыстырғанда өзіндік ерекше көркемдік жүйеге ие.

Түйін сөздер: мифология, фольклор, “Көроғлы”, “Манас”, әскери тақырып, от, су, ауа және жер культтары.

Введение

Фольклор, в основном, образован на основе мифов. Основное различие между мифологией и фольклором заключается в том, что миф – это художественное и эстетическое выражение сакрального знания о мире и предметах, а фольклор – это художественно-эстетическое выражение этой веры и сознания. Корни архаических мифов лежат в самых глубоких пластах истории. Со временем они обновлялись и появлялись во многих образцах фольклора в совершенно иных образах.

Все военное обучение, связанное с военным делом, вместе с тем и искусство рукопашного боя, у древних тюрков начинались с детства. Бой один на один начинался с того, что герои представляли друг другу себя и свой род, молились в честь бога войны. В этом смысле тюркская военная история тесно связана с мифологическими культами. Эта связь нашла свое отражение в мифологической семантике военной темы в эпосах “Короглу” и “Манас”. Из “Манаса” и “Короглу” становится ясно, что описываемая в эпосах военная тема, культура боя, берет свою мифоархаическую семантику и мифологические корни из представлений о четырех стихиях – огне, воде, воздухе и земле.

Эксперимент

Оружие, являющееся боевым средством, предназначенным для защиты от угрозы или же, нападая на кого-то и нанеся ему рану, обезвреживания, возникло с очень древних времен. Еще люди каменного века разработали простые виды ударного, колющего и метательного оружия наподобие дубины, палицы, булавы, рогатины, пращи, лука и стрел и т. д. Все эти виды оружия однозначно были связаны с культом мифического оружия. В эпосах и сказках магическое оружие сообщает об этих мифических культах.

В различных эпизодах эпосов “Короглу” и “Манас” слои огня, воды, воздуха и земли военной тематики, проявляясь, выражают в себе историю древнетюркской мысли.

В обоих эпосах слой, т.е. стихия огня военной тематики проявляется, прежде всего, в отношении к коню в истории тюркского мышления. Конь был важнейшим средством в тюркской военной системе. Он занимал значимое место в жизни древних тюрков.

В тюркской мифологии конь считался средством спасения героя, средством, выводящим его из темного мира в светлый мир, верным другом. Согласно некоторым древнейшим тюркским сказаниям, род тюрков сошел с небес. Спу-

стившийся с небес тюрк опустился на землю именно на крылатом коне. И по мнению тюрков-шаманов и древних монголов, конь также сошел с небес. Согласно древним якутским тюркам, конь богатырей был послан самим Солнцем. Согласно древнему уйгурскому мышлению, конь был послан Богом для войны. Некоторые уйгуры видели в коне бога войны (ангела войны). А казахи полагали, что Бог сотворил коня из ветров. Проф. Р. Гафарлы пишет, что “в верованиях народов Востока конь больше всего ассоциируется с огнем и светом. В поэзии мусульманского Возрождения подчеркивается, что кони рассвета на скаку рассекают тьму, небо светлеет, и мир один день наполняется светом” (Gafarli, 2012: 5). Боевые кони Короглу по имени Гырат и Дурут также были связаны с культом огня.

В эпосе “Манас” также присутствует древний мотив общетюркского фольклора: Манас и его конь Аггула – молочные братья. Еще в детстве Манас встретил в пещере крылатых лошадей. У коня Гонурбейна по имени Альгара также были крылья. И всякий раз, когда он оказывается в сложной ситуации, Алгара помогает владельцу. Кони в эпосе сохранили в себе архаические зародыши тюрко-монгольских саг. Наряду с наличием крыльев, эти кони (Аггула, Алгара, Чалгуйрук, Чабатар, Тоотору, Аджбуудан и т. д.) говорят, и могут добывать огонь и еду для своих владельцев и верных друзей.

Мисри и Аджалбарс, часто упоминаемые в эпосах “Короглу” и “Манас”, также считались пожизненными соратниками героев и друзьями в битвах и дальних странствиях. В изготовлении и вручении героям и меча Мисри, и меч Аджалбарс находится зародыш мифической мысли. Согласно сведениям, данным в эпосе “Короглу”, меч Мисри был сделан из куска молнии: “Еще в детстве, будучи ребенком и играя на улице, Ровшан однажды нашел камень на земле. Камень был небольшой, но очень тяжелый, весомый. Камень ярко-ярко сиял, блестел” (Koroglu, 2005: 53).

Когда повидавший мир Али-киши посмотрел на камень, он понял, что это осколок молнии. Он сделал из этого осколка меч с тем, чтобы придать своему сыну силу и неразлучного друга, когда настанет время, и напутствовал: “Этот меч не похож на другие. Это необычный меч. Его называют мечом молнией. Это такой меч, перед которым ничто не может устоять. Разрежет, разрубит все, по чему ударишь. Этим мечом ты будешь мстить ханам, бекам и пашам. С этим мечом подлецы, старые враги страдают-

ся от твоей руки. Этим мечом будешь разрушать крепости, разгонять караваны. Но никому не говори, что это молния меч. После этого называй его меч Мисри. Пока ты на коне Гырате и меч у тебя на поясе, никакой враг тебе не страшен” (Koroglu, 2005: 54). У меча Короглу – его оружия в битвах – была связь с небесными телами. В сознании народа, создавшего образ меча Мисри, это средство ведения сражения воспринималось как спасительная сила, посланная человечеству Богом – Священным светом, для спасения его от угнетения и эксплуатации. М. Адилов, ученый-лингвист, также утверждал, что название меча Мисри связано с богом Митрой – Митром – Мехром.

В иранском пантеоне, в древнеиранском мировоззрении Митра был богом рыцарей-кочевников и мирных земледельцев. Митра также был тесно связан с охотой, и в разделе “Яшт” “Авесты” собраны гимны и песни-яшт, посвященные богу Митре. Древние индоевропейские племена поклонялись Митре. Однако песни-яшты описывают создание Митры как деяние Ахурамазды. Митру называют божеством, обладающим множественностью пастбищ. Митра описывается как сила, которая ведет людей к победе и обеспечивает им мирную и хорошую жизнь. “Ахурамазда советует пророку Зороастру поклоняться Митре: “О Спитама, поклоняйся Митре. Расскажи (о нем) своим ученикам. (эй Митра) последователи Мазды почтят тебя со своими мелкими и крупными животными, крылатыми пернатыми птицами” (Huseynov, 2009: 204). Меч Мисри в эпосе “Короглу” рассказывает о существовании митраизма в памяти и религиозной мысли азербайджанского народа, несмотря на то, что он уже жил средневековым образом жизни и принял ислам. Не будем забывать, что и движение джелалидов зародилось в Южном Азербайджане.

В эпосе “Манас” ближайшим соратником Манаса и силой его рук, как мы уже упоминали, был Ачалбарс. Религиозный человек по имени Айкоджа дарит Манасу меч по имени Ачалбарс. Он выступает в роли некоего посредника между пророком Мухаммедом и Манасом. Айкоджа терпеливо прождав пятьсот лет, наконец передает залог пророка Мухаммеда. Манас впервые встречает Айкоджу в пещере, в которую он вошел, идя вслед за волком, разорвавшим ягненка на куски. Он один из сорока других святых, находящихся здесь.

В эпосе “Манас” в мотиве меча также тесно присутствует огонь и свет: “Сорок храбрецов ходили вокруг Хана Манаса. Манас раздарил

своим молодцам упавшие с неба шесть мечей, тревоживших врага. Самый прочный взял себе. Ради благословения он принес жеребцов в жертву во славу сорока удалцам. Хан Манас взял острый стальной меч, оставленный его дедом Ногои – меч Ачалбарс, сжигающий при соприкосновении траву, разрубающий при ударе камень, горящий как огонь при вынимании из ножен ночью, удлиняющийся на сорок семь аршин при направлении в сторону врага, отдал Баке, сорок молодцов, преклонив колени, дали клятву” (Manas, 2009: 44).

В древних эпосах тюркоязычных народов волк или Серые волки (Боз курт) представлен как спаситель, покровитель тюркоязычных племен и их предок. У тюркоязычных народов волк, лев являются знаками Солнца. Одна из легенд о сером волке гласит, что мать одного из десяти, по некоторым источникам, семнадцати братьев Капанпу, вождя гейтурков из рода гуннов, была волчицей. Хотя вражеские племена уничтожили их всех, храбрый, сильный брат, рожденный от волчицы, выжил, женился на дочерях богов Весны и Зимы, и имел по двое детей от каждой. Нотулуша, старший из детей, был избран каганом и получил имя “Тюрк”. Позже у Нотулуши, которого называли тюрком, было десять жен, а мать одного из его детей, называемая “волчицей”, носила имя Ашина, и ребенок от нее стал каганом, и он получил имя “Ашина”. Гейтюрков относят к этому роду “Ашина”.

Культ волка участвует в эпосе “Манас”, который старше “Короглу” по истории создания, в качестве символа древних тюрков. Участвующий в “Манас”е волк также является неким спасителем. Когда Манасу было десять лет и он вместе со своим другом Джеге Баем, который был немного старше него, пас в горах овец, вышедший из скал волк начал разрывать и есть их ягненка. Когда Манас быстро пытается поймать волка, он убежал и спрятался в темной пещере напротив. Войдя в пещеру по следам крови, Манас увидел там испускающих свет из глаз сорок человек на крылатых конях. В тюркской этнической традиции Серый волк//Боз курт тесно связан с военным искусством. Манас в качестве несущего дух тюркского военного героизма образа связан с культом Серого волка// Боз курта.

Флаг считался носителем исторической памяти. Изображение Солнца на тюркском флаге было порождено верой в Бога. У алтайских тюрков Солнце символизировало Тенгри-хана, параллельно женщину (начало жизни), а Луна – мужчину (силу и власть), а позднее Хумай Ана.

Вынесение же флага к армии возникло из-за желания просить священный свет помочь воюющим сторонам в достижении победы во время сражения. В эпосе “Манас” киргизские тюрки так просят у Бога победы: “– Бахадур, мы встретили тебя добрым утром восходящим солнцем. Мы, опираясь на твое подобное Солнцу великодушие, идем, держа твой флаг, возвышающийся до гор” (Manas, 2009: 215).

Необходимо отметить, что и в Азербайджане с древних пор широко использовался элемент луны и звезды. Этот мотив отражен на археологических памятниках (наскальные рисунки Гобустана), памятниках архитектуры (дворец Ширваншахов, усыпальница Мёмина Хатун), коврах и флагах.

В саге о Манасе Алп Кара Куш часто приходит на помощь героям в самые трудные моменты. Это волшебное существо, которое подразумевает большую почитаемую птицу, выступает в качестве символа силы и могущества. Такую мифическую птицу у монголов называют Харуд, у алтайских народов – Кашкаре, у персов – Симург. Древние греки считали Черную птицу-орла самой могущественной птицей и посланником Зевса. Необходимо отметить, что слово “Алп” означает воин, храбрый мужчина, человек. В эпосе “Манас” к Манасу обращаются и как к Алп-Манасу. “Присутствие имен с частицей Алп в древних тюркских письменных памятниках (Йигин Алп Туран) указывает на великую и славную историю этого архетипа. В Гейтюркском каганате были правители по имени Алп. Алп Каган, в частности, является примером этому. Определение Алп есть и в именах уйгурских каганов. Алпство начинается с Алпа Эр Тунга и продолжается Орхон-Енисейскими памятниками. Имя Йыгын Альп Туран высечено на каменной надписи, имена героев эпической саги Алпамыш, Алп Манаш показывают, что алпство существовало на более обширной территории, чем принято считать, и у гейтурков, огузов, карлугов и алтайско-саянских тюрков” (Bashirova, 2019: 32). Алпство – один из неотъемлемых статусов военного мира.

Симург – древний символ доброты, новой жизни и возрождения в азербайджанской мифологии. Согласно древним легендам, эта птица первой принесла корень “Древа жизни” на землю с неба или со священной горы. Птица Симург описывается в некоторых источниках как символ божественной красоты. В древней азербайджанской легенде “Сотворение мира” говорится, что “когда земля была полностью окруже-

на водой, и нигде не было ничего видно, кроме воды, Всевышний создал не очень большую, но умную, здоровую птицу”. По повелению Аллаха эта птица, именуемая птицей Хумай, впервые создала мир. сушу в определенной части воды. Именно с этими мифическими представлениями ассоциируется птица Хумай-Хума. “В некоторой части мифологических текстов Кероглу выступает первым предком, культурным героем. Гырат и Дюрат, вода Гошабулага, меч Мисри и т. д. представляют собой элементы, которые показывают связь Кероглу с мифическим миром” (Agbaba, 2008: 54).

В эпосах “Короглу” и “Манас” главные герои, которые могут выступить в будущих битвах, на полях сражений – Короглу и Манас – черпают свою силу из мифических элементов. В обоих эпосах имеет место вера в воду. Герой черпает силу из мифических корней, связанных с водой. Например, если причиной прославления в будущем как Короглу Ровшана, сына ослепленного Али-киши, было питье им пенистой воды Гошабулага, то пророк Хызыр объявил о рождении правителя, который сможет помочь своему народу, стране и создать могущественное государство, перед рождением Манаса. В обоих эпосах мотив героизма, путь, ведущий к героизму, определяется культом “воды”. Этот культ занял прочное место в мифическом мышлении тюркских народов.

М. Ярдимчи, который классифицирует коней в фольклорных текстах как коней, спустившихся с неба, созданных ветром, возникших из пещер и земли, появившихся из воды и бессмертных, указывает на то, что неотделимый от Короглу его боевой конь имеет водное происхождение (Yardimchi, 2015: 756-758).

Вода обладает мифическими качествами и является основой сотворения мира. С. С. Аверинцев пишет: “Вода является одной из фундаментальных стихий в мире... Вода – это среда, вещество и принцип оплодотворения и созидания человечества. Однако оплодотворение требует наличия как мужского, так и женского начала. Следовательно, есть два аспекта водного мифологема. В роли женского начала вода выступает в качестве аналога материнского лона, а также оплодотворяемого мирового яйца... Вода может быть идентифицирована с землей как одна из других воплощений женского начала... Широко распространенным мотивом является заключение небом брака с землей либо водой... Однако вода также является заставляющим землю “рожать” оплодотворяющим мужским семе-

нем” (Averinsev, 1980: 240). В тюркской мифологии вода представлялось как живое существо. Проф. И. Аббаслы пишет: “Предки верили, что небо, Солнце, Луна, звезды, буря, гром, молнии, а также деревья, скалы, моря, воды и другие подобные существа и животные в природе обладают духами, и поклонялись им как богам” (Abbasli, 1999: 7).

У тюрков основу мира составляли пять элементов (стихий), одной из которых была вода. Согласно проф. Ф. Баяту, упоминаемые в китайских источниках эти пять элементов – это земля, дерево, огонь, железо и вода (Bayat, 2007: 45-46).

С. Д. Оздемир также пишет, что “вода явно проявляет свое существование, выражая во всем своем богатстве черты, существующие на уровне сознания и подсознания в эпосе “Короглу” (Ozdemir, 2015: 430).

И в эпосе “Манас” матери Бейбике Чийирди, принесшей в жертву множество верблюдов и бесплодных жертв, чтобы родить ребенка, весть о рождении ребенка сообщает Хызыр, несущий смысл жизни, выпивший воду из источника жизни. И имя будущему герою дает также он. Воскрешение Манаса после двух его смертей также тесно связано с тем, что его древо жизни пило воду как раз из источника жизни.

В обоих эпосах такие факторы, как воздух, ветер, показывающие нахождение человека в тесном контакте с природой, имеют свои космологические особенности. Они образуют воздушную прослойку обеих эпосов.

Приводя в движение воду и огонь, воздух и ветер дают право на жизнь каждому живому существу. В эпосе “Короглу” свет размером с иглу, упавший на Гырата, оставляет небольшую вмятину-изменение в вымени коня. Алы-киши велит своему сыну плотно закрыть штору, приговаривая “из отверстия размером с иглу идет холод размером с балки”. Таким образом, становится ясно, что может сделать небольшой ветер, к каким большим изменениям может привезти.

Воздух и ветер также означают звук. Его гармония вызывает почтение и страх в каждом живом существе. Пенная вода источника Гошабулаг усиливает голос Кероглу. Этот голос даже громче, чем рог Исафила. Как говорил Алы-киши: “Ту пену, которую ты выпил, от неё твои руки обрели силу, а сам получил поэтический дар. И это придаст твоему голосу, рыку такую силу, что рог Исафила по сравнению с ним будет выглядеть как жужжание мухи. Беки, ханы, паши от страха перед тобой лишатся волос, птицы расправят крылья” (Koroglu, 2005: 58).

Одним из коней, летящих как ветер, был конь Манаса Аджалбарс. Сотворение Аджалбарса, его резвость, быстрое движение в сражениях, спасение Манаса способностью ускакать ото всех опасностей уподобляются сильному ветру.

Пласт военной темы в эпосе “Короглу” выражается в облике Чанлибеля. Чанлибель, описанный здесь как обитель героев, привлекает внимание своей мифической семантикой. Чанлибель выступает как мифическое военное место. В азербайджанской версии эпоса есть сведения о расположении вокруг Чанлибеля крутых скал, нахождение его у туманной горы, присутствии со всех сторон высоких возвышений с заснеженной вершиной. Чанлибель сообщает об истории тюркских верований. Хотя эта гора имеет особое географическое и военное значение, Чанлибель тесно связан также с мифологическими представлениями. Гора считалась священным началом, земля, и особенно связанное с ними Солнце, считалась создателем, матерью и отцом всех существ, жизни, богов, людей и благ. Как говорил профессор М. Сеидов, “Хотя в сюжете саги нет прямого указания на это, есть еще одна тайна проживания отца и сына в горах. У тюркских народов, в том числе у азербайджанцев, и их предков, во всех племенных объединениях, находящихся у их корней, гора является предком, мифическим покровителем. Мифическое представление о горе стало причиной дум о ней как о предке” (Seidov, 2018: 227). Чанлибель включает в себе все священные элементы, такие как гору, воду и деревья, свет.

Поскольку Чанлибель размещает Короглу и его героев в своих объятиях, воспитывает и обучает словно мать, а как отец охраняет их от сил зла и врагов, то он близок к космогоническому комплексу Небо-Отец, земле и связанным с ней элементам, включая комплекс Гора-Мать, и тесно связан с ним. В древнетюркском сознании горы связаны с божественным началом. Иными словами, высокие горы были представлены местом, близким к Богу, и с Богом же были связаны.

Проф. М. Сеидов провел исследование о боге гор, для выяснения, с чем был связан Чанлибель и нахождение истоков образа Алы-киши, и выдвинул ряд интересных идей. Имя бога Бел, широко распространенное у тюркоязычных народов, встречается в мифологии многих народов древнего мира. Исследователи пишут, что у аккадцев (говорят, что это слово связано с распространенным общесемитским мифом балу и означает хозяин, господин), ряд богов называется Бел. Во времена древнего Вавилона это слово

могло быть метафора имени любого бога. Это аргумент показывает, что в Вавилоне Бел выражал концепцию бога в целом, а не конкретного бога.... Известный в Пальмире как бог во 2-м тысячелетии до нашей эры, он считался хозяином мира, а Ярихболу и Аглибелю поклонялись ему как главе святой троицы. Обычно Бел (бол) представляли в виде быка или в виде человека с головой быка... В эллинистическую пору он смешивался с Зевсом, главным богом, и богом садов, лесов, сельскохозяйственных культур и пустыни в греческой мифологии Паном. Пан тоже представлялся в виде полукозла (козлиные рога, козы ножки).

Результаты и обсуждения

В эпосе “Манас” события происходят на Алтае, на китайско-калмыцкой границе. В эпосе говорится: “Склоны высоких гор Алтая были очень красивы. В этих горах, к югу от которых были расположен Алтун-гёл, на юге – Баргёл, были все птицы, животные, о которых ты мог подумать” (Manas, 2009: 60).

Пещера, в которой собирались 40 святых в эпосе “Манас”, также является местом, определяющим будущее Манаса. “Одна из основных идей, подчеркиваемых в этногенетических мифах, заключается в том, что образы первых предков, имея небесное происхождение, также связаны с горами. В этом смысле, поклонение горам занимало значительное место в системе тюркских космогонических взглядов. Системная защита в мифологической традиции тюркских народов поклонения горам ясно показывает его место в тюркском тенгрианстве. В источниках в явной форме живут следы этого поклонения, связанного с покровителем Родины и мифологической Великой Матерью” (Yezdili, 2007: 160).

В эпосе о сотворении “Алтай”, записанном В. Радловым, из почвы, извлеченной человеком со дна моря по повелению Бога, создается место с ровной и гладкой поверхностью. В результате того, что человек по повелению Бога выплюнул землю, которую украдкой хранил во рту, на гладкой земле появляются овраги, холмы и горы. Таким образом, огонь, вода, воздух и земля участвовали в сотворении человека.

Заключение

Таким образом, исследование мифологической семантики военной темы в эпосах “Ко-

роглу” и “Манас”, прежде всего, подтвердило актуальность и перспективность темы. Стало ясно, что эпосы “Короглу” и “Манас” имеют все без исключения характерные особенности общетюркского героического эпоса. Их срав-

нительное изучение имеет большое значение не только для изучения мифологической семантики военной темы, но и для изучения всех типологических качеств общетюркской эпической традиции.

Литература

- Кафарлы Р. Великий ученый и человек, раскрывший секрет культа коня в эпосе “Книга моего деда Коркута” // Танрыверди А. Культ коня в “Книге моего деда Коркута”. – Баку: Наука и образование, 2012. – С. 3-16.
- Короглу. – Баку: Лидер, 2005. – 552 с.
- Гусейнов И., Эфендиева Н. Культура древнего мира. – Баку: Марс-принт, 2009. – 428 с.
- Манас / перевод А. Джамил. – Баку: Нурлан, 2009. – 290 с.
- Баширли Х. Типология героев в дастанах Огузنامه. – Баку: Наука и образование, 2019. – 150 с.
- Агбаба А. Мифология. – Сумгаит: СГУ, 2008. – 60 с.
- Ярдимчи М. Культ коня в “Короглу” и литературе // Материалы IV международной конференции “Народная культура Болу и Короглу”. – Анкара: Акчаг, 2015. – С. 751-771.
- Аверинцев, С.С. Вода // Мифы народов мира. В 2-х томах. Том 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 240 с.
- Аббаслы И. Первичные религиозные источники и их следы в народном творчестве // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. VIII книга. – Баку: Сада, 1999. – с.5-23.
- Баят Ф. Тюркская мифологическая система. – Стамбул: Отукен, 2007. – 380 с.
- Оздемир С. Стихии воды и огня в эпосе Короглу // Материалы IV международной конференции “Народная культура Болу и Короглу”. – Анкара: Акчаг, 2015. – С. 416-431.
- Сеидов М. Размышляя над происхождением Азербайджанского народа. – Баку: Писатель, 2018. – 444 с.
- Бейдилли Дж. Образная система тюркской мифологии. – Баку: Мутарджим, 2007. – 272 с.

References

- Abbasli I. (1999). Pervichniye religiozniye istochniki i ih sledi v narodnom tvorchestve [Primary religious sources and their traces in folk art] // Issledovaniya po azerbajjanskoj ustnoj narodnoj literature. VIII kniga. Baku: Sada, p.5-23. (In Azerbaijani)
- Agbaba A. (2008). Mifologiya [Mythology]. Sumgait: SSU, 60 p. (In Azerbaijani)
- Averinsev S. (1980). Voda [Water]/Mifi narodov mira. V 2-h tomah. Tom 1. Moscow: Sovetskaya ensiklopediya, 240 p. (In Russian)
- Bashirli Kh. (2019). Tipologiya geroev v dastanah Oguzname [Typology of heroes in Oguzname]. Baku: Nauka i obrazovaniye, 150 p. (In Azerbaijani)
- Bayat F. (2007). Tyurkskaya mifologicheskaya sistema [Turkic mythological system]. Istanbul: Otuken, 380 p. (In Turkish)
- Beydili J. (2007). Obraznaya sistema tyurkskoj mifologii [The image system of Turkic mythology]. Baku: Mutarjim, 272 p. (In Azerbaijani)
- Gafarli R. (2012). Velikiy ucheniy I chelovek, raskrivshiy secret kulta konya v epose “Kniga moego deda Korkuta” [The great scientist and man who revealed the secret of the horse cult in the epic “The Book of Dede Korkut”]// Tanriverdi A. Kult konya v epose “Kniga moego deda Korkuta”. Baku: Nauka i obrazovaniye. p.3-16. (In Azerbaijani)
- Huseynov I. (2009). Efendiyeva N. Kultura drevnego mira [Culture of the ancient world]. Baku: Mars-print, 428 p. (In Azerbaijani)
- Koroglu (2005). [Koroglu]. Baku: Lider. 552 p. (In Azerbaijani)
- Manas (2009). [Manas]/perevod A. JAMIL. Baku: Nurlan, 290 p. (In Azerbaijani)
- Ozdemir S. (2015). Stixii vodi i ognya v epose “Koroglu” [Elements of water and fire in epos “Koroglu”]// Materiali IV mejdunarodnoy konferensii “Narodnaya kultura Bolu i Koroglu”. Ankara: Akchag, p. 416-431. (In Turkish)
- Seyidov M. (2018). Razmishlyaya nad proishojdeniyem Azerbajjanskogo naroda [Reflecting on the origin of the Azerbaijani people]. Baku: Pisatel, 444 p. (In Azerbaijani)
- Yardimchi M. (2015). Kult konya v “Koroglu” i literature [Horse cult in “Koroglu” and literature]//Materiali IV mejdunarodnoy konferensii “Narodnaya kultura Bolu i Koroglu”. Ankara: Akchag, p. 751-771. (In Turkish)

МНРТИ 17.09.91

<https://doi.org/10.26577/EJPh.2020.v180.i4.ph22>**Ахмедова Севиндж Сабир кызы**

Азербайджанский государственный университет культуры и искусства,
Азербайджан, г. Баку,
e-mail: sevincaxmedova@rambler.ru

ДЖ. Г. УИТТЬЕР И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Собственно американская литература формируется в первой половине XIX века. Одним из поэтов, стоявших у истоков этой литературы, был Дж. Г. Уиттьер, который более известен своими аболиционистскими произведениями. Он сознательно ограничивал тематику произведений, что делало стихи его более простыми, и по форме, и по языку, доступными для простого люда. Именно в этом критика последующих лет видела недостатки его произведений. Его произведения остались фактом литературы своего времени и в настоящее время представляют интерес лишь для исследователей. Литература США зародилась в рамках американского романтизма. У истоков собственно американской поэзии стояли многие поэты, каждый из которых внес свою лепту в формирование национального своеобразия данной литературы. Одним из них был Джон Гринлиф Уиттьер, который до Гражданской войны сознательно подчинил свой талант аболиционизму и вошел в историю американской литературы как поэт-аболиционист. Объектом исследования является творчество американского поэта XIX века, одного из зачинателей собственно американской поэзии и видного поэта-аболициониста Джона Гринлифа Уиттьера.

Предметом исследования являются стихотворения и поэмы Дж. Г. Уиттьера. Цель исследования – определить место Дж. Г. Уиттьера в американской литературе. Достижение обозначенной цели обусловлено решением следующих задач: рассмотреть творческий путь поэта; выявить своеобразие поэзии Дж. Г. Уиттьера; определить его место в истории американской литературы. Научная новизна исследования заключается в том, что автор пытается пересмотреть установившиеся на творческое наследие Дж. Г. Уиттьера взгляды в современном американском и отчасти в русском литературоведении, которые, признавая его несомненные заслуги перед американской литературой, рассматривают его больше как факт истории литературы.

Ключевые слова: американская литература, поэзия, Дж. Г. Уиттьер, аболиционизм, Гражданская война.

Ahmedovaa Sevindc Sabirkizi

Azerbaijan State University of Culture and Art, Azerbaijan, Baku,
e-mail: sevincaxmedova@rambler.ru

J. G. Whittier and his place in history American literature

Actually, American literature is formed in the first half of the XIX century. One of the poets who stood in at the origins of this literature was J. G. Whiter, who is better known for his abolitionist works. He deliberately limited the subject matter of the works, which made the verses simpler, both in form and in language, accessible to ordinary people. It was in this that the criticism of subsequent years saw the shortcomings of his works. His works remained a fact of literature of his time and are currently of interest only to researchers. USA literature originated in American romanticism. The origins of American poetry proper were many poets, each of whom contributed to the formation of a national identity of this literature. One of them was John Greenleaf Whittier, who before the Civil War deliberately subjugated his talent to abolitionism and went down in the history of American literature as an abolitionist poet. The object of the study is the work of the American poet of the 19th century, one of the instigators of American poetry itself and the prominent abolitionist poet John Greenleaf Whittier.

The subject of research are poems and poems by J. G. Whittier. The purpose of the study is to determine the place of J. G. Whityere in American literature. The achievement of the indicated goal is due to the solution of the following tasks: to consider the poet's creative path; to reveal the originality of the poetry of J. G. Whittier; determine its place in the history of American literature. The scientific novelty of the study is that the author is trying to reconsider the views established on the creative heritage of J. G. Whittier in modern American and partly in Russian literary criticism, which, recognizing his undeniable merits to American literature, consider him more as a fact of the history of literature.

Key words: American literature, poetry, J. G. Whittier, abolitionism, Civil War.

Ахмедова Севиндж Сабир кызы

Әзірбайжан мемлекеттік мәдениет және өнер университеті,
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail:sevincaxmedova@rambler.ru

Дж. Г. Уиттър және оның америкалық әдебиет тарихындағы орны

Шын мәнінде, америкалық әдебиет XIX ғасырдың бірінші жартысында қалыптасты. Бұл әдебиеттің бастауында тұрған ақындардың бірі – Дж. Г. Уиттър, ол өзінің аболиционистік шығармаларымен танымал. Ол шығармалардың тақырыбын саналы түрде шектеді, бұл оның өлеңдерін форма және тіл жағынан қарапайым адамдар үшін қолжетімді етті. Міне, кейінгі жылдардағы сын нақ осыдан оның шығармаларындағы кемшіліктерді көрді. Оның шығармалары өз заманының әдебиет фактісі болып қала берді және қазіргі уақытта тек зерттеушілер үшін қызығушылық тудырады.

АҚШ әдебиеті америкалық романтизм аясында пайда болды. Америкалық поэзияның бастауында көптеген ақындар тұрды, олардың әрқайсысы осы әдебиеттің ұлттық ерекшелігін қалыптастыруға өз үлесін қосты. Олардың бірі Джон Гринлиф Уиттър болды, ол азамат соғысына дейін өзінің талантын саналы түрде аболиционизмге бағындырып, америкалық әдебиет тарихына аболиционист ақын ретінде кірді.

Зерттеу нысаны – XIX ғасырдағы америкалық ақын, америкалық поэзияның негізін қалаушылардың бірі және көрнекті аболиционист ақыны Джон Гринлиф Уиттърдің шығармашылығы. Зерттеу пәні – Дж. Г. Уиттърдің поэмалары мен өлеңдері.

Зерттеудің мақсаты – Дж. Г. Уиттърдің америкалық әдебиеттегі орнын анықтау.

Белгіленген мақсатқа жету келесі міндеттерді шешуге байланысты:

- ақынның шығармашылық жолын қарастыру;
- Дж. Г. Уиттър поэзиясының бірегейлігін анықтау;
- оның америкалық тарихтағы орнын анықтау.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы – автор Дж. Г. Уиттърдің қазіргі америкалық және ішінара орыс әдебиеттануындағы көзқарастарын, оның америкалық әдебиетке деген сөзсіз еңбегін мойындай отырып, оны әдебиет тарихының фактісі ретінде қарастырады.

Түйін сөздер: америкалық әдебиет, поэзия, Дж. Г. Уиттър, аболиционизм, Азамат соғысы.

Введение

Дж. Г. Уиттър занимает в американской поэзии особое место. Его простая по языку и доступная, в определенной степени упрощенная форма поэзия первого этапа творчества выполняла агитационную функцию и мобилизовала общество на борьбу с рабовладельчеством. Всю свою жизнь и творчество до гражданской войны поэт сознательно подчинил этому делу. После Гражданской войны тематика и поэтика стихотворений и поэм поэта значительно расширилась, и они показали, что талант Уитттера гораздо богаче и шире, чем о нем можно было бы подумать, если судить о его аболиционистских произведениях (Bobrova, 1972: 14). Чтобы определить место поэта Дж. Г. Уитттера, необходимо подходить к его творчеству с исторической позиции и рассматривать его творческое наследие в совокупности. Именно этим и обуславливается актуальность данной темы.

Эксперимент

Становление собственно американской литературы приходится на первую половину XIX

века. Этот процесс проходил в то время, когда из разных по уровню развития общностей людей (промышленно развитая Новая Англия, рабовладельческий Юг, только-только заселяющийся Запад) постепенно формировался американский народ. Литература США создавалась людьми с разным уровнем воспитания и образования (получивший блестящее образование и сам преподававший в университете Г. Лонгфелло, не имевший систематического образования У. Уитмен и домохозяйка Гарриет Бичер-Стоу издали свои главные произведения в одно и то же время – в середине 1850 годов), многие из которых прошли сложный и нелегкий жизненный путь (Perkins, 1999: 56). Но всех их объединяло то, что они стремились в массе своей быть в гуще событий, откликаться на происходящие общественно-политические события и литературными, и публицистическими произведениями.

Наиболее актуальной и сложной проблемой в жизни американского общества того периода был вопрос, связанный с рабством, рабовладельчеством, что вызвало в жизнь радикальное общественное движение под названием аболиционизм, нашедший “живой и мощный отзвук в американском романтизме”. “Сам дух антира-

бовладельческой борьбы оказал на литературу столь сильное воздействие, что в рамках романтизма сформировалось литературное течение, отличавшееся жанровым, тематическим и эстетическим своеобразием” (Ugov, 2004: 24).

К этой теме обращались почти все литераторы, но только один из них сделал борьбу за освобождение рабов целью своей жизни, подчинив этому весь свой талант. А талант у него был яркий и своеобразный. Об этом говорит и такой факт: первые стихи его были напечатаны в газете “Свободная пресса” (“The Free Press”) Гаррисона, который ознакомившись с ними заявил, что появился первостатейный талант (Brucks, 1967: 295).

Его приход в литературу совпал со временем, когда в американском самосознании начала формироваться тенденция к освобождению от влияния европейской литературы. Именно в это время американская литература упорно ищет свой путь. Свой путь в литературе прокладывал и Джон Гринлиф Уиттър (1807-1892 гг.), внося свою лепту в создание собственно американской поэзии.

Условно творчество Уиттьера можно разделить на три неравные части: ранний (до середины 30-х годов), аболиционистский (с середины 30-х до конца 50-х) и последний период (с конца 50-х). В первый период поэт во весь голос заявляет о себе (Pickard, 1961: 15). В стихотворениях этого периода проявляются наиболее характерные особенности его поэзии, творческого почерка: сочетание романтического пафоса и реалистическим описанием природы, явлений природы, предельная точность деталей. Наиболее ярко это проявилось в созданном в 1831 году стихотворении “Дух Мороза”:

Он идет, он идет – Дух Мороза идет,
И след его леденящий
Сверкает кристаллами звездных высот
Над золотolistвенной чашей.
Плащи с дубов он срывает во прах,
И листья шуршат, облетая,
И ветры его завывают в полях,
Как волчья голодная стая.
(Перевод М.Зенкевич) (Amerikanskiye, 1969: 25)

Эти особенности наиболее ярко проявятся в произведениях последнего периода творчества Уиттьера. К началу Гражданской войны он отходит от самоограничения в тематике и поэтике произведений. Но об этом чуть позже.

В начале 30-х годов поэт отдался полностью политической борьбе, став, и как публицист, и

как поэт, аболиционистом. С начала 30-х годов он свою жизнь подчиняет аболиционизму: участвует в работе съезда аболиционистов (Филадельфия, 1833 г.), вместе со всеми подписывает воззвание, печатает памфлет “Справедливость и польза” (“Justice and Expediency, considered with a View to its Righttul and Efrectual Remedy, Abolition”).

С этого времени и до Гражданской войны вся общественно-политическая и литературная деятельность Дж. Г. Уиттьера была связана с аболиционизмом. И не случайно он вошел в историю американской литературы прежде всего как поэт-аболиционист. Хотя следует отметить, что тематика его поэтических произведений этих лет не ограничивается лишь аболиционистскими мотивами. Его интересует вообще освободительная борьба, и не только в США.

Одним из самых интересных произведений Уиттьера этого периода является “Босоногий мальчик” (1855) – прекрасное стихотворение о маленьком человеке, который чувствует, будто все сокровища мира принадлежат ему. Поэту удалось правдиво воссоздать психологическое состояние предоставленного самому себе школьника.

В поэзии Уиттьер шел своим путем. Большинство критиков в самой Америке не очень высокого мнения о его поэзии. Даже утверждается, что “Антирабовладельческие стихи Уиттьера трудно назвать литературой” (Literaturnaya, 1978: 107).

При оценке аболиционистских стихотворений, следует учитывать, что для Уиттьера они были средством политической борьбы. Поэт сознательно ограничил диапазон своих тем, писал стихи, посвященные знаменательным событиям аболиционизма, гимны о страдальцах и героях этого движения, в них звучат обвинения в адрес рабовладельцев и их защитников. Дж. Г. Уиттьер издал два сборника стихов против рабства: “Стихи, написанные во время разворачивания вопроса об освобождении рабов в Соединенных Штатах между 1830 и 1838 годами” и “Голоса Свободы” (Voices of Freedom – 1846).

Его сборник стихов “Голоса свободы” (“Voices of Freedom”, 1846) и многочисленные стихи, созданные до Гражданской войны называли даже поэтической летописью американского аболиционизма (Istoriya, 1947: 319-320).

К лучшим произведениям этого периода относятся поэмы “The Slave Ships”, в которой описывается жестокость рабовладельцев, и “Farewell”, где говорится о прощании матери с

проданной дочерью. Эти темы лет через десять ярко будут раскрыты в романе Гарриет Бичер-Стоу “Хижина Дяди Тома”. Но первым эти темы в поэзии и вообще в художественной литературе поднял именно Дж. Г. Уиттьер.

Критика указывает на несовершенство формы его стиха, простоту языка. Но ведь это было связано с той задачей, которая автором сознательно ставилась перед собой: стихи адресовались широким массам, простому люду и выполняли функцию политических и идеологических прокламаций. Отсюда и простота, доступность языка, знакомые широким массам поэтические формы. Именно это впоследствии критики называли основным недостатком его поэзии. В. Л. Паррингтон писал: “Если не считать Брайента, Уиттьер – самый ограниченный по своему творческому диапазону и самый бедный по мысли среди известных американских поэтов” (Parrrington, 1962: 427).

Что касается бедности мысли и узости диапазона, это относится в основном к поэзии Уиттьера до Гражданской войны. Создается впечатление, будто до Гражданской войны, до отмены рабства над Уиттьером довлело нечто, что не позволяло ему в полной мере развернуть свой талант, который по своей сути тихий, склонный к спокойной деревенской жизни, к идиллии...

Представление о том, что Уиттьер абсолютно отстранялся от всех тем, кроме аболиционистских, не верно. Его публицистика была заточена на эту тему, а в поэзии она была только предпочтительной. Но при этом и другие темы и мотивы ему не чужды были.

После Гражданской войны, когда основная политическая и “поэтическая” миссия была выполнена, по признанию того же Паррингтона, “Когда долгий спор был наконец закончен и Уиттьер смог снять доспехи бойца, его поэзия стала богаче, мастерство – более зрелым. Уиттьер не был рожден для битв, поэтому он со вздохом облегчения вернулся в райские кущи поэзии, о которых он грезил, трудясь в поте лица своего на ниве аболиционизма. Вспоминая впоследствии ту страдную пору, он в полушутливой форме изобразил самого себя в поэме “Палатка на берегу моря” (“The Tent on the Beach”) (Parrrington, 1962: 129).

И в годы Гражданской войны Уиттьер продолжает создавать стихи о борцах за свободу невольников. В этом отношении интересным представляется стихотворение “В Порт-Рояле, 1861”, в котором рассказывается о северных

аболиционистах, которые отправились в Южную Каролину (Порт-Рояль) в качестве учителей и миссионеров для рабов, хозяева которых, узнав о приближении северян, сбежали.

К этому же периоду относятся и стихи “Барбара Фриччи”, в которых описывается вторжение армии южан в город северян:

Но в полдень, как в город ворвался враг,
Спущен повсюду был звездный флаг.

Барбара Фричча врагам в ответ,
Старуха почти девяноста лет,

Отважилась дряхлой рукой опять –
Мужчинами спущенный – флаг поднять

Южане по команде генерала Ли обстреляли флаг, а поднявшая его девяностолетняя старуха, взмахнув простреленным флагом, сказала:

“Стреляйте в седины моей головы.
Но флага отчизны не трогайте вы!”
(Amerikanskiye, 1969: 24) (Перевод М.Зенкевич)

Эти слова проняли командира, и он приказал не стрелять в нее. Как видим, незамысловатый сюжет, простая история и самое главное, понятная и доступная для любого фермера и мастера-вог.

Творческое наследие Дж. Уиттьера огромно и многогранно. Это десятки поэтических сборников, публицистические работы, мемуары, письма. При этом творческое наследие поэта и публициста даже на его родине изучено недостаточно. Это, видимо, можно объяснить только одним: ушла та эпоха, которой своим талантом служил поэт. Он жил в конкретном времени и в своих стихотворениях ставил конкретные проблемы или пропагандировал конкретные мысли, суждения; воспевал или же подвергал разящей критике, изобличал кого-то, как в “Ихаводе”, адресованном видному политическому деятелю Новой Англии, обманувшего надежды аболиционистов.

Почти 30 лет своей жизни Уиттьер отдал борьбе с рабовладельчеством, поднимая свой гневный голос и в поэзии, и в публицистике в защиту угнетенных, и примерно столько же лет были проведены вдали от бурной общественной жизни (Amerikanskaya, 1983: 23).

Примерно с 60-х годов до конца жизни Дж. Г. Уиттьер все чаще обращается к памяти, соз-

дает идиллические стихи, воспевая прошлое, воссоздает картины детских лет. При этом это делается настолько детально, что элементы пейзажа, портрета, быта выглядят предельно достоверными, что сближает его манеру письма с реалистичной.

Поэт может поэтизировать самое обыденное, проходящее, сделав его вечным. Но делает это он через память. Наиболее ярким примером тому является поэма “Занесенные снегом”. В ней как бы сконцентрированы все лучшие качества поэзии Уиттьера. Здесь говорится, как семья, в сильный снегопад отрезанная от внешнего мира, сидит у очага и слушает рассказы старших, которые рассказывают о своем детстве, благодаря чему все возвращаются в прошлое.

Поэма была написана после того, как уже пожилой поэт подряд потерял своих любимых женщин – мать и двух сестер (Мэри и Элизабет). Отсюда и сильное личностное начало в произведении.

Результаты и обсуждение

Эмоционально поэма весьма сильно насыщена и убедительна. Видимо поэтому она привлекла читательское внимание и оказалась самым удачным коммерческим проектом автора – она в год издания (1866) принесла автору, к его собственному удивлению, 10 тысяч долларов –

сумму для того времени гигантскую. Уиттьер, обращаясь к недавнему прошлому, создает картину жизни первых поселенцев, которые в той или иной мере еще живы в памяти многих из их потомков, как в виде семейных рассказов и преданий. Мастерство поэта в том, что он зримо описывает эти картины и пробуждает эти воспоминания в сознании своих читателей. Поэзия Уиттьера подкупает своей искренностью. Автор пишет о том, что хорошо знает, во что верит и в чем убежден, стихи, которые более субъективны и носят в себе элементы воспоминаний. И не случайно при жизни поэт пользовался заслуженной славой. Достаточно отметить, что 70-летие и 80-летие поэта отмечалось в общенациональном масштабе.

Заключение

Но на сегодняшний день в США интерес к творчеству Дж. Уиттьера сохраняется только в академической среде. Последний раз его произведения выходили отдельным изданием в начале прошлого века, к столетию поэта. После этого лишь отдельные произведения поэта включаются в поэтические антологии. А это говорит о том, что Дж. Г. Уиттьер, сознательно подчинивший свой талант конкретной проблеме, большей частью остался в истории литературы, как поэт-аболиционист.

Литература

- Боброва М. Н. Романтизм в американской литературе XIX века. – М.: Высшая школа, 1972. – 286 с.
Perkins G., Perkins B. The American tradition in literature. – Boston: McGraw-Hill College, 1999. – 323 p.
Уров А. Н. Политическая лирика Дж. Г. Уиттьера в контексте аболиционистской литературы: проблематика и поэтика. М., 2004. – 32 с. // <http://lib.ua-ru.net/diss/cont/94541.html>
Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. т.1. – М.: Прогресс, 1967. – 424 с.
Pickard J. B. John Greenleaf Whittier: An Introduction and Interpretation. – New York: Barnes & Noble, Inc., 1961. – 243 p.
Американские поэты в переводах М.Зенкевича. – М.: Художественная литература, 1969. – / <http://www.wysotsky.com/0009/009.htm#009>
Литературная история США. Т.2. – М.: Прогресс, 1978. – 528 с.
История американской литературы. Т.1. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – 343 с.
Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. В 3-х томах, т. 2. – М.: Иностранная литература, 1962. – 150 с.
Американская поэзия в русских переводах. XIX–XX вв. / составитель С. Б. Джимбинов. – М.: Радуга, 1983. – 672 с.

References

- Amerikanskaya (1983) poeziya v russkih perevodah XIX–XX vv. [American poetry in Russian translations. XIX-XX centuries]. Moscow: Raduga, 672 p. (In Russian)
Amerikanskiye poeti v perevodah M. Zenkevicha [American poets in translations of M. Zenkevich]. <http://www.wysotsky.com/0009/009.htm#009> (In Russian)
Bobrova M. N. (1972). Romantizm amerikanskoy literature XIX veka [Romanticism in 19th-century American literature].

Moscow: Visshaya shkola, 286 p. (In Russian)

Brucks V. V. (1967). Pisatel i Amerikanskaya jizn [The writer and American life]. Moscow: Progress, 424 p. (In Russian)

Istoriya (1947) Amerkanskoy literaturi [The history of American literature]. T.1. Moscow: AN SSSR, 343 p. (In Russian)

Literaturnaya (1978) istoriya SSHA [The literary history of the United States]. T.2. Moscow: Progress, 528 p. (In Russian)

Parrington V. L. (1962). Osnovniye techeniya Amerikanskoy misli [The main trends of American thought]. т.2. Moscow: Inostrannaya literatura, 150 p. (In Russian)

Perkins G., Perkins B. (1999) The American tradition in literature. Boston: McGraw-Hill College, 1999, 323 p. (In English)

Pickard J. B. (1961). John Greenleaf Whittier: An Introduction and Interpretation. New York: Barnes & Noble, Inc., 243 p. (In English)

Urov A. N. Polotocheskaya lirika J. G. Uittera v kontekste abolisionistkoy liretaturi: problematika i poetika [Political lyrics by J. G. Whittier in the context of abolitionist literature: problems and poetics]. <http://lib.ua-ru.net/diss/cont/94541.html> (In Russian)

А.Т. Хамраев^{1*} , Г.М. Нуракунова²

¹Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Казахстан, г. Алматы

²Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: alik182009@yahoo.com

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УЙГУРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

Современная уйгурская литература Казахстана в период Независимости эволюционирует в контексте двух взаимосвязанных и взаимообусловленных литературных форм своей художественно-эстетической трансформации, в которой отчетливо проявляется историко-культурный опыт самого народа, его обычаи, фольклорные и письменные традиции. Наряду с этим она оказывается под влиянием процессов взаимопереплетения, взаимовлияния с разными национальными словесными культурами Казахстана и остального мира. Она вступает на совершенно другой этап художественно-культурной трансформации, происходящий в условиях многовекторности казахстанского общества. В новом этапе уйгурскими художниками осмысливается новая социально-политическая действительность, как иная, модернизирующая художественно-эстетическая реальность, значительно отличающая ее от прежней уйгурской советской литературы. С одной стороны, они участвуют в новой литературной полифонии Казахстана (переводы, взаимопереводы и литературные контакты). Это ведет к формированию особой бинарной словесной национальной культуры, ведущей, в целом, к поликультурной литературной традиции: в частности: казахско-уйгурской, турецко-уйгурской, русско-уйгурской и т.д. С другой стороны, современная литература объективно движется к разнообразию методов познания эстетической действительности. Появляются новые литературные направления, новые методы изображения действительности и т.д.

Ключевые слова: трансформация, уйгурская, традиция, эстетическая, действительность, бинарная, культура, разнообразие, направления, методы.

A.T. Khamraev^{1*}, G.M. Nurakhunova²

¹M.O. Auezov Institute of Literature and art, Kazakstan, Almaty

²Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakstan, Almaty

*e-mail: alik182009@yahoo.com

Artistic and aesthetical transformation of the Uyghur literature of Kazakhstan in the period of Independence

The modern Uyghur literature of Kazakhstan during the period of Independence evolves in the context of two interconnected and interdependent literary forms of its artistic and aesthetic transformation, in which the historical and cultural experience of the people themselves, their customs, folklore and written traditions are clearly manifested. Along with this, also it is influenced by the processes of interweaving, mutual influence with different national verbal cultures of Kazakhstan and the rest of the world as well. It enters a completely different stage of the artistic and cultural transformation, which taking place in a multi-vector Kazakhstan society. Uyghur writers comprehend the new sociopolitical reality, as a different, modernizing artistic and aesthetic reality, which significantly distinguishes it from the previous Uyghur Soviet literature. On the one hand, they participate in the new literary polyphony of Kazakhstan (translations, mutual translations and literary contacts). This leads to the formation of a special binary verbal national culture, leading, in general, to a multicultural literary tradition: in particular: Kazakh-Uyghur, Turkish-Uyghur, Russian-Uyghur, etc. On the other hand, modern literature is objectively moving towards to a variety of cognition methods of aesthetic reality. New literary trends, new methods of depicting reality, etc. appear.

Key words: transformation, Uyghur, tradition, aesthetic, reality, binary, culture, diversity, directions, methods.

А.Т. Хамраев^{1*}, Г.М. Нурагунова²

¹М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, Қазақстан, Алматы қ.,
²Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: alik182009@yahoo.com

Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстанның ұйғыр әдебиетінің көркемдік және эстетикалық қайта құрылуы

Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан ұйғыр әдебиеті бір-бірімен өзара байланысты екі көркемдік және эстетикалық трансформациялық қайта құрудың әдеби формалары аясында дамып келеді. Онда халықтың тарихи-мәдени тәжірибесі, олардың әдет-ғұрпы, фольклоры мен жазба дәстүрлері айқын көрінеді. Сонымен қатар, оған ішкі үрдістер және тәсілдер әсер етіп тұрады. Қазақстанның және әлемнің әртүрлі ұлттық мәдениеттерімен өзара байланыстарға түседі. Бұл көпвекторлы қазақстандық қоғамда болып жатқан көркем және мәдени қайта құрудың мүлдем басқа кезеңі екенін айқындайды. Ұйғыр жазушылары жаңа қоғамдық-саяси реалдықты және оның бұрынғы ұйғыр совет әдебиетінен айтарлықтай ерекшелендіретін көрнекі және эстетикалық шындықты түсінеді. Бір жағынан, олар Қазақстанның жаңа әдеби полифониясына (аудармалар, өзара аудармалар және әдеби байланыстар) қатысады. Бұл арнайы екілік дәрежедегі ұлттық мәдениеттің қалыптасуына әкеліп соғады және тұтастай алғанда көп мәдениетті әдеби дәстүрге алып келеді. Атап айтқанда, қазақ-ұйғыр, түрік-ұйғыр, орыс-ұйғыр, белорус-ұйғыр т.б. Екінші жағынан, қазіргі әдебиет қоғамды эстетикалық танудың әртүрлі әдістеріне объективті түрде көшуде. Жаңа әдеби ағымдар, мұхитты бейнелеудің тағы басқа жаңа әдістері пайда бола бастады.

Түйін сөздер: түрлендіру, ұйғыр, дәстүр, эстетика, шындық, екілік, мәдениет, әртүрлілік, бағыттар, әдістер.

Введение

В конце 80-х годов XX века уйгурская литература Казахстана наряду с казахской, русской и узбекской объективно вступила на путь перемен в связи с радикальными социально-политическими сдвигами, произошедшими на территории во всех бывших социалистических стран (Личутин В, 1990: 12), (Гуковский Г.А. 2, с.122), (Аскарова А.Ш., 2016: 185-186), (Қирабаев С., 2002: 11-15). С тех пор она находится под влиянием открытого информационного пространства и испытывает колоссальное внешнее общественно-политическое воздействие, что не могло не привести к разрушению единого литературного канона, основанного на социалистической нормативной художественной эстетике. Указанный период является чрезвычайно сложным по взаимодействию внешних и внутренних процессов, разнонаправленным по характеру литературных контактов и связей (Ковалев П.А., 2010: 9-10). Данные процессы не могли также не вести к формированию совершенно другой объективной картины познания, переосмыслению и описанию окружающей действительности. Прежнее классическое реалистико-диалектическое восприятие мира перестает играть доминирующую роль, на передний план выдвигаются гетероморфные этнофундаментальное (термин П. Антова) историко-культурное познание современности. Наблюдается всеобщий объективный процесс возврата на-

циональной литературы к своим генетическим корням.

Углубление Независимости Казахстана всемерно и углубляет этот процесс, что не могло не ускорить трансформационное развитие уйгурской литературы, в которой ярко отразились внешние и внутренние литературные связи, ведущие к коренному изменению всего фона национальной словесной культуры. Это отчетливо можно увидеть в восприятии универсальных ценностей уйгурскими художниками как казахстанской, так и мировой словесной культуры, формирующих совершенно иное духовное начало и качество в обществе.

Эксперимент

В статье применены методы сравнительно-когнитивного исследования, которые нацелены на раскрытие особенностей художественно-эстетических трансформации современной уйгурской литературы Казахстана. В сравнительном плане проанализированы процессы взаимопереплетения национальных литератур, взаимопроникновения методов познания действительности и становления новых направлений.

Результаты и обсуждение

Современная уйгурская литература Казахстана в период Независимости закономерно развивается в двух взаимосвязанных и взаимообус-

ловленных автономных формах своей трансформации, что проявляется в историко-культурном опыте самого народа, его обычаях, фольклорной и письменной традиции с одной стороны, и взаимопереплетения, взаимовлияния разных национальных словесных культур Казахстана и остального мира – с другой. Она активно пользуется плодами новой культурной трансформации, происходящих в условиях открытости общества, что отражается в нескольких аспектах:

1) в осмыслении новой социально-политической действительности в литературе как иной, модернизирующей художественно-эстетический феномен, значительно отличающий ее от прежней уйгурской советской литературы. Литература объективно движется к разнообразию методов познания эстетической действительности;

2) в участии новой литературной полифонии Казахстана (переводы, взаимопереводы и литературные контакты). Благодаря переводу и публикациям, формируется особая бинарная словесная национальная культура, ведущая, в целом, к поликультурной литературной традиции: в частности: казахо-уйгурской, турецко-уйгурской, русско-уйгурской, уйгурско-белорусской и т.д.

На данном этапе развития уйгурской литературы Казахстана намечаются существенные черты методолого-эстетического перехода (или “литературного поворота” – термин К. Юргенсен) от гомоморфной советской литературы к гетероморфной казахстанской литературе Независимого времени (Немецкая литература, 2011: 10). Процесс накопления новых тенденций, методологических основ и литературных сдвигов, который происходит весьма своеобразно и неравномерно, схож с глобальными изменениями национальных литератур в начале XX века. Если в начале XX столетия общественное реалистическое начало пришло на смену восточной классической орнаментальной поэтики с божественной идеологией, то на рубеже XX и XXI веков процессы трансформации в словесной культуре носят совершенно иной методо-когнитивный характер. Реалистическое художественно-эстетическое познание окружающего мира больше не является безальтернативной и постепенно уступает свое место различным направлениям, методам познания и освоения действительности. Таким образом, уйгурская литература Казахстана в период Независимости, как и в начале XX века, переживает глубокие трансформационные сдвиги, что и привело к многообразию форм. Появляются и утверждаются различные дискрет-

ные методы восприятия окружающей действительности.

Нужно подчеркнуть, что в сравнительном плане процессы трансформации национальной литературы двух указанных эпох вызывают интерес с точки зрения общего и частного. т.е. схожестью литературного процесса и интенсивного поиска новых средств и форм художественной выразительности, прежде всего молодыми поколениями художников. В целом смена эпох неизбежно сопровождается перестройкой всей художественно-эстетической системы, определяющей характер эволюции современного литературного процесса. Например, литературные сдвиги, произошедшие после октябрьских потрясений в начале XX века вели к ломке незыблемых тысячелетних исламских канонических традиций, приведшей к отказу уйгурских художников от исторических классических наследий. Тогда молодые поэты и писатели под влиянием революционных лозунгов стали утверждать, что традиции восточно-тюркского классицизма раннего и позднего средневековья являются пережитком прошлого. А нивелирование художественно-эстетического восприятия исламского мира способствовало также исчезновению следующих литературных жанров в 1920-1960 годы: *газель, тарджи и банд, мухаммас, мурабба, мунажат* и других. Такая жесткая и глубокая трансформация привела в первой половине XX века к исчезновению системы восточного стихосложения *аруз*. Между тем именно в это время в уйгурской литературе происходит переосмысление ряда жанрово-эстетических понятий, способствовавших крутому повороту ее пути и направления в своей истории. Коренные имплицитные изменения в литературе продвинули на передний план теорию реалистического познания окружающего мира. Такое новое дискурсивное содержание уйгурской литературы подразумевало эстетизацию социальной антропологической сущности нового времени. В связи с этим появляются новые прозаические жанры в уйгурской литературе: рассказ, повесть, роман и новые лирические и эпические произведения. По нашему мнению, литературные перемены в XX веке способствовали появлению “жанрового параллелизма” (термин В. Веселовского) в литературе. Художественная структура традиционных европейских жанров: поэмы, басни, романа, рассказа, повести, эссе, очерка, комедии и трагедии с одной стороны, и восточных классических жанров: *мурабы, рубаи, масневи, мухаммаса, дивана и касиды (во второй половины XX века)*

– с другой, типологически одинакова и сходна и имеет такие же многочисленные параллели, свидетельствующие об общности истоков и путей формирования духовной жизни. Однако такое жанровое взаимодействие и взаимопроникновение стилевых парадигм способствовало созданию и формированию специфического фона в уйгурской литературе, что привело в свою очередь к накоплению особого историко-культурного и духовного опыта с этнической психологией.

Нужно подчеркнуть, что под воздействием глобальных тенденций рациональные ценности классической традиции так же стали терять свою доминирующую роль в словесной культуре, способствовавшей к постепенному разрушению “границы” регионального характера литературы. Это объективно трансформировало весь комплекс художественно-эстетического содержания литературы. Таким образом, общественно-политические события в начале XX века в корне изменили этно-эстетические ориентиры национальной литературы. Восточное ирреальное классическое словесное искусство уступило место социалистическому реализму. С этого времени рождается совершенно новая словесная культура (в уйгурской литературе распространилось выражение “форма национальная, а содержание – социалистическое”) как своеобразная особенность искусства советского периода. Драма и перевод становятся ведущей формой воздействия на общественное сознание.

С этой точки зрения, уйгурская литература в период Независимости Казахстана переживает схожую литературную эволюцию. Она стала испытывать глобальное внешнее общественно-политическое влияние, что разрушило, как отмечено, господствующий единый литературный канон и основы социалистической нормативной художественной эстетики. Распад целостности мировосприятия многими уйгурскими художниками обусловлено трансформацией в их эстетическом сознании духовно-чувственного единства бытия. Постепенно исчезают с литературной арены прежние популярные темы: Ленин, Октябрь, мир, май, “руки прочь”, партия и т.д. Таким образом, разрушение целостности мировосприятия бытия влекло за собой разрушение не только прежних эстетических форм, но и пространственно-временных, причинно-следственных связей.

Также происходит процесс формирования нового типа восприятия духовных ценностей казахской, русской и мировой культуры совре-

менными уйгурскими художниками. Переосмысление художественных опытов между ними становится объективным культурным фактором. Однако, освоение уйгурскими писателями и поэтами общераспространенных онтологических художественных методов познания окружающей действительности имеет свои отличительные черты. Наблюдается формирование бинарного подхода к эстетическому познанию постсоветской действительности: этно-фундаментальный (проблема переосмысления истории или возврат к истории) и модернистский (проблема восприятия настоящего и будущего).

По мнению некоторых исследователей, модернистская литература принесла с собой эстетическую “одноразовость”, “модульность”, и “непрерывную изменяемость” (Э. Тоффлер) (Маркова Д.А., 2004: 17). Литература всемерно осваивает виртуальное пространство (интернет) и приобретает черты иной социальной реальности. Все ее жанры имеют интерактивные аналоги и присутствуют в киберсреде. Французский культуролог Ж. Бодрийяр указывает, что исчезновение различий между реальным и ирреальным становится естественным и объективным. В этих случаях, по его мнению, универсальные формы могут вытеснить традиционные духовные ценности, присущие человеку и обществу, и привести к унифицированию модели массовой культуры. Расширение различных форм восприятия авангардного искусства может привести к манипулированию общественно-культурным сознанием с одной стороны и формированию потребительской культуры, основанные на прибыли – с другой (Бодрийяр, Ж., 2000: 289). Ж. Бодрийяр считает, что постмодернистские глобальные тенденции могут способствовать созданию “вербальной социальной бесконечной пустыни”, открывающей путь к исчезновению этно-национальных, эстетических и традиционных моральных ценностей и ведущей к разрыву преемственных связей национальной литературы. Несмотря на сильные консервативные традиции, национальная литература может постепенно утрачивать свою репутацию носителя этно-культурного, историко-философского, национального художественно-эстетического сознания. Виртуальная реальность может поглощать не только классическое чтение, но и оказывать колоссальное воздействие на духовный мир человека и на весь комплекс общественного развития. Это, безусловно, приведет к росту числа таких поколений, которые будут мало знакомы с произведениями классической литературы и

мало читать (Бодрийяр, Ж., 2002: 117), (Коваленко А.Г., 2008).

А.Г. Коваленко характеризует данное явление как глобальное, и считает, что интенсивная информатизация способствует вытеснению книги и увеличению доли аудио- и видеопродукции. Развитие всемирной компьютерной сети коренным образом влияет на всю структуру культурного пространства. Творческое начало постепенно уступает место коммерческому сознанию, которое доминирует в общественно-культурном пространстве (Бодрийяр Жан, 2008: 10-13).

Итак, в уйгурской модернистской литературе начинает актуализироваться художественно-эстетический эгоцентризм, который постепенно вытесняет общественно-духовный традиционализм, что в свою очередь может привести к потере своих корней и национальных черт. Но с другой стороны, уйгурские модернисты вступив в мир “бесконечного художественного тупика” (Д. Галковский) стараются использовать модернизм как способ осмысления и изменения современного мира (Эпштейн М., 1996: 167-168), (Тарасов А.Н., 2010). Нетрудно заметить, что молодые представители уйгурского литературного модернистского направления “йопук” (“сокрытие”), “*таклимаканга думлэнган роһ*” (“сокрытый дух Таклимакана”) стали упрекать старшее поколение писателей в культурном пессимизме. Хотя модернистские произведения уйгурских авторов как большой художественный текст не являются “застывшей сущностью”, а обеспечивают “диалог между автором, читателем и культурным контекстом” (Бахтин). Национальная литература, несмотря на сильные консервативные традиции, постепенно утрачивает свою репутацию единственного носителя социально-философского и художественно-эстетического сознания. Очевидно, что виртуальная реальность начинает поглощать классическое восприятие, оказывая необратимое воздействие на духовный мир человека (Тәуелсіз Қазақстандағы, 2005).

Заключение

Рубеж XX и XXI веков – это еще и период серьезных структурных литературных сдвигов, гетероморфных литературных связей и взаимодействий, благодаря чему формировалась совершенно другая объективная картина окружающей действительности. Классическое советское реа-

листическое направление литературы оказывает все меньшее влияние на культурное сознание, а на передний план выдвигается новое эстетическое, историко-культурное познание современности. В то же время проникновение постмодернистских тенденций меняет представление об искусстве и художественной культуре молодых поэтов и писателей. В их творчестве одновременно присутствует как элементы искусства восточного классицизма, классического реализма (меньшей степени), так и элементы современного авангарда, арт-практики, постмодернизма, составляя единый целостный конгломерат. Такое трансформационное сплетение художественных направлений приводит к осложнению понимания сущности не только современного бытия, но и эволюционных особенностей словесной культуры. Вероятно, что на имперсональном уровне современная уйгурская художественная культура вырабатывает свои концептуальные правила и категории (либо каноны), которые пока не обозначены четкими критериями и конкретным литературоведческим аппаратом. Многие молодые писатели и поэты считают, что авангардная культура претендует на роль словесной доминанты и заменяет художественный стереотип, главенствующий в их творческой среде. Основная критика направлена, как правило, на классические каноны в литературе. Однако молодые писатели не переосмысливают истоки художественного постмодернизма, выросшего из западного постиндустриального мира. Технологические прорывы приводят стремительному стиранию граней искусства, философии и информации. Некоторые авангардные явления воспринимаются в искаженной манере, что формирует эклектику восприятия национальных картин и образов, которые выступают главной опорой в оценке окружающей действительности, что и побуждает озвучивать свое новое чувственное состояние. В целом, многие писатели не могут еще в достаточной мере осознать, что модернистское направление обусловлено идеологией отчужденности от общества. В таких случаях авторское сознание претерпевает серьезную социокультурную трансформацию, которая показывает особенности самореализации имплицитных выражений внутреннего мира индивидуума. Всякий распад цельности мировосприятия объективно ведет к преодолению данного явления, в один узел будут сплетаться разные национальные смысловые парадигмы.

Литература

- Личутин В. Раскол // Советская литература. – 1990. – № 10. – С. 12.
- Гуковский Г.А. О стадияльности истории литературы // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 3(55). – С. 122.
- Аскарлова А.Ш. Основные тенденции русскоязычной художественной литературы Казахстана в постсоветский период // Stephanos. – №3 (17). – 2016. – С. 185-191.
- Қирабаев С. Тәуелсіздік рухымен. Зерттеулер, мақалалар, естеліктер. – Астана: Фолиант, 2002. – 287 б.
- Ковалев П.А. Поэтический дискурс русского постмодернизма // Вестник Южно-Уральского государственного университета, №21(197): серия Лингвистика. – 2010. – Вып. 11. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. – С. 9-14.
- Немецкая литература // Новейшая зарубежная литература: коллективная монография. – Алматы: ИД “Жибек жолы”, 2011. – С. 8-42.
- Маркова Д.А. Постмодернистский исторический дискурс русской литературы рубежа XX-XXI веков и его истоки: дисс. канд. филол. наук. – М., 2004. – 174 с.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть // Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – С. 387.
- Бодрийяр Жан // А.А. Грицанов, Н.Л. Кацук. – М.: Книжный Дом, 2008. – С. 256.
- Коваленко А.Г. Современная русская литература в глобальном культурном пространстве. – М., 2008. – 231 с.
- Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. – 1996. – №8. – С. 166-188.
- Тарасов А.Н. Феномен “прекрасного” в художественной культуре постмодернизма: культурологический анализ: дисс. канд. филос. наук. – Липецк, 2010. – 160 с.
- Тәуелсіз Қазақстандағы уйғыр әдебиеті. – Алматы: М. О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2015. – 198 б.

References

- Askarova A.SH. (2016) Osnovnyye tendentsii russkoyazychnoy khudozhestvennoy literatury Kazakhstana v postsovetitskiy period [The main trends in the Russian-language fiction of Kazakhstan in the post-Soviet period] Stephanos. №3 (17), 2016. S. 185-191. (In Russian)
- Bodriyyar ZH. (2000) Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death] ZH. Bodriyyar; per. s frants. S.N. Zenkina. M.: Dobrosvet, 2000. S. 387. (In Russian)
- Bodriyyar Zhan (2008) [Jean Baudrillard] A.A. Gritsanov, N.L. Katsuk. M.: Knizhnyy Dom, 2008. S. 256. (In Russian)
- Epshteyn M. (1996) Istoki i smysl russkogo postmodernizma [The origins and meaning of Russian postmodernism] Zvezda. 1996. №8. S. 166-188. (In Russian)
- Gukovskiy G.A. (2002) O stadiyal'nosti istorii literatury [About the stages of the history of literature] Novoye literaturnoye obozreniye. 2002. № 3(55). S. 122. (In Russian)
- Kirabayev S. (2002) Tәuәyelsizdik rukhymen. Zertteuler, maqalalar, yestelikter. [In the spirit of independence. Research, articles, memoirs.] Astana, Foliant, 2002. 287 b. (In Kazakh)
- Kovalev P.A. (2010) Poeticheskiy diskurs russkogo postmodernizma [Poetic discourse of Russian postmodernism] Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, №21(197): seriya Lingvistika. 2010. Vip.11. Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr YuUrGU. S. 9-14. (In Russian)
- Kovalenko A.G. (2008) Sovremennaya russkaya literatura v global'nom kul'turnom prostranstve. [Contemporary Russian literature in the global cultural space.] Moskva, 2008. 231 s. (In Russian)
- Lichutin V. (1990) Raskol [Split] Sovetskaya literatura. 1990. № 10. S. 12. (In Russian)
- Markova D.A. (2004) Postmodernistkiy istoricheskiy diskurs russkoy literatury rubezha XX-XXI vekov i yego istoki: [Post-modern historical discourse of Russian literature at the turn of the XX-XXI centuries and its origins] dis. kand. filol. nauk. M., 2004. 174 s. (In Russian)
- Nemetskaya literatura (2011) [German literature] Noveyshaya zarubezhnaya literatura: kollektivnaya monografiya. Almaty: ID “Zhibek zholy”, 2011. S. 8-42. (In Russian)
- Tarasov A.N. (2010) Fenomen “prekrasnogo” v khudozhestvennoy kul'ture postmodernizma: kul'turologicheskiy analiz: [The phenomenon of “beauty” in the artistic culture of postmodernism: a cultural analysis] dis. kand. filol. nauk. Lipetsk, 2010. 160 s. (In Russian)
- Tәuәyelsiz Kazakstandaғы uйғыr әdebiyeti. (2015) [The phenomenon of “beauty” in the artistic culture of postmodernism: a cultural analysis] Almaty: M. O. Әuезov атындағы Әdebiyet және өнер институты, 2015. 198 b. (In Kazakh)

3-бөлім
**ТІЛ МЕН ӘДЕБИЕТТІ
ОҚЫТУДЫҢ ӘДІСТЕМЕСІ**

Section 3
**METHODS OF TEACHING LANGUAGE
AND LITERATURE**

Раздел 3
**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

K.O. Tattimbetova* , **G.K. Tileubay** , **Zh. Aden**

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: kuralay555@mail.ru

DEVELOPMENT OF LITERARY COMPETENCES OF STUDENTS IN THE COURSE OF THE ANALYSIS OF WORKS OF IVAN SHEHEGOLIKHIN

The article presents the results of research on the development of students' literary competence in the process of analyzing the prose of I.P. Shchegolikhin. The formation of a system of professional and pedagogical, in other words, educational competencies for students of Philology, future teachers of Russian language and literature, will allow them to become qualified specialists. Model of analysis of prose poetics by I.P. Shchegolikhina should include two stages: 1) formation of students' ideas about such components of the poetics of literary and artistic prose as the method, genre and style of the work, as well as initial ideas about the work of I.P. Shchegolikhin; 2) teaching students the ability to apply knowledge about the creative method, poetics, genre and style in the course of analyzing the epic literary works of I.P. Shchegolikhin. At the prose classes And. Shchegolikhin should consistently form and develop students' respective theoretical, historical and literary ideas and analytical competencies. The author of this article asserts that the system of analysis of prose poetics by I.P. Shchegolikhin, based on a dialogical approach to teaching fiction, contributes to the successful development of students' analytical competencies. The article reveals the method of teaching the works of I.P. Shchegolikhin, shows the practice of using heuristic conversation. In the process of interactive and heuristic study of fiction, I.P. Shchegolikhin successfully develops and improves the literary competence of students.

Key words: literary competences, dialogical training, heuristic training, interactive occupation, I. Shchegolikhin.

Қ.Ө. Тәттімбетова*, Г.Қ. Тілеубай, Ж. Әден

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

*e-mail: kuralay555@mail.ru

Иван Щеголихин шығармаларын талдау кезінде студенттердің әдебиеттанушылық компетенцияларын дамыту

Бұл мақалада Иван Павлович Щеголихин прозасын талдау барысындағы студенттердің әдеби құзыреттіліктерін дамыту жұмыстары сипатталған. Студент-филологтар, болашақ орыс тілі мен әдебиеті мұғалімдері арасында кәсіби-педагогикалық, басқаша айтқанда, білім беру құзыреттіліктерінің жүйесін қалыптастыру олардың білікті маман болуына мүмкіндік береді. Иван Павлович Щеголихиннің поэтикасын талдау моделі екі кезеңді қамтуы керек: 1) студенттердің көркем және көркем проза поэтикасының шығарма әдісі, жанры мен стилі сияқты композициялық ерекшеліктері туралы, сонымен қатар Иван Павлович Щеголихин шығармашылығы туралы алғашқы идеялары туралы түсініктерін қалыптастыру; 2) студенттерге шығармашылық әдіс, поэтика, жанр және стиль туралы білімдерін эпикалық әдеби шығармаларын талдау барысында қолдана білуге үйрету. И.П. Щеголихиннің прозасын зерттеуге арналған топтарда студенттер өздерінің сәйкес теориялық, тарихи және әдеби идеялары мен аналитикалық құзыреттіліктерін жүйелі түрде қалыптастырып, дамыту керек. Мақаланың авторлары И.П. Щеголихиннің көркем әдебиетті оқытудың диалогтік тәсіліне сүйене отырып, поэтиканы талдау жүйесі мен оқушылардың аналитикалық құзыреттіліктерін ойдағыдай дамытуға ықпал етеді. Мақалада И.П. Щеголихиннің шығармаларын оқыту әдістемесі ашылады, эвристикалық әңгіме қолдану практикасы көрсетілген. Көркем әдебиетті интерактивті және эвристикалық зерттеу барысында студенттердің әдеби құзыреттіліктерін дамытады және жетілдіреді.

Түйін сөздер: әдеби құзыреттілік, диалогтық оқыту, эвристикалық оқыту, интерактивті сабақ, И. Щеголихин.

К.О. Таттимбетова*, Г.К. Тілеубай, Ж. Әден

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

*e-mail: kuralay555@mail.ru

Развитие литературоведческих компетенций студентов в процессе анализа произведений Ивана Щеголихина

В статье представлены результаты исследования по развитию литературоведческих компетенций студентов в процессе анализа прозы И.П. Щеголихина. Формирование у студентов-филологов, будущих учителей русского языка и литературы, системы профессионально-педагогических, иными словами, образовательных компетенций позволит им стать квалифицированными специалистами. Модель анализа поэтики прозы И.П. Щеголихина должна включать два этапа: 1) формирование у студентов представлений о таких составных признаках поэтики литературно-художественной прозы, как метод, жанр и стиль произведения, а также исходных представлений о творчестве И. П. Щеголихина; 2) обучение студентов умению применять знания о творческом методе, поэтике, жанре и стиле в ходе анализа эпических литературных произведений И.П. Щеголихина. На занятиях по изучению прозы И. Щеголихина следует последовательно формировать и развивать у студентов их соответствующие теоретические, историко-литературные представления и аналитические компетенции. Автор данной статьи утверждает, что система анализа поэтики прозы И.П. Щеголихина, основанная на диалогическом подходе к преподаванию художественной литературы, способствует успешному развитию аналитических компетенций студентов. В статье раскрыта методика преподавания произведений И.П. Щеголихина, показана практика применения эвристической беседы. В процессе интерактивного и эвристического изучения художественной прозы И.П. Щеголихина успешно развиваются и усваиваются литературоведческие компетенции студентов.

Ключевые слова: литературоведческие компетенции, диалогическое обучение, эвристическое обучение, интерактивное занятие, И. Щеголихин.

Introduction

The development of professional competencies of future teachers is relevant for the methodology of teaching Russian literature in Kazakhstan at the University, as it is necessary to consistently and actively expand the Kazakh component in the system of literary education of students of Philology. The development of a system for analyzing the poetics of I.P. Shchegolikhin's prose in higher education is part of the problem of forming theoretical and literary concepts and designing algorithms of analysis. The solution of such problems is based on the works of classics and founders of the methodology of teaching Russian literature F.I. Buslaev, V.I. Vodovozov, V.V. Golubkov, M.A. Rybnikova, V.P. Ostrogorsky, V.Ya. Stoyunin, etc. It was these scientists and Methodists, prominent proponents of the philological approach to the analysis of literary works, who persistently demonstrated the need to study fiction taking into account the principles of science, to reveal the artistic specifics of literature in the process of its educational development, and to study the work in the unity of form and content. The purpose of the research

A dialogical approach to teaching fiction is of particular importance for the development of a system for analyzing the poetics of I. Shchegolikhin's prose. Indeed, this methodological approach to

teaching literature is very productive. The reader's dialogue with the text of a literary work, the teacher's dialogue with his students – these are the methodological and pedagogical foundations of the dialogical concept of teaching literature.

In modern pedagogy, a special place is occupied by the concept of competence formation in the learning process. Competencies are treated as a component of personality-oriented education paradigm. A.V. Khutorskoy insists that "competence-based approach involves not assimilation pupil separate from each other knowledge and skills, and mastery of the complex". A.V. Khutorskoy offers to make the distinction between "competence" and "competence". Competence is a requirement for a student's educational background. Competence is a student's possession of competence. Khutorskoi distinguishes competencies from educational competencies, "i.e., from those that model the student's activities for a full life in the future" (Hutorskoi, 2006: 85). "Educational competence is a requirement for educational training expressed by a set of interrelated semantic orientations, knowledge, skills, and experience of a student's activity in relation to a certain range of objects of real reality necessary for the implementation of personally and socially significant productive activities" (Hutorskoi, 2006: 93).

In the pedagogical literature, methods of structural and semantic analysis of the text are active-

ly used (Zhusanbaeva A., Algozhaeva A., 2017). At the same time, as our pedagogical experience shows, the successful formation of mental actions in the process of teaching literature is possible only if various heuristic techniques are used. In modern pedagogy, the authoritative theory of didactic heuristics was developed by V.A. Khutorskoy (Hutorskoi, 1998: 68-71). Didactic heuristics involves a constant search for new things. The scientist proposed the following block of key concepts of didactic heuristics: heuristic training, heuristic method, heuristic task, individual educational trajectory, heuristic situation, educational product, reflection, creative competence, portfolio.

The peculiarity of heuristic learning is that the student constructs knowledge in a certain area. The teacher invites the student to explore a real significant object (natural phenomenon, historical event, etc.). then the student, with the help of the teacher, compares the result of their research (construction) with known achievements and solutions in the chosen field. This kind of comparison leads to reflection of the student, he is free to rethink, complete his result. Thus, the student is included in educational, cultural, historical and scientific processes as their full participant.

Experiment

In the process of studying the prose of I.P. Shchegolikhin at the University, we will keep in mind the ideas of A.V. Khutorsky about competence and competence. The formation of a system of educational competencies for students of Philology, future teachers of Russian language and literature, will allow them to become competent specialists. Since a literature teacher must have the skills to work with a literary text, students should be taught to analyze all the main levels of the world of a literary work. In the classroom, students consistently form and develop relevant theoretical, historical and literary knowledge and analytical competencies. The basic competence of students-philologists of the future teachers of Russian language and literature proposed to be split into three levels.

Minimum level:

- knowledge of the biography and creative path of the writer;
- knowledge of the categories of poetics of fiction.

Intermediate level:

- ability to formulate the problems and idea of a literary work;
- ability to determine the creative method of the author of a literary work.

High level:

- ability to determine the genre nature of a literary work;
- ability to characterize the main artistic features (poetics) of works.

The model for analyzing the poetics of I.P. Shchegolikhin's prose should include two stages:

- 1) formation of students' ideas about such components of the poetics of literary and artistic prose as the method, genre and style of the work, as well as initial ideas about the work of I. P. Shchegolikhin;
- 2) teaching students the ability to apply knowledge about the creative method, poetics, genre and style in the course of analyzing the epic literary works of I. P. Shchegolikhin.

In the process of analyzing the prose of I.P. Shchegolikhin, one should keep in mind the didactic possibilities of methods of teaching literature. In our practical work, we relied on the classification of V.V. Kudryashev's methods (Kudryashev, 1985: 67). Recall that the classification is based on the type of cognitive activity of students. This fact makes this classification acceptable not only for school practice, but also for teaching Russian literature in higher education, where it is extremely important to develop students' analytical reading skills, successfully develop their skills in analyzing literary works, as well as heuristic abilities and independence in cognitive and scientific activities.

For the successful formation of analytical skills of students, it is necessary to determine the ways of analyzing the literary works of I. P. Shchegolikhin. Traditionally, methods of teaching literature distinguish three ways of analyzing a work of art: "following the author" (holistic), "by images" (similar way of analysis), and problem-thematic (Marancman, 1985: 96). We apply these ways of analysis in practice.

I.P. Shchegolikhin is the author of a number of novels and novellas. His work is characterized by genre, stylistic and thematic diversity. In the detective stories "Three in the car", "They won't be superfluous", "the Fifth corner", "Crazy week" with clearly expressed main features of this genre (rapid development of action, intensity of events, depth of emotions), the author does not develop any sharp plots, does not create large characters. Their stories are taken from everyday life.

I.P. Shchegolikhin's novel "Blizzard snows", dedicated to the heroic past of the virgin land, the complex fate of the virgin lands of the Kustanai region – the writer's homeland, is a multi-faceted work with a large number of actors, which allowed

the editor-in-chief of the magazine "October" F. Panferov to define its genre as a novel and publish it in the Moscow magazine "October" (1960, № 5, 6).

The novels "Old prose" (1963) and "Other dawns" (1970) are devoted to the fate of the creative intelligentsia of the second half of the twentieth century. In the center of the story of the novel "Old prose" – the tragic turns of the life of a young artist in the years of the cult of personality. The creative path of the writer – the main character of the novel "Other dawns" is not easy. Conflict, sometimes dramatic situations encourage him to rethink a lot in life and in his work.

We refer the action-Packed novels "Deficit" and "Officials" by I. Shchegolikhin to works that reflect "a radical change in the time coordinates of the literary image in the novel".

In the story "I want eternity", I.P. Shchegolikhin revealed the relevance of reading works of art and the significance of literature in the spiritual formation of a person's personality and character.

The philosophically rich, confessional and largely autobiographical prose of the Russian writer of Kazakhstan I.P. Shchegolikhin includes vivid events of the twentieth century (the conquest of virgin land, the construction of new cities in the Kazakh steppe) and modernity, the motives of the Motherland, large and small, reflections on the fate of the Fatherland, understanding the era in relation to the fate of an individual.

Thus, the teacher has a rich choice. They can choose to conduct classes on the work of I.P. Shchegolikhin any major work of the writer.

As part of the course "Introduction to literary studies", a practical lesson was held on the Topic "poetics of prose by I. Shchegolikhin" after students studied the theoretical concepts of "poetics", "style", "genre" and "creative method". Following the established method of analyzing an epic work, it is necessary to adhere to the following sequence of actions of the teacher and students: independent reading of the text of the work by students submitted for discussion; identification by the teacher of the level of students' perception of this literary work, an introductory fragment in a practical lesson, text analysis, the final part, summing up the work on the analysis of the poetics and problems of the text.

Since this practical lesson is conducted within the framework of the discipline "Introduction to literary studies", we should not forget about its conceptual basis – the theoretical basic apparatus, which will consist of the following concepts: epic, epic genres, novel, Novella, short story, poetics,

artistic originality, genre, style, intertextuality. Students should master this theoretical framework.

The purpose of the introductory stage of the practical lesson is to form students' initial ideas about the life and work of I.P. Shchegolikhin. We should not forget that at this stage it is necessary to introduce students to the concept of "Russian literature of Kazakhstan". This will allow us to include the work of I.P. Shchegolikhin in a broad historical and literary context. A message about the life and work of the writer is made at the lesson by a student prepared in advance. Report on the life and creative path of I.P. Shchegolikhin can be held with a multimedia presentation that reflects the most significant stages and facts of the writer's activity.

The next stage of the lesson is the identification by the teacher of students' perception of the read literary work of I.P. Shchegolikhin, which is submitted for discussion within the framework of the stated topic. To do this, the teacher asks the following questions: 1) name the main themes of the work being analyzed today. Why are they the main ones? 2) name the main Character of the analyzed work. Why is he the main character? 3) Formulate the idea of the work. Why is this the main idea in the work?

The teacher will notice that not all students will be able to answer these questions correctly. Therefore, it is logical to start the most important stage of work on the work of I. P. Shchegolikhin, namely, the analysis of the poetics of the literary text. Previously, the teacher formulates a didactic attitude. The teacher tells students that the further course of the lesson will go directly within the framework of the stated topic. Students should clearly know that the rest of the lesson will be devoted to the analysis of the poetics of the work chosen by the teacher I. Shchegolikhin.

The analysis of the work of I.P. Shchegolikhin can be preceded by a heuristic conversation, which comprehends the following theoretical concepts: epic, epic genres, novel, novel, short story, poetics, artistic originality, genre, style, intertextuality. The purpose of this conversation is to deepen the theoretical and literary ideas of students and to include the concepts listed above in the process of analyzing the poetics of the work of I.P. Shchegolikhin.

We offer an approximate content of this heuristic conversation: 1) What is an epic? What are its main generic features? 2) List the epic genres. What epic genre is based on the image of a large number of literary characters and what does this give the author? 3) What is the peculiarity of the genres of the story and the novel? 4) What is poetics? What does knowledge of poetics give to the reader of literary

works? 5) What is the artistic originality of literary works? 6) Why does the reader need to understand the artistic originality of a literary work? 7) What is a genre? 8) What is the style? 9) What is the relationship between the concepts of “genre and “style”? 10) Why is it necessary to note the genre and style properties of a work when reading it? 11) What is intertextuality? 12) What are its functions in the text of a literary work? 13) What is the creative method? 14) What creative method did I.P. Shchegolikhin when creating his literary works?

The analysis of the text of the work of I.P. Shchegolikhin, as our practical experience has shown, will be more meaningful and conceptual after such a preliminary heuristic conversation. The very direct analysis of the poetics of the work of I.P. Shchegolikhin should be carried out in the format of analysis of its artistic form (poetics) with access to the problems and idea of the text. Thus, in this case, an important methodological principle of analysis is observed – the analysis of the work in the unity of its artistic form (poetics) and content (themes, problems and ideas).

An approximate course of analysis of the poetics of the work of I.P. Shchegolikhin can be as follows. Conduct a productive lesson in an interactive format. Students make pre-prepared reports on the topic “What do I see as the peculiarity of the poetics of I.P. Shchegolikhin’s prose?”. This formulation of the subject of the message excludes the student’s setting on the monopoly of his judgments. This formulation emphasizes that the search for truth should be carried out in creative debate, discussion, and polemics. An invitation to a discussion is an important point in organizing an interactive lesson.

After each speech, the teacher invites other students to analyze the message. Students can argue with the speaker. Moreover, this should not be done unfounded, but show a good knowledge of the text of the work of I.P. Shchegolikhin, their ability to justify their own position and point of view. At the end of the lesson, the teacher must summarize the results and results of dialogical and polylogical discussions of students. The final stage of the practical lesson can be conducted in the format of a heuristic conversation. The Central place here should be occupied by questions related to summing up the results on the topic of the practical lesson.

As a generalization, the teacher asks the following questions. 1) What new things did you learn in our class today? 2) Why do I need to know the works of Russian writers in Kazakhstan? 3) Did

you like (or not) and why the analyzed work of I.P. Shchegolikhin? 4) Why does the knowledge of theoretical and literary concepts (epic, epic genres, novel, Novella, short story, poetics, artistic originality, genre, style, intertextuality) help to deeply master the poetics and problems of the works of I.P. Shchegolikhin? 5) Can these theoretical and literary concepts be used for reading and analyzing other works of I.P. Shchegolikhin?

Results and discussion

The results of the work described in our article on the development of analytical competencies of students in the process of studying the prose of I.P. Shchegolikhin were crowned with success. Students showed their readiness to analyze the works of I.P. Shchegolikhin in the conditions of heuristic training. The interactive format of the analysis of the writer’s works allowed students to demonstrate the possibilities of their thinking to the maximum extent.

In the final part of the lesson, this creates an installation for students to transfer their practical experience to the analysis of other literary works by I.P. Shchegolikhin. This is also the developing effect of this kind of interactive practical training. The model of teaching and developing analysis of I.P. Shchegolikhin’s prose poetics proposed in the article is universal in its General features. It can be used in the course of analyzing the poetics of any work of this writer, of course, taking into account the specific features of its plot and plot.

Conclusion

Thus, in the process of interactive and heuristic study of I.P. Shchegolikhin’s fiction, students’ literary competence is successfully developed and improved. In addition, Philology students, deeply immersed in the art world of works by I.P. Shchegolikhin, realize that in this world there is a dialogue between two cultures – Kazakh and Russian. Students reading and analyzing the prose of I.P. Shchegolikhin will have the opportunity to once again see the tolerant worldview of the Kazakh writer, to feel his pathos of respect for the culture of our peoples. The dialogical principle of studying the works of I.P. Shchegolikhin will reveal the great moral and ethical potential of his works, which will have a beneficial effect on the moral education of students.

Литература

- Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал “Эйдос”. – 2006. – 12 декабря. <http://eidos.ru/journal/2005/1212.htm>
- Жусанбаева А., Алгожаева А. Алгоритм структурно-смыслового анализа текста // Вестник КазНУ. Серия Педагогические науки. – №1 (50). – С. 136-140.
- Хуторской А.В. Эвристическое обучение: теория, методология, практика. – М.: Международная педагогическая академия, 1998. – 266 с.
- Кудряшев Н.И. Методы обучения литературе // Методика преподавания литературы / Под ред. З.Я. Рез. – М.: Просвещение, 1985. – С. 67 – 81.
- Маранцман В.Г. Пути анализа литературного произведения в школе // Методика преподавания литературы // Под ред. З.Я. Рез. – М.: Просвещение, 1985. – С. 96–119.
- Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. – М.: Прогресс, 1978. – 325 с.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
- Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л., 1979.
- Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.
- Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. – М., 1980. – 360 с.
- Тюпа В.И. Анализ художественного текста. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
- Щеголихин И.П. Снега метельные. Роман и повести. – Алма-Ата: Жазушы, 1977. – 368 с.
- Щеголихин И.П. Старая проза. – Алма-Ата: Жазушы, 1963. – 416 с.
- Щеголихин И.П. Другие зори: Романы. – Алма-Ата: Жазушы, 1970. – 416 с.
- Щеголихин И.П. Хочу вечности. – Алматы, 2000. – 320 с.

References

- Cherniyaevskaiya V.E. (2009) Lingvistika texta: Polikodovost'. Intertekstualnost'. Interdiskursivnost' [Text linguistics: Polycode. Intertextuality. Interdiscursivity]. M.: Librokom, 248 p. (In Russian)
- Ginzburg L.Ya. (1979) O literaturnom geroe [About the literary hero]. L. (In Russian)
- Hutorski A.V. (2006) Tehnologi proektirovaniya kluchevih i predmetnih kompetencii [Technology of design of key and subject competences] Internet-zhurnal “Eidos” <http://eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (In Russian)
- Hutorski A.V. (1998) Evristicheskoe obuchenie: teoriya, metodologiya, praktika [Heuristic training: theory, methodology, practice]. M.: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 266 p. (In Russian)
- Kudriyachev N.I. (1985) Metodi obucheniya literature. Metodika prepodavaniya literaturi [Methods of training in literature. Technique of teaching literature]. M.: Prosvechenie, pod. red. Z.Ya. Rez, P. 67-81. (In Russian)
- Marancman V.G. (1985) Puti analiza literaturnogo proizvedeniya v shkole. Metodika prepodavaniya literaturi [Ways of the analysis of the literary work at school. Technique of teaching literature]. M.: Prosvechenie, pod. red. Z.Ya. Rez, P. 96-119. (In Russian)
- Potebniya A.A. (1980) Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics]. M.: Vischaya shkola, 344 p. (In Russian)
- Shegolikhin I.P. (1977) Snega metelnye. Roman i povest' [Metelny snow. Novel and stories] Alma-Ata: Zhasuchi, 368 p. (In Russian)
- Shegolikhin I.P. (1963) Staraya proza [Old prose]. Alma-Ata: Zhasuchi, 416 p. (In Russian)
- Shegolikhin I.P. (1970) Drugie zori. Romani. [Other dawns: Novels]. Alma-Ata: Zhasuchi, 416 p. (In Russian)
- Shegolikhin I.P. (2000) Hochu vechnosti [I want eternity]. Almaty, 320 p. (In Russian)
- Tiupa V.I. (2006) Analiz hudozhestvennogo teksta [Analysis of literary text]. M.: Akademiya, 336 p. (In Russian)
- Uellok R., Uorren O. (1978) Teoriya literature [Theory of literature]. M.: Progress, 325 p. (In Russian)
- Vinogradov V.V. (1980) O yazike hudozhestvennoi prozi [About the language of fiction] Izbrannie trudi. M., 360 p. (In Russian)
- Zhusanbaeva A., Algozhaeva A. Algoritm strukturno-smislovogo analiza teksta [Algorithm of the structural and semantic analysis of the text] Vestnik KazNU. Seriya Pedagogicheskaie nauki. No. 1 (50). P. 136-140. (In Russian)

Мамедова Айнур Али гызы

Азербайджанский университет языков, Азербайджан, г. Баку,
e-mail: aynurmemmedova88@bk.ru

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА ЧТЕНИЮ ГАЗЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Общеизвестно, что в XXI веке наиболее распространённым источником информации и новостей является Интернет. Однако газета всё ещё остается одним из основных источников новостей и информации для многих людей.

Студентов языкового вуза необходимо обучать чтению газет на изучаемом иностранном языке. Студенты языкового педагогического вуза непременно должны овладеть умением адекватно воспринимать и интерпретировать материал в процессе чтения газет и журналов. Студенты должны овладеть терминологией, структурами и навыками использования общественно-политической лексики. Выпускники языкового вуза должны владеть информацией относительно того, что происходит в локальном и глобальном масштабе.

Необходимо обучать студентов умению использовать различные средства для детального анализа газетного и журнального текста. Также необходимо содействовать формированию у них умения обсуждать тексты, формируя навыки на основе предъявленного текста, формированию и развитию у них умения адекватно воспринимать газетные и журнальные тексты.

Преподаватель может вовлечь студентов в процесс изучения газетных и журнальных материалов, создавая условия для формирования коммуникативных навыков на английском языке. Основная задача учителя состоит в стимулировании студентов для более активного усвоения английского языка посредством изучения газетных материалов.

В данной статье даются рекомендации и приводятся образцы заданий для формирования и развития у обучаемых адекватных навыков работы с газетным материалом, которые могут быть адаптированы для обучения общественно-политической лексике на всех этапах обучения в языковом педагогическом вузе.

Одним из неперенных условий эффективности обучения общественно-политической лексике и формирования у студентов навыков адекватного восприятия и интерпретации материалов в процессе чтения газетных и журнальных статей является использование аутентичных материалов. Газетные и журнальные статьи должны быть интересными и соответствовать уровню обучаемых. Для креативных учителей существует большое количество возможностей для плодотворного использования аутентичных газетных материалов.

Аутентичные материалы должны использоваться на всех этапах обучения общественно-политической лексике студентов языкового педагогического вуза. Как тексты газетных и журнальных статей, так и предъявляемые студентам задания должны градуироваться в соответствии со степенью сложности как в плане содержания, так и в плане лингвистического оформления.

Ключевые слова: газета, статья, информация, изучаемый язык, коммуникативная компетенция, аутентичный, мотивирующий, работа в парах, работа в группах.

Mammadova Aynur Ali

Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan, Baku,
e-mail: aynurmemmedova88@bk.ru

Guidelines for teaching Language University students to read Newspapers

It is general knowledge that in the twenty first century news and information are easily available via the Internet. But newspaper still remains one of the main sources of news and information for many people.

Students of Language Universities should be taught to read newspapers in the target language. They should be taught newspaper language. It is useful if the students can familiarize themselves also in terminology, structures and skills related to newspapers. All university graduates should have a general overview about what is going on around them in everyday public life.

The need to teach our students to develop different tools to analyze newspaper texts in detail and to talk about the text in any mode, to develop skills about texts, and to improve their understanding of newspaper and journal texts.

A teacher can involve the students by helping them and enabling them to practice English communicative skills. The teacher's goal is to encourage the students to learn English more actively through papers.

This article suggests ways of developing newspaper reading skills by designing tasks which can be adapted to students of different levels.

It is important to be pragmatic in aspect of authenticity. The newspaper article has to be interesting and relevant for the students. There are numerous possibilities for making use of authentic newspaper materials if the teacher is creative. Authentic materials should be used at all levels. It is also general knowledge that it is advisable to grade the texts and tasks. It is sometimes necessary to concentrate on training specific newspaper reading skills rather than allowing students to read without guidance.

Key words: newspaper, article, information, the target language, communicative competence, authentic, motivating, pair work, group work.

Мамедова Айнур Али гызы

Әзірбайжан тілдер университеті, Әзірбайжан, Баку қ.,
e-mail: aynurmemmedova88@bk.ru

Тілдік университет студенттерін газет материалдарын оқуға үйрету бойынша ұсыныстар

Интернет – ХХІ ғасырдағы ақпарат пен жаңалықтардың ең кең таралған көзі екені белгілі. Дегенмен, газет көптеген адамдар үшін жаңалықтар мен ақпараттардың негізгі қайнар көздерінің бірі болып табылады. Тілдік университеттің студенттерін оқып жатқан шет тілінде газет оқуға үйрету керек. Тілдік педагогикалық университеттің студенттері газет-журналдарды оқу барысында материалды жеткілікті түрде қабылдау және түсіндіру қабілетін меңгеруі керек. Студенттер терминологияны, құрылымдары мен қоғамдық және саяси лексиканы қолдану дағдыларын меңгеруі керек. Тілдік университеттің түлектері жергілікті және әлемдік деңгейде болып жатқан жағдайлар туралы ақпаратқа ие болуы керек. Студенттер газет-журнал мәтінін егжей-тегжейлі талдау үшін әр түрлі құралдарды қолдана білуге үйрету қажет. Сондай-ақ олардың мәтіндерді талқылау қабілеттерін, ұсынылған мәтін негізінде дағдыларды қалыптастыруды, газет-журнал мәтіндерін адекватты қабылдау қабілетін қалыптастыру мен дамытуға ықпал ету қажет. Мұғалім студенттерді газет-журнал материалдарын оқып үйренуге, ағылшын тілінде коммуникативті дағдыларды қалыптастыру үшін жағдай жасай алады. Мұғалімнің басты міндеті – газет материалдарын зерттеу арқылы студенттерді ағылшын тілін белсенді меңгеруге ынталандыру.

Бұл мақалада тілдік педагогикалық университетте оқудың барлық кезеңдерінде қоғамдық және саяси лексиканы оқытуға бейімделетін студенттердің газет материалдарымен жұмыс жасаудағы адекватты дағдыларын қалыптастыру мен дамытуға арналған ұсыныстар мен тапсырмалар үлгілері келтірілген. Қоғамдық және саяси лексиканы оқытудың тиімділігі мен студенттердің газет-журнал мақалаларын оқу процесінде материалдарды адекватты қабылдау және түсіндіру дағдыларын қалыптастыру алғышарттарының бірі – шынайы материалдарды пайдалану. Түпнұсқа материалдар тілдік педагогикалық университет студенттерінің әлеуметтік және саяси лексикасын оқытудың барлық кезеңдерінде қолданылуы керек. Студенттерге ұсынылатын газет-журнал мақалаларының мәтіндері де, тапсырмалар мазмұны жағынан да, лингвистикалық безендірілуі жағынан да күрделілік дәрежесіне сәйкес бағалануы керек.

Түйін сөздер: газет, мақала, ақпарат, игерілетін тіл, коммуникативті біліктілік, түпнұсқа, уәждемелік, жұптық жұмыс, топтық жұмыс.

Введение

Газета является одним из важнейших средств передачи информации. Умение адекватно воспринимать информацию, содержащуюся в газетных и журнальных статьях, является одним из показателей владения языком (McLuhan, 1964: 27). В условиях глобализации особое значение

приобретает формирование у студентов языкового педагогического вуза умения адекватно воспринимать и интерпретировать информацию в процессе чтения газетных и журнальных статей на изучаемом иностранном языке (Fairclough, 2006: 32).

Как известно, одной из основных целей обучения в языковом педагогическом вузе является

ся подготовка коммуникативно компетентных, владеющих профессией на должном уровне, высококвалифицированных педагогических кадров (Гусейнзаде, 2001). Коммуникативная компетентность предполагает формирование у обучаемых лингвистической, дискурсивной, социокультурной и стратегической компетенций, что, в свою очередь, базируется на формировании правильных и адекватных навыков и умений устной речи, аудирования, чтения и письма. Особенность коммуникативно-направленного обучения заключается в том, что формирование и развитие вышеуказанных навыков и умений должно происходить в контексте формирования у обучаемых коммуникативной компетенции на изучаемом иностранном языке (Brumfit, 1979).

Коммуникативная компетенция предполагает сформированность у обучаемых способности использовать иностранный язык в самых различных условиях функционирования языках как средства коммуникации, что, несомненно, предполагает формирование у обучаемых умения адекватно воспринимать и соответствующим образом интерпретировать информацию, полученную во время чтения газетных или журнальных статей. Актуальность проблемы обучения чтению газет и журналов на английском языке в условиях современности, когда данный язык обрёл статус основного языка общения на глобальном уровне, не вызывает сомнений (Conboy, 2007: 9).

Однако, следует отметить, что несмотря на очевидную необходимость формирования у студентов, изучающих английский язык в профессиональных целях, умения чтения газетных и журнальных материалов как одной из составляющих коммуникативной компетентности, в условиях языкового педагогического вуза данной проблеме уделяется незаслуженно мало внимания.

Мы полагаем, что обучение чтению газет и журналов на языке специальности должно носить целенаправленный, системный и последовательный характер. Обучение студентов языкового педагогического вуза газетной лексике и формирование у них умения извлечения и адекватной интерпретации материала должно происходить в контексте формирования у них коммуникативной компетенции и базироваться на основных принципах коммуникативного подхода – коммуникативности, интерактивности и принципе ориентации на интересы и потребности обучаемых (Jimenez, 2002).

Эксперимент

Работа с газетным материалом должна быть организована таким образом, чтобы способствовать формированию и развитию как устных, так и письменных речевых возможностей студентов. Студент языкового педагогического вуза должен уметь не только читать газету или журнал на изучаемом иностранном языке, извлекать интересующую его информацию, но и передавать содержание прочитанного, давать оценку, высказывать своё мнение, интерпретируя содержание адекватно обстоятельствам, в которых происходит коммуникация.

Говоря об обучении чтению газет и журналов следует прежде всего определить критерии, которым должны соответствовать материалы, используемые для достижения поставленных целей (Fairclough, 2006: 12). Отобранные материалы должны быть аутентичными, должны соответствовать лингвистическим, интеллектуальным и образовательным возможностям студентов, уровню их интересов, а также уровню их языковой подготовки (Gee, 2007).

Работа по обучению чтению газет и журналов должна проводиться как на начальном этапе формирования основ нормативного владения изучаемым иностранным языком, так и целенаправлено и систематически должна быть продолжена на продвинутом этапе обучения английскому языку как специальности в языковом педагогическом вузе. При этом следует отметить, что на начальном этапе обучения внимание студентов должно быть сконцентрировано преимущественно на правильности речи. При этом основное внимание должно быть уделено материалу, который гипотетически может стать источником межъязыковой и внутриязыковой интерференции на лингвистическом уровне. На последующих этапах обучения в языковом педагогическом вузе следует формировать, развивать и совершенствовать навыки использования лексических единиц и грамматических структур, являющихся потенциальным источником межъязыковой интерференции (Brumfit, 1979). Однако в процессе обучения чтению газетных и журнальных материалов студентов старших курсов языкового педагогического вуза целенаправленное внимание должно быть сконцентрировано не на лингвистическом оформлении речи, а на содержании прочитанного.

На начальном этапе обучения газетному материалу необходимо познакомит обучаемых с общей структурой газет и журналов, с разме-

щением публикуемых в них материалов. Также студенты должны быть проинформированы относительно специфики газетных и журнальных публикаций – передовых статей, докладов, рекламных объявлений, обзоров и т.д. Следует научить студентов просматривать газеты и журналы. При этом, для того, чтобы получить общее представление от данного выпуска газеты или журнала, следует привлекать их внимание к заголовкам газетных и журнальных статей (Naski, 2001).

Как было отмечено выше, работа по обучению чтению газетных и журнальных материалов должно носить целенаправленный, системный и последовательный характер.

На начальной стадии работы с газетными и журнальными материалами следует использовать статьи, в наибольшей степени соответствующие целевым установкам начального этапа обучения в языковом педагогическом вузе. Используемые в процессе коммуникативного обучения газетные и журнальные материалы должны в максимально возможной степени содействовать созданию у обучаемых мотивации для их прочтения и последующего обсуждения (Fowler, 1991: 46-47). Предлагаемые студентам начального этапа обучения газетные и журнальные статьи должны быть не слишком большими по объему, доступными для понимания в плане лексического состава и тематики. Также используемые в процессе работы с газетными и журнальными материалами статьи должны быть интересными в плане содержания, актуальными по тематике (Richardson, 2007: 18-20). На продвинутом этапе обучения языку как специальности в языковом педагогическом вузе по мере приобретения студентами определенных знаний в области общественно-политической лексики и навыков работы с газетными и журнальными материалами могут использоваться материалы, более сложные как в лингвистическом, так и в содержательном плане. На продвинутом этапе обучения приобретенные ранее знания и сформированные на начальном этапе навыки и умения работы с газетными и журнальными материалами на изучаемом иностранном языке выносятся на более высокий уровень, уровень развития и совершенствования ранее сформированных навыков и умений в контексте формирования у студентов коммуникативной компетенции на изучаемом иностранном языке. Соответственно, используемые на продвинутом этапе материалы должны быть более сложными как в плане лингвистического оформления, так и

содержательном плане (Bell, 1991: 12-13). Если на начальном этапе основная задача заключается в создании у обучаемых прочных и лабильных навыков работы с общественно-политической лексикой, а также формирование у них умения адекватно воспринимать и интерпретировать информацию, содержащуюся в газетных и журнальных статьях, то на продвинутом этапе, в соответствии с целевыми установками, в значительной мере отличающимися от установок начального этапа обучения в языковом педагогическом вузе, предполагается формирование у студентов такого уровня владения материалом, когда они могут участвовать в качестве активных, инициативных и равноправных участников в дискуссиях и дебатах, высказывая собственную точку зрения по поводу содержания прочитанного (Vygate, 2001).

При этом следует отметить, что одним из основных показателей владения умением работать с газетными и журнальными материалами является сформированность у студентов умения аргументированно обосновывать собственную точку зрения, используя подлежащие активизации лексические единицы и грамматические структуры. В контексте коммуникативного обучения иностранному языку как специальности представляется крайне важным формирование у студентов языкового педагогического вуза умения выслушивать мнения других участников коммуникации и с уважением относиться к мнению своих оппонентов.

Необходимо отметить, что мы присоединяемся к мнению исследователей, которые полагают, что обучать чтению газетных и журнальных статей следует на базе аутентичных материалов (Duff, 2000). Вне всякого сомнения, предпочтение должно быть отдано использованию газет и журналов, авторами которых являются лингвистически образованные носители языка.

Учитывая чрезвычайную актуальность проблемы обучения общественно-политической лексике, мы полагаем, что необходимо пересмотреть действующие программы и составленные на их основе силлабусы. Работа с газетными и журнальными материалами на английском языке должна быть включена в программы в качестве неотъемлемого компонента системы обучения языку как специальности.

С сожалением следует отметить, что сокращение количества аудиторных часов, отведённых на обучение практике устной и письменной речи на изучаемом языке, самым отрицательным образом сказывается на результатах обучения. В

сложившихся условиях представляется необходимым пересмотреть используемые в процессе обучения иностранному языку как специальности методы и приёмы с тем, чтобы стало возможным достижение поставленных целей. Для этого необходимо использовать методы интенсификации обучения иностранному языку. Учитывая то, что работа по обучению общественно-политической лексике должна носить системный, последовательный, целенаправленный характер, необходимо, чтобы определённая часть аудиторного времени была отведена на работу с газетными и журнальными материалами. Также представляется целесообразным научить студентов более плодотворно использовать в данных целях внеаудиторное время, что позволит в значительной степени компенсировать недостаток аудиторных часов.

Необходимо отметить, что тексты газетных и журнальных статей являются достаточно сложными для изучающих язык как в плане лингвистического оформления, так и в содержательном плане. Работу над газетными и журнальными материалами необходимо строить с учетом специфики лексического материала и стилистических особенностей (Eastment, 2001: 28). Работа по обучению чтению газетных и журнальных материалов должна носить последовательный, поэтапный характер. Как было отмечено, работа по обучению общественно-политической лексике должна проводиться как на начальном этапе обучения английскому языку как специальности, так и целенаправлено и систематически должна быть продолжена на последующих этапах обучения языку в языковом педагогическом вузе. Разница, обусловленная этапом обучения, должна сказываться на степени сложности отобранного для активизаций-лексического материала. При этом следует отметить, что поэтапное формирование и развитие навыков работы с газетными и журнальными материалами предполагает увеличение лексического потенциала и качества владения им.

На всех этапах обучения английскому языку в языковом педагогическом вузе работу с газетными и журнальными материалами необходимо планировать и строить в соответствии с целевыми установками того или иного этапа. На всех этапах работу по обучению общественно-политической лексике следует строить с непрерывным учётом интерферирующего влияния родного языка студентов на вновь усваиваемый иностранный язык. На начальном этапе перед чтением статьи необходимо провести опреде-

лённую ознакомительно-подготовительную работу над лексическими единицами, подлежащими активизации на данном занятии. В случае необходимости следует объяснить значение подлежащих усвоению и последующей активизации в рамках чтения данной газетной или журнальной статьи лексических единиц и лексических оборотов, представляющих потенциальную трудность для обучаемых. При этом, в контексте коммуникативно-направленного обучения, следует использовать родной язык обучаемых только в случае крайней необходимости.

Эффективным видом работы с газетными и журнальными материалами и действенным средством развития навыков разговорной речи в контексте формирования у студентов коммуникативной компетенции на изучаемом иностранном языке является подготовка и проведение обозрения газетных и журнальных материалов. Студентам может быть предложено составить обозрение политических событий, обозрение по вопросам об экономике, спорте, об искусстве, о моде и ряду других тем. Также студентам может быть предложено подготовить обозрение одной из страниц газеты или журнала.

Результаты и обсуждение

Одним из весьма действенных и мотивирующих является выполнение заданий, когда студентам предлагается прочесть заголовки газетной или журнальной статьи, предположить, о чём гипотетически может сообщаться в данной статье, и кратко изложить свою версию. В процессе выполнения подобных заданий студенты должны быть максимально сконцентрированы на творческой интерпретации заголовков и подзаголовков (Naski, 2001). К примеру, студентам предъявляются следующие заголовки газетных статей: *"Libyan leader vows to use force to stop breakaway by oil-rich region"*, *"John Lewis staff bonus shrinks as group profits fall to £ 353 m"*, *"Angkor Wat replica to rise on banks of the Ganges"*, *"Make a mistake in Milan store – do 10 push-ups"*, *"In Rome, a force for contemporary art"*. Далее, студентам предлагается высказаться по поводу гипотетического содержания данных статей, аргументируя свою точку зрения.

Следует отметить, что одной из основных задач, которые предстоит решить в процессе работы с газетными и журнальными материалами, является усвоение и последующая активизация лексических единиц и грамматических структур в контексте формирования у студентов комму-

никативной компетенции. Для того, чтобы оптимизировать процесс формирования у студентов языкового педагогического вуза навыков чтения и адекватной интерпретации газетных и журнальных материалов следует в максимально возможной степени разнообразить задания, предлагаемые студентам (Bygate, 2001).

В соответствии с этапом обучения студентам предлагается провести обзор основных событий за определенный период времени. В течение указанного периода времени студенты должны просмотреть все номера той или иной газеты. Определив наиболее интересные и актуальные материалы, студенты должны подготовить сообщение. Студенты также должны подготавливать письменные сообщения, передавая содержание прочитанных статей.

При этом студентам в качестве необходимого условия предлагается использовать лексические единицы базового текста. Также обязательным является использование цитат для того, чтобы студенты лучше запомнили содержание статьи. Они должны учиться пересказывать содержание, максимально трансформируя лингвистический материал базового текста. Подобные задания помогают лучше понять содержание, усвоить лингвистические единицы и стилистические обороты, подлежащие активизации.

На последующих этапах работы с газетными и журнальными материалами основное внимание должно быть сконцентрировано на формировании у студентов умения пересказывать материал, творчески интерпретируя как содержание, так и лингвистические единицы базового текста. Студенты должны учиться строить письменные и устные высказывания, следуя определённому плану. Обычно высказывание, как письменное, так и устное, должно состоять из трёх частей: вступительная, основной части и заключения. Во вступительной части указывается название статьи, имя автора. Также обычно во вступлении сообщается место и дата публикации, и в общих чертах говорится о чём идёт речь.

Во второй части предполагается изложение основного содержания газетной или журнальной статьи, а также оценка выраженных в ней основных мыслей. В третьей, заключительной части должны формироваться выводы, творческая оценка прочитанного. Здесь также должно быть высказано адекватное отношение студента к прочитанному. Наряду с формированием и развитием у студентов умения читать, адекватно воспринимать и творчески интерпретировать содержание газетных и журнальных материалов, одной из основных целей также является усво-

ение студентами общественно-политической лексики. Как было отмечено выше, в контексте коммуникативно-направленного обучения иностранному языку как специальности обучение аспектам языка и формирование у студентов навыков и умений должно происходить в контексте формирования у них коммуникативной компетенции, что предполагает использование в процессе обучения преимущественно иностранного языка. Использование родного языка обучаемых допускается лишь в случаях крайней необходимости.

К примеру, используя в качестве базового материала статью *"Libyan leader vows to use force to stop breakaway by oil-rich region"* из газеты *"Guardian"*, мы предлагаем следующую последовательность работы по обучению общественно-политической лексике. В начале студентам предлагается ознакомиться с лексическими единицами, несущими основную смысловую нагрузку. Задание формируется следующим образом: *"Give the Azerbaijani equivalents for the following words and phrases": to use force; to declare antonymy; to stop the country breaking up; beaming infiltrators; mounting evidence; to increasingly follow one's own agendas; to establish a security zone; the sense of growing instability; to behave like mafia organizations; to lead to arm clashes; to hold meetings in public; growing distrust; to form a breakaway state; to remain outside central governments control.*

Далее, студентам предлагаются эквиваленты подлежащих усвоению словосочетаний на азербайджанском языке. Задание формируется следующим образом: *"Give English equivalents for the following words and phrases"*.

Для более прочного усвоения структуры подлежащих активизации студентам предлагается выполнить задание, сформированное следующим образом: *"Match the words to make a phrase"*.

1. growing	a. to arm clashes
2. to establish	b. antonymy
3. to lead	c. force
4. to hold	d. a breakaway state
5. to remain	e. like mafia organizations
6. to use	f. evidence
7. to stop	g. one's own agendas
8. to form	h. distrust
9. to declare	i. of growing instability
10. beaming	j. a security zone
11. to behave	k. meetings in public
12. mounting	l. outside central government control
13. to increasingly follow	m. the country breaking up
14. the sense	n. infiltrators

Now go back and underline the expressions you want to remember.

Затем, студентам предлагается использовать словосочетания в процессе речевой деятельности. Задание формируется следующим образом: *“Use the phrases you would like to remember in sentences and situations of your own”*.

Для формирования у студентов, изучающих английский язык в профессиональных целях, творческого подхода к использованию лингвистического материала и адекватной интерпретации содержания базового текста в процессе речевого общения на изучаемом языке целесообразно предъявление заданий, ориентирующих студентов на работу в парах и группах.

Так, студентам могут быть предъявлены следующие задания:

1. Write a report of the article you have just read. Try to do it without looking at the text.

2. Working in pairs choose one of the following ideas. Then write the pros and cons:

I agree this is a real problem.

The problem is not worth worrying about.

I don't quite understand the point that the writer is trying to make.

Compare your reactions with a partner's.

3. Group work. Using phrases from the article discuss at least one of the following in groups. Use the following questions:

What is the problem described in the article?

What points is the author making in the last paragraph?

Выводы

Суммируя вышесказанное, следует сказать, что проблема обучения навыкам чтения и адекватного восприятия газетных и журнальных материалов на английском языке студентов языкового педагогического вуза приобрела особую актуальность и значимость в эпоху глобализации. С сожалением следует отметить, что в силу ряда объективных и субъективных факторов, в частности, значительного сокращения аудиторных часов, в настоящее время проблеме обучению чтению газетных материалов уделяется незаслуженно мало внимания.

Для того, чтобы изменить существующее положение необходимо внести существенные изменения в систему обучения языку как специальности в языковом педагогическом вузе. Мы полагаем, что целенаправленная, последовательная, поэтапная работа с газетными и журнальными материалами и использование предлагаемого комплекса упражнений, может в значительной степени содействовать формированию у студентов языкового педагогического вуза правильных и лабильных навыков использования общественно-политической лексики и развитию у них умения адекватно и творчески интерпретировать базовый материал в контексте формирования коммуникативной компетенции.

Литература

- Mcluhan M. Understanding Media: the extensions of man. – New York: Mentor, 1964. – 318 p.
- Fairclough N. Language and Globalization. – London: Routledge, 2006. – 186 p.
- Гусейнзаде Г.Д. Обучение речевой коммуникации на иностранном языке. – Баку: Мутарджим, 2001. – 314 с.
- Brumfit C.F. “Communicative” language an Educational perspective. In C.F.Brumfit and K.Johnson (eds) // The Communicative Approach to Language Teaching. Oxford University Press. – 1979. – P.83-91.
- Conboy M. The Language of the News. – London: Routledge, 2007. – 240 p.
- Jimenez F.C. New Media and Conflicting realities in multinational corporate communication. // A case study International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, No 40, 2002. – P. 323-343.
- Gee G.P. Pleasure, Learning, video games and life. The Projective stance. In M.Knobel and C.Lankshear (eds). A New Literacy Studies Jampler. – New York: Peter Lang, 2007. – P. 95-114.
- Naski F. Recording News Headlines for the ELT Classroom. // IATEFL Issues, No 162, 2001. – P. 8-9.
- Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – London: Routledge, 1991. – 254 p.
- Richardson J.E. Analysing Newspapers: An approach from Critical Discourse Analysis. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 268 p.
- Bell A. The language of News Media. – Oxford: Blackwell, 1991. – P. xv + 277.
- Bygate M. Effects of task repetition on the structure and control of language. In M. Bugate, P. Skehan and M. Swain (eds.), Task-Based Learning: Language Teaching, Learning and Assessment. – London: Longman, 2001. – P. 23-48.
- Duff P.A. Repetition in foreign language classroom interaction. In F.K.Hall and Z.S.Verplaetse (eds.). Second and Foreign Language Teaching through Classroom Interaction. – Mahwah, N.F: Lawrence, 2000. – P. 91-108.
- Eastment D. Writing a Newsletter article. // IATEFL Issues, No 158, 2001. – P. 28-35.
- Fairclough N. Media Discourse. – London: Edward Arnold, 1995. – 214 p.

References

- Bell A. (1991) *The language of News Media*. Oxford: Blackwell. p. xv + 277.
- Bygate M. (2001) Effects of task repetition on the structure and control of language. In M. Bugate, P. Skehan and M. Swain (eds.), *Task-Based Learning: Language Teaching, Learning and Assessment*. London: Longman, p. 23-48
- Brumfit C.F. (1979) "Communicative" language An Educational perspective. In C.F.Brumfit and K. Johnson (eds.) *The Communicative Approach to Language Teaching*. Oxford University Press, p. 83-91
- Conboy M. (2007) *The Language of the News*. London: Routledge, 240 p.
- Duff P.A. (2000) Repetition in foreign language classroom interaction. In F.K.Hall and Z.S.Verplaetse (eds.). *Second and Foreign Language Teaching through Classroom Interaction*. Mahwah, N.F: Lawrence, p. 91-108
- Eastment D. (2001) Writing a Newsletter article. *IATEFL Issues*, No 158, p. 28-35
- Fairclough N. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold, 214 p.
- Fairclough N. (2006) *Language and Globalization*. London: Routledge, 186 p.
- Fowler R. (1991) *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press* London: Routledge, 254 p.
- Gee G.P. (2007) Pleasure, Learning, video games and life. The Projective stance. In M.Knobel and C.Lankshear (eds). *A New Literacy Studies Jampler*. New York: Peter Lang, p. 95-114
- Guseynzade G.D. (2001) *Obucheniye rechevoy kommunikatsii na inostrannom yazyke [Teaching speech communication in a foreign language]*. Baku: Mutardzhim, 314 s. (In Russian)
- Jimenez F.C. (2002) New Media and Conflicting realities in multinational corporate communication. A case study *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, No 40, p. 323-343.
- Mcluhan M. (1964) *Understanding Media: the extensions of man*. New York: Mentor, 318 p.
- Naski F. (2001) Recording News Headlines for the ELT Classroom. *IATEFL Issues*, No 162, p. 8-9.
- Richardson J.E. (2007) *Analysing Newspapers: An approach from Critical Discourse Analysis*. New York: Palgrave Macmillan, 268 p.

Э.Д. Абдол^{1*} , А.Б. Утеуова² ,
А.Н. Кунасова¹ , А.М. Маратова¹

¹Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова,
Казахстан, г. Атырау

²Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: e.abdol@asu.edu.kz

ТЕХНОЛОГИИ КОНТЕКСТНОГО ТИПА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Изучая технологии контекстного типа, используемые в процессе иноязычного профессионального подготовки высококвалифицированных учителей иностранного языка, авторы определили самые важные этапы исследования, посредством которых определяли состояние готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности. В итоге были сделаны выводы о необходимости внесения некоторых изменений в учебно-воспитательный процесс с целью совершенствовать обучение и подготовить студентов путем освоения новых технологий. Целью дальнейшего исследования является проверка разработанной методики обучения и применение ее на практике. Формирование квалифицированного будущего учителя иностранного языка с использованием различных технологий в профессиональной деятельности должно быть непрерывным, т.е. необходимо охватить студентов с первого по последний курс и учитывать содержание учебных дисциплин, педагогической практики, НИРС; в процессе подготовки будущего учителя иностранного языка к использованию различных технологий в профессиональной деятельности необходима ориентация на объект профессиональной деятельности учителя иностранного языка и ее особенности.

С целью формирования у будущих учителей организационно-стимулирующих и управляющих умений при обучении общению на иностранном языке авторы предлагали студентам изучение таких вопросов, как: возможности информационных технологий для организации общения в парах и небольших группах с использованием ролевых игр (на базе симулятивно-моделирующих программ); роль информационных технологий в формировании коммуникативной, лингвопознавательной и инструментальной мотивации при изучении иностранного языка; обучение монологической и диалогической письменной речи на иностранном языке с использованием не только информационных технологий; основные аспекты вербальной коммуникативной деятельности учащихся при использовании информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, этапы, иностранный язык, типы, обучение, профессиональная деятельность.

E.D. Abdol^{1*}, A.B. Uteuova², A.N. Kunasova¹, A.M. Maratova¹

¹H. Dosmukhamedov Atyrau State University, Kazakhstan, Atyrau

²Ablai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages, Kazakhstan, Almaty
e-mail: e.abdol@asu.edu.kz

Contextual technologies used in the process of foreign language professional training of future foreign language teachers

Having determined at the previous stages of our research the state of readiness of future foreign language teachers to use information technologies in their professional activities, we came to the conclusion that it is necessary to make some changes in the educational process in order to improve the training of students. Thus, the purpose of our further work is to test the methodology developed by us in practice. Source for us were the following provisions: formation of readiness of future foreign language teachers for using informational technologies in professional activity should be continuous, i.e. it is necessary to involve students from the first to the last course and note the contents of educational disciplines, pedagogical practices, NIRS; in the process of training of future foreign language teachers to use informa-

tion technologies in professional activities necessary orientation to the object of professional activity of teachers of a foreign language and its features.

In order to develop organizational, stimulating and managing skills for future teachers when learning to communicate in a foreign language, we offered students to study such issues as: the possibilities of information technologies for organizing communication in pairs and small groups using role-playing games (based on simulation programs); the role of information technologies in the formation of communicative, linguistic and instrumental motivation when learning a foreign language; teaching monologue and Dialogic writing in a foreign language using information technologies; the main aspects of verbal communication activities of students using information technologies.

Key words: information technologies, stages, foreign language, types, training, professional activity.

Э.Д. Абдол^{1*}, А.Б. Утеуова², А.Н. Қунасова¹, А.М. Маратова¹

¹Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті, Қазақстан, Атырау қ.

²Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Қазақстан, Алматы қ.,

*e-mail: e.abdol@asu.edu.kz

Болашақ шет тілі мұғалімдерін кәсіби даярлау үрдісінде шет тілін қолданатын контекстік типтегі технологиялар

Біздің зерттеуіміздің алдыңғы кезеңдерінде болашақ шет тілі мұғалімдерінің кәсіби қызметте ақпараттық технологияларды қолдануға дайындығының жай-күйін анықтай отырып, біз студенттерді оқытуды жетілдіру мақсатында оқу-тәрбие процесіне кейбір өзгерістер енгізу қажеттілігі туралы қорытындыға келдік. Осылайша, біздің әрі қарайғы жұмысымыздың мақсаты-біз әзірлеген Әдістемені іс жүзінде тексеру. Бастапқыда біз мынадай ережелерді ұсындық: болашақ шет тілі мұғалімінің дайындығын қалыптастыру, ақпараттық технологиялар кәсіби қызметте үзіліссіз пайдалану және қол жетімді болуын қадағалау, оқу пәндерінің мазмұны, педагогикалық практика, сонымен қатар бірінші және соңғы курс студенттерін қамту қажет. Болашақ шет тілі мұғалімін дайындау үдерісінде ақпараттық технологияларды пайдалану кәсіби жоғары дәрежеде даярлау келешек ұрпаққа зор пайдасы тиері сөзсіз.

Болашақ мұғалімдерде шет тілінде қарым-қатынасты оқытуда ұйымдастырушылық және басқарушылық дағдыларды қалыптастыру мақсатында біз студенттерге келесі мәселелерді зерттеуді ұсындық: рөлдік ойындарды қолдана отырып, жұптар мен шағын топтарда қарым-қатынасты ұйымдастыруға арналған ақпараттық технологиялардың мүмкіндіктері (модельдеу бағдарламалары негізінде); шет тілін оқытуда коммуникативті, лингвистикалық және аспаптық ынталандыруды қалыптастырудағы ақпараттық технологиялардың рөлі; ақпараттық технологияларды пайдалана отырып, шет тілінде монологиялық және диалогтік жазбаша сөйлеуді оқыту; ақпараттық технологияларды пайдалану кезінде оқушылардың ауызша коммуникативтік қызметінің негізгі аспектілері ескеріледі.

Түйін сөздер: ақпараттық технологиялар, кезеңдер, шет тілі, түрлері, оқыту, кәсіби қызмет.

Введение

Исходя из выделенного содержания теоретической главы, а также учитывая возможности такие как учебно-воспитательного процесса и педагогических отделений, осуществляющих подготовку самых высоко квалифицированных будущих учителей иностранного языка, нами была осуществлена экспериментальная работа по формированию изучаемой готовности. Начальной точкой для формирующего эксперимента в большинстве стали результаты исходного состояния который сформированной искомой готовности, а также были сравнение полученных результатов с теоретической моделью готовности, что позволило обобщить эти результаты и сформулировать положения,

определяющие наше направление дальнейшей работы.

В процессе реализации предлагаемой методики моделировались условия будущей профессиональной деятельности студентов, требующие применения информационных технологий. Таким образом позволило вести подготовку квалифицированных будущих учителей иностранного языка к применению информационных технологий последовательно и непрерывно, в четыре взаимосвязанных этапа:

- подготовительный;
- теоретический;
- интегрирующий;
- практический.

Дидактическая цель, который заключалась в развитии положительного отношения, убеж-

дений, определенных ценностных ориентаций, взглядов относительно профессиональной деятельности в условиях применения информационных технологий. Задачи таких этапов предполагали формирование обучающихся студентов адаптации к использованию информационных технологий в изучении предметных дисциплин, связанных не только иностранным языком но и укрепление социальной и личностной значимости применения технологий информации в своей деятельности. Содержание обучения на первом этапе по предлагаемой методике реализовалось через разработанный нами спецкурс, направленный на формирование предметной готовности к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности (Mukhametzhanov K.M., 1994: 18).

В ходе нашего процесса обучения студенты которые испытывают выполняли специальные задания, которые были направлены на ознакомление с основными функциями информационных технологий в изучении иностранного языка: преподавательская функция, функция по деятельности партнера, а также функция инструмента деятельности. Испытуемые учились применять информационные технологии в процессе самостоятельных работ, а так же и домашней работы по иностранному языку, в ходе изучения иностранного языка автономно, в целях восполнения пробелов в изучение знаниях. Для этого многие студенты применяли специализированные программные средства в изучении иностранного языка (электронные книги, мультимедийные программы, электронные диски), работа с которыми предполагала: получение учебного задания; запрос дополнительной информации, необходимой для его выполнения; уяснение способа выполнения задания; введение ответа; получение анализа и оценки ответа. Такие задания позволили испытуемым оценить возможности информационных технологий для самостоятельного изучения иностранного языка (неограниченное время работы, свободный режим работы, исключение воздействия субъективных факторов), что в конечном итоге стимулировало желание будущих учителей иностранного языка использовать разнообразный программный продукт для целей более эффективного овладения иностранным языком, а также укрепляло потребность в использовании информационных технологий для организации собственной учебно-познавательной деятельности.

Ряд заданий было запланировано на применение информационных технологий в процессе выполнения очень сложных задач (написание сочинения, рефератов, доклада (сообщения) дипломов и курсовых), связанных с написанием текстов значительного объема. Они позволяли испытуемым овладеть такими функциями информационных технологий как “партнер по деятельности”, “инструмент деятельности”. В процессе выполнения таких заданий как студенты которые являются будущими учителями иностранного языка: вводили текстовую информацию на иностранном языке с помощью клавиатуры или использовались уже подготовленных материалов, сканируя либо вводили их в новые файлы с дискет; получали доступ к обширной информации на иностранном и родном языке благодаря справочно-информационным системам и сетям (с применением в случае необходимости систем машинного перевода) (Zavalko N.A., 1998: 250); оформляли и редактировали письменные работы с помощью различных программ такого типа как “редактор текста”, спеллеров и т.д.; систематизировали и дополняли текстовую информацию на иностранном языке таблицами, графиками, диаграммами, рисунками.

Эксперимент

Более сложные задания предназначались для овладения широкими возможностями как информационных технологий для организации общения на иностранном языке с помощью телекоммуникационных компьютерных сетей. В процессе их выполнения испытуемые осваивали функции информационных технологий, позволяющий реализовывать различные формы межличностного опосредованного общения – письменная диктантная коммуникация (электронная почта), индивидуальное электронное общение (личная переписка).

Таким образом, на самом первом этапе мы рассматриваем (который является для всех студентов основной задачей) позволить создать предпосылки для формирования готовности будущих учителей иностранного языка к применению технологий информационных в профессиональной деятельности. А также закрепить у испытуемых стремление к расширению практики взаимосвязь на иностранном языке а также использовать средство электронных телекоммуникации, активное учас-

тия в настоящем режиме в различных чатах используя электронные коммуникации. Таким образом обосновывая потребность в увеличении пространства необходимым является информация на иностранном языке или связанной с иностранным языком, интерес к использованию информационных технологий как средству овладения новыми возможностями в профессиональной сфере и в обеспечения более высокого социального статуса (Kudaykulov M.A., 1975: 96).

В технологии контекстного текста следующим этапом, является изучения специального курса "Использование информационных технологий в обучении иностранному языку". В этом курсе студенты могли получить систему различных знаний, таких как дающих ориентиры в познании и преобразовании объекта своей профессиональной деятельности. А так же на этом этапе в построения профессиональной деятельности который обеспечивает информационную основу для использование информационных технологий, профессионального поведения в условиях, отражающих генезис знания и опыта при обучении иностранного языка с применением информационных технологий. В ходе выполнения студенты заканчивавшихся курсов выполняли самостоятельную домашнюю работу (подготовка как практическим занятиям, семинарам, лабораторных работ) и исследовательской деятельности (авторская научная работа на одну из предложенных тем и его защита), происходило дальнейшее формирование которого готовности будущего учителя иностранного языка к использованию информационных технологий. Целью нашего второго этапа было формирование у студентов яркое мировоззрение и вооружение их различными предметными умениями.

Самый первый этап был целенаправленно на усвоение студентами знаний в обучении о теоретических основах а так же обучения иностранного языка с применением информационных технологий.

На некоторых вопросах, были ответы об информационных технологиях, используемых в обучении иностранному языку, плюсы и минусы их использования, о способах которые применяются в технологий изучение иностранному языку (обучение иностранному языку с компьютерной программой под названием (Computer Assisted Language Learning), обучения иностранному языку на расстоянии, обучение устной иноязычной речи (Brain Storm), в проектной

деятельности иностранному языку, типологии средств информационных технологий, используемых при обучении иностранному языку, функция информационных технологий в изучения иностранного языка (как средства иноязычной коммуникации; как источника формирования на занятии по иностранному языку обстановки, располагающей к иноязычной коммуникации) специфических принципах использования информационных технологий в качестве средства обучения иностранному языку (диалогового взаимодействия, интерактивности, адаптивности), истории внедрения информационных технологий в процесс обучения иностранному языку (Бихевиористский этап. Автоматизированные обучающие системы достоинства и недостатки). Коммуникативный этап. Автономные обучающие программы. Многомодульные полифункциональные комплексы по иностранному языку на компакт-дисках. Первое Интегративный этап. А так же второе дистанционное обучение иностранному языку (языку) (Nurgalieva G.K., 2004: 311).

Результаты и обсуждение

Для использования готовых электронных учебных изданий по иностранному языку будущий учитель должен уметь их анализировать и адаптировать к конкретной ситуации обучения. Для этого мы предложили им следующие задания:

В процессе работы каждая английская группа анализировала несколько ЭУИ по выбору и представляла результаты анализа только в виде таблицы, где испытуемые оценивали возможности данных изданий для обучения произношению, лексике (встроенный словарь, лексические упражнения, функция контроля усвоения лексике), поурочные лексические темы, грамматике (встроенный грамматический справочник, поурочные грамматические темы, упражнения по грамматике, функция встроенного контроля), аудированию (тексты, диалоги для аудирования), письму (функция диктанта).

На следующем этапе группы познакомились с лингводидактическим потенциалом средств информационных технологий в обучении иностранному языку, который определяется следующими комплексными показателями: 1) функциями средств информационных технологий иностранному языку (информационные технологии как средство иноязычной коммуникации; информационные технологии как

партнер по иноязычной коммуникации; технологии как источник формирования на занятии по иностранному языку обстановки, располагающей к иноязычной коммуникации) с учетом организации учебного процесса иметь возможность варьировать режим работы; 2) сферой использования английского языка в средств информационных технологий, определяемой задачами обучения (обучение навыкам, речевых и коммуникативным мышлением), для решения некоторых вопросов, могут применяться ориентировочно. Эффективностью этих средств для целевого назначения (формирование межкультурное-коммуникативной компетенции) и составляли аннотации по нескольким программным средствам.

И самый последний этап, «интегрирующий», который был нацелен на развитие профессионального а так же актуального мышления студентов, совершенствование системы полученных знаний проявлять свою инициативность и выработку умений по их практическому применению. Будущему учителю необходимо было научиться работать со средствами информационных технологий в процессе формирования у учащихся речевых навыков (произносительных, лексических и грамматических) и коммуникативных умений (аудирование, чтение, письмо), при организации, управлении и контроле коммуникативной деятельности учащихся. На этом этапе предусматривались обязательными факторами таких как самостоятельная задача (подготовка к семинарам, практическим занятиям, разработка уроков) и исследовательская деятельность (лабораторные работы, доклады, курсовые работы, дипломы, научные работы, статьи) на одну из предложенных тем раздела «Технологии контекстного типа как средство формирования навыков и коммуникативных умений», что позволяло студентам овладеть основными элементами необходимых в знании (Abdullina O.A., 1989: 139).

Второй блок тем было направлена на формирование знаний студентов в области обучения речевым навыкам и коммуникативными умениями на иностранном языке с использованием информационных, а так же технологий в обучении. В этом блоке освещались возможности информационных технологий в обучении общению на иностранном языке (формировании фонетических, лексических, грамматических навыков иностранного языка и коммуникативных умений аудирования, чтения,

письма на иностранном языке с использованием информационных технологий), анализировались ресурсы Internet и возможности электронной почты для обучения иностранному языку (коммуникативной письменной речи). Кроме того, раскрывалась роль информационных технологий в формировании коммуникативной, лингвопознавательной и инструментальной мотивации при изучении иностранного языка, основные аспекты вербальной коммуникативной деятельности учащихся при использовании информационных технологий.

При изучении темы самый первый этап является, студенты с возможностями информационных технологий знакомилась для обучения фонетическим навыкам иностранного языка – формирование аудитивных навыков различения звуков иностранного языка, развитие артикуляционных и ритмико-интонационных произносительных навыков. Работа велась в несколько этапов. На семинарском занятии студенты работали в группах по 3-4 человека, обсуждая, для какой цели могут использоваться информационные технологии в процессе обучения фонетическим навыкам иностранного языка и какие функции они выполняют. Затем им предлагалось заполнить таблицу, где студенты указывали этап обучения фонетическим навыкам, соответствующую ему цель использования информационных технологий и основной материал для изучения.

Выводы

По окончании работы таблицы, заполненные разными группами, сравнивались и каждая группа характеризовала тот или иной этап обучения по выбору.

На втором этапе работы испытуемым предлагалось выполнить лабораторную работу «Формирование произносительных навыков с использованием встроенной системы «Фонетика» электронного обучающего курса English Platinum 2000».

Опираясь на текст ссылки модуль «Произношение» в электронном учебном пособии, студенты самостоятельно выстраивали схему структурной организации системы «Фонетика» электронного обучающего курса English Platinum 2000 и определяли, в чем сходны (различны) структура описанного в пособии модуля «Произношение» и структура системы «Фонетика» в обучающем курсе English Platinum 2000.

Возможности информационных технологий при изучении лексических навыков иностранного языка было формирование навыков чтения и аудирования, актуальных лексических навыков письменной речи, расширение пассивного а так же потенциального словарей обучаемых, контроль уровня сформированности на основе тестовых и различных новых компьютерных программ, оказание справочно-информационной поддержки и соответствующие возможности Internet. В процессе освоения этой темы студенты знакомились с методикой обучения лексическим навыкам иностранного языка с использованием информационных технологий, разрабатывали, на изученного материала, собственный план-конспект урока иностранного языка (Isaeva Z.A., 1996: 230).

Предлагаемое построение работы способствовало осознанному и творческому подходу к практической разработке занятия и его проведению в специально смоделированной “ситуации проигрывания” занятия. Подготовка и проведение занятий студентами в аудиторных условиях со своими товарищами сопровождалось их последующим анализом. Перед подготовкой к таким занятиям студенты делились на подгруппы. Каждая подгруппа выбирала тему, готовила материал к занятию, распределяла обязанности. Проводил занятие один из членов группы, в подготовке же теоретической части, раздаточного материала, дидактической игры активное участие принимали все члены группы. Результат оценивался с учетом личного вклада каждого, качества конспекта и т.д. Такая форма организации обучения служила студентам хорошей подготовкой к педагогической практике.

Особо следует подчеркнуть, что одним из наиболее эффективных средств обу-

чения общению на иностранном языке с использованием информационных технологий оказалась проектная деятельность в компьютерных телекоммуникационных сетях, так как в ходе их выполнения: развивались речевые навыки у партнеров образовались и коммуникативные умения, формировались общения, культура что предполагает со стороны партнеров умение кратко и четко формулировать собственные мысли, терпимо относиться к мнению партнеров. Так же сформировалась способность вести диалог в большой аудитории, дискуссии, доказывать аргументированно свою точку зрения; у участников проявлялись умения добывать информацию на иностранном языке в разных источниках, разрабатывать с помощью новых современных компьютерных технологий, сохранять и передавать; создавалась подлинная языковая среда (в частности онлайн конференций, аудио конференции, различных чатов), способствующая возникновению естественной потребности в общении на иностранном языке и потребности в изучении. В большинстве было увеличение число культурное развитие и гуманитарное развитие участников на основе их приобщения к самой широкой информации на культурного, этнического, гуманистического плана. При различных альтернативных способов обеспечивалось сравнительное изучение самых эффективных решении проблем для выявления наиболее эффективного способа действий, т.е. для получения данных об объективной результативности предлагаемого при изучении проблемы; организовалась совместная творческая разработка какой-то идеи (например создание на иностранном языке журнала, газеты, пьесы, книги, музыкального произведения по какой-либо теме).

Литература

- Мухаметжанов К.М. Формирование готовности будущих учителей к организации творческого взаимодействия с учащимися: автореф. дисс. к.п.н. 13.00.01. – Алматы, 1994. – 18 с.
- Завалко Н.А. Индивидуализация процесса обучения в системе многоступенчатого образования. – Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ. – 1998. – 250 с.
- Кудайкулов М.А. Совершенствование учебного процесса и профессиональная подготовка учителя. – Алматы: Мектеп, 1975. – 96 с.
- Нургалиева Г.К. Ценностное ориентирование личности в условиях информатизации образования. – Алматы, 2004. – 311 с.
- Абдуллина О.А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. – М.: Просвещение, 1989. – 139 с.
- Хмель Н.Д. Теоретические основы профессиональной подготовки учителя. – Алматы: Гылым, 1998. – 320 с.
- Успанов К.С. Специфические особенности методики целостного измерения профессионально-значимых качеств учителя // Вестник КазУМОиМЯ Серия “Педагогические науки”. – Алматы, 2004. – No 3. – С. 29-35.
- Мусаева С.А. Проблемы активизации общественно-политической деятельности студенческой молодежи (на примере автореф. дисс.к.п.н. 13.00.08. – Алматы, 1985. – 18 с.

Архангельский С.И. Лекции по теории обучения в высшей школе. – М.: Высшая школа, 1974. – 384 с.

Таубаева Ш.Т. Научные основы формирования исследовательской культуры учителя общеобразовательной школы. – Алматы, 2001. – 409 с.

Исаева З.А. Теоретические основы формирования профессионально- исследовательской культуры педагога в системе университетского образования. – Алматы, 1996. – 230 с. технических вузов): дисс...д.п.н. 13.00.08 156

References

1. Abdýllina O.A. (1989). Joǵary pedagogikalyq bilim berý júesindegi muǵalimdi jalpy pedagogikalyq daıarlaý. [General Pedagogical training of teachers in the system of higher pedagogical education]. M.: Aǵartý. 139 B. (In Russian)

2. Arhangelskii S.I. (1974). Joǵary mektepte oqıtý teoryasy boyınsha dárister. [Lectures on the theory of education in higher education]. M.: Joǵary mektep. 384 B. (In Russian)

3. Zavalko N.A. (1998). kóp satyly bilim berý júesindegi oqý prosesin Daralaý. [Individualization of the learning process in the system of multi-stage education]. Ýs-Kamenogorsk: Izd-vo VKGÝ. 250 (In Russian)

4. Isaeva Z.A. (1996). ýniversitettik bilim berý júesinde pedagogtıń kásibi-zertteý mádenietin qalyptastyrdıń teorialyq negizderi. Almaty. 230 B. tehnikalyq JOO): [Theoretical bases of formation of professional research culture of a teacher in the system of University education.]. diss...p. g. d. 13.00.08 156 b. (In Russian)

5. Qudaiqulov M.A. (1975). oqý prosesin jetildirý jáne muǵalimniń kásibi daıyndyǵy. [Improvement of the educational process and professional training] Almaty: Mektep. 96 B. (In Russian)

6. Muhametjanov K.M. (1994). bolashaq muǵalimderdiń oqıshylarmen shyǵarmashylyq qarym-qatynasty uıymdastyrýǵa daıyndyǵyn qalyptastyrý: [Formation of readiness of future teachers to organize creative interaction with students]. Almaty, 18 B. (In Russian)

7. Mýsaeva S.A. (1985). Stýdent jastardyń qoǵamdyq-saiası qyzmetin jandandyrý máseleleri (mysaly, avtoref. diss.p.g. k. 13.00.08. [Problems of activization of socio-political activity of students]. Almaty, 18 B. (In Russian)

8. Nurǵalieva G.K. (2004). bilim berýdi aqparattandyrý jaǵdaynda tulǵanyń qundylyqy baǵdarlanýy. [Value orientation of the individual in the conditions of Informatization of education] Almaty, 311 B. (In Russian)

9. Taýbaeva Sh.T. (2001). Jalpy bilim beretin mektep muǵaliminiń zertteý mádenietin qalyptastyrdıń ǵylymı negizderi: [Scientific basis for the formation of research culture of secondary school teachers]. Almaty, 409 s. (In Russian)

10. Usпанov K.S. (2004). Muǵalimniń kásibi-mańyzdy qasietterin tutas ólsheý ádistemesiniń erekshelikteri /I Vestnik Kazýmoımá Seria “Pedagogikalyq Ǵylymdar”. [Specific features of the method of integral measurement of professionally significant qualities of a teacher]. Almaty, No 3. B. 29-35. (In Russian)

11. Hmel N. (1998). D.muǵalimniń kásibi daıyndyǵynyń teorialyq negizderi. [Theoretical foundations of professional training of teachers] Almaty: Ǵylym. 320 B. (In Russian)

Aliyeva Gunay Dilgam

Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan, Baku,
e-mail: gunayaliyeva@yahoo.com

THE FORMATION OF THE INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS OF STUDENTS THROUGH THE CASE METHOD

The article deals with the formation of intercultural communication skills of students through the case method. It states that language case study is used to develop a communicative language teaching. The aims of the language case study are considered be the following: 1) to improve language teaching at secondary and university level by introducing a task-oriented approach; 2) to develop teacher training models including authentic teaching material for use in the classroom, etc. The article analyzes some opinions of the teachers' about the steps of the language case study. It states that case studies use authentic material taken from print media. The author touches upon the importance of using audio and video material in teaching a foreign language. The article highlights that language case studies do not constitute a language course on their own, but may be integrated into a language course. The language case method is used to be as a tool to help learners use the language in a nearly authentic situation. The students are invited to express their opinions on a specific topic to which no single solution exists. The language case study tasks have been introduced by the author in the article. It clarifies the importance of using case method in a foreign language teaching.

Many people tend to speak English around the world nowadays. Speaking English may connect people belonging to different society; it also helps to connect people belonging to different cultures and civility. It means that using English can also be able to normalize the people's relationship in the world such as people around the world are noticed to communicate speaking English. While communicating English, speakers have to keep their relationships from various cultures and communities.

Besides the mentioned facts, English is known to be taught for advanced levels in different language institutions. The English language is used to be trained for professional purposes in these institutions. English is needed to be taught in order to give some achievements for students to get language skills such as reading, writing, speaking and listening. The attention is needed to be paid attention to the fact that oral speech in a foreign language is noticed to be studied remains an unresolved issue, both methodologically and linguistically. The problem of teaching oral speech in a foreign language in various education schools is known to be one of the important points of the science of foreign language teaching methodology.

Key words: case method, intercultural, communication, formation, English, foreign.

Алиева Гюнай Дильгамгызы

Әзірбайжан мемлекеттік педагогикалық университеті, Әзірбайжан, Баку қ.,
e-mail: gunayaliyeva@yahoo.com

Кейс әдісі негізінде студенттердің мәдениаралық қарым-қатынас дағдыларын қалыптастыру

Мақала кейс әдісін қолдана отырып, студенттердің мәдениаралық қарым-қатынас дағдыларын қалыптастыруға арналған. Онда белгілі бір тілді оқыту коммуникативті тілдік оқытуды дамыту үшін қолданылатындығы айтылған. Тілдерді оқытудың міндеттері: 1) бағытталған тәсілді енгізу арқылы орта және жоғары оқу орындарында тілдерді оқытуды жетілдіру; 2) мұғалімдерді оқытудың үлгілерін, оның ішінде сыныпта қолдануға арналған шынайы оқу материалдарын және т.б. Мақалада мұғалімдердің тілді оқыту кезеңдері туралы кейбір пікірлері талданған. Мақалада тілдік тақырыптық зерттеулер тілдер курсына құра алмайтындығы, оны тілдік курстарға біріктіруге болатындығы баса айтылған. Тілдік мысал әдісі білім алушыларға тілді шынайы жағдайда қолдануға көмектеседі. Студенттерге белгілі бір шешімге келмейтін нақты тақырып бойынша өз пікірін айту ұсынылады. Тілді үйренуге арналған тапсырмаларды автор мақалада ұсынады. Бұл шетел тілін оқытуда кейс әдісін қолданудың маңыздылығын түсіндіреді. Мақалада көптеген педагогикалық дереккөздер қолданылады. Ағылшын тілі бүкіл әлемде жаһандық тіл екені белгілі. Бұл әр түрлі халықтарды, өркениеттер мен мәдениеттерді біріктіретін тіл. Осы тұрғыдан алғанда, ағылшын тіліндегі қарым-қатынас әлемдегі адамдардың әртүрлі қарым-

катынастарын реттейтін мінез-құлықтың тамаша түріне айналды, сонымен бірге, бұл олар қарым-қатынасқа түскенде және адамдардың бірлескен іс-әрекеттері негізінде әртүрлі мәдениеттерді қалыптастырудың тәсілі, құралына айналды. Ағылшын тілі кәсіптік мақсатта оқытылатын жоғары оқу орындарының басты міндеттерінің бірі – қарым-қатынас құзыреттілігі бар, өз кәсібін жетік білетін және күн талабына сай келетін кәсіби деңгейі жоғары оқытушылар құрамын даярлау. Өздеріңіз білетіндей, жаһандану дәуірінде ағылшын тілін оқытудың басты мақсаты – игерілген тілді функционалды, еркін және шығармашылықпен қолдана отырып, коммуникативтік дағдыларды игеру қабілеті. Қазіргі кезде зерттеліп жатқан шет тіліндегі ауызекі сөйлеу мәселесі әдістемелік тұрғыдан да, лингвистикалық тұрғыдан да шешімін таппай отырғанын ескеру қажет. Университеттерде шет тілінде ауызекі сөйлеуді оқыту проблемасы шет тілін оқыту әдістемесі ғылымының өзекті мәселелерінің бірі болып табылады.

Түйін сөздер: кейс-әдіс, мәдениаралық, қарым-қатынас, білім беру, ағылшын тілі, шет тілі.

Алиева Гюнай Дильгам гызы

Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджан, г. Баку,
e-mail: gunayali yeva@yahoo.com

Формирование навыков межкультурной коммуникации учащихся методом кейса

Статья посвящена формированию у студентов межкультурных навыков общения кейс-методом. В нем говорится, что изучение языка используется для развития коммуникативного языкового обучения. Цели для изучения языка: 1) улучшить преподавание языка на уровне средней школы и университета путем внедрения целенаправленного подхода; 2) разработать модели подготовки учителей, включая аутентичные учебные материалы для использования в классе и т.д. В статье анализируются некоторые мнения учителей об этапах изучения языка. В статье подчеркивается, что тематические исследования языка не представляют собой языковой курс сами по себе, но могут быть интегрированы в языковой курс. Метод языкового примера используется, чтобы помочь учащимся использовать язык в почти аутентичной ситуации. Студентам предлагается высказать свое мнение по конкретной теме, для которой не существует единого решения. Задания по изучению языка представлены автором в статье. Это разъясняет важность использования кейс-метода в обучении иностранному языку. В статье использованы различные педагогические источники.

Английский, как известно, является глобальным языком во всем мире. Это язык, который объединяет разные народы, цивилизации и культуры. С этой точки зрения общение на английском языке стало прекрасной формой поведения, которая регулирует различные человеческие отношения в мире, и в то же время стало способом, средством обмена знаниями и формирования новых культур на основе совместной деятельности людей.

Одной из основных задач высших учебных заведений, где английский преподают в профессиональных целях, является подготовка высокопрофессиональных педагогических кадров, обладающих компетентностью в общении, хорошо разбирающихся в своей профессии и отвечающих требованиям дня. Как известно, в эпоху глобализации основная цель преподавания английского языка заключается в том, чтобы приобрести способность приобретать коммуникативные навыки, используя изученный язык функционально, свободно и творчески. Следует отметить, что проблема устной речи на изучаемом в настоящее время иностранном языке остается нерешенной как методологически, так и лингвистически. Проблема преподавания устной речи на иностранном языке в вузах является одной из актуальных проблем науки методики преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: кейс-метод, межкультурный, общение, образование, английский, иностранный.

Introduction

Speaking of teaching English as a specialty language, it should be noted that, unlike the lower courses, whose main goal is to develop advanced language and speech skills, the teaching and learning of the language in the upper courses should focus on the development and improvement of pre-acquired knowledge and skills.

There is a growing interest in teaching oral communication in a foreign language. Given the role of English as the main language of communication at the global level, it is especially important for students studying English in private universities to develop the ability to use that language adequately and correctly in oral communication. This, in turn, determines the importance and relevance of the research.

The development of oral skills in a foreign language studied in the senior courses of higher education allows us to consider this problem relevant and the importance of understanding the situation, scientific analysis of the problem of formation of oral skills in both linguo-didactic and methodological plan and oral speech in senior courses dictates the application of the development of a scientifically based system of teaching.

Poor usage of English in communication, incorrect definition of the role of teachers and students, lack of motivation of students in the process of oral speech, difficulties encountered in textbooks on the application of communicative exercises and activities, etc. Obstacles such as the failure to achieve the expected results have not been adequately addressed. However, the development of students' intercultural communication skills through various methods, especially through the case method, is an indicator of successful results in this direction.

The linguistic approach to the development of intercultural communication skills of foreign language students through the case method requires, first of all, the study of language. It should be noted that the language-speech theory of F. de Saussure, the founder of structuralism, which is characterized by an immanent approach to language learning, is based on the claim of N. Chomsky's theory of language competence and language development (performance) (Сосцюр, 1977: 15). Linguistics, rhetoric, psychology, sociology, etc. The integration of the achievements of science in the direction of creating a general theory of communication is a peculiarity of the current stage of the humanities, at the heart of which is the problem of interaction at the level of language, personality, society and culture. Language plays a main role in solving the problem of interaction in the framework of integrative research, because it (language) acts as a mediator in all integrative processes. At the same time, the approach to language itself is changing radically, ie in recent years there has been an increase in the researcher's interest in the study of language in the socio-cultural context at the linguistic level. Different types of language are already of interest, which is related to the "anthropological turn" in linguistic research. Learning a language is also the key to learning a person, a society, a world, etc.

According to the principle of anthropocentrism, a man is the point of reference in the analysis of language. Intensive study of language in various sciences and taking it as the methodological basis of scientific analysis allows us to talk about its linguistic transformation. As a result, the object of

research, the systems of descriptive coordinates change: the text began to be studied in relation to extralinguistic factors, the mechanism and processes of text formation became the object of research. The Russian scientist E.S. Kubryakova wrote that language was believed to be taught without any grammar or syntax (Кубрякова, 2000: 10). According to V.I. Karasik, speaking about the priority of the role of socio-cultural context in language comprehension is necessary to paid attention to. He wrote about it that learning a foreign language could be meant to be an incorporative branch of knowledge that is placed at the different sections of linguistics, sociology, psychology, ethnography, semiotics, etc. (Карасик, 2002: 276). The linguistic description of the speaker's language behavior in the communicative act, the issues of verbal interaction in different speech situations, discourse genres, etc. are already on the agenda of linguistics that is beginning to take place. According to E.V. Paducheva, speech acts, reference theory, in general, are enriched with pragmatics; and linguistic semantics plays its role in developing rules for interpreting different types of texts (Падучева, 1996: 219). According to Karasik, the study of language acts as the subject of human speech (speaker), consciousness, the subject of language identity (Карасик, 2007: 156). Under these conditions, the concept of communication itself undergoes significant changes. Thus, the understanding of communication as the main link between society, the transmission of information and the transmission of knowledge (transmission model) has its place in a broader understanding of this phenomenon – the symbolic formation of the identity of informants, their social connections and relationships, feelings and thoughts, social realities, etc. gives its understanding as a process of formation of ability (Craig, 2001: 125-137). This model emphasizes the importance of the role of communication in the formation of a human.

Experiment

Despite the important reforms, a number of problems remain. In the modern world, where the processes of globalization are developing, the relations between different states and their peoples are expanding year by year and becoming more and more complicated. Training of specialists who meet the requirements of the day involves specialists who can integrate into the international arena. Good knowledge of the culture of the people learning the language is a guarantee of successful mastery of the language and mutual understanding with other

cultures. Young people of today must have creative thinking, deep knowledge and skills in various fields, increase their professionalism through the effective use of professional communication. Today, English should be accepted not only as a general subject, but also as a basic course, because mastering the language ensures personal and professional development of the student.

Analysis of work experience in existing higher education institutions and graduates of different faculties show that the level of intercultural communication skills in English is much lower than required. While they have some knowledge of the system and structural features of the language, most graduates do not have the necessary level of ability to express their thoughts and ideas freely through the foreign language being taught. In this regard, it is noteworthy that while in existing programs and textbooks the main requirement is to master the language for communicative purposes, the communicative competence of university students does not meet today's requirements.

Due to the low level of students' communicative skills in the language taught, including English, intercultural communication skills, and the fact that the education system does not meet the requirements of the day, there is a great need for radical changes. However, the problem of professional organization of the process of reading, writing, speaking and listening comprehension, which are the main types of speech activities, is of particular importance for the training of communicatively competent specialists in language learning. It should be noted that the interactive organization of work aimed at inculcating professional skills in the language taught to students and the integrative inclusion of the language in the teaching system is more effective through the case method. Learning the language in non-traditional ways meets the requirements of the day. The role of the case method is invaluable for participation in intercultural dialogues and debates.

Modern trends in intercultural education and the free choice of curricula and resources for the development of intercultural competence of students in higher education require the use of active and innovative teaching methods based on a results-oriented competent approach (Алмазова, 2007: 55).

Changes in society have led to a change in the purpose of education, which has led to the use of the case method in the teaching of foreign languages. The ability of the case method to activate the learning process and act as a means of expanding students' cognitive abilities allows it to be used as an innovative didactic tool in a number of areas.

It should be noted that the name of intercultural competence means the ability to realize oneself in the framework of 'intercultural dialogue' (Сысоев, 2003: 42).

The development of students' intercultural communication skills through the case method puts a great responsibility on teachers. G.Huseynzadeh writes in this regard: "The need for teachers is growing during this process. Teachers must be able to bring the language culture and the country of the language learned to the audience. The teacher must have knowledge of the culture of his country and all English-speaking cultures. The teacher must also be willing to share his knowledge with students" (Hüseynzadə, 2009: 220).

The analysis of theoretical sources on the study of conceptual models of intercultural competence reveals its components – "knowledge, skills and habits, rules and understanding, etc., necessary for a person to interact effectively and appropriately with the carrier of another culture" (Deardorff, 2006: 241-266).

One of the urgent tasks of foreign language teaching methodology is the development and intensification of methods and rules of the teaching process in the development of skills and habits of students in everyday and business communication. L.E.Alekseyeva stated that in professionally oriented communication there was observed a change in the direction of teaching foreign languages – from reading to speech, in a broad sense, in professional situations to communicate in a foreign language (Алексеева, 2002: 16).

The technology of the case method was first developed in 1870 and applied in 1910 in the teaching of economics and business sciences at Harvard University (Almagro, 2004: 137). Currently, two classic case methods operate in parallel: Harvard (American) and Manchester (Europe). American cases are large (20-25 pages of text, 8-10 pages of illustrations), while European cases are 1.5-2 times smaller. In addition, while the former require a single correct answer, the latter allow for a variable solution to the problem.

Initially developed in the American business school, the method of solving situational tasks is now in the process of intensive development in the field of education, sociology and economics. The case method was widely used in world education practice in 1970-80. The case method, which has been used in Russia since the 1990s, has led to fundamental changes in the training of specialists in all fields. In other words, as B.E.Andyusev noted, "there is a serious need for specialists who are able

to work in a team, prone to innovation, able to work critically and flexibly with a wide range of information" (Андюсев, 2010: 61].

One of the main ways to increase the effectiveness of the formation of skills and habits of professional communication is communication based on the real situation (i.e., the method of situation analysis or case-method), which has become widespread in recent years in the teaching of foreign languages. The case method is an interactive learning method used to solve educational problems. Case is an analysis of a situation or a specific event, a business game. It can also be called the technology of analysis of specific situations.

It is necessary to stress that the problem of developing technology for the development of competencies in students through cases still exists nowadays, because in most universities around the world, the training of managers, mainly in economics, began only in the 70-80s of last century.

Cases are known to be true events that usually take place in one area of activity and are described by the authors in order to create a discussion in the classroom. The use of the case-method in the teaching of English, depending on the nature of the subject, can be used to form in students the necessary knowledge and skills in one form or another of speaking in a foreign language as well as to create linguistic competence at a certain standard and program level.

If a foreign language as an element of culture operates within a certain culture, then the role of the case method in the formation of students' competence in local lore can also be discussed. In order to develop communicative competence in a non-linguistic environment, ways should be explored to engage students in active cultural dialogue so that they can understand the specifics of English language activity in a culture that is new to them. The main idea of such an approach to the teaching of foreign languages is to form in students active thinking activities that require them to master certain language tools for the expression of ideas.

As a result of changes in external and internal conditions, the implementation of reforms in the education system of Azerbaijan and its purpose is reflected in the teaching of foreign languages. Going beyond the subject of teaching, a foreign language becomes a means of forming a professionally important quality for a specialist preparing for future activities. Training in communication in a foreign language, on the one hand, should be based on the tasks that the learner will face in his professional activity, on the other hand, students should be active,

enterprising, independent, agree with their peers, protect the right to personal opinion, etc. should be able to demonstrate their qualities.

Modern trends in the teaching of communication in a foreign language reflect the need of society for highly qualified professionals with the ability to fully participate in intercultural communication. The expansion of international relations and intercultural ties requires future professionals not only to have knowledge and skills of foreign languages, but also to be able to communicate with representatives of other linguistic societies. In this case, the professional qualities of a foreign language are the main tool capable of forming a multicultural consciousness that provides adequate interaction with a representative of another culture.

Results and discussion

We conducted a survey among English language students and English language teachers to observe the development of students' intercultural communication skills through the case method.

Research also shows that the development of problems in the formation of intercultural communicative competence in students in specialized higher education institutions is due to the fact that the real process of intercultural communication requires not only a high level of communicative and professional competence. In order to participate in intercultural dialogue, they must be able to independently reflexively master new models of professional behavior, make informed (collective) decisions based on an in-depth analysis of the mother and other professional concepts in a complex professional problem situation.

Case-method or method of concrete situations is a method of analysis of an active problem-situation based on training by solving specific tasks – situations. The direct purpose of the case method is to discuss and analyze case studies (events in one or another field of activity), to develop a practical solution of the proposed algorithms through subsequent evaluation and to choose the best one in the context of the problem.

The formation of intercultural competence in the process of teaching foreign languages is of particular importance for students majoring in Linguistics, as they will always be involved in intercultural communication in their future activities. The effectiveness of intercultural contacts depends on the development of students' intercultural skills.

It is believed that the case method helps to form the basic qualities of a modern specialist and has a

positive effect on the preparation for participation in international cooperation in a professional environment. The theoretical basis of the case method requires full coverage. One of the main categories of this method, for example, the case method, is the concept of “case”. There are many definitions of the concept of “cases” that emphasize one or another feature of the essence.

We have identified several stages for experimental teaching aimed at developing students’ intercultural communication skills through the case method. We chose the defining material for the first stage. At the same time, our main focus is on the creative abilities of students learning a foreign language, for example, how active they are in language learning and how creative they are. The issues we will pay attention to in this case are as follows:

1. Divide students into specific groups for the experiment;
2. Appointment of an expert group at the defining stage;
3. Identification of key indicators indicating the level of students’ creative activity;
4. Systematic identification of the tools needed to properly assess students’ creative abilities during the formation of intercultural communication skills through the case method;
5. Analysis of the results obtained at the defining stage.

The experts included in the expert group regularly participated in the English language classes held in the experimental and control groups during the 1st semester, observed the English

language teaching process, as well as the students’ learning activities, and provided quantitative and qualitative indicators in the language of the students and they assessed the learning process from this perspective. The level of creative skills of senior students in English was analyzed on the basis of quantitative and qualitative indicators, and the results obtained were calculated using mathematical-statistical and comparative methods. The specific results of the determinative experiment are summarized in Table 1. below (CG – control group; EQ – experimental group):

The figures in the table reflect the results of the defining phase of the experimental training. A comparative analysis of the results obtained in the experimental and control groups suggests that the experiment and the control group students who participated in the descriptive experiment had the same level of creative skills in English, the language of specialization. When comparing the quantitative indicators obtained in the experimental and control groups, we see that there is no significant difference between the figures. Current differences can be seen as an indication that some students in the control and experiment groups are better prepared than others. Analysis of qualitative and quantitative indicators indicates that quality indicators are at a lower level in both control and experimental groups. In order to obtain more reliable results, we asked the experienced teachers included in the expert group to comment on the indicators reflecting the level of creative skills in English, the specialty language of the experiment participants.

Table 1 – Results of the experiment

Indicators	CG № 1	EG № 1	CG № 2	EG № 2	CG № 3	EG № 3	CG № 4	EG № 4
Quantitative indicator	30,1 %	37,2 %	20,2 %	26,1 %	40,2 %	38,4 %	36,8 %	26,6 %
Quality indicator	26,2 %	30,2 %	19,1 %	21,1 %	36,7 %	32,5 %	32,4 %	20,3 %

Conclusion

The conclusion can be summarized like the following:

1. Students sometimes do not participate in the selection of materials to be used in the learning process, including text materials. This is due to the fact that the selection of materials does not take

into account their needs, interests and desires. Therefore, the main focus in the teaching process is the selection of materials that are of interest to students.

2. Students who participated in the defining phase of the experiment tend to speak without any changes, as they often have separate passages from the text read or listened to. This shows the

development of students' critical thinking skills in the foreign language they are learning.

3. In English lessons, preference is given to "traditional" methods, which have often lost their relevance and do not meet the requirements of the time. Students in language faculties, including senior students, read or listen to the texts presented to them, and then answer questions from teachers and students about the content of the text. It should also be noted that most of the questions asked are not in terms of content, but in terms of individual sentences. There are a small number of questions that make students think and form a creative attitude, thoughts and ideas to the object of discussion. Such organized language classes, of course, do not ensure that students studying English for professional purposes develop creative activities in the language

of the language in accordance with the requirements of the day.

4. Most participants in a foreign language experiment do not have the ability to make creative use of the linguistic units and speech patterns in the texts presented to them. Purposeful work in this direction is one of the most important and topical issues in the field of language teaching.

5. There is a tendency to conduct language lessons in a question-and-answer format. Students studying in language faculties and future specialists in this field should be involved in the learning process as active, enterprising participants, who can express their thoughts, ideas and attitudes in discussions appropriate to their age, knowledge and intellectual level in order to encourage them to express their positions.

Literature

- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с французского языка под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
- Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. РАН ИНИОН (Серия: Теория и история языкознания). – М., 2000. – С. 7-25.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 464 с.
- Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
- Craig R.T. Communication. Encyclopedia of Rhetoric. Ed. T.O. Sloane. – New York: Oxford University Press, 2001. – Pp.125-137.
- Алмазова Н.И. Подходы, принципы и технологии иноязычного образования в неязыковых вузах на современном этапе // Вопросы методики преподавания в вузе: сборник научных статей. – СПб., Вып. 9, 2007. – С. 55-63
- Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного и родного языков // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 1. – С. 42-47
- Hüseynzadə G.C. Xarici dillərin tədrisində islahatların tətbiqi: Müəllimiyönlü tədrisdən tələbəyönlü tədrisə keçid // "Elm" ilinə həsr olunmuş Xarici dillərin tədrisinin aktual problemləri Respublika elmi konfransının materialları. – Bakı: ADU, 2009. – S. 220-226.
- Deardorff D.K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization // Journal of Studies in Intercultural Education. – 2006. – No 1. – Pp. 241-266.
- Алексеева Л.Е. Методика обучения профессионально-ориентированному ИЯ. – 2002. – 96 с. http://www.lingva.iml.pu.ru/course_view.php?course=6
- Almagro A.E., Canado M.L.P. Making the case method work in teaching business English: a case study // English for Specific Purposes, 2004. No 23/2. – Pp.137-161.
- Андюсов Б.Е. Кейс-метод как инструмент формирования компетентностей // Директор школы. – 2010. – № 4. – С. 61-69.
- Crystal D. English as a global language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 228 p.
- Михайлова Е.А. Кейс и кейс-метод: общее понятие // Маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 109-117.

References

- Alekseeva L.E. (2002). Metodika obuchenija professional'no-orientirovannomu inostrannomu jazyku [Methods of teaching professionally oriented foreign language]. 96 p. http://www.lingva.iml.pu.ru/course_view.php?course=6, 96 p. (In Russian)
- Almagro A.E., Canado M.L.P. (2004). Making the case method work in teaching business English: a case study // English for Specific Purposes, 2004. No 23/2. Pp.137-161.
- Almazova N.I. (2007). Podhody, principy i tehnologii inozazychnogo obrazovanija v neязыkovykh vuzah na sovremennom jetape [Approaches, principles and technologies of foreign language education in non-linguistic universities at the present stage] Voprosy metodiki prepodavanija v vuze: sbornik nauchnyh statej. SPb., Vyp. 9, Pp.55-63 (In Russian)

- Andjusev B.E. (2010). Kejs-metod kak instrument formirovanija kompetentnostej [Case method as a tool for the formation of competencies] Direktor shkoly No 4, Pp.61-69. (In Russian)
- Craig R.T. (2001). Communication. Encyclopedia of Rhetoric. Ed. T.O.Sloane. NewYork: Oxford University Press, Pp.125-137.
- Crystal D. (1997). English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 228 p.
- Deardorff D.K. (2006). Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. Journal of Studies in Intercultural Education, No 10, Pp.241-266.
- Huseynzade G.C. (2009). Xarici dillerin tedrisinde islahatların tetbiqi: Muellimyonumlu tedrisden telebeyonumlu tedrise keçid. [Application of reforms in foreign language teaching: Transition from teacher-oriented teaching to student-oriented teaching] Actual problems of teaching foreign languages dedicated to the year of "Science" Materials of the Republican scientific conference. Baki: AUL, Pp.220-226 (In Azerbaijani)
- Karasik V.I. (2002). Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 477 p. (In Russian)
- Karasik V.I. (2007). Jazykovye kljuchi [Language Keys]. Volgograd: Paradigma, 520 p. (In Russian)
- Kubrjakova E.S. (2000). O ponjatijah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike [On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics] Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost': funkcional'nye i strukturnye aspekty: Sb. obzоров. RAN INION (Serija: Teorija i istorija jazykoznanija). Moscow, Pp.7-25. (In Russian)
- Mihajlova E.A.(1999). Kejs i kejs-metod: obshhee ponjatie [Case and case method: general concept] Marketing, No 1, Pp.109-117. (In Russian)
- Paducheva E.V. (1996). Semanticheskie issledovanija: semantika vremeni i vida v ruskom jazyke. Semantika narrativa [Semantic Research: Semantics of time and view in Russian. Narrative semantics]. Moscow: School 'Languages of Russian Culture', 464 p. (In Russian)
- Sisoev H.V. (2003). Kul'turnoe samoopredelenie lichnosti kak chast' polikul'turnogo obrazovanija v Rossii sredstvami inostrannogo i rodnogo jazykov [Cultural self-determination of the individual as part of multicultural education in Russia by means of foreign and native languages] Inostrannye jazyki v shkole, No 1, Pp.42-47. (In Russian)
- Sossjur F. de. (1977). Trudy po jazykoznaniju. [Works on linguistics.] Per. s francuzskogo jazyka pod red. A.A.Holodovicha. Moscow: Progress, 695 p. (In Russian)

З.Ш. Ерназарова КИМЭП Университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: ezauresh@kimep.kz**КӨСЕМШЕ ОРАЛЫМДЫ СӨЙЛЕМДЕРДІҢ
СЕМАНТИКАЛЫҚ АСПЕКТІСІ**

Мақалада қазақ тілін оқыту үдерісінде функционалды-семантикалық табиғаты толық ашылып сипаттала бермейтін көсемшенің монособъектілі құрылымдар ішінде сөйлем мазмұны мен құрылымын күрделендіруші қызметі етістіктің лексика-семантикалық топтарының өзара байланысы мен семантикалық қатынастың түріне қарай талданды. Бұл мәселе қазіргі таңда өзекті болып табылады. Өйткені көсемше оралымды сөйлемдердің коммуникациядағы қызметі мен оның қазақ тілін екінші тіл ретінде оқытуға арналған оқулықтарда берілуі арасында үлкен айырмашылық бар. Етістіктер арасындағы мағыналық байланыстың қайталамалы сипаты адам танымында білім қорын қалыптастырып, ол категориялық белгілерге ие болды. Зерттеу барысында көсемшенің коммуникациядағы қызметінің когнитивті моделін анықтау маңызды болды. Көсемшенің грамматикалық категория ретінде когнитивті моделін құрайтын фреймдік компоненттердің мазмұнын сипаттау, жіктеу, қазақ тілін оқыту үдерісінде аталған категорияны жүйелі меңгертуге көмектесер еді. Көсемше адам танымында байланыстары концептуализацияланған (қайталамалы сипатқа ие) бірнеше әрекеттердің байланысын жеткізетін форма ретінде қалыптасқан. Тілдік материалдарға жасалған семантикалық талдау көсемшенің төмендегідей концептуалды фреймдік сценарийін анықтады: көсемше негізгі етістікке қосымша қабаттасатын әрекетті атайды; көсемше негізгі етістікпен әртүрлі мезгілдік арақатынас орната алады; негізгі әрекеттің өту динамикасын сипаттайды; негізгі әрекетті тудырушы себеп – әрекетті білдіреді; көсемше сөйлеушінің не бақылаушының негізгі әрекетке көзқарасын, бағасын жеткізеді. Семантикалық қатынастың түрі сөйлемдегі негізгі етістіктің лексика-семантикалық тобына қарай анықталады.

Түйін сөздер: көсемше оралым, негізгі етістік, семантика, концептуалды сценарий, фреймдер.

Z.Sh. Yernazarova

KIMEP University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: ezauresh@kimep.kz**Semantics of sentences with participles**

The article discusses the problems of teaching the participles of the Kazakh language. There are several reasons for this. Firstly, in modern Kazakh linguistics, not all theoretical issues of the participle have been investigated. For example, the grammatical status of the participles in the Kazakh language still causes scientific discussion. Secondly, the functions of the participles in speech and the linguistic definition proposed in the textbooks are significantly different from each other. The relevance of the study is determined by the fact that the functional study of the participial constructions of the language system as a result of cognitive activity is one of the important tasks of the linguistic description of the Kazakh language in order to teach the Kazakh language as a second. The task of describing the functioning of adverbial revolutions from a cognitive point of view was to determine and explain exactly what relation is recorded by the adverbial revolution, which knowledge structures are behind it. In this article, for the first time, a specific object of research was the identification of the frequency of compatibility of verbs of different vocabulary-semantic groups with participles and the definition of a cognitive model of this grammatical category. .

The results of the study showed that the semantic relations of the main verb and participles are ambiguous. The nature of the relationship between these two forms is determined by the general proposition of the utterance. With the dynamic nature of the attitude, vocabulary and semantic characteristics of the main verb are of great importance.

Key words: participle turnover, main verb, semantics, conceptual scenario, frames.

З.Ш. Ерназарова

Университет КИМЭП, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: ezauresh@kimep.kz

Семантика предложений с деепричастными оборотами

В статье рассматривается проблемы преподавания деепричастных оборотов казахского языка. Во-первых, в современном казахском языкознании не все теоретические вопросы деепричастия исследованы. Например, до сих пор вызывает научную дискуссию грамматический статус деепричастных оборотов в казахском языке. Во-вторых, функции деепричастных оборотов в речи и лингвистическое определение, предлагаемое в учебниках, существенно отличаются друг от друга. Актуальность исследования определяется тем, что функциональное изучение деепричастных конструкций языковой системы как результат когнитивной деятельности является одной из важных задач лингвистического описания казахского языка в целях преподавания казахского языка как второго. Задача описания функционирования деепричастных оборотов с когнитивной точки зрения заключается в том, чтобы определить и объяснить, какое именно отношение фиксируется деепричастным оборотом, какие структуры знания стоят за ним. В данной статье впервые конкретным объектом исследования стало выявление частотности сочетаемости глаголов разных лексико-семантических групп с деепричастными оборотами.

Результаты исследования показали, что семантические отношения основного глагола и деепричастных оборотов носят неоднозначный характер. Характер отношений между двумя указанными формами обуславливается общей пропозицией высказывания и семантики основного глагола. Когнитивное моделирование семантики основного глагола дало возможность по-новому оценить функционирование деепричастных оборотов в предложении.

Ключевые слова: деепричастный оборот, основной глагол, семантика, концептуальный сценарий, фреймы.

Кіріспе

Көсемше етістіктің грамматикалық категориясы ретінде танылып, қызметі жан-жақты зерттелді десек те, қазақ тілін оқыту үдерісінде тіл үйренушіге оның коммуникациядағы қызметін меңгертуде көп қиындықтар бар. Қиындықтар көсемшенің жай сөйлем ішінде дербес пропозицияны жеткізіп, бағыныңқы позициядағы қызметтерімен байланысты қалыптасып отыр. Қазақ тілі оқулықтары авторлары көбіне көсемшенің сөйлемді аяқтап, шақ жасаушы қызметін берумен шектеліп жатады.

Ғылыми зерттеулерде көсемшенің полипредикативті және жартылай предикативті құрылымдар қалыптастырушы қызметтері, жай сөйлем құрамындағы пысықтауыштық қатынас жасаушы қызметтері субъектінің ортақ / не жеке болуына қарай, мезгілдік арақатынастың сипатына қарай сипатталды (Үесенов, 1984). Алайда бұл зерттеу нәтижелері тілді оқыту үдерісінде көсемшенің қызметін толыққанды үйретуге көмектесе бермейді. Қызмет түрлері сипатталғанымен, лингвистикалық ақпарат тіл үйренушінің көсемше құрылымдарды коммуникация барысында белсенді, еркін қолдануға жеткіліксіз болып жатады. Өйткені оқулықтарда көсемше қолданылатын категориалды ситуациялар толық сипатталып, түсіндіріле бермейді. Оның бірнеше себептері бар. Біріншіден, кө-

семше формасында қолданылатын етістіктерге лексика-семантикалық топтары нақты жүйеленбеген. Екіншіден, көсемше қолданылатын категориалды ситуацияларды құраушы прагматикалық факторлар, пресуппозициялар сараланбаған. Яғни көсемше сөйлеуші адамның танымы мен қажеттілігінің нәтижесі ретінде бағаланбаған. Аталған мәселелер көсемше қызметінің негізінде жатқан когнитивті құрылымды анықтауды қажет етеді. Өйткені сөйлеу барысында көсемше формаларымен байланысқан етістіктерді қабылдаймыз, түсінеміз. Егер етістіктер арасындағы байланыс адам танымында қалыптасқан білім құрылымына – концептілерге сай келмесе, ол қабылданбас еді, түсіністік те орнамас еді. Көсемше формалы етістіктер арқылы берілетін әрекеттер адам танымындағы қандай концептуализациялау үдерісін бейнелейді деген сұраққа жауап берсек, оның қызметін де дұрыс анықтап, саралайтын боламыз. Бұл көсемшенің қолданысын жүйелеуге, модельдеуге көмектеседі. Көсемше етістіктің грамматикалық категориясы ретінде сыртқы әлем туралы білімнің құрылымдық (фреймдік) жиынтығы деген ұстанымды басшылыққа алу қолданыстағы қызметінің танымдық алғышарттарын анықтауға мүмкіндік береді. Бұндай анықтылық көсемшені оқытуды да, меңгеруді де жеңілдетері анық.

Сөйлемнің құрылымын құрушы да, оның мазмұнын, компоненттердің позицияларын

анықтаушы да етістік болып келеді. Етістіктің лексикалық мағынасының өзінде объективті шындықтың бір кесіндісі – пропозициялар жинақталып беріледі. Бұл – таным үдерісінің нәтижесі. Көсемшелі құрылымдарды әрекет иесі субъектінің, бақылаушы адам субъектісінің таным үдерісімен байланыстыра қарау оның категориялы қызмет түрлерін когнитивті тұрғыда реконструкциялауға мүмкіндік береді деп болжам жасаймыз. Зерттеу жұмысының негізгі нысаны(объектісі) болатын құрылымдар:

1) Ол сәлем беруді ұмытқан жоқ. Бірақ әкесі мен өзге ешкімге қарамастан, келе Абайды *құшақтай алды* (М. Әуезов)

2) Оспан келе бергенде, бұ да *құшағын жайып*, бетінен *сүйді*. Үлкендер бұлардың жаңа көріскенін *сезін*, мінездерін *кешіргендей*.

3) Ол сөзін *айтып шығып кетті*.

Тіл білімінің қазіргі даму деңгейінде 1-сөйлемдегі көсемшенің қызметін жай сөйлем ішіндегі пысықтауыш, 2-сөйлемдегі қызметін қимыл сын мәнді пысықтауыш, ал 3-сөйлемдегі қызметін күрделі баяндауыш деп қана түсіндіреміз. Одан да тереңдейтін болсақ, полипредикативті құрылымдар, моносубъектілі көсемше оралымды сөйлем, аспектуалділік категориясы деп жіктеуге болады. Бірақ бұл сипаттамалар көсемшенің қызметін, оның қолдану шарттарын толық ашып, түсіндірмейтіні көрініп тұр. Бұл сипаттамалар көсемшенің қолданысы немен байланысты? Оны не анықтайды? деген сұраққа толық жауап берілмейді. Көсемшенің қолданысын анықтайтын – негізгі етістікпен байланысты адам танымында қалыптасқан ақпарат жиынтығы. Көсемше мен негізгі етістіктің мағыналық байланыстары да әртүрлі. Бірде ол негізгі предикатпен бір мезгілде орын алған әрекетті атаса, бірде негізгі әрекеттің өту сипатын бейнелейді. Бірде көсемше әрекетті бақылаушы адамның бағасын жеткізсе, бірде ол әрекеттің өзін атайды. Білім алушыға тілді дұрыс меңгеру үшін нақты бұлтартпас ереже керек. Ол ереже көсемшенің қай уақытта мезгіл мағынасында, қай кезде көмекші қызметте, қай кезде күрделі етістік құрамында жұмсалатынын нақты түсіндіруі керек. Сол үшін көсемшенің полифункционалды қызметін барлық сөйлеу жағдаяттарында қатесіз қолдануға мүмкіндік беретін абстракцияланған универсалды модельдерін айқындау керек.

Сонымен көсемшенің қызметін когнитивті грамматика аспектісінде зерттеу мақсаты

○ көсемше қолданылатын процессуалды жағдаяттың сипатын (типтік белгілерді анықтау:

негізгі етістіктің лексика-семантикалық сипаты, қолданылатын типтік сөйлеу жағдаяттардың когнитивті сценарий, оны қалыптастырушы фреймдер);

○ көсемшенің когнитивті сценарийін модельдеу (пропозиция түрлері, олардың арасындағы мезгілдік байланыстар, семантикалық байланыстар, модальділіктің берілуі)

○ көсемшенің когнитивті моделін қалыптастыратын тірек семантикалық компоненттерді анықтау

Көсемшенің зерттелуіне шолу

Көсемшенің зерттелуі сабақтас құрмалас сөйлемнің зерттелуінен бөлек қарастыруға болмайды. Түркологияда ондаған жылдар бойы өрбіген пікірталас көсемше, есімше, шартты рай тұлғалы инфинитті етістік категорияларының сөйлемді аяқтап, пропозиция жеткізу әлеуетімен байланысты болды. Зерттеушілердің бір тобы оларды түгелдей бағыныңқы сөйлемдер қатарына жатқызса, (Sauranbayev, 1948) келесі топ баяндауышы финитті түрде берілген сөйлемдерді ғана бағыныңқы сөйлем деп қабылдады да, ал инфинитті сөйлемдердің бәрін жай сөйлем құрамындағы оралымдар түрінде талдады (Serebryannikov, 1963; Baskakov, 1962; Vertagayev, 1954). Үшінші пікірді ұстанушылар инфинитті формалы сөйлемдерді субъектінің қатысына қарай бағыныңқы жеке сөйлем және жай сөйлем құрамындағы оралым деп бөлуді ұсынды. Яғни жеке бастауышы болса, ол бағыныңқы сөйлем, ал ортақ бір бастауыштың айналасында құрылған сөйлемдер жартылай предикатты оралымдар деп бөлінді. (Dmitriyev, 1948: 45; Yesenov, 1974; Cheremisina, 1979; Nartiyev, 1988; Nevskaya, 1990). Ғалымдардың пікірінше, түркі тілдерінде тілдің ішкі құрылымдық ерекшелігінен туындаған сабақтас құрмалас сөйлемнің ерекше синтетикалық түрі қалыптасқан. Соңғы екі бағыт бір мәселеде бір-бірімен ұштасады. Ол екі топтың да бір бастауышты инфинитті құрылымдардың түркі тілдеріне тән құбылыс екенін мойындап, жай сөйлем құрамындағы оралымдар түрінде қарастыруынан көрінеді. Барлық зерттеушілер инфинитті етістік формаларының предикативтілікке ие екендігін мойындайды. Алайда бұл бағыныңқы сипаттағы предикативтілік, ол сөйлемдегі негізгі толық предикатқа бағынады, сондықтан бұндай құрылымдарды жартылай предикативті құрылым деп атау (көсемше оралым, есімше оралым, шартты райлы оралымдар) қабылданған.

Түркологияда көсемше оралым ұғымын алғаш қолданушы Н.К. Дмитриев болды. Ғалым көсемшенің сөйлемдегі екі түрлі қызметін бөліп көрсетті: “1) выступать как члены простого предложения, в составе глагольных видов ы форме так называемых деепричастных оборотов. 2) выступать как сказуемое определенного типа придаточного предложения (Dmitriyev, 1948: 256). Көсемше оралымды сөйлемдерді арнайы қырғыз тілінің негізінде зерттемегенімен, оның бағыныңқы сөйлем мен күрделі сөйлем мүшелерінен ерекшелігін байқап, синтаксистік қызметіне тоқталған А. Турсунов болды. Ғалым көсемше оралымды жеке сөйлем емес, сөйлем мүшесінің құрылымдық жағынан бағыныңқы сөздермен күрделенуі деп қарап, күрделі жеке ойды бере алмайды деп сипаттады (Tursunov, 1958: 18). Азербайжан тілін зерттеушілер көсемшелі құрылымдарды түгелдей оралымдар қатарына жатқызады. Бұл көзқарас Н.З.Гаджиева (Gadzhiyeva, 1986: 140) да қолдайды. Түркологияда көсемше оралымды сөйлемдерді зерттеуде жаңа бағыттың дамуына қозғаушы болған Ғ. Абдурахмановтың еңбектері еді (Abdurahmanov, 1971: 141).

Инфинитті көсемше формалары бағыныңқы позицияда қолдана отырып, толық тәуелді предикативті және жартылай тәуелді предикативті құрылымдарды қалыптастыратынын барлық зерттеушілер мойындайды. Жартылай предикативті көсемше оралымдардың мағыналық байланыстары, құрылымы, ортақ субъектінің берілуі, негізгі предикатпен мезгілдік арақатынасы тұрғысынан арнайы зерттелгенімен, етістіктердің лексика-семантикалық тіркесімділігі, мағыналық байланысы тұрғысынан қарастырылмады. Көсемше оралым қызметінде етістіктің қандай лексика-семантикалық топтары жиі кездеседі? Қандай етістік түрлері қосымша сипаттаманы, толықтыруды керек етеді? Мағыналық байланыс түрлерін қалыптастыратын маманданған етістіктің лексика-семантикалық топтары бар ма? деген сұрақтар ашық қалды. Көсемше оралымдар адамның танымын үдерісінде қалай концептуализацияланады? деген сұрақтар жауапты керек етеді. БВ. П. Недялков: “Көсемше туралы лингвистикалық білімнің толық қалыптаспауы оның тілдегі қолданысының барлық аспектілерінің танылмауымен байланысты”, - дейді (Nedalkov, 1990: 120). Біз де осы пікірмен келісеміз. Неге? Өйткені осы уақытқа дейін көсемше етістіктің семантикалық мағынасымен байланыссыз алынды. Көсемше өзі тікелей

тіркесетін етістіктің когнитивті моделі тұрғысынан қарастырылған емес. Ал когнитивті модель, біздің жағдайымызда етістіктің мағыналық байланыстарының көрінуі де, өмір сүруі де адамның таным үдерісімен байланысты.

Етістіктің когнитивті грамматикада зерттелуі

Когнитивті лингвистикада етістік семантикасын құрайтын негізгі тірек концептілерді анықтау мәселесі әр уақытта өзекті болды. Оның басты себебі етістіктің пропозицияны (объективті шындықты) жеткізу әлеуетімен байланысты. Қолданыста етістік әрекетті ғана атамайды, оған шақтық, жақтық (субъектілік), модальдік мағыналар қабаттаса беріледі. Сондықтан етістікке семантикалық талдау жасау барысында сөйлеу жағдаяты, адамның танымымен байланысты шарттарды ескермесе болмайды.

Сондықтан етістіктерді лексика-семантикалық мағынасына қарай талдау, топтастыру барысында зерттеушілер басшылыққа алатын әртүрлі критерийлер ішінде сөйлеу жағдаятымен байланысты динамикалық / статикалық қалып; уақытқа қарай созылуы / үзіктілігі; ұзақтығы / фазалық / фазалық емес; сандық / аргументтің семантикалық түрлері, бақылауға болатыны / болмайтыны; белсенді / белсенді емес; бағытталуы / бағытталмауы түрлері орын алады (Orazov, 1997: 77).

Етістікті когнитивті аспектіде зерттеушілер – Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев – етістікті сөйлеу жағдаятын жинақтайтын концепт ретінде бағалайды. Өйткені етістікте бірнеше категориалды мағына жинақталып беріледі. Мысалы, “сындыру” етістігі бір нәрсені бұзумен байланысты жағдаятты ассоциациялайды. Ал Н.Н. Болдырев бұл ойды әрі қарай тереңдетіп дамытады. Ғалымның пікірінше, әр етістіктің мағынасы сөйлеу жағдаятына қарай жаңа мағыналарымен толығады. Етістіктің категориалды мағынасы қолданыс үстінде анықталады. Етістік тілдің құрылымында әрекетті де, қозғалысты да білдірмейді. Оның тілдің құрылымындағы қызметі категориалды мәнді жеткізу болып табылады. Категориалды мән деп ғалым етістіктің шынайы өмірдегі бір оқиғаны жинақтап беруін атайды (Boldyrev, 2004: 50-63). Бұл ойды Е.С.Кубрякова да қолдайды: етістік семантикасы жинақталған ақпараттардан құралады. Бұл – кеңістік, уақыт, объект, әрекеттің нәтижесі туралы ақпараттар. Сондықтан етістікті когнитивті тұрғыдан зерттеу үшін оны адамның өмірлік

тәжірибесінің қорытындысы ретінде қарау керек. Е. Кубрякованың пікірінше, етістікті когнитивті аспектіде сипаттау әлем туралы адамның жинақталған білімін анықтау болып табылады (Kubryakov, 1997: 328). Біз де осы пікірді қолдаймыз. Яғни етістік адам тәжірибесінің негізінде жинақталған білімді жеткізуші әрі жинақтаушы категория болып табылады.

Когнитивті лингвистикада адам танымындағы білім қоры құрылымдық сипатқа ие деп танылады. Білім қоры жекелеген фреймдерге бөлінеді. Ч. Филлмор фреймдерге мағына және жүйе тән екенін байқап, фреймдік семантика ұғымын енгізді. Фреймдік семантика теориясы танымда концептуализацияланған білімді-концептіні өзара байланысты құрылымдарға фреймдерге бөледі (Fillmor, 1983: 320). Фрейм – сөйлеу жағдаяттарының жиі қайталануы негізінде сұрыпталған, анықталған білімнің бөлшегі. Фрейм түрлері мен жүйесі адам танымында когнитивті модель түрлерін қалыптастырады. Сөйлеу жағдаяттарының жиі қайталануы, кездесуі адам танымында жағдаяттар туралы тұрақты білім қорын сұрыптап, құрылымға жинақтайды. Адам танымындағы білім қорын – концептіні модельдеу үшін Ж. Фоконье ментальді кеңістік ұғымын пайдаланған (Kovalchuk, 2011: 100). Ғалымның пікірінше тілдік семантиканы когнитивті аспектіде, яғни таным үдерісіне тән заңдылықтарсыз зерттеуге болмайды. Сөйлем мазмұнында сөздердің лексикалық мағынасынан тыс түсіну үдерісін жүзеге асыратын мол ақпарат имплицитті түрде беріледі. Сөйлесімді түсіну дегеніміз менталды кеңістікте орындалып жататын когнитивті үдерістің нәтижесі. Сондықтан ғалым сөйлеумен байланысты түсіну процесінің қалай жүзеге асатынын модельдеу үшін ментальды кеңістік ұғымын қолданады. Ментальді кеңістік когнитивті үдерісті модельдеуге, сөйлем мазмұнында эксплицитті және имплицитті түрде берілген ақпаратты табуға, жіктеуге көмектеседі. Ментальді кеңістік – адамның танымындағы белгілі бір сөйлеу жағдаяттарымен байланысты қалыптасқан білім қоры – концептінің ішкі мазмұндық құрылымын модельдеу алаңы болып табылады.

Етістік семантикасын ментальды кеңістік, фреймдік семантика ұғымынсыз ашу мүмкін емес. Мысалы, “бар” етістігінің семантикалық құрылымын түсіндіру үшін ментальды кеңістік моделін пайдаланып көрейік: S – субъект (әрекет иесі адам) O – объектіге белгілі бір орында белгілі бір уақытта, белгілі бір мақсатпен, өзі не басқа құралдың көмегімен баруы мүмкін. Бұл

– “бар” етістігімен байланысты адам танымында қалыптасқан белгілі бір сценарий – білім қоры. Бұл – “бар” етістігінің ментальді кеңістікте анықталған базалық мағынасы. Адамның танымында “бар” етістігімен байланысты туындайтын семантикалық ассоциациялық өрісті құрсақ, мынадай ақпараттар туындайды: әрекеттік өту сипаты (*жүгіріп бару, асығып бару, аяғын тез басып бару*); шынайы өмірде бұл әрекеттің орын алуына ықпал еткен, қауазия болған екінші бір әрекеттер болуы мүмкін (*соны естіп барды, соны білейін деп барды*); бұл әрекетпен қатар екінші көмекші әрекет бір мезгілде өтуі мүмкін (*үйіне дейін музыка тыңдап бару; ойланып бару*).

Ментальды кеңістікте туындаған семантикалық ассоциациялар адамның танымында қозғалыс түрімен байланысты концептуализацияланған білімінің күрделі құрылымын ашты.

Тіл адамның осы білім қорын беру үшін көсемше формаларын қолданды. Демек көсемше процессуалды жағдаят туралы білімнің концептуалды құрылымын детальді бейнелейтін тілдік форма болып табылады.

Көсемше формасындағы етістіктер – әрекеттің шынайы өмірде өтуімен байланысты адам танымында қалыптасқан концептуалды сценарийлердің бейнесі. Концептуалды өйткені етістік сөйлеу жағдаятын бейнелейді. Етістіктің міндеттеуші лексика-семантикалық тобын когнитивті аспектіде зерттеген А.М. Плотникова концептуалды сценарийге негізделетінін анықтайды (Plotnikova, 2009). Сөйлеу жағдаяты туралы білім қалыптасқан сценарий бойынша құрылымданады, бұл құрылымдар жалпылық сипатқа ие болады да, тіл құрылымында грамматикалық категорияларды қалыптастырады. Тілдік бірліктердің семантикасын зерттеу арқылы адам танымында қалыптасқан концептілердің мазмұнын (әлем туралы білім жиынтығын) анықтауға болады. Сонымен когнитивті грамматикада қабылданған негізгі ұғым-түсініктер қатарына жасалған шолу негізінде зерттеуде басшылыққа алатын мына ұстанымдар қатары анықталды:

1) етістік – адам танымының нәтижесі. Демек онымен байланысты қалыптасатын категориялар да таным үдерісінің нәтижесі болып табылады. Көсемше негізгі әрекетпен байланысты қосымша ақпаратты жеткізетін грамматикалық категория болып табылады. Көсемше мен негізгі етістік арасындағы семантикалық байланыс түрін анықтау үшін етістіктің лексика-семантикалық мағынасы негізге алынуы керек;

2) етістік – процессуалды – жағдаят туралы адам танымында концептуализацияланған білімнің тілдегі көрінісі. Білім іштей құрылымдық бөлшектерге – фреймдерге бөлінеді.

3) етістік арқылы пропозиция беріледі. Сондықтан етістік шақтық, жақтық, қимылдың өту сипаты, модальдік сияқты семантикалық компоненттерден құралады.

Эксперимент

Зерттеуде көсемше қызметі етістіктің грамматикалық категориясы ретінде субъектілік (жақтық), мезгілдік (шақтық), пропозициялық (негізгі немесе көмекші) белгілердің қатысы және негізгі етістікпен мағыналық байланысына қарай талданады.

Тілдік материалдар Алматы қазақ тілі корпусынан (АҚТК) жинақталды. Көсемшенің жай сөйлемдегі қызметтері сөйлемді ұйымдастырушы етістік арқылы анықталды. Етістік түрлері сөздік қорды құраушы бір буынды етістіктер мен қазақ тілін жиілік сөздігі негізінде анықталған қазақ тілін оқытудың лексикалық минимумында (ЛМ) кездесу жиілігіне қарай іріктелген етістіктер қатарынан алынды.

Зерттеу мақсатына сай етістіктің лексика-семантикалық топтарын құрастырушы тірек етістік – лексемалардың корпуста кездесу жиілігі көрсетілді. Етістіктің лексика – семантикалық топтарын анықтауда М.Болатовтың жіктелімі басшылыққа алынды (Boлатov, 1984).

Семантикалық талдау негізгі предикатқа тәуелді мағыналық байланыстарды анықтау бағытында жүргізілді. Негізгі етістіктің түрі (жақша ішіндегі корпуста кездеу жиілігі көрсетілді) лексика-семантикалық тобына қарай анықталды. Негізгі етістік кездескен сөйлемдерден көсемше оралымды сөйлемдер іріктеліп, олардың негізгі предикатпен мағыналық байланысы анықталды.

Қозғалыс етістіктері лексика-семантикалық тобы:

4) бару (261) туралап / бастап / түрегеліп / көшіп / ырғып / ала / жетелей / жақындап / жетіп / басына көтеріп / жүгіріп / кіріп / тақап / қайтып / кете / қуып / суырылып шығып / тастап / еске түсіп / шапанын жамылып / етегінен ұстап / ертіп / таяп / алып / ақырын басып

5) кел (1415) ертіп / іліп алып / шаршап / ән салып /

Сөйлеу етістігі лексика-семантикалық тобы:

6) сөйлеу (109) айтып / жақаурата / іш тарта / ызбарлана / тістене / күрсіне / көкжиекке

қарай / қайта / қарай отырып / басыншайқап / мұқата / гүмпілдеп / орағыта / күмілжи / кеміте / ақтарыла / шаршай / мардымси / келте / дауысын ақырындата / бұйыра / көтеріле / аңғарта / ойлана / сыбырлай / жұлқынып / былдырақтап / өзін өзі тежей /

Сезіну етістіктері лексика-семантикалық тобы:

7) қара (491 үлгі) – еңсеріле / маңғаздана / қадала / жасырмай / шын екенін біле алмай / қобалжи / бұрылып / ентелей / сынай / таңырқай / мойнын созып / сынай / түйіле / ойлана / қадала / қолымен сипап күле / барлап / тұнжырап / шолып / қызына / алая / ежірейе / үңіліп / алақтап / ожырая / елендей / сұқтана / мысқылдай / күлімсирей / тесіле / қадала / еңсеріле / таңдана / бетін ашып / аңырая / сескене / алара / шаншылып / шошына / сүйсіне / жасқана / қауіптеніп / шалқалай / тыржита / еркелей / жеркене / жұлып алып / тіктене / мойнын созып / ойлана / жаудырап / үміттеніп / мөлдірей / зілденіп / төсекке созылып / көзін төңкере / көзін тоқтатып / қынжыла /

8) күлу (241) – сақылдап / қарқылдап / сықылықтап / қымсына / естігендей болып / жарқылдай / рақаттанып / кекете / жымысып / зорлана / мысқылдай / есіней / айтып қоймағанына / қарап / басын шайқап / езу тартып / әжуалап /

Әрекет етістіктері лексика-семантикалық тобы:

9) көшу – шынжырлап / ала / бөлініп /

10) жасау (170) – қадам жасау / сақтық жасау / бейнелемей / аударма жасау / пайымдау жасады /

11) ойнау (9) – лақтырысып / су шашып / сабаллап /

12) ұшу (51) жылжып тұрып, жер бауырлап, қырындап / қырындап барып / шыр етіп

13) оқу (72) – жабыла, тесіле, күңіреніп / окопта отырып /

14) ауыру (11) сыздап / ішіп / назары түсіп

15) кию (15) жөндеп / сұрап / жалп еткізіп / тымақ қып

16) дем алу (121) ертерек жатып / тынығып / ерні ашылып / аяғын айқастырып / екі бүйірі солқылдап / шай ішіп /

17) ішу (23) тойып / тамақ істеп / қытырлатып / сарқып / бағлан жеп, қымыз ішіп / әңгіме айтып / тыңдап / асығып / қолға ала / отыра қап / су құйып / қаңсып / салдырлатып / шалқайып отырып /

18) жаз (107) – кісі жіберіп / шам жағып / жәрдем сұрап / сүйкектетіп / деп жазды / айтып / ренжіп / бағалап / бастап / сипаттап /

Қалып етістіктері семантикалық тобы:

19) отырып (1263) – мойындай ~ айтып салу / ескере отырып – жетілдіру; өзгерте отырып қолдану / ақылдаса отырып шешу / ескере отырып қолдану / қарап отырып қайталау / дамыта отырып тетігіне айналу / жүре отырып ~ келу / ығыстыра ~ отырып тәртіп орнату / сөз қуып отырып ~ ұмыту.

Нәтиже, талқы. Етістіктердің концептуалды фреймдік сценарийлерін талдау (*етістіктің когнитивті моделі*):

1) **“бару”** – қозғалыс етістігінің базалық семантикасы кеңістіктегі объектінің / субъектінің бір бағытта орын ауыстыруы: 1) қозғалыстың бағыты, баратын орны бар. Өту барысында қозғалыс бағытының сақталуы не өзгеруі мүмкін. Сонымен байланысты “бару” етістігінің семантикасында бағыттық компонент негізгі болып табылады (*туралап, тікелей, бұрылып, кері қайтып*); 2) “бару” қозғалысы әртүрлі динамикада (жылдамдықта) өтеді (*ырғып / ала / жетелей / жақындап / жетіп / басына көтеріп / жүзіріп / кіріп / тақап / қайтып / кете / қуып / суырылып*); 3) “бару” қозғалысын туғызған себептер, қозғалыс мақсаты болады (*қайтып / кете / қуып / суырылып шығып / тастап / еске түсіп*); 4) “бару” етістігімен бірге екінші бір әрекеттер қатар іске асуы мүмкін (*шапанын жамылып / етегінен ұстап / ертіп*). Тілдік талдау “бару” етістігінің әрекетті білдіретін сабақты етістіктермен қимыл – сын мағыналық байланысқа түсетінін анықтады. “Бару” етістігінің концептуалды фреймдік сценарийін модельдеу оның лексикалық мағынасын құрайтын негізгі семантикалық компоненттерді анықтады. Сол арқылы көсемше оралымдардың қызметі мен мағынасы нақтыланды. Көсемше қозғалыс етістігімен байланысты қалыптасқан білім қорын – фреймдерді жеткізуші қызметін атқарды.

2) **“күлу”** – сезім етістігі. Базалық семантикасы адамның жағымды сезімін беру. 1) күлу-әрекетінің қозғаушы негізі болады: *айтып қоймағанына, әжуалап*; 2) күлу әрекеті әртүрлі сипатта өтеді: жайраңдап күлу – жайраңдау күлу етістігінің бір көрінісі. Көсемшежеке пропозицияны жеткізіп тұрған жоқ, жаңа қимылды атап тұрған жоқ. “Күлу” етістігін өту сипатына қарай жайраңдау деп те ауыстыруға болады: *Ол ауыр жүктен құтылғандай болып жайраңдады. Күлу әрекетінің (сезімнің реңкін жеткізіп тұр)*. Екі етістік те бір әрекетті атап тұрғандықтан, арасында сөз салып, сөйлемдегі позицияларын өзгертуге болмайды 3) күлу әрекеті әртүрлі сипатта өтеді: *сақылдап / қарқылдап / сықылықтап / қымсына / естігендей болып*

/ жарқылдай / рақаттанып / кекете / жымылып /. Бұл етістіктер күлу етістігінің әртүрлі сөйлеу жағдаяттарындағы дифференциациялық көріністері болып табылады. Инварианттық мағынаға күлу етістігі ие; 4) күлу әрекетімен қатар өтетін әрекеттер: *есіней / қарап / басын шайқап / езу тартып*

3) **“қуану”** – 1) әрекетті туғызатын түрткі себеп бар. 2) қуануды дәрежелерге бөліп сипаттауға болады: қатты қуану, жүрегі жарылып қуану, шалқып қуану; 3) қуанумен қатар қабаттасатын көмекші әрекеттер бар: сөйлеп қуану, айқалап қуану, 4) “қуану” әрекетіне созылмалы сипат тән: *мәз болып қуанды, көңілі көтеріліп қуанды. Қуану, мәз болу, көңілі көтерілу* синонимдері әрекеттің өту динамикасын көрсетеді.

Қуану етістігінің концептуалды сценарийінде көсемше арқылы қосымша қабаттасатын әрекеттер, әрекеттің өту динамикасын сипаттайтын синоним етістіктер және ең бастысы қуану процесін туғызған, себеп – етістіктер беріледі.

4) **“нұсқау”** – негізгі етістік. Нұсқау бір объектіге бағытталады. Оны орындаушы субъект және бұл әрекеттің адресаты бар. Нұсқау етістігі ым-ишарамен берілген ақпаратты жеткізеді. Сөйлеу жағдаятына қарай ол әртүрлі сипатта өтуі мүмкін. Нұсқау етістігі бірнеше пропозицияны жеткізеді. Ол бір әрекет орын алғаннан кейінгі нәтижені білдіреді. Нұсқау ым-ишараны атайтындықтан, адамның сезім қалпыны тәуелді әртүрлі сипатта өтуі мүмкін.

5) **“жүру”** етістігімен байланысты ассоциативті өріс семантикасы ментальды кеңістікте қалыптасқан мына мағыналарды анықтады: 1) бағыты бар қозғалыс. Адам бір бағытқа қарай жүреді. “Жүру” етістігінің семантикасында кеңістік компоненті болады; 2) “жүру” құралдар арқылы не жаяу іске асады. 3) жүру жылдамдығы бар. Ол уақытпен байланысты, өту барысымен байланысты: *тез жүру, шапшаң жүру, жылдам жүру, баяу жүру*; 4) “жүру” қозғалысы адамның әртүрлі қимылымен қабаттасады (*шайқатылып, теңселіп, тербетіліп, шалдығып, екпіндеп*); 5) “жүру” адамға ұнауы мүмкін, ұнамауы мүмкін (*шаршап, жалығып, ренжіп, ашуланып, қуанып жүруі*). Яғни жүруші адамның оған көзқарасын анықтауға болады.

6) “жүру” бір нәтижеге әкелуі мүмкін (адам бағытталаған орынға жетуі, адасуы, біреуге не бір нәрсеге кездесуі мүмкін). 7) “жүру” әртүрлі әрекеттермен қабаттасуы мүмкін: *әнгіме айту, тағам жеу, музыка тыңдау және т.б.* 8) “жүру”

– адам басқа адамдармен бірге, бөлек, қосылмай жүруі мүмкін.

“Жүру” етістігінің концептуалды сценарийі: адам белгілі бір бағытта қозғалады, кеңістіктегі орны өзгертеді. Жүру қозғалысын тудырған себеп не нақты мақсат болады. “Жүру” қозғалысы басқа әрекет түрімен қабаттаса жүреді. Жүру әртүрлі жылдамдықта, әртүрлі психикалық күйде өтеді. Жүру кеңістікпен байланысты орынмен байланысты іске асады: ашық орында, жабық мекенде (далада, жолда, үйде және т.б.)

“Жүру” етістігінің концептуалды сценарийінде көсемшенің қолданысына назар аударайық. Негізгі әрекетпен қабаттасатын қосымша әрекеттерді сипаттау, негізгі әрекетпен байланысты адамның психикалық қалпын суреттеу, негізгі әрекетке қатысты адамның көзқарасы, бағасын беру. Негізгі әрекетпен қосымша жүретін әрекеттер бір уақытта іске асады

7) “сөйлеу” етістігінің ментальді кеңістікте қалыптасқан мағыналары: 1) сөйлеу орналатын орын – жағдаят бар 2) сөздің адресаты бар, адресатына қарай сөзді айту реңкі өзгереді; 3) сөз мақсаты – сөйлеу интенциясы бар; 4) адресанттың (сөз иесінің) сөзді айту кезіндегі әртүрлі психикалық қалпы сөйлеуге әсер етеді; 5) сөйлеу әрекеті оны тудырған шарттар мен сөйлеу мақсатына қарай әртүрлі динамикада (жылдамдықта), сөйлеуші адамның түрлі қозғалысының, дене қимылын туғызады, олар

негізгі әрекетпен қатар бірізгілікте өтеді.

8) “жасау” – сабақты етістік, жалпы бір әрекетпен айналысу деген жалпы мағынаға ие. Әрекет объектісімен тіркесіп, оған қимыл мағынасын үстейді: 1) шабуыл жасау (шабуылдау, ұсыныс жасау, баяндама жасау, ескертпе жасау, сауда жасау); 2) әрекетті орындаушы субъект, 3) әрекетнісаны объект, 4) әрекеттің бағыты (адресаты) бар; 5) әрекет уақытта, кеңістікте орын алады.

9) “ойнау” – 1) әрекет кеңістікте орын алады; 2) әрекет құралы бар; 3) әрекеттің өту динамикасы бар; 4) өту сипаты бар; 5) субъектінің әрекетке көзқарасы бар (ұнауы / ұнамайды)

Семантикалық талдау көсемше оралымның негізгі етістікке қатысты 4 семантикалық байланысын анықтады:

- көсемше негізгі етістікке қосымша қабаттасатын әрекетті атайды;
- көсемше негізгі әрекеттің өту динамикасын сипаттайды
- көсемше негізгі әрекетті тудырушы себеп-әрекетті білдіреді
- көсемше сөйлеушінің не бақылаушының негізгі әрекетке көзқарасын, бағасын жеткізеді.

Көсемше етістіктің барлық семантикалық топтарымен тіркеседі. Етістіктердің концептуалды фреймдік-сценарийіне семантикалық талдау жасау негізінде көсемше оралым мен негізгі етістік арасындағы семантикалық байланыс түрлері төмендегіше топтастырылды:

1-кесте

Негізгі етістік (лст)	Әрекеттің өту сипаты (көсемше оралым)		Қатар өтетін әрекеттер (мезгілдік арақатынас)	
	Әрекет иесінің психикалық қалпы	Әрекеттің өту динамикасы (екінші әрекеттің аясында)	Бір мезгілдік	Әр мезгілдік
Әрекет етістіктер лст	18%	82%	77%	23%
Сезім етістіктері Лст (күлу)	78%	22%	-	-
Көңіл күй етістігі лст	66%	21%	-	14,2%
Қалып етістіктері лст (жүр)	15%	-	85%	-
Қозғалыс етістігі лст(бар)	27%	50%	22,7%	-
Сөйлеу лст	48%	37%	14%(отыр,жатыр)	-
Көру етістігі	64,7%	18%	17% (отыр, жатыр)	-

Талқылау қорытындысы

Көсемше оралымдардың қызметін сөйлемдегі негізгі етістіктің семантикасымен байла-

ныста алып қарау керек. Негізгі етістікті адам танымының нәтижесі ретінде бағалап,оның семантикалық құрылымын фреймдер түрінде анықтау – когнитивті модельдеу – көсемше

оралымның сөйлемдегі қызметін, мағынасын дәл анықтауға көмектеседі.

Көсемше – адам танымындағы танылған, қайталанатын әрекет, процестердің өзара байланысы туралы білімнің концептуализациялануы. Адам объективті өмірде қайталанатын әрекет түрлерін таниды, ол туралы білім қорын қалыптастырады. Көсемшенің бірде негізгі әрекетпен қатар өтетін қосымша әрекетті атауы немесе сипаттауы, қатар әрекеттерді жеткізуі сөйлемдегі басты пропозицияны жеткізуші негізгі етістікке тәуелді. Екі етістік арасындағы семантикалық байланыс түрлері негізгі етістіктің когнитивті моделін құраушы фреймдерге тәуелді. Көсемше туралы ғылыми зерттеулерде көсемшенің мағыналық байланысы негізгі етістікке байланысты екені айтылса да, зерттеушілер көсемше формасындағы етістікке назар аударды (Үемназарова, 1994: 15-21). Ал оның тәуелді сипаты мен негізгі етістіктің семантикалық құрылымы арасындағы байланыс талдана бермеді. Мақалада бірінші рет негізгі етістіктің когнитивті моделіне талдау жасалып, көсемшенің қызметі негізгі етістіктің салыстыру, бейнелеу, идентификациялау, бағалау

фреймдерімен байланысты екені фреймдік семантика теориясы негізінде анықталды.

Көсемше оралымдар негізгі етістік арқылы берілетін әрекеттің өтуі сипатын, динамикасын, сөйлеушінің әрекет туралы бағасын жеткізеді. Сонымен байланысты көсемше оралым қызметінде көңіл күй, сезім етістіктері, әрекеттің өту жылдамдығын, әрекет иесінің кеңістіктегі қалпын, реңкін (динамикасын) білдіретін етістіктердің лексика-семантикалық тобы жиі кездеседі. Ал негізгі әрекетпен қатар өтетін екінші бір қимыл әрекеттер отыр, тұр, жат, жүр қалып етістіктерінің тіркесуі арқылы беріледі.

Қазақ тілін екінші тіл ретінде оқыту үдерісінде көсемше оралымдардың қызметі мен түрлерін меңгеруді негізгі етістіктің семантикасымен байланыстыру керек. Негізгі әрекетті сипаттайтын көмекші әрекеттерді жеткізетін (жоғарыда келтірілген материалдар негізінде) етістіктер тізімін анықтап, коммуникацияда кездесу жиілігіне қарай белсенді түрлерін саралау керек. Тілді оқыту үшін тілдік білімнің мазмұнын дұрыс анықтап алу – лингводидактиканы жолға қою өте маңызды.

Әдебиеттер

- Алматы қазақ тілі корпусы. http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=kz
- Абдурахманов Ғ. Синтаксис осложненного предложения // Структура истории тюркских языков. – М.: Наука, 1971. – С. 138-148.
- Баскаков Н.А. Деепричастие и его синтаксические функции в тюркских языках юго-западной группы // Труды института языка и литературы АН ТуркССР. – Ашхабад. – 1959. – Вып. 3. – С. 5-18.
- Бертагаев Т.А. Грамматика бурятского языка. – М.: Изд-во Вост. лит., 1962. – С. 3-24.
- Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категории // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. – М., 2000. – С. 50-63.
- Гаджиева Н.З., Серебрянников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. – М., 1986. – 283 с.
- Гаджиева Н.З., Серебрянников Б.А. Сравнительно-типологическая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., Наука, 1988. – 557 с.
- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – Л.: Изд-во Восточн.литр-ры. – М.-Л., 1948. – 276 с.
- Есенов Қ.М. Қазақ тіліндегі күрделенген сөйлемдер. – Алматы: Ғылым, 1974. – 197 б.
- Ковальчук Л.П. Теория концептуальной интеграции Ж.Фоконье и М.Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 1 (8). – С. 97-101.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – Тамбов, 1997. – 328 с.
- Нартыев. Строй сложного предложения в современном туркменском языке. – Ашхабад: Ылым, 1988. – 202 с.
- Невская Т.М. Деепричастие на -н как компонент осложненного и сложного предложения в шорском языке: автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1990. – 21 с.
- Недялков В.П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. – М.: Наука, 1990.
- Оразов М. Қазақ тілінің семантикасы. – Алматы: Рауан, 1981.
- Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола. – Екатеринбург: АДД, 2009.
- Сауранбаев Н.Т. Семантика и функция деепричастия в казахском языке. – Алма-Ата: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 60-69.
- Серебрянников А.П. Принципы составления описательных грамматик / Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. – Нальчик, 1963. – С. 21-42.
- Турсунов А. Деепричастие в современном киргизском языке: автореф. канд. дисс. – Фрунзе, 1958. – 21 с.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – 1988. – 320 с.

Черемисина М.И. Монон субъектные конструкции. Понятие и типология / Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. – 1980. – С. 6-33.

References

Abdurahmanov G. (1971), Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya. Structura i istoriya tyurkskih yazikov [Compound sentence syntax / Structure and history of Turkic languages], Nauka, pp.138-148. Moscow. (in Russian).

Almaty Kazak tyly korpusy [Almaty Kazakh language corps]. http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=kz (in Kazakh).

Baskakov N.A. (1959) Deeprichastie i ego sintaksicheskie funkicii v tyurkskih yazykah yugo-zapadnoi gruppy [The participle and its syntactic functions in the Turkic language of the southwestern group], Proceedings of the Institute of Language and Literature, AN Turk. SSR, pp. 5-18. Ashgabat. (in Russian).

Bertagayev T.A. (1962) Grammatika Buryatskogo yazyka, Vostochnaya Literatura, pp. 3-24, Moscow. (in Russian).

Boldyrev N.N. (2000) Kognitivnui podgod k izucheniyu glagola I glagolnyh kategorii. Tradicionnye problem yazykoznanija v svete nobyh paradigm znaniya [Cognitive approach to the study of the verb and verb categories. Traditional problems of linguistics in the light of new paradigms of knowledge], pp. 50-63. Moscow. (in Russian).

Cheremisina M.I. (1980), Monosub'ektnaya konstrukciya. Ponyatie I tipologiya. Polypredicativnye konstrukcii I ih morfolo-gicheskaya baza [Monounsaturated constructions. Concept and typology. Polypredictive constructions and their morphological base], Novosibirsk: Nauka, pp. 6-33, Novosibirsk. (in Russian).

Dmitriyev N.K. (1948), Grammatika bashkirskogo yazika [Grammar of Bashkir Language], Publishing House of Oriental Literature, pp. 276. Moscow. (in Russian).

Fillmor Ch. (1988), Freimy I semantika ponimaniya. Novoe v zarubezhnoi lingvistike [Frames and semantics of understanding. New in foreign linguistics], pp. 320. (in Russian).

Gadzhiev N.Z., Serebryannikov B.A. (1986), Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazikov [Comparative historical grammar of Turkic languages], Sinkatsis, pp. 283. Moscow. (in Russian).

Kovalchuk L.P. (2011), Teoriya kontseptyalnoi integratsii J. Fokone i M. Ternera [The theory of conceptual integration of J. Fauconnier and M. Turner] Philological sciences, Questions of theory and practice, pp. 97-101. Tambov. (in Russian).

Kubryakova E.S. (1997) Chasty rechi s kognitivnoi toxhki zreniya [Parts of speech from a cognitive point of view], pp. 328. Tambov. (in Russian).

Nartiyeu (1988), Sroy slozhnogo predlozheniya v sovremennom turkmenskom yazike [The structure of a complex sentence in modern Turkmen language], Ylym, pp.22. Ashgabat. (in Russian).

Nevskaya V.M. (1990), Deeprichastiya na –p, kak component oslozhnennogo i slozhnogo predlozheniya v shorskoy yazike: avtoref. kand. diss. [The participle in -p as a component of a complicated and complex sentence in the Shor language: Avtoreferat. PhD thesis], pp. 21. Alma-Ata. (in Russian).

Nedelkov V.P. (1990), Osnovnye tipy deeprichastii. Tipologiya I grammatika [The main types of participles. Typology and Grammar], Nauka. Moscow. (in Russian).

Orazov M. (1981) Kazak tylynin semantikasi [Semantics of the Kazakh language], Rauan. (in Kazakh).

Plotnikova A.M. (2009), Kognitivnoe modelirovanie semantiki glagola [Cognitive modeling of the semantics of the verb], ADD. Yekaterinburg (in Russian).

Serebryannikov A.P. (1963), Principy sostavleniya opisatel'nyh grammatyk / Voprosy opysatel'nyh grammatyk yazykov Severnogo Kavkaza i Dagestana [Principles of compiling descriptive grammars / Questions of descriptive grammars of the languages of the North Caucasus and Dagestan], (p.21-42). Nalnik. (in Russian).

Sauranbayev N.T. (1948), Semantika I funkciya deeprichastiya v kazakhskom yazike [Semantics and function of the participle in the Kazakh language], AN USSR Publishing House, pp. 69. Alma-Ata. (in Russian).

Sravnitelno-tipologicheskaya grammatika tyurkskih yazikov. Morfologiya [Comparative typological grammar of Turkic languages. Morphology], Nauka, pp. 557. Moscow. (in Russian).

Tursunov A. (1958), Deeprichastie v sovremennom kyrgyzskom yazike: avtoref. kand. diss. [The participle in the modern Kyrgyz language: avtoreferat. PhD thesis], pp. 21. Frunze. (in Russian).

Yessenov K.M. (1974), Kazak tylyndegi kurdelengen soilemder. [Complex sentences in the Kazakh language], Gylym, pp.197. (in Kazakh).

МНРТИ 16.01.07

<https://doi.org/10.26577/EJPh.2020.v180.i4.ph29>Ли Дуо* , Ф.М. Ержанова

Казахский национальный педагогический университет
имени Абая, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: li.duo@mail.ru

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОРОТКИХ ВИДЕО

В настоящее время рост интереса китайских студентов к изучению русского языка требует поиска новых, более эффективных и отвечающих потребностям современных молодых людей методов обучения. В статье утверждается, что с развитием новых медиа появляются новые форматы видео, к числу которых относятся короткие видео. Особенностью данного формата видео является ограниченность по времени, что обуславливает высокую концентрацию информации в рамках отдельного видеоролика. Отмечается, что решение проблемы повышения эффективности обучения РКИ требует поиска новых более результативных методик преподавания. Одной из таких методик преподавания является аудиовизуальный метод, основанный на использовании технологии коротких видео. Используя методы наукометрического анализа и контент-анализа, в статье были определены преимущества использования коротких видео на занятиях РКИ, выделены основные их виды. Разработанная методика проведения занятия с использованием коротких видео была апробирована в Китае, в итоге было выявлено, что использование коротких видео на занятиях РКИ позволяет повысить результативность занятий. По результатам исследования автор отмечает, что наиболее перспективна разработка серий коротких видео с сопровождающими методическими материалами для обучения китайских студентов русскому языку и заданиями и упражнениями по каждой изучаемой теме.

Ключевые слова: интерактивные технологии, методика РКИ, китайская аудитория, короткие видео, TikTok.

Li Duo, F. M. Yezhanova

Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty,
*e-mail: li.duo@mail.ru

Development of a methodology for teaching RFL using short videos

Currently, the growing interest of Chinese students in the study of the Russian language requires the search for new teaching methods that are more effective and meet the needs of modern young people. The article argues that with the development of new media, new video formats are emerging, including short videos. A feature of this video format is its limited time, which leads to a high concentration of information within a single video clip. It is noted that solving the problem of increasing the effectiveness of teaching RFL requires the search for new, more effective teaching methods. One of these teaching methods is the audiovisual method based on the use of short video technology. Using the methods of scientometric analysis and content analysis, the article identifies the advantages of using short videos in RFL lessons, and highlights their main types. The developed methodology for conducting a lesson using short videos was tested in China and it was found that the use of short videos in RFL lessons can improve the effectiveness of lessons. According to the results of the study, the author notes that it is promising to develop a series of short videos with accompanying teaching materials for teaching Chinese students the Russian language, and the content of the assignment and exercises on each topic studied.

Key words: Interactive technologies, RFL methodology, Chinese audience, short videos, TikTok.

Ли Дуо*, Ф. М. Ержанова

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
*e-mail: li.duo@mail.ru

Қысқа бейнематериалдарды қолдану арқылы RFL-ді оқыту әдістемесін әзірлеу

Қазіргі кезде қытай студенттерінің орыс тілін үйренуге деген қызығушылығының артуы қазіргі жастардың қажеттіліктеріне жауап беретін оқытудың жаңа, тиімді әдістерін іздеуді қажет етеді. Мақалада жаңа медианың дамуымен бірге жаңа бейнематериалдар, соның ішінде қысқа

бейнелер пайда болып жатқандығы айтылады. Бұл бейне форматтың ерекшелігі – оның шектеулі уақыты, бұл бір бейне клип ішінде ақпараттың жоғары шоғырлануына әкеледі. RFL оқытудың тиімділігін арттыру мәселесін шешу оқытудың жаңа, неғұрлым тиімді әдістерін іздеуді қажет ететіндігі атап өтілген. Осы оқыту әдістерінің бірі – қысқа бейне технологиясын қолдануға негізделген аудиовизуалды әдіс. Мақала ғылыми-метрикалық талдау және контент-анализ әдістерін қолдана отырып, RFL сабақтарында қысқа бейнелерді қолданудың артықшылықтарын анықтап, олардың негізгі түрлеріне тоқталды. Қысқа бейнематериалдарды қолдана отырып сабақ өткізудің әзірленген әдістемесі Қытайда сынақтан өтті және RFL сабақтарында қысқа бейнелерді қолдану сабақтың тиімділігін арттыра алатындығы анықталды. Зерттеу нәтижелері бойынша авторлар қытай студенттеріне орыс тілін оқытуға арналған ілеспе оқу материалдары бар қысқаша бейнероликтер топтамасын және келесілердің әрқайсысы бойынша берілген тапсырма мен жаттығулардың мазмұнын әзірлеудің келешегі зор екендігін атап өтті.

Түйін сөздер: интерактивті технологиялар, RFL әдіснамасы, қытай аудиториясы, қысқа бейнелер, TikTok.

Введение

Одной из целей современных подходов к обучению РКИ выступает поиск наиболее эффективных методов преподавания. К настоящему времени многие исследователи, среди которых Э.Г. Азимов (Азимов, 2012), В.П. Синячкин (Синячкин, 2008) обратили внимание на высокую результативность применения информационно-коммуникационных технологий в преподавании русского языка.

Идея перехода от объяснительной и иллюстративной педагогики к структурно новому направлению в теории обучения служит стимулом для внедрения визуализации в образовательный процесс. В результате внедрения визуализации создается образовательная среда, которая считается более комфортной в психологическом отношении и безопасной для обучаемого. В этой связи проблема модернизации преподавания гуманитарных дисциплин может быть решена путем создания простой, надежной и эффективной модели взаимодействия учителя, обучаемых, изучаемой темы и предметов. Для реализации этой проблемы был рассмотрен комплекс дидактических средств, представляющих систему, в которую включены визуальные средства. Это помогает обобщить и запомнить изученный материал, способствуя его более длительному сохранению в памяти и легкому воспроизведению.

Согласно данным ЮНЕСКО, воспринимая информацию на слух, человек способен запомнить 15% речевой информации, визуально – 25% информации, а при использовании аудиовизуального способа передачи информации – 65% (Молочко, 2020).

К настоящему времени тема использования видеоматериалов в учебном процессе и на занятиях РКИ, в частности, была изучена достаточ-

но широко. Н.А. Гриднева и С.М. Владимирова (2018) посвятили свое исследование изучению использования аутентичных видеоматериалов на начальном этапе обучения русскому как иностранному (РКИ) (Гриднева, Владимирова, 2018).

Таким образом, в настоящее время тема использования видеоматериалов на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории является достаточно изученной. Однако, с развитием новых медиа появляются новые форматы видео, к числу которых относятся короткие видео. Особенностью данного формата видео является ограниченность по времени, что обуславливает высокую концентрацию информации в рамках отдельного видео-ролика. В связи с этим, была сформирована научная проблема, требующая решения – разработать подход к обучению РКИ с использованием коротких видео.

Материалы и методы исследования

Изучение аудиовизуальных технологий основано на системном, синергетическом, личностно-ориентированном, интегрированном и технологическом подходах (Pisarenko, Bondarev, 2016).

Апробация разработанной методики была проведена в национальном университете Внутренней Монголии в группе китайских студентов, изучающих русский язык, с 13.07.2020 г. по 15.07.2020 г.

Необходимость проведения эксперимента на кафедре русского языка национального университета Внутренней Монголии обусловлена следующими причинами:

в университете отсутствует возможность погружения студентов в языковую среду, использование видеоматериалов позволяет приобщить

студентов к культуре и познакомить с особенностями быта русского народа;

использование видео повышает мотивацию студентов к изучению русского языка;

видеоматериалы находятся в свободной доступе в сети Интернет;

многие студенты являются пользователями платформ коротких видео.

Методология проведения эксперимента была построена по следующим этапам:

– предварительная оценка уровня знаний студентов;

– проведение занятия;

– оценочный контроль освоения содержания занятия;

– оценка эффективности методики.

По результатам анализа результатов применения разработанной методики были выявлены недостатки и сформулированы рекомендации по дальнейшему использованию методики применения коротких-видео на занятиях по РКИ в китайскоязычной аудитории.

Основная часть

Разрабатываемая методика обучения иностранных студентов русскому языку основана на принципах использования аудиовизуальных технологий при изучении иностранных языков, в соответствии с которыми следует организовать ход учебного процесса.

На основе теоретических положений и анализа практического опыта использования видеoinформации в учебном процессе разработан педагогический алгоритм использования коротких видео при обучении русскому языку в иностранной аудитории, который состоит из этапов, представленных далее:

подготовительный этап (снижение и устранение языковых проблем – устранение лексических и грамматических трудностей, определение цели и задач просмотра коротких видео, поиск видеоматериалов, соответствующих уровню владения студентами);

представление видеoinформации – первичный просмотр; повторный просмотр при необходимости;

после просмотра осуществляется ряд мероприятий, включая контроль понимания, имеющего различные цели и формы; формирование, развитие и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции на основе лексических, грамматических и культурных видеoinформационных содержаний; полный контроль;

актуализация иноязычной коммуникативной компетенции в результате работы с видеoinформацией.

Для осуществления контроля за освоением и пониманием информации, представленной в коротких видео, целесообразно использование заданий и упражнений, направленных на выявление проблем понимания и закрепление информации, представленной в сюжете коротких видео. Интерес представляют задания, разработанные С.В. Масаловой, которые могут быть использованы в методике обучения русскому языку иностранных студентов, основанной на использовании коротких видео (Масалова, 2015).

Важным этапом использования видеоматериалов на занятиях РКИ является отбор материала, обладающего образовательным потенциалом. В рамках статьи был проведен анализ контента платформы TikTok. В результате анализа было обнаружено свыше 200 коротких видео, соответствующих вышеприведенным критериям.

Результаты исследования

В результате исследования была разработана методика проведения занятия на тему “Чем Вы собираетесь сегодня заниматься?” с использованием короткого видео.

Целью занятия является развитие языковой и коммуникативной компетенции, а именно:

– изучение общеупотребительных грамматических конструкций и развитие навыка их использования;

– повторение и закрепление пройденного лексического материала;

– формирование умения эффективного осуществления коммуникации по изучаемой теме.

Занятие рассчитано на проведение в группе студентов, имеющих элементарный уровень владения русским языком.

Занятие состоит из трех частей:

– предпросмотровый этап;

– просмотр видео;

– послепросмотровый этап.

Занятие начинается с приветствия преподавателя и студентов. Необходимо проверить готовность учащихся к занятию, представить тему, которая будет изучена на занятии. Для этого преподаватель записывает на доске дату, вид работы и тему урока. Также преподаватель пишет план урока и определяет задачи, которые необходимо будет решить на занятии.

На первом этапе проводится предтекстовая подготовка, при которой преподаватель исполь-

зует коммуникативный и общедидактический методы обучения. Преподаватель задает вопрос ““Чем Вы собираетесь сегодня заниматься?”, объясняет студентам его смысл и знакомит с грамматической конструкцией ответа: “Сегодня / завтра + я + собираюсь + (глагол.)”. Вместе с базовой конструкцией предлагаются и варианты с использованием разных местоимений: “Сегодня / завтра + мы + собираемся + глаг.”, “Сегодня / завтра + он / она + собирается + глаг.”, “Сегодня / завтра + они + собираются + глаг.”, “Сегодня / завтра ты + собираешься + глаг.”.

Далее преподаватель предлагает варианты ответа на данный вопрос, которые были отобраны из Лексического минимума по русскому языку как иностранному элементарного уровня (Андрюшина, Козлова, 2015): ехать // идти (поеду / пойду куда? домой, в библиотеку, в зоопарк, в институт, в кафе, в кино), есть ..., заниматься (чем?) спортом, русским языком, заниматься (где?) в библиотеке, дома; играть (во что?) в теннис, (на чем?) на гитаре.

Вместе с утвердительной грамматической конструкцией, преподаватель знакомит студентов также с вопросительной и отрицательной конструкциями: “Чем ты собираешься сегодня / завтра заниматься?”, “Чем она собирается сегодня / завтра заниматься?” и так далее; “Сегодня / завтра я не собираюсь (глагол.)”, ““Сегодня / завтра она не собирается (глагол.)” и так далее.

Далее с использованием коммуникативного метода преподаватель предоставляет возможность студентам развить навык использования изучаемой грамматической конструкции. С этой целью студентам предлагается ответить на вопросы: “Чем Вы собираетесь сегодня заниматься?”, “Чем Вы собираетесь заниматься завтра?” и т. д.

По результатам ответов на эти вопросы можно выявить степень понимания студентами правил использования объясняемой грамматической конструкции. Эти вопросы интересны учащимся, они с желанием отвечают на них, развивая коммуникативные навыки, в частности говорение.

Перед просмотром короткого видео необходимым является объяснение значения новых слов, которые встречаются в нем. Для этого был использован национально-ориентированный метод объяснения. Использование данного метода возможно в аудитории, состоящей из носителей одного языка. Поскольку разрабатываемое занятие предназначено для студентов из Китая, неизвестные слова были переведены на китайский язык:

Слово на русском языке	Перевод на китайский язык
Гулять	散步
Выпить (чай)	喝 (茶)
Встретиться с другом (друзьями)	跟朋友 (们) 见面
Провести день в аквапарке	在水上乐园呆一天
Пойти в кино	去电影院
кафе	咖啡厅
Арбат	阿尔巴特街

На этом этапе также важен лингвострановедческий комментарий. Необходимо рассказать студентам об Арбате и Москве. Для этого, студентам может быть представлено видео, продолжительностью 3 мин., в котором девушка прогуливается по Арбату (<https://v.ixigua.com/Jje5qbb/>) комментируемое преподавателем: “Арбат – это улица в центре Москвы. Это улица стала символом Москвы, ее талисманом. Старый Арбат – это одно из главных туристических мест столицы. Он привлекает своей историей и неповторимой атмосферой. Не так много в мире улиц, на которых практически в каждом доме

жили или работали выдающиеся деятели искусства и культуры”.

Далее занятие подходит ко второму этапу: просмотр видео и его понимание на слух. Видео представлено на платформе Tiktok (抖音) и доступно его скачивание по ссылке “Чем вы собираетесь сегодня заняться” (<https://v.douyin.com/Jj17c3s/>). После первого просмотра студентам предлагается повторно просмотреть и восстановить пропущенные в предложенном тексте слова, которые хорошо известны учащимся элементарного уровня владения русским языком:

На третьем этапе занятия могут быть проведены грамматические и диалоговые упражнения.

В качестве грамматических упражнений можно использовать следующие задания.

Задание №1. Образуйте необходимую форму глагола в словосочетаниях в зависимости от местоимения, с которым он используется. Образец:

я собираюсь гулять
ты собираешься гулять
он собирается гулять
мы собираемся гулять
вы собираетесь гулять
они собираются гулять

Словосочетания: я пойду в ресторан, я поеду в кино, я хочу пойти в библиотеку.

Задание №2. Составьте предложения со словами, используя предложенные конструкции, по образцу, приведенному ниже:

Образец: гулять. Завтра я буду гулять.

Слова: играть на гитаре, играть в теннис, идти в зоопарк, идти в институт, заниматься спортом.

Также студентам может быть предложено составить диалоги на основе предложений, полученных в задании №2.

Далее следует заключительный этап урока, на котором проводится подведение итогов урока и выдача домашнего задания. Целью домашнего

задания является закрепление навыка использования изучаемой грамматической конструкции. Могут быть предложены следующие задания:

– составить пять предложений о ваших планах на вечер;

– составить диалог, в котором один из участников задает вопросы, а другой отвечает. Используйте разные временные отрезки, например, сегодня утром, сегодня днем, сегодня вечером, завтра утром и так далее.

Разработанная методика была использована среди студентов первого курса национального университета Внутренней Монголии, изучающих русский язык. Группа студентов включала 30 человек и была поделена на две подгруппы:

– в подгруппе No1 была использована разработанная методика с применением коротких видео;

– в подгруппе No2 короткие видео не были воспроизведены, диалоги зачитывались преподавателем.

По итогам апробации методики в китайскоязычной группе была проведена оценка эффективности ее использования и выявлено, что результативность усвоения нового материала в подгруппе No1 была выше, чем в подгруппе No2 (рисунок 1).

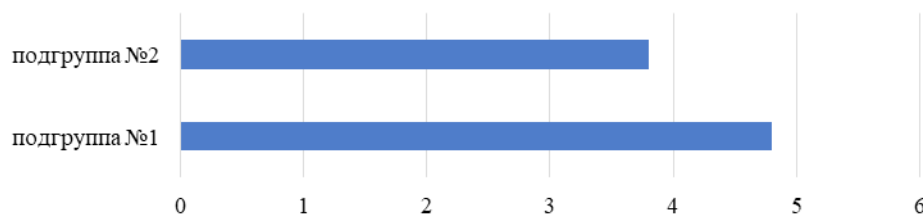

Рисунок 1 – Оценка результативности усвоения нового материала по пятибалльной шкале, балл

Таким образом, подгруппа студентов, в которой была использована аудиовизуальная методика с применением коротких видео, более успешно справилась с усвоением нового материала.

Студентам было предложено самостоятельно оценить результаты развития компетенций по результатам занятия по десятибалльной шкале. Ответы на данный вопрос распределились следующим образом (рисунок 2).

Из рисунка следует, что в группе, где были использованы короткие видео, освоение язы-

ковой, коммуникативной и страноведческой компетенций прошло более эффективно, чем в группе, где короткие видео не применялись. Все это позволяет сделать вывод о том, что использование коротких видео на занятиях позволяет повысить эффективность усвоения знаний и развития компетенций студентов. Это позволяет доказать, что короткие видео обладают образовательным потенциалом и могут быть использованы в качестве учебного материала на занятиях РКИ.

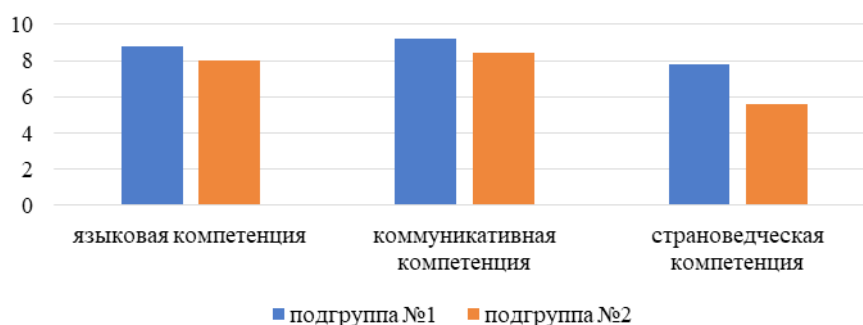

Рисунок 2 – Результаты оценки развития компетенций по итогам проведенных занятий, балл

Заключение

Таким образом, решение проблемы повышения эффективности обучения РКИ требует поиска новых более результативных методик преподавания. Одной из таких методик преподавания является аудиовизуальный метод, основанный на использовании технологии коротких видео.

Полученные в результате исследования выводы позволяют заключить, что поскольку использование технологии коротких видео на занятиях РКИ является эффективным, перспективна разработка серии коротких видео для китайских студентов, а также методического материала для преподавателя с конспектами, содержащими задания и упражнения по каждой изучаемой теме.

Литература

- Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как иностранного: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. – М., 2012.
- Синячкин В.П. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка: учебное пособие. – М., 2008.
- Молочко Н.В. Видео в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bseu.by/russian/scientific/herald/2003/1/030118.pdf> (дата обращения 25.07.2020).
- Гриднева Н.А., Владимирова С.М. Использование аутентичных видеоматериалов на начальном этапе обучения русскому как иностранному (РКИ) Вестник Самарского государственного технического университета // Серия: Психолого-педагогические науки. – 2018. –Т. 3(39). – С. 36-48.
- Pisarenko V., Bondarev M. Infographics Use in Teaching Foreign Languages for Specific Purposes // Recent Patents on Computer Science. – 2016. – No9.
- Масалова С.В. Использование аутентичных видеоматериалов при обучении иностранному языку // Молодой ученый. – 2015. – No15. – С. 48.
- Андрюшина Н.П., Козлова Т.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень // Общее владение. – СПб.: Златоуст, 2015.
- Самчик Н.Н. Использование видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: критерии отбора – Региональный вестник. – 2019. – No11.
- Холодкова М.В. Применение видеоматериалов в процессе обучения РКИ [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2018/yazik_kultura/1/holodkova.pdf (дата обращения 25.07.2020).
- Текутьева И.А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга. – Медиасреда, 2016. No11. – С. 107-113.
- 2019抖音数据报告出炉(完整版) [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/365550915_400753 (дата обращения 25.07.2020).
- Короткова О.Н. По-русски – без акцента!: корректировочный курс русской фонетики и интонации для говорящих на китайском языке. – 5-е изд. – СПб.: Златоуст, 2019. – 192с.
- Битехтина Н.Б., Горбаневская Г.В., Доменко Н.В. и др. Методическая мастерская. Образцы уроков по русскому языку как иностранному. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2020. – 176 с.
- Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – 185 с.
- Балыхина Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного). Методы, приемы, результаты. – М.: Русский язык. Курсы, 2009. – 238 с.

References

- Azimov E.G. (2012). *Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: metodicheskoye posobiye dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo* [Information and communication technologies in teaching Russian as a foreign language: a methodological guide for teachers of Russian as a foreign language] (In Russian)
- Andryushina N.P., Kozlova T.V. (2015). *Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Elementarnyy uroven'*. *Obshcheye vladeniye* [Lexical minimum in Russian as a foreign language. Elementary level. General ownership] Zlatoust, Sankt-Peterburg. (In Russian)
- Bitekhtina N.B., Gorbanevskaya G.V., Domenko N.V. i dr. (2020). *Metodicheskaya masterskaya. Obraztsy urokov po russkomu yazyku kak inostrannomu*. [Samples of lessons in Russian as a foreign language] 4 ye izd., stereotip. Russkiy yazyk. Kursy, 176 p. (In Russian)
- Balykhina T.M. (2007). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo, novogo*. [Methods of teaching Russian as a non-native, new language.] Izd-vo RUDN, 185 p. (In Russian)
- Balykhina T.M. (2009). *Osnovy teorii testov i praktika testirovaniya (v aspekte russkogo yazyka kak inostrannogo). Metody, priyemy, rezul'taty*. [Fundamentals of test theory and testing practice (in the aspect of Russian as a foreign language). Methods, techniques, results] Russkiy yazyk. Kursy, 238 p. (In Russian)
- Gridneva N.A., Vladimirova S.M. (2018). *Ispol'zovaniye autentichnykh videomaterialov na nachal'nom etape obucheniya russkomu kak inostrannomu (RKI)* [The use of authentic video materials at the initial stage of teaching Russian as a foreign language (RFL)] *Vestn. Sam. gos. tekhn. un-ta. Ser. Psikhologo-pedagogich. nauki*. No3. 36-48 p. (In Russian)
- Kholodkova M.V. (2020). *Primeneniye videomaterialov v protsesse obucheniya RKI* [The use of video materials in the process of teaching RFL] [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2018/yazik_kultura/1/holodkova.pdf (data obrashcheniya 25.07.2020). (In Russian)
- Korotkova O.N. (2019). *Po-russki – bez aktsenta!: korrektsionnochnyy kurs russkoy fonetiki i intonatsii dlya govoryashchikh na kitayskom yazyke* [In Russian – without an accent!: Correctional Course of Russian Phonetics and Intonation for Chinese Speakers] 5 ye izd. SPb.: Zlatoust, 192p. (In Russian)
- Molochko N.V. (2020). *Video v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Video in teaching Russian as a foreign language] [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.bseu.by/russian/scientific/herald/2003/1/030118.pdf> (data obrashcheniya 25.07.2020). (In Russian)
- Masalova S.V. (2015). *Ispol'zovaniye autentichnykh videomaterialov pri obuchenii inostrannomu yazyku* [Using authentic video materials in teaching a foreign language] *Molodoy uchenyy*. No 15. 48 p. (In Russian)
- Pisarenko V., Bondarev M. (2016). *Infographics Use in Teaching Foreign Languages for Specific Purposes*[Infographics Use in Teaching Foreign Languages for Specific Purposes] *Recent Patents on Computer Science*. No9. (In English)
- Sinyachkin V.P. (2008). *Lingvokul'turovedcheskiye aspekty formirovaniya yazykovogo soznaniya inostrannykh studentov v protsesse izucheniya russkogo yazyka*[Linguocultural aspects of the formation of the linguistic consciousness of foreign students in the process of studying the Russian language] *uchebnoye posobiye*. (In Russian)
- Samchik N.N. (2019). *Ispol'zovaniye videomaterialov na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu: kriterii otbora* [Using video materials in the classroom on Russian as a foreign language: selection criteria] *Regional'nyy vestnik*. No11. (In Russian)
- Tekut'yeva I.A. (2016). *Zhanrovo-tematicheskaya klassifikatsiya videobloginga*[Genre-thematic classification of video blogging] *Mediasreda*. No11. 107-113 p. (In Russian)
- 2019dǒu yīn shù jù bào gào chū lú (wán zhěng bǎn)[2019 Douyin data report released (full version)] [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.sohu.com/a/365550915_400753 (data obrashcheniya 25.07.2020). (In Chinese)

R.M. Tayeva* , N.Yu. Zuyeva ,
M.S. Ongarbayeva , A.T. Alimbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: rozt@mail.ru

TEACHING LANGUAGE DISCIPLINES FOR MASTER'S STUDENTS OF LANGUAGE SPECIALTIES

In this article some aspects of teaching foreign language, within the framework of educational programs for postgraduate training of master's students are considered. The content of the educational program "Foreign Philology" has allowed us to analyze two theoretical disciplines "Theory of Assimilation of a Second Language", "Speech Influence and Intercultural Communication", which, we believe, are in high priority and necessary for the future research and professional activities of postgraduates in this direction. Based on a comprehensive study of linguistic fossilization, the basic concept in the acquisition of a non-native language, it was determined that this process largely explains the difficulties that may be encountered in the future. The issue of the relationship between language and culture is an integral part of the study of modern philology. Therefore, special attention is paid to the cultural aspects that characterize the target language.

The idea is substantiated that educational programs in foreign language, in particular the educational program on specialty "Foreign Philology", largely make contribution to the development of specialists as competent, creative and in-demand experts, whose professionalism is determined both by linguistic, sociolinguistic and psycholinguistic skills, and the ability to operate with the methods of teaching foreign languages. Consequently, the content of the program should be based on a competence-based approach, which includes a set of principles that determine the goals of education, its structure, as well as an assessment of the educational process.

Key words: foreign language, educational program, foreign philology, master's program.

Р.М.Таева*, Н.Ю. Зуева, М.С. Оңғарбаева, А.Т. Алимбаева
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
*e-mail: rozt@mail.ru

Тілдік мамандықтар магистранттарына шетел тілдік пәндерді оқыту

Мақалада магистратурада оқытын мамандарға жоғары оқу орнынан кейінгі даярлаудың білім беру бағдарламалары шеңберінде шетел тілін оқытудың кейбір аспектілері қарастырылған. Біздің ойымызша "Шетел филологиясы" білім беру бағдарламасының мазмұны магистранттардың осы бағыттағы болашақ зерттеулері мен кәсіби қызметі үшін басым және қажет деп саналатын екі теориялық пәнді "Екінші тілді игеру теориясы", "Сөйлеу әсері және мәдениаралық қарым-қатынас" талдауға мүмкіндік берді. Бұл үдеріс лингвистикалық фоссилзацияны, ана тіліндегі емес негізгі ұғымды жан-жақты зерттеу негізінде, болашақта туындауы мүмкін қиындықтарды едәуір дәрежеде түсіндіретінін анықтады. Тіл мен мәдениеттің арақатынасы туралы мәселе қазіргі филологияны зерттеудің ажырамас бөлігі болып табылады. Сондықтан зерттелетін тілін сипаттайтын мәдени аспектілерге ерекше назар аударылады.

Шет тіліндегі білім беру бағдарламалары, атап айтқанда "Шетел филологиясы" мамандығының білім беру бағдарламасы мамандардың құзыреттілікке, шығармашылыққа және сұранысқа ие сарапшылар ретінде дамуына ықпал етеді, олардың кәсіби шеберлігі тек лингвистикалық, әлеуметтік лингвистикалық және психолингвистикалық дағдылармен ғана емес, сонымен қатар шетел тілін оқыту әдістемесімен жұмыс жасау мүмкіндігімен де анықталады. Демек, бағдарламаның мазмұны білім берудің мақсаттарын, оны ұйымдастыруды, сондай-ақ білім беру үдерісін бағалауды анықтайтын принциптер жиынтығын қамтитын құзыреттілікке негізделген болуы керек.

Түйін сөздер: шетел тілі, білім беру бағдарламасы, шетел филологиясы, магистрлік бағдарлама.

Р.М. Таева*, Н.Ю. Зуева, М.С. Онгарбаева, А.Т. Алимбаева
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: rozht@mail.ru

Преподавание языковых дисциплин магистрантам языковых специальностей

В статье рассматриваются некоторые аспекты преподавания иностранного языка в рамках образовательных программ послевузовской подготовки специалистов, обучающихся на магистратуре. Содержание образовательной программы “Иностранная филология” позволило проанализировать две теоретические дисциплины – “Теория усвоения второго языка”, “Речевое воздействие и межкультурная коммуникация”, которые, как мы полагаем, являются приоритетными и необходимыми для будущей исследовательской и профессиональной деятельности магистрантов данного направления. На основе всестороннего изучения лингвистической фоссилизации, базового концепта при усвоении неродного языка было установлено, что именно этот процесс во многом объясняет сложности, с которыми можно столкнуться в дальнейшем. Вопрос взаимосвязи языка и культуры является неотъемлемой частью изучения современной филологии. Поэтому особое внимание уделяется культурным аспектам, которые характеризуют изучаемый язык.

Обосновывается идея о том, что образовательные программы по иностранному языку, в частности образовательная программа по специальности “Иностранная филология”, в значительной степени способствуют развитию специалистов в качестве компетентных, творческих и востребованных экспертов, профессионализм которых определяется не только лингвистическими, социолингвистическими и психологическими навыками, но также умением оперировать методикой преподавания иностранного языка. Следовательно, содержание программы должно быть основано на компетентностном подходе, который включает в себя набор принципов, определяющих цели образования, его организацию, а также оценку образовательного процесса.

Ключевые слова: иностранный язык, образовательная программа, иностранная филология, магистерская программа.

Introduction

In the context of the intensive development of political, business, economic and cultural relations of Kazakhstan with foreign countries, the expansion of the sphere of interstate and international communication (professional, scientific, personal), one of the conditions for the demand of a modern specialist in the labour market, the guarantee of his future scientific and professional activity is the possession of one or several foreign languages. The positive changes taking place in society, as well as the modernization of the education system, aimed at integrating our country into the world educational space, have changed both the context of learning foreign languages of international communication and conceptual approaches to their teaching.

English, for example, is now being taught not only as a compulsory subject in schools, colleges and higher education institutions but is also widely used as the language of instruction in an increasing number of disciplines related to the professional specialization of bachelor and master’s students. This requires the need for further improvement of the system of teaching foreign language, while the main trends in its modernization are internationalized, the

introduction of advanced methods and technologies, various academic programs, new textbooks and teaching aids, the implementation of joint scientific and educational projects, etc.

Unexpectedly for themselves, teachers of foreign languages were in the center of public attention: a huge number of specialists working in various fields of science, culture, education, business and technology felt the need for a deep study of a particular foreign language (primarily English) for use in different spheres of society as a means of real communication with representatives of foreign languages.

Experiment

All these facts determine the importance of training specialists who are professionally involved in teaching a foreign language. In this regard, the introduction of various language master’s programs, closely related to the teaching of foreign languages, to a large extent contributes to the further development of the foreign language education system in the Republic of Kazakhstan. This concerns, first of all, the master’s program “Foreign Philology – 7M021000”, opened at the Al-Farabi Kazakh National University in 2009.

This educational program has the aim to ensure the preparation of master's students for a professional career as qualified competitive multilingual specialists with critical thinking and able to navigate information flows in accordance with high academic standards, who have mastered the state and two foreign languages, as well as systematic knowledge of the fundamental sciences of a philological profile, foreign philology and modern methodology of foreign language education within the framework of scientific paradigms, skills and abilities of designing a foreign language educational process with the inclusion of the latest technologies, what allows graduates to engage in scientific, educational and administrative activities (Passport of Educational Program, 2018:5). This program makes a significant contribution to the development of the future professional career of master's students as creative, multilingual competitive specialists, whose professionalism is determined not only by sociolinguistic, psycholinguistic, linguistic and psychological views but also pedagogical knowledge and skills.

It should be noted that the goal of the educational program is closer to the goals of similar programs of foreign universities, which are known for the quality of education in the global educational space, but it also takes into account the national characteristics of the education system of Kazakhstan with its rich past and traditions. Thus, the master's program in foreign philology is focused on the scientific study of a foreign language (in particular, English) and its literature; their historical development and functioning in modern, cultural, social, linguistic and literary processes in which they are embedded (State Compulsory Educational Standards of the Republic of Kazakhstan, 2006).

The educational program is developed on the basis of professional standards and principles of formation of competences of graduates. The implementation of the educational process in the system of graduate education is also carried out in accordance with the national framework of qualifications, professional standards, Dublin descriptors of the second cycle and the European qualifications frame (State Compulsory Educational Standards of the Republic of Kazakhstan, 2008).

Progressive trends in higher education, as well as advances in such areas of knowledge as applied linguistics, general linguistics, contrastive linguistics, psycholinguistics, comparative literary studies, literary hermeneutics, the methodology of other philological studies, etc., are directly reflected in the educational program when

teaching such disciplines, as "Theory of Second Language Acquisition", "Speech Influence and Intercultural Communication", "Literary Analysis and Interpretation of a Literary Text" and some others, which are included in the curriculum of the specialty.

In these conditions, the whole range of disciplines (compulsory and elective) of the master's program, which is conducted mainly in a foreign language, takes on a special meaning and sets several goals and objectives, among which priority is training, which ensures the further development and formation of a personality of a new type, "secondary language personality" (Haleeva I.I., 1989), which allows it to be an effective participant in intercultural communication, which is in demand by modern society for progressive, harmonious and creative development, and the development of a system for the formation of such a personality in the process of learning foreign languages, as well as in the future in the process of teaching foreign languages (Halyapina L.P., 2007).

It is known that the successful development of a secondary linguistic personality is impossible without knowledge of national, cultural, historical characteristics, social norms, spiritual values, beliefs, traditions and customs of the country of the target language, the norms of verbal and non-verbal behaviour of representatives of various linguocultural communities, i.e. without knowledge of the so-called socio-cultural background. At the same time, the provisions on the originality of languages and cultures, the complexity of the conceptual content of these concepts, as well as the existence of close ties and parallels between the structures of culture and language are fundamental.

Results and Discussions

The issues of co-study of a foreign language and culture are most clearly reflected in the discipline "Speech Influence and Intercultural Communication". At the same time, as A.V. Shchepilova notes, the development of sociocultural competence is associated with certain difficulties in identifying the cultural content of education, since this component is "dissolved" in the linguistic and the discursive content of education (Schepilova A.V., 2006).

The course "Theory of Second Language Acquisition", which is taught in English, is also of particular importance for master's students since people professionally engaged in teaching a foreign language must be familiar not only with the best

methods of teaching a foreign language but also with various research approaches and directions of studying the features of mastering a second/foreign language (Krashen S.D., 2009).

The difficulties faced by undergraduates in the study of the discipline are large because modern literature on the problems of mastering a second/foreign language is replete with various approaches and techniques that influenced the development of linguodidactics, which is an interdisciplinary science that takes into account the data of psycholinguistics and cognitive science and the linguistic characteristics of native and studied languages (Akimova I.I., 2018).

The analysis of scientific, methodological and linguistic literature indicates the active formation of diverse approaches, theories and models.

One of the concepts that arouse the interest of researchers and is fundamental in the study of the specified course “Theory of Second Language Acquisition” is the so-called “fossilization”. This concept “fossilization”, introduced into the modern science of language by Larry Selinker, translated from English means “fossil, fossilized remains”.

This term is used to describe the process of incomplete acquisition of a second (foreign) language, i.e. people who study or acquire a new language since they do not achieve perfection in mastering it. The student’s speech contains linguistic forms that distinguish his language from the speech of native speakers. In his speech, such linguistic structures may regularly appear that are incorrect, erroneous, different from the norms of the studied language. At the same time, the student often knows the rules and the correct language forms and from time to time uses them correctly.

For example, along with irregular forms (Do you playing tennis? I am study English at the University. This film we already seen), completely regular forms (Are you playing tennis? Do you play tennis? I study English at the University. We have already seen this film).

It is noted that these linguistic forms are considered to have disappeared from the speech of students (in these examples, these are incorrect forms of education Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, wrong word order) since the student knows the appropriate grammatical rules, can use them correctly and often uses them in his speech the correct form. He continues to learn a language if he studies it in the so-called artificial language environment, in the classroom, or he continues to live in the natural environment of native speakers of a second language, but stops progressing and

remains at the achieved level, his language remains “fossilized”.

Scientists note that fossilization can take different forms and we can talk about fossilized pronunciation, vocabulary, syntax, grammar, etc.

So, for example, according to many foreign scientists, in particular, according to the data cited by Larry Selinker, only 5% of adults achieve complete success in mastering a second language, i.e. begin to use it in the same way as native speakers (its language is no different from the language of its native speakers), while the remaining 95% do not achieve full success in the new language: the absolute success affects, as we know from observations, a small percentage of learners – perhaps a mere 5% (Selinker L., 1972).

Master’s students should understand the reasons that explain fossilization since it is this concept that largely explains the difficulties that their future students may experience in the process of learning a foreign language. Thus, one of the main reasons for fossilization, according to some scientists, is a factor associated with physiological (neurobiological) changes that occur in a person after reaching puberty (Han Z.H., 1998: 101).

It is known that children learn their native language quickly and easily. Scientists note that by the age of 5, any normal child almost completely mastered the grammar of his native language, more precisely the language of the society in which he lives. As for the second/foreign language, its acquisition/learning by adults is often a big contrast to how children learn their native language.

As an example, Chinese scientist, laureate of various academic and scientific awards in physics, Professor Chien-Shiung Wu is often cited, who, having arrived in the United States at the age of 24, lived in an English-speaking environment for 56 years, perfectly used English in her scientific professional activity, but could not get rid of her accent. It should be noted that such examples are cited as evidence of the “physiological” nature of the reasons for the fossilization of the second/foreign language, which, as in the case of Professor Chien-Shiung Wu, was not associated with either insufficient motivation or low IQ level.

Conclusion

This paper discusses only some issues related to the content of the master’s educational program “Foreign Philology” which was designed to provide in-depth theoretical and practical training of specialists with a master’s degree in the humani-

ties in the specified direction of scientific and pedagogical activity following academic standards in a competitive educational environment. Analyzing theoretical disciplines “Theory of Second Language Acquisition” and “Speech Impact and Intercultural Communication” we have come to conclusion that these are the basic disciplines for the development of scientific and teaching activities of future highly qualified specialists competitive in the domestic and international labor market, demonstrating skills of scientific analysis and synthesis, creative scientific research and applying at a professional level their knowledge, understanding and ability to

solve problems in a new environment, in a broader interdisciplinary context. In this perspective the leading role in the system of philological education of master's students is assigned to the department of Foreign Philology and Translation Studies of the faculty of Philology and World Languages of Al-Farabi Kazakh National University which is responsible for providing educational programs in Foreign Philology and offers courses on a wide range of subject areas, prepares qualified lecturers, translators and scientific editors studying a number of world languages, world literature, Kazakh, Russian, European and American cultures.

Литература

- Passport of Educational Program “6M021000 – Foreign Philology”. – Al-Farabi Kazakh National University, 2018. – 23 p.
- Государственный общеобязательный стандарт образования Республики Казахстан. Магистратура. Специальность “6N0205 – Филология”. ГОСО РК 3.09.277 – 2006.
- Государственный общеобязательный стандарт образования Республики Казахстан. Послевузовское образование. Магистратура. Специальность “Иностранная филология”. ГОСО РК 7.09.014 – 2008.
- Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высш. шк., 1989. – 236 с.
- Халыпина Л.П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам: автореферат. дисс. ... кан. филол. наук. – СПб., 2006. – 49 с.
- Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 245 с.
- Krashen S.D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Pergamon Press, 2009. – 209 p.
- Акимова И.И. О соотношении методики и лингводидактики и необходимости национально-ориентированных грамматических описаний русского языка как иностранного // Международный научно-исследовательский журнал 7(73). – 2018. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.73.7.030>
- Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics, 1972. – 209 p.
- Han Z.H. Fossilization: from Simplicity to Complexity, in International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 95-128.
- Master's Programme German Philology // Retrieved from <http://www.uibk.ac.at/studium/angebot/ma-germanistik/index.html>.
- Michael Byram, Adelheid Hu. Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning. – London: Routledge, 2001. – 736 p.

References

- Akimova I.I. (2018). O sootnoshenii metodiki i lingvodidaktiki i neobhodimosti natsionalno-orientirovannykh grammaticheskikh opisaniy russkogo yazyika kak inostrannogo [About the Relationship between Methodology and Linguadidactics and the Need for Nationally-Oriented Grammatical Descriptions of the Russian as a Foreign] *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal 7(73)*. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.73.7.030>
- Gosudarstvennyj obshcheobyazatel'nyj standart obrazovaniya Respubliki Kazakhstan. Magistratura. Special'nost' “6N0205 – Filologiya”. (2006) [State Compulsory Educational Standards of the Republic of Kazakhstan. Master's degree. Specialty “6N0205 – Philology”]. GOSO RK 3.09.277. (In Russian)
- Gosudarstvennyj obshcheobyazatel'nyj standart obrazovaniya Respubliki Kazakhstan. Poslevuzovskoe obrazovanie. Magistratura. Special'nost' “Inostrannaya filologiya”. (2008) [State Compulsory Educational Standards of the Republic of Kazakhstan. Post-graduate Education. Master's degree. Specialty “Foreign Philology”]. GOSO RK 7.09.014. (In Russian)
- Haleeva I.I. (1989) *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazyichnoy rechi*. [Foundations of the theory of teaching understanding of foreign language speech.] M.: Vysshaya shkola, 236 p. (In Russian)
- Halyapina L.P. (2006). *Metodicheskaya sistema formirovaniya polikulturnoy yazyikovoy lichnosti posredstvom Internet-kommunikatsii v protsesse obucheniya inostrannym yazyikam*. [Methodical system for the formation of a multicultural linguistic

personality through Internet communication in the process of teaching foreign languages.] PhD report. St. Petersburg, 49 p. (In Russian)

Han Z.H. (1998). Fossilization: from Simplicity to Complexity. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters, p. 95-128.

Krashen S.D. (2009). *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Pergamon Press, 209 p.

Master's Programme German Philology. Retrieved from <http://www.uibk.ac.at/studium/angebot/ma-germanistik/index.html.en>

Michael Byram, Adelheid Hu. (2001). *Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning*. London: Routledge, 736 p.

Passport of Educational Program "6M021000 – Foreign Philology". Al-Farabi Kazakh National University, 2008. 23 p.

Schepilova A.V. (2005). *Teoriya i metodika obucheniya frantsuzskomu yazyiku kak vtoromu inostrannomu*. [Theory and methodology of teaching French as a second foreign language.] M.: Gumanitar. izd. centr VLADOS, 245 p. (In Russian)

Selinker L. (1972). Interlanguage. *International Review of Applied Linguistics*, p. 209

4-бөлім

АУДАРМА ТЕОРИЯСЫ

Section 4

THE THEORY OF TRANSLATION

Раздел 4

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Ван Юе

Институт иностранных языков, Пекинский университет авиации
и космонавтики, Китай, г. Пекин,
e-mail: commercial@dknews.kz

МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Реформы в обучении переводу в китайских вузах по специальности “Филология русского языка” начались в 80-е годы XX-го века. По мере реализации реформ преподавания иностранных языков в китайских вузах появляется необходимость совершенствования методики обучения переводу по специальности “Филология русского языка”. В данной статье рассмотрено разработанное китайским исследователем Ху Гэншэнем новое направление теории перевода – экопереводоведение, связавшее переводческую деятельность с экосредой. На основе глубокого анализа причин существующих проблем в методике обучения переводу в китайских вузах был сделан следующий вывод: теория экопереводоведения и ее принципы применительно к реформе курсов обучения переводу в китайских вузах могут помочь сформировать трехмерную модель, в рамках которой обучение студентов будет включать в себя три основных аспекта: знание языковой пары + умение переводить + общая грамотность; а подготовка будущих специалистов по такой трехмерной экологической модели позволит решить многие проблемы, которые сейчас стоят перед высшим образованием (повысить качество обучения переводческой деятельности, развить способности к отбору и адаптации в системе экоперевода и, наконец, повысить уровень преподавания профессионального перевода с иностранных языков).

Ключевые слова: экопереводоведение, обучение переводу, учебная модель.

Wang Yue

Department of Foreign Languages,
Beijing University of Aeronautics and Astronautics, China, Beijing,
e-mail: commercial@dknews.kz

Model of teaching translation in Chinese universities from the point of view of ecotranslatology

Reforms in teaching translation in Chinese universities with a degree in Russian philology began in the 80s of the 20th century. As the reforms of teaching foreign languages in Chinese universities deepen, the methods of teaching translation in the specialty “philology of the Russian language” need to be improved. This article examines a new direction of translation theory, developed by the Chinese researcher Hu Gengshen, – eco-translatology, related to translation activity with the eco-environment. In this article, based on a deep analysis of the causes of existing problems in teaching translation in Chinese universities, we came to the conclusion: by applying the theory of eco-translation studies and its principles to the reform of translation training courses in Chinese universities, it is possible to form a three-part model, within which the teaching of students will include yourself three main aspects: knowledge of the language pair + ability to translate + general literacy; and the training of future specialists according to such a three-part ecological model will allow to solve many problems that are now facing higher education: to improve the quality of training in translation activities, to develop the ability to select and adapt in the eco-translation system and, finally, to increase the level of teaching professional translation from foreign languages.

Key words: eco-translation studies; translation training; educational model.

Ван Юэ

Шет тілдер институты, Бейжің авиация және
космонавтика университеті, Қытай, Бейжің қ.,
e-mail: commercial@dknews.kz

Аударма ісі тұрғысынан Қытай университеттерінде аударманы оқыту моделі

Қытайдың жоғары оқу орындарында орыс тілінің филологиясы мамандығы бойынша аударманы оқытудағы реформалар 20 ғасырдың 80-жылдарында басталды. Қытай университеттерінде шетел тілдерін оқытудағы реформаларды жүзеге асыра отырып, “Орыс филологиясы” мамандығы бойынша аударманы оқыту әдістемесін жетілдіру қажет болады. Бұл

мақалада қытай зерттеушісі Ху Геншен жасаған аударма теориясының жаңа бағыты – аударма қызметін экологиялық ортамен байланыстыратын эко аударма ісі қарастырылады.

Қытай университеттерінде аударманы оқыту әдістемесіндегі туындаған мәселелердің себептерін терең талдау негізінде келесі тұжырым жасалды: эко аударма теориясы және оның қытай университеттеріндегі аудармашыларды даярлау курстарын реформалауға байланысты оның принциптері үш өлшемді модель қалыптастыруға көмектесе алады, оның шеңберінде студенттер білімі үш негізгі аспектіні қамтиды: тілдік жұпты білу + аудару қабілеті + жалпы сауаттылық; және болашақ мамандарды осындай үш өлшемді экологиялық модель бойынша оқыту қазіргі кезде жоғары білім алдында тұрған көптеген мәселелерді шешуге мүмкіндік береді (аударма ісін оқыту сапасын арттыру, эко аударма жүйесінде таңдау және бейімделу қабілетін дамыту және де шет тілдерінен кәсіби аударманы оқыту деңгейін көтеру).

Түйін сөздер: эко аударма ісі, аударма ісіне оқыту, оқыту моделі.

Введение

Статья известного китайского лингвиста и переводчика Ху Гэншэня под названием “Перевод как адаптация и выбор” была опубликована в 2003 г. в международном переводоведческом журнале “Перспективы исследования по транслатологии” (*Perspectives: Studies in Translatology*) (Hu, 2003). В августе 2006 года Ху Гэншэнь выступил с докладом на Международном форуме переводческой культуры под названием “Понимание теории экотранслатологии” (*Understanding Eco-Translatology*). Итак, теория экотранслатологии официально вошла в международный переводческий мир, привлекает к себе внимание ученых по переводу и переводоведению всего мира. Концепция экотранслатологии, основанная на китайской философии, постулирующей гармонию в противоречии между человеком и окружающей его средой, открывает новый взгляд на перевод. Базирующаяся на теории “экотранслатологии” переводческая деятельность изучается с точки зрения существования в определенной экологической среды. Данная теория устанавливает связи между образованием и экологической средой перевода, а взаимодействие различных экологических факторов между собой оказывается возможным и в образовательной практике. Теория экопереводоведения предлагает абсолютно новую модель преподавания перевода и может быть очень эффективна для повышения уровня подготовки будущих переводчиков.

Эксперимент

1. *Воздействие теории экопереводоведения на обучение переводу в китайских вузах*

1.1 Теория экопереводоведения

Вместе с осуществлением реформ и открытости в Китае начались и реформы в обучении переводу в вузах. Обучение перевода занимает

очень важное место в обучении по специальности “Филология русского языка”, является важным звеном для подготовки специалистов по переводу на высшем уровне. В последнее время высшая школа находится в поиске новых моделей и методик обучения переводоведению. Некоторые авторы уже используют разработанную известным лингвистом, переводоведом Ху Гэншэнем теорию экопереводоведения для теоретических и методических разработок в области преподавания перевода. Например, взгляды Лу Жуйси и Жао Хуахун (Лу, Жао, 2015) на переводоведение играют важную роль в повышении грамотности переводчиков и стимулировании их интереса к обучению; Гао Лили и Лю Баоцян (Ли, Гао, 2017) разработали руководство по применению “теории адаптации и отбора” к реформированию обучения переводу и “экорациональности” для совершенствования системы оценки перевода; Ван Цзяньна (Ван, 2017) предложила исследовать трехчастный подход экопереводоведения с точки зрения “знаний, навыков и грамотности” для оценки обучения профессиональному переводу с английского языка.

В российском научном сообществе теория экопереводоведения пока обсуждается в работах только двух авторов: З.Г. Прошиной и Е.В. Белоглазовой. В статье “Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии” З.Г. Прошина первой из российских ученых рассматривает основные положения экотранслатологии как нового направления переводоведения, а также постулирует соответствие требованиям опосредованного перевода через английский язык (Прошина, 2013). В статье “Экопереводоведение как модель переводческой деятельности” Прошина развивает свое видение возможностей практического применения этой теории и предлагает свой взгляд на переводческую обратимость в рамках концепции экопереводоведения, доказывая, что гармонизация перевода возможна как раз при соблюдении

принципа обратимости. Автор также указывает на важность преподавания опосредованного перевода на факультетах западноевропейских языков, которое позволило бы существенно повысить уровень подготовки переводчиков и решить многие проблемы межкультурной коммуникации (Прошина, 2016). Е.В. Белоглазова подчеркивает гармонизирующую роль перевода, который создает баланс между всеми участниками и элементами переводческой среды (Белоглазова, 2018).

Рассматривая экопереводоведение в качестве теоретической перспективы, профессор Ху Гэншэнь выдвинул следующие концепции: экологическая среда перевода, переводчик как центр переводческой деятельности, адаптация / отбор.

Экологическая среда перевода, по мнению Ху Гэншэня, это не только языковая среда, которую необходимо учитывать в процессе перевода, это и “мир” исходного текста, языков оригинала и перевода, и целостное взаимодействие языка, общения, культуры, общества, автора, читателя, доверителя и других факторов. При этом в рамках этой теории контекст не является частью экосреды, а рассматривается как часть языкового узуса, однако язык оригинала и целевой язык считаются частями переводческой экосреды.

Можно заметить, что любой переводчик в процессе выполнения сложной переводческой деятельности должен исходить из “трехмерности” двуязычной коммуникации, а именно языка, общения и культуры, опираясь на многомерность селективной адаптации и адаптационного отбора. Переводчик является одновременно и адресатом и источником сообщения, выбирая переводческие стратегии, он формирует переводной текст. Для объяснения роли переводчика Ху Гэншэнь приводит дарвинистскую метафору (Hu, 2003), согласно которой переводчик удовлетворяет свои профессиональные инстинкты в работе и стремление к развитию своих умений является приспособлением к переводческой среде, отбирающей наиболее приспособленных. Важно отметить, что эта метафора позволяет автору только более четко выразить свою идею, а не постулирует связь экопереводоведения с биологией, поскольку использование термина “эко-” в названии теории призвано подчеркнуть важность разных факторов, сопровождающих перевод и составляющих его среду.

Экопереводоведение развивается на стыке современных наук. Программа бакалавриата

по курсу перевода в вузах заимствует этот совершенно новый междисциплинарный подход, который развивает оригинальные идеи и закладывает теоретические основы для создания инновационной учебной программы, а также расширяет возможности для исследования учебной модели курса перевода.

1.2 Обучение переводу в китайских вузах сейчас, анализ причин существующих проблем обучения с точки зрения экопереводоведения

Если говорить в целом, то изучение теории экопереводоведения – это больше, чем подробное рассмотрение конкретных учебных моделей, это макроскопическое исследование, масштабы которого превосходят исследование таких частных вопросов, как постановка конкретных учебных целей, приспособление к отбору в переводческой среде и оценка перевода после его выполнения. Мы полагаем, что в настоящее время, когда проводятся активные реформы системы преподавания теории и практики перевода, более глубокое изучение моделей преподавания в рамках теории экопереводоведения позволит разработать и внедрить новые практические концепции, которые обеспечат баланс между методикой и практикой преподавания.

Однако в связи с тем, что в китайских вузах естественный закон экологического развития долгое время игнорировался, возник ряд проблем. Во-первых, модель обучения переводу в разных вузах абсолютно одинакова, отсутствуют какие-либо индивидуальные особенности. Во-вторых, сотрудничество между вузами недостаточно развито, по в обучении переводу наблюдается дисбаланс распределения ресурсов. Реализация китайской инициативы “Один пояс, один путь” предполагает подготовку специалистов-переводчиков, обладающих практическими навыками, и такой подготовке должно быть уделено повышенное внимание. Однако, в китайских вузах обучение переводу ограничивается в основном теоретическими объяснениями, тексты для переводческой практики в большинстве случаев оторваны от реальной жизни и представляют собой литературный стиль. У обучающихся не формируются требуемые работодателями умения в переводе. Кроме того, устроившиеся на работу выпускники продолжают мыслить устаревшими понятиями и применять на практике устаревшую модель перевода, которая сформировалась во время обучения в университете, таким образом, возникает диссонанс между тем, какие знания имеют выпускники и тем, какие знания действительно актуальны в настоящий

момент. Не менее важен и тот факт, что многие университеты увеличивают набор студентов в условиях недостаточного программного и аппаратного обеспечения и небольшого преподавательского состава, что негативно сказывается на процессе обучения.

1.3 Влияние теории экоперевода на преподавание теории и практики перевода

Ключевым пунктом в подготовке специалистов в области перевода является подготовка профессиональных переводчиков, обладающих практическими навыками, владеющих теорией, гибкой техникой перевода и обширными культурными знаниями в сочетании с высокой профессиональной грамотностью. Переводчики в своей будущей профессиональной деятельности должны проявлять хорошие способности по отбору и адаптации.

Важно отметить оригинальности концепции экоперевода и ее отличия от широко распространенных западных систем подготовки переводчиков. Базируясь на ценностях индивидуализма, западные методики ориентируются на индивидуальные достижения и личностное развитие, в то время как на Востоке переводчики больше привыкли опираться на опыт друг друга и коллективные достижения (Dollegur, 2010). Отказ переводчика от доминирования над средой и гармоничное слияние с ней как раз и обеспечивают успешность выполнения переводчиком своих задач.

Экоперевод ставит в центр внимания переводчика как такового и подчеркивает, что процесс перевода представляет собой многомерную трансформацию и общее взаимодействие различных факторов между собой. Уделяя внимание статусу переводчика как активного субъекта его профессиональной деятельности, экоперевод применяет принцип “выживает сильнейший” для ограничения доминирования переводчика над переводческой средой.

Теория адаптации переводчика помимо собственного теоретического значения также демонстрирует четкую прикладную тенденцию. “Она подчеркивает, что проявление субъектной активности переводчика не только способствует тренировке и воспитанию его адаптационных и селективных способностей, но и имеет реальное руководящее значение при разработке курсов перевода, составлении переводческих материалов, распределении переводческой работы и пр.” (Ли, Хуан, 2005) Как с точки зрения сути исследований, так и с позиции теории, экоперевод, бесспорно, задало новое направление в размышлениях о преподавании

курса перевода и предоставило оригинальную перспективу для системного описания различного рода переводческих явлений и всесторонних толкований разных вопросов перевода. Таким образом, с точки зрения макроскопической системы и ее практического применения в преподавании экоперевода закладывает значительный теоретический фундамент для реформы учебной программы по курсу перевода.

Результаты и обсуждение

Создание учебной модели образовательной программы для подготовки переводчиков на основе трехчастной концепции экоперевода

Теория экоперевода изучает природу и процесс перевода с точки зрения окружающей среды. Многие термины и концепции из экологии и биологии нашли новую трактовку в экопереводе. Например, мы говорим об экосистеме перевода, в которой существует и работает переводчик и включающей в себя систему языка оригинала и языка перевода; о наиболее приспособленных переводчиках, то есть о таких специалистах, подготовка и навыки которых наилучшим образом адаптированы для конкретной переводческой среды. Собственно сама среда ведет отбор среди переводчиков и выбирает наиболее приспособленных, и таким образом обеспечивается повышение качества перевода (Ху, 2008а).

В терминах теории экоперевода в процессе реализации учебной программы перевода преподаватели и студенты, методы осуществления преподавания, содержание методики обучения и прочие элементы окружающей учебной среды являются отдельными факторами внутренней экосреды перевода. Применяя в качестве теоретической основы окружающую среду обучения переводу и экосреду перевода, можно выстроить трехмерную учебную модель экологического перевода: знание языковой пары + умение переводить + общая грамотность.

При применении этой модели предполагается, что учащиеся постепенно вникают в процесс и природу перевода, развивают свои способности по адаптации и отбору, приспосабливаются к экосреде перевода и развивают необходимые умения, а также повышают общий уровень своих знаний и образованность. При таком подходе к обучению учащиеся гармонично развивают свои навыки и знания, а их перевод оказывается достаточно жизнеспособным, чтобы

существовать в высококонкурентной переводческой среде.

Такая трехмерная модель хорошо вписывается в уже существующие учебные программы преподавания перевода. Различные модули учебного плана по изучению иностранного языка включены в программы с первого курса, также как и курсы по развитию навыков владения своим родным языком в разных аспектах. Эти курсы призваны сформировать крепкую языковую базу и лингвистические привычки студентов, повысить уверенность применения языковых навыков. Однако эти же самые курсы следует использовать и для расширения знаний студентов о культуре народов, которые говорят на изучаемом языке, а также истории, религии, традициях и разных сторонах жизни общества, без которых качественный и грамотный перевод просто не возможен. Следует акцентировать внимание студентов на различиях и уникальных характеристиках языков и культур, учить видеть и осознавать их, создавая основу для успешной межкультурной коммуникации.

Если говорить собственно о переводческих навыках, то акцент должен быть сделан на развитие практических способностей студентов и улучшение техники перевода. Например, было бы полезно обогащать учебные программы практическими занятиями по устному и письменному переводу в определенных сферах, а том числе с привлечением профессиональных переводчиков и материалов, которые они используют в своей работе.

Наконец, что касается общей грамотности, то необходимо способствовать разностороннему развитию студентов, включая в программу курсы делового перевода, литературного перевода, научного перевода, перевода академической литературы, художественного перевода и т.д. Кроме того важно развивать общую осведомленность студентов и расширять их кругозор, чтобы студенты чувствовали себя уверенно при работе с самыми разными тематиками.

В целом, три аспекта трехмерной модели экотранслатоведения гармонично дополняют друг друга и их сбалансированное применение позволит добиться высоких результатов в преподавании теории и практики перевода. На данный момент такая трехмерная модель остается пока только теоретической разработкой, и нам неизвестны примеры комплексного использования теории экотранслатоведения в обучении переводу. Для введения предложенной модели в программу обучения в высшей школе потребуются обширные практические разработки и методические новации, однако ее внедрение позволит решить многие насущные задачи, стоящие перед современным образованием. Более того, трехмерная модель соответствует требованиям, предъявляемым к реформе преподавания перевода.

Заключение

Теория экотранслатоведения как междисциплинарная отрасль знания предлагает совершенно новую модель перевода, в которой деятельность переводчика рассматривается как адаптация при отборе, идущем в переводческой среде. Обучение переводу с точки зрения экотранслатоведения может способствовать стабильности экосистемы обучения и гармоничному сосуществованию всех элементов экосистемы, участвующих в переводе. Однако не текущий момент такая модель не осмыслена исследователями и переводчиками должным образом.

Реформа преподавания с применением концепции экологического перевода будет иметь положительное влияние на расширение программы по обучению переводу и существенно обогатит ее. Однако для практического применения этой модели необходимо проделать большую методическую работу по перестройке учебной программы теории и практики перевода и разработке новых курсов на предложенной теоретической основе.

Литература

- Белоглазова Е.В. Внутренний перевод: полный *carte blanche*? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Вып. 1: Историко-теоретические взгляды отечественных переводоведов: к 100-летию дискуссии о нормативности перевода. – С. 55-59.
- Ван Цзяньна. Лунь инвэ чжуань фань цзяосюэ моши де шэнтай саньвэйду: Об экологической трехмерности модели профессионального перевода с английского языка // Шанхай лигун дасюэ сюэбао. – (Вестник Шанхайского технологического университета). – 2017. – №6. – С. 127-131.
- Лу Жуйси, Жао Хуахун. Шэнтай фаньсюэ шэцзяо ся цзяосюэ моши цзянь яньцзю: Изучение построения модели преподавания перевода с точки зрения экотранслатоведения // Хайвай иньью: Английский язык за рубежом. – 2015. – №12. – С. 143-145.

Гао Лили, Ли Баоцян. Шэнтай фаньсюэ шэцзяо ся цзяосюэ моши цзянь яньцзю: Изучение построения модели преподавания перевода с точки зрения экотранслатологии // Чжунго цзяоюй цзишу чжуанбэй: Техника и оборудование в китайском образовании. – 2017. – №4. – С. 81-83.

Ху Гэншэнь. Шэнтай фаньсюэ цзеду: Комментарий о экопереводеведении // Чжунго фаньи: Китайский перевод. – 2008. – №6. – С. 11-15.

Прошина З.Г. Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – No 4. – С. 9–17.

Прошина З.Г. Экопереводеведение как модель переводческой деятельности // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – Вып. 4. – С. 100–109.

Ху Гэншэнь. Шэнтай фаньсюэ цзеду: Комментарий о экопереводеведении // Чжунго фаньи: Китайский перевод. – 2008. – №6. – С. 11-15.

Ху Гэншэнь. Цун шуюй кань илунь – фаньи шэин сюаньцзе лунь гайгуань: О переводческой теории – обзор об адаптации и выборе перевода // Шанхай фаньи: Шанхайский перевод. – 2008. – №2. – С. 1-5.

Dollerup C. Chinese Eco-Translatology in Translation Theory Contexts // The First International Conference on Ecotranslology. – Macau. – 2010. Abstracts of Paper. URL: <http://www.cay-dollerup.dk/publications.asp>.

Hu Gengshen. Translation as adaptation and selection. Perspectives. – 2011. – No 4. – Pp. 283-291.

References

Beloglazova E.V. (2018) Internal translation: complete carte blanche? Social and humanitarian Sciences in the far East. 2018. Issue 1: Historical and theoretical views of Russian translation specialists: to the 100th anniversary of the discussion on the normativity of translation. pp. 55-59. (In Russian)

Dollerup C. (2010) Chinese Eco-Translatology in Translation Theory Contexts. The First International Conference on Ecotranslology. Macau. 2010. Abstracts of Paper. URL: <http://www.cay-dollerup.dk/publications.asp>.

Gao Lili, Liu Baoqiang. (2017) Research on the construction of translation teaching model from the perspective of ecological translation. Chinese Educational Technology and Equipment. 2017. No 4: pp. 81-83.

Hu Gengshen. (2011) Translation as adaptation and selection. Perspectives. 2011. No 4: pp. 283-291.

Hu Gengshen. (2008) Translation Theory from the Perspective of Terms – An Overview of Translation Adaptation and Selection Theory. Shanghai Translation, 2008. pp. 1-5.

Hu Gengshen. (2008) Interpretation of Ecological Translation Studies. Chinese Translation. 2008. No 6: pp. 11-15.

Li Yashu, Huang Zhonglian. (2005) Theoretical Construction of a New Face – Reading Hu Gengshen's Theory of Translation Adaptation and Selection. Foreign Language Teaching. 2005. No 6: pp. 95-96.

Lu Ruixi, Rao Huahong. (2015) An empirical study on the translation teaching model from the perspective of ecological translation. Overseas English. 2015. No 5: pp 143-145.

Proshina Z.G. (2016) Ecotranslatology as a Model of Translation. Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism. 2016. No 6: pp. 100–109. (In Russian)

Proshina Z.G. (2013) Indirect translation in the perspective of ecotranslation. Vestnik Moskovskogo universiteta. Linguistics and intercultural communication. 2013. No 4: pp. 9-17. (In Russian)

Wang Jianna. (2017) On the Ecological Three-dimensionality of Translation Teaching Mode for English Majors. Journal of Shanghai University of Technology. 2017. No 6: pp. 127-131.

К.К. Дуйсекова* , Г.Б. Мамаева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан,

*e-mail: kuliash@yahoo.fr

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПЕРЕДАЧИ (по следам перевода книги Абая “Слова назидания” на французский язык)

Современная наука о языке характеризуется тем, что активно развивает междисциплинарные исследования, среди которых наиболее ярко обнаруживается проблема культурного кода этноса. В настоящей статье приводятся результаты анализа перевода “Слов назиданий” Абая с казахского на французский язык с точки зрения передачи культурного кода казахов на французский язык, выдвигаются ряд общих и частных гипотез, затрагивающих возможности передачи культурного кода.

Проблема соответствия текста оригинала тексту языка перевода является, краеугольной в современной теории перевода. Трудности были вызваны необходимостью по мере возможности воссоздать в языке перевода важнейшие семантико-структурные особенности исходного текста, вместе с тем необходимостью адаптации текста перевода под иное лингвокультурологическое восприятие. Безусловно, культурные коды универсальны для человечества, но их объем и содержание в каждом отдельно взятом этносообществе, в которых они реализуются, национально предопределены и предначертаны конкретной культурой. При этом сам культурный код по ходу развития в результате изобретения или заимствования из других культур может также модифицироваться, упрощаться, усложняться. Вместе с этим претерпевают трансформацию склад мышления и характер проявления чувств, ценностные ориентации и установки, представления о мире и о себе, верования, мнения, предрассудки.

Ключевые слова: перевод, передача, языковая картина мира, культурный код, эквивалентность, принцип эквивалентного воздействия.

K.K. Duishekova*, G.B. Mamayeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan,

*e-mail: kuliash@yahoo.fr

Cultural code and ways of its rendering (based on the translation of Abai's «Wisdom Words» into French)

Modern linguistics is characterized by developing interdisciplinary research, among which the problem of the cultural code of the nation is most clearly revealed. The current paper presents the results of the translation analysis of Abai's Words of Wisdom rendered from Kazakh into French and taking into consideration the transfer of the Kazakh cultural code into the French language. A number of general and specific hypotheses concerning the possibilities for rendering the cultural code are put forward in the paper. In modern translation theory the problem of the original text and the target text equivalence has always been a cornerstone. The difficulties were caused by a necessity to render the most important semantic and structural features of the source text in the target language, to adapt the text of the translation to a different linguocultural perception as far as it is possible. Without doubt cultural codes are universal for humanity, but their scope and content in each individual ethnic community, in which they are implemented, are nationally and culturally determined. At the same time cultural code can be modified, simplified or complicated in the course of development, inventions, borrowings from other cultures. The way of thinking, the nature of manifestation of feelings, values and attitudes, ideas about the world and oneself, beliefs, opinions and prejudices also undergo transformation.

Key words: translation, transfer, world's language picture, cultural code, equivalence, the principle of equivalent impact.

К.К. Дуйсекова, Г.Б. Мамаева,

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.,
e-mail: kuliash@yahoo.fr

**Мәдени код және оны жеткізу мүмкіндіктері
(Абайдың “Қара сөздерінің” француз тіліндегі
аудармасының желісі бойынша)**

Заманауи лингвистика аясында тілді ұлттың мәдени коды ретінде қарастыратын бағыт белсенді түрде дамуда. Мақалада Абай “Қара сөздерінің” француз тіліне тікелей аудармасын талдау нәтижелері қазақ халқының мәдени кодын француз тілінде жеткізу тұрғысынан келтірілген, мәдени кодқа қатысты жалпы әрі жекелеген болжамдар айтылған. Түпнұсқа мәтінінің аударма мәтініне сәйкес келуі заманауи аударма теориясындағы ең өзекті мәселе болып қала бермек. Бұған қатысты қиындықтар аударма тілінде бастапқы мәтіннің аса маңызды семантикалық-құрылымдық ерекшеліктерін мүмкіндігінше есте сақтау, келтіру, сонымен қатар аударма мәтінін өзге лингвомәдениет өкілінің қабылдауы үшін бейімдеу қажеттілігінен туындайды. Мәдени кодтар жиынтығының адамзат үшін ортақ екені сөзсіз деп танылса да, дегенмен олардың көрініс табуы, белгілі бір мәдениеттегі алатын орны, сондай-ақ олар негізге алатын метафоралар үнемі ұлттық уағдаластық тұрғысынан негізделіп, нақты мәдениетпен байланысты болады. Осы орайда мәдени кодтың өзі даму барысында белгілі бір дүниелерді басқа мәдениеттерден алу немесе өзіне бейімдеуі нәтижесінде өзгеруі, ықшамдалуы не күрделенуі ықтимал. Бұған қоса, ойлау жүйесі мен сезімдердің көрініс табу сипаты, құндылықтар бағдары мен қойылатын мақсаттар, әлем және жеке адам туралы түсініктер, сенім, көзқарас, нанымдар жүйесі трансформацияға ұшырайды.

Түйін сөздер: аударма, (ойды) жеткізу, әлемнің тілдік бейнесі, мәдени код, эквиваленттілік, эквивалентті әсер ұстанымы.

Введение

Книга “Слова назидания” Абая, написанная между 1893 и 1898 годами состоит из 45 фило-софских эссе (Абай: 1993). Каждое слово – это мудрое высказывание Абая о человеческой природе и мимолётное отражение человеческой сути. Книга “Слова назидания” Абая представляет собой особый вид словесного искусства. Краткость изложения способствует запоминанию, но и подпитывает наш разум. Это не то произведение, которое можно прочитать единожды и забыть на полке, эффект постижения философских рассуждений Абая усиливается с каждым новым прочтением не теряя своей художественной силы. Вы, несомненно, обнаружите, что эти, “наивные” на первый взгляд, слова назидания обладают неугасимой актуальностью. Их сегодняшнее прочтение показывает нам, насколько на самом деле ничего не изменилось, и насколько определённые принципы вечны.

Эксперимент

Непростое как по форме, так и по содержанию произведение Абая, где отрывки из Корана переплетаются с арабскими, персидскими и русскими вкраплениями, переводилось на многие языки мира, в том числе, на французский язык (Abai, 2000).

Обширные теоретические исследования проблем художественного перевода и полученные эмпирические наработки создали предпосылки для возникновения во второй половине двадцатого столетия новой сферы научного интереса – перевод культурного кода (Catford, 1965; Найда, 1978).

Прежде чем перейти к анализу перевода “Слов назиданий” Абая с казахского на французский язык с точки зрения передачи культурного кода, отметим, что мы будем исходить из нескольких ключевых положений.

Первое, при художественном переводе, принято различать два типа эквивалентности: формальную и динамическую. При соблюдении верности к формальной стороне равносильности перевода переводчик уделяет больше внимания на соответствие различных элементов текста языка источника тексту языка перевода. Основывающийся на динамической эквивалентности перевод нацелен на принцип равносильного воздействия. Переводчики стремятся избежать динамической рассогласованности произведения и читателя на стыке языка перевода, стремясь воссоздать отношение, существующее между оригиналом и его читателем (Воскобойник, Ефимова, 2007: 28-32). При соприкосновении языков различного культурного пространства базирование на принципе эквивалентного воздействия было бы, на наш взгляд, наиболее благоразум-

ным и надёжным, несмотря на то, что не всегда удаётся сохранить соответствие формальных параметров.

Во вторых, современная лингвистика активно разрабатывает такое направление как культурология, которая исследует язык в тесной связи с культурным кодом его носителей (Понятийный словарь по культурологии, 2005: 31). Современная культурологическая мысль обнаруживает несколько трактовок кода культуры. Так, Б.И. Кононенко определяет культурный код как широко распространённые этнокультурные особенности, передающиеся от поколения к поколению и выступающие ключом к идентификации, постижению типа культуры (Кононенко, 2003: 25).

Н.М. Мухамеджанова и С.М. Богуславская понимают данный термин как нормативно-ценностная системная организация, обнаруживающаяся ядром этнокультурного сознания и проявляющаяся в процессах концептуализации и моделирования мира. (Мухамеджанова, Богуславская, 2007: 108).

Согласно В.А. Масловой “Коды культуры – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных, оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир” (Маслова, 2016: 2)

Как утверждает в своей дефиниции культуролог П.А. Гильтебрандт, культурный код выступает в роли представлений, показывающих особенности миропонимания, убеждений, мировоззрения определённого народа. Это наивная картина мира, культурное неосознанное, т.е. не то, что явственно осознаётся, а то, что имплицитно, и обнаруживает себя зачастую в стереотипном поведении. Культурный код позволяет постигать мотивы поступков, определяет этническую психологию. (Гильтебрандт, 2013: 5).

При определении данного термина мы исходим из соображения, что культурный код охватывая особенности менталитета, традиций, поверий и обрядов, демонстрируя идиоэтничность их поведения относительно к некоторым культурным явлениям, является репрезентантом языкового сознания представителей определённой этнокультуры.

Согласившись с таким пониманием культурного кода, в настоящей статье мы изучаем возможности передачи культурного кода с казахского языка на французский язык, на материале перевода книги “Слова назидания” Абая.

Например:

Qyrqyn minse qyr arylmattuğyn osy bir “qyrt maqtan” degen bir maqtan bar, sol nege kerek, nege jarady? Ol ar, esti bilmeidi, namysty bilmeidi, keñ tolğay, úlken oi joq, ne balyandyğy joq, ne batyrlyğy joq, ne adamdyğy joq, ne aqyllyğy, arlylyğy joq. Moıynyn buryp qoıyp: “Óı, táńiri-ai, qoıshy ári, kimnen kim artyq deısiń, kimniń basy kimniń qanjyğasynda júr, ol meniń qazanyma as salyp berip júr me, men onan saıyn saıyp otyrmyn ba?” – dep bulğaqtap, nemese: “aıağanym janym ba? Óı, enesin uraıyn, ólip ketpei nege kerek? Azar bolsa atylyp, ia osy úshin aıdalyp ketsem de kóngenim-aq! Aıteyir bir ólim bar ma?” – dep qalshyldautuğyn kisi kóp qoi (Абай: 1993: 65).

Перевод вышеприведённого отрывка из “Слов назиданий” без учёта коллективного сознания и поведенческих стереотипов казахов того времени был бы поверхностным и не до конца понятным читателями на языке перевода без интерпретационного подхода.

В.В. Красных внёсший существенный вклад в развитие культурологии как самостоятельного направления, сообщая универсальность состава культурных кодов для всех языков в силу общих знаний о мире, этических и эстетических норм поведения, обращает внимание, что их проявления, а также приоритетные значения, всегда идиоэтнически преопределены и обусловлены отдельно взятой культурной средой (Красных, 2002: 232).

‘Неуклюжесть’ в казахском обществе того времени живописали неумением сесть верхом на лежачего верблюда:

Jatqan túege mine almasa da, tileyin tiledik – Ne pas pouvoir monter sur un chameau qui baraque (Абай, 2000: 47);

‘Значимость и силу’ представляли в сравнении холощёного верблюда с верблюдом производителем:

Júz kún atan bolğansha, bir kún býra bol (Абай, 1993: 62) – *Plutôt que flâner cent jours comme un chameau châtre, mieux vaut folâtrer un jour comme un étalon* (Абай, 2000: 47)

Культурные различия ярче проявляются в том, как люди приносят извинения, делают признания, формулируют пожелания добра и зла, критикуют и поучают (Дүйсекова, Бакытов, 2018: 44). Ислам как религия основана на вере в единого бога, по воле которого складываются судьбы людей и совершаются все события в реальном мире. Поэтому в казахском обществе считалось, что на все воля Аллаха. Во французской же среде через призму, вдохновлённую

стоицизмом и христианством, проповедуется, что все может зависеть от собственной воли и чувства добродетели (Abdikerimova, Duisekova, Bissenbayeva, 2020: 80). Следовательно, чтобы текст на языке перевода был правильно истолкован, важно было использовать на языке перевода слово Аллах вместо Творца, Создателя, Бога.

При этом код культуры непременно должен характеризоваться не только самодостаточностью, но и универсальностью. Существуют наиболее распространённые и наиболее значимые проявления культурной жизни, свойственные всем культурным сообществам, независимо от их этнических, общественных, экономических и др. различий.

Например:

Казахской пословице *Uialmas betke talmas jaq beredi* несложно было найти альтернативный перевод – *Chez l'homme sans vergogne les pommettes ne fatiguent pas* (Abai, 2000: 65) – ‘*Uatsyz adamnyñ eki ezyi talmaidy*’.

Несмотря на то, что основные понятия человеческого существования, такие как Симпатия, Неприязнь, Уважение, Пренебрежение, Боязнь, Удивление, Удача, Бедствие, Грусть, Радость, Богатство, Бедность, Дружба и Вражда являются универсальными для человечества, в разных языковых культурах они по-разному вербально репрезентированы. Обряды, культовые запреты, временные и пространственные представления выступают в качестве кода, аккумулируя в себе идиоэтнические смыслы.

Результаты и обсуждение

Великий французский моралист своего века Ларошфуко, в поисках мотивов человеческих поступков, выделяет основным – влияние случайности и настроения на личные суждения человека. То, что обычно считается добродетелью, представляет собой иногда социальную маску, и что ни добро, ни зло не существуют в вакууме, но проявляются таковыми в зависимости от ожиданий того или иного культурного сообщества. Рассуждая о любви и романтических отношениях Ларошфуко подчёркивает, что проявления чувств больше связаны с личным тщеславием, чем с реальным желанием другого (La Rochefoucauld, 2002). Это очень созвучно словами назидания Абая, где он порицает естественную тягу каждого лгать себе и вводить себя в заблуждение относительно собственной значимости.

В добавление к этому надо отметить, в настоящее время учёные истолковывают культурный код не только как проявление культурных особенностей, но и самобытную языковую норму, организацию языковых систем со всем его словарным запасом и совокупностью общеупотребительных языковых явлений, признаваемые обществом наиболее частотными и достоверными. То есть культурный код в семиотике означает организацию высказывания под определённым углом зрения.

Интересно, что Абай, не будучи лингвистом, интуитивно допускал умышленные подстрочки в переводе на казахский с русского, арабского и персидского языков, сохраняя тем самым насколько это возможно порядок предложения языка источника, чтобы передать его колорит.

Например:

Ái, Aristodim, eshbir adam bar ma, seniñ bilyñshe, qylǵan ónerleri sebepti adam tañyrqayǵa laiyqty? – dedi. – Bar. Gomerge báitshilikti sebepti, Sofoklge tragediasy sebepti, iaǵni bireydiñ sypatyna túspektik, Zevksiske sýretshiligi sebepti tañyrqaimyn, – dep, soǵan uqsaqan neshe onan basqa ónerleri áshkere bolǵan jandardy aitty (Абай, 1993: 56).

В связи с этим другим важным для перевода художественного текста моментом является понятие межсемиотической транспозиции, под ним учёные понимают передачу из одной системы знаков в другую, в нашем же случае мы обращаем своё внимание на то, как своеобразные речевые нормы одного языка можно передавать на другой язык. Трансляция определённого концептуального содержания из одной номинативной системы в другую возможно, но в ходе перевода данное содержание подвергается разного рода модификациям (сужению, расширению). То, какой будет трансформация, предопределяется художественными особенностями исходного текста.

Например, самые частые из них:

1. Приём лексико-семантического уплотнения: подмена сложных предложений простыми с грамматическими преобразованиями (существительное в глагол, прилагательное в существительное, глагол в существительное), замена вопросительных предложений утвердительными и наоборот, намеренное нарушение порядка слов в языке перевода, подмена словосочетаний универбами, подмена фразеологизмов эквивалентными фразеологизмами или пояснениями.

Например:

Kórgeñi (Абай, 1993: 42) – *Ce qu'il a vu* (Абай, 2000: 42); *Íske jaraidy* (Абай, 1993: 42) – *Il peut*

être utile aux autres (Abai, 2000: 42); *Bireydiñ kónili jaqsylyqqa meildi, bireydiñ kónili jamanshylyqqa meildi* (Абай, 1993: 61) – *Les uns prédisposés au bien, les autres, au contraire, portés au mal* (Abai, 2000: 60); *... bir gana bilmektiktin ózin dáylet bilseñ kónilde bir rahat huzyr hasil bolady. Sol rahat bilgenin di berik ustap, bilmegenin di tağy da sondai bilsem eken dep úmittengen qumar, mahabbat paida bolady* (Абай, 1993: 68). – *Alors sera né en toi l'amour de la science, ...Cet amour, autrement dit la soif de connaissance t'aidera à mémoriser ce que tu as vu et entendu, à te l'approprier et le garder en toi* (Abai, 2000: 67).

2. Механические уплотнения: отношения синонимии, антонимии, семантической производности слов, исключение одного из однородных членов предложения, исключения эпитетов, опущения.

Например:

Bul minez – aqyldylardyñ, arlylardyñ, artyqtardyñ minezi. Olar ózimdi jaqsy demese, meili bilsin, jaman degizbesem eken dep azaptanady. Ekinshi, maqtanshaq bireyi “demesin” demeidi, “desin” deidi. Bai desin, batyr..., qy ..., pysyq desin, árdaiym ne túrli bolsa da, “desin” dep azaptanyp júrip, “demesindi” umytyp ketedi (Абай, 1993: 44). – *L'autre le hâbleur, se donne beaucoup de peine pour qu'on parle le plus possible de lui* (Abai, 2000: 44).

В тексте оригинала в отрезке, состоящем из 46 слов глагол *deу* – повторяется 14 раз. Во французском переводе пришлось избегать повтора в угоду стилистическим нормам языка перевода:

Qutylmağy qyyn – Il est difficile de s'en guérir (Abai, 2000: 43); *... k...i ashylsa da qam jemeidi* (Абай, 1993: 52). – *Tel autre est prêt à se prosterner* (Abai, 2000: 52) вместо грубоватого, но альтернативного (*se déculotter*) использовали его более нейтральный синоним.

3. Интерпретационная транспозиция: конкретизация, генерализация, добавления. Когнитивная функция этого приёма – выразить в виде пропозиции, не переводить, а передать с тем, чтобы облегчить лингвокультурологическое восприятие.

Например :

Estilerdin atqan sózderin eskerip júrgen kisi ózi de esti bolady (Абай 1993: 42) – *Celui qui s'emrène de la sagesse populaire, devient sage à son tour* (Abai, 2000: 42); *Osyndai sóz tanymaituğyn elge sóz atqansha, ózindi tanituğyn shoshqany baqqan jaqsy dep bir hakim atqan eken, sol sekildi sóz bolady* (Абай, 1993: 42).

– *Un sage n'a-t-il pas dit qu'il vaut mieux garder les cochons qui te reconnaissent que de prêcher dans le désert* (Abai, 2000: 42).

Заключение

Как известно, художественному тексту в виде философского размышления при передаче необходимой актуальной информации характерна некая вольность, граничащая с чрезмерностью в выборе и использовании необходимого минимума лингвистических средств. Это даёт переводчику поле для манёвра в достижении функциональной равносильности в процессе перевода. У переводчика появляется возможность за счёт устранения излишних элементов в тексте оригинала прибавить другие важные для передачи элементы в перевод.

Естественные языки находятся в постоянном движении, динамично развиваются, вслед за изменениями, происходящими в обществе, обеспечивая тем самым преемственность поколений. Во время написания книги “Слова назидания” Абая на Востоке, в казахской степи в частности, вера и культура почти не разделялись. “Восточные религии, – пишет Б.С. Ерасов – представляют собой социокультурный комплекс, совмещающий в себе не только собственно сакральные представления, верования и ритуалы, но также нормативную мораль, право, эстетику, социальные учения, а вместе с тем и соответствующие институты различной степени сакрализации, регулирующие отношения между верующими по поводу духовных факторов” [Ерасов, 1990].

Учитывая, что “Слова назидания” Абая были написаны в XIX веке, черты культурного кода языка источника перевода, несомненно, видоизменились. То есть, они стали сложными для восприятия не только для представителей другой культуры, но и для современных казахов тоже. Приходилось воссоздавать целостную языковую картину мира казахского этноса XIX века с помощью обращения к словарям и реалиям времени создания произведения.

Заключая, можно сказать, что при переводе книги “Слова назидания” Абая на французский язык, переводчикам удалось добиться поставленной цели – передать коммуникативное намерение автора и достичь равнозначного эстетического влияния на реципиентов. А при передаче культурного кода наряду с сохранением культурологической специфики исходного текста, удалось найти зоны общности в сознании представителей разных культур, каковыми являются носители казахской и французской культур.

Литература

- Абай. Книга слов: Поэмы. Перевод с казахского. – Алматы: Ел, 1993. – 272 с.
- Abai Ibrahim Kounanbaiev Paroles édifiantes. Traduction de G. Sarsikeieva, K. Douissekova, J. Martin. – Алматы: Bilim, 2000. – 128 p
- Catford J.C. A. Linguistic Theory of Translation. – London: Oxford University Press, 1965. – 258 p.
- Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – Москва: Международные отношения, 1978. – С. 19-41.
- Воскобойник Г.Д., Ефимова Н.Н. Общая когнитивная теория перевода. Курс лекций по теории перевода. – Иркутск: ИГЛУ. – 2007. – 217 с.
- Понятийный словарь по культурологии. Составители: Н.А. Ороев, Е.В. Папченко. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. – 94 с.
- Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – Москва: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 512 с.
- Мухамеджанова Н.М., Богуславская С.М. Теория культуры в вопросах и ответах: учебное пособие для студентов заочной формы обучения. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – 149 с.
- Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры (электронный ресурс). – Москва: ФЛИНТА, 2016. – 180 с.
- Гильтебрандт П.А. Мысли о народной психологии. Архивная копия от 11 ноября 2013 на Wayback Machine // Филол. записки. – Воронеж, 1864.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – Москва: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Дүйсекова К.К., Бақытов А.Т. Француз және қазақ тілдеріндегі бағалауыштық сөйлесімдердің ұлттық-мәдени ерекшеліктері. – Алматы: Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. – 2018. – 192 б.
- Abdikirimova G., Duisekova K., Bissenbayeva Zh. The value dominant “Laicite” as part of the media picture of the world of France // XLinguae, Volume 13, Issue 1, 75-85 pp. http://www.xlinguae.eu/2020_13_01_06.html ISSN 1337-8384, ISSN 2453-711X DOI: 10.18355/XL.2020.13.01.06 (Scopus, 1 Q) January 2020.
- La Rochefoucauld F. Réflexions ou sentences et maximes morales et réflexions diverses, Éd. Laurence Plazenet. – Paris: Champion, 2002.
- Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (Очерки общей теории). – Москва: Наука, 1990. – 207 с.

References

- Abaj (1993). Kniga slov: Pojemy. Perevod s kazhskogo [The Book of words: Poems. Translation from Kazakh.]. Almaty: El, 272 p. (in Kazakh)
- Abai Ibrahim Kounanbaiev (2000). Paroles édifiantes. Traduction de G. Sarsikeieva, K. Douissekova, J. Martin. [The Book of Words. Translation by G. Sarsikeieva, K. Douissekova, J. Martin]. Almaty: Bilim, 128 p. (In French)
- Abdikirimova G., Duisekova K., Bissenbayeva Zh. (2020). The value dominant “Laicite” as part of the media picture of the world of France. XLinguae, Volume 13, Issue 1, 75-85 pp. http://www.xlinguae.eu/2020_13_01_06.html ISSN 1337-8384, ISSN 2453-711X DOI:10.18355/XL.2020.13.01.06 (Scopus, 1 Q). (In English)
- Catford J.C. A (1965). Linguistic Theory of Translation. London: Oxford University Press, 258 p. (In English)
- Duisekova K.K., Bakytov A.T. (2018). Francuz zhane Kazak tilderindegi bagalauyshtyk soylesimderdin ul'tyq-madeni erekshelekteri. [Linguistic-cultural features of speech with evaluative meaning in the Kazakh and French languages] Almaty: Al-Farabi atyndagy Kazak ul'tyq universiteti, 192 p. (In Kazakh)
- Erasov B.S. (1990). Kul'tura, religiya i civilizaciya na Vostoke (Ocherki obshchej teorii) [Culture, religion and civilization in the East (The outline of general theory)]. M.: Nauka, 207 p. (In Russian)
- Gil'tebrandt P.A. (2013). Mysli o narodnoj psihologii. [Thoughts on national psychology] Arhivnaya kopiya ot 11 noyabrya 2013 na Wayback Machine. Filol. zapiski. Voronezh. (In Russian)
- Kononenko B.I. (2003). Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii. [The Great explanatory dictionary in Sociology]. M.: Veche, 512 p. (In Russian)
- Krasnyh V.V. (2002). Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya. [Ethnic psycholinguistics and cultural linguistics]. M.: Gnozis, 284 p. (In Russian)
- La Rochefoucauld F (2002). Réflexions ou sentences et maximes morales et réflexions diverses. [Reflections or sentences and moral maxims and various reflections]. Éd. Laurence Plazenet, Paris: Champion. (in French)
- Maslova V.A., Pimenova V.A. (2016). Kody lingvokul'tury (jelektronnyj resurs). [Codes of linguistic culture (electronic resource)]. M.: FLINTA, 180 p. (In Russian)
- Muhamedzhanova N.M., Boguslavskaya S.M. (2007). Teoriya kul'tury v voprosah i otvetah: uchebnoe posobie dlya studentov zaochnoj formy obucheniya. [The theory of culture in answers: guidance for part-time students]. Orenburg: IPK GOU OGU, 149 p. (In Russian)
- Najda YU. (1978). K nauke perevodit' [To the study of translation]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 19-41 p. (In Russian)
- Ponjatijnyj slovar' po kul'turologii. Sostaviteli: N.A. Oroev, E.V. Papchenko. [Conceptual Dictionary of Cultural Studies. Compiled by: N.A. Oroev, E.V. Papchenko] (2005). Taganrog: Izd-vo TRTU, 94 p. (In Russian)
- Voskobojnik G.D., Efimova N.N. (2007). Obshchaya kognitivnaya teoriya perevoda. [General cognitive theory of translation]. Irkutsk: IGLU, 217 p. (In Russian)

А.Х. Хайржанова* , Г.С. Мустағалиева ,

Р.Н. Бейсенбаева

Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Атырау қ.,
*e-mail: akmaral_63@mail.ru

АУДАРМА ТЕОРИЯСЫНА ҚОЙЫЛАТЫН ТАЛАПТАР

Аударма теориясының әр түрлі аспектіде қаралуын сипаттай келе оларға қойылатын талаптарда қарастыру мәселелері қарастырылған. Аударма теориясы дербес пән, дамып келе жатқан ғылым саласы ретінде аударма практикасына қарама-қарсы қойылады. Алайда, бұл екеуі де бір құбылыстың екі жағы, екі ғылыми көрінісі екендігі сөзсіз. Осы тұрғыдан келгенде, “аударма теориясы” “аударматану” ұғымымен сәйкестігін қарастырамыз. Аударма теориясы – біріншіден, кәсіптік қатысымның қисынды жолмен негізделген моделі, екіншіден, екі тіл жүйесінің ғылыми негізде салыстырылуы. Ешбір ғылым өз тарихының зерттелуін білмей, дами алмайды. Ғылым тарихы мен оның теориясының аралығында тығыз байланыс бар, теория танымның жүйелік, жалпы құрылымы болса, ал тарих – таным процесін жеткізу. Ғылым мен оның тарихы үнемі даму үстінде болады. Барлық ғылым сияқты аударма теориясы да – фактілерді теориялық жолмен жинақтау жүйесі, тәжірибенің нәтижесі. Үшіншіден, аударма теориясы – түпнұсқа мен аударма мәтіндері аралығындағы өзара қатысы бар заңдылықтарды зерттеп, аударманың әдістемелік мәселелері мен техникасын жасайтын ғылыми бағыт. Бұл зерттеулерде терминжасамның ғылыми принциптері мен шарттары анықталып, сөздік жасау, салалық терминжасам мәселесі арнайы қарастырылды. Дегенмен қазіргі кездегі ғылыми лексиканың бір құрамдас бөлігі, жеке бір терминдік жүйені – тіл білімі терминологиясын даралап зерттеудің маңыздылығы өте зор.

Түйін сөздер: аударма, қосалқы тілдер, теория, ғылымдық, аудармашы, термин, коммуникация, аударматану.

A.Kh. Khairzhanova*, G.S. Mustagalieva, R.N. Beisenbaeva
H. Dosmukhamedov Atyrau State University, Kazakhstan, Atyrau,
*e-mail: akmaral_63@mail.ru

Requirements for translation theory

Describing the consideration of translation theory in various aspects, the issues of its consideration in the requirements for them are considered. Translation theory as an independent discipline, a developing branch of science is contrasted with translation practice. Nevertheless, there is no doubt that both are two sides, two scientific manifestations of the same phenomenon. From this point of view, we will consider the correspondence of “translation theory” to the concept of “translation studies”. Translation theory is, first, a logically based model of a bilingual participle, and second, a comparison of two language systems on a scientific basis. No science can develop without knowing the research of its history. There is a close connection between the history of science and its theory, when theory is a system, General structure of knowledge, and history is a transfer of the process of knowledge. Science and its history are constantly evolving. Like all science, translation theory is a system of theoretical accumulation of facts, the result of practice. Third, translation theory is a scientific field that studies the regularities of the relationship between the original and translation texts and develops methodological problems and translation techniques. In these studies, the scientific principles and conditions of terminology were defined, and the problem of word formation and industry terminology was specifically considered. However, at present, it is of great importance to study one component of scientific vocabulary, a separate terminological system – the terminology of linguistics.

Key words: translation, auxiliary languages, theory, science, translator, term, communication, translation studies.

А.Х. Хайржанова, Г.С. Мустағалиева, Р.Н. Бейсенбаева
Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, Казахстан, г. Атырау,
e-mail: akmaral_63@mail.ru

Требования к теории перевода

Исследуя теорию перевода в различных аспектах, рассматриваются вопросы, связанные с требованиями к нему. Теория перевода и как самостоятельная дисциплина, и как развивающаяся отрасль науки противопоставляется переводческой практике. Тем не менее, несомненно, что они являются двумя сторонами, двумя научными проявлениями одного и того же явления. С этой точки зрения рассмотрим соответствие "теории перевода" понятию "переводоведение". Теория перевода – это, во-первых, логически обоснованная модель двуязычного причастия, во-вторых, сравнение двух языковых систем на научной основе. Ни одна наука не может развиваться без знания своей истории. Между историей науки и ее теорией существует тесная связь, когда теория – системная общая структура познания, а история – передача процесса познания. Наука и ее история постоянно развиваются. Как и вся наука, теория перевода – это система теоретического накопления фактов, результат практики. В-третьих, теория перевода – научное направление, изучающее закономерности взаимосвязи между оригиналом и текстами перевода и разрабатывающее методологические проблемы и технику перевода. В этих исследованиях были определены научные принципы и условия терминологии, специально рассмотрена проблема словообразования, отраслевой терминологии. Тем не менее, в настоящее время большое значение имеет изучение одного компонента научной лексики, отдельной терминологической системы – терминологии языкознания.

Ключевые слова: перевод, вспомогательные языки, теория, наука, переводчик, термин, коммуникация, переводоведение.

Кіріспе

Қазіргі таңда қазақ тіл білімі ғылымында арнайы зерттеуді талап ететін салалардың бірі – аударманың лингвистикалық теориясы. Бұл сала – қазақ тілтаным үшін әлі жетілмеген, тиісті деңгейдегі ғылыми сипатын ала қоймаған тіл білімі салаларының бірі. Сондықтан да бұл ғылымның негізгі бағытын айқындап бере алатын бірқатар ұғым-түсініктердің даралана қоймау себептері де осыған тікелей байланысты. Қазіргі қазақ тіл білімінде аударма мәселесімен түбегейлі айналысып жүрген ғалым А.М. Алдашева докторлық диссертациясында "... қазірге дейін аударма теориясының басты дәйектемелері, шешуші негіздері, аударматану ғылымының басты объектісі мен ұстанымдары, әдіс-тәсілдері мен бірлік тұлғалары, аударманың нормасы, тәржіма ісіне қойлатын талаптар сияқты маңызды жағдаяттардың анық-қанығы ғылыми тұрғыдан анықталған емес" – деп атап өткен (Aldasheva A.M., 1999:3). Қазақ тіл білімінде аударматану мәселесі – ХХ ғасырдың соңғы жылдарында ғана қолға алынған жаңа салалардың бірі. Сондықтан қазақ тіл біліміндегі аударма теориясы да, аударма практикасы да, аударма іс-тәжірибесінің теориялық тұғыры да енді қалыптасып келе жатыр.

Қазақстан тіл білімінде Ө.Айтбайұлының аударма ғылымы және оның қалыптасуына, А.Алдашеваның аударматанудың лингвистика-

лық және лингвомәдени негіздерін айқындауға арналған ғылыми зерттеулері мен Б. Хасанов, Р.З. Загидуллин, Н.Ж. Шаймерденова және т.б. ғалымдардың еңбектері аударма теориясы мәселелеріне арналды.

Қазіргі кездегі әлемдік аударматану ғылымында қалыптасқан ғылыми көзқарас бойынша, бұл ғылым саласы іштей екі бөлімнен тұрады: аударма теориясы және аударма практикасы.

Аударма теориясы – қос тілді коммуникацияның қисынға негізделген үлгісін анықтап, аударма техникасы мен әдістемелік негіздеріне талдау жасаса, аударма практикасы – аудармашының когнитивтік іс-әрекеттерін қорытындылап, оларды аударматануды оқыту процесінде қолданудың теориялық маңызын негіздейді.

Сонымен қатар аударма практикасына қатысты да зерттеулер көп емес. Тіпті күні бүгінге дейін қазақ тілінде аударма әдістемесінің негіздері толық анықталып, аударма практикасының ерекшеліктері арнайы зерттеу нысаны болмағанын да айтуымыз керек.

Аударматану мәселесі тек қана көркем шығарманың бір тілден екінші бір тілге аударылуы ретінде ғана таныла алмайды. Кез келген этнос тарихтың қай кезеңінде де әлемдік қоғамдық даму үрдісінен тыс өмір сүре алмайды. Қай ұлттың өткен тарихын алсақ та, ол өзге халықтардың тарихымен байланысып жатады, басқа ұлттармен әлеуметтік-экономикалық қарым-қатынаста болады. Сол себепті аударма,

ең алдымен, әр кездегі халықтың рухани мәдениеті мен дүниетанымынан сыр шертетін жәдігерліктер ретінде бағалануы керек. Осы тұрғыдан келгенде, аударманың бастау кездері тым әрі, тарихтың тым ескі терең қойнауына кетеді (Aldasheva A.M., 2004:35).

Аударма жасау арқылы тілде сөз құраудың, ойды бейнелеудің жаңа тәсілдері, жаңа ұғымдары мен атаулары туады. Ол – халықты рухани жағынан дамытудың күшті құралы ретінде бүкіл адамзат мәдениетінің қазынасын көрсететін құбылыс, ғылым мен білімнің қайнар бұлағы. Өйткені аударма мәтінінде, сөйлемнің мағыналық құрылымында, әсіресе фразеологиялық бірліктерде, мақал-мәтелдерде, этнографиялық атаулардың ішкі мағыналық құрылымында халықтық дүниетаным көріністері, ұлттық дәстүр іздері басқа тілге аудару барысында сақталуы тиіс. Яғни, аударматанудың лингвомәдени, тілдік таным тұрғысынан зерттелуінің маңызы зор. Бұл түптеп келгенде, тілдік мәтіндердің, бірліктердің когнитологиялық қорын сипаттауға да мүмкіндік берері хақ.

Аударма теориясы аударма практикасына сүйенгенде ғана, дұрыс нәтижелерге қол жеткізе алады. Аударма практикасының оның теориясын жасау мүмкін емес. Бұлар бір-бірімен тығыз байланыста, өзара бірлікте ғана таныла алады.

Аударма теориясының қалыптасуына үлес қосып жүрген ғалым Ө.Айтбайұлының пікірінше: “Аударма пайда болғалы ол жайында ғылыми ой-пікірдің де қанаттаса өрби түскені мәлім. Қай халықтың тарихын қарасаңыз да, аударма жайында жинақталған тәжірибе, тұрақтанған пайым-түсінік бар. Аударма практикасымен шұғылданып жүрт, оның ішкі сырына үңіліп, өзіне лайықты заңдылықтарын да ашып беруге тырысқан. Сондай жоба-жүйе бірден бірге ұласып, аударма проблемасының ереже-қағидасы жасалды. Ол осылай ғылыми пәнге айналды” (Aitbaiuly Ó., 1997:150).

Эксперимент

Аударма, ең алдымен, ақпараттық бағдарлама екендігі баршаға мәлім. Яғни аудармашы түпнұсқа авторының мәтінінде берілген ақпаратты кодтайды, ал сол мәтіндегі ақпаратты аудармашы арқылы оқырман қайта қабылдайды. Гнесеологиялық тұрғыдан қарастырғанда, аударма – түпнұсқаның барабар көрінісі және шығармашылық барысында қайта түрленуі, аудармалық шығармашылықтың нәтижесі ретінде түпнұсқаның телнұсқасы болып саналады.

Ғалым А.Ф.Ширяевтің анықтамасы бойынша, “аударма – бұл арнайы тілдік қызмет. Ол қызмет бір тілдің сөйлеу ерекшеліктерін басқа тілдегі соған сәйкес сөйлеу ерекшеліктері арқылы қайта туындату мақсатында қолданылатын екі тілге сүйенеді” (Shirayev A.F., 1982:12). Бұған қоса өзге де анықтамалар бар: “аударма – бұл тілдік байланыс және көстілділік құбылысы” (Munen J., 1978:29); “аударма – аудармашының қызмет барысы” (Strelkovsky G.M., 1979:63); “аударма мәселесі екі тілдің, яғни түпнұсқа мен аударма тілінің стилистикасының салыстырмалы мәселесін зерттейді” (Gachicheladze G.R., 1972:68). Белгілі ғалым Я.И.Рецкер мынадай ой түйіндейді: “аударманың негізгі мақсаты – қызмет сәйкессіздігін жүйеге келтіру” (Resker Ia.I., 1950:160).

Аударма, ең бастысы сөйлеу тілінің материалдарымен байланысты, сондықтан да ол лингвистиканың заңдарына бағынады. Осыған орай аударма – лексикалық, семантикалық, грамматикалық, синтаксистік тұрғыдан екі басқа тілдің салыстырмалы көрінісі, сондай-ақ көстілділік тетігін қалыптастыратын дербес күрделі сөйлеу тілінің қызметі.

Аударма әр түрлі мәдениеттер мен халықтардың жақындасуы мен өзара қарым-қатынасы процесінде маңызды рөл атқарады. Сондықтан да көптеген сала мамандары – психологтар, мәдениеттанушылар, этнографтар, әлеуметтанушылар, философтар, әдебиеттанушылар аударма мәселелеріне бұрыннан-ақ ерекше назар аударады.

Аударма теориясы мен практикасы үшін мәтін деңгейінде салыстырудың мәні мен оның берілуіне және мағынасына байланысты. Мағына тек тілдік қана емес, сонымен бірге экстралингвистикалық құралдар арқылы да беріледі.

Осымен байланысты аударма бастапқы мәтін мағынасын барлық жағдайда толық жеткізе алмайды. “Аударма теориясы негізгі мәтіннен басқаға назар аударуы керек, өйткені аударма – тілдік кодты тек жай ауыстыру ғана емес, сонымен бірге басқа мәдениет призмасы арқылы қабылдауға мәтін бейімдеу” (Syleimenova E.D., 1996:46).

Осылайша, аударманың ең негізгі мәселелерінің бірі түпнұсқа мәтінінде және оны басқа тілге аударғанда ұлттық нақыштардың өзара байланысы мен өзара қарым-қатынасы болып табылады. Көркем әдебиетте, мәдениетте т.б. көрініс тапқан ұлттық өзгешелік әрбір

халыққа тән және үнемі даму үстінде болатын ерекшеліктер мен сипаттардың тұтастығы болып саналады.

Аударма теориясы – біріншіден, қостілді қатысымның қисынды жолмен негізделген моделі, екіншіден, екі тіл жүйесінің ғылыми негізде салыстырылуы. Ешбір ғылым өз тарихының зерттелуін білмей, дами алмайды. Ғылым тарихы мен оның теориясының аралығында тығыз байланыс бар, теория танымның жүйелік, жалпы құрылымы болса, ал тарих – таным процесін жеткізу. Ғылым мен оның тарихы үнемі даму үстінде болады. Барлық ғылым сияқты аударма теориясы да – фактілерді теориялық жолмен жинақтау жүйесі, тәжірибенің нәтижесі. Үшіншіден, аударма теориясы – түпнұсқа мен аударма мәтіндері аралығындағы өзара қатысы бар заңдылықтарды зерттеп, аударманың әдістемелік мәселелері мен техникасын жасайтын ғылыми бағыт.

Нәтиже мен талқы

Аудармалық қызмет – екінші қызмет, алғашқы қызметтің негізін заттандырады, яғни, өнімді жағын құрайды. Аудармалық қызметтің негізі ретіндегі екінші қызмет түпнұсқаның басқа тілдік белгілер жүйесінде қайта туындауын қамтиды. Түпнұсқа-бұл аудармалық шығарманың негізі ғана. Түпнұсқаның рухани негізі басқа тілде әр алуан жолмен аудармалық нұсқалар арқылы жасалынады.

Кез келген аудармада аудармашы бір немесе бірнеше мақсатқа сүйенеді де, оның әрқайсысы аударма мәтінінің ерекше прагматикалық бейімделуінен, басым баламалықтан бас тарту мүмкіндігін талап етеді. Аудармашы аударма түріне бағынады, ол әр түрлі тәсілдер мен жолдар арқылы баламаның тиісті деңгейін таңдап, аударма түріне қарай маманданады.

Қазіргі уақытта қазақ әдебиетінде жоғары деңгейдегі аудармашы мамандарды даярлау нәтижесінде, Е. Эйткинд айтқандай, “сәйкестіктер деңгейінде аударма ісінің жаңа белеске көтерілуі байқалады” (Etkind E.G., 1965:3).

Әдетте, екі тілдің жүйесі (грамматикалық құрылымы, лексика, фразеология және т.б.) төмендегідей жобала салыстырылады:

1. Екі тілдің стилистикалық құрылымын салыстыру;
2. Екі тілдің дәстүрлі әдеби стильдерін салыстыру;
3. Өзгеше екі ұлттың просодикалық жүйелерін салыстыру;

4. Екі ұлт шығармасының тарихи-мәдени дәстүрлерін салыстыру;

5. Екі ұлт тілінің көркемдік және т.б. жүйелерін салыстыру.

Сонымен қатар, аудармашының шеберлігі жөнінде ғалым Н.Ж.Шаймерденованың “Аудармашылардың алдына қойған міндеті – бұл белгілі бір халықтың дүниетанымын сипаттайтын элементтерді мәтін аудармасында мейлінше көп пайдалану. Белгілі бір шығармада түсінікті сөздердің қолданылуы әр қилы тәсілдерді жиі қолданумен сипатталады. Аударманы түсінікті ететін тәсіл бұл шығарманың тұтастығын бұзбайтын тәсіл болып табылады. Мұнда біз түсіндіретін және түсіндірілетін сөздің семантикалық сәйкессіздігіне назар аударуымыз қажет. Түсіндіретін және түсіндірілетін сөздің семантикасы сәйкес келуі де мүмкін, бірақ ондай құбылыс өте сирек кездеседі”, – деген ғылыми тұжырымдамасының маңызы зор (Shaimerdenova N.J., 1994:174). Себебі лингвистикада жалпы заңдылықтардың айқындалуына басым назар аударылады. Мысалы, семантика саласында жалпы заңдылықтар және сөз мағыналарының өзгеру жолдары: мағына кеңеюі және талылуы, метонимия, метафора және т.б. зерттеледі.

Тіл білімінің арнаулы салаларының қайсысын алсақ та, сол салалардың әрқайсысының өзіне тән ұғымдар жүйесі, терминологиялық аппараты болады. Ондай арнаулы ұғымдардың атаулары, ұғымдар жүйесі мен терминдері арнайы зерттеуді қажет етеді. Сонымен қатар, аударматану саласындағы терминологиялық жүйенің тілдік, соның ішінде лексикалық ерекшеліктерін айқындау, аталған терминологиялық жүйе шеңберіндегі ұғымдар жүйесі мен сипаты сияқты тілдік фактілерге талдау жасау бүгінгі күннің кезек күттірмейтін өзекті мәселелері болып табылады.

Терминологиялық лексиканы зерттеп, оның теориялық мәнін, маңызын анықтауда орыс тіл бөлімінде А. Реформатский, В.В. Виноградов, Н.А. Баскаков, В.И. Сифиров, Р.А. Будагов, О.С. Ахманова, В.Ф. Журавлев, В.П. Даниленко, Г.В. Степанов, қазақ тіл білімінде А. Байтұрсынов, Ж. Аймауытұлы, Х. Досмұхамедұлы, Қ. Кемеңгерұлы, С. Жиенбаев, Қ. Жұбанов, Н. Сауранбаев, С. Аманжолов, М. Балақаев, Ә. Қайдаров, С. Исаев, Ш. Сарыбаев, Б. Қалиев, Ө. Айтбаев, Ш. Құрманбайұлы, А. Алдашева т.б. сияқты ғалымдардың еңбектері белгілі. Ал салалық терминологияға қатысты Ш. Біләлов, С. Ақаев, А. Исанова, С. Исақова, Г. Ақшалова т.б. ғалымдардың еңбектерін атауға болады.

Бұл зерттеулерде терминжасамның ғылыми принциптері мен шарттары анықталып, сөздік жасау, салалық терминжасам мәселесі арнайы қарастырылды. Дегенмен қазіргі кездегі ғылыми лексиканың бір құрамдас бөлігі, жеке бір терминдік жүйені – тіл білімі терминологиясын даралап зерттеудің маңыздылығы өте зор.

Аударма теориясы дербес пән, дамып келе жатқан ғылым саласы ретінде аударма практикасына қарама-қарсы қойылады. Алайда, бұл екеуі де бір құбылыстың екі жағы, екі ғылыми көрінісі екендігі сөзсіз. Осы тұрғыдан келгенде, “аударма теориясы” “аударматану” ұғымымен сәйкес келеді. Көптеген ғалымдардың пайымдауынша, аударматану ғылымының пәні аудару процесі – аудармашының шығармашылық қызметінің нәтижесін көрсететін көп қырлы құбылыс. Ол аудармашылық мәтін мазмұнының синтезін көрсетеді. Ал мәтін болса тарихи, әдебиеттану, психологиялық, лингвистикалық, әлеуметтік, этнографиялық т.б. ерекшеліктерімен сипатталады. Ғалым Л.С. Бархударовтың анықтамасы бойынша: “Аударманы қарастыратын барлық пәндердің кешені аударматану ғылымын құрайды” (Barhúdarov L.S., 1975:45).

Қорытынды

Аударма мәтінін талдаудың барлық қырлары бір-бірін толықтырып, аударманы әрі процесс, әрі нәтиже ретінде қарастыруға мүмкіндік туғызады. Жалпы тіл білімінде аударма лингвистикасы теориясының орны ерекше. Ол жалпы аударма теориясы және жеке аударма теориясы деп ажыратылады. Аударманың лингвистикалық теориясы аудармашылық мәселелерді, яғни бір тілдегі мәтіннің басқа тілдегі өзіне балама мәтін ретінде қайта туындауы құбылыстарын зерттейді. Бұл ретте аударманың лингвистикалық және экстралингвистикалық аспектілерінің ажыратылуы, көптеген басқа ғылым мамандары қолданылатын терминдер мен ұғымдар анықтамаларының нақтылығы маңызды мәселелер қатарына жатады. Аудармамен шектес ғылымдар деп фонетика, фонология, грамматика, психоллингвистика, лексикология, семасиология, социоллингвистика, этнолингвистика, лингвистикалық география, когнитивтік лингвистика, лингвомәдениеттану, лингвоелтану және лингводидактиканы айтуға болады. Аталмыш ғылым салалары аударма теориясымен тығыз байланыста болып, жалпы және жеке аударматанудың көптеген маңызды міндеттерін шешуге септігін тигізеді:

1) тілдік жүйелердің ерекшеліктерін айқындау;

2) аударманы лингвистикалық зерттеулердің нысаны ретінде анықтау;

3) аудармашылық қызмет түрлері жіктелісінің негізін анықтау,

4) түпнұсқа мен аударма мәтіндерінің коммуникативтік тепе-теңдігі негізі ретіндегі аудармашылық баламалық маңызын ашу;

5) әр түрлі тілдер комбинациялары үшін арналған жеке және арнайы аударма теорияларын құрудың ерекшеліктері мен жалпы принциптерін әзірлеу;

6) прагматикалық және социоллингвистикалық факторлардың аудару процесіне әсер ету ерекшеліктерін анықтау;

7) “аударма нормасы” ұғымын анықтау және аударма сапасын бағалау принциптерін әзірлеу.

Қазақ әдебиеті функционалдық стильдерінің қалыптасуы мен жетілуі аударма ісіне, оның ішінде орыс тілінен қазақ тіліне тәржімалау тарихына тікелей байланысты. Қазақ әдебиеті тілі лексикалық-грамматикалық жүйесінің нормалануында да аударманың тікелей ықпалы бар. Мәселенің осылайша екендігі әдебиет тілінің, қазақ әдебиет тілі функционалдық стильдерінің тарихын зерттеген қазақ тілші ғалымдарының көптеген еңбектерінде тұжырымдалған. Мәселен, бір ғана ғылыми стильдің қалыптасуы турасында зерттеушілердің көзқарасы бірыңғай бағытта: “аударма әдебиет – бізге сол дәуірдегі қазақ әдебиет тілінің жай-күйін танытуда, ғылыми түсініктерді жеткізуде тіліміздің ішкі мүмкіндіктерінің (сөз байлығының, сөз орамдарының) қаншалықты болғанын байқауда аса қажетті материал” (Abilqasymov B., 1971:65).

Әдебиеттанушы ғалымдар аударманы өңірдің бір түрі деп қарағандығы белгілі. Ал аударманың лингвистикалық мектебінде көзқарастар мен тұжырымдар бірден, бірыңғай қалыптаса қойған жоқ. Ғалымдар аударманың лингвистикалық теориясының кешенді ғылым екендігін, яғни тілдің құрылымдық элементтерінің шеңберінде шектелмейтін сала ретінде мойындады, дегенмен тілтаным тұрғысынан келгенде, негізгі объекті не болуы қажеттігі жайында әралуан пікірлер айтылады.

Әдебиеттанушылар үшін бұл мәселе анық болды: олар аударманың аксиологиялық аспектілеріне көп көңіл бөлді; түпнұсқа мен аударманың эстетикалық сәйкестігі, аударманың рухани мәдениетке қосатын үлесі, аудармашының таланты мен тәжірибесі, жеке аудармашының

аудармада қол жеткізген жетістіктері мен кемшіліктері туралы жазды.

Лингвистикалық теорияда бұлай болмай шықты; аударманың лингвистикалық теориясының алдында әрі күрделі, әрі қызғылықты төмендегідей проблемалар пайда болды:

Ең алдымен: процессуалды аударма және мәтіндік аударма бар; яғни процессуалды аударма, бұл ауызша аударма (ілеспе және қосарласа аударма) болса, мәтіндік аударма – бір тілде жазылған мәтіннің екінші білге жазбаша түрде тәржімалануы (жазбаша жазылған мәтін ауызша оқылуы да мүмкін).

Процессуалды аударманың тілдік табиғатын сипаттау қиынға соғады, өйткені ол аудармашының санасында жүріп, дедуктивті әдіске сүйенеді. Сондықтан зерттеушілер объекті ретінде жазбаша мәтінді алады.

Жазбаша мәтіннің өзі – күрделі ұғым. Әдебиетшілер көркем шығармамен шектелсе, аударматанушы-лингвистердің алдында барынша күрделенген мәтіндер бар, яғни тілдік талдауды қорыту және түйіндеу үшін аудармашы-лингвист бірнеше мәтіндерді тұтастай қарастырып, жалпы қорытынды жасауы керек. Ал мәтіндер бағытталған функциясы, жанрлық түрлері, стильдері бойынша әр алуан.

Аударманың жалпы теориясына қатысты ғалымдар ұсынған бағыттың тағы бір – мәтіндерге формальды-құрылымдық анализ жасау, яғни түпнұсқа мен аударма мәтіннің арасындағы сәйкестікті тілдік құрылымдық единицалар деңгейінде көрсету. Осы бағытта зерттеу жұмыстарының пайда болуы аударманың жалпы теориясына елеулі үлес қосты деп есептеуге болады, өйткені формальды-құрылымдық анализге негізделі отырып, тілдік единицалардың

мағынасы арқылы жүзеге асатын компонентті анализ бағыты пайда болды.

Ғалымдардың мәтіндерді топтастырудағы осындай көзқарастарын толық көрсетіп отырғанымыздың бірінші себебі – жоғарыда айтатынымыздай, аударманың лингвистикалық табиғатына талдау жасау үшін бір ғана мәтін (мысалы көркем проза) шеңберінде қалып қоймай, сөйленісте, (речь) колданысқа түсетін барлық мәтіндерді тұтастай қарастырып барып, қорытынды жасау керек болады.

Екіншіден, аударматану ғылымында аударудың единицасы не болуы керектігі жөнінде нақты пікір жоқ. Бірқатар зерттеушілер бастапқы мәтін мен аударма мәтіннің тілдік факторларын формалды түрде салыстыру мәселені айқындайды деп есептейді. Семантикалық деңгейде қарастырған зерттеулер де бар, бұнда екі мәтіннің өзара қарым-қатынасы ескеріледі, яғни формальды түрде салыстыру кезінде түпнұсқа мәтіндегі сөз, сөз тіркесі немесе сөйлем алынып, олардың аударма мәтінде қалай берілуі салыстырылатын болса, семантикалық деңгейде алған зерттеулер түпнұсқада сөзбенаудармадағы баламаның семантикалық құрылымына денотатты, коннотативті анализ жасауға ұмтылады. Ал үшінші бір зерттеушілер аударманы коммуникативті акт ретінде алады, сөйтіп, прагматикалық деңгейде қарастырады, яғни тілдік единицалардың мағынасы ғана емес сонымен қатар коммуникативті фактіге ілесе жүретін әрқилы факторлар (коммуникативті актіге қатысатын адамдардың ерекшеліктері, коммуникативті акті жүзеге асатын орта, мерзім және т.б.) ескерілуге тиіс деп есептейді. Тіпті осы аталған бағыттардың барлығы тұтастырып, біріктіріп қарайтын да бағыттар жоқ емес.

Әдебиеттер

- Алдашева А.М. Аударматану: лингвистикалық және лингвомәдени мәселелер. – Алматы, 1999.
- Алдашева А.М. Аудармадағы баламалық (орыс тілінен қазақ тіліне аударылған нұсқалар негізінде). – Алматы, 2004. – 45 б.
- Айтбайұлы Ө. Қазақ сөзі (Қара терминологиясының негіздері). – Алматы: Рауан, 1997. – 240 б.
- Ширяев А.Ф. Пособие по синхронному переводу. Французский язык. – М., 1982. – 301 с.
- Мунэн Ж. Теоритическая проблема перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 36-42.
- Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода. – М., 1979. – 250 с.
- Гачичеладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М.: Советский писатель, 1972. – 262 с.
- Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Тетради переводчика. – М.: Международные отношения, 1950. – С. 156-178.
- Сулейменова Э.Д. Казахский и русские языки: Основы контрастивной лингвистики. – Алматы: Демей, 1996. – 208 с.
- Эткинд Е.Г. Поэтический перевод как проблема сопоставительной лингвистики: дисс. доктора филол. наук. – Ленинград, 1965. – 242 с.

Шаймерденова Н.Ж. Толкование слов в художественном произведении // Тезисы VIII Международного конгресса. – Сегенсбург, 1994. – С. 174-177.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975. – 240 с

Әбілқасымов Б. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. – Алматы: Ғылым, 1971. – 185 б.

References

Aldasheva A.M. (1999). Aýdarmataný: lingvisikalýq jáne lingvomádeni máseleler. [Translation Studies: linguistic and linguistic-cultural problems] Almaty. (In Kazakh)

Aldasheva A.M. (2004). Aýdarmadaǵy balamalyq (orys tilinen qazaq tiline aýdarylǵan nusqalar negizinde). [Equivalent in translation (Based on translated versions from Russian to Kazakh).] Almaty, 45 b. (In Kazakh)

Айтбаулы Ө. (1997). Qazaq sózi (Qara terminologiasynyń negizderi). [Kazakh word]. Almaty: Raýan, 240 b. (In Kazakh)

Абилқасымов В. (1971). Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Qazaq SSR-iniń “Ǵylym” baspasy. [The language of the first Kazakh newspapers.]. Almaty, 185 b. (In Kazakh)

Бархударов Л.С. (1975). Iazyk ı perevod. [Languages and translations]. M., 240 s. (In Russian)

Еткинд Е.Г. (1965). Poeticheskiı perevod kak problema sopostavitelnoi lingvisiki: Diss. doktora filol.naýk. [Poetic translation as a problem of supporting linguistics] Leningrad, 242 s. (In Russian)

Гачичеладзе Г.Р. (1972). Hýdojestvennyı perevod ı literatýrnye vzaimosvázı. [Artistic translation and literary relations] M.: Sovetskiı pisatel, 262 s. (In Russian)

Мýнен J. (1978). Teoriticheskvá problemy perevoda. Perevod kak iazykovoi kontakt. Voprosy teorii perevoda v zarýbejnoi lingvisike. [Theoretical problem of translation] M.: Mejdýnarodnye otnosheniya. S. 36-42. (In Russian)

Рескер Іа.І. (1950). O zakonomernyh sootvetstviyah pri perevode na rodnoi iazyk. Tetradı perevodchika. [On legislative amendments to the native language] M.: Mejdýnarodnye otnosheniya. S. 156-178. (In Russian)

Сýлейменова Е.Д. (1996). Kazahskiı ı rýsskie iazyki: Osnovy kontrastivnoi lingvisiki. [Kazakh and Russian languages: the basics of contrasting linguistics] Almaty: Demeý, 208 s. (In Russian)

Стрелковски G.M. (1979). Teoria ı praktika voennogo perevoda. [Theory and practice of military transfer] M., – 250 s. (In Russian)

Shaimerdenova N.J. (1994). Tolkovanie slov v hýdojestvennom proizvedeniı// Tezisy VIII Mejdýnarodnogo kongresa MAPRÁL. [Words in artistic production]. Segensbýrg, s. 174-177. (In Russian)

Шираев А.Ф. (1982). Posobie po sinhronnomý perevodý. Fransýzskiı iazyk. [We need a synchronous transfer] M., 301 s. (In Russian)

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Тіл білімі	Section 1 Linguistics	Раздел 1 Языкознание
<i>Madiyeva G.B., Karaman A.K.</i> English anthroponyms: their features and usage as a linguistic resource		4
<i>Ashinova K.A.</i> International terms in diplomacy		10
<i>Бекқожанова Г.Қ., Оспанова Г., Садуахас А.Н.</i> Жарнама мәтіндеріне лексико-семантикалық және функционалдық талдау		17
<i>Билал Гусейнага оглу Гусейнов</i> Внутрижанровые изменения в азербайджанском фольклоре (на основе образцов Муганского фольклора)		24
<i>Жонкешов Б.С., Үдербаев А.Ж.</i> География саласындағы қазақ тілінің баламасыз терминдері		30
<i>Ismagulova A.Ye., Gerfanova E.F.</i> Linguocultural peculiarities of Sh. Ualikhanov's works as reflection of national and historical flavor		37
<i>Қуанышева А.Б.</i> Место и роль метонимического образа в формировании средневекового фразефонда (на материале «Словаря русского языка XI-XVII вв.»).....		44
<i>Гезалова Наргиз Джафар кызы</i> Сравнительный анализ американского и британского вариантов английского языка: морфологический уровень		53
<i>Orazbekova I.G., Muldagaliyeva A.A., Rustemova A.I.</i> Sociocultural and linguistic aspects of advertising in Kazakhstan		61
<i>Өтебеков С.</i> Диуани Хикметтің Көкшетау нұсқасы және тілдік ерекшеліктері		70
<i>Сулейманова Рамиля Юсиф кызы</i> Дифференциальные семы в общих лексических единицах современного турецкого языка и диалектов азербайджанского языка.....		77
<i>Сағындықұлы Б., Құлжанова Б.Р.</i> Түркі тілдеріндегі тәуелдік жалғауларының пайда болу, қалыптасу тарихы		86
<i>Салжанова Л.Е., Мауленова Е.М.</i> Соотношение понятий «концепт» и «мир»		92
<i>Турдиева Д.А., Айтжанова Г.Д.</i> Особенности гендерной фразеологии в изучении лингвострановедческого аспекта неродственных языков		102
<i>Hasanova Lala Ramiz</i> Discourse and text as language units		111
<i>Шакиенова М.Т., Ташимханова Д.С., Баймаханбетов М.А., Оспанова У.А.</i> Автоматическое диагностирование манипулятивного дискурса (на материале корпуса русскоязычных интернет-публикаций)		117
2-бөлім Әдебиеттану	Section 2 Literary Criticism	Раздел 2 Литературоведение
<i>Агакишиева Саадат Ариф кызы</i> Художественные и стилистические особенности творчества Ханыманы Алибейли.....		128
<i>Гусейнова Гюнель Шукрат кызы</i> Пейзаж в народной лирике и современной азербайджанской поэзии		135
<i>Edrenova N.T., Akhmet A.N., Tursaliyeva L.A.</i> Man and era in the conceptual thinking of Maurice Simashko		143

<i>Илькин Мудафие кызы Эминова</i> Роль проф. Вели Хулуфлу в исследовании эпоса «Короглы»	149
<i>Пашаева Сахиба</i> Военная тема и четыре стихии (первоосновы) в эпосах «Короглу» и «Манас»	157
<i>Ахмедова Севиндж Сабир кызы</i> Дж. Г. Уиттьер и его место в истории американской литературы	164
<i>Хамраев А.Т., Нурагунова Г.М.</i> Художественно-эстетическая трансформация уйгурской литературы Казахстана в период Независимости	170

3-бөлім
Тіл мен әдебиетті
оқытудың әдістемесі

Section 3
Methods of teaching
language and literature

Раздел 3
Методика преподавания
языка и литературы

<i>Tattimbetova K.O., Tileubay G.K., Aden Zh.</i> Development of literary competences of students in the course of the analysis of works of Ivan Shehegolikhin	178
<i>Мамедова Айнура Али кызы</i> Рекомендации по обучению студентов языкового вуза чтению газетных материалов	184
<i>Абдол Э.Д., Утеуова А.Б., Кунасова А.Н., Маратова А.М.</i> Технологии контекстного типа, используемые в процессе иноязычно-профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка	192
<i>Aliyeva Gunay Dilgam</i> Of the intercultural communication skills of students through the Case method	199
<i>Ерназарова З.Ш.</i> Көсемше оралымды сөйлемдердің семантикалық аспектісі	207
<i>Ли Дуо, Ержанова Ф.М.</i> Разработка методики обучения РКИ с использованием коротких видео	217
<i>Tayeva R.M., Zuyeva N.Yu., Ongarbayeva M.S., Alimbayeva A.T.</i> Teaching language disciplines for master's students of language specialties	224

4-бөлім
Аударма теориясы

Section 4
The theory of translation

Раздел 4
Теория перевода

<i>Ван Юе</i> Модель обучения переводу в китайских вузах с точки зрения переводоведения	232
<i>Дүйсекова К.К., Мамаева Г.Б.</i> Культурный код и возможности его передачи (по следам перевода книги Абая «Слова назидания» на французский язык)	238
<i>Хайржанова А.Х., Мустағалиева Г.С., Бейсенбаева Р.Н.</i> Аударма теориясына қойылатын талаптар	244